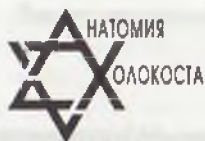

АНАТОМИЯ ХОЛОКОСТА

**ЖЕРТВЫ
НЕНАВИСТИ**

ИЛЬЯ АЛЬТМАН

ЖЕРТВЫ НЕНАВИСТИ

ХОЛОКОСТ В СССР
1941—1945 гг.

ФОНД «КОВЧЕГ»
КОЛЛЕКЦИЯ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»
Москва 2002

УДК 930
ББК 63.3-36
А 587

Автор идеи, продюсер и куратор проекта издания
серии «Анатомия Холокоста» **М. Агроскин**

Художник **А. Ларионов**

Фонд «Ковчег» выражает особую благодарность
и глубокую признательность тем людям и организациям,
которые проявили искреннюю заинтересованность
в появлении серии книг «Анатомия Холокоста»
и оказали бескорыстную помощь и своевременную поддержку
в работе над изданием этой книги:

•
*Российскому Еврейскому Конгрессу — за содействие в
проведении историко-архивных исследований 2000—2001 годов*

•
Семье Беккер (г. Москва)

•
Ерохину Андрею Владимировичу (г. Москва)

•
*Зильберману Аркадию Борисовичу
и Флейшеру Рафаилу Моисеевичу (г. Москва)*

•
Шрейнер Веронике Ефимовне (г. Москва)

ISBN 5-89048-110-X

© Фонд историко-архивных исследований и образовательных программ, 2002
© Н.А. Альтман, 2002

Вместо предисловия

Холокост... Так что же это было? Массовое безумие, проявление животной несправедливости примитивных дикарей, паранойя большей части населения целой страны с богатейшим культурным наследием, готового одобрить и исполнить самые бесчеловечные злодеяния по приказу своих вождей, чудовищный результат религиозно-исторических процессов развития общественных отношений?

Обращение вновь и вновь исследователей и публицистов, общественных деятелей и политиков к трагедии уничтожения миллионов евреев Европы в годы нацистской оккупации чрезвычайно важно сегодня повсеместно и особенно в нашей стране, где эта тема долгие годы оставалась в забвении. Если на Западе об этой ужасной трагедии говорили и писали открыто и громко, то у нас в стране смысл этого страшного слова — «Холокост» — мы узнали не так давно.

По отношению общества к Холокосту можно судить о его морали, здравьи и интеллекте, его желании и умении некоренять любые проявления экстремизма, шовинизма, ксенофобии, религиозной и национальной нетерпимости, вырабатывая в себе иммунитет от проникновения и распространения этих смертельно опасных болезней. Ведь человечество, к сожалению, не застраховано от рецидивов расовой политики в нацистском духе.

Созданный нами фонд «Ковчег» на протяжении ряда лет проводит поиск и изучение обширных и малоизученных архивных материалов по истории Холокоста, которые ранее не были доступны из-за закрытости архивных фондов. На основе проводимых исследований мы задумали подготовить к изданию серию книг, объединенных общим названием «Анатомия Холокоста».

В 1999 году вышла в свет первая книга из этой серии — «Начало начал. Германия 1933—1939». Она была представлена участникам международной конференции по проблемам Холокоста в Стокгольме в январе 2000 года. В дни работы конференции, объединившей глав государств, ученых и общественных деятелей из 47 стран мира, я предложил историку Илье Альтману сотрудничество, которое позволило в рамках упомянутой серии издать книгу о геноциде еврейского населения на оккупированной нацистами территории СССР. Предлагаемая читателю книга И. Альтмана «Жертвы ненависти» представляет логическое и хронологическое продолжение ранее вышедшего издания.

Массовое истребление еврейского населения в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны до сих пор остается одним из немногих малоисследованных сюжетов историографии темы. Недоступность архивных источников и идеологические причины не позволяли оте-

чественным и зарубежным историкам рассматривать эту проблему комплексно. Публикуемая монография имеет целью на основе исследованных автором материалов и документов научно обобщить многообразие разрозненных сведений и фактов о так называемом «окончательном решении еврейского вопроса» в нашей стране и создать целостную картину произошедшей Катастрофы.

Нельзя допустить, чтобы исчезла память о миллионах людей, уничтоженных только из-за их национальной и религиозной принадлежности. Мы, живущие сейчас, не имеем права не передать новым поколениям правду о Холокосте, сделав это как можно более взвешенно, достойно и убедительно, избегая при этом оскорбительных для памяти жертв этой трагедии искажений исторической действительности, крайностей, излишней поспешности и суетливости.

События последних лет и даже месяцев наглядно показали всем нам, как опасна и как живуча идеология и практика нацизма. Расистские и антисемитские лозунги, терроризм и вандализм под тенью свастики адресованы в нашей стране не только и не столько евреям — это верный и очень короткий путь к реализации идей нацизма и создания тоталитарного государства. Это нарастающая угроза для всех, кто признает незыблемыми ценностями гражданского общества свободу, демократию и уважение к правам человека.

Уроки Холокоста важны не только нам, евреям, это необходимо всем живущим на Земле, на которой не должно быть места для ненависти и экстремизма, где невозможно повторение гитлеровских, сталинских, полпотовских или любых других лагерей смерти. Мы — «люди друг другу...».

*Борис Хаит,
Президент фонда «Ковчег»*

ВВЕДЕНИЕ

Советская империя распалась, унеся с собой в прошлое многие страшные тайны. Холокост на территории СССР — одна из них. В течение почти полувека от исследователей — своих и зарубежных — были практически полностью закрыты архивы по этой теме. Осенью 1947 г. Управление агитации и пропаганды ЦК ВКП (б) вынесло окончательный приговор «Черной книге» — сборнику документальных очерков об уничтожении евреев СССР. Приступая в годы войны к реализации своего замысла, знаменитый тогда писатель и публицист Илья Эренбург услышал своеобразный наказ партийных чиновников:

«Работайте. Если книга получится хорошей, мы ее издадим».

Эренбург с сарказмом ответил:

«Это не тот роман, который может быть хорошим или плохим. Книгу пишем не мы, но немцы».

Инициаторы «Черной книги» хотели, чтобы о трагедии советских евреев узнал весь мир — ее планировалось издать на 11 языках. Всеволод Иванов и Василий Гроссман, Лидия Сейфуллина и Маргарита Алигер, Виктор Шкловский и Вениамин Каверин, десятки их коллег и помощников по крупицам собирали и обрабатывали письма, дневники, свидетельства.

«Хорошей» книга не получилась. ЦК ВКП (б) признал ее издание «не целесообразным». Забыть предлагалась не только о книге, — о самой теме еврейской трагедии¹.

«Там, где сжигают книги, потом сжигают людей», — говорил Генрих Гейне. Рукопись «Черной книги» и подготовительные материалы к ней не сожгли. Их на долгие годы упрятали в спецхран. Впрочем, копии статей стали «вещественными доказательствами». Многие приговоры людей, расстрелянных и посаженных в лагеря в 1949—1952 гг. по делу Еврейского антифашистского комитета в СССР (ЕАК), содержали упоминание об участии в проекте «Черная книга». Оно квалифицировалось как яркий пример «буржуазного национализма».

А затем наступили несколько десятилетий забвения. Об уничтожении советских евреев нацистами и их пособниками молчали школьные и вузовские учебники — эти факты не вписывались в традиционную идеологию о «мирных советских гражданах — жертвах фашизма». Тема оказалась закрытой в первую очередь для официальной академической историографии, присутствуя (в лучшем случае!) на ее периферии — в виде перечислительного ряда жертв нацизма. А ведь никакого формального цензурного запрета — «не упоминать еврейские жертвы» — не было. В многочисленных сборниках документов о преступлениях нацистов, изданных прежде всего в бывших оккупированных республиках, областях

и краях страны, опубликовано немало ценнейших источников по теме, ибо представить без них политику захватчиков было невозможно.

В то же время хотя и с немалыми сложностями — «обрезанные» редакторами, («незамеченные» критикой, — но выходили литературные произведения. О трагедии евреев СССР вспоминали публицисты, клейма оказавшихся на Западе местных националистов, а также лидеров и «пособников» мирового сионизма...

Почему же молчали историки? Только ли идеологические мотивы и недоступность архивов были причинами «ухода» от темы? Разумеется, нет. Более десяти лет эти преграды не существуют. Тем не менее специальной монографии или даже обобщающей статьи о Холокосте на территории СССР, изданной в России в академическом или солидном вузовском издательстве, до сих пор не было. И вновь напрашивается вопрос: почему? Для ответа на него необходимо кратко проанализировать советскую, зарубежную и постсоветскую историографию темы.

Перечень книг, статей, документальных сборников и публикаций по теме, изданных в разных странах и на многих языках, насчитывает несколько сотен названий². До начала 90-х гг. ход и особенности Холокоста на территории СССР, где произошло убийство почти половины всех уничтоженных нацистами евреев Европы, были плохо изучены как в Советском Союзе, так и на Западе. В предисловиях и комментариях к сборникам документов, а также в энциклопедических и научных статьях и обобщающих монографиях о преступлениях нацистов советские авторы обычно упоминали о еврейских жертвах прежде всего в Германии и других оккупированных нацистами странах, но не на территории СССР. В то же время изданные в 60-е гг. обобщающие работы о фашистском терроре в годы оккупации (особенно в Литве, Латвии и Белоруссии) содержали многочисленные сведения об уничтожении советских евреев, но рассматривалась эта тема в контексте уничтожения «мирных граждан»³.

Нет специальной статьи по теме и в энциклопедии «Великая Отечественная война. 1941—1945 гг.» (М., 1985). Однако в ней подведены своего рода итоги «советского периода» историографии Холокоста: приводятся данные о преследовании евреев нацистами, уничтожении евреев в лагерях смерти, количестве жертв геноцида евреев в СССР (не всегда точных). Появление этих сведений в статьях энциклопедии о нацистском терроре и оккупационном режиме означало фактическое признание темы.

Лишь в годы перестройки появляются отдельные книги и статьи отечественных авторов (например, изданная в 1990 г. в Киеве работа юриста Ю. Шульмейстера «Гитлеризм в истории евреев»), где тема Холокоста является центральной. Но и здесь речь идет в основном о жертвах Холокоста за пределами СССР.

Первое обобщение данных устных свидетельств о Холокосте в Восточной Белоруссии и северо-западных регионах России предпринял в

1990 г. Д. Романовский, статья которого была опубликована в альманахе еврейской культуры «Ковчег». Автор рассмотрел отношение к Холокосту нееврейского населения, его участие в уничтожении, ограблении и спасении своих еврейских соседей, а также некоторые аспекты индивидуального и коллективного сопротивления евреев⁴.

Таким образом, в советской историографии практически за весь период ее существования отсутствовали как специальные монографические исследования, так и публикации сборников документов, связанные с геноцидом евреев СССР.

Недостаточное внимание уделяли этой проблеме и ведущие западные исследователи, в том числе авторы фундаментальных обобщающих работ 60—80-х гг. известные американские и английские историки Рэуль Хилберг, Люси Давидович, Мартин Гильберт. Среди пионеров изучения темы следует назвать американского исследователя Соломона Шварца. В своей монографии по истории советского еврейства с начала Второй мировой войны, опубликованной в Нью-Йорке по-английски и по-русски соответственно в 1965 и 1966 гг., он уделил большое внимание проблемам эвакуации советских евреев и достоверности источников (особенно немецких) для определения статистики жертв⁵. Ви́ла Орбах в середине 70-х гг. опубликовала первую на английском языке специальную статью о Холокосте на территории СССР, в которой приведено немало интересных примеров о повседневной жизни в гетто на советской территории. Автор, в частности, проанализировала демографический состав узников смоленского гетто, а также дала перечень из нескольких десятков установленных сю мест принудительного содержания советских евреев. Между тем оценка автором потерь еврейского населения на территории СССР явно занижена⁶. В большинстве работ, опубликованных в этот период на Западе и в Израиле, преследование и уничтожение евреев СССР освещается весьма фрагментарно. Выделим фундаментальную работу Исайи Трунка⁷, который не только рассмотрел деятельность еврейских советов, но осветил практически все вопросы организации и функционирования гетто в Восточной Европе. Автор собрал и обобщил огромный фактический материал, в том числе о гетто Прибалтики, Западной Белоруссии и Украины. К сожалению, крайне мало источников было привлечено И. Трунком о гетто в СССР в границах 1939 г., а гетто на территории России вообще не упоминаются.

Комплексному исследованию проблемы в рассматриваемый период мешала прежде всего «холодная война». Уничтожение евреев СССР началось под лозунгами борьбы с «иудо-большевизмом»: нацисты называли евреев носителями «коммунистической идеологии», на них «списывали» все преступления сталинского режима. Этот политический аспект Холокоста (в отличие от расового) длительное время мало учитывался на Западе. Именно по политическим мотивам занижалось и число советских жертв Холокоста. Подсчеты велись в границах на 1 сентября 1939 г., по-

этому не учитывались те евреи, которые проживали к этому времени на территориях в Восточной Польше, прибалтийских странах и части Румынии, присоединенных к СССР в 1939—1940 гг. Таким образом исследователи исключали из числа жертв Холокоста в СССР почти два миллиона евреев, являвшихся гражданами Советского Союза к 22 июня 1941 г.

Лишь в период перестройки в западной и израильской историографии наметилась тенденция рассматривать нацистскую политику в отношении всех евреев на оккупированной гитлеровцами и их союзниками советской территории как единый процесс, вытекающий из политических целей войны Германии против СССР. В последние годы здесь опубликовано немало интересных монографий и статей по теме.

Важной вехой в изучении темы стал опубликованный в 1990 г. в Иерусалиме на русском языке сборник работ известного израильского исследователя Ицхака Арада «Холокост» (первый тираж книги имел название «Холокауст»). Здесь был помещен первый обзор советской историографии проблемы с 1939 г. до середины 80-х гг. Ицхак Арад справедливо отмечал, что отражение темы Холокоста в советской исторической науке было прямым следствием отношения к «еврейскому вопросу» в целом. На международной конференции «Холокост в СССР» (Нью-Йорк, 1991) американский профессор Цви Гительман подчеркнул важную особенность советской историографии: она не просто «замалчивала тему Холокоста», но отказывалась признать ее «уникальность», не выделяя сведения об уничтожении евреев нацистами в самостоятельную исследовательскую проблему⁸.

В указанной выше книге И. Арада была опубликована и одна из первых специальных статей о Холокосте евреев СССР⁹. Автор впервые аргументировал количество их жертв — около 3 миллионов человек; показал идеологические аспекты нацистской политики; проанализировал деятельность айзатцгрупп и этапы уничтожения советских евреев; осветил еврейское Сопротивление в подпольных организациях и партизанских отрядах.

Ряд интересных постановочных статей был опубликован в периодических изданиях и материалах международных конференций, первой из которых стала упомянутая выше специальная конференция «Холокост в СССР». Наиболее интересные доклады с использованием фактологического материала были представлены на ней израильскими и польскими исследователями.

В последнее десятилетие появились новые ценные работы на английском и немецком языках об организации нацистского оккупационного режима и террора на территории СССР, деятельности особых карательных подразделений («айзатцгрупп») на оккупированной советской территории, роли вермахта в Холокосте, местных пособниках палачей и конфискации еврейского имущества¹⁰. Особенно интенсивно разрабатывают данную тему в последние несколько лет немецкие историки, активно работающие с документами карательных органов и учреждений нацистского оккупационного режима¹¹. Особый интерес в немецкой ис-

ториографии темы представляет изучение Холокоста по отдельным регионам (Галиция, Белоруссия, Транснистрия)¹². Отметим прежде всего исследование Кристиана Герлаха (о дате принятия нацистскими лидерами плана «окончательного решения», взаимосвязи экономических и расовых целей при уничтожении евреев Белоруссии, о влиянии Холокоста на судьбы других национальных групп населения в Белоруссии)¹³.

В 90-е гг. наблюдается значительный интерес израильских исследователей к теме Холокоста на территории СССР. Эту тему интенсивно разрабатывает Ицхак Арад, который впервые рассмотрел вопросы об уникальных чертах Холокоста в СССР, отношении к нему советского правительства и различных церквей, ограблении собственности советских евреев. Большинство из его статей на эту тему вышло на русском языке¹⁴.

Несколько серьезных работ опубликовано по истории уничтожения евреев Украины. В 1990 г. на английском языке опубликована книга Шмуэля Спектора о Холокосте евреев Вольши¹⁵, имеющая большое методологическое значение в плане работы с источниками и в особенности по исследованию «повседневной жизни» евреев в гетто, составе и деятельности юденратов, организации принудительного труда, подпольных организациях в гетто и участии евреев в партизанском движении. В 1999 г. на русском языке опубликована монография Элияху Йонеса «Евреи Львова в годы Второй мировой войны и Катастрофы европейского еврейства. 1939—1944», в которой исследуются вопросы уничтожения узников самого крупного гетто на территории СССР, деятельность юденрата и еврейской полиции.

Интенсивно разрабатывается в последние годы история Холокоста в румынской зоне оккупации. В 1993 г. на русском языке вышла книга израильского ученого Д. Дорона (Спектора) «Кишиневское гетто — последний погром», в котором прослежена судьба евреев Молдавии, антиеврейские мероприятия румынской оккупационной администрации, деятельность юденрата и еврейское Сопротивление в кишиневском гетто. К сожалению, автор не имел доступа к вновь открытым фондам бывших советских архивов. Этапы и масштабы уничтожения и депортации евреев Молдавии, Бессарабии, Буковины раскрыты в работах американских и израильских авторов Р. Брэхема, Д. Офер, Й. Алхела и особенно в недавно опубликованной монографии Раду Иоанида «Холокост в Румынии. Уничтожение евреев и цыган режимом Антонеску. 1940—1944»¹⁶. В этой книге содержится ценный документальный материал, почерпнутый из фондов румынских оккупационных учреждений на территории СССР. Это позволило Р. Иоаниду уточнить важные вопросы об организации гетто в Транснистрии, количестве узников, организации им помощи со стороны еврейской общины, показать масштабы зверств румынских войск и ответственность за Холокост правительства Антонеску. Как справедливо отметил в предисловии к книге Эли Визель, зверские спо-

события уничтожения евреев румынской жандармерией мало отличались от садизма гитлеровцев, а иногда и превосходили его¹⁷.

В то же время из названия и содержания монографии Р. Иоанида сложно понять, что жертвами такой политики были не «евреи Румынии», а являвшиеся гражданами СССР евреи Бессарабии, Молдавии и Буковины. Именно они составили подавляющее большинство всех жертв Холокоста среди тех, кого Р. Иоанид причисляет к румынским евреям. Таким образом, отмеченные выше реликты «холодной войны» отнюдь не изжиты. Неоправданным представляется нам и объединение евреев и цыган как «жертв Холокоста», вынесенное в подзаголовок монографии.

К сожалению, в современной американской историографии встречаются досадные ошибки и неточности о Холокосте на территории СССР. Это касается и определения гражданства жертв, и их количества на территории Советского Союза. В предисловии к последнему изданию полного текста «Черной книги» число жертв «русских» евреев (именно так авторы обозначают советских жертв Холокоста, что нашло отражение в заголовке книги) Ирвинг Хоровиц определяет в один миллион человек¹⁸. В других предисловиях содержатся существенные искажения истории создания и публикаций этого литературного памятника. Так, утверждается, что книга издавалась в СССР и США в 1946 г.; вариантом издания названа совершенно самостоятельная публикация «Неизвестная Черная книга»¹⁹.

Насыщенная документами и воспоминаниями книга Владимира Левина и Давида Мельцера «Черная книга с красными страницами (Трагедия и героизм евреев Белоруссии)», изданная в 1996 г. на русском языке в Балтиморе (США), может служить одним из наиболее ярких примеров «политизированной истории» Холокоста. Авторы прибегают к прямой фальсификации, утверждая, что анкетирование евреев Бреста провели не нацисты, а советские власти накануне войны с целью депортации евреев. Показательно, что Сталина они называют «пособником Гитлера» по организации еврейского геноцида. Отметим также небрежное археографическое оформление при публикации текста документов.

В немецкой и израильской историографии также активно разрабатывается тема Холокоста и еврейского Сопротивления в Белоруссии. Несколько важных работ (о еврейских беженцах, особенностях и отличиях Холокоста в Западной и Восточной Белоруссии, о влиянии демографического состава и географии проживания евреев СССР на Холокост) опубликовал профессор Мордехай Альтшуллер²⁰.

Отметим цикл опубликованных в России, Белоруссии и США работ израильского автора Даниила Романовского²¹, проанализировавшего западную историографическую тему и выделившего (преимущественно с использованием методов «устной истории») ключевые вопросы истории Холокоста в Восточной Белоруссии и на Северо-Западе России, а также впервые осветившего тему взаимоотношений еврейского и местного населения в этих регионах.

Многоаспектное исследование «Катастрофа евреев в Белоруссии. 1941—1944», подготовленное Леонидом Смиловицким, издано в 2000 г. в Израиле. Автором рассмотрены вопросы о судьбе еврейских детей в годы Холокоста; конфискации еврейской собственности; деятельности еврейских партизанских отрядов и семейных лагерей; антисемитизме в партизанских отрядах; спасении евреев представителями других национальностей.

Теме еврейского Сопротивления в подпольных группах и партизанских отрядах Белоруссии посвящено несколько работ израильского исследователя Шалом Холавского (в прошлом организатора восстания в гетто Несвижа и советского партизана)²². Проблему вооруженного сопротивления евреев Литвы плодотворно исследует Дов Левин, рассмотревший в своих статьях и монографиях многие аспекты еврейско-литовских отношений накануне и во время Холокоста²³.

Результатом открытия бывших советских архивов и появления многих новых исследований стало более полное отражение данной темы в трехтомной энциклопедии, подготовленной сотрудниками института «Яд Вашем» и изданной в 2001 г. в США. В ней упомянуты несколько сот населенных пунктов, где были места принудительного содержания и уничтожения евреев СССР, в том числе на территории России²⁴.

В 2000 г., после Стокгольмской конференции, это сотрудничество получило новый импульс в связи с выходом на русском языке (с предисловием премьер-министра Швеции и заместителя Председателя Правительства России) книги шведских авторов С. Брухфельда и П. Левина «Передайте об этом детям Вашим... История Холокоста в Европе. 1933—1945» (М.: Текст, 2000). Это первая книга по теме, опубликованная в постсоветских государствах массовым тиражом. В нее включен дополнительный раздел: «Холокост в Советском Союзе». В 2001 г. вышла подготовленная также при нашем участии 7-я часть учебника по курсу «Катастрофа европейского еврейства» Открытого университета Израиля, где нашли отражение некоторые дискуссионные вопросы темы²⁵. Из этих примеров видно, что исследование истории Холокоста на территории СССР в последнее десятилетие интенсивно проводится учеными разных стран.

Указанные работы, а также публикации — в том числе в государствах СНГ и Балтии — некоторых других зарубежных авторов (в частности, Владимира Косика из Франции; Чеслава Мадайчика из Польши; Арона Вайса, Даниила Романовского, Леонида Смиловицкого, Семена Швейбиша из Израиля; Ханса Хеера из Германии; Андриаса Эзергалиса из США)²⁶ оказали определенное влияние на становление историографии Холокоста в постсоветских государствах.

Выделим некоторые характерные черты и особенности современной историографии истории Холокоста в постсоветских государствах. С начала 90-х гг. в Москве, Киеве, Харькове, Запорожье, Вильнюсе, Риге регулярно проводятся международные конференции, специально посвя-

ценные теме Холокоста либо рассматривающие ее как одну из центральных. Публикации материалов таких конференций становятся важными историографическими фактами. Например, в 1995—1999 гг. были опубликованы материалы проходивших в Москве трех международных симпозиумов «Уроки Холокоста и современная Россия»²⁷. В последние годы тема Холокоста занимает весьма важное место в работе ежегодных международных междисциплинарных конференций по нудайке, организуемых центром «Сэфер». Таким образом, международное сотрудничество стало важным фактором становления историографии темы в государствах СНГ и Балтии.

Любопытно, что работы, изданные в различных государствах СНГ, нередко посвящены Холокосту на всей территории СССР или других бывших советских республик (эту специфику названия книг отражают отнюдь не всегда). Так, в серии «Российская библиотека Холокоста» изданы учебные пособия, сборник документов, несколько воспоминаний, посвященные Холокосту на территории всех республик Советского Союза²⁸.

В Украине данная тема интенсивно разрабатывается с начала 90-х гг. Именно здесь (в Киеве и Запорожье) в 1991 г. была выпущена массовым тиражом «Черная книга». Именно здесь была защищена А.Е. Подольским первая в СНГ кандидатская диссертация по теме Холокоста²⁹. В 1997 г. вышла первая обобщающая монография о Холокосте на территории одной из бывших республик СССР³⁰. Ее автор, Ф. Л. Левитас, анализирует не только нацистский геноцид в Украине, но и детально рассматривает отношение к Холокосту властей СССР и других государств (а не только Украины), проблемы еврейского Сопротивления и участия евреев в войне, а также (впервые среди историков Украины и на новом документальном материале) вопросы еврейско-украинских отношений.

Отметим многолетние исследования по истории Холокоста в Западной Украине профессора Я. С. Хонигсмана. Последняя монография этого автора содержит не только ценный фактический материал, в частности, о гетто и хронике нацистского геноцида в Западной Украине, но и отражает некоторые проблемы истории Холокоста на всей территории СССР³¹.

Определенной основой в изучении темы является изданная в 1999 г. в Киеве под грифом Национальной Академии наук Украины коллективная монография «Катастрофа и сопротивление украинского еврейства (1941—1944)» под редакцией С.Я. Елисаветского. В ней собраны статьи ведущих украинских исследователей темы Холокоста во всех регионах страны. Значительная часть книги посвящена вопросам участия евреев в подпольном и партизанском движении на территории Украины.

Существенное значение для определения численности жертв Холокоста на территории СССР имеют исследования харьковского ученого А.И. Круглова, впервые проанализировавшего, преимущественно по немецким источникам (с привлечением официальных советских документов), статистику уничтожения евреев Украины³².

Важной особенностью историографии темы в Украине является активное издание книг и документальных сборников на местах. Изучение Холокоста на региональном уровне ведется различными методами. Опубликована (на базе немецких документов) статистика жертв Холокоста по областям и хронология геноцида. Публикуются сборники архивных документов и свидетельств³³. Небольшие брошюры изданы на городском, районном, областном и региональном уровнях³⁴. Представляет интерес исследование И. М. Левитаса, проанализировавшего весь комплекс источников о Бабьем Яре³⁵.

История Холокоста на территории Молдовы и судьбе молдавских евреев в гетто Транснистрии была посвящена небольшая статья И. Пилата³⁶ — одна из первых по данной проблематике в советской историографии. Холокост на территории Транснистрии (прежде всего в Винницкой области и Одессе) отражен в книгах, вышедших в Украине, среди которых следует выделить документированные воспоминания Л. Сушона³⁷.

Для работ, вышедших в Украине, Беларуси, Латвии, характерен большой интерес к теме «Праведников Народов Мира» — тем, кто спасал евреев от преследований нацистов и их пособников. Показательны в этом плане изданные в Киеве соответственно в 1993 и 2002 гг. книги Я. Суленского «Настоящие герои» (на украинском языке) и И. М. Левитаса «Праведники Бабьего Яра». В 1998 г. на украинском языке издана интересная монография Ж. М. Ковбы «Человечность в пропасти ада», посвященная спасателям евреев в Галиции и затрагивающая вопросы участия местного населения в преследовании и истреблении евреев. Автор (как и несколько ранее Ф. Л. Левитас) детально рассмотрела вопрос об отношении к Холокосту различных политических течений украинских националистов, подчеркивая сложность и неоднозначность этого процесса.

По мнению Ю. М. Ляховицкого, тема коллаборационизма и пособничества оккупантам со стороны местных жителей и организаций украинских националистов не получила еще в Украине должной научной и политической оценки³⁸. Впрочем, данное наблюдение характерно для историографии последнего десятилетия всех постсоветских государств.

Многочисленные исследования по истории Холокоста появились и в Беларуси. Первая попытка обобщения материала по теме предпринята в книге Э. Г. Иоффе «Страницы истории евреев Беларуси» (Минск, 1996). Poleмические, документальные и историографические материалы о Холокосте опубликованы в нескольких выпусках сборника «Евреи Беларуси. История и культура» (Минск, 1995 — 2001), изданных под редакцией И. М. Герасимовой.

Значительное число документов и богатый статистический архивный материал о числе жертв, местах и датах их уничтожения введен за последние годы в научный оборот в двух изданиях (в 1995 и 1997 гг.) сборника статей и документов «Трагедия евреев Беларуси в 1941—1944 гг.», подготовленных Р. А. Черноглазовой. Здесь же помещен перевод статьи немец-

кого исследователя Ханса Хеера об участии вермахта в Холокосте на территории СССР — первая по данной проблематике на русском языке.

Число жертв Холокоста в соответствии с данными официальной белорусской историографии, по мнению Р.А. Черноглазовой, составляет 400 000 человек. Э.Г. Иоффе и ряд других исследователей полагают, что эта цифра в два раза выше.

Краеведческие и научно-популярные работы о Холокосте в различных городах Беларуси (Барановичи, Борисов, Брест, Витебск, Орша) публиковались с начала 90-х гг. Степень их научного уровня определялась задачей исследования — показать основные факты и опубликовать документы о трагедии евреев этих населенных пунктов. Эти книги и позволяют читателю получить информацию о датах и местах расстрелов, политике оккупационного режима, количестве жертв.

На качественно ином исследовательском уровне (на наш взгляд, это сделано впервые в постсоветской историографии) выполнена работа Е.С. Розенבלата и И.Э. Еленской «Пинские евреи. 1939 — 1944» (Брест, 1997). На основе богатого архивного материала и воспоминаний авторам удалось проанализировать повседневную жизнь узников, их использование в качестве рабочей силы, деятельность иуденрата и политику оккупационных властей.

Данная тематика была продолжена в кандидатской диссертации Е.С. Розенבלата «Нацистская политика геноцида в отношении еврейского населения на территории западных областей Белоруссии (1941 — 1944 гг.)»³⁹ — первой по теме в Республике Беларусь. В ней проанализирован большой фактический материал об организации и функционировании гетто, статистике жертв, роли иуденратов в обеспечении выживания узников. Особую ценность представляют данные о социально-экономическом положении узников и особенностях их правового положения на оккупированной территории.

Немало интересных работ опубликовано местными и зарубежными авторами в странах Балтии. Ценные документальные исследования о гетто Вильноса и мемориалах Холокоста изданы в Литве⁴⁰. Двухтомный сборник документов и свидетельств «Книга спасения» о Холокосте преимущественно на территории Латвии издал в 1993 г. писатель Леонид Коваль (в 2001 г. вышел третий том книги). Одна из самых полемичных работ по теме — опубликованное в Риге под грифом Академии наук Латвии исследование американского ученого Андриса Эзергайлиса⁴¹. Он ставит под сомнение достоверность данных об участии местного населения в Холокосте из документальных сборников КГБ о латышах — пособниках нацистов в годы войны, изданных в Латвийской ССР в 1960—1970-е гг. По мнению автора, в документах Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний оккупантов завышено число жертв Холокоста в Латвии. В то же время автор подробно описывает зверства нацистов над евреями, стремится объективно изложить участие латышей в спасении евреев.

Специальное исследование Евгения Гуриш-Лоов «Холокост эстонских евреев. 1941» издано в 1994 г. в Таллине на эстонском и английском языках. Оно позволило уточнить количество жертв и особенности выявления и уничтожения евреев этой страны.

Крайне фрагментарно изучена история Холокоста на территории России. Появились лишь отдельные статьи Д. Романовского, А. И. Круглова, израильского исследователя Вадима Дубсона (о еврейских жертвах на территории ряда областей, организации гетто и повседневной жизни узников), а также небольшие работы краеведческого характера А. С. Френкеля (о Холокосте в г. Пушкин), Т. М. Отерштейна (об уничтожении евреев в Таганроге), В. В. Шарлота (о судьбе евреев Орла), М. Е. Стеклова (о Праведниках Народов Мира на Смоленщине)⁴². И. И. Цымапом подготовлена документально-публицистическая книга о жертвах Холокоста и узниках гетто на территории Смоленской области, которая наряду с интересным фактическим материалом (в частности, о евреях-партизанах) содержит немало неточностей, прежде всего по статистике жертв⁴³.

Важным фактором, свидетельствующим о новых тенденциях в отношении к теме Холокоста в России, является включение его отдельных аспектов в обобщающие монографии и статьи по различным проблемам истории Великой Отечественной и Второй мировой войны. Сравнительно недавно в российской историографии стали освещаться и такие сложные (не только в научном, но прежде всего в морально-политическом аспекте) темы, как коллаборационизм и ответственность власти за судьбы своих сограждан, оказавшихся в оккупации, плену и угнанных в Германию.

Они поставлены и исследованы в 4-м томе «Народ и война», коллективной монографии «Великая Отечественная война. 1941—1945», изданной в 1998 г. под грифом нескольких академических институтов. Эта работа отражает последние достижения отечественной историографии. В книге по-новому освещаются многие важные проблемы оккупационного режима, в частности впервые подробно затронута проблема коллаборационизма. Однако и здесь евреи не выделены в отдельную категорию жертв (отмечаются лишь «особо жестокие гонения на них»), значительно уменьшено число советских жертв Холокоста (симптоматично, что сам этот термин в книге не употребляется) — упомянуты 1 050 000 уничтоженных советских евреев⁴⁴.

В 2000 г. под грифом Академии военных наук издано многоаспектное исследование М. И. Семиряги о коллаборационизме в Европе⁴⁵. Автор рассмотрел истоки, формы и методы проявления коллаборационизма во всех европейских государствах, оккупированных Германией. Несомненным достоинством книги является наличие раздела «Холокост», которым открывается глава «Участие коллаборационистов в проведении фашистского террора». К сожалению, Холокосту на территории СССР и участию в нем (в том числе — идейном) коллаборационистов не

уделено должного внимания. Евреи фактически не выделены (в отличие от коммунистов, комсомольцев, советских активистов и парторботников Красной Армии) в специальную категорию жертв на советской территории. За исключением Киева и Минска, о евреях не упоминается в приводимом автором перечне массовых казней в других регионах, в том числе Харькове, Львовской области, Прибалтике, Краснодарском крае⁴⁶. В разделе «Трагедия военного плена» не рассматривается судьба советских военнопленных-евреев. Принципиальной неточностью монографии является определение целей создания оперативных (афизатц) групп, подчинявшихся рейхсфюреру СС и начальнику Главного управления безопасности рейха. Автор утверждает, что они были организованы для «массового уничтожения русских, поляков, евреев и цыган»⁴⁷. Между тем их деятельность на территории СССР была направлена против «политических противников» Германии, к которым были отнесены и евреи. Русские и поляки (как и представители любой другой национальности, кроме цыган) никогда не становились объектом преследований и уничтожения лишь по этническому признаку. Раздел о Холокосте (по мнению автора, общее число его жертв составило «более 7 млн евреев») завершается довольно неожиданным выводом, что «масштабы физического истребления еврейского населения в Европе... отходят на задний план в сравнении с массовым геноцидом цыган»⁴⁸.

В последней монографии Г.В. Костырченко на основе новых архивных источников рассмотрены некоторые важные вопросы отношения советского правительства к Холокосту (прием еврейских беженцев из Германии в 30-е гг.; отношение к беженцам-евреям из Польши после начала Второй мировой войны; реакция властей на антисемитскую пропаганду; рост антисемитизма в СССР в годы войны и ответственность за это Сталина и его ближайшего окружения; деятельность Еврейского антифашистского комитета в СССР)⁴⁹.

Эти проблемы постепенно находят свое место и в научно-популярной литературе. Так, Л.А. Безыменский впервые рассмотрел вопросы о подготовке и публикациях официальных заявлений и информации о Холокосте евреев СССР⁵⁰. В книге Б.В. Соколова «Оккупация. Правда и мифы», изданной в серии «Исторические расследования» в 2002 г., имеется раздел «Окончательное решение еврейского вопроса», где приведены ценные сведения об антисемитской пропаганде и отношении к евреям в советских партизанских отрядах. Автор справедливо утверждает, что «одна из главных целей Германии во Второй мировой войне — полное истребление евреев Европы». В книге приведено число евреев, уничтоженных на советской территории (от 2 до 3 млн человек, включая полмиллиона иностранных граждан)⁵¹.

Между тем при изучении локальной и общей статистики жертв остается много неясного. Методике подсчета погибших посвящена специальная статья М.С. Куповецкого⁵². В этой области интенсивно работа-

ют также израильские ученые М. Альтшуллер и И. Арад. Однако расхождения в опубликованных цифрах жертв Холокоста на территории СССР довольно значительны⁵³.

Приведенный краткий обзор историографии постсоветских государств по теме исследования показывает, что за последние годы здесь появился целый ряд работ, основанных на ранее недоступных архивных материалах. Их авторы рассматривают историю Холокоста как в региональном аспекте, так и в масштабах республик бывшего Советского Союза. К положительным тенденциям следует отнести заметное расширение проблематики. Исследователей все больше интересует не только хроника уничтожения еврейского населения, поведение нацистов и их жертв, проблемы еврейского Сопротивления, но и более широкий круг вопросов.

Среди них — влияние присоединения к Советскому Союзу Восточной Польши, стран Балтии, Буковины и Бессарабии в 1939—1940 гг. на судьбы евреев после нападения Германии на СССР; особенности Холокоста на территории Советского Союза; этапы уничтожения еврейского населения СССР; сравнительный анализ судьбы евреев в различных зонах оккупации; отношение Советского правительства к Холокосту; проблемы эвакуации евреев; взаимоотношения еврейского и нееврейского населения; роль и особенности нацистской антисемитской пропаганды в периодической печати; роль юденратов и еврейской полиции; экономическое положение и условия жизни узников; использование их принудительного труда; еврейское Сопротивление; роль ЕАК в изучении и документировании истории Холокоста.

Многие из этих вопросов лишь затронуты и нуждаются в дальнейшем исследовании. Слабо освещена история Холокоста в зоне военной администрации и некоторых регионах, находившихся под юрисдикцией гражданских властей. Назрела необходимость создания обобщающих монографий по отдельным республикам бывшего СССР. По некоторым из них (Россия и Литва) они отсутствуют вовсе. По другим (Беларусь, Украина, Эстония) — носят фрагментарный характер либо написаны зарубежными авторами (Латвия, Молдова). Наименее же изучена история Холокоста на территории России. Дискуссионным является вопрос об особенностях Холокоста на территории СССР в целом и его отдельных регионах. Недостаточно изучены и вовлечены в научный оборот архивные документы, а также воспоминания очевидцев и издававшаяся на оккупированной территории периодическая печать.

К сожалению, тема Холокоста представлена весьма фрагментарно на страницах академических и исторических журналов постсоветских государств (за исключением отчасти Украины). Можно констатировать, что подходы многих авторов учебных пособий и монографий к теме еврейских жертв на территории СССР изменились лишь формально.

Вероятно, как в советский период, так и сегодня тема Холокоста на территории СССР не представляется научно значимой многим нашим

коллегам по нескольким причинам. Во-первых, с точки зрения соотношения жертв войны — еврейских и нееврейских. Ни в одном из других оккупированных нацистами государств (отчасти за исключением Польши) потери мирного населения (не говоря уже о потерях на фронте) не были столь велики, как в Советском Союзе. В связи с этим сам выбор темы Холокоста как объекта научного исследования (даже на уровне дипломных работ в вузах) нередко встречает внутреннее отторжение и даже подозрительность профессиональных историков «советской» школы. Во-вторых, такое отношение к теме Холокоста лежит в области социальной психологии. По мнению С. Кудряшова, «победа над Германией обрека в СССР почти сакральный смысл», поэтому «подобный акцент на большие жертвы еврейского населения как бы прищипал страдания других народов»⁵⁴.

Возможно, что еще одна из причин — сравнительно немногочисленные жертвы еврейского населения именно на территории нынешней Российской Федерации. Но ведь они были в каждой области и каждом крае, оккупированных нацистами. Да и сама история Великой Отечественной войны — самый трагический и героический период в истории народов Советского Союза — не рассматривается российскими историками лишь в масштабе РСФСР.

Наконец, на наш взгляд, важнейшая причина «внутреннего отторжения» данной проблематики отечественными исследователями — недостаточное освещение в современной историографии темы Холокоста в контексте истории Великой Отечественной войны, и прежде всего организации и особенностей нацистского геноцида на советской земле. Сказывается и недостаточная разработанность в отечественной историографии многих проблем оккупационного режима, в частности экономической и социально-культурной политики нацистов и их союзников, а не только массовое уничтожение людей.

Между тем опубликованный корпус источников по теме в разных государствах весьма представительен. Отметим изданный на английском языке еще в 1988 г. сборник сводных отчетов айнзатцгрупп о деятельности на территории СССР в 1941—1943 гг., содержащих специальные разделы о «решении еврейского вопроса», в которых приводятся данные о числе жертв Холокоста по разным регионам⁵⁵. Отчеты различных карательных подразделений, преимущественно айнзатцгрупп, о Холокосте в Украине изданы в 1996 г.⁵⁶

Первый научный сборник документов по теме на русском языке («Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941—1944)» под редакцией Ицхака Арада) вышел в 1992 г. в Иерусалиме. При содействии и с участием израильских коллег в России и Украине в 1993—1998 гг. были изданы несколько сборников статей, документов и воспоминаний⁵⁷. Сборники «Неизвестная Черная книга» (М.: Иерусалим, 1993) и «Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941—1948. Докумен-

тированная история» (вышел в Москве в 1996 г. под редакцией Шимона Редлиха и Г.В. Костырченко) включают новые интересные документы о коллаборационизме на территории СССР и отношении Кремля к Холокосту. Они явились результатом сотрудничества российских и израильских историков и архивистов.

В последние годы частично введены в научный оборот (Р.А. Черноглазовой и Ф.Д. Свердловым) данные советских и немецких источников о Холокосте в Беларуси и материалы из фондов Красной Армии периода войны, а также документальные свидетельства жертв Холокоста, созданные непосредственно в военные годы⁵⁸. В сборниках документов о Великой Отечественной войне и немецком оккупационном режиме на территории СССР и его отдельных республиках нередко встречаются публикации документов по интересующей нас теме⁵⁹.

Подавляющее же большинство документальных источников о Холокосте на территории СССР остается неопубликованным. Вот почему при подготовке книги использованы фонды 23 центральных, местных и ведомственных архивов из 16 городов России и СНГ, а также архивные коллекции Музея Холокоста США (USHMMA) в Вашингтоне, института «Яд Вашем» в Иерусалиме и музея «Лохамей-ха-Геттаот» (Израиль) и Музея депортации евреев Бельгии в Мехелене.

В Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), где концентрируется наибольшее количество документов о Холокосте на территории СССР, нами использованы фонды Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов и их пособников (далее — ЧГК), Нюрнбергского процесса, Еврейского антифашистского комитета в СССР (далее — ЕАК), Советского информационного бюро (Совинформбюро; далее — СИБ). В фонде ЧГК проанализированы Акты (по районам и областям) об истреблении еврейского населения и конфискации его имущества. В сведениях о гибели мирных жителей обязательно указывались общее число жертв (эти данные не полны и нуждаются в проверке; нередко еврейские жертвы в них не выделены), а также места массовых расстрелов. Особый интерес представляют свидетельства жертв Холокоста, в том числе — освобожденных из нацистских лагерей смерти. В особую опись фонда ЧГК выделены документы, захваченные у пленных или найденные у убитых солдат и офицеров вермахта.

Эти материалы нуждаются в сопоставлении с более подробной первичной документацией, отложившейся в фондах республиканских и областных Комиссий содействия ЧГК. Они проанализированы нами в Центральном государственном архиве высших органов Украины (ЦГАВОВУ) в Киеве, Национальном архиве Республики Беларусь (НА РБ) в Минске, а также областных архивах Бреста, Вильнюса, Одессы, Орла, Смоленска, Харькова, Черновца, Краснодарского края, Республики Калмыкия. Аналогичные документы из госархивов Брянской, Ка-

лужской, Псковской, Тверской областей, которые хранятся в копиях в коллекции М-62, изучены нами в архиве Национального института истории Катастрофы и героизма еврейского народа «Яд Вашем» в Иерусалиме (далее — АЯВ).

В указанных архивах Клева и Минска значительный интерес представляют также фонды республиканских Комиссий по истории Великой Отечественной войны (с копиями актов местных ЧГК и трофейных немецких документов). Здесь же хранятся фонды рейхскомиссариатов «Остланд» и «Украина» и их местных подразделений, а также карательных органов нацистов, документы которых позволяют проследить организацию Холокоста.

В фондах местных городских управ деятельность гетто отражена наиболее полно. Так, в Брестском облгосархиве сохранился уникальный комплекс анкет и фотографий всех узников гетто Бреста и частично Пинска старше 14 лет; документы о деятельности ряда Judenräte; налогах и штрафах узников; использовании их принудительного труда.

В фонде «Нюрнбергский процесс» в ГА РФ представлены наиболее важные подлинные документы ЧГК и захваченных учреждений Третьего рейха. Особую целостность представляют дневниковые записи секретаря Judenрата гетто в литовском городе Шавли (Шяуляй) учителя А. Брусалимского и дневник украинского школьника Р. Кравченко из города Кременец.

В фонде ЕАК нами привлекались подготовительные материалы к «Черной книге», протоколы и стенограммы заседаний ЕАК, его переписка. Значительная часть этих документов свидетельствует об участии местных коллаборационистов в уничтожении евреев.

Среди использованных материалов фонда Совинформбюро за 1941 — начало 1942 г. выделим копии сводок и других информационных материалов НКВД о положении на оккупированной территории, которые готовились для советского руководства, а также копии захваченных у нацистов личных и служебных документов.

В Российском государственном военном архиве (бывший «Особый архив») нами использован фонд Главного управления безопасности рейха (РСХА), а также документы румынских оккупационных властей, отражающие историю Холокоста в Молдавии и Транснистрии.

Фонды органов управления провинций Транснистрия и Буковина изучены нами соответственно в госархивах Одесской и Черновицкой областей. Они содержат немало сведений об имущественном положении, повседневной жизни и использовании евреев на принудительных работах.

Эта тема изучалась также по документам органов местного оккупационного режима в Госархиве Винницкой области. Здесь же были проанализированы судебные-следственные дела о пособниках оккупантов, в частности сотрудниках еврейской полиции.

В документах Российского государственного архива социально-политической истории — РГАСПИ (бывший Центральный партийный

архив, а затем РЦХИДНИ) — особый интерес представляет фонд Центрального штаба партизанского движения. Об участии евреев в движении Сопротивления свидетельствуют переписка, справки, списки партизан и награжденные документы на них.

В материалах Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б), хранящихся в фонде ЦК КПСС этого архива, нами использованы документы о росте антисемитизма в СССР в годы войны, замалчивания и искажении истории Холокоста. Особую ценность представляют доклады республиканского руководства Украины и Белоруссии Сталину летом 1941 г., а также донесения партийных функционеров, вышедших из окружения. Эти материалы дополняют документы, поступавшие с мест в ЦК компартии Украины, хранящиеся в Центральном государственном архиве общественных объединений Украины (ЦГАООУ) в Киеве. Здесь же сосредоточены документы об участии евреев в партизанских отрядах и подпольных организациях.

В Центральном архиве Министерства обороны (ЦАМО) выявлен уникальный комплекс специальных актов о нацистских преступлениях, составившихся после освобождения каждого крупного населенного пункта. Особое значение имеют сведения о судьбе советских военнопленных-евреев. Представляют ценность и ряд свидетельств, записанных в освобожденных населенных пунктах на территории России за период конец 1941 — начало 1942 г., когда акты ЧГК еще не составлялись.

В Архиве Федеральной службы безопасности (ФСБ) хранится немало дел о следствиях и судах над нацистскими преступниками и их пособниками, а также донесения о положении на оккупированной территории со сведениями о Холокосте. 15 000 копий этих документов были переданы российским правительством в архив Музея Холокоста США, любезно предоставившего их нам для исследования.

Ценные источники выявлены в Архиве внешней политики России (АВПР) МИД РФ. Они отражают отношение к Холокосту советского руководства в годы Второй мировой войны.

В архивах и библиотеках постсоветских государств нами обнаружены и проанализированы около 400 газет, издававшихся на захваченной территории на языках народов СССР, содержащих большой фактический материал по теме.

Очевидно, что еще далеко не вся документация о Холокосте выявлена в российских архивах и доступна сегодня исследователям. К ним относятся прежде всего документы Политбюро (Президентский архив), МИД и НКВД, а также материалы послевоенных судебных процессов пособников оккупантов в различных городах СССР.

Имеющиеся в нашем распоряжении комплексы архивных и опубликованных источников по теме позволяют приступить к решению основной задачи этой книги — раскрытию истории и особенностей Холокоста на территории Советского Союза.

Именно источниковая база, а также указанные выше малозученные сюжеты темы предопределили как построение, так и содержание книги. Прежде всего мы попытались ввести в научный оборот неиспользованные ранее документы архивов СНГ, США, Израиля. Особое внимание было уделено Холокосту на территории России в ее современных границах.

Едва ли не важнейшая задача исследования — рассмотреть проблематику Холокоста в контексте истории Великой Отечественной и Второй мировой войн.

Основополагающим для нас является тезис, что именно советские евреи стали первыми по хронологии жертвами массового уничтожения евреев Европы. Одновременно они являлись особой группой мирных советских граждан, на которых нацисты провели чудовищный эксперимент по изоляции, отторжению и, в итоге, уничтожению. В обоих случаях этот опыт народоубийства был распространен нацистами на другие страны и категории мирного населения.

Судьбу евреев СССР разделили не только их собратья в других оккупированных странах Европы, но и несколько миллионов представителей других, прежде всего славянских, народов нашей страны. Вот почему анализ истории Холокоста как составной части малозученной истории нацистского оккупационного режима и геноцида по отношению к различным группам населения представляется нам наиболее важным и перспективным.

Автор преследовал две взаимосвязанные задачи: обобщить данные и выводы отечественной и зарубежной историографии по теме, а также — на основе выявленных им архивных источников — исследовать узловые вопросы Холокоста на территории СССР. Предполагается детально рассмотреть следующие проблемы: особый статус еврейского населения на оккупированной территории; организация и степень действенности антисемитской пропаганды; особенности создания и количество гетто, а также других мест принудительного содержания евреев; повседневная жизнь в гетто; деятельность еврейских советов и еврейской полиции; ход и особенности Холокоста в различных республиках бывшего СССР; статистика жертв; соучастие в Холокосте местных пособников оккупантов; отношение Советского правительства и общества к Холокосту; масштабы и особенности еврейского Сопrotивления.

Наша книга — своего рода эскиз обобщающей работы по изучению этой трагической темы во всех ее аспектах. Вот почему велик риск, что многие сюжеты «остались за кадром» или освещены недостаточно полно. Понятно, что при изучении столь обширной и многообразной темы, оснащенной огромным корпусом источников, необходимы коллективные усилия, причем не только историков, но и представителей иных областей знаний.

Эта книга не была бы написана без участия многих людей и организаций. Коллеги из Государственного архива Российской Федерации, где

я работал в конце 80-х гг., предоставили мне все возможности для занятий данной темой. В начале 90-х гг. исполнительный вице-президент Мемориального фонда для еврейской культуры д-р Джерри Хогбаум (США) первым посоветовал начать монографическое изучение Холокоста на территории СССР. Его искренняя симпатия и интерес к моим научным изысканиям, а также грант Memorial Foundation for Jewish Culture позволили проводить архивные исследования в СНГ и Израиле.

В ходе подготовки и работы над рукописью я пользовался консультациями и советами своих коллег и друзей, прежде всего по работе в российском научно-просветительном центре «Холокост» — Аллы Гербер, Давида Полторака, Екатерины Уваровой, Матвея Воронова, а также Фаины Винокуровой (Винница), Владимира Захарова и Геннадия Костырченко (Москва), Евгения Розенבלата и Ирины Еленской (Брест), д-ра Клаудио Ингерфлора (Париж).

Моя особая признательность — за ценную информацию и критические замечания — недавно скончавшемуся выдающемуся исследователю еврейского Сопротивления профессору Ф.Д. Свердлову. Бывший узник гетто С.Д. Додик любезно ознакомился с текстом книги в рукописи и сделал немало важных замечаний и предложений.

Я также искренне благодарен сотрудникам института «Яд Вашем» в Иерусалиме д-ру Ицхаку Араду, д-ру Арону Вайсу, д-ру Шмуэлю Краковскому и д-ру Шмуэлю Спектору, которые поддержали мои первые исследования по теме и способствовали их публикации. На завершающем этапе подготовки книги я получил ценные консультации и практическую помощь в выявлении документов от сотрудников того же института д-ра Семена Швейблша и д-ра Арона Шнеера. Сотрудники архива «Яд Вашем» и его библиотеки также оказали мне неоценимое содействие.

Стажировка по архивному проекту в Мемориальном музее Холокоста США в Вашингтоне позволила мне с помощью Карла Модига и д-ра Пола Шапиро в кратчайшие сроки ознакомиться с уникальным комплексом копий документов из архивов бывшего СССР. Всем им, а также сотрудникам центральных и местных архивов, музеев и библиотек Москвы, России и СНГ я выражаю искреннюю благодарность за помощь.

Особая признательность — вице-президенту фонда «Ковчег» Михаилу Агроскину, чья доброжелательность, такт и настойчивость привели к появлению именно этой книги.

Географический указатель книги подготовлен Л.Б. Стапокович.

Илья Альтман

Москва, июль 2002 г.

Глава I

НАЦИСТСКИЙ ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ И ЕВРЕИ СССР

1.1. «Новый порядок»

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАН «ОСТ»

Холокост на территории СССР невозможно понять и оценить вне контекста нацистской оккупационной политики применительно ко всем народам Советского Союза. На оккупированной советской территории оказались около 80 миллионов беззащитных женщин, детей и стариков. В подавляющем большинстве это были представители славянских народов: русские, украинцы, белорусы. Для целей нашего исследования важно выяснить общее и особенное в судьбах евреев и представителей других национальностей, оказавшихся в оккупации. В этом разделе мы дадим общую характеристику политики оккупационных властей по отношению к иудейскому населению на оккупированной территории и организации оккупационного режима.

В своих «теоретических» работах, рассчитанных на историческую перспективу, нацистские идеологи отводили славянам и другим народам СССР роль полуграмотных рабов, обслуживающих арийскую расу. Их называли «недочеловеками» и «азиатами», понимающими лишь самый жестокий стиль обращения. Постоянные требования принятия жестких мер ко всем реальным и потенциальным «врагам рейха» в ходе провозглашенной нацистами «тотальной войны» обусловили особый характер оккупационного режима на советской земле.

Несомненно, что в исторической перспективе, в случае реализации стратегических планов Гитлера о мировом господстве и обеспечении «жизненного пространства» для представителей «арийской расы», большая часть славян подлежала поэтапному биологическому и физическому уничтожению.

В общих чертах судьба народов СССР была обозначена в Генеральном плане «ОСТ», подготовленном по приказу рейхсфюрера СС Гиммлера в 1940 г. и доработанному после нападения на СССР в 1941—1943 гг.¹

В отечественной историографии положения этого проекта обычно рассматриваются как конкретный (отчасти осуществленный) основополагающий план действий нацистов против всех народов на оккупированной территории СССР. Напомним основные положения этого документа, ставшие хрестоматийными и вошедшие в энциклопедии и школьные учебники.

Генеральным планом «ОСТ» предусматривалось не только уничтожение СССР, но и невозможность для его народов образования самостоятельной государственности. Предполагалось истребить миллионы русских и представителей других славянских народов, а также выселить в Западную Сибирь 65% населения Западной Украины, 75% населения Белоруссии, значительную часть населения Прибалтики². На освобожденные земли предполагалось переселить свыше 4,5 миллиона немцев и тысячи жителей Скандинавии³.

Обычно реализация этого плана иллюстрируется следующими действиями нацистов в ходе войны: террор против мирного населения, угон в Германию миллионов людей, уничтожение советских военнопленных. Иногда в число подлежащих уничтожению и переселению людей на территории СССР включают даже еврейское население. Такая прямая зависимость между Генеральным планом «ОСТ» и практикой нацистского геноцида на территории СССР представляется нам несколько упрощенной. Напомним, что документ инициировался и создавался примерно в те же сроки, что и планы «Мадагаскар» (о переселении всех евреев на этот остров у берегов юго-восточной Африки) и «Люблин» (создание еврейской резервации в оккупированной нацистами части Польши, получившей название «Генерал-губернаторство»). Оба этих проекта, как известно, не были реализованы. Между тем план «Мадагаскар», который в июне 1940 г. привел в восторг Гимmlера — будущего самого последовательного сторонника «окончательного решения еврейского вопроса», — имел детальную проработку о количестве требуемых пароходов, их вместимости и продолжительности операции переселения. Германский МИД получил приказ прекратить работу над этим проектом лишь в начале февраля 1942 г. — вскоре после Вайзейской конференции*, на которой высшие чины СС проинформировали представителей гражданских ведомств об «окончательном решении еврейского вопроса» в Европе⁴.

Представим, что знаменитый «Вайзейский протокол» не был бы оформлен или не сохранился, как некоторые другие важные документы нацистов. Правомочно ли было бы на основании плана «Мадагаскар» говорить как о проекте или прообразе будущей (реальной!) депортации евреев специальными железнодорожными составами (а не пароходами) в Аушвиц (а не в Африку), как о спланированной еще в 1940 г. акции с целью поголовного уничтожения целого народа? Или видеть в плане «Люблин» прообраз лагеря смерти на том основании, что примерно в этом месте впоследствии будет функционировать Майданек? Думается, что такие вопросы звучат риторически — история не знает сослагатель-

* Вайзейская конференция состоялась в пригороде Берлина 20 января 1942 г. В ней приняли участие 15 высокопоставленных чиновников, представлявших СС и 8 ведомств нацистской Германии. Они были проинформированы о предполагаемых мерах по «окончательному решению еврейского вопроса». (Подробнее см. в главе 3.)

ного наклонения. Но сохранившиеся фрагменты Генерального плана «ОСТ» чаще всего трактуют именно как документ, ставший планом уничтожения целых народов. Разумеется, он разрабатывался и обсуждался в ведомстве СС — одном из важнейших нацистских ведомств, ответственном за гибель миллионов людей. Идея освобождения «жизненного пространства» очень близка по своей философской идее «тотального уничтожения» и «окончательного решения».

Между тем логика Второй мировой войны, складывавшейся отнюдь не так, как планировали ее гитлеровские стратеги, требовала постоянных корректировок многих планов нацистов. Следует признать, что все они проходили определенную эволюцию и обычно учитывали не только идеологический и военный, но и экономический факторы. Так, до нападения на СССР нацисты неоднократно меняли смысл понятия «решение еврейского вопроса»: от изгнания евреев сначала из Германии, а затем из Европы до их полного уничтожения. Менялись также и взгляды нацистов на судьбы других народов на оккупированных территориях.

Все эти проекты, включая и Генеральный план «ОСТ», позволяют оценить далекоидущие последствия нацистских планов овладения миром. Без таких «теоретических» документов по массовой депортации и истреблению значительного числа мирных жителей реализация на практике подобных идей (правда, в иных формах и масштабах) вряд ли была бы возможна. К счастью, героическое сопротивление Красной Армии и советского народа, а также военные и экономические усилия союзников не дали нацистам шанса в полной мере усовершенствовать и применить на практике механизм народоубийства.

Важно подчеркнуть, что именно ход Второй мировой войны неизбежно вносил коррективы в подобные планы. Так, в «Специальных указаниях Объединенного командования вермахта (ОКВ) к директиве № 21 (план операции «Барбаросса»)» от 13 марта 1941 г., т.е. в период подготовки к нападению на СССР, говорилось о возможности создания в будущем самостоятельных государств:

«...2. Занимаемая в ходе военных действий русская территория должна быть, как только позволит обстановка, разделена согласно специальным указаниям на отдельные государства с самостоятельными правилами».

Один из самых известных идеологов нацизма, министр имперского министерства оккупированных восточных территорий Альфред Розенберг, полагал, что будущее завоеванных территорий определится после войны. Причем в Украине предполагалось не только создать независимое государство, но и «политическую государственную партию». Для России же такой вариант категорически исключался.

В своей декларации «Народы Советского Союза», написанной в 1941 г., и других работах этого периода А. Розенберг подчеркивал, что одно из основных условий их национального и государственного «воз-

рождения» — окончательная ликвидация еврейства. Тезис о «засилье» евреев, по его мнению, должен был стать главным в пропаганде⁶.

Как известно, планы создания даже марионеточных государств (типа Словакии) на территории СССР реализованы не были. Более того, попытки провозгласить или пропагандировать идею украинской государственности решительно пресекались оккупантами. Однако наличие таких вариантов обладеживало определенные национальные круги в Украине и Прибалтике, которые активно поддержали вторжение гитлеровцев и истребление евреев.

Между тем очевидна разница между расистскими воззрениями нацистов, их теоретическими постулатами и возникшими в ходе затянувшейся войны с СССР (особенно после вступления в войну США) задачами жизнеобеспечения Германии дешевой рабочей силой и сырьевыми ресурсами. Нацистская пропаганда на оккупированной территории всячески обходила вопрос о будущей судьбе славянских народов, постоянно подчеркивая, что она не имеет ничего общего с судьбой евреев.

В приказах военных комендатур, датированных июлем 1941 г. и распространяемых в захваченных Германией областях Украины, говорилось: *«Немецкое командование гарантирует жителям оккупированных территорий полную неприкосновенность личности, если они ведут себя мирно и спокойно»*⁷.

Показательно, что все публичные выступления Гитлера и его ближайших соратников содержали нападки на «мировое еврейство» и «жидобольшевизм», а также прямые угрозы физического истребления евреев. В то же время неизменно говорилось об «освобождении» славян и других народов СССР. Впрочем, это не мешало нацистам проводить на практике политику самого жестокого террора к мирным жителям на оккупированной советской территории.

Польский исследователь Чеслав Мадайтчик, поставивший интересный вопрос о синхронности готовившихся мероприятий Генерального плана «ОСТ» с «окончательным решением» еврейского вопроса, делает вывод, что судьба нееврейского населения всегда решалась нацистами с учетом хода войны. На реализацию своих планов применительно к нему нацисты отводили 20—30 лет. Планы эти могли варьироваться⁸. С выводом относительно возможности реализации Генерального плана «ОСТ» только после тотального уничтожения Советского Союза как государства солидарны и некоторые отечественные историки⁹.

ЗОНЫ ОККУПАЦИИ

Мы начали наш анализ с рассмотрения вариантов отношения нацистов к славянским народам СССР на разных этапах войны. Однако невозможно в короткие сроки решить «славянский вопрос» не означала отказа нацистов от основных постулатов «тотальной войны». В ре-

зультате военных успехов Германии в первые недели и месяцы Великой Отечественной войны были полностью оккупированы республики Прибалтики, Белоруссия, Молдавия, значительная часть Украины. К концу лета 1942 г. полностью или частично были захвачены 22 республики, края или области России в ее современных границах (некоторые из них были освобождены в ходе контрнаступления Красной Армией зимой 1941/42 г.), а также входивший тогда в состав РСФСР Крым.

Административно-территориальное деление СССР было изменено. Белостокская область (в том числе часть современной Гродненской области Беларуси) включалась в состав рейха. В округ «Белосток», управлявшийся гауляйтером Восточной Пруссии и рейхскомиссаром «Украины» Кохом, вошли 7 комиссариатов, включая Белосток, Волковыск, Гродно и Ломжу.

Дистрикт «Галиция» (4 западные области Украины — Львовская, Станиславская (ныне — Ивано-Франковская), бывшая Дрогобычская и большая часть Тернопольской общей площадью 48 тыс. кв. км) вошел в состав генерал-губернаторства, которым руководил Ганс Франк.

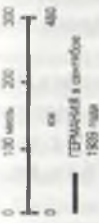
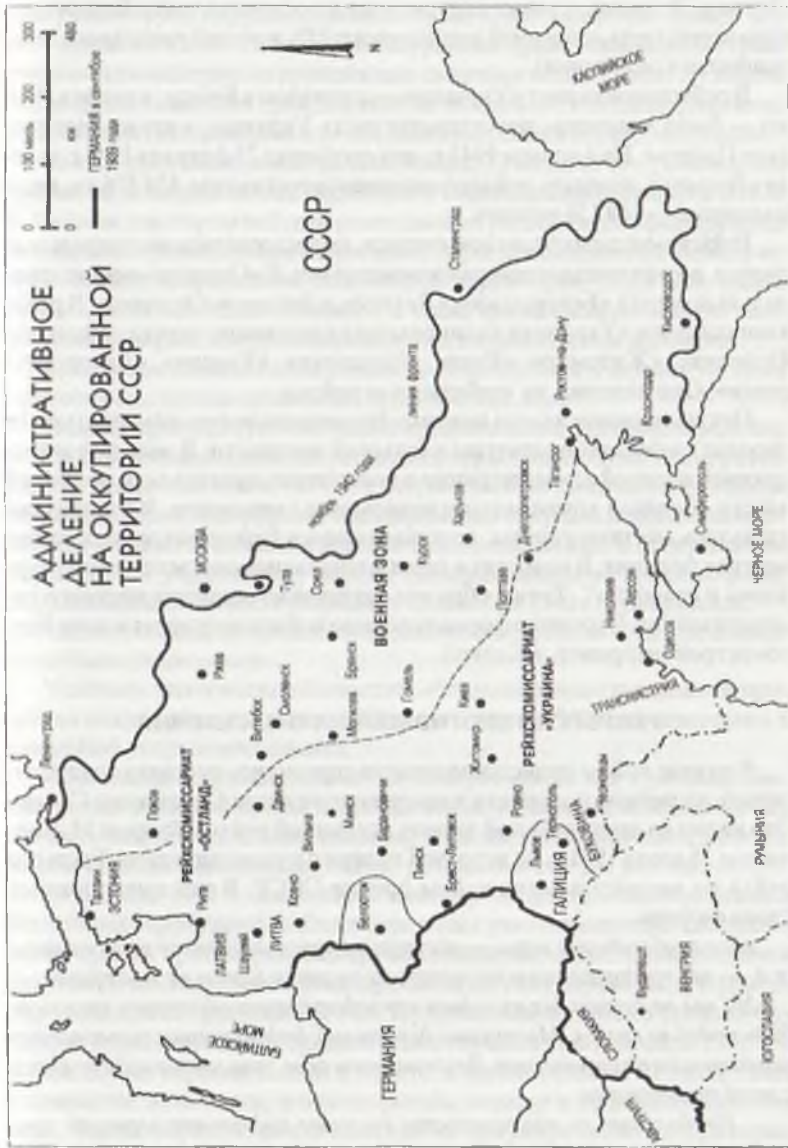
Часть Украины — Северная Буковина и территория между реками Днестром и Южным Бугом (Транснистрия), а также Молдавия были переданы Румынии, являвшейся союзником Германии. В состав Транснистрии (с административным центром в Одессе) вошла территория современных Одесской, а также западные районы Запорожской, части Винницкой и Николаевской областей. Эта территория делилась на 13 округов, включавших 64 района, возглавляемых преторами. На территории Транснистрии оказалось 15 городов, 72 местечка, 2468 сел. На 1 января 1943 г. здесь на площади 39 776 кв. км проживало 2 236 226 человек¹⁰.

Остальная оккупированная территория СССР была разделена на 2 зоны. Восточнее Днестра (включая практически всю оккупированную территорию России, значительные регионы Украины и Белоруссии) действовала юрисдикция военной администрации под контролем Верховного командования вермахта (ОКВ).

Первые мероприятия оккупационных властей в этой зоне (в том числе связанные с «еврейским вопросом») проводились в каждом захваченном населенном пункте по приказу военных комендантов, возглавлявших орте- и фельдкомендатуры.

Другая часть оккупированной территории управлялась гражданской администрацией под руководством имперского министерства оккупированных Восточных территорий во главе с А. Розенбергом. Эти территории передавались гражданским властям постепенно, по мере продвижения гитлеровских войск на Восток.

Их административные границы начали оформляться в августе—сентябре 1941 г. (этот процесс продолжался до середины 1942 г.). Зона под контролем гражданской администрации была разделена на рейхскомиссариаты «Остланд» и «Украина». В состав первого — с центром сначала

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СССР

СССР

ВОЕННАЯ ЗОНА

РЕПБЛИКАНСКИИ ОБЛАСТИ
"УКРАИНА"

ГАЛИЦИЯ

КАСПИЙСКОЕ МОРЕ

ЧЕРНОЕ МОРЕ

РУМАНИЯ

ЮГОСЛАВИЯ

ЛЕНИНГРАД

МОСКВА

СТАЛИНГРАД

КАВКАЗ

ТЮМЕНЬ

БАШКИРИЯ

УФА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ВЕРХНИЙ ВОЛЖСКИЙ РАЙОН

НИЖНИЙ ВОЛЖСКИЙ РАЙОН

КАВКАЗСКИЙ РАЙОН

СИБИРСКИЙ РАЙОН

УРАЛЬСКИЙ РАЙОН

СРЕДНИЙ ВОЛЖСКИЙ РАЙОН

ДОБРЫЙ РАЙОН

КАВКАЗСКИЙ РАЙОН

ТАШКЕНТ

САМАРКАНД

ФРУНЗИНСКИЙ РАЙОН

ТАШКЕНТСКИЙ РАЙОН

САМАРКАНДСКИЙ РАЙОН

ТАШКЕНТСКИЙ РАЙОН

САМАРКАНДСКИЙ РАЙОН

ТАШКЕНТСКИЙ РАЙОН

САМАРКАНДСКИЙ РАЙОН

ТАШКЕНТСКИЙ РАЙОН

САМАРКАНДСКИЙ РАЙОН

ТАШКЕНТСКИЙ РАЙОН

САМАРКАНДСКИЙ РАЙОН

ТАШКЕНТСКИЙ РАЙОН

САМАРКАНДСКИЙ РАЙОН

ТАШКЕНТСКИЙ РАЙОН

САМАРКАНДСКИЙ РАЙОН

ТАШКЕНТСКИЙ РАЙОН

ТАШКЕНТ

САМАРКАНД

ФРУНЗИНСКИЙ РАЙОН

ТАШКЕНТСКИЙ РАЙОН

САМАРКАНДСКИЙ РАЙОН

ТАШКЕНТСКИЙ РАЙОН

САМАРКАНДСКИЙ РАЙОН

ТАШКЕНТСКИЙ РАЙОН

САМАРКАНДСКИЙ РАЙОН

ТАШКЕНТСКИЙ РАЙОН

САМАРКАНДСКИЙ РАЙОН

ТАШКЕНТСКИЙ РАЙОН

САМАРКАНДСКИЙ РАЙОН

ТАШКЕНТСКИЙ РАЙОН

САМАРКАНДСКИЙ РАЙОН

ТАШКЕНТСКИЙ РАЙОН

САМАРКАНДСКИЙ РАЙОН

ТАШКЕНТСКИЙ РАЙОН

ТАШКЕНТ

САМАРКАНД

ФРУНЗИНСКИЙ РАЙОН

ТАШКЕНТСКИЙ РАЙОН

САМАРКАНДСКИЙ РАЙОН

ТАШКЕНТСКИЙ РАЙОН

САМАРКАНДСКИЙ РАЙОН

ТАШКЕНТСКИЙ РАЙОН

САМАРКАНДСКИЙ РАЙОН

ТАШКЕНТСКИЙ РАЙОН

САМАРКАНДСКИЙ РАЙОН

ТАШКЕНТСКИЙ РАЙОН

САМАРКАНДСКИЙ РАЙОН

ТАШКЕНТСКИЙ РАЙОН

САМАРКАНДСКИЙ РАЙОН

ТАШКЕНТСКИЙ РАЙОН

САМАРКАНДСКИЙ РАЙОН

ТАШКЕНТСКИЙ РАЙОН

в Каунасе, а затем в Риге — вошли прибалтийские республики (Латвия, Литва и Эстония), а также центральная и восточная части Белоруссии (примерно треть довоенной территории и 25% жителей республики, оказавшихся в оккупации).

В рейхскомиссариат «Украина» — с центром в Бресте, а затем в Ровно — были включены значительная часть Украины, а также Белорусское Полесье. На 1 января 1943 г., как сообщала 25 февраля 1943 г. газета «Вольны», площадь рейхскомиссариата составляла 339 376 кв. км, а население — 169 138 человек.

Рейхскомиссариаты, в свою очередь, подразделялись на генеральные округа, возглавляемые генерал-комиссарами. В «Остланд» вошли генеральные округа «Белоруссия», «Латвия», «Литва» и «Эстония». В рейхскомиссариате «Украина» были созданы следующие округа: «Вольны-Подолія», «Житомир», «Киев», «Николаев», «Таврия», «Днепропетровск». Они делились на «гебиты» и «крайзы».

Оккупационные власти повсеместно создавали ортскомендатуры (в городах) и фельдкомендатуры в сельской местности. В зоне под юрисдикцией военной администрации в населенных пунктах всей полнотой власти обладали комendantы и начальники гарнизонов. В городах создавались местные управы, возглавлявшиеся бургомистрами, а также местная полиция. В волостях и селах назначались соответственно старшины и старосты¹¹. Таким образом создавалась иллюзия местного самоуправления. Население формально само выбирало старост и даже бургомистров (например, в Калуге).

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ

В начале войны нацистские лидеры стремились несколько завуалировать зловещую подоплеку планов колонизации Советского Союза. Это видно из протокольной записи, сделанной рейхсleiterом М. Борманом 16 июля 1941 г. на встрече Гитлера с руководителями Третьего рейха по вопросу о целях войны против СССР. В ней цитировались слова фюрера:

«Все необходимые меры — расстрелы, принудительное переселение и т. д. — мы предпринимем несмотря ни на что и имеем на это право.

Но мы не хотим без нужды и преждевременно обращать каких-нибудь людей во врагов. Мы только делаем вид, будто хотим пользоваться мандатными полномочиями. Должно быть ясно, что мы никогда не уйдем с этой территории.

... Необходимо по возможности быстрее подчинить огромное пространство, это лучше всего достигнуто путем расстрела каждого, кто только бросит косой взгляд»¹².

Провозглашая задачу освобождения России от «жидо-большевизма», на практике оккупанты лишали все советское население основных по-

литических, юридических и социальных прав. Нацистский оккупационный режим грубо нарушал основные права всего населения, прежде всего — право на жизнь. За малейшее нарушение приказов военной и гражданской администрации применялась смертная казнь. Около 7,4 миллиона мирных советских граждан всех национальностей были физически уничтожены гитлеровцами и их пособниками за весь период оккупации¹³.

Ровно через месяц после начала войны, 23 июля 1941 г., последовал приказ начальника штаба Верховного командования вермахта (ОКВ) В. Кейтеля, в котором войскам со ссылкой на распоряжение фюрера предписывалось применять самые жестокие меры для подавления любого сопротивления населения на захваченной территории СССР: *«не путем юридического наказания виновных, а когда оккупационные власти наведут такой страх, который подавит в населении чувства протеста»*.

*Командиры должны поддерживать безопасность и порядок на своей территории... путем применения браконевских мер»*¹⁴.

Данный приказ неукоснительно применялся на практике в зоне под контролем военной администрации весь период оккупации. В его развитие как самим Кейтелем, так и его подчиненными позднее были изданы более детальные инструкции. Одновременно оккупанты делали немало демагогических заявлений в адрес местного населения. В программном обращении к украинскому народу рейхскомиссара «Украины» Коха, опубликованном в газете «Вольный» 25 декабря 1941 г., говорилось:

«Каждый из вас будет иметь возможность жить в своей вере и взглядах и быть счастливым».

Условием этого должно было стать «безоговорочное выполнение приказов» оккупационных властей. Однако 5 марта 1943 г. на совещании в Киеве Кох откровенно заявлял:

*«Последний немецкий рабочий... в 1000 раз ценнее как в расовом, биологическом отношении, так и в ценностном выражении, чем все то, чем мы здесь владеем... На этой земле мы должны лишь заботиться о том, чтобы местное население работало, работало и еще раз работало»*¹⁵.

23 августа 1941 г. имперский министр по делам оккупированных Восточных территорий А. Розенберг издал указ о вынесении специальными судами приговоров о смертной казни лицам, не повинующимся властям. В соответствии с этим приказом на оккупированной территории создавались судебные органы. В рейхскомиссариате «Украина» Судебное управление было организовано только в конце ноября 1941 г. и размещалось первоначально в Бресте, а затем в Ровно. Его штат был минимален: начальник, его заместитель, ассессор и судебный исполнитель. Таким образом, почти полгода на оккупированной территории главной судебной властью располагали военные коменданты и армейские начальники. 26 ноября 1941 г. Кох издал распоряжение о военнопольевых судах (как было сказано в документе — до открытия чрезвычайных военных трибуналов) в рейхскомиссариате «Украина».

В их ведении находились дела следующих категорий:

- все акты насилия против учреждений рейха или его граждан;
- любые действия против Германии;
- любой поджог, затрагивающий немецкие интересы.

Исход дела мог иметь только два варианта: смертная казнь или оправдательный приговор. Важно отметить, что специальным пунктом оговаривалось, что «данное распоряжение не затрагивает тех мероприятий, которые проводит подразделения СС, а также полиции охраны тыла и охранной полиции»¹⁶.

Поскольку «мероприятия» против евреев (как и карательные операции против партизан) попадали именно под этот пункт, даже призрачного шанса на рассмотрение их дела в суде и оправдательный приговор у евреев и участников вооруженного сопротивления не оставалось.

В сохранившихся смертных приговорах военно-полевых судов в Украине за 1942 г. можно выделить следующие причины казни: 1) за укрыительство советских военнопленных и евреев; 2) за нападения на немецких военнослужащих и полицейских; 3) за подделку документов; 4) за неразрешенную торговлю.

Таким образом, к смертной казни человек мог быть приговорен не только за какие-либо действия, но даже за слова, достоверность которых проверить было весьма трудно. Так, по доносу венгерского (!) солдата был расстрелян в 1942 г. молодой полицейский из с. Каблоневка в Украине, который, указывая на поезд с военнопленными, якобы сказал:

*«В этом вагоне они еще повезут Гитлера. Тогда нам не нужны будут русские. Мы обойдемся авлази»*¹⁷.

16 сентября 1941 г. начальник штаба Верховного командования вермахта (ОКВ) В. Кейтель в Ставке фюрера подписал приказ о карательных мероприятиях при сопротивлении оккупационным властям на Востоке:

«... Чтобы задушить протесты в зародыше, следует при первом же поводе незамедлительно применять строжайшие меры, чтобы добиться авторитета оккупационной власти и предотвратить дальнейшее распространение бунта. При этом следует учитывать, что человеческая жизнь в этих странах часто ничего не стоит и устрашающего эффекта можно достигнуть только необычайной жестокостью.

*... Вид приведения приговора в исполнение должен еще больше усилить устрашающее влияние»*¹⁸.

Никаких законов, которые бы ограждали мирных жителей от произвола оккупантов и их пособников, не существовало. В военной зоне оккупации аналогичные приказы, на основе цитированной выше директивы Кейтеля, издавали командующие группами армий и их подчиненные. Одним из важнейших элементов применения тактики коллективной ответственности стал захват и расстрел заложников. Оккупанты применяли этот метод как возмездие за диверсии, повреждение средств связи и убийство немецких военнослужащих.

Как видно из приказа командующего войсками вермахта от 10 октября 1941 г., предусматривалось, что в случае террористических актов и повреждения средств связи, когда виновен не обнаружен, на каждую тысячу жителей будет захвачено 5 заложников. Причем 50% заложников «по возможности» должны составлять евреи, а остальные 50% — русские, украинцы и т.д.¹⁹

Аналогичные меры принимали и румынские оккупационные власти. В постановлении губернатора Буковины от 13 сентября 1941 г. говорилось:

«Если будет выявлен какой-нибудь террористический акт или саботаж, учиненный коммунистами, будут расстреляны 20 коммунистов-евреев и 5 коммунистов-неевреев»²⁰.

Для борьбы с любыми формами сопротивления повсеместно применялась практика устрашения и внесудебного террора. Помимо подпольщиков и заложников, уничтожались советские, партийные и комсомольские активисты, а также все, кто подозревался в сотрудничестве с органами НКВД. Однако даже уничтожение коммунистов не было массовым и поголовным. Так, из 113 тысяч членов ВКП(б), оказавшихся на оккупированной территории Украины, погибло менее половины — около 50 тысяч²¹. Мы располагаем лишь устными сведениями, что коммунистов и комсомольцев обязывали после регистрации носить повязки соответственно красного и желтого цвета.

Вскоре после оккупации многих городов взрослое мужское население вывозилось в своего рода фильтрационные лагеря (иногда они создавались и в черте населенного пункта, например на стадионах). Здесь отбирали и тут же уничтожали «всех подозрительных».

Смертная казнь (в том числе — публичная, через повешение на центральных площадях или у городских рынков) была основным методом наказания. Она применялась не только за акты сопротивления, но и за невыполнение приказов властей, в том числе за нарушение комендантского часа, укрывательство советских военнослужащих, партизан и евреев, за хранение листовок и прослушивание передач советского радио и даже за загрязнение дорог.

Уже в ноябре 1941 г. в украинских деревнях Барановка и Обуховка расстреляли всех жителей. 11—12 марта 1942 г. были расстреляны и сожжены 4286 жителей села Козарин на Черниговщине. В декабре 1942 г. в Старом Селе на Ровенщине сожгли 700 человек²².

С весны 1942 г. массовые карательные операции проводятся на территории Украины и Белоруссии в так называемых партизанских зонах. Именно там была уничтожена основная часть мирных жителей — неевреев. Нацисты применяли самые зверские способы убийства, включая массовое сожжение населенных пунктов вместе со всеми их жителями. Только в Белоруссии было уничтожено (полностью или частично) 5295 населенных пунктов вместе с их жителями²³.

Эти жестокие меры были обусловлены ростом подпольного и партизанского движения. Успехи Красной Армии в ходе войны также влияли на усиление массовых репрессий оккупантов. Местные жители, подзревавшиеся в связях с партизанами и подпольем, подвергались пыткам. В случае нехватки улик для вынесения смертного приговора обвиняемые заключались в тюрьмы и концентрационные лагеря, где многие из них погибли.

Вопрос о репрессиях против мирного населения СССР решался на самом высоком уровне. 16 октября 1942 г. Геринг подписал приказ о борьбе с диверсиями и террористическими актами. Он предусматривал расстрел каждого, кто приблизится ближе километра к железной дороге; а также сожжение после нападения партизан населенных пунктов, находящихся вблизи, если «при розыске население не содействовало поиску виновных».

В этом распоряжении специально оговаривалось, что расстрелу подлежит только взрослое мужское население; женщины и детей предполагалось отправлять в лагеря²⁴.

Однако 16 декабря 1942 г. В. Кейтель подписал новый приказ о борьбе с партизанами, который начинался ссылкой на распоряжение фюрера использовать в этой борьбе любые средства, включая самые жестокие меры против женщин и детей. Закачивался приказ словами:

«Ни один немец не должен быть привлечен к ответственности в связи с этим»²⁵.

Вместе с тем уже в начале 1943 г. нацисты сознавали, что такие карательные меры не достигают цели. 26 февраля 1943 г. уполномоченный рейхсфюрера СС, обергруппенфюрер СС и генерал полиции Бах-Залевски подписал директиву, в которой говорилось, что «окончательное уничтожение бандитов является наивысшим законом борьбы против банд». Но это не означает, подчеркивалось в тексте, тотального уничтожения:

«Только сами бандиты и их пособники заслуживают смерти. Невинные старики, женщины и дети должны падать и на непосредственной территории борьбы против банд»²⁶.

Директива Бах-Залевски, естественно, не была исполнена. Каратели, по сути, игнорировали этот приказ, продолжая уничтожать «партизанские» деревни вместе с их населением. Однако символично, что аналогичное распоряжение об обращении с еврейскими детьми или стариками не только не было издано или подготовлено, но даже не являлось предметом обсуждения на сколь-нибудь высоком уровне.

ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД

Оккупационный режим на советской территории отличался особым контролем над населением. Был введен строгий учет и проведена регистрация жителей всех населенных пунктов. Эта мера преследовала разные цели: выявить всех «потенциальных врагов», обеспечить сбор нало-

гов, провести учет рабочей силы, выяснить потребности в обеспечении населения продовольствием.

Для всего населения ограничивалась свобода передвижения между населенными пунктами; вводился и строго соблюдался комендантский час. Особые ограничения в свободе передвижения вводились в зоне под контролем военной администрации и в так называемых «партизанских зонах». Однако при наличии «арийских документов» и соответствующих разрешений местные жители могли посещать родственников, пользоваться железной дорогой, выезжать в сельскую местность за продуктами.

Выплачиваемая оккупантами заработная плата, как правило, не соответствовала даже самому скромному прожиточному минимуму. При введении на частных предприятиях фиксированной заработной платы особо оговаривалось, что она *«не подлежит повышению, кто вздумает ее повысить, будет платить из своего кармана, и, кроме того, подвергнется наказанию»*. Особо оговаривалось, что *«выдача рабочим продовольствия производится только в самых крайних случаях, когда у них нет возможности пропитаться сами»*²⁷.

Осенью 1943 г. украинские рабочие получали от 45 до 80 немецких марок в месяц (1 марка равнялась 10 рублям), что позволяло купить на рынке лишь 2 — 3 фунта масла. В Харькове 4 пачки махорки стоили на рынке 600 рублей²⁸.

Даже эта мизерная зарплата выплачивалась рабочим и служащим нерегулярно, что усугубляло голод (в частности, в городах Украины). Оккупанты в отчете за 1941 г. мотивировали невыплаты заработной платы тем, что плохо обстоит дело с поступлением налогов и доходов с мест²⁹.

При этом главной задачей пропагандистской работы являлось выполнение указаний рейхскомиссара Коха о «создании трудолюбивого народа, преданного Германии».

Продовольственный вопрос был одной из главных проблем для всех без исключения жителей оккупированных городов. По карточкам (причем не с первых педель оккупации, а впоследствии не всегда регулярно) населению отпускались прежде всего хлеб, соль и крупа. Городские жители получали ограниченное продовольственное снабжение по «остаточному принципу»: в первую очередь снабжались вермахт, немецкие подданные, фольксдойче (этнические немцы — граждане СССР).

Например, в Киеве в 1941 г. снабжения населения продуктами питания фактически не было. В Одессе в первую неделю оккупации жителям выдавали 900 г хлеба, а затем — 600 г. 13 декабря 1941 г. «Одесская газета» сообщила, что продукты выдаются через день (200 г хлеба и 300 г пшена).

Это, наряду с низкой зарплатой и страшной дороговизной на «черном» рынке, приводило к голоду. Конфискация ценных и теплых вещей у горожан, реквизиция скота и продовольствия у сельских жителей дополняли картину действий «освободителей». Анализируя после бегства с Украины в 1944 г. ситуацию в этом рейхскомиссариате, ведомство Ро-

зенберга констатировало, что такие действия властей (наряду с угонем населения в Германию и жестокими репрессиями) привели к тому, что 90% населения ненавидело немцев³⁰.

Местные жители в возрасте 18—50 лет должны были в обязательном порядке отбывать трудовую повинность. Согласно приказу губернатора Транснистрии от 23 августа 1942 г. молодежь, начиная с 20 лет, мобилизовывалась в «трудовые войска»³¹. Рабочий день достигал 14—16 часов в сутки. Повсеместно были установлены штрафы, телесные наказания, натуральные и денежные налоги.

Тяготы оккупационного режима проявлялись и в социально-культурной сфере. На оккупированной немцами территории Украины фактически была ликвидирована система среднего и высшего образования. Лишь в нескольких городах (Виннице, Днепропетровске и некоторых других) продолжали функционировать институты. Оккупанты разрешали открытие технических и сельскохозяйственных техникумов и училищ. Обучение (как и медицинское обслуживание) становилось платным, а потому (в условиях голода и дороговизны) доступным далеко не всем.

Занятия в начальных школах Украины возобновились только с 1 февраля 1942 г. Население принудительно обучалось немецкому языку. За незнание 20 слов по-немецки подвергали телесному наказанию³². В военной зоне оккупации группы армий «Юг» средние школы были закрыты в апреле 1942 г. Комендант полевой комендатуры г. Ахтырка (Сумская область) доносил в Берлин 19 мая 1942 г., что приказ «воспринят с недоумением» украинцами, которые «отличаются жаждой к образованию», а потому не доверяют властям³³.

Кох был чрезвычайно обеспокоен, что его распоряжение от 31 августа 1942 г. об обучении только в начальных школах выполнено не было. 24 октября того же года он разослал циркуляр³⁴, из которого следовало, что в рейхскомиссариате не только ведется обучение старшеклассников, но и институтам в Виннице и Киеве «придается характер университетов». Кох цинично писал, что *«нам совершенно безразлично, будет ли организовано на Украине обучение, из которого германское руководство сможет извлечь выгоду лишь через 10 лет»*.

Последний пассаж крайне важен для понимания логики одного из самых жестких администраторов на территории оккупированной части СССР. Обратим внимание, что Кох аргументирует эти меры отнюдь не в духе Генерального плана «ОСТ». Он подчеркивал, что в условиях войны даже в Германии прекращена подготовка медиков, и не исключал, что через 10 лет проблема обучения в университетах местных специалистов вновь может стать актуальной.

Можно предположить, что роль высокопоставленных чиновников, возглавлявших те или иные административные единицы, в осуществлении нацистской политики была достаточно весомой. Особенно яростным сторонником закрытия всех учебных заведений, кроме начальных

школ, был сам рейхскомиссар «Украины». Так, 24 октября 1942 г. Кох подписал приказ о закрытии средних школ и институтов и об отправке всех преподавателей и учащихся на работы в Германию³⁵.

В то же время в отдельных городах России в зоне военной администрации (в частности, в Ставропольском крае) в тот же период были открыты гимназии³⁶. На Кубани же появились лишь начальные школы с платным обучением, которое велось на частных квартирах³⁷.

Иной была ситуация и в той части Белоруссии, которая вошла в рейхскомиссариат «Остланд». 10 сентября 1941 г. гауляйтер генерального округа «Белоруссия» В. Кубе издал директиву о «культурном возрождении края». Она предусматривала открытие школ для детей (за исключением еврейских) от 7 до 14 лет. К концу 1942 г. здесь было 3485 школ и прогимназий, в которых обучалось 346 000 учащихся и работали 9716 педагогов. Во многих городах создавались профессионально-технические и средние специальные учебные заведения. В Молодечно работала учительская семинария; в Могилеве планировалось открыть медицинский институт³⁸.

В так называемой Локотской республике, находившейся под формальным самоуправлением на небольшой территории, входящей ныне в состав Брянской области, было 345 школ. В том числе — средние (например, в городе Дмитриев)³⁹.

В области семейно-бытовых отношений никаких указаний на расторжение браков местного населения и немцев официально не издавалось. Более того, немецкие военнослужащие охотно вступали в брак со славянскими невестами. Только в Калуге, где оккупация продлилась менее 3 месяцев, 52 девушки венчались в церкви с «оккупантами» вполне официально⁴⁰. Тем не менее публиковались циркуляры о необходимости наблюдения за немцами, женатыми на представителях славянского населения (или вышедшими за них замуж)⁴¹.

На оккупированной территории издавались газеты и журналы на языках народов СССР, работали кинозалы, театры, музеи, библиотеки, бани и даже цирки. Проводились (весьма редко) спортивные состязания. Некоторые из них, как легендарный футбольный «матч смерти» в Киеве, заканчивались заключением в концлагерь, а впоследствии и расстрелом его отдельных участников.*

С весны 1942 г. начался принудительный угон миллионов молодых людей на работу в Германию. Поскольку добровольная вербовка не принесла результатов, нацисты применяли варварские способы захвата людей во время посещения культурно-просветительных мероприятий. Укрывательство от угона жестоко каралось. Это также стало одним из факторов сопротивления оккупантам и, как следствие, усиления репрессий.

* Согласно сюжету знаменитого советского фильма, несколько футболистов киевского «Динамо» были расстреляны за победу в матче с немецкими летчиками. В действительности трое из них были арестованы и казнены за связь с подпольщиками.

Как известно, на оккупированной территории СССР нацисты и их пособники массово уничтожали цыганское население. Однако национальный, а тем более расовый критерий убийства был не основным: нацистская пропаганда называла цыган «асоциальными элементами». Газета «Новая Украина» опубликовала 5 сентября 1943 г. статью «Цыгане и Еврона», в которой рассматривала вопрос их преследований как проблему «социально-этнического порядка».

Сведения о цыганах не выделялись в сводных отчетах о положении на оккупированной территории в отдельный пункт, как это делалось в отношении евреев. Им никогда не приписывались и политические преступления типа саботажа или подстрекательства. Практически не упоминала о них и нацистская печатная пропаганда.

В отчетах полевых комендатур юга Украины за март 1942 г. сообщалось количество выявленных цыган, а в графе евреи стоял прочерк⁴². Информационный обзор организации украинских националистов за октябрь 1942 г. отмечал среди национальностей, работавших на шахтах Донбасса, цыган (евреи к тому времени здесь уже были уничтожены)⁴³. Тем не менее с весны 1942 г. в некоторых городах военной зоны оккупации появились объявления о регистрации цыган и переселении их в особые кварталы. 10 июня 1942 г. начальник полиции безопасности в Чернигове издал распоряжение «Относительно места проживания цыган», которое обязывало их под угрозой «сурового наказания» встать на учет в ближайшем полицейском участке с целью переселения «в точно обозначенные места, которые они без разрешения властей не имеют права покидать»⁴⁴. Это распоряжение привело вскоре к массовому уничтожению цыганского населения.

В зоне военной администрации на территории России (в Брянске, многих городах Смоленской области), Белоруссии и Украины (в том числе в Киеве) убийства цыган начались уже осенью 1941 г. Один из немногих приказов, предписывавших уничтожение не только евреев (которые «должны исчезнуть с лица земли»), но и цыган, подписан военным комендантом Белоруссии Бехтольсхаймом и датирован 24 ноября 1941 г.⁴⁵

Некоторые исследователи полагают, что нацисты преследовали в первую очередь кочевых цыган — они уничтожались не только эзесовцами, но и войсками вермахта, а поэтому не попадали в сводки карательных органов. Уничтожение цыган Европы не носило систематического и повсеместного характера. Темпы их уничтожения и преследований были иными, чем евреев. Согласно приказу Гимmlера от начала ноября 1942 г. в Германии предполагалось оставить 5000 — 8000 цыган. Достаточно сказать, что к марту 1943 г. из 28 627 цыган Германии более 4/5 (20 000) проживали в стране. Некоторые историки полагают, что не менее 15 000 из них удалось избежать депортации. Специальными распоряжениями рейхскомиссара «Остланда» Лозе от 27 января и 3 апреля 1942 г. разъяс-

нялось, что занятые на производстве цыгане как не представляющие «социальной опасности» не подлежат уничтожению.

Цыган из разных стран Европы доставляли для последующего уничтожения в гетто и лагеря смерти в Польше. Однако в Венгрии (откуда нацисты депортировали в Освенцим в 1944 г. несколько сот тысяч евреев) цыган практически не уничтожали⁴⁶.

Вместе с тем потери цыганского населения Европы (численность которого к началу Второй мировой войны определяется от 1 до 5 миллионов человек) были весьма значительны и достигали, по некоторым оценкам, не менее 500 000 человек⁴⁷.

Пример с цыганами, как одним из народов, также подвергшимся нацистскому геноциду, позволяет выделить своего рода иерархическую лестницу порядка их уничтожения и тех критериев (причин), по которым такой геноцид проводился.

На наш взгляд, именно цыганский народ должен был стать следующим по очередности после евреев жертвой тотального уничтожения в случае победы гитлеровцев в войне.

Особую категорию жертв нацистов составляли советские военнопленные, которые оказались в нечеловеческих условиях. Около 4 миллионов солдат и офицеров были уничтожены в концлагерях либо умерли от болезней, голода и непосильного труда. Однако оккупанты проводили по отношению к некоторым категориям военнопленных пропагандистские мероприятия. Так, в конце 1941 г. гитлеровцы отпустили всех украинцев, которых могли забрать родственники. Некоторые из них впоследствии вступили в ряды полиции; многие пополнили партизанские отряды. До мая 1944 г. свыше 800 000 советских солдат и офицеров, преимущественно украинцев, белорусов и прибалтов, было освобождено германским командованием из пропагандистских соображений⁴⁸.

Положение миллионов советских военнопленных оставалось особенно ужасным в первые месяцы войны. Поражение под Москвой заставило нацистов идти не только на эффективные меры по освобождению части из них, но и привело к рассмотрению вопроса об использовании большей части советских военнопленных в качестве бесплатной рабочей силы. Так, в циркуляре В. Кейтеля от 24 декабря 1941 г. указывалось, что в связи с необходимостью мобилизации населения Германии на фронт главной задачей всех соответствующих немецких служб является использование труда военнопленных. Прежде всего — «на предприятиях оборонного значения и в военном хозяйстве», что будет способствовать «сохранению и повышению производственной мощности нашей оборонной промышленности». В этих целях предлагалось как «предварительное условие для их всестороннего использования» установление «достаточного питания и устранение опасности сыпного тифа»⁴⁹.

Еще один приказ Кейтеля о военнопленных от 24 марта 1942 г. подчеркивал необходимость не только использовать их на работах, но и

предписывал «корректное» обращение. Особо отмечалось, что сопротивление должно подавляться оружием, а не рукоприкладством⁵⁰. Разумеется, немецкие власти делали это отнюдь не из гуманных, но из сугубо прагматических соображений.

В лагерях военнопленных с 1942 г. шла постоянная вербовка в состав Русской освободительной армии (РОА) под командованием генерала А. Власова и других национальных формирований. Многие военнопленные видели в этом шанс выжить, а затем перейти линию фронта или уйти к партизанам.

* * *

Все вышесказанное показывает, что мирное советское население, равно как и попавшие в плен военнослужащие, оказалось в неимоверно тяжелом правовом, экономическом и социально-культурном положении. В условиях объявленной «тотальной войны» и в соответствии со своими идеологическими постулатами нацисты осуществляли политику жестокого террора против всех своих реальных или потенциальных противников независимо от их национальности. Жертвами физического уничтожения, а также голода, болезней и военных действий стали миллионы мирных советских людей разных национальностей. Такое количество жертв не понесло мирное население ни одной другой страны, втянутой во Вторую мировую войну.

Вместе с тем преследование и тотальное истребление еврейского населения СССР занимало особое место в политике и практике нацистского оккупационного режима, причем не только по расовым, но и по идеологическим причинам.

1.2. Антисемитская пропаганда

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ

Периодическая печать рассматриваемого периода позволяет раскрыть вопрос о месте антисемитской пропаганды в системе расистской идеологии нацистов и степени ее эффективности. Свыше 400 периодических изданий, выходивших и распространявшихся нацистами на оккупированной территории Советского Союза на языках народов СССР⁵¹, позволяют взглянуть на события Холокоста глазами читателя провинциальной городской газеты того времени. Их содержание не может быть оценено без изучения организации нацистской пропаганды на оккупированной территории. К сожалению, эти проблемы (включая отраженные темы Холокоста) до последнего времени лишь фрагментарно изучены в советской и постсоветской историографии⁵².

О важности прессы как инструмента нацистской пропаганды на оккупированной части СССР свидетельствует тот факт, что нацисты издавали здесь сотни газет (в отличие от территории Польши, где выпускалось лишь 9 таких изданий)⁵³.

Вопрос об издании прессы на захваченных советских землях встал на одном из первых и важнейших совещаний в ставке фюрера о судьбах оккупированных советских территорий 16 июля 1941 г. Гитлер неожиданно предложил разрешить издание газет, например, в Украине, чтобы *«иметь возможность воздействовать на местное население»*⁵⁴.

Отметим, что в Прибалтике и Западной Украине периодические издания местных националистических организаций появились с первых дней оккупации. В частности, в Каунасе и Вильнюсе с конца июня 1941 г. их издавал Фронт литовских активистов. До середины августа в Украине выходила только одна официальная газета — «Украинские ежедневные вести»*, но издавалось несколько газет Организации украинских националистов (ОУН)⁵⁵. В Белоруссии и Прибалтике периодические издания под немецким контролем появляются в первые дни и недели оккупации. С конца лета 1941 г. газеты на языках народов СССР начинают выходить уже на всей захваченной территории.

Некоторые из них носили межрегиональный характер, как, например, издававшаяся в Ровно (столице рейхскомиссариата «Украина») газета «Вольнь». Распространялись по всей оккупированной территории России орловская газета «Речь» и выходившая в Пскове газета «За Родину» (редакция называла ее «первой русской ежедневной газетой в освобожденных областях»). Тиражи некоторых таких изданий достигали десятков тысяч и даже более сотни тысяч экземпляров. Они выходили с фотоиллюстрациями, некоторые номера издавались с использованием цветной печати. В крупных городах (Минске, Киеве, Одессе, Смоленске, Львове) выходило по две и более газет, в том числе на русском, польском, украинском, белорусском, немецком языках.

Созданием и изданием газет, подбором кадров, обеспечением информационными материалами и вопросами цензуры занимались специальные подразделения служб пропаганды вермахта и отделы пропаганды и прессы гражданских органов управления, подчиненных министерству по делам оккупированных Восточных территорий.

Оккупационные издания выходили первоначально под эгидой полевых комендатур, а затем становились, как правило, органами местных городских управ. Все они обеспечивались ежедневными информационными потоками служб пропаганды из Берлина, а также изданиями специализированных информационных служб на языках народов СССР. Вниманию редакций предлагались и тематические информационные

* Здесь и далее мы даем названия газет в переводе на русский язык или в русскоязычной транскрипции.

материалы по вопросам культуры, сельского хозяйства, жизни в Германии и т.д.

В отделах управления пропаганды рейхскомиссариатов «Остланд» и «Украина» составлялись периодические доклады о состоянии пропаганды в том или ином населенном пункте или регионе. Они включали место издания, названия газет и статей и их аннотации⁵⁶.

Это не только информировало руководство о содержании газет, но и служило формой цензуры. Влияние оккупационных властей на содержание и тематику периодической печати на языках народов СССР очевидно. Назначение редактора, контроль над составом редакции, а также информационной политикой этих изданий были одной из прерогатив оккупационных властей на местах.

Каждая редакция получала обязательные материалы для публикации, которые готовили соответствующие подразделения министерства народного просвещения и пропаганды, возглавляемого Й. Геббельсом, и министерства по делам оккупированных Восточных территорий.

Редакторами и сотрудниками коллаборационистских изданий были, как правило, местные журналисты, часть из которых активно работала в довоенной советской прессе (как, например, писатель и публицист Юрка Витвич в Витебске).

Судьба редакций оккупационных газет и их сотрудников целиком зависела от нацистской администрации. Показательна история одного из самых антисемитских изданий — киевского «Украинского слова». За одну свою публикацию о необходимости украинской государственности, а также за сотрудничество с ОУН все журналисты и некоторые авторы «Украинского слова» были расстреляны в декабре 1941 г. (по иронии судьбы — в том же Бабьем Яре, где нацисты осенью расправились с десятками тысяч евреев Киева). После этого название газеты было изменено на «Новое украинское слово», также выходившее на украинском языке.

Популярность прессы среди населения была predeterminedena регулярными публикациями сводок о положении на фронтах Второй мировой войны, а также распоряжений и приказов местной администрации. Современник вспоминал, что очередь за газетами на улицах Киева выстраивалась за час до открытия киосков. В отчете гарнизонной комендантуры Феодосии сообщалось, что 16 декабря 1941 г. *«путем продажи на улице был распространен 1-й тираж газеты, издающейся в Феодосии. Местное население с живым интересом восприняло газету, и тираж разошелся удивительно быстро»*⁵⁷.

Причиной популярности было и то, что эти издания излагали информацию более ярко и разнообразно в сравнении с довоенной советской прессой. Разумеется, это был не единственный канал пропаганды — активно использовались радио, киножурналы, листовки, плакаты, выставки и т.п. Однако для городского населения, значительную часть ко-

того как раз и составляли евреи, пресса была основным источником информации. Отметим, что местное радио регулярно передавало ее подробные обзоры. Подшивки газет также были доступны читателям городских библиотек.

ФОРМЫ АНТИСЕМИТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

«Еврейский вопрос» занимал весьма заметное, а для ряда изданий (прежде всего многотиражных) — едва ли не центральное место в антисоветской пропаганде. В редакционных статьях и присланных из Берлина пропагандистских материалах, регулярно публикуемых речах и выступлениях руководителей нацистской Германии четко проводилась мысль, что именно евреи как опора большевистского режима являются главными врагами не только Германии, но и других народов СССР⁵⁸.

Существенные отличия в количестве, остроте и жанровом разнообразии антисемитских публикаций свидетельствуют об относительной самостоятельности редакций в выборе периодичности использования данной темы и методов пропаганды.

Эта «инициатива» проявлялась чаще всего в передовых статьях и комментариях редакторов. Многие из них искренне считали антисемитскую тему одной из главных. Авторами таких публикаций нередко выступали сами главные редакторы и другие сотрудники, стремившиеся выразить солидарность с нацистами. Были в составе редакций журналисты, равно как и местные авторы, специализировавшиеся на антисемитской тематике.

Так, в «Украинском слове» антисемитские материалы появлялись практически в каждом номере, причем в разных рубриках. Всего их было опубликовано свыше 100. В октябре — декабре 1941 г. газета поместила серию тематических антисемитских материалов, адресованных молодежи, интеллигенции, рабочим, с «разоблачениями» евреев⁵⁹. Типична по тематике и содержание статья в одном из последних номеров газеты от 13 декабря 1941 г. Она называлась «Жида — самые большие враги человечества».

Отметим, что «Новое украинское слово» не уступало предшественнику в антисемитской риторике: около 600 номеров издания из вышедших 700 содержали статьи о евреях⁶⁰. Немало антисемитских материалов публиковалось и в русскоязычной киевской газете «Последние новости».

Русскоязычная «Минская газета» уже в одном из первых номеров декларировала тезис, что «*жидим нет места среди нас*». Борьба с евреями провозглашалась как одна из важнейших задач сторонников «нового порядка». Одна из одесских газет писала в 1942 г.:

«Многие считают — наше место на фронте, фронте борьбы с большевизмом. Но немцы и их союзники с этим справятся сами. У нас есть более важная задача — борьба с евреями».

Об этом же свидетельствуют названия некоторых передовых статей: «Евреи — враги человечества» («Смоленский вестник», 26.11.1941 г.);

«Наша обязанность и наша ответственность» и «Покончить с жидовско-большевистской агентурой» («Новое украинское слово» 30.12. 1941 г. и 17.03. 1942 г.), «Большевизм — дело и оружие еврейства» («Голос Крыма», 28.12. 1941 г.), «Жидо-большевизм не имеет право на существование» («Новый путь», г. Клишцы, 15. 04. 1943 г.).

Регулярно объяснялись причины жестокого обращения с евреями, приводились многочисленные примеры антиеврейского законодательства во всей оккупированной Европе и государствах — союзниках Германии.

В публичной пропаганде на оккупированной советской территории нацисты употребляли термин «неарийцы» лишь применительно к евреям. Антирусские и антипольские статьи также публиковались (чаще всего в украинской периодике), но они носили, как правило, форму исторического экскурса и были сравнительно немногочисленными.

Центральный тезис антисемитской пропаганды гласил, что никакие другие народы на оккупированной территории (о цыганах упоминалось крайне редко) не являются объектом преследования вообще и по национальному признаку в частности. Газета «Голос Крыма» писала в передовой статье «Национал-социализм и национальный вопрос» от 4 января 1942 г.:

«Есть еще люди вне Германии, не имеющие возможности ознакомиться с идеями национал-социализма, которые полагают, что наряду с евреями могут быть и другие народы, к которым национал-социализм относится враждебно. Они глубоко ошибаются.»

В другой статье, под символическим заголовком «Оккупанты России», эта газета (в передовой статье номера от 22 июля 1942 г.) утверждала:

«Русский народ не только не истребляется, а, наоборот, охраняется германской армией от того истребления, которому подвергают его большевики на своей территории.»

Мировое жидовство теперь открыто выступило в роли интервентов России. Россия полностью оккупирована жидами всего мира, хозяйствующими в нашей стране.

...Поддержка Германии полезна для нас, русских. Если бы вся Россия была оккупирована немцами, то для русских это был бы рай».*

Во многих оккупационных газетах была опубликована статья профессора Гросса, руководителя расово-политического отдела нацистской партии, под заголовком «Германская расовая политика не затрагивает чести других народов». Статья была написана по просьбе одной из самых многотиражных русских газет — «Заря», издававшейся в Берлине. В Украине статья появилась в начале августа 1943 г. (русскоязычная газета «Донецкий вестник», Юзовка, 08.08.1943 г.), а в некоторых газетах Рос-

* Данный текст говорит сам за себя. Мы знаем, каким невероятным страданиям русский и другие народы нашей страны были подвергнуты реальными, а не мнимыми оккупантами. Однако похожие цитаты легко найти в современных экстремистских изданиях.

сни примерно через неделю («Новый путь», г. Клишцы, 15.08.1943 г.). Один из главных расовых «теоретиков» особо подчеркивал:

«Нельзя смешивать две вещи: борьбу, которую германский народ ведет и будет вести против чуждого по расе еврейства, и прочие расово-политические мероприятия Германии».

Целью антисемитской пропаганды являлось как привлечение местного населения к истреблению и особенно поиску скрывавшихся и бежавших евреев, так и создание особого психологического климата, на фоне которого открыто совершалось убийство целого народа. Систематическая — по любому поводу и даже без него — антисемитская риторика на оккупированной советской территории стала важнейшим атрибутом нацистской пропаганды. Буквально с первых дней оккупации она занимает видное место на страницах местной периодической печати. На первых полосах с большими заголовками о борьбе с «иудо-большевизмом» и «еврейским засильем» появляются речи и статьи как лидеров Третьего рейха, так и представителей местной администрации.

Тематика антисемитских статей весьма разнообразна. История евреев, их религия, жизнь среди других народов, особенности национального характера и внешности, образ еврея в русской литературе, роль евреев в революционном движении и в советском государстве были важными и постоянными темами этих изданий.

В статье лейтенанта РОА И. Шубина («За Родину», 23.08.1943 г.) была дана ссылка на «Протоколы сионских мудрецов» — «программу мирового еврейства». В той же газете от 12—14 июня 1943 г. некто Игорь Свободин на полосе под заголовком «Мы и иудеи» из цикла «Фронт борьбы за новую Россию» рассуждал так:

«Говоря о России новой, нельзя не коснуться проблемы, которую нам в первую очередь придется разрешить: мы говорим об иудейском вопросе».

«Последние 35 лет нашей истории доказали, что большевизм и иудейство — это одно и то же».

«...В Новой России власть иудеев будет сломлена. С исчезновением большевизма навсегда закончится эра иудейского владычества».

В другой статье этого же автора (12—14.07.1943 г.) говорилось:

«Новая Россия в еврейском вопросе должна разделить позицию, занятую ныне остальными народами Европы...»

«В Европе жидам больше нечего делать, задача всех европейцев — раз и навсегда освободить Европу от иудейской чумы. Теперешняя война раз и навсегда разрешит еврейский вопрос. Еврейство и большевизм будут уничтожены!»

Как видим, автор здесь более определенен, чем многие его коллеги, писавшие об уничтожении «жидо-большевизма», что можно было бы трактовать только в идеологическом плане.

Типично название статьи в «Дрогобычском слове» от 30 марта 1942 г. — «Как жида господствовали в Украине». Обычно эта тема ак-

тивно муссировалась в «юбилейных» изданиях, приуроченных к «годовщине освобождения от большевиков». В одноименной статье бургомистр г. Клишцы П. Рево все беды русского народа после 1917 г. приписывал евреям («Новый путь», 19.08.1943 г.). Смоленский «Колокол» призывал «уничтожить жидовствующий большевизм» (26.02.1942 г.).

В третьем номере газеты «Новый путь» (13.12.1941 г.), издававшейся в Калуге, была помещена статья «Воскрешение из мертвых», подписанная И.Г. Зубковским. Автор писал о заговоре сионских мудрецов, «который решили осуществить евреи во главе со Сталиным весной 1941 г., — захватить мир». Статья содержала сведения о количестве евреев в советском радиокомитете и проявлениях антисемитизма в советском тылу.

Разумеется, центральное место в антисемитской пропаганде занимал тезис о «еврейской засилье в Кремле», преступлениях евреев в годы революции и Гражданской войны, их работе в ЧК и органах НКВД. Особенно активно использовался тезис о «еврейских зверствах» накануне и в первые дни войны. Как правило, это была намеренная дезинформация, подстрекавшая местное население к актам насилия.

Так, в латвийской прессе появились статьи о мучительных пытках и казнях, применявшихся сотрудниками НКВД при участии еврейских врачей в латышском городе Резекне. Несколько месяцев спустя, после того как евреи этого городка были замучены оккупантами и их пособниками, прокурор Даугавпилса поручил провести расследование обстоятельств дела.

Полиция Резекне, допросив отца одной из жертв большевиков, установила, что *«кожея на спине не была вырезана, не было также и следов другого рода насилия... Хильдегард Курикова не убита (газеты сообщали, что у нее «была отрезана грудь и выбиты зубы». — И.А.), а проживает в Резекне по адресу Агбривошанас, 13. Полицейский участок не имеет никаких доказательств в подтверждение муссирующихся в городе слухов, что еврейские врачи участвовали в пытках арестованных. Резекне, 13 октября 1941 г.»⁶¹.*

Понятно, что никаких опровержений в результате этого расследования нигде опубликовано не было. Однако сам факт его проведения (несомненно, что и прокурор, и проводивший расследование полицейский рисковали как минимум своими должностями) показывает, что далеко не все местные жители верили нацистской пропаганде.

Оккупационная пресса публиковала информацию, касающуюся не только СССР, но и других европейских государств: союзников Германии, нейтральных держав, стран антигитлеровской коалиции, а также ряда государств Азии, Африки и Южной Америки.

Серия таких информации была опубликована летом 1942 г. (причем в один день) под типичными заголовками: «Жиды в Южной Африке», «Жидовская солидарность с советскими жидами», «Жиды руководят акцией» в газетах «Тернопольский голос» и «Станиславское слово» (06.09.1941 г.).

«Львовские вести» уже в одном из первых номеров разъясняли проеврейскую политику СССР и Англии (публикация «Одним миром мазапы» от 20. 08. 1941 г.). О финансовой поддержке «английскими жидами» евреев СССР писала белоцерковская газета «Звон Воли» (11. 09. 1942 г.).

Самое пристальное внимание нацистская пропаганда уделяла положению в Палестине. Осмеивались акции солидарности с евреями Европы, сообщалось об антисемитизме арабов.

Регулярно публиковались сведения и о проявлениях антисемитизма в странах антигитлеровской коалиции и реакции их правительств (в 1942 г.) на судьбу евреев Европы (с целью показать «проеврейскую политику» этих государств).

В последние месяцы оккупации еврейская тема вновь становится «популярной». После относительного спада антисемитской риторики во второй половине 1942 г. (к этому времени 4/5 евреев уже были уничтожены) оккупационные газеты с весны 1943 г. вновь возвращаются к «еврейскому вопросу». Авторы этих материалов писали о возможных последствиях возвращения Красной Армии и тех бедах, от которых немецкие оккупационные власти «освободили» местное население. Именно в этот период газеты активно цитируют антисемитские высказывания известных русских писателей и политиков. Лейтмотив таких публикаций — необходимо бежать вместе с немецкой армией от мести евреев. В то же время в нацистской пропаганде активно публикуются статьи и фельетоны типа «Жида не спешат воевать» и о «третьем фронте» в Ташкенте.

Активно использовались цитаты классиков русской и украинской литературы (статьи типа «Жида в произведениях» Тараса Шевченко, Федора Достоевского, Александра Куприна и др.). Так, газета «За Родину» (Псков) поместила на первой странице статью «Иудейство — бедствие всех народов» с подзаголовком «Жида в оценке Достоевского».

Там же была опубликована статья «Евреи в советской музыке» (29. 10. 1943 г.), где говорилось, что 75—90% студентов и 50% преподавателей консерваторий являются евреями. Удивительно, но один из ведущих советских идеологов, начальник управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) Александров еще годом ранее (17. 08. 1942 г.) в специальной докладной записке рассуждал «о заслуге нерусских людей, главным образом — евреев» в искусстве, в том числе в Московской и Ленинградской консерваториях⁶².

Очевидно, что антисемитизм не знает не только границ, но и линий фронтов...

«Просветительская» антисемитская работа издателей газет выражалась в публикации огромного количества материалов о преследованиях евреев во все времена и во всех государствах мира; приводились цитаты из антисемитских высказываний известных философов и политиков. Этот бурный всплеск антиеврейской риторики накануне отступления войск нацистов был одним из их последних резервов в идеологической борьбе

с «иудо-большевизмом». Она была призвана запугать людей угрозой мести со стороны советских властей и обеспечить если не поддержку оккупантов, то хотя бы неучастие в движении Сопротивления.

Авторами этих статей были не только журналисты, но и специалисты в различных областях — историки, искусствоведы, врачи и музыканты. Была усилена и «разъяснительная работа». Вскоре после ликвидации гетто в Кременце местная газета поместила статью «Еврейская проблема не является религиозной проблемой» («Кременецкий вестник», 20. 09. 1942 г.).

В газетах, издававшихся в Берлине для лиц, угнанных в Германию, и военнослужащих Русской освободительной армии, публиковались «письма с родины», в которых антисемитская тема представлена очень широко как географически, так и тематически. В газете «Вести», издававшейся в Берлине для украинских рабочих, была помещена большая статья «Как жида захватили Родину» (10. 06. 1943 г.), в которой говорилось, что евреи *«всегда относились враждебно к нашему народу и нашей культуре. В ходе всей истории они всегда стояли на стороне наших врагов и старались нам как можно больше навредить... Сегодня наш национальный организм стряхнул с себя евреев»*.

В периодических изданиях Русской освободительной армии (РОА) и листовках власовцев тема антисемитизма и Холокоста являлась составной частью антисоветской и антикоммунистической пропаганды. Здесь помещалось меньше специальных статей и исторических экскурсов. Насаждение антисемитизма велось с применением самых разнообразных журналистских приемов — памфлетов, рассказов, карикатур, изображающих евреев кровожадными монстрами и дебилами, сатирических стихов и частушек, бытовых зарисовок (типа «Из разговоров в трам-вае»), писем с фронта и на фронт, воспоминаний советских военнопленных. Но и здесь еврейская тема, как правило, лишь сопутствовала обличению большевизма.

Еженедельник «Доброволец» («Еженедельная газета войск освободительного движения») № 3 (17.07. 1943 г.) в статье «Великий обман» подчеркивал:

«Сейчас долг каждого русского патриота взяться за оружие и обратиться его против злейшего врага — еврея».

Лишь отдельные листовки и статьи целиком посвящены еврейской теме. В то же время с «солдатской прямоотой» в них иногда говорилось то, что в периодических изданиях на оккупированной территории звучало завуалировано. Одна из таких листовок под заголовком «Почему они кричат? И чего они хотят?» датирована мартом 1944 г.⁶³ Она посвящена «разъяснению» призыва Ильи Эренбурга «Убей немца»:

«Чего кипятится этот жид? Он визжит, брызжса слюной от ярости, призывая нас убивать врагов ЕГО народа. Да! Немцы безжалостно истребляли жидов».

Туда им и дорога!

Вот почему так яростно лает эта жидовская собака — Эренбург. Товарищи! Видели ли вы когда-нибудь, сами, эти «немецкие зверства» по отношению к русскому народу, о которых denn и поцню твердит советская пропаганда, все эти Эренбурги? Нет, вы их не видели и видеть не могли, потому что это сплошной вымысел. А вот еврейские зверства мы пережили сами на своей спине».

Показательно, что в листовке прямо говорится об уничтожении евреев нацистами. Важно обратить внимание и на другой пропагандистский прием — отрицание зверств оккупантов по отношению к русским; утверждение, что никого, кроме евреев, немцы не убивали.

ИНФОРМАЦИЯ О ХОЛОКОСТЕ

Статьи, которые прямо или косвенно освещали эту тему, помещали практически все периодические издания. Особенно подробно освещались антиеврейское законодательство и дискриминационные меры, принимаемые как союзниками Германии, так и в оккупированных ею странах.

Под заголовком «Очищение Европы от евреев» газета «Украинское новое слово» знакомила читателей с сокращением численности евреев в Европе. «Винницкие вести» поместили ретроспективную информацию под заголовком «Когда в Германии правили евреи» (03.05.1942 г.). Харьковская газета «Новая Украина», которая весьма активно отражала «еврейский вопрос», поместила специальную статью о судьбе евреев Словакии (10.04.1942 г.).

Сведения о создании гетто и пребывании там евреев на оккупированной территории СССР, судя по всему, не являлись «закрытыми». Центральное издание на латышском языке, рижская газета «Гевия» поместила 8 ноября 1941 г. статью «Тридцать тысяч жидов за колючей проволокой — рижское гетто». В ней говорилось:

«Перемещение рижских жидов из шикарных квартир в центре Риги и Межсапарке близится к завершению... Сейчас в гетто живет около 30 000 евреев. До сих пор в районе гетто жили 11 000 русских и поляков и 2000 жидов. Арийцам теперь квартиры предоставлены вне гетто».

В этой статье (как отметил М. Звонов) содержится информация о том, что площадь для проживания евреев была предоставлена почти в три раза меньшая, чем она была у прежних жителей. Русские и поляки названы в статье «арийцами»¹⁴. Данная фразеология еще раз подчеркивала пропагандистский характер публикаций о преследовании евреев.

Сведения о гетто регулярно публиковали и украинские газеты. 12 ноября 1941 г. «Львовские вести» сообщили об организации «еврейского участка» во Львове. Об этом же писала другая львовская газета — «Родная земля» 23 ноября 1941 г. и киевское «Украинское слово» 29 ноября 1941 г. О создании такого же «участка» в Сталиславе и

Самборе «Львовские вести» сообщили соответственно 28 ноября 1941 г. и 12 марта 1942 г.

Отдельные статьи включают уникальный статистический материал о численности населения (в том числе евреев) в некоторых оккупированных городах Украины и России. Так, о численности евреев Станислава и Жолквы на начало 1942 г. сообщили «Львовские вести» (02. 01. 1942 г. и 15. 02. 1942 г.). Данные о численности населения в Чернигове неожиданно заинтересовали брестскую газету «Наше слово» (12. 04. 1942 г.). Чуть позже эти цифры можно было прочесть в «Дрогобычском слове» и «Винницких вестях». Сведения о жителях Херсона (с упоминанием евреев) печатали в «Украинском голосе», издававшемся в далеком от него Луцке (номер от 16. 07. 1942 г.). Местные газеты сообщали о численности еврейского населения в 1941—1942 гг. в некоторых городах России: Калуге («Новый путь», 13. 12. 1941 г.), Клинцах Брянской области и в Торопце Калининской области.

Другим косвенным источником информации о Холокосте являются статьи об освобожденных еврейских домах и квартирах. Такие сведения поместили газеты «Звон» (Белая Церковь) 12 октября 1941 г.; «Минская газета» (28. 10. 1941 г.), «Рогатинское слово» (01. 11. 1941 г.), «Львовские вести» (6. 12. 1941 г.). Это дает возможность уточнить число жертв Холокоста в этих городах.

Важнейшее значение имеет информация о преследованиях нацистами и их пособниками тех, кто укрывал евреев. Материалы прессы, издававшейся в Одессе под контролем румынской администрации, содержат регулярные сведения о военно-полевых судах по делам тех, кто помогал евреям. Там же несколько раз публиковались списки скрывавшихся евреев, включавшие сведения об их профессии и адресе.

Отдельные газеты помещали приказы властей о розыске евреев, бежавших из тюрем и гетто («Васильковские вести», 08. 10. 1942 г.). Некоторые периодические издания прямо обращались к читателям с призывом сообщать соответствующую информацию как о евреях, так и об их укрывателях. Спустя неделю после расстрелов в Бабьем Яре «Украинское слово» писало:

«Жиды, которые до сих пор есть в Киеве, маскируются под разные национальности — греков, армян, украинцев, русских, платят сотни тысяч рублей за соответствующие документы...»

Но Украина имеет множество настоящих патриотов, которые мечтают как можно скорее очистить свою жизнь, свои села, густые леса и прекрасные города от партизан, жидов-поджигателей и красных комиссаров.

Эти патриоты ежедневно приходят в маленький домик на бульваре Шевченко, 48, и рассказывают про врагов, которые, как правило, прячутся под чужими именами.»

Появление таких статей фактически служило сигналом для окружающего населения о том, что евреи поставлены вне закона. Это стимули-

ровало антиеврейские акции и погромы местных коллаборационистов, доносы на скрывавшихся, отказ предоставить им помощь.

Газеты регулярно публиковали специальные распоряжения оккупационных властей, касающиеся евреев (приказы об их регистрации, переселении в гетто, о всевозможных ограничениях в повседневной жизни, а также многочисленные запреты для местных жителей, касающиеся любых взаимоотношений с евреями). Такие приказы и объявления, касавшиеся евреев, публиковались, как правило, на первых страницах газет и отражали дискриминацию еврейского населения во всех сферах жизни.

Многие издания уже с первых номеров спешили сообщить читателям об особом правовом положении евреев. Нередко такие специальные по тематике публикации совпадали по хронологии с репрессиями против еврейского населения данной местности и косвенно объясняли их. Так, в выходившей на белорусском языке «Менской газете» за 20 июля 1941 г. (т.е. практически одновременно с решением военных властей о переселении десятков тысяч евреев города в гетто) появляется (причем на первой странице) большая статья «Правовое положение евреев и поляков на Востоке». Впоследствии она была перепечатана и в других изданиях на территории Белоруссии и Украины (например, в выходившей в Минске на белорусском языке газете «Голос вески» от 16. 01. 1942 г.).

А вот сам приказ о создании минского гетто, датированный 19 июля 1941 г. и имевший для местных жителей гораздо большую актуальность, был опубликован в этой газете только через неделю, 27 июля.

В четвертом номере херсонской газеты «Голос Днестра» говорилось об «отличительных знаках для жидов и лиц частично жидовского происхождения» (06. 01. 1942 г.). Обратим внимание на отсутствие в публикациях и приказах оккупационных властей унификации в обозначении полуевреев (мешанец, полукровка и т.п.).

Начиная со второго номера, вышедшего 11 августа (там на последней странице была помещена статья с символическим названием «Конец жидовской торговли»), самое пристальное внимание еврейской тематике уделяла издававшаяся на украинском языке газета «Львовские вести». В августе — сентябре 1941 г. она поместила серию статей о наложении различных ограничений на евреев в странах Европы и в самой Германии (введении для них принудительного труда, отдельных трамваев, отличительных знаков и т.п.).

В номере от 12 сентября 1941 г. газета сообщала о запрете для евреев Львова появляться на базаре с 6 утра до 12 часов дня. Им разрешалось находиться там с 12 до 14 часов, когда торговля была фактически прекращена. За нарушение налагался штраф — 1000 злотых.

Значительное число таких приказов касалось еврейской собственности и имущества (запрет закладывать и продавать свое имущество; наложение контрибуции и т.п.). Запреты на браки и сожительство с евреями также занимают значительное место в публикациях оккупационной прессы.

Эти издания дают возможность реально отследить события Холокоста, происходящие в различных регионах в конкретное время. Разумеется, на оккупированной территории, в условиях военного времени, не могло быть прямых сообщений об уничтожении евреев. Но немало косвенных свидетельств этого можно найти на страницах этих изданий. Так, статья А. Костина в издававшейся в Белоруссии «Слущкой газете» называлась «Без жидов» (25. 05. 1943 г.). Кроме того, в газетных публикациях систематически появлялись призывы к полному уничтожению евреев либо констатировался факт их полного «исчезновения» из данного города или региона.

Читатели прекрасно понимали, что скрывается за информацией о резком сокращении или исчезновении еврейского населения в каком-то городе или регионе. Можно отметить тенденцию нарастания антисемитской пропаганды непосредственно после проведения акций уничтожения (газеты Ростова, Крыма, Киева).

Первый номер газеты «Голос Крыма», вышедший на следующий день после расстрела 14 000 евреев Симферополя, поместил на первой полосе три статьи, оправдывающие и декларирующие необходимость избавления от евреев Европы.

Практически открыто писали о преследовании и уничтожении местных евреев латышские газеты. Издававшаяся в Лиепае газета «Курземес Вардс» поместила 6 июля 1941 г. (на следующий день после издания немецкого распоряжения об антиеврейских мерах) статью «Без жидов», где говорилось:

«Жидовской власти теперь конец. Одним распоряжением, которое вчера было опубликовано в нашей газете, лиепайским жидим указано то место, которое они заслужили. Жидовство надо искоренить, латышскому народу следует очиститься от жидовских нечистот, чтобы он мог свободно строить свою жизнь».

«Даугавпилс латвиешу авизе» сообщала в конце июля 1942 г.:

«...28 июля в городе был на редкость праздничный день, потому что именно в этот день Даугавпилс раз и навсегда освободился от предателей народа — последних остатков жидов. 14 000 жидов, тех, кто годами укреплялся в городе, вычистить до последнего — это действительно труд, достойный восхищения».

Газета «Вентас Балс» призывала:

«К жидим у нас может быть только одно отношение — уничтожать их точно так же, как делают это наши освободители немцы».

1 декабря 1941 г., через день после первого массового расстрела рижских евреев, газета «Тевня» поместила статью Яниса Мартинсонса «Борьба против жидовства»:

«Наконец пришло время, когда почти все нации Европы научились распознавать своего общего врага — жидов. Почти все народы Европы начали войну против этого врага как на полях сражений, так и в деле внутренне-

во строительства. И для нас, латышей, пришел этот миг. Появились уже первые бойцы на полях сражений, за ними последуют другие».

Косвенные сведения о Холокосте поместили в начале 1942 г. другое латышское издание — «Земгальский календарь». Его автор, А. Шилде, писал:

«Оценивая важнейшие события прошлого года, нельзя замолчать ту великую радость, которая ощущается от решения еврейского вопроса на нашей земле»⁶⁵.

Нередко непосредственным откликом на антиеврейские меры властей были статьи с фактическим оправданием и объяснением этих действий. В августе 1941 г. известный литовский журналист П. Андрушис (Ф. Андрусевичус) в репортаже «Вернем честь старому городу» восторженно писал о выселении евреев Каунаса в гетто и выражал удовлетворение по поводу того, что «лишенные культуры, уважения к литовцам и перипильные евреи не будут больше появляться на улицах Каунаса».

Вместе с тем читатели на оккупированной территории могли неожиданно получать хотя и искаженное, но некоторое представление об еврейском Сопротивлении. Например, сведения о восстании в варшавском гетто (публиковавшиеся в контексте его подавления в киевской газете «Последние новости» за 31 мая 1943 г.). Отметим, что советские газеты периода войны не упоминали об этом восстании.

А в псковской газете «За Родину» 28 октября 1943 г. были опубликованы сразу две фотографии гетто в Польше (варшавского и лодзинского). Они были приложены как иллюстрация к статье «Еврейский вопрос в прошлом и настоящем» — очевидно, как иллюстрация «настоящего». Но если лодзинское гетто еще существовало, то евреи Варшавы были уже истреблены в Трешлинке и других лагерях смерти.

В ряде материалов приводятся сведения о протесте местного населения против преследования евреев. Естественно, что основной пафос статей состоял в информировании о жестоком подавлении такого сопротивления и всех местных жителей, поддерживавших евреев.

В 1942—1943 гг. многие издания поместили материалы, направленные против любого проявления сочувствия или жалости к скрывающимся евреям. Одна из литовских газет с негодованием сообщала, как прилично одетая женщина о чем-то долго беседовала с узником гетто прямо на улице. Типичным приемом пропаганды, рассчитанной на достижение такой же цели, была публикация информации о наказании тех, кто оказывал помощь или сочувствовал евреям в других странах. Например, в статье «Соломонова звезда во Франции»*, опубликованной 15 июля 1942 г. в газете «Голос Крыма», приводился пример демонстрации сочувствия евреям и наказания виновных:

* Любопытно, что «звезду Давида» приписали другому древнееврейскому царю — Соломону.

«Французские власти (имеется в виду марионеточный режим маршала Петена в Виши. — И.А.) напомнили евреям о необходимости носить желтые звезды. В ряде случаев было замечено, что евреи или совсем не носили звезды, или носили несколько, или прибавляли к ним надписи. Все эти виновные были немедленно отправлены в лагерь для евреев.

Некоторое число французов-неевреев носило еврейскую звезду или отлечие, похожее на нее, в знак симпатии к евреям. Все эти французы были также отправлены в лагерь для евреев».

Понятно, что целью таких публикаций было стремление запугать местное население и свести до минимума какую бы то ни было помощь евреям с его стороны.

Однако эти же сведения могли вдохновлять отдельных людей на помощь евреям, показывали им, что они не одиноки в проявлении своих гуманных чувств. Кроме того, в данной публикации косвенно признавался факт, что евреи сопротивляются приказам властей и сохраняют свое человеческое достоинство.

АНТИСЕМИТСКАЯ ПРОПАГАНДА В ИЗДАНИЯХ ОУН

Помимо легальной антисемитской пропаганды на оккупированной территории, она активно велась украинскими, литовскими и польскими националистами, в том числе и теми организациями, которые боролись с немецкими оккупантами. В Центральном государственном архиве общественных организаций Украины (ЦГАООУ) в Киеве сохранились дела с листовками различных организаций украинских националистов и решениями их высших и местных органов за 1941—1944 гг. Было бы пресувеличением говорить, что еврейский вопрос или задача уничтожения еврейского населения были в них центральными. Значительная часть листовок и обращений эту тему вообще не упоминает или упоминает вскользь. Определенную сложность работы с этими документами представляет то, что они не всегда датированы, что мешает точно установить хронологию подъемов и спадов «антисемитской пропаганды».

Тем не менее очевидно, что в первые недели и даже месяцы войны украинскими националистами в их печатной пропаганде выражалась прямая солидарность с целями нацистской Германии в решении еврейского вопроса. Главный враг (практически неизменно в течение всего периода войны) декларировался как «московский большевизм». Нередко добавлялся и эпитет «жидовский», что выглядело как само собой разумеющееся. Уже в «Наказе» Организации украинских националистов (ОУН) от 1 августа 1941 г. о задачах национального строительства, подписанном «Левко Западный», члены бандеровского крыла этой организации призывались не приветствовать евреев и не подавать им руки; не продавать им (а также полякам) продукты; в духе нацистской практики начала 30-х гг. бойкотировать и наказывать тех украинцев, кто этого не сделает⁶⁶.

Летом—осенью 1941 г. информационный бюллетень бандеровцев «Наша борьба» повторял тезисы нацистской пропаганды о евреях — палачах НКВД (статья «Две жидовки в роли палачей» от 15. 09. 1941 г. и др.). В листовке от 19 сентября 1941 г., распространяемой на западноукраинских землях, враждебными силами назывались «ляхи и жида», с властью которых будет покончено и с которыми «мы должны... расправиться».

Видимо, к этому же периоду относится листовка без даты, обращенная к украинскому народу со словами:

«Знай! Москва, мадьяры, жидова — это все твои враги. Уничтожай их!»⁶⁷.

Поскольку и «Москва» и «мадьяры» были недосыгаемы, то реально уничтожить можно было только евреев. В листовке бандеровского крыла ОУН «Украинский народ», приуроченной к годовщине провозглашения украинской державы и распространяемой летом 1942 г., т.е. после апрельского съезда ОУН(б), говорилось: «...сегодня идет бой с московско-жидовским большевизмом», но не упоминалась Германия.

В другой листовке этой организации говорится о «московско-жидовских наемниках» и «московских жидках», которые свободу украинского народа «топтали ногами, когда были в нашем краю», а заканчивается она призывом: «Долой жида-большевиков!»

Идеологи бандеровского движения утверждали, что коммунизм принесли на Украину «жиды, москалы, поляки». Негативное отношение к евреям демонстрировалось в десятках карикатур, сатирических стихах, частушках⁶⁸.

Антисемитская риторика продолжала сохраняться в листовках украинских националистов все годы войны, в том числе в документах с призывом к борьбе или противодействию немецким оккупантам. Так, в ноябре 1942 г. призыв уклоняться от угона в Германию начинался словами: «24 года мы страдали от коммунистов и жидов».

Интересна последовательность обозначения врагов в призывах ОУН, датированных 27 апреля 1943 г.: «Бей жида, ляха, кацапа и лемца». В этот же период регулярно звучат «призывы» (причем немцы вообще в них не упоминаются!) о необходимости освобождения Украины от «московско-большевистских и ляхо-жидовских банд»⁶⁹. Думается, эти статьи и лозунги достаточно наглядно отражают мировоззрение и действия сторонников Бандеры.

Отметим, что организации ОУН(м) — сторонники другого лидера националистов, полковника Мельника, — и Украинская повстанческая армия (УПА) меньше касались еврейской темы в своей пропаганде, сосредоточившись на борьбе с «Москвой». Однако мельниковцы прямо подчеркивали свою лояльность оккупационному режиму, отмечая, что «победоносному походу немецкой армии против красной Москвы украинский народ помогает вооруженной рукой».

В листовке «К украинской молодежи» говорилось, что большевистская партия находится «под руководством москалей и жидов», а они — «палачи Украины». Еще более определенен призыв к украинской молодежи в другой листовке:

«ОУН несет... жизнь на твоей земле, где не будет ни кацана, ни жида, ни дяха. Покоимся с чужаками».

Антисемитская риторика встречается и в других пропагандистских материалах мельниковцев⁷⁰. В пресамбуле к решению, принятому на II съезде ОУН (б) в апреле 1942 г. о неучастии в еврейских погромах, неоднократно говорилось об «антиеврейских настроениях украинских масс» и о евреях как «предавшей опоре правящего большевистского режима»⁷¹.

Как известно, в этот же период чрезвычайно острыми были и украинско-польские отношения, которые съезд призывал «нормализовать». Контраст в этом пункте с отношением к евреям очевиден.

На III Чрезвычайном съезде ОУН (б) в августе 1943 г. Холокост уже был использован как средство мобилизации украинского народа, когда на нем прозвучал призыв: «Не дадим себя вырезать на еврейский манер»⁷². На съезде впервые было признано право на существование евреев среди других национальных меньшинств Украины. Но к этому времени свыше 90% всех оставшихся на оккупированной территории евреев Украины были уничтожены.

Подчеркнем, что все течения украинских националистов (и в этом их сходство с нацистской пропагандой) идентифицировали советский режим с евреями. Поэтому наличие прямых и открытых призывов борьбы именно с «жидами» и не требовалось — участники движения на местах нередко превосходили в антисемитизме своих лидеров.

Возращение к антиеврейской риторике в 1943—1944 гг. (и это тоже характерно для оккупационной прессы нацистов) как раз и было обусловлено необходимостью на основе антисемитизма привлечь своих сторонников к вооруженной борьбе с «Москвой».

* * *

Периодические издания читали и обсуждали миллионы людей на оккупированной советской территории. Даже чисто статистический подход к анализу данного информационного массива (нами выявлено около 6000 статей) говорит о широчайшей психологической обработке местного населения нацистскими властями при проведении ими политики «окончательного решения еврейского вопроса». Причем обработка продолжалась даже в тех местах, где еврейское население было полностью уничтожено. Периодическая печать на оккупированной территории не только информировала население об антиеврейских мероприятиях властей, насаждала антисемитизм и расовую теорию нацистов, но и непосредственно влияла на изменение отношения к евреям местного населения. А это подчас имело решаю-

щее значение при оказании или неокказании им необходимой помощи. Объективно антисемитская риторика в пропаганде украинских и прибалтийских националистов способствовала их вовлечению в антиеврейские мероприятия нацистов, включая участие в убийстве еврейского населения.

1.3. Социально-правовое положение евреев

СТАТУС «НЕАРИЙЦА»

Одной из наших задач является показ характерных особенностей судьбы советского еврейства по сравнению с участью остального населения СССР, проживавшего на оккупированных территориях.

Оккупационные власти систематически издавали специальные приказы и распоряжения, касавшиеся именно евреев. Отдельные пункты о евреях содержались практически во всех важнейших приказах, регламентирующих жизнь на оккупированной территории. С первых дней оккупации был определен гражданско-правовой статус евреев как «неарийцев». Это сразу же лишало еврейское население даже тех ограниченных прав, которыми обладало местное население.

Одним из первых таких документов стали «Временные директивы по обращению с евреями на территории рейхскомиссариата Остланд», подписанные Х. Лозе в Каунасе 13 августа 1941 г.⁷³ В них было дано определение, кто является евреем (в соответствии с Нюрнбергскими законами: т. е. те, у кого «чистокровными евреями» являлись три из четырех дедушек и бабушек; а при одном или двух таких предках — принадлежащий к иудейской общине; а также состоящий в браке с евреем или еврейкой).

В последующих приказах, в частности военного командования, вводилось понятие полуеврей («мешанец») и разъяснялось, что крещение не берется в расчет при определении национальной принадлежности.

Нацистским теоретикам и практикам пришлось решать вопрос о принадлежности к еврейству каримов, горских евреев (татов) и крымчаков (последние также были признаны евреями и казнены). Но исповедующие иудаизм каримы, а также часть горских евреев не были уничтожены оккупантами.

Евреями обычно признавались дети от смешанных браков, если отцом был еврей; нередко к ним причислялись все дети-полукровки. При переселении в гетто или первых расстрелах иногда делались исключения для женщин с детьми, мужа которых были неевреи (например, в Ставрополе)⁷⁴. Все эти «пештатные ситуации» рассматривали местные полицейские органы.

Они отнюдь не всегда действовали единообразно, делая отдельные исключения исходя из корыстных мотивов или личных отношений с потенциальной жертвой.

Дискриминационные меры касались всех сфер жизни еврейского населения. Антиеврейские приказы и распоряжения были приняты оккупационными властями повсеместно. Они различались лишь деталями: отличительными знаками, которые должны были носить евреи; формой регистрационных листов и заполняемых анкет; видом паспортов (аусвайсов) и удостоверений личности; сроками переселения в гетто; видами и размерами штрафов и контрибуций; нормами снабжения хлебом и другими продуктами питания.

РЕГИСТРАЦИЯ И ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Первым из мероприятий оккупационных властей, сразу показывающим особый статус еврейского населения, являлась их отдельная регистрация и идентификация. Именно с этого начинаются «Директивы» Лозе:

«...а) евреев следует зарегистрировать с указанием имени, пола, возраста и адреса. Основанием для регистрации могут служить списки еврейских общин, а также указания заслуживающих доверия жителей данной местности;

б) должно быть издано распоряжение о ношении евреями постоянных и ясно различимых опознавательных знаков — желтых шестиконечных звезд, по меньшей мере 10 см в поперечнике, на левой стороне груди и посередине спины».

Эти меры не были унифицированы, они отличались в зависимости от зоны оккупации и органа управления данной территорией. Обычно приказ о регистрации евреев издавался военным комендантом города или городскими управами со ссылкой на его распоряжение. Регистрация проводилась чиновниками в здании управ или в помещении гестапо.

В Киеве с первых дней оккупации «еврейские списки» жителей должны были составить работники домоуправлений (отдельно по каждому дому). К этой работе были привлечены и дворники, обязанные сообщать в полицию о появлении в доме любого нового жильца-еврея. В Харькове регистрация была организована по районам города, причем списки евреев составлялись на специальной желтой бумаге.

В некоторых городах Юга России, оккупированных летом 1942 г., «Объявление» о регистрации евреев издавалось от имени «еврейского комитета» (например, в Краснодаре) или «старосты» (в Ростове). Регистрацию проводили члены этого комитета в одной из комнат в здании гестапо.

В Калуге «Объявление» коменданта города и городского головы о регистрации появилось только в конце первого месяца оккупации и отводило срок для регистрации в городской управе «жидам обоего пола» в течение 5 дней для жителей города и 10 дней для района⁷⁵.

А вот в Ставрополе (оккупирован 5 августа 1942 г.) аналогичный приказ был опубликован на первой странице ежедневной местной газе-

ты «Русская правда» уже через день и носил порядковый номер 2. Любопытно, что приказ № 3 касался сдачи огнестрельного оружия (кстати, в том же здании гестапо, где должны были зарегистрироваться евреи). Очевидно, что последние для оккупантов были более опасны, чем владельцы огнестрельного оружия...

В различных зонах оккупации были установлены разные возрастные границы для регистрации. Обычно при первичной регистрации населения она совпадала с возрастом трудовой повинности для евреев, т.е. с 14 лет. Дети более младшего возраста вписывались в анкеты родителей (так было, например, в Брестской области, входившей в рейхскомиссариат «Украина»). На оккупированной территории России специальным приказом военных властей, изданным летом 1941 г., возраст для регистрации устанавливался с 10 лет. Однако к лету 1942 г. в некоторых регионах он был изменен. Например, в Пятигорске регистрировались дети, начиная с шестилетнего возраста⁷⁶.

Данную меру, вероятно, следует рассматривать как превентивную, т.е. ограничивающую возможность спасения маленьких детей, способных самостоятельно передвигаться по населенному пункту.

Если основными целями регистрации «арийского населения» являлось выяснение вопроса о необходимости продовольственного снабжения и установления трудоспособных, то учет евреев носил откровенно карательный характер. Их регистрация преследовала вполне конкретную конечную цель — полное уничтожение.

Только у евреев указание на национальность выносилось на обложку удостоверения личности (это могла быть первая буква слова «юде» на немецком или слова «жид» по-русски). Так, в Пинске на обложке выдававшихся евреям удостоверений личности проставлялся красный штамп с большими буквами «JUDE»⁷⁷.

Впрочем, если евреи доставали фальшивые документы или даже были обладателями иностранных паспортов, это не гарантировало их безопасность. Во Львове евреям — иностранным подданным из нейтральных государств и союзников Германии не требовалось носить опознавательных знаков и они свободно передвигались по городу при наличии соответствующего документа. Один из уцелевших свидетельств описывал:

«Однако это не означало, что еврей-иностранцы были застрахованы от опасности. Если случайно полицейский узнавал такого иностранца по внешнему виду и задерживал его, а тот, ничего не подозревая, оправдывался своими документами, подтвержденными даже немецкими властями, полицейский рвал документы и, смеясь, заявлял: «Сейчас ты ничем не отличаешься от других паршивых жидов»⁷⁸.

Второй важной мерой по идентификации и обособлению евреев от остальных групп населения являлся приказ об обязательном ношении ими специальных опознавательных знаков. Эта мера имела огромное моральное значение, наглядно свидетельствуя о переходе евреев на по-

ложение изгоев. Бывшая машинистка редакции газеты в Ялте О.П. Шаргородская (ее муж был евреем) записала в дневнике 29 ноября 1941 г.:

«Вышеуказанный приказ о нашивке звезд на одежду евреям резанул по сердцу. Пришиваю это «украшение» на одежду мужу, дрожат руки, слезы заливают глаза. Фреду не пришиваю — он сын русской матери. На улицах мелькают белые звезды на спинах и груди многих граждан. Некоторые люди с такими звездами подвергаются избиениям и побоям»⁷⁹.

Почти повсеместно первые приказы о «маркировке» евреев издавались представителями вермахта, о чем 25 сентября 1941 г. специально докладывало в Берлине руководство айнзатцгруппы «А»⁸⁰. Этот приказ действовал уже с конца сентября 1941 г. и в некоторых оккупированных районах России, в частности на Брянщине. 26 сентября в «Клинической газете» появилось следующее распоряжение:

«Все евреи и еврейки, которые находятся в занятой русской области и которым минуло 10 лет, обязаны немедленно носить желтый лоскут сукна размером 10 см. Лоскут сукна они сами должны себе приобрести».

Впрочем, в некоторых населенных пунктах такие опознавательные знаки выдавались при регистрации еврейского населения. Так, в Невеле (Псковская область) при регистрации выдавали знаки желтого и белого цвета, которые надо было носить на спине, а также белую повязку⁸¹.

Возможно, именно из-за «инициативы» военных даже в одном и том же регионе существовали различные виды и формы опознавательных знаков. Нередко они менялись несколько раз в течение короткого периода по распоряжению новых военных властей, руководства подразделений айнзатцгрупп, а после перехода некоторых из этих территорий под юрисдикцию гражданской администрации — по приказу ее руководителей. Так, в цитированной выше директиве Лозе говорится о «желтой шестиконечной звезде», ее диаметре и месте прикрепления к одежде. Но эти правила менялись (иногда — неоднократно).

Узник вильнюсского гетто, поэт Авраам Суцкевер вспоминал:

«4 июля 1941 г. был напечатан приказ: все евреи, независимо от пола и возраста, должны носить на груди и спине желтую латку... Приказ вступает в силу с 8 июля 1941 г. За невыполнение — суровая кара. Через несколько дней комендант Нейман издал другое постановление... вводился знак на рукаве — белая звезда в голубом круге. Через день и этот приказ был отменен, вновь предписывалось носить желтые латки на груди и на спине»⁸².

Такие знаки должны были быть прикреплены к одежде и носиться или на руке (в виде специальной повязки), или на груди и спине. Впрочем, место ношения повязок и знаков — особенно в небольших населенных пунктах — зависело от фантазии представителей оккупационных властей (особенно в первые месяцы войны).

Обычно повязки приказывали носить на правой (Артемовск) или на левой руке, выше локтя (Чернигов)⁸³. Известны случаи, когда их обязывали носить на обеих руках: так было сказано в «Объявлении к населе-

нию» за подписью «Главного командующий германскими войсками», сохранившемся в Калужском обл.осархиве⁸⁴. Был даже приказ, предписывающий носить такую повязку или звезду не только на руке, но и на ноге⁸⁵. Не было единообразия и в вопросе, где носить нашивки — одновременно на спине и на груди; с левой (как в рейхскомиссариате «Остланд») или с правой стороны груди; только ли на спине или только на груди? Если также и на спине, то посередине (как в рейхскомиссариате «Остланд») или на одной из сторон?

В Вырице Ленинградской области шестиконечную звезду носили только на груди⁸⁶. В Евпатории (Крым) — только на спине⁸⁷. В Риге желтые шестиконечные звезды диаметром 10 см нашивались на груди и спине⁸⁸. В бюллетене городской управы Вильянди (Эстония) от 31 июля 1941 г. говорилось о ношении шестиугольной звезды диаметром 5 см на правой стороне груди⁸⁹. В Украине латы нашивали на спине и груди, примерно в области сердца. В Пинске латы обязывали носить на одежде не только на левой стороне груди и в области левой лопатки на спине, но также и на плече⁹⁰. В м. Миоры (Западная Белоруссия) нашивка также размещалась на плече, но она была в форме звезды⁹¹. В Витебске евреев обязали носить нашивки на правом плече спереди и сзади. Некоторые жители не без злобной иронии называли их «орден Ленина — орден Сталина»⁹².

Не было унификации в вопросах о формах, размерах, цвете, материале опознавательных знаков. Так, в Хмельнике Винницкой области (немецкая зона оккупации) был установлен размер повязки — 15 см (впоследствии ее заменили на желтые латы) с вышитой голубой шестиконечной звездой⁹³. В Вильнюсе образец этого знака был иной:

«Кусок материи размером десять сантиметров на десять. Посредине — желтый круг с шестиконечной звездой». Образцы были выставлены во всех полицейских участках⁹⁴.

Типичной была повязка белого цвета (например, в Старой Руссе Новгородской области; Торопце Тверской области, Днепрпетровске, Чернигове). Применялся также синий (в Вильнюсе) и желтый цвет (в Буковине)⁹⁵. В Орше (Белоруссия) евреям приказали носить черные нарукавные повязки со звездой Давида⁹⁶. В Могилеве-Подольском, в период нахождения города под румынским контролем, были введены белые повязки с продольными голубыми полосами сверху и внизу и шестиконечной звездой того же цвета между ними⁹⁷.

Для повязки обычным было изображение шестиконечной звезды, вышитой нитками желтого цвета или пришитой к ней из куска желтого материала (в рейхскомиссариате «Остланд»; в Запорожье (военная зона оккупации); в г. Пинске — до августа 1941 г. и др.). Однако цвет звезды мог быть синим (в дистрикте «Галиция», Чернигове), белым (Вильнюс), голубым (Гродно), красно-белым (в Бресте, в первые недели оккупации, до введения желтых «лат»), желто-синим (м. Вишнево в Западной Белоруссии), черным (в Умани Черкасской области в Украине)⁹⁸.

В г. Солыцы Ленинградской области использовалась белая повязка с надписью «туда»⁹⁹. Немецкое слово «Юде» было указано и на повязке в м. Петровичи Смоленской области¹⁰⁰.

Форма звезды отличалась в некоторых областях России. Согласно «Объявлению» военных властей в зоне группы армий «Центр» от 1 ноября 1941 г. евреи обязаны были носить «белую наруканную ленту с желтой пятиконечной (выделено нами. — И.А.) сионистской звездой».

В центральных регионах России — Калуга, Смоленская и Брянская области — желтая пятиконечная звезда нашивалась также на одежду. В Калуге ее предписывалось нашить на костюм и пальто справа на груди и справа на спине; в диаметре она должна была быть 8 см¹⁰¹. Пятиконечная звезда использовалась для обозначения евреев также в некоторых городах Крыма, в частности в Евпатории¹⁰². Очевидно, такое изображение в глазах оккупантов имело как расовый, так и идеологический подтекст.

Желтые звезды (как правило, шестиконечные) или круг (его называли «лата») являлись двумя основными формами опознавательных знаков, нашивавшихся на одежду. Впрочем, в Великих Луках Псковской области евреи «обязаны были носить нашивку на правой стороне лопатки — желтого цвета, имеющую листообразную форму». В другом документе уточнялось — «овально-листообразную»¹⁰³. В Борисове Минской области узники носили на спине и левой стороне груди нашивку ярко-желтого цвета¹⁰⁴.

Цвет звезды обычно был желтый, например, в Чашниках и Камене Витебской области, Хотимске Могилевской области (Белоруссия), Орле (Россия) и многих других местах во всех зонах оккупации¹⁰⁵. Однако в первые дни оккупации нацисты приказывали носить и белые звезды (Бершадь Винницкой области, Вал-Рашков в Молдавии), где они были впоследствии заменены на желтые¹⁰⁶. В Пскове применялись как желтые, так и белые шестиконечные звезды, которые носили на спине и на груди.

Белую шестиконечную звезду носили на груди евреи Армавира в Краснодарском крае и в столице Калмыкии Элисте¹⁰⁷. «Белые еврейские звезды» размером 10 см должны были носить на спине и груди евреи Ялты согласно приказу зодеркоманды-11а, вывешенному через неделю после оккупации города¹⁰⁸.

В Смоленске с августа 1941 г. евреи с 10 лет обязаны были «нашивать на одежду круглый знак из желтой материи диаметром 10 см» справа на груди и спине. В Велиже и Хиславичах Смоленской области использовались соответственно «круги из желтого материала на спине и груди» и «желтый круг с черной серединой»¹⁰⁹.

Диаметр круга также различался — от 8 до 10 см. Так, в первые дни оккупации в Минске евреям предписывалось носить латы диаметром 10 см на левой стороне груди и на спине. После расселения евреев в гетто их обязали носить также под латой нашивку из белой ткани в виде прямоугольника с указанием номера дома. Порядковый номер указывался и внутри шестиконечной звезды в г. Новогрудок¹¹⁰.

В Умани (Украина), Пинске и Бресте, наоборот, повязки со звездой Давида были заменены в конце лета — начале осени 1941 г. круглыми латами желтого цвета. С 5 августа 1941 г. евреи Кишинёва, как и других территорий под контролем румын, обязаны были носить опознавательные знаки. Фотография узников кишинёвского гетто свидетельствует, что шестиконечная звезда была вышита желтыми нитками на прикрепленном к одежде на груди и спине черном прямоугольнике, создававшем внутри ее соответствующий тон¹¹¹. Такой же знак носили евреи Одессы.

Евреям Нальчика приказали носить на груди шестиконечные звезды, но после переговоров представителей общины горских евреев с местными властями этот приказ отменили (в декабре 1942 г.). Однако некоторые свидетели вспоминали, что при выходе на работу им выдавалась повязка с желтой звездой¹¹².

Материалом для опознавательных знаков, как правило, служила материя определенного цвета. Нередко использовалась лужная краска. На территории Псковской области зафиксированы случаи применения плотного картона «размером несколько больше ладони» и «вымазанного желтой краской»¹¹³. Шестиконечные звезды из картона носили маленькие узники гетто в Феодосии¹¹⁴. В рабочем лагере м. Мурафа (Транснистрия) жестянщик Э. Цукерман изготовил для себя и своей семьи шестиконечные звезды медного цвета, сделанные из жести¹¹⁵.

Ношение знаков, как правило, было обязательным с 10 — 12 лет. В Запорожье белую повязку с желтой звездой обязали носить с 13-летнего возраста¹¹⁶. В ряде мест ее предписывалось носить соответственно возрасту евреев, подлежавших индивидуальной регистрации. В некоторых населенных пунктах «возрастной ценз» был значительно снижен — опознавательные знаки должны были носить даже маленькие дети, начиная с 5- или даже 3-летнего возраста (Хмельник Винницкой области)¹¹⁷.

Цели, которые преследовали оккупанты, вводя эту «маркировку», были многоплановые: унижить евреев и сделать их объектом издевательств и насилия; ограничить свободу передвижения; исключить контакты с германскими военнослужащими; использовать нарушение этого приказа для репрессий; сделать понятным преследование именно евреев для остальной части населения.

По мнению узника львовского гетто Ф. Фридмана, нарукавные повязки здесь отражали характер и место работы, общественное положение и отношение к немецкой службе. Он сообщает о некоторых видах «специфических» опознавательных знаков. Так, работающие на оборонных предприятиях получали зеленый кант; фиолетовый кант был на повязке у сотрудников еврейской биржи труда; желтые повязки имели глухонемые¹¹⁸.

По воспоминаниям Н. Альперта, евреи Слонима получали удостоверения различного цвета (размером с почтовую карточку, содержащие имя и подпись владельца, а также печать) в зависимости от своего статуса: полезный (сотрудники и служащие юденрата, еврейские полицейс-

кие, мелики, ремесленники); менее полезный (все трудоспособные) и бесполезный (пожилые, больные, нетрудоспособные и работники умственного труда)¹¹⁹.

По свидетельству бывшего бухгалтера юденрата Я. Шенфельда, начальник биржи труда львовского гетто «немец Вебер изобретал новые типы справок, новые отличия, номера, повязки и т.п. для евреев, которым все это приходилось дорого оплачивать...

Вебер заявлял: «Каждый еврей носит с собой смертный приговор, но с разными сроками. Зачем же ему деньги? Я их лучше использую».

...В начале августа 1942 г. гестапо приказало всем предприятиям, на которых работали евреи, представить так называемые «мельдекарты» для перерегистрации.

Часть представленных «мельдекарт» гестапо обозначило своей печатью. Таким образом те «мельдекарты», на которых не было указанной печати, потеряли свою силу. Работники еврейской общины не получили печати, за исключением сотрудников юденрата.

...В ноябре 1942 г. гестапо выдало всем предприятиям по своему усмотрению определенное ограниченное количество новых обозначений для евреев. Упразднились повязки с буквами «А» (арбайтер — рабочий) и номером, и те рабочие, которых признало гестапо, получили новые буквы, вышитые на белых квадратах, которые евреи обязаны были носить на левой стороне груди.

Эти буквы обозначают вермахтарбайтер и ристунг-арбайтер — рабочие военных заводов для немецкой армии¹²⁰.

После первых акций уничтожения в вильнюсском гетто (с августа 1941 г.) были введены желтые сертификаты для членов семей специалистов. В 1943 г. юденрат выдавал здесь «персональные аусвайсы», которые были действительны по предъявлении справки с места работы¹²¹.

В ряде населенных пунктов Украины и Западной Белоруссии специально отмечались дома евреев. Шестиконечные звезды рисовали на дверях домов (с. Кузьминцы Гайсинского р-на Винницкой области). Дома маркировались желтой звездой (Каменец-Подольский (Украина), Ленин и Чашники в Белоруссии); надписью «Jude» (Браслав (Украина) и Петровичи Смоленской области); большими желтыми табличками (Волковыск в Западной Белоруссии). В Бресте особыми знаками помечались уличные подъезды к еврейским кварталам¹²². По сообщению газеты «Уманский голос» от 26 февраля 1942 г., приказом городского комиссара все подъездные пути к гетто имели плакаты:

«Внимание! Гетто! Вход украинцам запрещен под угрозой штрафа».

Все указанные формы обозначения и регистрации создавали вокруг евреев особый психологический микроклимат. Узица калужского гетто А. Б. Веллер вспоминала:

«С нашивкой звезд мы поняли, что стали бесправны, что любой может нас оскорбить и защиты искать будет не у кого»¹²³.

Ученик 3-го класса из Калуги Дима Дрейцер очень точно сформулировал ощущение «отмеченных» евреев:

«Это было противно»¹²⁴.

Несогласованность и отсутствие единообразия в первых распоряжениях нацистских властей (в частности, одних только опознавательных знаков было введено несколько десятков) свидетельствуют не только об отсутствии единого плана в решении «еврейского вопроса». Необходимо учитывать замену военной администрации на гражданскую, стремление усилить унижение евреев, инициативу местных руководителей (часто смеявшихся), их «польский» опыт.

ИЗОЛЯЦИЯ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

С первых дней оккупации евреи были ограничены в передвижении. Это касалось (в отличие от остального населения) свободы передвижения даже в пределах одного города. В «Директивах» Лозе эти ограничения зафиксированы так:

«В) евреям следует запретить:

1. Смену места жительства или квартиры без разрешения областного комиссара или комиссара города.

2. Хождеие по тротуарам, пользование общественными видами транспорта (например, трамваем, железными дорогами, автобусами, частными пароходами, конками) и грузовиками.

Использование заведений и мест отдыха для населения (например, курортов, бассейнов, парков, скверов, площадок для игр и спортивных площадок)».

В некоторых городах для них был установлен особый комендантский час; евреям под угрозой смерти запрещалось появляться в определенных (чаще всего — центральных) кварталах; для них было ограничено или установлено неудобное (фактически после закрытия) время покупок на рынке (если они вообще получали разрешение их посещать).

Евреи не только не имели права пользоваться общественным транспортом. После создания гетто они могли появляться на улице лишь в трудовых колоннах.

Для всего населения на оккупированной территории требовалось специальное разрешение для проезда в другой населенный пункт. Но только для евреев такое разрешение выдавалось в исключительных случаях¹²⁵.

Евреям запрещалось передвижение по железной дороге и пользование иными видами транспорта. Легальное их передвижение из города или местечка в сельскую местность с целью обмена или заработка после создания гетто стало невозможным.

Отметим, что оккупанты могли ограничивать для всех жителей вход в определенные кварталы или улицы в целях безопасности. Меры же против евреев (включая требование передвижения только по мостовой) носили явно дискриминационный характер.

Изоляция евреев путем переселения в специальные кварталы и создание гетто также носили беспрецедентный характер. Это подчеркивало особый социальный статус евреев. Как следует из меморандума А. Розенберга «Указание к разрешению еврейского вопроса» (1941 г.), эта мера имела как политический и экономический, так и расовый подтекст. «Строжайшее отделение евреев от остального населения» символизировало, что «все права на свободу должны быть отняты у евреев». При этом «следует избирать места, где будет удобнее применять еврейскую рабочую силу». Особый пункт меморандума посвящен пресловутой защите «немецкой чести и немецкой крови»:

«Когда нельзя еще создать гетто, следует проследить, чтобы были введены суровые меры, которые запрещают смешение крови между евреями и остальным населением»¹²⁶.

Уже сам факт «обмена» жилыми помещениями с «арийским населением» создавал повод для конфликта, особенно когда речь шла о вселении в частные домовладения. Создавались естественные предпосылки для ограбления евреев и потери ими значительной части имущества. Для проживания евреев отводились, как правило, окраины городов или мало приспособленные для жизни пустующие административные помещения или даже хозяйственные постройки для скота.

«Накопленный опыт» изоляции и последующего уничтожения еврейского населения был применен оккупантами в некоторых регионах летом и осенью 1942 г. к семьям цыган (Черниговская область) и советских офицеров (например, в Брестской области). При отступлении с советской территории в 1943—1944 гг. нацисты насильственно уводили с собой гражданское население, которое размещали в лагерях принудительного содержания.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ

Экономическое и имущественное положение евреев также было отличным от других местных жителей. В «Директивах» Лозе говорилось: «При обращении с имуществом евреев следует:

1. Имущество еврейского населения конфисковать и обеспечить его сохранность. Прелюбимые права евреев со времени конфискации не имеют силы.

...4. Для существования еврейскому населению оставлять:

а) необходимую для жизни некоторую часть имущества (мебель, одежда, белье);

б) сумму денег из расчета 0,2 рейхсмарки (2 рубля) на каждого еврея — члена семьи в день. Деньги оставляются на месяц вперед;

... Трудоспособные евреи привлекаются по мере необходимости к принудительным работам... Оплата труда не должна соответствовать выработке, но лишь поддерживать существование работника и нетрудоспособных членов его семьи».

С первых дней оккупации все евреи были уволены с государственной службы и предприятий. Жалованье за отработанный ранее период им не выплачивалось. При переселении в гетто из домов престарелых и больниц им «не было выдано даже куска хлеба»¹²⁷.

Подчеркнем, что только евреи были ограничены в правах собственности на свое недвижимое имущество (его залог и продажу). Так, при переселении в гетто они были ограничены в возможностях перевезти туда свое имущество. М.А. Файшгорн из Калуги вспоминала об этом:

*«Средств передвижения никаких не дали, каждый устраивался как мог, кто на салазки, кто на своем собственном горбу, кто перевернув стол вверх ножками и положив на него свои вещи, — все потянулось по дороге в гетто. По дороге встречавшиеся немцы пинками опрокидывали салазки, не давая собирать рассыпанные вещи»*¹²⁸.

И до и после переселения в гетто еврейское имущество безнаказанно разграблялось не только военнослужащими вермахта и союзников Германии (от этого страдало все население), но и местными полицейскими и просто уголовными элементами.

С первых дней оккупации и вплоть до акций физического истребления шло систематическое ограбление еврейского населения в виде многочисленных контрибуций, налогов и штрафов. Именно евреи регулярно облагались специальной контрибуцией (сдача драгоценных металлов, мехов, денежных средств). Эта контрибуция налагалась на еврейскую общину в целом. Ее невыполнение грозило смертной казнью как заложникам, так и всему еврейскому населению (подробнее об этом говорится в главе 2).

Напомним, что евреям запрещалось владеть средствами, превышающими определенную властями сумму. Еврейское имущество (дома, земля, ценности) с первых дней оккупации подлежало «ариизации».

Остальному населению предписывалось до 15 января 1942 г. заявить о наличии золота и благородных металлов в кредитную кассу и продать их. В отличие от евреев, личное имущество других людей на оккупированной территории не объявлялось имуществом рейха¹²⁹.

Налоги для евреев были значительно выше. Они вынуждены были платить их в первоочередном порядке. Так, в с. Буки Орловской области был вывешен приказ оккупантов от 14 ноября 1941 г. о том, что налоги с местных жителей не взимаются, но волостные старшины «могут потребовать налоги от местных жителей, в первую очередь от жидов»¹³⁰.

Вопрос о снабжении населения продовольствием был одним из самых острых в оккупационной политике нацистов по отношению к городским жителям. Система распределения продуктов на оккупированной территории для местного населения была организована по остаточному принципу (в первую очередь снабжался вермахт, затем германские подданные, фольксдойче, несврейское население и лишь затем — местные жители)¹³¹. Евреи занимали последнее место в этой иерархии. При распределении продуктов по карточкам многие их виды (мясо, жиры,

крупы) были евреям недоступны вообще. Например, в Молодечно (Белоруссия) местные жители могли получить по продовольственным карточкам хлеб, муку, сахар, соль, мясо, жиры, а узники гетто — только хлеб и муку¹³². Норма хлеба для евреев была обычно в 2 раза меньше, чем у остального населения. На чудом сохранившейся продовольственной карточке калужского гетто имеется надпись в кружочке «Жид» с припиской — «норма в половинном размере»¹³³.

Уже в конце лета — осенью 1941 г. евреям было запрещено участвовать во всех операциях купли-продажи с местным населением, а также обмену вещей на продукты. Поскольку это было едва ли не единственным источником существования, то многие еврейские семьи автоматически оказывались под угрозой смерти или крупных штрафов. Сумма штрафов за различные нарушения для евреев была выше, чем у остального населения, а в силу указанных выше ограничений сами виды штрафов — гораздо разнообразнее.

Только у евреев были особые жилищные условия и медико-санитарное обслуживание. После создания гетто типичным было проживание в одной комнате двух и более семей. В отличие от других жителей, евреи никак не могли улучшить свои жилищные условия.

С первых недель оккупации было проведено деление медико-санитарных учреждений на «арийские» и «еврейские». У последних изымались все ценное оборудование и медикаменты. При снабжении больниц продуктами питания нормы для евреев были существенно ниже. Врачи-евреи (за исключением особо «ценных» специалистов) изгонялись из «арийских» медицинских учреждений или лишались права иметь частные кабинеты вне гетто.

В результате смертность среди еврейского населения, прежде всего от истощения или от эпидемических болезней (на территории под румынским контролем, например в Бершади), была в несколько раз выше, чем у остального населения.

В то же время из-за угрозы эпидемий немецкие власти проводили необходимый минимум санитарных мероприятий, позволяющий поддерживать жизнедеятельность узников гетто.

При использовании местного населения на принудительных работах евреи также занимали особое место. Право на труд для всех жителей, кроме евреев, гарантировалось специальными распоряжениями оккупантов. В Буковине, например, оно было датировано 30 июля 1941 г. В распоряжении говорилось, что «евреи подчинены особому режиму» и на них это распоряжение не распространяется¹³⁴.

Если для обязательной трудовой повинности привлекались местные жители в возрасте с 18 до 50 лет, то для евреев эти возрастные рамки были иные: с 16 (в некоторых зонах оккупации — с 14 и даже с 12) до 60 лет. Их привлекали на самые трудоемкие, а подчас и бесцельные работы с целью издевательств.

Приказом № 8 Кашужской управы от 8 ноября 1941 г. бирже труда поручалось иметь списки всех евреев с 16 до 60 лет у мужчин и до 50 лет для женщин с целью «привлечения их, в первую очередь, на принудительные работы». В условиях суровой зимы 1941 г. они носили подчеркнуто издевательский характер: чистка отхожих мест руками, переноска навоза, тяжелые строительные работы с постоянным избиением работающих¹³⁵.

Только евреи и военнопленные не имели трудовых книжек. Евреи всех возрастных категорий и в зависимости от пола получали зарплату от частных фирм как минимум на 20% меньше остальных. Это не было произволом местной администрации. Такие расценки в рейскомиссарате «Украина» были введены специальным приказом рейскомиссара Э. Коха 1 декабря 1941 г. По всем выделенным 6 категориям оплаты труда (от несовершеннолетнего до высококвалифицированного рабочего) оплата труда евреев отличалась от остальных. Важно отметить, что удержанные суммы предприниматели были обязаны перечислять в местный бюджет¹³⁶.

Евреям не полагались какие-либо виды надбавок (за знание языка, за перевыполнение норм и т.д.). Они не имели права на отпуск и социальное страхование.

ОГРАНИЧЕНИЯ ЛИЧНЫХ ПРАВ

В отличие от всех других групп населения евреи были лишены права на соблюдение религиозных обрядов: синагоги и молитвенные дома были разрушены и сожжены; запрещался кошерный убой скота, даже соблюдение обряда похорон допускалось лишь полулегально.

Эти запреты сопровождалась систематическими публичными издевательствами над религиозными чувствами верующих: их заставляли сжигать и топтать ногами свитки Торы; повсеместно евреям выдирали бороды и выстригали на голове кресты; их заставляли разбивать надгробия на еврейских кладбищах.

Еврейские дети были лишены права на образование. Их обучение ни вместе со своими сверстниками, ни отдельно — в еврейских школах — не допускалось. Только евреи были лишены права даже на начальное образование. В одном из отчетов айнзатцгрупп осенью 1941 г. об организации начального образования специально подчеркивалось, что никакое образование для еврейских детей не проводится¹³⁷. Это отмечалось во многих немецких приказах. Так, в обращении к населению генерального комиссара Белоруссии В. Кубе от 1 октября 1941 г. говорилось:

*«Для жидов не устанавливается никакого обязательного обучения. Жидовские школы нельзя организовывать»*¹³⁸.

Евреи — воспитанники детских домов подлежали выявлению и переселению в гетто¹³⁹ (там, где гетто не создавалось либо уже было ликвидировано, они расстреливались).

В случае избиений, грабежей и насилий со стороны оккупационных властей все население было одинаково бесправно. Но в случае таких же действий со стороны местных жителей или местной полиции евреи в немецкой зоне оккупации не имели права на личные жалобы или судебную защиту.

Семейно-брачные отношения и личные права евреев также имели особый статус. Их браки с «арийцами» объявлялись недействительными. В ряде мест еврейские супруги подвергались стерилизации. С лета 1942 г. под угрозой смерти женщины не имели права рожать детей. Им запрещалось красить губы, делать прически и т.п. Под угрозой смертной казни местному «арийскому» населению запрещались и половые контакты с евреями. С начала 1942 г. запрещались браки «полукровок» с «арийцами». Летом 1942 г. (впоследствии они иногда повторялись) оккупанты издали ряд приказов, категорически запрещающие браки евреев и неевреев.

Вступая в брак, местные жители заполняли специальные протоколы, которые преследовали цель выявить наличие еврейских предков в трех поколениях. Все сотрудники оккупационных учреждений давали подписку об отсутствии у них еврейских предков¹⁴⁰.

Преследовались и другие проявления частной жизни евреев: им запрещались разговоры, приветствия, рукопожатия с «арийцами». Евреи также не имели права пользоваться телефонами, почтой, электричеством, водопроводом, канализацией, отправлять и получать посылки.

* * *

Таким образом, еврейское население было полностью лишено тех прав, которые (подчас — частично) имело остальное население: на собственность, выбор и род занятий, социальные гарантии, отдых, образование, культуру, свободу передвижения.

Указанные отличия позволяют рассматривать Холокост на территории СССР как комплексный геноцид, включающий не только физическое уничтожение евреев, но и их особый правовой и социально-экономический статус. Создание невыносимых условий существования, лишение всего имущества и денежных средств, запрещение обмена и покупок продовольствия у местного населения, непосильный физический труд неминуемо вели к «естественной» смерти евреев.

Ниже мы подробнее рассмотрим реализацию на практике дискриминационных мер оккупационных властей по отношению к еврейскому населению. Одним из символов его особого положения на оккупированной территории СССР (как и в большинстве других стран, оккупированных нацистами) стало создание специальных еврейских кварталов и мест принудительного содержания.

Глава 2 ГЕТТО НА ТЕРРИТОРИИ СССР

Документы и воспоминания переживших позволяют выявить типологию гетто, а также особенности их организации и деятельности в разных зонах оккупации. До настоящего времени недостаточно исследованными или спорными остаются вопросы о количестве гетто на оккупированной территории СССР¹, способах их организации, деятельности и роли еврейских советов, использовании узников в качестве рабочей силы и их повседневной жизни. Особый интерес представляет рассмотрение этих вопросов на оккупированной территории России². Вот почему мы остановимся на них более подробно.

2.1. Организация гетто

«ОТКРЫТОЕ» И «ЗАКРЫТОЕ» ГЕТТО

В комплексе антиеврейских мероприятий оккупационных властей изоляция евреев от остального населения занимала особое место. При организации гетто на оккупированной советской территории нацисты активно использовали «польский опыт» — они создавались прежде всего в городах, районных центрах, местечках вблизи железных дорог. Туда также переселяли уцелевших после акций уничтожения евреев из сельской местности (чаще всего — лишь специалистов-ремесленников с их семьями).

В меморандуме А. Розенберга «Указания к разрешению еврейского вопроса» подчеркивалось:

«Первой основной целью немецких мер, проводимых в этом вопросе, должно быть строжайшее отделение евреев от остального населения. ...Все права на свободу должны быть отняты у евреев, они должны помещаться в гетто».

Далее в меморандуме говорилось о введении в гетто «еврейского самоуправления», при условии охраны гетто и отделения его от местного населения силами полиции³.

Созданием гетто занимались военные комендатуры, службы полиции безопасности и СД, айзатцгруппы. Так, в приказе по кавалерийской бригаде СС № 8 от 28 сентября 1941 г. отмечалось:

«В случае, если часть длительное время располагается в населенном пункте, она оборудует еврейский квартал или гетто в том случае, если не сможет ликвидировать евреев сразу»⁴.

Исследователи не всегда проводят четкие разграничения между различными вариантами мест принудительного содержания: пребыванием евреев в том или ином населенном пункте в течение определенного времени после оккупации и до расстрела; наличием «открытого» и «закрытого» гетто; местами принудительного содержания евреев перед расстрелом; транзитными гетто; рабочими и концентрационными лагерями. Это замечание является ключевым для понимания столь впечатляющего разброса в историографии цифр о количестве гетто⁴.

На наш взгляд, можно говорить о следующих «минимальных признаках» гетто: переселение еврейского населения в специальный квартал (помещение) и (или) отделение его от окружающих; изоляция путем пошения опознавательных знаков; ограничение передвижения или полная изоляция с использованием ограждения и охраны; создание органов руководства общиной; привлечение к принудительному труду через еврейские советы или старост; продолжительность проживания в месте принудительного содержания.

В отличие от рабочих лагерей, в гетто узники содержались независимо от степени их пригодности к труду и семейного положения. Срок проживания и выполнение трудовых функций важен для разграничения понятия «гетто» от иных форм принудительного содержания узников.

Все гетто условно можно разделить на два основных типа: «открытое» и «закрытое». Первый из них (без физической изоляции евреев в охраняемый квартал или помещение) носил временный характер — до уничтожения либо переселения в «закрытое» гетто, депортации, отправки в трудовые лагеря.

Узники «открытого» гетто чаще всего оставались в своих домах или квартирах, где проживали вместе с семьями. В некоторых случаях они переселялись в неогороженную и неохраемую часть населенного пункта. Туда же иногда переселяли евреев из других, как правило небольших по численности еврейского населения, населенных пунктов.

Обязательным признаком такого гетто являлось создание юденрата либо назначение (выборы) старосты. С их участием обычно проводились регистрация, взимание контрибуции, направление определенного количества людей для ежедневных принудительных работ. Другим важнейшим признаком данного типа гетто являлась частичная изоляция еврейского населения. Она выражалась в ограничении свободы передвижения в пределах населенного пункта по сравнению с другим населением, вплоть до запрета покидать место проживания, если целью передвижения не являлось выполнение приказов властей.

Способом, обеспечивающим эту изоляцию, являлось визуальное обозначение евреев (отметки в документах, ношение опознавательных знаков, маркировка их домов и квартир). В данном случае эти меры носили конкретно превентивный характер именно в целях изоляции еврейского населения и контроля над ним.

Только сочетание большинства указанных выше факторов (за исключением отметок в документах и маркировки жилищ, что проводилось далеко не везде) позволяет говорить о создании гетто. Создание «открытого» гетто необходимо рассматривать как первый этап (нередко он оставался единственным) по физической изоляции еврейского населения перед уничтожением.

Накануне ликвидации или депортации узников «открытых» гетто нередко собирали в определенном месте на срок от нескольких часов до нескольких недель. Концентрация населения проводилась в каком-либо здании либо на площади (иногда за пределами населенного пункта). Это осуществлялось с целью предотвращения бегства узников и проведения необходимых подготовительных мероприятий (изъятие всех ценностей, рытье могил, ожидание приезда зондеркоманды и т.д.). Отличительной чертой нахождения евреев в таких местах принудительного содержания (нередко ими были здания тюрем) можно считать краткость их пребывания там до уничтожения.

Вариантом «открытого» гетто можно считать концентрацию обнаруженных евреев после акций уничтожения в одном неохраняемом здании. Так, в Белополье Полтавской области в мае 1942 г. было обнаружено 24 еврея, которых поместили в одну общую квартиру с направленным на принудительные работы⁶.

«Открытые» гетто создавались в зоне как военной администрации (здесь узников не предполагалось надолго оставлять в живых, поэтому их концентрация проводилась накануне уничтожения), так и гражданской. В зоне гражданской администрации этот тип гетто был переходным. В таком виде они существовали, за редким исключением, от нескольких недель до нескольких месяцев и даже года. Важным фактором здесь служили численность и компактность проживания евреев. Причины создания «открытых» гетто в этой зоне были следующими. Во-первых, когда евреи составляли значительную часть населения и их переселение в особый квартал было сопряжено с определенными проблемами как для остального населения, так и оккупационных властей. Во-вторых, когда сравнительно небольшие общины (или уцелевшие после первых акций) переселялись местными властями в более крупные населенные пункты (дистрикт «Галиция», Западная Белоруссия). Одной из причин этого была сравнительная малочисленность жандармских и полицейских формирований, способных предотвратить бегство узников.

Создание «закрытых» гетто предполагало переселение всех евреев (за некоторым исключением в ряде мест для членов юденрата, врачей и ремесленников) в определенный квартал, улицу или дом (помещение). Сроки для переселения, как правило, устанавливались в несколько дней. Иногда переселение растягивалось на более длительный срок. В то же время в небольших населенных пунктах для переселения отводились всего сутки или даже несколько часов. Ускоренные сроки переселения и ограничения

в перемещении мебели и топлива сразу создавали предпосылки для ухудшения положения узников. Внешним признаком «закрытого» гетто стало его ограждение (силами узников и за их счет) колючей проволокой, кирпичной стеной или глухим деревянным забором. Вход и выход из гетто мог быть осуществлен только через один или несколько пропускных пунктов, которые охранялись с внешней и внутренней стороны.

Власти иногда принимали дополнительные меры по изоляции еврейского населения в «закрытых» гетто. Так, воздвигались высокие (до 2,5 метра, как в Барановичах) проволочные заграждения и сторожевые вышки (Гродно). Заборы сверху покрывались колючей проволокой. Вокруг гетто устанавливались особые десятиметровые зоны, в которых сносились все объекты и запрещались строительство, складирование товаров, посадка деревьев и кустарников⁷. Вокруг львовского гетто силами строительного отдела юденрата в 1942 г. была возведена кирпичная стена.

Как правило, переселению в гетто предшествовали те превентивные меры изоляции еврейского населения, которые были свойственны «открытому» типу гетто. В ряде случаев эти процессы проходили практически параллельно. Как уже отмечалось, «еврейские кварталы» создавались обычно на окраине населенного пункта или в самых непригодных для жилья районах, улицах или помещениях. Гетто могло иметь двойную охрану (еврейскую «службу порядка» с внутренней стороны и местных полицейских по другую сторону ворот гетто). В зоне военной администрации охрану гетто обычно несли только местные полицейские.

Создание такого типа гетто означало полную физическую изоляцию еврейского населения. Оно отличалось от рабочего или концентрационного лагеря прежде всего возможностью проживания с семьей и наличием части личного имущества. Объективно переселение в «закрытое» гетто означало важный шаг к созданию условий физического вымирания нетрудоспособного еврейского населения, так как оно лишалось всех средств к существованию и изолировалось от внешнего мира. Без помощи местного населения, как бескорыстного (прежде всего родственников, друзей, соседей, сослуживцев и соучеников), так и основанного на материальном факторе (продажа по завышенным ценам и неравноценный обмен продовольствия на ценные вещи и одежду), узники были обречены на гибель в кратчайшие сроки.

Однако создание «закрытого» гетто было обусловлено и экономическим фактором. Во-первых, ужесточением контроля за обеспечением дешевой или бесплатной рабочей силой производств и мастерских как внутри, так и за пределами гетто. Во-вторых, увеличением продолжительности рабочего дня ввиду сокращения времени на доставку узников к месту работы.

Наряду с усилиями еврейских советов по социальной помощи, организацией медицинского обслуживания, созданием новых рабочих мест, это приводило к некоторой стабилизации жизни в данном типе гетто и создавало иллюзию возможности выживания.

Между тем для оккупационных властей решающим фактором создания «закрытых» гетто была задача поэтапного осуществления «окончательного решения».

В ряде городов дистрикта «Галиция» и в генеральном округе «Волынь-Подоллия» (включая районы Западной Белоруссии) со значительным в процентном отношении еврейским населением (Львов, Дрогобыч, Пинск) «закрытые» гетто были созданы только весной — летом 1942 г.

ГЕТТО В МОЛДАВИИ

Весьма активно политику так называемой «геттоизации» проводили оккупационные власти Румынии, под контролем которой оказалось около 25% всех гетто на территории СССР.

Процесс создания и практически полной ликвидации гетто первым был завершён на территории Молдавии. Накануне войны здесь проживало от 230 до 300 тысяч евреев, включая около 50 тысяч беженцев из Румынии⁸.

Не менее 30—40 тысяч (по другим данным, 75—80 тысяч) покинули республику, пытаясь эвакуироваться в глубь СССР (многие из них смогли достигнуть лишь Одессы)⁹.

24 июля 1941 г. губернатор провинции «Бессарабия» Вакулеску издал приказ о концентрации евреев в сельской местности в специальных лагерях. Одним из первых на оккупированной территории СССР было создано гетто Кишинёва. Приказ о его создании был подписан 25 июля румынским комендантом. В действительности оно возникло по инициативе руководства айнзатцкоманды-11а, входившей в состав айнзатцгруппы «D». Особенностью управления этим гетто было то, что оно находилось в двойном подчинении — румынской и немецкой комендатур. Кроме того, с территории гетто не были выселены местные жители-христиане, получившие специальные пропуска на вход и выход из гетто¹⁰.

Гетто находилось в нижней части города. На переселение тысяч людей было отведено два дня. В первый день после переселения евреев несколько часов держали на площади, не разрешая оправиться, без еды и воды в палящий зной. Вечером оккупанты имитировали расстрел, продолжая издевательства над людьми. По разным оценкам, в гетто оказалось от 9 до 13 тысяч человек¹¹.

Деревянное ограждение гетто по периметру составляло 4 километра. Согласно румынским источникам, здесь вначале (19 августа) находилось 10 578 евреев (в том числе 3117 мужчин, 5261 женщина, 1160 девочек и 1040 мальчиков). В середине сентября в гетто оказалось почти на тысячу человек больше. Из 11 525 узников было 4148 мужчин; 4476 женщин и 2901 ребенок. Увеличение численности населения объясняется тем, что в кишиневское гетто были собраны и евреи из окружающих местечек¹². Начиная с 8 октября и до конца октября 1941 г. оккупантами (пос-

ле ликвидации части узников) была осуществлена их депортация. Она проводилась в несколько этапов. Сначала людей гнали в основном пешком — на 2500 человек было выделено 100 подвод. Лишь последние партии отправлялись на подводах¹³. Отчаянные попытки еврейской общины Румынии предотвратить депортацию успехом не увенчались.

Министр внутренних дел Румынии Михай Антонеску осенью 1941 г. согласился на то, чтобы оставить в Кишиневе хотя бы известных общественников, но в итоге была достигнута договоренность об оставлении лишь 100 выкrestов.

Тем не менее к концу 1941 г. в Кишиневском уезде оставалось 215 евреев. В середине марта 1942 г. в воссозданной оккупационными властями провинции «Бессарабия» находилось всего 425 евреев. В основном это были люди, состоявшие в браке с христианами, принявшие христианскую веру или имевшие личные заслуги перед Румынией. Среди них была и только что родившаяся девочка, получившая имя по месту рождения — Гетта. В мае 1942 г. все евреи Кишинева (за исключением 2 человек) были депортированы¹⁴.

Сведения о взятках администрации, в результате чего около 20 евреев сумели покинуть гетто (вскоре они были арестованы), и жалобы румынской еврейской общины на жестокое обращение с узниками привели к созданию в декабре 1941 г. по приказу Антонеску специальной комиссии «по расследованию злоупотреблений в кишиневском гетто». Никаких положительных последствий для евреев Молдавии деятельность этой комиссии не имела.

На территории Молдавии были созданы около 20 гетто. Они находились в следующих уездах провинции «Бессарабия»: Рыбницком — 6, Тираспольском — 3, а также в Дубоссарах и некоторых других местах¹⁵.

После серии акций уничтожения и депортаций к 1 сентября 1941 г. на территории провинции «Бессарабия» в гетто и концлагерях, согласно данным румынской переписи, находилось 72 625 евреев¹⁶.

На заседании правительства Румынии 6 октября 1941 г. маршал Йон Антонеску заявил:

*«В Бессарабии остается еще около 10 000 евреев. Я принял необходимые меры, чтобы в течение нескольких дней все они были выселены и отправлены за Днестр»*¹⁷.

Обычно евреи сгонялись в гетто сразу же после оккупации городов и местечек (в Оргееве, Сороках, Дубоссарах, Тичине, Маркулешты, Ратужень, Единцы и др.). В Бельцах (современные Бэлць), согласно отчетам айнзатц-групп от 17 июля 1941 г., к этому времени не только был создан юденрат, но и произведен расстрел его членов за невыполнение приказа¹⁸.

Румынские оккупационные власти в начале осени 1941 г. получили приказ о «заключении городских евреев в гетто»¹⁹. В результате произошла повсеместная концентрация городского еврейского населения в местах временного содержания, которые фактически стали транзитны-

ми гетто (люди проводили в них лишь несколько недель). Так, свыше 20 000 евреев было согнано в местечки Вертужень и Секурень. В Едницах оказалось 13 000 узников. Еще в 8 населенных пунктах оказалось сконцентрированных от 1500 (Фэлешт) до 5500 евреев (Рубница)²⁰.

Узников практически не кормили; они подвергались грабежу, издевательствам, избиениям. Типичными были массовые изнасилования женщины и девушек. Житель г. Оргеева фронтовик П. Задунайский свидетельствовал, что узники находились в гетто 4 месяца за колочей проволокой, с внешней стороны находились румынские полицейские:

«Многих молодых женщин изнасиловали, в том числе мою жену и хозяйщицу г. Оргеева по фамилии Гаджи. Это сделал капитан Константинеску, комендант Оргеевского гарнизона, которого судили после войны в Румынии»²¹.

Узники этих гетто были уничтожены или депортированы за пределы Молдавии. Так, евреев Оргеева погнали сначала в Рыбницу, а затем в концлагерь в совхозе Сахаровка Голтского уезда²². Гетто в Рыбнице было создано в начале сентября 1941 г. На улице Шолом-Алейхема согнали всех евреев, которые были расселены по 12—15 человек в одной комнате. Людей не кормили; молодежь использовалась на принудительных работах. Гетто огорожено не было, по любой выход за его пределы и попытки приобрести продукты у местных жителей карались расстрелом²³.

После уничтожения нескольких сот евреев в конце июля 1941 г. было создано гетто в Каменке, просуществовавшее до зимы 1941/42 г.²⁴

После решения румынских властей об изгнании «всех евреев — за Прут», официально евреи Бессарабии обязаны были покинуть ее территорию. Однако в некоторых гетто после расстрелов и депортаций было оставлено сравнительно небольшое количество квалифицированных ремесленников.

В некоторых городах Молдавии, например в Тирасполе, гетто вновь возникают летом 1942 г. Сначала здесь было 100 узников, а к весне 1944 г. их число составило 821 человек²⁵.

Таким образом, создание гетто на территории Молдавии (в провинции «Бессарабия») преследовало главную цель — концентрацию еврейского населения с целью его дальнейшей депортации в Транснистрию. Так был реализован приказ маршала Антонеску, провозглашенный им 8 июля 1941 г. на заседании Совета министров Румынии:

«Я высказываюсь за принудительное переселение всего еврейского элемента Бессарабии и Буковины, который нужно выбросить за границу»²⁶.

ГЕТТО В УКРАИНЕ

Наибольшее количество гетто было создано на территории Украины. В опубликованном в 2000 г. на украинском и немецком языках «Справочнике о лагерях, тюрьмах и гетто на оккупированной территории Украины (1941—1944)», подготовленном Государственным комитетом

архивов Украины и Украинским национальным фондом «Взаимопонимание и примирение» при Кабинете министров Украины, упомянуты свыше 300 гетто²⁷.

Эти сведения, а также данные о датах их существования нуждаются в уточнении, ибо составители не всегда проводили четкое различие между «гетто» и «лагерями», отмеченное выше²⁸. Кроме того, они опирались лишь на официальные советские документы, хранящиеся в государственных архивах Украины.

Одними из первых в Украине — не менее чем в 10 населенных пунктах* — были созданы гетто в Буковине²⁹, которая вновь стала одной из провинций Румынии.

Первые из них создаются уже в июле—августе 1941 г. Как и на территории Молдавии, здесь преобладали пункты временного содержания, предназначенные для депортации на территорию Транснистрии. Так, в местечке Сторожинец гетто было создано уже в июле. К 24 августа 1941 г. здесь, в помещении школы, было сконцентрировано 1320 человек, отправленных затем в Транснистрию³⁰.

В Черновицком уезде (без областного центра) на 10 октября 1941 г. проживало 12 414 евреев; в Сторожинце — 31; в Хотине — 97; Дорохое (румьская территория, включенная в провинцию «Буковина») — 12 238³¹.

До конца 1941 г. в Буковине сохранилось лишь несколько гетто, в том числе в Сучаве (9000 человек), Садагоре (6500 узников), Заставле (3000), Кнцмане (2800). Оставшиеся евреи Буковины были переселены в специальные кварталы; деятельностью гетто руководили еврейские общины³².

Крупнейшее гетто Буковины — в Черновицах (с 1944 г. — Черновцы) — было создано лишь 11 октября 1941 г. Здесь находилось около 20 000 узников, 2000 из которых были высланы в Транснистрию вскоре после создания гетто. Очевидно, что власти действовали здесь по той же схеме, что и в Кишиневе, — гетто превращалось лишь в место концентрации перед депортацией. Однако дальнейшую депортацию удалось временно приостановить до июня 1942 г., когда согласно приказу властей от 21 мая 1942 г. был составлен список на переселение 4471 человек. Всего же в течение четырех дней (7, 11, 15 и 29 июня) было выслано в Транснистрию соответственно 76, 308, 1151 (в том числе 12 из провинции) и 1100 человек. Общее число депортированных составило 4094 человека³³.

Черновицкое гетто было одним из самых многочисленных среди находившихся в румынской зоне оккупации. Именно в этом гетто наибольшее число узников на оккупированной территории СССР дожило до освобождения Красной Армией.

В справочнике упоминаются 7 гетто в Николаевской и 35 гетто на территории современной Одесской области (включая 5 в существовав-

* Лишь 3 из них указаны в справочнике.

шей к началу войны Измаильской области)³⁴. В историографии, основывающейся на румынских источниках, имеются более полные данные. По подсчетам И. Пилата, здесь находились 70 «гетто и концлагерей для евреев», в том числе в Балтском уезде — 41; в Голтском — 17; Березовском — 10; в Одессе — 2³⁵.

Это на 23 больше, чем суммарно (гетто, трудовые и пересыльные лагеря) указано в архивном справочнике. Можно предположить, что 8 из них — около трети — представляли не учтенные в справочнике гетто.

Таким образом, в Одесской и Николаевской областях находилось не менее 50 гетто.

Подавляющее их число оказалось под румынским контролем, а Одесса вскоре после ее оккупации 16 октября 1941 г. была провозглашена столицей Транснистрии, созданной румынскими оккупантами между Южным Бугом и Днестром.

Приказ, определяющий порядок создания и деятельность гетто на территории Транснистрии, был издан ее губернатором за № 22 от 11 ноября 1941 г. По степени подробности регламентации жизни евреев этот приказ сопоставим с «временными правилами» для евреев в рейхскомиссариате «Остланд», о которых упоминалось выше. Он касался как депортированных евреев, так и местных. С момента его принятия решение вопросов о выборе места еврейских поселений и предоставлении квартир возлагалось на Инспекторат жандармерии Транснистрии. Примечательно, что вместо термина «гетто» в приказе используются иные дефиниции: «поселение», «колония» и «община». Именно последний термин получит впоследствии распространение в официальной документации. В данном же приказе чаще всего используется слово «колония».

Специальным пунктом определялся порядок регистрации жителей «колонии»:

«Все евреи, входящие в состав такого поселения или общины, должны быть занесены в особый список, где указываются фамилия, имя, национальность, религия, возраст, местность, откуда прибыл. Каждому еврею будет выдан соответствующий документ с перечислением всех приведенных данных».

Одним из важнейших положений приказа № 22 являлся пункт, запрещающий евреям покидать места проживания с предупреждением, что нарушитель будет «рассматриваться как шпион»³⁶.

Первая попытка создания гетто в Одессе — в районе Красной слободки — была предпринята оккупантами вскоре после захвата города, в ноябре 1941 г. Однако она не удалась. 10 января 1942 г. уцелевшим евреям вновь было предписано в течение 3 дней переселиться на эту городскую окраину. По румынским источникам, численность еврейского населения Одессы в январе 1942 г. составляла около 40 000 человек. Причем несколько тысяч из них скрывались в катакомбах либо жили по поддельным документам. По приказу губернатора Транснистрии уже с 12 ян-

Лагеря смерти и гетто
на территории оккупационной зоны
«Транснистрия»
1941—1945 гг.

(левобережье Днестра,
Одесская и часть Винницкой
областей Украины)

варя 1942 г. одесских евреев начали вывозить в лагерь Березовка. В течение 43 дней (до 23 февраля) туда в товарных вагонах, по 120 — 150 в каждом, было вывезено 19 582 человека.

Часть евреев находилась в гетто Одессы до конца июня 1942 г. Из-за скученности, отсутствия продовольствия и медикаментов многие узники погибли от голода и тифа. Уцелевшие были депортированы на территорию Одесской области³⁷.

Наибольшее число гетто в Украине было организовано в Винницкой области, на территории которой оказалось подавляющее большинство евреев, депортированных в Транснистрию³⁸. Гетто здесь оказались как в румынской, так и немецкой (рейхскомиссариат «Украина») зонах оккупации.

В упомянутом выше справочнике указаны 127 гетто, находившихся в Винницкой области. Эти сведения нуждаются в уточнении. Так, в опубликованном Перечне населенных пунктов, куда депортировали евреев Буковины, указаны 148 «концлагерей и гетто» на Винниччине, из которых 98 не отмечены в справочнике³⁹.

Можно предположить, что гетто были созданы лишь в четверти из этих населенных пунктов (остальные, вероятно, были рабочими лагерями и сельскохозяйственными колониями). Таким образом, на территории Винницкой области, по самым минимальным оценкам, существовало около 150 гетто.

35 из них, по подсчетам И.С. Финкельштейна, находились в немецкой зоне оккупации⁴⁰. Следовательно, 110—115 гетто оказались в Винницкой области под румынским контролем⁴¹.

В результате депортации с июля 1941 г. по январь 1942 г. на территорию Транснистрии было переселено 125 000 евреев из Бессарабии и Буковины.

К этому времени лишь 20 — 25 тысяч уцелевших от уничтожения местных евреев оставались в своих городах и местечках. Еще свыше 4200 узников было депортировано в Транснистрию из Буковины в первой половине 1942 г.

Всего же в Транснистрии оказалось около 195 000 узников (120 000 из Бессарабии и Одесской области, 55 000 из Буковины, 20 000 местных евреев и бежавших из немецкой зоны оккупации)⁴².

Особенностью гетто Транснистрии был смешанный состав населения, где большинство узников были не местные жители, а депортированные. Они не имели связей с местным населением и, как правило, не владели украинским или русским языком. Депортированные прибывали обессиленные, обрванные и ограбленные (за исключением части евреев Черновца, которые были в 1942 г. доставлены в Транснистрию по железной дороге).

С другой стороны, им было легче (по языку и менталитету) общаться с румынскими и немецкими властями, вследствие чего многие должности в составе и во главе еврейских советов («общин») заняли именно депортированные.

Анализ численности евреев в Могилевском уезде, где к сентябрю 1943 г. было 53 гетто, показывает, что в двадцати шести из них (т.е. почти в половине) число узников было менее 150 человек. В пятнадцати гетто было до 300 узников; в пяти — до 500; в двух — до 1000; в пяти — свыше 1000 (самое крупное еврейское население было в Шаргороде — 2971 человек). Наконец в самом Могилеве-Подольском накануне освобождения проживало около 14 000 узников. В «винницкой части» округа Балта выделено гетто в Бершади, где проживал в этот период 5261 депортированный⁴³.

Одним из самых крупных и известных гетто в Винницкой области было жмеринское. Находясь на самой границе с немецкой зоной оккупации, оно служило последней надеждой для тех, кто пытался спасти свою жизнь и перейти в румынскую зону⁴⁴.

Гетто Транснистрии имели четкую структуру управления во главе с «президентом общины». В них существовали хорошо развитые социальные службы и кустарное производство. С начала 1942 г. узники гетто Транснистрии, депортированные из Бессарабии и Буковины, стали получать регулярную финансовую и продовольственную помощь еврейской общины Румынии, а с 1943 г. — и международных еврейских организаций. Это было одной из главных особенностей этих гетто, что помогло выжить многим узникам.

Под румынским контролем на территории Украины в Черновицкой, Винницкой, Николаевской и Одесской областях находилось 175 — 180 гетто⁴⁵, в которых уцелело подавляющее большинство всех жертв Холокоста на оккупированной территории СССР.

Если в румынской зоне оккупации гетто возникают одними из первых, то гражданские власти на остальной территории Украины этот процесс не форсировали.

Как минимум 78 гетто были организованы на территории Западной Украины (Ивано-Франковская (в тот период — Станиславская), Львовская (ныне включающая Дрогобычскую) и Тернопольская области), вошедшей в дистрикт «Галиция»⁴⁶. Подавляющее большинство из них возникло лишь в конце 1941 — начале 1942 г.

Крупнейшим на оккупированной территории СССР и одним из самых больших в Европе было львовское гетто. Оно прошло два периода существования: в качестве «открытого» и «закрытого». Первая попытка переселить 136 000 евреев в гетто, согласно приказу губернатора Галиции от 6 ноября 1941 г., увенчалась успехом лишь частично. «Втиснуть» всех узников в 300 домов, из которых 250 были одноэтажными и где проживало ранее 25 тысяч человек, было физически невозможно. Угроза эпидемии тифа временно приостановила переселение, но к концу года большинство евреев Львова оказались в самом неблагоустроенном районе города, за железнодорожной линией Львов — Тернополь. После серии акций по ликвидации узников был опубликован приказ начальника полиции безопас-

ности и СД Галиции Кацмана о переселении всех без исключения евреев Львова на территорию гетто, которая была значительно сокращена. Здесь разместили 36 000 уцелевших узников.

В повторном приказе Кацмана, от 10 ноября 1942 г., говорилось о создании «закрытого еврейского жилого квартала». Узникам строго запрещался выход из гетто; оно фактически было превращено в рабочий лагерь. Гетто вместе с его узниками (после очередных «акций») было окончательно ликвидировано в конце июня 1943 г.⁴⁷

На основании докладной записки Кацмана главному начальнику полиции безопасности и СД генерал-губернаторства от 30 июня 1943 г. можно сделать вывод, что в гетто дистрикта «Галиция» в течение 2 лет находилось не менее 400 000 узников⁴⁸.

В этой части Украины некоторые гетто просуществовали дольше, чем в других ее регионах, оккупированных германскими войсками.

Число гетто в рейхскомиссариате «Украина» также нуждается в уточнении⁴⁹. Больше всего их было создано в генеральном округе «Волынь-Подоллия», включавшем Каменец-Подольскую (ныне — Хмельницкую), Волынскую и Ровенскую области.

К указанным в справочнике 16 населенным пунктам необходимо добавить еще столько же (города и местечки Балин, Городок, Зиньков, Китайгород, Купишь, Ляховицы, Лянцкорунь (Заречанка), Новая Ушица, Оришин, Славута, Смотрич, Старая Ушица, Старокопистинин, Полошное, Проскуров, Чемеровцы)⁵⁰. Небольшое гетто существовало также до 20 августа 1942 г. в с. Калюс⁵¹.

20 июля 1941 г. — одним из первых — было создано гетто в Каменец-Подольске (ныне — Каменец-Подольский), где до войны проживало свыше 14 000 евреев. Оно просуществовало свыше полутора лет — до февраля 1943 г. Это гетто стало первым на оккупированной территории СССР местом депортации и уничтожения евреев из других стран. Уже к концу июля сюда были привезены 11 000 евреев из Венгрии, которые были беженцами из Чехословакии и Польши. В гетто были согнаны также жители окрестных местечек.

В результате здесь оказалось около 30 000 человек. Состав гетто (к этому времени иностранные евреи были в основном уничтожены) был пополнен летом — осенью 1942 г. евреями-специалистами из семи ликвидированных гетто Каменец-Подольского гетто и насчитывал около 5000 узников. Только из Оришина сюда доставили 300 специалистов⁵².

Всего же на территории современной Хмельницкой области было как минимум 33 гетто.

По Волынской и Ровенской областям в справочнике указаны соответственно 7 и 20 гетто⁵³. Всего же их было как минимум 51. Причем только 4 из приведенных в справочнике (в селе Варковичи Дубновского района и районных центрах Верба, Козин и Червоноармейск Ровенской области) не указаны в исследовании известного израильского ученого

здесь оставалось еще 50 ремесленников. Лишь в конце июня 1942 г. (после двух предшествующих расстрелов беженцев и местных жителей) было уничтожено около 600 евреев в Золотоноше⁶⁷.

Несколько сот евреев г. Сумы были расстреляны в феврале 1942 г., т.е. спустя несколько месяцев после захвата города. Около 4 месяцев жили в оккупации 1800 евреев Луганска (казнены 1 ноября 1942 г.).

В Донецкой области, оккупированной в конце октября 1941 г., расстрелы в ряде городов проводились лишь спустя несколько месяцев. Так, в конце декабря — начале января были убиты евреи в трех населенных пунктах (Макеевке, Константиновке, Красноармейске). Расстрелы продолжались весной и в начале лета — 1 мая 1942 г. (Донецк) и даже во второй половине июня 1942 г. (Енакиево)⁶⁸.

Недавно открытые документы Службы безопасности Украины помогли восстановить историю гетто в Юзовке (бывшем Сталино, ныне — Донецке). Уцелевшая узница гетто Б.А. Геккер показала, что по распоряжению городской управы в ноябре 1941 г. «была создана еврейская община, после чего было приказано всем евреям независимо от возраста надеть нарукавные повязки»⁶⁹.

Гетто «открытого» типа просуществовало около 4 месяцев. Узники привлекались к принудительному труду: разборке завалов, очистке снега и т.п. В судебном деле по обвинению бургомистра Юзовки А.А. Эйхмана (однофамильца известного нацистского военного преступника, отвечавшего за «окончательное решение еврейского вопроса») содержатся его показания, касающиеся темы Холокоста. В них говорится, что в конце февраля 1942 г. по инициативе руководителей местной немецкой службы безопасности («согласно полученным из Берлина инструкциям») было приказано создать гетто «где-либо на окраине города, чтобы его меньше видело местное население». Таким местом стал поселок Белый Карьер, из которого в течение 2 дней выселили местных жителей и переселили туда евреев. Они находились там около двух месяцев. О переселении евреев в поселок рядом с парком культуры и отдыха сообщала в марте 1942 г. и оккупационная газета «Донецкий вестник».

Гетто, где оказалось не менее 300 семей (по другим данным — 3000 человек), было огорожено и охранялось немецкой жандармерией и местной полицией. Ежедневно узники группами по 10 — 100 человек привлекались к тяжелым работам по переноске бревен и досок, очистке уборных, работам во дворе полиции. В ходе принудительных работ часть евреев уничтожалась. Ликвидация гетто произошла в ночь на 1 мая 1942 г.⁷⁰

Евреи Запорожья (3700 человек) были расстреляны лишь весной 1942 г., т.е. спустя почти полгода после захвата города. Была проведена регистрация, создан еврейский совет, направлявший узников на принудительные работы. Евреи носили повязки с шестиконечной звездой. Уничтожение узников этого «открытого» гетто было проведено в конце марта — начале апреля 1942 г.⁷¹

Вместе с упоминавшимся выше гетто в г. Первомайске Одесской области в военной зоне оккупации было создано около 20 гетто.

Таким образом, в литературе и источниках нам удалось выявить сведения о 442 гетто на оккупированной территории Украины в границах на 22 июня 1941 г. Около 60% из них было создано на территории республики в «старых границах» (на 16 сентября 1939 г.). Свыше 38% составили гетто в румынской зоне оккупации.

В указанное число не вошли гетто в населенных пунктах на территории современной Украины, включенные в ее состав после освобождения от оккупантов. Так, около 100 000 узников оказалось в 11 гетто и лагерях (в том числе в двух гетто в Мукачево), созданных в апреле 1944 г. немецкой администрацией после оккупации Венгрии на территории современной Закарпатской области. Во второй половине мая — начале июня эти места принудительного содержания были ликвидированы, а их узники вывезены в Освенцим⁷². Четыре гетто и места временного содержания (Ялта, Феодосия, Евпатория, Джанкой) были созданы в Крыму, входившем до 1954 г. в состав РСФСР.

В сравнении с другими зонами оккупации на территории СССР процесс создания гетто в рейхскомиссариате «Украина» и дистрикте «Галиция» начался позднее и был растянут по времени (осень 1941 — лето 1942 г.). Здесь, а также в военной зоне оккупации инициативу (по крайней мере, формальную) в создании гетто иногда проявляли руководители местных управ.

ГЕТТО В БЕЛОРУССИИ

На территории Белоруссии в границах на 22 июня 1941 г. нацисты создали более 250 гетто в 4 зонах оккупации: под контролем военной администрации; округе «Белосток» (в составе рейха); а также в генеральных округах «Белоруссия» и «Вольф-Подоллия» в составе соответственно рейхскомиссариатов «Остланд» и «Украина».

По подсчетам Е.С. Розенבלата, только в Западной Белоруссии было организовано 211 гетто, в том числе — 153 в современных границах Республики Беларусь⁷³. В округе «Белосток» находилось около 110 гетто (в бывшей Белостокской области и на территории современной Гродненской области).

Среди них самым многочисленным было гетто в Белостоке (свыше 50 000 узников), созданное по приказу военного коменданта города от 26 июля 1941 г. и просуществовавшее до августа 1943 г. Его площадь занимала четверть города. Гетто было огорожено высоким дощатым забором с колючей проволокой⁷⁴.

В Гродно в ноябре 1941 г. около 20 000 евреев оказались в двух гетто. Одно из них действовало по март 1943 г.⁷⁵

На территории Белоруссии, включенной в рейхскомиссариат «Украина», оказалось, по данным Е.С. Розенבלата, не менее 45 гетто. Самые

крупные из них были в Пинске и Бресте. Темпы создания гетто в этом регионе были различны. В небольших и средних по численности еврейского населения они возникли в первые месяцы и даже недели оккупации. В Бресте гетто было создано позднее — 16 декабря 1941 г. В этот период здесь было зарегистрировано 18 000 узников (по другим данным — 27 000 человек). Оно просуществовало ровно 10 месяцев⁷⁶.

Свыше 25 000 евреев Пинска оказались на оккупированной территории. Только 1 мая 1942 г. 18 644 из них были переселены в «закрытое» гетто — одно из последних по времени создания не только в Западной Белоруссии, но и в рейхскомиссариате «Украина» в целом⁷⁷.

В отличие от территории Украины, в зоне военной администрации (Витебская, Могилевская, большая часть Гомельской, восточные районы Минской и некоторые районы Полесской области) гетто были довольно многочисленными. По данным, приведенным в книге Э.Г. Иоффе, их насчитывалось 43⁷⁸.

В течение лета — начале осени 1941 г. гетто в Центральной и Восточной Белоруссии интенсивно создавались айзатцгруппой «В». В небольших населенных пунктах они служили в основном целям концентрации еврейского населения для его уничтожения и переселения части узников в более крупные гетто.

В отчете коменданта вермахта в Белоруссии за октябрь—ноябрь 1941 г. говорилось:

«Проводится сбор евреев сельской местности в гетто населенных пунктов средней величины»⁷⁹.

Ликвидация гетто проходила здесь более быстрыми темпами, чем в России и Украине. В основном они были ликвидированы уже к концу 1941 г. Так, гетто Витебска было создано в конце июля 1941 г. (после принудительного переселения всех евреев на правый берег Двины). В источниках и литературе приведены разные данные о численности его узников: от 3 — 4 тысяч (в отчетах айзатцгрупп)⁸⁰ до 20 тысяч (документы ЧГК)⁸¹.

Уже в первые дни оккупации (до переселения в гетто) в Витебске был создан юденрат и проведена регистрация евреев. В начале сентября витебское гетто стало «закрытым». Его жителей разместили в Доме (клубе) металлистов и прилегающих к нему полусгнивших строениях. Гетто было обнесено забором из колючей проволоки. Узкий проход к реке также был обнесен проволокой. В гетто привозили евреев из окрестных деревень. Оно было ликвидировано 8—10 октября 1941 г. под предлогом «опасности эпидемии». Члены еврейского комитета (проживавшие вне гетто), врачи и ремесленники были уничтожены в конце 1941 г.⁸²

Гетто в Орше было организовано в сентябре (около 3000 узников) и ликвидировано в конце ноября 1941 г.⁸³ Несколько месяцев провели в четырех гетто 4000 евреев Гомеля, расстрелянных 3—4 ноября 1941 г.⁸⁴

На территории рейхскомиссариата «Остланд» оказалось около 70 гетто, учтенных в историографии⁸⁵. Первое гетто в Белоруссии было создано

в Минске распоряжением полевого коменданта от 19 июля 1941 г.⁸⁶ На переселение отводилось пять дней, но фактически оно продолжалось до начала августа. Это было самое крупное по численности (более 80 000 узников) гетто в пределах «старой» советской границы. Число узников значительно превосходило и все остальные гетто не только рейхскомиссариата «Остланд», но и других зон оккупации. Лишь львовское гетто насчитывало большее число узников. Отметим, что эти два гетто входят в число наиболее крупных мест принудительного содержания евреев Европы.

Минское гетто просуществовало около 27 месяцев, что также было уникально для гетто на территории СССР в пределах «старой» границы. В столице Белоруссии оказалось значительное количество беженцев из западных областей республики, которые не смогли эвакуироваться. С ноября 1941 г. около 7 тысяч евреев рейха (Германии, Австрии, Чехословакии) оказались узниками отведенного им на территории гетто особого района — «зондергетто» (все же через минское гетто прошло около 20 000 евреев рейха, большинство из которых уничтожилось вскоре после прибытия).

Таким образом в одном гетто оказались представители трех разных групп еврейского населения, каждая со своим родным языком (русским, идишем и немецким), культурой и мировоззрением. Отметим, что большая часть советских евреев Минска в значительной мере утратила традиционную еврейскую ментальность (за исключением представителей старшего поколения). В то же время беженцы из Западной Белоруссии были более инициативны и предприимчивы, что явилось важным фактором выживания в гетто. Среди евреев рейха было немало ценных специалистов, а также людей, способных выполнять тяжелую физическую работу с высокой производительностью труда. Знание языка и контакты с немецким административным персоналом разного уровня давали им определенный шанс на спасение. Психологический и моральный климат взаимоотношений этих разных социальных групп узников и их борьба за выживание сопоставимы с различиями между местными и депортированными узниками Транснистрии.

Гетто было организовано на территории площадью около двух квадратных километров, занимаемая около 40 улиц и переулков в западной части города, где находились преимущественно одноэтажные деревянные строения⁸⁷. Узники гетто, в первую очередь, использовались вермахтом на различных вспомогательных и ремонтных работах. Гражданская администрация генерального округа «Белоруссия» также стремилась максимально использовать труд еврейских специалистов и ремесленников. На территории гетто создавались различные производства. Одновременно шло постоянное сокращение его населения в ходе регулярных «акций», а также вследствие эпидемий и высокой смертности от голода и болезней. Отметим, что несколько тысяч узников сумели бежать к партизанам или скрывались у местного населения.

В результате уже через год численность советских евреев в этом гетто сократилась более чем в десять раз и составляла к августу 1942 г. примерно 6,5 тысячи человек. Численность евреев рейха превышала тогда 2100 человек.

Во многом история минского гетто сходна с историей львовского: нехватка продовольствия, жилья, угроза эпидемий давала возможность оккупантам периодически «избавляться» не только от «бесполезной» с их точки зрения части узников, но даже и вполне трудоспособного населения (при сокращении территории гетто методом истребления жителей определенных улиц и кварталов). Однако экономические интересы оккупантов и личная позиция влиятельного гауляйтера Белоруссии В. Кубе (о ней мы расскажем ниже) позволили длительный период сохранять это гетто.

Некоторые гетто в генеральном округе «Белоруссия» просуществовали довольно долго. В Барановичах, где гетто существовало более двух лет (до 17 декабря 1943 г.), в момент его организации находилось 15 000 узников⁸⁸.

Тенденция концентрации еврейского населения в средних и крупных городах наблюдалась и в западных областях Белоруссии (как и Украины). Обычно переселялись отдельные семьи, не превышающие нескольких десятков человек. Однако это распоряжение касалось иногда и еврейских общин численностью не менее нескольких сот человек. Так, в Западной Белоруссии оккупанты предприняли уникальную попытку создать еврейский город («Judenstadt») в Пружанах. Сюда было переселено свыше 6,5 тысячи евреев из 14 населенных пунктов (включая 4,5 тысячи из Белостока). Весной 1942 г. в гетто Новогрудка переселили пять с половиной тысяч человек, а в гетто Глубокое были направлены евреи из 42 городов, местечек и деревень⁸⁹.

Для западных районов Белоруссии (вошедших в рейхскомиссариат «Украина») было характерно создание на первом этапе иного варианта изоляции: формально гетто не создавалось, но еврейское население (после регистрации и соответствующего обозначения, а также создания еврейских советов) интенсивно использовалось на принудительных работах, подвергалось коллективным контрибуциям и, главное, фактически было лишено свободы передвижения (запрет передвигаться вне рабочих колонн, появляться в определенных кварталах и даже покидать свои дома). Такая ситуация сохранялась (за некоторым исключением) до конца 1941 — начала 1942 г., когда план и темпы «окончательного решения» еще находились в стадии обсуждения.

Для этого периода характерно, как и в дистрикте «Галиция», переселение трудоспособных узников в крупные гетто из более мелких. В отличие от зоны под контролем военной администрации, это делалось не с целью ликвидации еврейского населения, а в целях использования их профессиональных возможностей.

В зоне же военной администрации и прилегающих к ней районах генерального округа «Белоруссия» процесс ликвидации гетто был закончен в основном к концу 1941 г.

Некоторые гетто на территории Белоруссии (Минск, Белосток, Брест, Пинск, Глубокое и некоторые другие) можно отнести к типичным для Восточной Европы. Здесь активно действовали юденраты с многочисленным штатом сотрудников, включая еврейскую полицию; в гетто и самих городах были организованы производства, где активно использовался принудительный труд еврейского населения.

ГЕТТО В ПРИБАЛТИКЕ

В Литве и Латвии, включенных в рейхскомиссариат «Остланд», гетто начинают интенсивно создаваться с конца июля — начала августа 1941 г. (в некоторых местах первые гетто были созданы еще военными властями). Их жители были отмечены опознавательными знаками, привлекались к принудительным работам, нередко концентрировались в определенном месте или здании (как правило, накануне расстрела). По данным судебного процесса, состоявшегося сразу после войны в Риге, на территории Латвии было создано 18 гетто⁹⁰.

Некоторые, как, например, созданное 20 июля 1941 г. в Лудзе, были огорожены забором или проволокой. Подавляющее большинство гетто (в местечках Бауска, Балви, Варакляны, Виляка, Екабпилс, Елгава, Зинупе, Карсава, Краслава, Лудза, Прейли, Яунелгава) просуществовали лишь несколько недель, а иногда и дней.

В Резекне гетто было окончательно ликвидировано в сентябре 1941 г. Более двух месяцев просуществовали гетто в Вентспилсе и Айзпите (соответственно до 17 и 27 октября 1941 г.). Около 15 000 тысяч евреев было сожжено в гетто Даугавпилса, в том числе из окрестных местечек. В июле—ноябре 1941 г. подавляющее большинство из них было уничтожено в ходе трех «акций». Однако около 1000 узников продолжали находиться в гетто Даугавпилса до его ликвидации в мае 1942 г.

В некоторых городах, со значительным количеством проживавших там евреев, «закрытые» гетто создаются позднее. В Риге евреи были размещены в гетто по приказу генерал-комиссара Латвии от 21 октября 1941 г. Оно находилось на окраине города, которая носила название Московский форштадт. Через четыре дня переселение в гетто, огороженное к этому времени двойной колючей проволокой, завершилось. Впоследствии гетто было огорожено 6-метровым забором. 26 ноября гетто разделили на 2 части. В «малом» гетто оказались специалисты (без членов семьи)⁹¹.

Подавляющее число латышских евреев были уничтожены здесь к декабрю 1941 г. Около 400 квалифицированных специалистов, а также примерно 2,5 тысячи евреев из Германии и других стран (они были размещены во втором гетто) оставались в Риге до ноября 1943 г., когда узников перевели в концлагерь Кайзервальд (Саласпилс). Некоторые из них направлялись в рабочие и трудовые лагеря на территории России (Псковская область)⁹².

«Закрытое» гетто в Лиепае с 832 узниками (около 650 из них составляли женщины и дети) было создано лишь 1 июля 1942 г. Накануне еврейский совет провел регистрацию узников. Гетто просуществовало до 8 октября 1943 г., когда уцелевших узников перевезли в Ригу, а затем в концлагерь Кайзервальд. Однако часть из них была возвращена в Лиепаю весной 1944 г.⁹³ 300 еврейских узников этого концлагеря были заняты на оборонительных сооружениях наиболее длительный период на территории СССР — до начала мая 1945 г.⁹⁴

В местечках Литвы с достаточно большим числом еврейского населения было создано около 20 гетто и мест принудительного содержания (в местечках Бутримонис, Вабалинкас, Вилкавишкис, Вирбалис, Залушкис, Кадишкес, Кедайняй, Крозьяй, Кудиркос-Науместис, Купинкис, Майшагола, Меркние, Немаксяй, Пасвалис, Расейняй, Салакас, Ширвинтос, Тельшяй, Тракай)⁹⁵. Гетто здесь были ликвидированы в ходе одной или нескольких акций в течение лета — начале осени 1941 г. Незначительная часть узников была переселена в более крупные города.

Некоторые гетто (Тельшяй и др.) были ликвидированы только поздней осенью или в начале зимы. От года до полутора лет просуществовали гетто в Киемилишки, Михалишоке, Ошмянах, Паневежисе, Салосе, Сквире⁹⁶. В гетто Свенцян (Швенченис) оставалось около 500 узников. Оно просуществовало до апреля 1943 г.⁹⁷

В Вильнюсе в оккупации оказалось около 53 000 евреев. 6 сентября в городе были созданы два гетто. В первом оказалось около 30 000 человек, включая специалистов и трудоспособное население с семьями. Во втором, численностью около 10 000, были сконцентрированы в основном нетрудоспособные. К концу 1941 г. в Вильнюсе осталось только одно гетто, где находилось около 20 000 евреев.⁹⁸

К моменту создания гетто в Каунасе из 36 000 оказавших в оккупации евреев в живых осталось около 30 000.

К концу года в гетто оставалось около 17 000 человек. В третьем по численности узников гетто Литвы — Шяуляе (Шавли) находилось 5000 узников⁹⁹.

Отметим, что именно эти гетто — в Каунасе, Вильнюсе, Шяуляе (наряду с гетто в Риге, Лиепае и Минске) просуществовали самый длительный период времени на оккупированной территории СССР.

Политика оккупационных властей выразилась в предоставлении возможности айнзатцгруппе «А» провести в Прибалтике до начала ноября 1941 г. уничтожение всего нетрудоспособного и значительной части неквалифицированного населения после его регистрации, изоляции в гетто и ограбления.

Изменение ситуации на фронте диктовало необходимость учета нужд экономики как гражданского, так и военного ведомств. Но и здесь не было единых подходов. На территории Латвии в гетто было оставлено лишь несколько сот местных евреев — квалифицированных специали-

тов. На территории Литвы в течение почти двух лет (с осени 1941 г.) существовали гетто с достаточно многочисленным еврейским населением (от 5 до 15 тысяч человек), которые практически не подвергались периодическому уничтожению (как в Минске или Львове). Это позволило руководителям еврейских советов организовать не только экономическую деятельность узников, но также их социальную поддержку и медицинское обеспечение. Именно здесь была достаточно редкая возможность на оккупированной территории СССР вести культурную и образовательную деятельность (в частности, в гетто Вильноса).

В Эстонии же даже в больших городах гетто не создавались. Вероятно, это было обусловлено тем, что здесь оставалось всего около одной тысячи евреев, большая часть которых была уничтожена при военной администрации. По приказу начальника полиции безопасности Эстонии от 11 сентября 1941 г. всех евреев должны были переселить в концентрационный лагерь возле Тарту. Одновременно им запрещалась свобода передвижения, т.е. был сделан первый шаг на пути создания гетто. Его планировалось создать возле городка Харку.

В итоге там был организован концлагерь с относительно небольшим числом еврейских узников. Туда, в частности, направлялись еврейские женщины из Пярну, которые привлекались к принудительным работам на торфяных болотах. Некоторые из этих женщин были в начале 1942 г. вывезены на территорию России (в Псков) и там уничтожены.

Евреи Тарту были помещены во временный лагерь на одной из улиц города, который стал своего рода филиалом более крупного концлагеря и подчинялся его администрации. В середине сентября 1941 г. 92 еврея (мужчины, женщины, дети) были сконцентрированы в Пярну. Часть из них расстреляли в начале ноября.

Все эти места временного содержания были ликвидированы вместе с узниками к январю 1942 г.¹⁰⁰ Однако их история в Эстонии на этом не закончилась. Уже в 1942 г. сюда начали привозить евреев из гетто Прибалтики и ряда европейских стран. Они находились в рабочих лагерях полиции безопасности и СС, а также в концлагерях почти до освобождения Эстонской ССР.

ГЕТТО В РОССИИ

На оккупированной территории России гетто появляются с конца июля — в августе 1941 г. Приказами военных комендантов и распоряжениями командиров подразделений айзатцгрупп отводился срок переселения (как правило, несколько дней, необходимых для перемещения из района будущего гетто «арийского населения» и решения других организационных вопросов); обозначались его границы (в зависимости от численности и компактности проживания еврейского населения). Как правило, для гетто отводились окраинные и лишённые коммунальных удобств улицы.

ГЕТТО В РОССИИ

Сохранился редкий документ — записная книжка бургомистра («начальника города») Смоленска, известного местного адвоката В.А. Меньшигина. Приводимый ниже текст можно датировать началом августа 1941 г. Он представляет, по сути, формулировки приказа полевого коменданта города:

«... 4. *Весь город, кроме еврейского квартала, должен быть до 16 часов 5.8. освобожден евреями.*

5. *Все евреи, которые после этого срока будут оставаться в городе, будут арестованы и расстреляны.*

6. *Из района поселения евреи не имеют права выходить без особого разрешения, выдаваемого комендантом города или полицией.*

7. *Район еврейского [поселения] должен быть огражден проволокой, и в дальнейшем должно быть выстроено массивное заграждение.*

8. *Квартиры, освобожденные евреями, поступают в распоряжение начальника города для заселения.*

... 11. *Всем евреям Смоленска запрещено иметь непосредственное сношение с Управлением начальника города и равно и с русским населением. Эти отношения осуществляются лишь через Еврейский комитет»¹⁰¹.*

По свидетельству бежавшей из Минска и проживавшей в Смоленске с ноября 1941 г. по 30 мая 1942 г. Баси Ганелис-Пикман (ей удалось получить «арийские» документы), гетто в поселке Садки на окраине города не было огорожено. Она вместе с подружкой могла приносить туда не только продукты, но и листовки¹⁰².

Возможно, такой «либеральный» режим был в первые месяцы существования гетто, ибо показания других свидетелей это не подтверждают. Александру Панфилову было 16 лет, когда в связи с созданием гетто его семью из поселка Садки переселили в поселок Рачевку, в полукилометре от дома. Он свидетельствовал:

«Режим для согнанных в Садки немцы устроили самый жестокий, никуда не разрешали никому отлучаться и никого к ним не пускали»¹⁰³.

Несколько раньше областного центра, уже в конце июля, было создано гетто в Гусино Смоленской области, в котором до войны был еврейский колхоз «Заря». Здесь находилось около 250 узников, последние из них (176 человек) были уничтожены 6 февраля 1942 г.¹⁰⁴ Это гетто по продолжительности существования — более 6 месяцев — на территории России являлось одним из немногих (наряду с Микулино, Петровичами и Смоленском).

Всего же на территории России в июле — августе 1941 г. были организовано 10 гетто в 9 населенных пунктах 2 областей (здесь и далее указано современное территориальное деление), в которых было заключено около 7300 узников:

на Смоленщине — в Смоленске (около 2000), Красном (около 100), Микулино (300); Петровичи (500); Рудне (1200) и на Псковщине — в Пскове (более 1000), Невеле (2 гетто: 1800 и 200), Опочке (200 узников)¹⁰⁵.

Одно из первых гетто на территории России было создано 7 августа 1941 г. в г. Невеле Псковской области. Оно просуществовало меньше месяца. На территории загородного парка «Голубая дача» по приказу бургомистра Васильева было согнано свыше 1000 человек, преимущественно женщины и детей. В информации, посланной в Москву после освобождения города, говорилось:

«Превратив «Голубую дачу» в лагерь, немцы ввели в нем жестокий режим, заключенных использовали на работах, во время которых подвергали их издевательствам, избиениям и истязаниям»¹⁰⁶.

Второе гетто в Невеле было создано на торфопредприятии и также было ликвидировано в конце сентября.

В сентябре создаются еще 9 гетто примерно с 7200 узниками в 5 областях (три из них — новые):

на Брянщине — в Клинцах (около 3000) и Злынке (230); на Смоленщине — в Хиславичах (900) и Любавичах (500); на Псковщине — в Себеже (150), Великих Луках (около 60) и Локне (70), а также в Новгородской — в Старой Руссе (2000) и Тверской — (м. Ильино с 200 узниками и Торопец (75) — областях¹⁰⁷.

В октябре появилось еще 11 гетто (около 4800 узников) в трех областях: на Смоленщине — Рославль (600), Захарино (600), Шумячи (400), Татарск (600), Монастырщина (1100); на Брянщине — Карачев (100), Стародуб (свыше 800), Унеча (70 семей специалистов, около 350 человек), а также в Псковской области — Усвяты (160) и Бежаницы (120 человек).

В ноябре — 6 гетто (около 2450 узников) в 6 областях (четыре из них — новые): в Калуге (155 человек); Велиже на Смоленщине (2000); Вырице в Ленинградской области (50); Дмитриев-Льговском в Курской области (20), Орле (200), а также в Ржеве Калининской области (несколько десятков).

В г. Дмитриев-Льговский Михайловского района Курской области уцелевшие от первых расстрелов евреи были согнаны в гетто в одном из зданий. Они подвергались систематическим издевательствам, привлекались к тяжелым и опасным работам (переноска неразорвавшихся авиабомб). В ходе наступления Красной Армии узники пытались бежать, но были пойманы и расстреляны¹⁰⁸.

В ноябре — декабре 1941 г. 4 гетто и места временного содержания, где были сконцентрированы свыше 4000 узников, были созданы в Крыму. 21 ноября 1941 г., согласно отчету о деятельности айнзатцгруппы «D», после создания в Евпатории еврейского совета и регистрации 750 евреев города были сконцентрированы в гетто¹⁰⁹.

Несмотря на то что в немецких документах эта концентрация евреев обозначается как гетто, ее можно классифицировать лишь как место временного содержания, так как вскоре все находившиеся здесь евреи были уничтожены.

В декабре того же года было создано гетто в Ялте, которое просуществовало около 2 недель. Переселением руководил еврейский комитет,

помещение которого располагалось на углу улиц Аутской и Морской. Гетто было организовано в так называемых «бывших массандровских казармах». Здесь евреев систематически избивали, отобрали все ценные вещи. Гетто ликвидировали 18 декабря 1941 г. По разным оценкам, там находилось от 800 до 1800 узников¹¹⁰.

Место принудительного содержания евреев в Джанкое было устроено на чердаке молочного завода, в самом центре города. Очевидно, туда было согнано около 500 человек. По свидетельству уцелевшего механика МТС Г. Пуревича, *«теснота и скученность были здесь невыносимыми. Дети изнывали от голода и жажды. Каждое утро мы находили нескольких умерших»*. Многие покончили с собой или (как автор воспоминаний) пытались добровольно уйти из жизни.

Здесь же находилось несколько жителей окрестных деревень, которые приносили обреченным продукты и были пойманы охраной. Жизнь узников гетто руководил староста. Евреи привлекались к строительству шоссе Керчь — Армянск, перетаскивали тяжелые камни¹¹¹.

В отчете гарнизоной комендатуры с 11 по 20 декабря 1941 г. говорилось, что в «лагерь» в Джанкое доставлены все оставшиеся в живых евреи. Они *«используются в качестве рабочей силы в городе. Охраняются полами»*¹¹².

Таким образом, место принудительного содержания евреев Джанкая имело следующие особенности: в нем находились все жители, включая детей; в гетто было свое руководство; узники привлекались к принудительным работам; период его существования — около трех недель. Вот почему его можно рассматривать и как один из вариантов гетто.

По данным недавно вышедшей в США «Энциклопедии еврейской жизни до и во время Холокоста», после оккупации Феодосии 2 ноября 1941 г. там также было создано гетто. Большая часть узников была уничтожена 4 декабря (более 1700). Еще около 200 евреев, оставшихся в городе, были убиты в феврале — мае 1942 г.¹¹³

В январе — феврале 1942 г. в России были созданы только 2 гетто, в которых находилось около 670 человек: на Брянщине — 21 января в Мглине (около 600 евреев) и на Псковщине — в феврале в Пустошке (около 70).

Не установлена дата создания гетто в городах Починок Смоленской и Клетня Брянской области (соответственно 60 и 200 узников), ликвидированных в апреле 1942 г.¹¹⁴

Одно из последних на территории России гетто было создано в г. Ессентуки Ставропольского края в августе 1942 г. Здесь было около 2000 узников. Последние из них (около 500 человек) погибли в октябре 1942 г.

Отметим, что о существовании гетто (вероятно, «открытых») в ряде городов сохранились лишь косвенные сведения. Так, в г. Ржеве Калининской области зондеркомандой-7а айзгацигруппы «В» в ноябре 1941 г. были созданы еврейский совет и служба порядка¹¹⁵.

В Орле был назначен староста, проведена регистрация, евреи носили желтые звезды, составлялись списки еврейского населения для привлечения к принудительному труду¹¹⁶.

В ноябре 1942 — начале января 1943 г. «открытое» гетто существовало в Нальчике, где оставалось несколько тысяч евреев. Горские евреи компактно проживали в особом районе («Еврейской колонке»), куда после оккупации переселились местные евреи из других районов города (европейских евреев, в том числе эвакуированных, расстреляли вскоре после оккупации). Были проведены регистрация и конфискация части еврейского имущества, жители при выходе на работы обозначались повязками со звездой. Приказ об обязательном ношении евреями опознавательного знака (в связи с чем люди старались вообще не выходить на улицу) был отменен лишь после 6 декабря 1942 г. по приказу фельдмаршала фон Клейста. Одновременно был создан национальный совет татар (вариант самоназвания горских евреев) из пяти человек¹¹⁷.

В его состав вошли руководители общины горских евреев, которые провели успешные переговоры с властями и экспертом по расовым вопросам из Германии о признании их одним из народов Кавказа¹¹⁸.

Отметим, что в ряде станиц и сел Ставропольского и Краснодарского краев евреев использовали на сельскохозяйственных и иных работах; нередко при этом они проживали в специально отведенных местах. Вопрос о статусе узников здесь нуждается в дальнейшем изучении.

Как видно из приведенной ниже таблицы, после нескольких месяцев и даже недель нахождения в гетто часть узников погибала от голода; некоторые были уничтожены в ходе акций. В последней графе показано число узников, оставшихся в гетто к моменту его окончательной ликвидации либо частично уничтоженных накануне освобождения (Калуга, Нальчик, Ильино, Усвяты).

Лишь незначительной части узников из других гетто удалось бежать к партизанам или укрыться у своих соседей и родственников.

Таблица № 1
Гетто и места временного содержания на территории Российской Федерации (в современных границах) и Республики Крым

№ п/п	Область, край, населенный пункт	Дата создания	Число узников	Дата ликвидации (освобождения)	Число жертв
Брянская область					
1.	Злынка	09.41	230	15.02.42	203
2.	Карачев	10.41	100	12.12.41	100
3.	Клетня	?	200	04.42	120
4.	Клинцы	09.41	3000	12.42	2500
5.	Мглин	01.42	600	02.03.42	560
6.	Стародуб	10.41	800	01.03.42	800
7.	Унеча	10.41	350	15.03.42	300

№ п/п	Область, край, населенный пункт	Дата создания	Число улик	Дата ликвидации (использования)	Число жертв
Кабардино-Балкария					
1.	Нальчик	11.42	Более 3000	01.43	20
Калужская область					
1.	Калуга	11.41	155	22—28.12.41	21
Курская область					
1.	Дмитриев-Льговский	11.41	20	03.43	16
Ленинградская область					
1.	Вирица	10—11.41	50	11.41	50
Новгородская область					
1.	Старая Русса	09.41	2000	09.41	2000
Орловская область					
1.	Орел	11.41	200	03—09.42	175
Псковская область					
1.	Бежаницы	10.41	120	?	120
2.	Великие Луки	09.41	59	10.41	59
3.	Локня	09.41	70	02.42	50
4.	Невель	08.41	2000	04.09.41 конец 09.41	1800 200
5.	Опочка	08.41	200	?	200
6.	Псков	08.41	Более 1000	01—02.42	1000
7.	Пустошка	02.42	100	02.42	70
8.	Себеж	09.41	150	03.42	97
9.	Усвяты	10.41	160	28.01.42	30
Смоленская область					
1.	Велиж	11.41	2000	28.01.42	1583
2.	Гусино	28.07.41	250	06.02.42	176
3.	Захарино	10.41	600	05.42	500
4.	Красный	08.41	100	08.04.42	30
5.	Любавичи	09.41	500	04.11.41	483
6.	Микулино	08.41	300	23.02.42	250
7.	Монастырица	10.41	1100	02.42	1000
8.	Петровичи	08.41	500	02.06.42	350
9.	Починок	?	200	21.04.42	60
10.	Рославль	10.41	600	11—12.41	600
11.	Рудня	08.41	1200	12.41	835
12.	Смоленск	05.08.41	2000	15.07.42	1860
13.	Татарск	10.41	600	10.41	600
14.	Хиславичи	09.41	900	03.42	800
15.	Шумячи	10.41	400	18.11.41	400

№ п/п	Область, край, поселенный пункт	Дата создания	Число узников	Дата ликвидации (освобождения)	Число жертв
Ставропольский край					
1.	Ессентуки	08.42	2000	09/10. 42	2000
Тверская область					
1.	Ильино	09.41	200	25.01.42	—
2.	Ржев	11.41	Ок. 50	Летом 1942 г.	38
3.	Торопец	20.09.41	75	10—11.41	59
Крым					
1.	Джанкой	12.42	500	30.12.41	443
2.	Евпатория	21.11.41	800	02.12.41	750
3.	Феодосия	11.41	2000	04.12.41	1900
4.	Ялта	04.12.41	1000	18.12.41	800

Таким образом, нам удалось установить существование 45 гетто в 44 населенных пунктах (в Невеле их было два), которые находились в 12 регионах России. О трети из этих гетто не упоминалось в научной литературе.

Более 2/3 всех гетто было создано на территории трех областей России. 15 гетто, где оказалось свыше 11 250 узников, находились в Смоленской области; 9 гетто было создано в Псковской области (3860 узников); 7 — в Брянской (5280 узников).

Общее число узников в гетто России (без Крыма) составило 28 100. В момент ликвидации гетто нацистами в них оставалось свыше 22 000 человек. Около 2400 узников умерли от голода и болезней либо были уничтожены ранее. Еще около 3500 узников освободила Красная Армия (в Калуге, местечках Ильино Калининской и Усвяты Псковской области (всего — около 470 человек), а также в Нальчике (свыше 3000). Несколько десятков узников бежали в ходе уничтожения, а затем попали к партизанам, скрывались по фальшивым документам или укрывались местными жителями.

Представляют интерес сведения о продолжительности существования этих гетто — от нескольких дней до 3 недель перед казнью провели в местах временного содержания евреи Вырицы, Себежа, Старой Руссы, Джанкоя, Евпатории, Феодосии, Ялты, Татарска.

Несколько недель (с использованием на тяжелых и унизительных работах) находились узники в городах и местечках Пустошка, Бежаницы, Великие Луки, Невель, Торопец, Ессентуки.

Более месяца просуществовали гетто на торфопредприятии в Невеле, Любавичах, Шумячах, Мглине и Калуге.

До 3 месяцев — в Ессентуках, в Велиже (по другим данным — около 5 месяцев), Карачеве, Нальчике, Рославле, Рудне.

Более 3 месяцев — в Дмитриев-Лыговском, Захарино, Злынке, Клинцах, Монастырщине, Пскове, Стародубе, Унечах, Хиславичах, а также

и освобожденных в январе 1942 г. Красной Армией местечках Ильино и Усвяты.

От 6 до 9 месяцев — в Гусино, Захарино, Красном, Локне, Микулино, Опочке, Орле, Петровичах, Ржеве, Себеже.

Наибольший период — 11 месяцев — просуществовало одно из самых крупных гетто на территории России — в Смоленске, что уникально для оккупированной советской территории в зоне военной администрации.

Неизвестен точный период существования гетто в местечках Бежаница, Клетня, Починок.

Гетто на территории России были сравнительно небольшими по численности (лишь в 11 населенных пунктах содержалось более 1000 человек; еще 2 таких гетто было в Крыму) и нигде (кроме Нальчика) община не превышала 3000 человек.

Отметим, что продолжительность существования гетто на территории России — от нескольких недель до нескольких месяцев — была типичной именно для военной зоны оккупации¹¹⁹.

Гетто в России создавались в самых разнообразных местах: на окраинах городов и в специально выделенных кварталах (Смоленск, Калуга, Велиж, Усвяты); в пригородной зоне (Невель); на одной или нескольких улицах (Ильино, Себеж, Великие Луки, Рославль, Захарино, Хиславичи); в одном огороженном (Пустошка, Локия, Бежаницы, Дмитриев-Льговский) или охраняемом здании, в том числе: в школе (Ессентуки)¹²⁰; помещении при предприятии (Невель), в свинарнике (Велиж) или сарае (Вырица), в монастыре (Старая Русса); в здании бывшей казармы (Опочка), в тюрьме (Мглин), на заводе или фабрике (Торопец, Унеча), в помещении машинно-тракторной станции (в Починке и Злынке), а также под открытым небом (Карачев)¹²¹.

Даже при переселении евреев в отдельный квартал число домов в нем было крайне невелико: 5—6 (в Микулино и Петровичах), 19 (в Любавичах), около 50 (Смоленск)¹²².

Можно сделать вывод, что места расположения узников гетто на территории России имели свою специфику. В ряде случаев они функционировали как рабочие лагеря, однако в них концентрировалось все еврейское население. Обращает на себя внимание, что примерно в четверти населенных пунктов гетто существовало незначительный период времени.

КОЛИЧЕСТВО ГЕТТО

Проведенный выше анализ позволяет распределить гетто по зонам оккупации и по республикам бывшего СССР (не учитываются Закарпатская и Калининградская области, ибо они не входили в состав СССР в границах на 22 июня 1941 г.).

Таблица № 2
Гетто на территории СССР

Республики	Зоны оккупации							Всего	%
	«Украина»	«Галиция»	«Трактенстрия»	«Белосток»	«Остланд»	Рум.	Весп.		
Украина	159	78	175	—	—	10	20	442	53,8
Белоруссия	45	—	—	110	67	—	43	265	32,3
РСФСР	—	—	—	—	—	—	45	45	5,6
Молдавия	—	—	—	—	—	25	—	25	3
Литва	—	—	—	—	25	—	—	25	3
Латвия	—	—	—	—	18	—	—	18	2,2
Эстония	—	—	—	—	2	—	—	2	0,1
ИТОГО:	204	78	175	110	112	35	108	822	100

В некоторых населенных пунктах (причем в разных зонах оккупации) нацисты создавали по два и более гетто. Два места концентрации еврейского населения были в Вильносе, Вилейке и Слониме («Остланд»), Гродно и Новогрудке (округ «Белосток»), Антополе, Березе-Картузской, Глубоком, Дрогичине и Кобрине (Западная Белоруссия), Ковеле на Вольни, включенных в рейхскомиссариат «Украина», Невеле (Россия). В Коломые (Галиция) и Баре (зона немецкой военной администрации в Винницкой области) было по три гетто. Причем в Баре одно из них создавалось по приказу бургомистра специально для ремесленников¹²³. В Гомеле (Белоруссия), находившемся в зоне военной администрации, было создано четыре гетто.

Обычно в одном из гетто концентрировали нетрудоспособных, которых вскоре ликвидировали. Так, например, гетто № 2 в Вильносе просуществовало до октября 1941 г.¹²⁴ Создание таких гетто можно рассматривать как один из видов предварительной селекции еврейского населения с целью скорейшего избавления от тех, кто был бесполезен для немецкой экономики.

Иногда (как, например, в Бресте) создание «большого» и «малого» гетто было обусловлено тем, что оно было разделено важной транспортной магистралью (в данном случае шоссе Варшава — Москва).

Организацию гетто в небольшом украинском городе Кременец на Тернопольщине описал 15-летний школьник Роман Кравченко. С первых дней оккупации и в течение двух с половиной лет он вел дневник, который впоследствии был представлен советским обвинением на Нюрнбергском процессе¹²⁵.

Причиной такого интереса к созданию гетто и судьбе его узников была его одноклассница и подруга Фрида (в дневнике Роман называл ее Ф.). Окна дома мальчика выходили прямо на одну из улиц гетто.

Вот записи из дневника Романа Кравченко:

«31 января 1942 г.

Евреям отдан приказ очистить 10 улиц... А в течение следующих 6 недель в городе будет организовано закрытое гетто.

В город противно выйти. Картины, какие не повторяются. Люди молча оставляют свое добро. Для них выделены самые грязные, густо заселенные улицы. В городе 10 тысяч евреев. Если их унаковать в эти улочки, одно можно сказать наверняка — тиф»¹²⁶.

Любопытно, что Роман отразил в своем дневнике главный аргумент, который обычно использовали юденраты в округе «Волынь-Подоллия» и некоторых других местах, стремясь воспрепятствовать созданию «закрытых» гетто. Они доказывали властям, что большая скученность населения неизбежно вызовет эпидемические заболевания¹²⁷. Этот аргумент фигурировал на совещании в Виннице в январе того же, 1942 г. при анализе причин бегства из румынской зоны оккупации, где эпидемия тифа убивала тысячи евреев, в немецкую¹²⁸.

А вот как выглядели улочки Кременца на границе с гетто через два месяца:

«1 марта 1942 г.

Наша бывшая Широкая, потом Мазель и теперь Риттерштрассе принимает необычный вид. Одна ее сторона отходит к гетто, там загораживают все улицы и переулки заборами, забивают досками все окна и двери... Одна сторона улицы живая: рестораны, мюзикля пьяная шумит; другая — забитая, мертвая, отвратительная. И есть люди, которые радуются этому новому облику города. Гетто огораживают со всех сторон, вход будет, кажется, только со стороны сгоревшей синагоги»¹²⁹.

Если в «открытом» гетто евреи преимущественно использовались на восстановительных и тяжелых физических работах, то в «закрытом» гетто прежде всего использовался квалифицированный труд как в самом гетто, так и за его пределами. Для этих целей в ряде городов квалифицированные специалисты переводились вместе со своими семьями в особое гетто, при этом какой-то период времени продолжало существовать и второе, «закрытое» гетто.

Отметим, что для многих населенных пунктов были характерны смешанные варианты гетто. В ходе акций по уничтожению еврейского населения выделялись нужные оккупационным властям специалисты, которые (иногда с членами семей) переводились из «открытых» в небольшие «закрытые» гетто.

Еще одной разновидностью гетто были места содержания обладателей зарубежных паспортов. Я. С. Шенфельд рассказал об особом положении и судьбе иностранных подданных-евреев во Львове. Это сравнительно мало известный эпизод Холокоста:

«В июле—августе 1942 г. немцами были собраны евреи — иностранные подданные, прежде всего южноамериканских стран, и интернированы в тюрьме по ул. Яховича в Львове. Указывалось, что это делается для обмена евреями-иностранцами на немцев, проживающих в странах их гражданства.

Судьба этих евреев мне точно не известна, говорили, что часть их действительно выехала в свои страны.

Во время своего пребывания в Львове в августе 1943 г. я слышал, что немцы сосредоточили всех евреев — иностранных граждан в одном доме, где они и проживают»¹³⁰.

Другой разновидностью мест принудительного содержания евреев были «транзитные гетто» для евреев, перемещаемых в Транснистрию или в лагерь уничтожения на территории Польши.

Как отмечалось выше, они получили большое распространение на территории румынской зоны оккупации (в Молдавии, Буковине, Одесской и Николаевской областях)¹³¹. Их особенностью было то, что гетто располагались за пределами населенных пунктов, нередко в открытой местности. Они огораживались колючей проволокой и охранялись румынскими полицейскими. Узники не привлекались к работам. Обычно евреи находились в таких гетто очень короткий промежуток времени — для ночлега и отдыха охраны.

Передвижение колонн проводилось преимущественно ночью, чтобы минимизировать контакт с местным населением. Постоянный состав узников транзитных гетто был минимален. Некоторые временные гетто выполняли функцию лагерей уничтожения, где погибли десятки тысяч евреев. Так, через два наиболее крупных пересыльных лагеря в селах Доманевка и Богдановка (Одесская область) прошло соответственно 120 000 и 55 000 человек. Все они располагались на голой земле либо содержались в хлевах и свинарниках. При этом почти все узники Богдановки были уничтожены, а две тысячи — сожжены¹³².

В Западной Белоруссии (округ «Белосток») было 5 транзитных гетто: в Белостоке, Богуше, Замброве, а также местечках Колбасин (Лососно) и Волковыск (ныне — Гродненская область)¹³³.

Напомним, что этот округ был передан в состав рейха и управлялся гауляйтером Восточной Пруссии. Большинство местных евреев были вывезены через такие транзитные лагеря в лагеря уничтожения на территорию Польши.

В Колбасин переселялись евреи из ближайших гетто. Часть из них (квалифицированные ремесленники и рабочие) использовалась на работах в гетто и содержалась в Колбасине от нескольких недель до нескольких месяцев¹³⁴. Два транзитных лагеря — в Бобруйске и Могилеве — были использованы для привлекавшихся к принудительным работам на территории Белоруссии в 1943 г. евреев из Польши¹³⁵.

На оккупированной территории СССР нацистами и их союзниками было создано свыше 800 гетто. Эта цифра постоянно уточняется на основе региональных исследований. Ни в одной другой стране, оккупиро-

ванной нацистами, такого количества мест изоляции еврейского населения организовано не создавалось.

Единообразия в сроках создания и продолжительности существования гетто (в том числе на территории одних и тех же административных единиц) практически не было. Большинство гетто, особенно в зоне военной администрации, создавались сравнительно быстро, но существовали недолго — от нескольких недель (и даже дней) до нескольких месяцев.

Менее года просуществовали большинство гетто в дистрикте «Галиция» и рейхскомиссариате «Украина». Лишь 25 «закрытых» гетто на территории, оказавшейся под юрисдикцией немецкой администрации, просуществовали от 11 месяцев до двух лет и трех месяцев (Смоленск; Дрогобыч, Каменец-Подольский, Львов, Терновка, Хмельник; Барановичи, Белосток, Глубокое, Гродно, Колдычево, Лида, Минск; Вильнюс, Каунас, Шяуляй, Сяецпяны, Кiemилшкки, Михалюшк, Ошмяны, Паневежис, Скалос, Скивр; Рига, Лиепая). Вот как располагались они по зонам оккупации:

в рейхскомиссариате «Остланд» — 17; в рейхскомиссариате «Украина» — 3; в дистрикте «Галиция» и округе «Белосток» — по 2; в военной зоне оккупации — 1.

Из них: на территории Литвы — 10; Белоруссии — 7; Украины — 5; Латвии — 2; России — 1.

Более или около двух с половиной лет провели узники гетто в румынской зоне оккупации — на территории между Бугом и Днестром.

Сохранившиеся документы и воспоминания позволяют рассмотреть важные и спорные вопросы организации и деятельности органов управления гетто.

2.2. Юденраты. Еврейская полиция

СОЗДАНИЕ, СТРУКТУРА И СОСТАВ ЮДЕНРАТОВ

Оккупанты повсеместно создавали органы управления гетто, которые носили разные названия: «еврейские советы (комитеты)», «советы старейшин», «кагалы», «Правление общины» и т.п. Именно первое название чаще всего фигурировало в документах военных лет. В современной литературе эти органы чаще всего обозначают немецким термином «юденрат».

На оккупированной советской территории он употреблялся прежде всего в округе «Белосток», включенном в состав рейха. Любопытно, что узники белостокского гетто предпочитали название этого органа на идише — *Yidnrat* (иднрат).

Оккупационными властями употреблялись и некоторые другие названия. В период пребывания Каунаса под юрисдикцией военных властей здесь был создан «Комитет для расселения евреев в Вильямполье». С

августа 1941 г. он был переименован в «Еврейский совет старейшин». Такое же название получили и другие юденраты в наиболее крупных городах Латвии и Литвы — Риге, Даугавпилсе, Лиепае и Вильнюсе (первоначально он назывался здесь «Еврейский комитет Вилпы») ¹³⁶.

Во Львове официальное название — «Правление еврейской общины города Львова» — первоначально использовалось реже, чем термин «кагал», которым оперировали как оккупанты, так и евреи ¹³⁷.

При создании юденратов на советской территории оккупационные власти опирались как на те нормативные документы, которые в 1939 — первой половине 1941 г. появились в Польше, так и на общие инструкции по созданию гражданских институтов на оккупированной советской территории. Первые такие приказы по созданию местных органов под контролем военной администрации появляются в середине июля 1941 г.

13 июля в административном приказе № 2 командующего тылом группы армий «Центр» были обозначены основные положения по организации и деятельности юденратов. Отметим наиболее важные из них: юденраты предписывалось организовывать «в каждом населенном пункте», причем «из местных жителей». Их состав должен был избираться самими евреями. Из состава юденрата избираются председатель и его заместитель. Не позже 31 июля председатель должен сообщить о создании и представить список членов юденрата местному военному коменданту, который вместе с начальником полиции безопасности уполномочен утвердить или отклонить его состав. Члены юденрата несут личную ответственность за исполнение всех приказов; они будут расстреляны в случае сопротивления членов общины оккупационным властям.

На территории Центральной и Восточной Белоруссии, а также России данный приказ в полном объеме практически никогда не исполнялся: численность юденратов была обычно гораздо меньше 12 человек (в населенных пунктах до 10 000 жителей); как правило, оккупанты сами назначали руководителей еврейского комитета или одного старосту; отнюдь не во всех населенных пунктах юденраты были созданы не только к 31 июля, но и за весь период оккупации.

Однако во многих населенных пунктах военные власти при активном участии айзатцгрупп приступают к выполнению данного и аналогичных приказов. Уже через 4 дня в сводных отчетах этих подразделений появилась первая информация о процессе создания юденратов ¹³⁸. Так, по распоряжению айзатцкоманды-8 и полевой комендатуры был создан юденрат в Гродно ¹³⁹. В середине июля при их активном участии юденраты возникают в некоторых населенных пунктах на территории Молдавии (в г. Бельцы — не позднее 17 июля 1941 г.) ¹⁴⁰.

Юденраты создавались практически во всех городах и местечках с еврейским населением в Западной, Центральной и Восточной Белоруссии, а также в Западной Украине. Обычно они возникали еще до организации гетто. В июле 1941 г. были созданы первые юденраты в круп-

ных городах Галиции (Львов, Тернополь, Станислав, Дрогобыч), хотя приказ немецких властей об их создании был опубликован лишь 24 сентября 1941 г. До конца 1941 г. в Галиции было создано 40 юденратов, на Вольши — 11 и в Буковине — 7¹⁴¹.

В Минске еврейский совет был создан по распоряжению полевого коменданта города еще в начале июля 1941 г. Одним из первых упоминаний в сохранившихся нацистских документах о функциях юденратов является распоряжение полевого коменданта о создании гетто в Минске от 19 июля 1941 г. Еврейский совет упоминается в 3 из 12 пунктов этого документа: в связи со сбором контрибуции; с информированием властей о квартирах, освобожденных евреями, и ответственностью за осуществление данного приказа. Численность, структура и функции данного юденрата здесь обозначены не были.

Уже первые приказы оккупационных властей раскрывают цели нацистов, хорошо апробированные ими в Польше: силами юденратов провести регистрацию, собрать контрибуцию, а также организовать переселение и размещение евреев в гетто. Одновременно на юденраты возлагалась ответственность как за действия, так и бездействие еврейской общины в целом.

Отметим, что в зоне военной администрации функции и состав юденратов прописывались более четко, чем в зоне под юрисдикцией гражданской администрации. В директивах рейхскомиссара «Остланда» Г. Лозе от 13 августа 1941 г. о юденратах (без обозначения самого термина) говорится весьма сжато:

*«Жители гетто будут улаживать свои внутренние дела при помощи собственных органов управления, которые будут находиться под управлением гебитскомиссара, или штадткомиссара, или лица, им назначенного»*¹⁴².

С одной стороны, юденратам придавался статус «собственных органов управления» еврейской общины. Но была и оборотная сторона медали — они попадали в полную зависимость от оккупантов и становились фактически их официальными заложниками и первыми потенциальными жертвами.

Процесс создания юденратов и информацию о корректировке первых распоряжений об их численности раскрывают отчеты айзгатицгрупп. В сообщении полиции безопасности и СД № 31 о деятельности айзгатицгруппы «В» от 23 июля 1941 г. говорилось:

*«В каждом городе был назначен временный председатель еврейского совета, которому поручено создать еврейский совет в количестве от 3 до 8 человек. Еврейский совет полностью несет ответственность за поведение еврейского населения. Кроме того, он незамедлительно должен начать регистрацию всех евреев, проживающих в населенном пункте. Более того, еврейский совет должен создать трудовые группы из числа евреев в возрасте от 15 до 55 лет...»*¹⁴³

Как видим, состав членов юденратов здесь значительно сокращен. Так, в Галиции они включали от 5 до 12 человек. В еврейский совет Льво-

ва, утвержденный постановлением председателя городской управы города Ю. Полянского 22 июля 1941 г., вошло 8 человек¹⁴⁴.

На территории округа «Волынь-Подоллия» в больших городах (Луцк, Ровно, Ковель и Владимир-Вольнский) в юденрат входило 12 человек. В средних по численности городах этого округа на территории Украины их число колебалось от 5 до 9¹⁴⁵.

В Риге еврейский совет состоял из 7 членов. В Минске первый состав юденрата насчитывал 6 человек. В небольших по численности еврейского населения населенных пунктах юденрат состоял, как правило, из 3—5 человек. При численности менее тысячи евреев еврейские советы на Волыни состояли из двух человек.

На территории России назначались только председатель и его заместитель либо один староста. В зоне военной администрации на территории Белоруссии (как и в России) еврейские комитеты состояли чаще всего из одного или нескольких человек.

Состав юденратов редко оставался неизменным как по количеству, так и по профессиональному составу его членов. В гетто № 1 Вильноса юденрат был создан 4 июля 1941 г. и насчитывал 10 человек. Через 20 дней последовал приказ расширить его до 24 человек, а в августе был восстановлен прежний состав¹⁴⁶.

Помимо перечисленных выше функций (регистрация, учет, расселение в гетто, сбор контрибуций, коллективная ответственность за поведение общины), юденраты отвечали за поставку рабочей силы, оплату труда, распределение продовольствия и организацию питания, социальную помощь и медицинское обслуживание, взимание налогов и штрафов, обеспечение чистоты и порядка в гетто, деятельность мастерских, магазинов, рынков, разрешение административных дел. В ряде гетто они также организовывали культурную жизнь и преподавание. Разумеется, что в полном объеме такая деятельность проводилась лишь в некоторых крупных гетто в определенные периоды их существования.

Важной функцией юденратов согласно приказу немецких властей стала подготовка списков для переселения в гетто (в том числе — в другие, более крупные населенные пункты), трудовые лагеря, а также на депортацию.

Руководителей еврейских советов обычно называли «председатель» или «старейшина» (в Вильносе возглавивший юденрат с середины июля 1942 г. и сохранивший прежний пост руководителя еврейской полиции Я. Генс стал именоваться «глава»). На территории России руководитель еврейского совета обычно обозначался в нацистских документах как «староста»¹⁴⁷.

На контролировавшейся Румынией территории Транснистрии употреблялся термин «президент гетто».

Именно с выбора или назначения председателя или старосты начиналось создание еврейского совета. Лишь в некоторых случаях инициативу проявляли сами руководители и активисты общины. В Баранови-

чах (Западная Белоруссия) несколько довоенных еврейских активистов создали «Еврейский центр», ставший основой еврейского совета. На базе «Еврейских комитетов взаимопомощи» были созданы юденраты в Борщове (Галиция) и Клецке (Западная Белоруссия). Руководители этих организаций и возглавили юденрат.

Обычно же инициативу проявляли сами оккупанты. В Белостоке, Каунасе, Вильнюсе и Владимире-Вольнском (Украина) они предложили (в конце июня — начале июля 1941 г.) раввинам или служителям синагоги спешно собрать группы еврейских представителей. Такие же задания получали и светские лидеры (Столин и Гродно в Западной Белоруссии, Броды в Галиции). Впоследствии именно этим «инициаторам» и предложили возглавить юденраты¹⁴⁸.

Выборы состава юденрата и его председателя проводились преимущественно в первые месяцы оккупации. По приказу оккупантов в ноябре 1941 г. самостоятельно выбирали старосту гетто евреи Калуши. Приказом городской управы Харькова (датированным не позднее 3 ноября 1941 г.) «еврейскому населению города» предписывалось к 5 ноября избрать еврейский комитет, члены которого должны «явиться в городскую управу для утверждения»¹⁴⁹.

По мнению Ш. Снектора, выборы членов юденратов на территории Вольны проводились преимущественно в общинах с численностью в несколько тысяч евреев и проходили чаще всего в синагогах¹⁵⁰.

В некоторых местах — в Центральной России, Белостокской области, Хмельнике (Винницкая область) — выборы руководителей и членов юденратов проходили уже после регистрации еврейского населения и переселения его в гетто.

Предложение войти в состав или возглавить еврейский совет принимали далеко не все кандидаты. Нередко выборы их членов, и особенно председателей, проходили весьма драматично. 28 июня 1941 г. на учредительном собрании еврейского совета в Гродно пашлись люди, категорически отказавшиеся войти в его состав. В Эйшшишке (Литва) все кандидаты отказались войти в еврейский совет и был брошен жребий. При выборах первого состава юденрата в Белостоке (они проходили 29 июня 1941 г.) никто не хотел быть в его составе добровольно. На совещании 60 представителей различных политических сил и групп в Вильнюсе совет удалось создать с очень большим трудом, так как первоначально все отказывались в него войти. Во Львове известный правовед, профессор М. Аллерханд (член Верховного суда и Сената в довоенной Польше) категорически отказался возглавить совет, не оказалось и других добровольцев, поэтому оккупантам самим пришлось назначать первый состав юденрата. Уже после избрания в состав юденратов были зафиксированы случаи отказа от должности (Бережа-Картузская, Пилск)¹⁵¹.

Типичную атмосферу таких выборов передает запись об избрании руководителя юденрата в Каунасе 5 августа 1941 г. Состояние участников собрания очень точно передал рабби Шмуkler.

«Как ужасно наше положение, — сказал он дрожащим голосом, — если мы предлагаем уважаемому доктору Элькесу не почетную должность главы еврейской общины Каунаса, а позорную и унижительную должность «начальника над евреями». Но, пожалуйста, поймите, дорогой и любимый доктор Элькес, что «начальником над евреями» вы будете только в глазах нацистов, а в наших глазах вы останетесь главой нашей общины... Возглавьте нас, защитите нас, вы будете с нами, и мы будем с вами, пока не наступит великий день избавления»¹⁵².

После таких слов Элькес принял предложение возглавить еврейский совет.

Более типичным было не избрание, а назначение состава этого органа. На территории Вольны военные власти приказывали создать юденраты бывшим руководителям еврейской общины и известным врачам (Луцк, Ковель); привлекали для этого хорошо знавших немецкий язык преподавателей гимназии, бывших ранее членами польских городских советов, но не участвовавших в еврейской жизни (Ровно)¹⁵³.

В Риге состав юденрата также был назначен властями. Возглавили его австрийский эмигрант Шлестер и адвокат Михаил Эльяшев. В состав комитета вошли также врач Роман Блюменфельд, адвокат М. Минц, член президиума Общества евреев — освободителей Латвии, бухгалтер Р. Блеменау, а также бывший директор текстильной фабрики Кауфер и Г. Минскер¹⁵⁴.

В этом и ряде других случаев (Яворов и Рогатин в Галиции, Гродно, Пинск, Слобим в Западной Белоруссии) представители общины вызывались к коменданту или ответственному за гетто, который лично отбирал кандидатуры для совета.

Отбор кандидатов в члены юденратов оккупационные власти нередко проводили на территории Украины совместно с руководителями местных управ. А в таких небольших городах, как Тучин и Людвиполь, председатели юденратов были назначены бургомистрами. Известны случаи (например, в Евпатории), когда немцы задерживали на улице нескольких человек и назначали их членами юденрата¹⁵⁵.

Если в населенном пункте существовало два гетто (например, в Вильносе и Гродно), то в каждом из них избирался свой юденрат, однако с властями имел дело только один представитель от обоих гетто.

По аналогии с рядом польских гетто власти пытались создать в некоторых городах своего рода «районные» или «областные» юденраты, которым подчинялись более мелкие близлежащие гетто: в Тернополе, Коломые, Борщове (дистрикт «Галиция»). Яков Генс, глава юденрата Вильноса, осуществлял в 1942—1943 гг. контроль за гетто в Ошмянах, Свенянах и некоторых других населенных пунктах.

Во главе юденратов нередко оказывались люди, ранее никак не участвовавшие в еврейской общинной жизни. В состав юденратов (по крайней мере, первых из них) входили достаточно авторитетные в городе или местечке люди. Хорошее знание немецкого или румынского языка

служило немаловажным фактором при решении многих вопросов. Именно этот фактор нередко был главным критерием при выборе или назначении председателя юденрата или его заместителя. По данным И. Трунка, лишь около 60% членов юденратов в Восточной Европе были вовлечены в активную еврейскую жизнь до войны. Лишь одну треть из них составляли люди, игравшие руководящие роли в своих организациях.

Очевидно, что на оккупированной территории СССР таких людей из-за репрессий сначала советских властей, а затем нацистов (в первые дни оккупации) было значительно меньше. Так, юденраты в Белоруссии нередко возглавляли люди, имевшие опыт работы на хозяйственных должностях. В Минске его возглавил местный житель Илья Мушкин, беспартийный, работавший заместителем председателя горпромторга. В Орше председателем юденрата был назначен бывший главный бухгалтер воснеторга Каждан¹⁵⁶. Еврейским старостой в Чашниках Витебской области стал бывший завхоз больницы Черейский. В той же области на должность старост были назначены бывший директор школы Свойский (Сенно) и врач Лифшиц (Ягновичи)¹⁵⁷.

В Вильнюсе среди членов юденрата преобладали медики: гинеколог, зубной врач, аптекарь. В его состав входили также главный раввин города, учитель и парикмахер¹⁵⁸. В юденрат включались только мужчины. По данным И. Трунка, более 85% членов еврейских советов Восточной Европы были в возрасте от 30 до 60 лет; 90% были людьми семейными, а 40% имели высшее образование¹⁵⁹.

Эти данные могут быть несколько уточнены на примере части оккупированной территории Украины и Западной Белоруссии. Так, Ш. Спектор проанализировал данные о 281 члене юденратов из 52 населенных пунктов Вольны. Выяснилось, что 20% из них были моложе 35 лет. Две трети составляли люди, занятые на производстве и в торговле, а также представители интеллигенции. Среди последних преобладали преподаватели гимназий, хорошо знавшие немецкий язык.

Лишь 10% членов юденратов этого региона участвовали в довоенной еврейской жизни (т. е. в шесть раз меньше, чем в среднем в гетто Восточной Европы). Однако среди председателей еврейских комитетов Вольны такой опыт был у каждого третьего. Бывшие лидеры довоенной еврейской общины возглавили юденраты в одиннадцати населенных пунктах. Его членами также становились известные довоенные еврейские активисты. Например, Ашер Хайят из Высоцка, который, однако, отказался стать председателем юденрата.

В некоторых случаях (8 руководителей юденратов в 6 населенных пунктах) их возглавляли беженцы. Часть из них были юристами, и все они хорошо владели немецким. Нередко именно беженцы фактически руководили юденратом, формально занимая другие посты (например, секретаря юденрата в г. Сарны)¹⁶⁰.

Возрастной и профессиональный состав членов юденратов трех городов Западной Белоруссии (Пинск, Брест и Гродно) проанализировал

Е.С. Розенблат. По его данным, возраст членов юденратов в этих трех гетто, как правило, превышал 50 лет. От 30 до 60% членов юденратов составляли представители интеллигенции (учителя, врачи, аптекари, адвокаты); торговцами были от 25 до 40%; владельцами мелких производств и ремесленниками были около 15%¹⁶¹.

Любопытно, что, в отличие от других юденратов, в Пинске не были представлены адвокаты и дантисты. Отличался этот юденрат и по возрастному составу: до 50 лет было 12 человек, причем самому младшему исполнился 31 год. Таким образом, более половины членов юденрата были мужчинами среднего возраста и лишь 4 человека — старше 60 лет¹⁶².

О весьма разнообразном составе «органов еврейского самоуправления» свидетельствуют и данные по другим населенным пунктам. Например, в Пружанах (Западная Белоруссия) во главе юденрата встали бывший предприниматель, банкир и руководитель местной еврейской организации. В юденрат Львова входили три адвоката (причем два из них стали председателем и его заместителем), два торговца и по одному — врач, инженер и ремесленник¹⁶³.

В Злочеве (Галиция) членами юденрата стали 12 человек со степенью доктора наук. В Кишиневе румынские власти создали еврейский комитет в конце июля 1941 г. в составе 22 «интеллектуальных евреев». 1 августа состоялась встреча членов комитета с комендантом гарнизона. По его предписанию комитет должен был обеспечить в семидневный срок переселение и размещение людей в гетто, а также организовать исполнение трудовой повинности. Функцией комитета стало и распределение хлеба (200 граммов в день), организация суповых кухонь (200 обедов в день). 11 сентября комитет открыл детский дом для 28 сирот¹⁶⁴.

Комитет возглавил доктор Г. Ландау, его заместителем стал адвокат А. Шапиро. Он заменил заболевшего Ландау в последние дни существования гетто¹⁶⁵.

Вопрос о руководстве еврейской «колонии» или «общины» на территории под румынским контролем определялся статьей 5 приказа № 22 губернатора Транснистрии от 11 ноября 1941 г. Формально он касался только депортированных, но по этой схеме строились органы управления еврейских «общин» на этой территории. В приказе говорилось:

«Все евреи, входящие в состав одного поселения, образуют колонию, которая управляется начальником колонии, назначаемым претором района из среды поселенцев. Помощниками начальника колонии являются руководители групп: начальник колонии назначает для каждой группы (20 человек) руководителя, который несет ответственность за наличие в группе всех ее членов, заботится об их благополучии и сообщает о каждом нарушении».

Начальник колонии обязан был предоставить списки ремесленников и всех трудоспособных. Вместе с руководителями групп он нес личную ответственность за наличие всех узников «колонии» и выполнение поставленных администрацией задач¹⁶⁶.

Руководство юденратов строго контролировалось немецкой или румынской оккупационной администрацией. По ряду хозяйственных вопросов оно имело взаимоотношения с местными органами управления.

О схеме подчиненности юденрата Львова этим властям подробно рассказал неоднократно упоминавшийся выше бывший бухгалтер гетто Яким Шенфельд:

«Юденрат представлял в бургомистрате еврейскую общину или так называемый «кагал».

Официально юденрат подчинялся трем властям:

1) Штадтгауптману (голова городского управления)...

2) Шуцполицай (полиция)...

3) Зихергайцполицай (полиция безопасности и СД. — И. А.), во главе с генерал-майром Кацманом и его адъютантом Иквартом.

...В гестапо был организован специальный «еврейский» отдел. В львовском гетто была создана отдельная тюрьма для евреев и с того момента все арестованные евреи, даже и вне гетто, передавались в эту тюрьму. В ноябре 1942 г. в гетто устанавливается немецкое управление во главе с офицерами гестапо»¹⁶⁷.

Это свидетельство достаточно точно передает эволюцию подчинения и переподчинения юденратов местной (весьма номинально) и немецкой администрации. Первоначально гетто руководили политические отделы, созданные при городских и окружных комиссариатах. Затем они переходили в ведение полиции безопасности и гестапо. Подразделения СС и полиции отвечали за внешнюю охрану гетто.

Рассмотрим вопрос о структуре и основных направлениях деятельности еврейских советов. Эти важные сведения крайне скудно отражены в источниках.

Расширение первоначальных функций, предусмотренных немецкими приказами, неизбежно приводило к совершенствованию структуры и деятельности юденратов.

По свидетельству Я. Шенфельда, структура львовского юденрата была следующей:

«1. Отдел кадров. 2. Хозяйственный отдел (отделения: коммерческое и промышленное). 3. Финансовый и бухгалтерии. 4. Строительный. 5. Квартирный. 6. Санитарный. 7. Общественной помощи. 8. Заготовок. 9. Похорон и религии. 10. Юридический. 11. Труда (поставок рабочей силы для немцев). 12. Помощи из-за границы. 13. Почта. 14. Еврейской полиции, состоящей из: а) «КРИПО» — криминальная полиция; б) «СД» — особого отделения (зондеринст); в) внутренней жандармерии; г) комиссариатов по территории»¹⁶⁸.

Как видим, первоначально в составе львовского юденрата было (не считая полиции) 13 отделов. В 1942 г. здесь работали уже 22 отдела и 6 подотделов.

В августе 1941 г. в юденрате Белостока было также 14 отделов (включая отдел безопасности). 9 из них были идентичны (или несколько отли-

чались по названию) от отделов львовского юденрата. Кроме того, здесь были еще 4 отдела: административный, продовольственный, образовательный и секретариат. В ноябре 1941 г. были созданы еще три важных отдела: транспорта, общей статистики, налогов.

Примерно по такой же схеме была организована структура юденратов в Пружанах (15 отделов), Гродно (13 отделов), Пинске (10 отделов). Среди 14 отделов юденрата Вильнюса были такие специфические, как книгохранилище, библиотека и читальный зал, адресное бюро. Половину всех отделов (включая вышеназванные) возглавлял председатель юденрата, а 7 других курировали остальные 4 члена совета. Впоследствии большинство отделов и подразделов юденрата Вильнюса имело своих собственных начальников и их заместителей¹⁶⁹.

С начала 1942 г. стремительно росла численность сотрудников юденратов. Работа в нем служила некоторой гарантией личной безопасности и отличалась сравнительно лучшими условиями труда. Кроме того, служащие могли рассчитывать как на денежное вознаграждение, так и на продовольственные пайки. Так, юденрат Львова вскоре после создания насчитывал 1000 служащих; в 1942 г. — около 4000, а накануне ликвидации — 5000 человек¹⁷⁰. Вероятно, это была самая многочисленная структура в гетто на оккупированной территории СССР. Чиновники этого юденрата и сотрудники полиции получили право «содержать хозяйку дома и детей»¹⁷¹.

С января по июль 1942 г. численность сотрудников юденрата в Белостоке возросла на 600 человек и составила 2201 человек. По мнению председателя юденрата этого гетто Э. Бараша, это как минимум втрое превышало необходимое количество.

На 500 человек за 9 месяцев 1942 г. выросло число служащих юденрата в Вильнюсе, где трудилось 1551 человек (20% трудоспособного населения). Наиболее многочисленным (380 сотрудников, или более 33% всех служащих юденрата, на 1 января 1942 г.) был отдел здравоохранения¹⁷². Только в канцелярии гетто Пинска работало 70 служащих¹⁷³.

По мнению И. Трунка, еврейские советы можно разделить на две категории: с авторитарным или коллективным руководством. К первой из них относятся те еврейские советы, где председатели обладали практически всей полнотой власти, а члены юденратов играли роль своего рода консультационного бюро и не влияли на решения администрации гетто.

Ко второй группе (она была явно менее представительна) относятся юденраты, в которых его члены, а также начальники ведущих отделов (продовольствия, снабжения, труда) играли самостоятельную роль и участвовали в выработке политики юденрата как по внутренним вопросам, так и при взаимоотношениях с властями¹⁷⁴.

Разумеется, что при частой смене руководства и состава юденратов даже в одном гетто такие типы организации и деятельности юденратов могли меняться. Почти всегда еврейские советы начинали свою деятельность как коллегиальные органы. Впоследствии как по объективным причинам (стремление нацистов иметь дело только с руководителем совета

или начальником полиции; необходимость немедленно принимать решение; личная ответственность руководителя), так и субъективным (личдерские качества и стиль поведения) преобладающим являлся первый тип юденратов.

ЮДЕНРАТЫ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

Рассмотрим более подробно организацию и деятельность еврейских советов на оккупированной территории России, поскольку этот вопрос не затрагивался в фундаментальном исследовании И. Трунка и других зарубежных авторов¹⁷⁵.

В центральных областях России организации юденратов был посвящен подробный пункт под заголовком «Еврейский совет» из «Объявления» военных властей группы армий «Центр» от 1 ноября 1941 г.:

«В каждой общине должно быть представительство евреев под названием еврейский совет.

Еврейский совет должен состоять в общинах до 10 000 жителей из 12, а в общинах свыше 10 000 жителей из 24 евреев, исходящих из населения. Еврейский совет выбирается из членов общины. На место выбывшего члена еврейского совета немедленно выбирают нового.

Еврейский совет выбирает из своих рядов старшину и одного заместителя. Старшина еврейского совета обязан немедленно заявить состав еврейского совета местной комендантуре.

Еврейский совет обязан через старшину или его заместителя принять приказы служебных мест немецкой власти и полиции. Он отвечает за своевременное выполнение их в полном объеме.

Всею указаниям, в связи с исполнением немецких приказов, все евреи и еврейки должны повиноваться. Данные указания должны быть даны письменно, по представлению и разрешению немецкого служебного места.

Старшина, его заместитель и другие члены еврейского совета отвечают своей личностью обо всех происшествиях, противодействующих военной власти, немецкой полиции или иным немецким служебным местам, в среде еврейской общины»¹⁷⁶.

Отметим, что на практике на территории России юденраты никогда не были столь многочисленны, как указано в данном приказе. Они не только не достигали указанной численности, но нередко состояли лишь из 2—3 человек или даже одного старосты.

Любопытно, что приказ о еврейском совете предписывал «организовать его жидам» с последующим выбором старосты (старшины или председателя). Сделать это, не будучи собранными в одно место, евреи, естественно, не могли. Вот почему избранию нередко предшествовало переселение. Фактически оккупанты сами назначали председателя совета или «старшину» еврейской общины.

Так, в Калуге руководитель гетто был избран в ходе первого визита начальника полиции в еврейский квартал после переселения туда узни-

ков. После предложения «выбрать из своего жидовского кагала жидовского старосту» была названа фамилия М.И. Фрумкина.

В немецких приказах подчеркивалось, что «еврейский комитет старшин» создается «для регулирования и руководства всех вопросов, касающихся еврейского населения. Распоряжения комитета старейшин обязательны для всего еврейского населения и подлежат со стороны последнего безоговорочному исполнению»¹⁷⁷.

Создание еврейских советов (как и организация гетто) на территории России также входило в функции айнзатцгруппы. Не случайно с 4 сентября 1941 г. в их сводных отчетах появляется раздел «Рабочие группы, еврейские советы, гетто и т. п.».

Здесь же упоминается о создании такого совета в г. Невель на Псковщине, члены которого были «выбраны из числа интеллигенции». Этот совет был создан зондеркомандой-7а айнзатцгруппы «В». Она же, как сообщается в отчете от 14 ноября 1941 г., создала еврейский совет и службу порядка (еврейскую полицию) в Ржеве Калининской области. Зондеркоманда-7б той же айнзатцгруппы создала осенью 1941 г. еврейский совет и гетто в Клицках Брянской области¹⁷⁸.

Отметим, что создание еврейского совета или назначение его старосты не обязательно приводило к созданию гетто в оккупированных городах как центральных, так и южных областей России. Так было, например, в Ростове, Краснодаре, Кисловодске, Новороссийске и других городах.

Состав еврейских советов и их руководителей редко оставался неизменным. По разным причинам нацисты убивали или заменяли таких руководителей еще до расстрела основной группы евреев. Еврейские советы в Ржеве, Торопце и ряде других мест состояли из трех человек. Ржев (на Юге России) — из пяти. Первым главой еврейской общины вскоре после оккупации Орла был назначен пожилой врач Исая Яковлевич Фельдман, казненный после пыток в том же, 1941 г. В начале 1942 г. старостой общины был назначен 44-летний Д.М. Азарх. Он запомнился современникам как «мужчина лет 50—52, высокого роста, носивший длинную черную бороду»¹⁷⁹.

Можно предположить, что члены юденратов (по крайней мере, на территории Смоленской области) носили специальные опознавательные знаки. Так было, например, в гетто г. Велиж, где члены юденрата носили на левой руке особую повязку.

В Велиже именно члены юденрата, как и в гетто других оккупированных регионов, занимались решением весьма непростой задачи по расселению узников¹⁸⁰.

Основной же функцией старост было проведение регистрации евреев и подготовка списков по возрасту, полу, трудоспособности, составу семей. На Юге России едва ли не главной обязанностью старост (многие провели в этом качестве всего несколько дней или недель) стало подписание «Обращения» к еврейскому населению о сборе для регистрации и последующем переселении.

Обычно нацисты сами назначали старост из числа известных в городе людей «без коммунистического прошлого».

Чаще всего ими были врачи, многие из которых не уезжали в эвакуацию, потому что не могли оставить своих больных и созданные ими медицинские учреждения (как тот же И. Фельдман в Орле).

Бессменным старостой смоленского гетто, организованного в конце июля 1941 г., оставался дантист Пайенсон. Заместитель бургомистра города, профессор В. Б. Базилевский вспоминал:

«В частных разговорах со мной доктор Пайенсон неоднократно жаловался на эту тяжелую обузу, которую он должен нести в интересах еврейского населения без всяких перспектив на благополучный исход»¹⁸¹.

Отметим, что квартиру Базилевского неоднократно посещала и бывшая ассистент его кафедры Б. И. Бутримович-Морозова, сестра любимого ученика профессора. Ее рассказы также отражали состояние полной обреченности узников и неверие в возможность спасения.

Возможно, что, встречаясь с одним из руководителей местного самоуправления Смоленска, который сочувственно относился к судьбе евреев (вскоре после их казни Базилевский подал в отставку), староста гетто не только пытался получить информацию о будущем узников, но и искал пути к их спасению.

В состав еврейского комитета в Кисловодске, который возглавлял 64-летний зубной врач Моисей Беннисон, вошли еще 3 известных врача и пожилой писатель Бергман. В Пятигорске комитет состоял из 3 человек — провизора, врача и артиста¹⁸².

Именно представители интеллигенции чаще всего назначались нацистами в состав юденратов на территории России. Почти всегда возглавляли эти органы или становились старостами именно медики или адвокаты (в Велиже возглавлял юденрат учитель). Как правило, это были достаточно известные в городе и обычно немолодые люди.

Указанное выше «Обращение» в Ростове-на-Дону подписал доктор Лурье, возглавлявший до войны Институт саптарного просвещения, а в Краснодаре — профессор В. И. Виллик. За 5 дней до казни евреев Краснодара он был вызван в гестапо, к начальнику зондеркоманды-10а д-ру Юрьеву-Геру.

На отказ подписать «Обращение» тот спросил профессора: «Неужели вы верите большевистской лжи?» и заявил, что евреям Таганрога отвели отдельный квартал, где они «живут в безопасности и занимаются своим делом. Так будет и в Краснодаре». Эсэсовский офицер заверял: эти меры «предупреждают выпады немецких солдат, что нежелательно», а «евреи не должны волноваться». Уже на следующее утро на квартиру профессора доставили типографский текст воззвания к евреям Краснодара о необходимости регистрации за его подписью.

В Новоросийске еврейская община в составе двух человек (председателя — зубного врача Александровича и секретаря — бухгалтера Склера) была создана немцами через 35 дней после оккупации города. В обращении к жителям говорилось, что община создается «для улучшения

быта и устройства евреев на работы, и также для предоставления евреям права заниматься торговлей.

...Обращаемся с просьбой ко всему еврейскому населению избранную нами еврейскую общину слушаться и выполнять все их указания».

Документ заканчивался приказом явиться в здание гестапо для «обязательной поголовной регистрации».

Ее проводили члены комитета, которым был выделен отдельный кабинет.

Все зарегистрировавшиеся получали приказ явиться с детьми и ценными вещами на следующее утро «для отправки в одну из станций Краснодарского края, где уже собрано все еврейское население Кубани».

По свидетельству единственной уцелевшей в Новороссийске еврейки А.Р. Гарбман, обманутые люди, поняв, что их везут на казнь, обрушились с упреками на председателя общины:

«Когда евреи стали говорить Александровичу, почему вы нам об этом ранее не сказали, он отвечал, что сам не знал».

Как видим, здесь, как в Краснодаре и Ростове, нацисты использовали доверие населения к призыву своих представителей, чтобы облегчить регистрацию и сбор всех евреев для казни. К тем, кто не явился к месту сбора, были направлены машины с полицейскими¹⁸³.

Руководителям еврейских общин предписывалось накануне перерегистрации всего местного населения предоставлять списки евреев, в том числе отдельные списки на детей до 14 лет (так было в Орле в феврале 1942 г.).

В 1941 — 1942 гг. по приказу немецких властей в немногих уцелевших гетто также проводилась неоднократная перерегистрация еврейского населения. Различные группы узников получали разные формы удостоверений, что было одной из форм их отбора для последующего уничтожения. Эти удостоверения отличались по цвету или имели специальные надпечатки, свидетельствующие о работе его владельца на немецком предприятии — частном, гражданском или военного ведомства.

Председатели еврейских комитетов постоянно подвергались издевательствам. Староста калужского гетто Фрумкин был избит за то, что вместо слов «жид» и «жидовский» написал в предоставленном им списке узников гетто слова «еврей» и «еврейский»¹⁸⁴.

В Великих Луках Псковской области «ответственным за евреев» был назначен 65-летний зубной врач Лабас. Местный комендант ввел обязательную форму его ежедневного доклада. Он должен был начинаться словами:

«Я, жид Лабас, докладываю Вам, что все жидаы на месте»¹⁸⁵.

Рапорт в письменной форме подавался через жандармерию. В случае отсутствия кого-либо из узников Лабаса жестоко избивали¹⁸⁶.

Таким образом, на территории России юденраты обычно состояли из одного или нескольких человек. Чаще всего все основные функции выполнял его председатель или староста. Не зафиксировано в источниках наличие сколь-нибудь стабильной структуры юденратов, в том числе наличие отделов. Функции этих органов четко ограничивались орга-

низацией регистрации населения (на Юге России такие списки автоматически становились списками на депортацию), составлением списков трудоспособных (Центральная Россия) и организацией принудительных работ (Центральный и Северо-Западный регионы), а также сбором контрибуций и расселением узников гетто. В меньшей степени, чем в других зонах оккупации, Judenräte занимались вопросами снабжения узников продовольствием и организацией медицинского обслуживания.

Они вообще не принимали участия в таких важных вопросах, как организация производства в гетто, культурная жизнь и образование, поскольку эти виды деятельности в данной зоне оккупации допущены не были. Численность и состав членов Judenräte на территории России удалось установить лишь по 17 гетто. Эти сведения сгруппированы в приводимой ниже таблице.

Таблица № 3
Еврейские советы на территории России

Город	Число	Профессия						
		Врач	Фармацевт	Бухгалтер	Учитель	Писатель	Архитект	Неизвестно
Смоленск	Не менее 3	1*						2
Велиж	Не менее 3				1*			2
Ржев	3							3
Татарск	Не менее 3							3
Хиславичи	Не менее 3							3
Орел	1	1*		1*				
Кисловодск	5	4*				1		
Пятигорск	3	1	1				1	
Краснодар	1	1						
Ростов	1	1						
Новороссийск	2	1		1				
Великие Луки	1	1						
Калуга	1			1*				
Нальчик	5							5
Захарино	?							?
Торопец	Не менее 3							3
Ессентуки	5							5
Итого	Не менее 43	11	1	3	1	1	1	26

* Староста (председатель еврейского совета)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И СУДЬБА РУКОВОДИТЕЛЕЙ ЮДЕНРАТОВ

Председатели и члены юденратов нередко становились заложниками при проведении конфискационных или карательных операций оккупантов. Все они (за исключением скрывшихся) были уничтожены во время ликвидации гетто. Уцелевшие после освобождения оккупированной территории были осуждены советскими трибуналами (вплоть до смертной казни) как коллаборационисты. Сумевшие выехать из СССР предстали перед «судами чести» в Израиле и других странах.

Нередко узники одного и того же гетто дают противоположные оценки поведению и деятельности этих людей. Они были разными по образованию и нравственным качествам. Степень их известности, влияния, род занятий в предвоенный период, вовлеченность в деятельность еврейской общины отходили на второй план. Как бы справедливы ни были различные обвинения в адрес председателей юденратов, объективно (и формально) лишь они имели (пусть и в минимальной степени) возможность влиять при взаимоотношениях с оккупационной администрацией на судьбу узников.

Показательна в этом плане деятельность Адольфа Гершмана — главы юденрата гетто Жмеринки (Винницкая область), находившегося на территории Транснистрии. Гершман, депортированный из Черновил, был юристом, выпускником Венского университета. Вот как описывала его бывшая узница гетто Анна Грайшерштейн:

«Гершман был выхоленный самодовольный мужчина лет сорока. Носил драгоценные перстни, цеголял дорогой тростью. На именины к нему пришла целая делегация румынских и немецких офицеров. Его жена и приемная дочь также были всегда расфуфырены».

Отметим, что приемной дочерью Гершмана стала сирота, чьи родители были уничтожены нацистами в немецкой зоне оккупации. А вот другое свидетельство об этом же человеке:

«С приглашенными евреями в Жмеринку прибыл адвокат из Черновил д-р Адольф Гершман. Он прекрасно владел немецким, румынским и французским языками. Походка у него была важная, движения — уверенные, одежда — шикарная. С немцами и румынами он говорил с чувством собственного достоинства, и не было случая, чтобы его кто-нибудь оскорбил. С евреями он говорил (на идише) с чувством собственного превосходства — иногда властно, а иногда — с отеческой снисходительностью»¹⁸⁷.

Личные связи с румынскими властями (накануне войны он оказал юридическую помощь будущему претору Жмеринки) позволили ему сохранить жизнь более 3000 узников и обеспечить им сравнительно спокое существование. Гершман добился прекращения избивания узников в ходе принудительных работ за пределами гетто; их перестали отправлять на работы за пределы Жмеринского района; вход в гетто для румынских жандармов и местных полицейских без специальных пропусков был воспрещен. Эти меры, наряду с хорошо организованной социальной поддержкой и культурно-просветительной и религиозной деятельностью в гетто,

сделали его уникальным не только в Транснистрии, но и на всей оккупированной советской территории. Сюда стремились попасть многие евреи из немецкой зоны оккупации и других гетто Транснистрии.

Однако ценой этого внешнего благополучия стало жесткое требование беспрекословного выполнения приказов президента гетто и его администрации. Это касалось прежде всего предоставления рабочей силы для оккупационных властей; поддержания в гетто строгой дисциплины, граничившей с полицейским произволом.

Можно согласиться с характеристикой доктора Гершмана, которая дана ему в статье «Кормилец» Михаила Ромова:

«Он был деспотом. Он был, если угодно, монархом. Он не терпел ни малейших отступлений от его распоряжений. Он требовал беспрекословного подчинения. Он не считался ни с кем и ни с чем. За любую провинность евреи получали тяжкие наказания. Но он сохранил евреям Жмеринку жизнь»¹⁸⁸.

Цена доверительных отношений с оккупантами была достаточно высока. По требованию немецких властей Гершман был вынужден отправить обратно в немецкую зону оккупации бежавших в Жмеринку 286 евреев местечка Браилов. И хотя это решение было вынужденным (власти грозили уничтожить все гетто), Гершман был расстрелян по приговору советского военного трибунала в декабре 1944 г.¹⁸⁹

Почти везде руководители и члены юденратов еще до ликвидации гетто становились одними из первых жертв. Не позднее 17 июля 1941 г. были казнены члены юденрата в Бельцах¹⁹⁰. На территории России такая судьба постигла в конце лета — начале осени 1941 г. членов еврейских советов в Хиславичах и Татарске Смоленской области¹⁹¹. 2 сентября 1941 г. члены юденрата Вильнюса были арестованы и расстреляны за то, что вовремя не организовали поставку 10 телег. К этому времени все телеги у жителей гетто уже были конфискованы. И хотя юденрат сумел нанять 5 телег у местных жителей, это не спасло его от наказания.

Первый председатель юденрата Львова адвокат Ю. Парнас был арестован и убит в октябре 1941 г. за отказ составить списки на уничтожение 500 молодых и здоровых мужчин. Его участь решили слова: «Людей не отдам!»¹⁹² Председатель юденрата г. Новогрудка и 8 его членов были расстреляны весной 1942 г. за отказ сотрудничать с нацистами. По той же причине был убит и следующий председатель юденрата.

В Яворово (Галиция) и Кременце (Волынь) председателей юденрата меняли соответственно 4 и 3 раза. Первый председатель юденрата Кременца доктор Беп-Цион Кац был казнен за то, что не представил список евреев, отобранных для трудовой повинности. Заменявший его адвокат Йонас Гринберг оставил должность после первого стресса. Последний председатель был уничтожен в ходе ликвидации гетто в августе 1942 г.

Во Владимире-Волынском первый председатель юденрата раббин Моргенштерн умер через 2 месяца после избрания. Следующий председатель, юрист Вейлер, был арестован вместе со 150 евреями-мужчинами

в сентябре 1941 г. Предлогом была попытка нелегально решить продовольственный вопрос в гетто. По той же причине были казнены председатель и члены иуденрата в Клецке.

Казни руководителей иуденратов делали их пресмиками более послушными и менее инициативными. Второй председатель львовского иуденрата доктор А. Ротфельд уже на первом заседании иуденрата заявил, что приказы властей будут беспрекословно выполняться. Он умер вскоре от сердечного приступа. При третьем председателе иуденрата в акциях погибло 75 тысяч львовских евреев, а сам он был повешен. При последнем председателе, докторе Э. Эберзоне, фактическую власть в гетто приобрела тесно сотрудничавшая с гестапо еврейская полиция¹⁹³. Третий председатель иуденрата во Владимире-Вольнском, юрист Пасс, был уже не столь активен, как его предшественники. Последний председатель иуденрата, Лейб Лудниц, использовал свое служебное положение: продавал трудовые сертификаты, сотрудничал с украинской полицией, широко отпраздновал (с танцами и угощением приглашенных нацистов) 25-летие своей свадьбы.

Обычно состав иуденрата менялся после акций уничтожения (Рогатин, Барановичи, Острог). Иногда членов иуденратов арестовывали в ходе «конференций», куда были собраны члены нескольких советов (так было в Ярославе в Галиции).

Членство в иуденрате отнюдь не спасало от произвола оккупантов. В августе число членов иуденрата в Каунасе сократилось с девяти до четырех. Зафиксированы случаи, когда вошедшие в гетто нацисты убивали членов иуденратов под надуманными предлогами: например, за то, что человек не встал при входе гестаповца в кабинет (Тарнов).

В ходе первых акций многие члены иуденратов закончили жизнь самоубийством (в Коломые и Ровно летом 1941 г.) либо разделили участь депортированных родных¹⁹⁴.

Иуденраты, обосновывая «полезность» и производительность труда узников, всеми способами отстаивали в переговорах с нацистами целесообразность существования производств в гетто. Например, в Белостоке был создан специальный «фонд» для «подарков» властям.

Иногда путем переговоров заметно сокращался размер контрибуции (в Белостоке), евреям разрешали взять вещи при переселении в гетто (Ляхва), выкупить девушек, которых отобрали для публичных домов (Кременецкий район). Кое-где удавалось за взятки добиться переименования гетто в «рабочий лагерь» при сохранении его численности (Шяуляй, Каунас)¹⁹⁵. Но возможности иуденратов были ограниченными. В конце августа 1942 г. члены еврейского совета в г. Сарны дали взятку золотом и текстилем гебитскомиссару, который пообещал сохранить гетто, но не сдержал слово. Никакие экономические успехи и способность гетто обеспечить минимальные потребности узников, воспрепятствовать эпидемиям, голоду, смертности не могли остановить зловещую тенденцию — от постоянного сокращения числа узников до полной ликвидации гетто.

Я. Шенфельд свидетельствовал о типичной судьбе членов львовского Judenрата:

«В начале февраля 1943 г. в гетто ликвидируется Judenрат; пойманных его членов вывозят в Белжец. Власть над гетто передается в гестапо и в руки еврейской полиции.

Характерна судьба работников Judenрата:

Первый председатель Judenрата доктор Парнас Юзеф — б. защитник Львова, убит немцами в октябре 1941 г. 2. Доктор Ротфельд Адольф — б. защитник Львова, умер от разрыва сердца. 3. Доктор Ляндесберг — б. защитник Львова, повешен немцами 1 сентября 1942 г. 4. Доктор Эберзон — б. защитник Львова, убит немцами в феврале 1943 г. 5. Хизер — начальник мастерских Judenрата, кустарь, убит немцами в феврале 1943 г. 6. Доктор Зарвицкер — нач. хозяйства Judenрата, бежал в ноябре 1942 г. 7. Зайденфрау — нач. отдела похорон и религии Judenрата, торговец г. Львова, арестован немцами в сентябре 1942 г. 8. Доктор Гинсберг — нач. санотдела Judenрата, врач Львова, бежал в феврале 1943 г. 9. Доктор Яффе — представитель Judenрата по связи с гестапо, б. защитник г. Катовице. Бежал в феврале 1943 г. 10. Гох Юзеф — служащий, нач. отдела кадров Judenрата, бежал. 11. Доктор Бубер, нач. ФИНО Judenрата, б. защитник Львова, убит. 12. Доктор Ротфельд Станислав — нач. хозяйства Judenрата, бежал в Варшаву. 13. Доктор Кимельман — нач. отдела помощи Judenрата, убит. 14. Доктор Ляндю Лейб — нач. отдела заграничной помощи Judenрата, убит. 15. Доктор Шенцер — начальник юридического отдела Judenрата, бежал. 16. Улям — фабрикант, убит и т. д.»¹⁹⁶

Таким образом, из 16 упомянутых Шенфельдом лидеров Judenрата были убиты нацистами ровно половина — 8 (в том числе — 3 из 4 руководителей Judenрата), 1 умер от разрыва сердца, еще один был арестован и 6 человек бежали.

Данные о достаточно высоком (около 38%) количестве скрывшихся руководителей этого Judenрата также весьма любопытны. Вряд ли всем им или даже большинству удалось выжить. По данным известного исследователя Дана Михмана, уцелели лишь 12% сотрудников всех Judenратов¹⁹⁷.

Однако шансов бежать накануне ликвидации гетто у сотрудников Judenратов, видимо, было больше. Это объясняется наличием подготовленных связей на «арийской стороне», фальшивых документов и, вероятно, денежных средств.

По мнению бывшего узника львовского гетто Филиппа Фридмана (он окончил университет в Вене; перед войной работал в Институте экономики Академии наук; в гетто был продавцом хлеба, а после войны издал в Польше одну из первых книг об этом гетто), «людей, которые входили в еврейские общины, можно поделить на 2 категории: на людей наивных и на людей-негодяев».

Критерием для отнесения ко второй группе Ф. Фридман называет стремление спастись и получить наживу.

На основании приведенного фактического материала можно выделить несколько типов лидеров и членов юденратов.

Во-первых, те, кто отказывался сотрудничать с нацистами с самого начала. Такие либо уничтожались немедленно или в ходе ближайшей акции, либо заканчивали жизнь самоубийством.

На оккупированной территории СССР к ним можно отнести людей, отказавшихся войти в состав юденрата либо возглавить его. Например, первый председатель юденрата Пинска Д. Альпер, бывший директор школы «Тарбут», отказался от должности и был расстрелян уже в августе 1941 г. в ходе первых массовых казней в Пинске. Такая же судьба постигла первого председателя юденрата в Коломые (Галиция)¹⁹⁸.

Покончили с собой, отказавшись предоставить нацистам и румынам список на депортацию, председатель еврейской общины Кишинева д-р Гутман Ландау (его отравила жена-врач, также принявшая яд). Отказался от предложения остаться в Кишиневе и разделивший участь депортированных его заместитель, адвокат Аврахам Шапиро, который накануне ликвидации гетто в форме офицера румынской армии нелегально приехал в Бухарест в попытке заручиться поддержкой еврейской общины Румынии. Еще там он отверг предложение спасти свою собственную жизнь¹⁹⁹.

Во-вторых, еврейские лидеры, прямо либо косвенно участвовавшие в движении Сопротивления (Минск, Несвиж и др.).

В-третьих, выполнявшие основные требования нацистов, но сознательно нарушившие какие-либо их приказы; участвовавшие в экономическом саботаже; пытавшиеся улучшить условия содержания и оказать реальную помощь узникам.

Несомненно, что к ним относится большинство руководителей юденратов.

В-четвертых, сотрудничавшие с нацистами по всем вопросам, кроме предложения участвовать в выдаче узников гетто для уничтожения (составление списков, доставка обреченных, поиск скрывшихся).

Так, председатель юденрата в Меджибоже Абрам Швец не согласился на депортацию 100 молодых людей; так же поступил председатель юденрата в Ровно доктор Бергман.

Одной из форм протеста против депортации был коллективный суицид. Прямо в комнате заседаний юденрата повесились все члены юденрата в Березе-Картузской (Брестская область). Покончили с собой, узнав о составлении списков на депортацию, члены юденратов в Белостоке (Цви Видер) и Гродно (Арье Мадер). Пытался перерезать себе вены член совета в Кременце адвокат Беньямин Ландсберг. В гетто Пружаны 41 член совета и сотрудники юденрата вместе с семьями пытались покончить с собой 1 ноября 1941 г. (их удалось спасти)²⁰⁰.

В-пятых, безоговорочно (или в результате некоторого «торга» с оккупантами) выполнявшие все приказы нацистов. Одним из самых типичных представителей этой группы является глава юденрата в Вильнюсе Я. Генс.

Он мотивировал участие еврейской полиции (и свое личное) в составлении списков на депортацию и помощь в ликвидации части узников гетто. Ошмянны тем, что без этого участия число жертв было бы гораздо больше.

Среди этой группы немало тех, кто возглавил юденраты на последней стадии их существования. Их поведение отражает общую деморализацию узников в результате нечеловеческих условий жизни в гетто.

Некоторые из таких лидеров руководствовались желанием сохранить и живых хотя бы часть общины; другие надеялись спасти жизнь лишь себе и своим близким.

ЕВРЕЙСКАЯ ПОЛИЦИЯ

Одним из подразделений юденрата являлась еврейская полиция, которая обычно носила порядковый номер одного из его отделов (IX — в Вильню; X — во Львове и т.д.). Она выполняла административно-юридические функции и имела большое влияние на судьбы как отдельных узников, так и гетто в целом.

За образец в крупных гетто, входивших в рейхскомиссарнат «Остланд» и дистрикт «Галиция», была взята организация аналогичной полиции в оккупированной Польше. Так, еще в ноябре 1941 г. во Львов приезжал начальник полиции варшавского гетто для передачи опыта будущим коллегам²⁰¹.

Еврейская полиция создавалась для решения следующих основных задач:

— для охраны ограждений и всех перекрестков, соединяющих гетто с «арийской» частью населенного пункта; обеспечения общественного порядка и чистоты в гетто;

— для сбора контрибуций, штрафов, исполнения судебных решений юденрата; задержания, наказания и охраны узников тюрьмы гетто;

— для организации обеспечения рабочей силой (сбор и сопровождение узников на работы, поиск уклоняющихся от работы и т.п.).

Постепенно функции еврейских полицейских расширялись. Полиция охраняла здания юденратов, помогала расселению узников по квартирам; участвовала в борьбе с эпидемиями; проводила проверки по учету узников согласно месту их проживания; следила за соблюдением светомаскировки.

Еврейские полицейские выполняли и другие обязанности: регулировали уличное движение в крупных гетто; следили за чистотой на улицах и во дворах; боролись с преступлениями внутри гетто.

Очень важными были административные функции полиции. Именно ее начальник определял вид наказания, и его решение было окончательным. Наказания могли быть телесными, в виде штрафов и лишения хлебного пайка. Так, в Белостоке за несоблюдение чистоты во дворах узники лишались месячного пайка хлеба. В Вильнюсе в июле 1942 г. был вынесен и приведен в исполнение смертный приговор 2 узникам, совершившим убийство в ходе ограбления.

Полиция гетто было действенным средством для выполнения таких приказов нацистов и юденрата, которые непосредственно затрагивали имущественное положение узников и даже их жизнь. Они активно участвовали в сборе контрибуций и привлекались нацистами при проведении акций внутри гетто и депортации узников. В их обязанности входило обнаружение укрытий и убежищ²⁰².

По приказу нацистов еврейские полицейские самым активным образом участвовали в сборе узников гетто для отправки в трудовые лагеря и для уничтожения. И если при проведении первых акций они могли не знать истинных намерений нацистов, то впоследствии их участие в сборе необходимого количества обреченных или розыск скрывавшихся были вполне сознательными. Нацисты и их пособники, также участвовавшие в таких акциях, внимательно следили, чтобы еврейские полицейские ревностно исполняли свои обязанности²⁰³.

Численность еврейской полиции была различна в разных гетто и имела тенденцию роста в тех из них, которые существовали более года.

В гетто Вольни первых полицейских набирали из числа молодых сотрудников юденрата (иногда — по совместительству). Обычно это были люди, никак ранее не участвовавшие в еврейской общинной жизни; многие из них являлись беженцами. В число полицейских попадали, судя по свидетельству уцелевших, как «лучшие молодые люди» местечек, так и криминальные элементы. Среди идентифицированных 7 начальников еврейской полиции этого региона 5 являлись беженцами и лишь 2 — местными жителями²⁰⁴.

В Пинске численность еврейских полицейских выросла с 13 до 50 человек; в Бресте их было не менее 15; в Барановичах — 22; в Слоиме — 30²⁰⁵.

Полиция Львова была создана после письменного приказа шефа СС и полиции безопасности от 8 ноября 1941 г. Первоначально полицейских было здесь всего 20 человек, но к концу года их число возросло до 500. По мнению исследователей, первый состав полиции во Львове иногда пытался если не прямо помогать узникам, то хотя бы не очень ревностно исполнять свои обязанности. В результате часть из них была уволена, а некоторые — репрессированы. В дальнейшем еврейские полицейские, как правило, безоговорочно выполняли приказы нацистов²⁰⁶.

В Каунасе в число полицейских обычно попадали бывшие военнослужащие и спортсмены. В Вильнюсе численность полиции возросла в течение года с 60 до 210 человек²⁰⁷. В гетто Жмеринки в полиции числилось не менее 17 человек²⁰⁸.

Сохранились лишь отрывочные сведения о наличии еврейской полиции на территории Российской Федерации. Она была создана во Ржеве Калининской области²⁰⁹ и Велиже Смоленской области²¹⁰. Как правило, еврейские полицейские были вооружены палками или резиновыми дубинками. По некоторым данным, лишь в жмеринском гетто (румыльская зона оккупации) они имели личное оружие.

Обычно полицейские носили специальные нарукавные повязки. В ряде гетто — специальные фуражки и шапки полувосениго образца. Так, некоторые полицейские в гетто Вильнюса получили военные шапки с желтой звездой. В гетто Львова они носили польскую полицейскую форму с шестиконечной звездой. На правой руке полицейские носили красную или белую повязку с желтой звездой²¹. На аналогичной повязке в гетто Транснистрии была вышита еще и румынская печать. Полицейские ходили здесь в синих галифе и до блеска начищенных сапогах²².

Именно еврейские полицейские, судя по воспоминаниям, чаще всего вызвали у узников самые негативные эмоции. Помимо указанных выше обязанностей еврейской полиции по ограблению узников при сборе контрибуции, ее сотрудники нередко брали взятки, устраивали протекции родственникам, участвовали в контрабанде и нелегальном обмене. Особенно негативной была роль еврейской полиции, когда она привлекалась к проведению акций в гетто и осуществлению депортаций. Полицейские собирали узников, отводили их к месту сбора, помогали нацистам в погрузке обреченных в машины и железнодорожные составы, т.е. фактически соучаствовали в проведении акций уничтожения. На последнем этапе существования многих гетто именно еврейские полицейские активно участвовали в обнаружении так называемых «малки» (тайных убежищ), выдавали подпольщиков гетто²³.

При ликвидации узников гетто Ошмян посланные туда еврейские полицейские из Вильнюса присутствовали (а по некоторым данным, даже участвовали) в казни соплеменников. Полицейские из гетто Львова привлекались к проведению акций в Яворове и Злочеве²⁴.

Неудивительно, что отношение к еврейским полицейским среди узников львовского гетто «было хуже, чем к гестапо». Даже расправа над ними немцев весной 1942 г. не вызвала сочувствия. Один из бывших узников считал это наказанием за освобождение некоторых евреев-заключенных — «своих и за деньги»²⁵.

Достаточно красноречиво деятельность одного из еврейских полицейских на территории Транснистрии отражена в свидетельских показаниях бывшего узника местечка Бершадь. Вскоре после освобождения местечка был арестован органами советской госбезопасности еврейский полицейский М.С. Гершкович. Он родился в Черновицкой области в 1895 г., окончил 4 класса, до войны работал официантом. На допросе Гершкович показал, что *«на службу в еврейскую полицию Бершади я пошел добровольно, потому что у меня не было других источников существования. Будучи на этой службе, я выполнял все приказы начальства, ибо за это мне платили деньги и давали еду»*. Гершкович обвинялся в участии в аресте подпольщиков гетто Льва Воскобойникова и Ханма Шайхета, расстрелянных накануне освобождения Бершади, а также в избивании узников, получении взяток и в выполнении заданий румынской жандармерии. Один из свидетелей показал, что Гершкович «всегда ходил с пагайкой» и особен-

но издевался «над украинскими евреями и бедными» земляками, а свою собаку назвал «именем руководителя советского государства».

Колоритна бытовая подробность деятельности полицейских гетто: ежедневно на берипадском базаре Гершкович громко бил в барабан, собирая на работу узников. Вмешалось ему в вину и пособничество в уничтожении узников: при отправке еврейских мужчин на работы в Николаевскую область (ни один из них не вернулся), Гершкович говорил, что узники будут работать в Буковине и Бессарабии.

Гершкович (его сын Жан служил в Красной Армии) на допросах вел себя мужественно. Он признал свое вынужденное участие в аресте подпольщиков, но остальные обвинения категорически отрицал, несмотря на жестокие избиения: некоторые протоколы остались недописанными следователем и не подписаны обвиняемым; текст в них размыт; бумага сохранила следы крови. В результате подследственный сошел с ума и был помещен в Винницкую психиатрическую больницу²¹⁶.

Участие в еврейской полиции неизбежно приводило к осуждению выживших советскими военными трибуналами. Так, начальник полиции в Жмеринке Матвей Беликовецкий и полицейский Авраам Овсяникер участвовали при освобождении города в боях за железнодорожную станцию. Затем воевали на фронте. Но свою «десятку» получили сразу после демобилизации. Был осужден и полицейский Берл Коваль из того же гетто, зверски избивавший узников²¹⁷.

При оценке деятельности еврейских полицейских чрезвычайно важно выявить степень их сотрудничества с гестапо. Несомненно, что в каждом гетто нацисты стремились иметь добровольных информаторов и агентов «по должности», прежде всего — среди руководителей еврейской полиции.

Вместе с тем нацисты умело использовали два фактора. Во-первых, антисоветские и антикоммунистические настроения тех узников, члены семей которых или они лично пострадали «от Советов». Часть из них искренне ненавидела коммунистов и охотно выдавала их и советских работников гестапо²¹⁸.

Во-вторых, негативное отношение к деятельности подпольщиков обуславливалось боязнью за свою жизнь и жизнь близких в случае массовых репрессий за их деятельность.

Нам неизвестны случаи наличия платных агентов в гетто либо предоставление им каких-то льгот. Вероятно, тайные осведомители рассчитывали, что им будет сохранена жизнь, и это представлялось им адекватной ценой предательства. Однако, как правило, все эти люди и их родные также были уничтожены нацистами.

Хорошо информированный Я. Шенфельд называет имена некоторых узников гетто, сотрудничавших с оккупантами во Львове:

«... Ройзен Борис — начальник еврейской полиции Львова; Голигер Шапиро — офицер еврейской полиции; Шерц — зам. начальника еврейской полиции; Фогельфенгер — комендант еврейского концлагеря по ул. Яновс-

кой, убит; Крумгольц — офицер по связям еврейской полиции с гестапо; Ляндау — служащий еврейского концлагеря; Рунперт, Файль — полицейские офицеры. Розенман — б. начальник еврейской полиции, бежал; Марголин — офицер еврейской полиции»²¹⁹.

Негативная роль еврейской полиции в истории Холокоста очевидна. Однако было бы неверно рисовать ее историю одними черными красками. Среди сотрудников и даже руководителей еврейской полиции находились люди, тесно сотрудничавшие с подпольем гетто, о чем будет рассказано ниже.

В полиции служили разные люди. Большинство приходило туда, чтобы материально обеспечить себя и свои семьи. Они получали лучшие квартиры, носили хорошую одежду и обувь. Некоторые использовали эту должность для корыстных целей, получая доступ к продовольствию и некоторым другим товарам, а также контролируя контрабанду и «черный рынок».

Другие упивались властью и заботились исключительно о себе и своих близких. Будучи вовлеченными в карательные операции и стремясь оправдать в собственных глазах свои позорные действия, они стремились максимально выслужиться перед своими хозяевами. Нередко они руководствовались тезисом, что неисполнение немецких приказов опасно для всех без исключения узников (и для них лично), а поэтому прилагали все усилия, чтобы предотвратить ликвидацию гетто. Но эта тактика была ошибочной и лишь облегчала оккупантам решение их задачи.

Некоторые еврейские полицейские не утратили чувства сострадания: они могли помочь и даже спасти своих знакомых; предупредить их и своих соседей о грозящей опасности. Однако гестаповцы успешно стремились избавиться от таких людей уже при первых же признаках отсутствия у них необходимой активности. Некоторая (весьма незначительная) часть молодых людей шла в полицию по заданию или в связи с деятельностью подпольщиков.

* * *

Бывший узник гродненского гетто и нацистских лагерей смерти Даниил Кловский писал:

«После войны к юденратам и тем, кто служил в полиции гетто, относились как к пособникам оккупантов. Прислужниками, холоуями называли их многие в гетто.

Я же не брошу в них камень. Хотя допускаю, что эту свою работу они делали, надеясь, что она поможет им легче продержаться. Но при всем том, думаю, им в определенном смысле было труднее, чем остальным обитателям гетто. Штраф за малейшее их нарушение был один: смерть. И если мы «отвечали» перед гестаповцами каждый за себя, да еще за своих близких, члены и служащие юденратов — за всех нас. Они были, по сути, нашими заложниками в руках гестапо»²²⁰.

Именно юдепратам, вопреки целям и планам нацистов, выпала роль максимально продлить существование самих гетто и попытаться сохранить жизнь его узников.

Естественно, еврейские советы и их лидеры не могли повлиять на судьбу евреев в тех населенных пунктах, где нацистами было принято решение о массовом уничтожении в кратчайшие сроки. В других же случаях от способности юдепратов налаживать контакт с немецкой администрацией, обеспечить узников продовольствием, минимальными условиями для жизни, организовать поддержку маломощных зависела жизнь узников. Именно в этом ключе необходимо рассматривать роль руководителей и членов юдепратов.

Несомненная заслуга руководства юдепратов состояла в организации бесплатных столовых, домов престарелых, сборе средств на благотворительные цели. Это стало возможным вследствие изыскания внутренних дополнительных возможностей (в том числе путем утаивания части вещей и денег, предназначенных для контрибуции). Организация медицинского обслуживания узников, создание рабочих мест в гетто являются непосредственной заслугой руководителей юдепратов.

Едва ли не первой обязанностью еврейских советов после проведения регистрации и учета трудоспособного населения стала организация сбора так называемой контрибуции, которая налагалась на еврейские общины как в денежном, так и натуральном виде. Поскольку невнесение фиксированных оккупантами сумм грозило расстрелом заложников, а также самих членов юдепратов, то в первые недели и месяцы оккупации они прилагали все усилия для выполнения требований властей.

2.3. Повседневная жизнь в гетто

КОНФИСКАЦИИ. КОНТРИБУЦИИ. ШТРАФЫ

Феномен выживания узников гетто невозможно понять и оценить вне контекста политики систематического ограбления нацистами и их пособниками еврейского населения. Следствием этого стали не только моральные и физические, но и материальные лишения всех без исключения жертв Холокоста. Проблему поиска элементарных путей к выживанию узникам гетто приходилось решать в условиях тотального лишения их всех средств к существованию.

Следует учитывать, что ограбление еврейского имущества проводилось уже в первые дни оккупации как армейскими подразделениями, так и местной полицией и отдельными мародерами. В первую очередь пострададо недвижимое имущество евреев, которым удалось эвакуироваться.

Оставшиеся подвергались систематическому грабежу: повсеместно изымались ценные вещи и предметы быта. Наконец, до создания или

без участия юденратов решалась судьба еврейского имущества, оставленного при переселении в гетто.

В западной историографии распространено мнение, что на территории Советского Союза евреи не владели частной и общинной собственностью, конфискованной у них советской властью. Вот почему эта проблема длительное время не привлекала должного внимания исследователей²²¹.

Действительно, в отличие от других стран, оккупированных нацистами, на советской территории уже не было евреев — крупных собственников, предпринимателей, банкиров, владельцев «доходных» домов. За исключением зданий синагог, переданных в управление религиозным организациям, в стране не существовала общинная собственность. Впрочем, в синагогах (а в больших городах, присоединенных к СССР в 1939—1940 гг., их было несколько) находились как материальные, так и культурные ценности. В большинстве своем они были уничтожены и разграблены. В акте ЧГК по Бресту говорится:

«В результате немецкой оккупации все синагоги и молитвенные дома были заняты под конюшни и гаражи... Общий ущерб исчисляется цифрой 28 956 530 рублей. Уничтожена мебель, молитвенные книги, молитвенные одеяния, чаши и короны серебряные»²²².

Тем не менее в частной собственности евреев, как и других советских граждан в местечках, небольших и даже крупных городах, находились их жилые дома, приусадебные участки, домашний скот. В каждой квартире имелись мебель, одежда, нередко — музыкальные инструменты. Многие семьи владели сравнительно недорогими, но многочисленными изделиями из золота и серебра: обручальными кольцами, часами, серьгами, женскими украшениями, предметами религиозного быта.

Нередко в семьях хранились и фамильные ценности. Многие жители городов носили золотые коронки. У некоторых представителей интеллигенции (адвокатов, врачей, профессуры), а также работников торговли к моменту оккупации оказались немалые сбережения в советских рублях. С дореволюционных времен ценились, а потому бережно сохранялись золотые червонцы и пятерки. На территориях, присоединенных в 1939 г., сотни людей имели небольшие сбережения в иностранной валюте, полученной от родственников из других стран. Некоторые владели редкими филателистическими коллекциями и собраниями картин.

Нацистское руководство разработало довольно стройную и последовательную систему мер по изъятию еврейской собственности. Оно преследовало различные цели: **идеологические** (квартиры евреев и часть награбленного бесплатно передавалась «пострадавшим от иудо-большевиков», пособникам оккупантов и особо нуждающимся); **экономические** (часть денежных средств непосредственно шла на финансирование органов оккупационного режима или поступала впоследствии после продажи недвижимости и имущества евреев местному населению; ценные вещи, изделия из драгоценных металлов и валюта отправлялись в Гер-

манню) и, наконец, **воспные** цели (меховые мужские и кожаные изделия, рукавицы, обувь частично передавались вермахту).

В советских архивах, библиотеках и музеях хранился ряд бесценных научных коллекций, старинных книг и картин, связанных с историей и культурой еврейского народа. Это также стало предметом конфискационной политики оккупантов.

Рассмотрим подробнее, как эта политика осуществлялась на практике и как реагировали на нее еврейские общины и их лидеры.

Приказы о регистрации и конфискации еврейского имущества в зоне гражданской администрации издавались местными оккупационными властями на основании распоряжений ведомства А. Розенберга, в частности «Временных директив» Х. Лозе, об обращении с евреями. Не все из них сохранились, но, судя по приводимому ниже распоряжению комиссара Минского округа доктора Каизера, который можно датировать концом лета — началом осени 1941 г., они были однотипными:

«Жидовские рады (советы. — И.А.) должны сдать следующие налог:

1. Деньги данного государства и зарубежных стран;
2. Ценные бумаги, акции, долговые обязательства и др.;
3. Ценные вещи и ценности;
4. Телефоны и радиоаппараты;
5. Мебель, одежду и белье.
6. Оставляется:

а) необходимая для существования часть домашних предметов (необходимая мебель, одежда и 1 гарнитур белья);

б) сумма денег в обычном размере для поддержания существования.

Жиды должны заявить, согласно прилагаемой форме, о своем имуществе ценой более 50 рейхсмарок»²²³.

Уже в середине октября 1941 г. оккупационные власти декларировали, что все имущество евреев, включая их земельные участки, «является государственной собственностью»²²⁴.

Не только нацисты, но и их союзники, а также часть местного населения беззастенчиво грабили еврейское имущество уже с первых дней войны. Квартиры евреев подвергались постоянным обыскам. Особенно страдали они от ночных рейдов, которые сопровождалась не только ограблением, но насилиями и убийствами. Обычно такие стихийные грабежи продолжались недолго, так как противоречили стратегическим экономическим интересам оккупантов. Они вновь возникали во время или сразу же после проведения акций по уничтожению еврейского населения. Судя по воспоминаниям уцелевших, такие действия имели место во многих населенных пунктах. Обычно их удавалось пресечь только угрозой строгого наказания и показательных экзекуций над провинившимися.

Помимо отдельных мародеров, в конфискации еврейского имущества самым активным образом участвовала местная полиция. При этом целенаправленно обыскивались дома более состоятельных людей. В свод-

ном отчете айзатцгрупп «Оперативная ситуация в СССР» № 73 от 4 сентября 1941 г. сообщалось, что сотрудник полиции в Минске (поволжский немец) обнаружил в квартире еврейского врача спрятанные им 17 980 рублей, которые были немедленно конфискованы.

Другой формой конфискации еврейской собственности, как видно из того же отчета, было изъятие денег и ценных вещей, а также одежды у расстрелянных евреев. Так, только в местечке Червень в Белоруссии у 139 жертв уничтожения изъяли 125 880 рублей. В отчете об уничтожении евреев Вильнюса от 13 июля 1941 г. сообщалось, что у 500 жертв было изъято около 460 000 рублей и много ценностей²²⁵.

Особенно педантично сообщала о собранной наличности айзатцкоманда-8 айзатцгруппы «В». За 70 дней после начала войны она конфисковала свыше полутора миллионов (1 510 399) рублей. К 26 октября ее «счет» составлял уже более 2 миллионов рублей. А к 14 ноября 1941 г. вырос еще на полмиллиона²²⁶.

Для изъятия ценностей при расстреле евреев были разработаны детальные процедуры (приказ о «переселении» предписывал взять ценные вещи и деньги; людей обыскивали; расстрелу предшествовало раздевание обреченных; их одежда проверялась).

Найденные в укрытиях и пытавшиеся бежать из гетто узники нередко располагали значительными суммами денег и драгоценностями, которые изымались местной полицией и немецкой жандармерией.

Уже в конце июля — августе 1941 г. в управление военных трофеев Главного казначейства рейхсбанка начали поступать драгоценности и валюта, конфискованные у советских евреев в Литве, Латвии, Украине, Белоруссии. Первые партии, посланные обычно местными военными комендатурами, включали небольшие собрания золотых и серебряных изделий. К ним прилагался список евреев с указанием изъятых у них предметов.

Отметим, что судить в полном объеме о размерах конфискаций невозможно; они не полностью фиксировались даже в сохранившихся отчетах карательных подразделений, а сами ценности поступали в Берлин разными путями, весьма нерегулярно и далеко не в полном объеме.

Так, например, в конце 1941 г. британская разведка перехватила немецкие радиограммы о посылке в Берлин денег, золота и большого количества серебра от начальника полиции безопасности и СС в зоне группы армий «Центр», действовавшей в Белоруссии и Центральной России. Однако в финансовых документах немецких учреждений более подробных сведений об этом транспорте не имеется²²⁷.

Среди зафиксированных в рейхсбанке сведений по теме (около 30 таких записей обнаружил английский юрист и историк Мартин Дин) отметим следующие. В ходе убийства евреев в зоне действия группы армий «Юг» в начале сентября 1941 г. было конфисковано и направлено в Берлин 47 000 рублей и 1144 доллара. Тогда же 45-й резервный полицейский батальон сообщил о конфискации свыше 12 тысяч рублей после уничто-

жения группы евреев Бердичева. Военные власти Винницы отравили свыше 40 предметов, включая кольца и ювелирные изделия, убитых евреев Гайсина (любопытно, что их пришлось изымать у местной полиции).

Одним из первых крупных поступлений стал груз, направленный из Ровно и Острога в конце октября 1941 г. весом 2,5 тонны. В ноябре новые транспорты из Ровно (ценности евреев городов Дубно и Ковеля, а также прилегающих местечек) и Львова весили соответственно 2300 кг и 866 кг.

Едва ли не самый значительный «вклад» этого периода был сделан айзатцгруппой «А» в январе 1942 г., подразделение которой (айзатцкоманда-3) действовало в латвийском городе Даугавпилсе. Груз включал 33 446 предметов, отобранных в еврейских квартирах и изъятых из сейфов банков. Они были упакованы в 150 сундуков, коробок и чемоданов. Среди них находилось более 60 кг золота в различной форме: 15,5 кг золотых обручальных колец; 6, 5 кг золотых сережек; 9, 3 кг золотых цепочек; более 5000 мужских часов; 61 алмаз и т.д., а также 1822 доллара США и другие ценности.

В начале февраля в Берлин поступили деньги, изъятые в ходе уничтожения евреев 1-м кавалерийским полком СС в районе Припяти. А еврейские ценности из Киева и Житомира были посланы в Берлин только накануне отступления немецких войск²³⁸.

По мнению Мартина Дина, обнаружившего документы Главного казначейства в бундесархиве в Берлине, перечень поступившего с территории СССР конфискованного имущества сохранился лишь частично. Об этом свидетельствует и один из внутренних отчетов от февраля 1942 г., сообщавший о поступлении к этому времени в Берлин 35—40 тонн серебра, конфискованного у советских евреев²³⁹.

Полный учет был невозможен, ибо малоценные вещи и одежда передавались для распределения местным властям, которые должны были в первую очередь обеспечивать этнических немцев и членов их семей.

Но была и еще одна важная причина столь неполной фиксации сведений о конфискованной еврейской собственности. По мнению ряда исследователей, значительная часть конфискованных денег и ценностей попадала в личную собственность участвовавших в акциях уничтожения членам айзатцгрупп и особенно местной полиции. Часть этих средств шла на зарплату, некоторые вещи (например, часы) передавались армейским офицерам и сотрудникам СС и полиции безопасности²⁴⁰.

Даже официально зарегистрированные ценности и деньги, конфискованные у евреев в 1941—1942 гг., руководители полиции безопасности и СД передавали гражданской администрации лишь под нажимом из Берлина и после долгих переговоров.

Между тем на примере сумм, поступивших рейхскомиссару «Остланд» только от полиции безопасности и СД генерального округа «Литва» весной 1943 г., можно составить представление о масштабах конфискованной еврейской собственности. Сначала был перечислен 1 миллион

рейхсмарок из конфискованных денежных сумм, а затем 1,8 миллиона рейхсмарок в счет реализованного еврейского имущества²³¹.

Еще больше впечатляют цифры отчета начальника полиции безопасности и СД округа «Галиция» Ф. Кацмана от 30 июня 1943 г. Он сообщает о наличии золотых вещей весом 206,58 кг и серебрянных изделий весом 5400 кг, а также 29 видов бумажных денег и иностранной валюты, включая 261 589 доллара США. Кроме того, в декабре 1941 г. в Берлин было отправлено 35 грузовых вагонов с мехами и меховыми изделиями²³².

Значительную материальную ценность в период оккупации представляли квартиры и частные дома, принадлежавшие евреям. Лучшие из них занимали представители оккупационных и местных властей. Часть предоставлялась лицам, пострадавшим от советской власти. Остальные же шли на продажу и стоили, например в Могилевской области, от 2,5 до 18 тысяч рублей, что значительно пополняло местный бюджет (только с февраля по апрель 1942 г. было продано 300 домов). В декабре 1941 г. 1700 семей жителей Харькова получили квартиры евреев²³³.

Широко была распространена реквизиция еврейского имущества для военных нужд и на территории Транснистрии. Сохранились описание и оценка этого имущества, причем забиралась даже детская мебель, «6 углов для военных частей во временное пользование, скатерти, стулья, столы, парикмахерские машинки, простыни, подушки, наволочки и т.д.»²³⁴.

Солдаты и офицеры вермахта систематически грабили евреев не только в первые дни оккупации. Создание гетто лишь облегчало им решение этой задачи. Так, в феврале 1942 г. евреи местечка Хиславичи лишились практически всех своих ценных вещей: проходившая через местечко летняя часть вывозила его целыми подводами²³⁵.

Оккупационные власти стремились прежде всего учесть все имущество эвакуированных и переселенных в гетто евреев, оставленное ими на хранение друзьям и соседям, а также попавшее в пользование местных жителей иным способом.

14 октября 1941 г. комиссар Минского округа издал следующее распоряжение:

«До 1 ноября 1941 г. должно быть заявлено все имущество жидовского населения. Заявлять обязан каждый, кто имеет жидовское имущество в пользовании или на сохранении».

Кроме тех, кто стал собственником или владельцем такого имущества на основании «охранной расписки», о еврейском имуществе предлагалось заявить и тем местным жителям, кто «распоряжается или может распоряжаться» таким имуществом не только «законным образом», но и «фактически». Такие заявления необходимо было сделать на имя районных бургомистров²³⁶.

В конце ноября городской голова Киева под угрозой сурового наказания призвал киевлян представить к 16 декабря 1941 г. списки оказавшегося в их собственности еврейского и иного бесхозного имущества,

включая мебель, одежду и даже книги. Целью этих мер была частичная конфискация с продажей населению большей части этих вещей для пополнения местного бюджета²³⁷.

В военной зоне оккупации, помимо откровенного грабежа, применялась и фиксация изъятого имущества. Любопытное описание порядка изъятия и состава конфискованного еврейского имущества в Калуге отражено в акте, составленном комиссией в составе трех человек: домоуправляющего участка, старшего полицейского городской полиции и соседки. Вот что в нем зафиксировано:

«У проживающего ранее здесь и уехавшего жиды Ярхо М. Г. при обследовании данной квартиры обнаружены следующие следующие вещи:

1) Рояль за № 18554; 2) Одно кресло; 3) Книжный шкаф; 4) 2 никельных (так в тексте. — И. А.) кровати, 1 детская; 5) Гардероб для верхнего платья; 6) Мраморный умывальник; 7) Письменный стол; 8) Обеденный стол; 9) Этажерка; 10) Машинка швейная ручная; 11) Диван без сиденья; 12) 3 венских стула».

Все имущество, «за исключением 1 кресла, взятого под сохранность полицейским», передавалась «под сохранность» вселившемуся в эту квартиру человеку. Впрочем, как показывают документы этого же фонда, передавая вещи под сохранность местным жителям, полицейские и немецкие оккупанты легко могли их реквизировать без всяких рисунков.

Переселенная в гетто жительница Калуги Х.Л. Левина указывала после освобождения в своем заявлении:

«Награбленное имущество было унесено к соседу Галкину Алексею Григорьевичу... Тов. Галкину было вменено в обязанность хранить вещи, пока их частями не унесли неизвестно куда»²³⁸.

Как видно из акта оценки похищенного имущества у жительницы Калуги, она оценивала золотое кольцо и цепочку в 1500 рублей. Столько же стоили мужские брюки и шерстяная юбка. Зимнее и весеннее дамские пальто были оценены в 15 000 рублей каждое²³⁹.

Эти вещи были изъяты в ходе обысков, которые полиция устроила через неделю после окончания сроков регистрации. Грабеж носил как открытый характер («брали вещи, деньги, гитары, патефоны»), так и облаченный в некое подобие законности: составлялась опись изъятого имущества, но оно переносилось в другой частный дом, откуда вскоре исчезало.

Ограбление при переселении в гетто также было повсеместным. Местные жители проникали в покинутые квартиры евреев и, к явному раздражению оккупационных властей, выносили оттуда все самое ценное.

4 июня 1942 г. рейхскомиссар Кох подписал инструкцию о распределении на территории рейхскомиссариата «Украина» между вольнонаемными немцами трофейного имущества, включая туда, в первую очередь, имущество евреев, оставшееся после их эвакуации²⁴⁰.

Местные власти принимали самое активное участие в конфискации и распределении еврейского имущества. Именно на их склады поступа-

ли одежда и обувь расстрелянных евреев, которая впоследствии распределялась среди местных жителей.

Так, в городскую управу Пскова в дни расстрела евреев «поступало по несколько возов мужской, женской и детской одежды», которую распределяли среди местных жителей²⁴¹. В г. Пушкин Ленинградской области в день расстрела вещи казненных разбрасывали местным жителям со второго этажа знаменитого Екатерининского лицея. В Смоленске городская управа накануне расстрела узников гетто изъяла 60 комплектов постельных принадлежностей и 3 швейные машинки²⁴².

Городские управы активно занимались использованием еврейской недвижимости. В приказе городской управы Чернигова (военная зона оккупации) от 4 мая 1942 г., изданного «на основании распоряжения немецкого командования», говорилось:

«Все участки и дома в г. Чернигове, владельцами которых были жидаы, переходят в распоряжение городской управы, которая имеет право передавать их, нанимать в аренду, а также отбирать и использовать другим способом. Доходы от этого поступают в жилищный отдел».

Данный приказ не касался домов, занятых немцами и их союзниками²⁴³. Продажа или сдача в аренду жилых помещений приносила немалый доход.

Помимо ограбления населения, нацисты лишали еврейский народ (как и другие народы СССР) его духовных ценностей. Примечательно, что, планомерно реализуя план истребления народа, нацисты не менее планомерно собирали еврейские архивы, частные и музейные коллекции. В конце 1942 г. была составлена докладная записка о подготовленных к вывозу во Франкфурт еврейских книгах и предметах культа из Киева и Харькова, а также о подготовке картотеки архивных дел о евреях²⁴⁴.

Главная рабочая группа «Украина» штаба особого назначения рейхслайтера Розенберга сообщила 22 июля 1943 г., что это делается «для планомерного духовного уничтожения наших идеологических противников, прежде всего евреев, масонов и большевизма». Среди особо ценных находок назывались «еврейские материалы, собранные на Востоке, прежде всего в Вильно и Киеве»²⁴⁵.

Известно, что нацисты предприняли попытку систематизировать и вывезти наиболее ценные коллекции Еврейского научного института (ИВО) в Вильносе, сорванную подпольщиками гетто.

Коллективные контрибуции налагались на еврейское население военным командованием уже в первые дни оккупации. Они преследовали две цели: лишить евреев экономической основы их существования и пополнить местный бюджет. Иногда для этого придумывался формальный предлог (чаще всего — грабеж евреями или советской властью местного населения в прошлом или настоящем). На еврейскую общину нередко возлагалась оплата расходов, связанных с переселением в гетто. Именно под этим предлогом евреи Минска должны были внести 30 тысяч червонцев

уже через 12 часов после издания соответствующего приказа о создании гетто от 19 июля 1941 г. Оккупанты даже давали обещание, что этот «принудительный заем» будет позднее возвращен «с пропеиггами»²⁴⁶.

В сентябре 1941 г. евреев Минска обязали сдать 11 кг золота и 1 миллион рублей. Как и в других местах, были взяты заложники, но также было обещано выделить для гетто 10 тонн картофеля²⁴⁷.

В реальности же это была легальная форма открытого грабежа, которую еврейское население, возможно, воспринимало сначала как некую сделку, гарантирующую им жизнь. Сами же нацисты в сообщении полиции безопасности и СД от 28 июля 1941 г. о положении в Минске откровенно писали, что «финансирование в настоящее время осуществляется путем принудительных займов у евреев»²⁴⁸.

Любопытно, что впоследствии нацисты уже не обещали возвращения средств. После ограбления евреев Каунаса оккупационные власти с 24 августа 1942 г. ввели «безналичную экономику» в гетто²⁴⁹.

Особую активность в вопросе контрибуций проявляло министерство по делам оккупированных Восточных территорий и его местные подразделения. Причем в рейхскомиссариате «Остланд» этот вопрос решался более тщательно и быстро, чем в рейхскомиссариате «Украина». Уже осенью 1941 г. в Прибалтике и генеральном округе «Белоруссия» еврейская собственность была зарегистрирована и взята на учет на основе распоряжения рейхскомиссара Лозе от 13 октября 1941 г. Вся она, «как движимая, так и недвижимая», была объявлена конфискованной еще на основании «Временных директив» Лозе от 13 августа 1941 г. (причем евреям разрешалось оставить не более 60 рублей в месяц на человека). Но в данном приказе эти меры были прописаны более детально и включали имущество евреев, оказавшееся у местных жителей.

Оккупанты рассматривали еврейское имущество как «государственную собственность» рейха. Гражданская администрация была обязана составить подробный перечень домов, хозяйственных построек и инвентаря, приусадебных участков, мебели, предметов домашнего обихода, одежды с указанием количества и состояния этого имущества. Одновременно был несколько повышен (до 100 рублей) размер месячной наличности, который мог находиться в распоряжении евреев²⁵⁰.

1 декабря 1941 г. по приказу Лозе в рейхскомиссариате «Остланд» и входивших в него генеральных комиссариатах были созданы специальные органы по вопросам еврейской собственности²⁵¹.

Рассмотрим наиболее типичные случаи наложения контрибуции в разных регионах СССР. Она взымалась деньгами, золотом и серебром, а также в натуральном виде (драгоценности, мебель, теплые вещи, белье, сервизы, музыкальные инструменты и другие предметы).

Вопрос о контрибуции (наряду с регистрацией и введением опознавательных знаков) был одним из ключевых в антиеврейской политике нацистов и их предварительных мерах против еврейского населения. Уже

в первом отчете полевого коменданта Кременчуга от 24 октября 1941 г. с тревогой отмечалось, что контрибуция на евреев еще не налагалась.

Военный комендант Харькова в начале ноября 1941 г. приказал главному раввину города для «обеспечения» еврейского имущества сдать все деньги и валюту²⁵².

В ряде случаев населению предлагалось сдать как денежные суммы, так и драгоценные металлы и изделия из них.

Обычно размеры требуемой контрибуции зависели от численности еврейской общины и месте ее проживания (в городах она была выше). В 27 населенных пунктах Браสลавского округа генерального комиссариата «Белоруссия», где проживало 6766 евреев, в августе 1941 г. контрибуция составила 600 000 рублей (в среднем по 88 рублей с человека). Причем в городах округа она колебалась от 100 до 130 рублей на человека. В феврале 1942 г. размер контрибуции в местечке Пружаны составлял 10 рейхсмарок (100 рублей) с человека. Именно еврейские советы должны были определять платежеспособность каждой семьи. Так, юденрат Пинска, где почти половина узников платила индивидуальную контрибуцию в размере 50 рублей, определил размеры контрибуции для частных предпринимателей и врачей в размере от 400 до 500 рублей. На юденраты возлагалась обязанность оплачивать контрибуцию неимущих слоев населения. Эти меры, сопровождавшиеся угрозами и взятием заложников, делали еврейскую общину в целом гарантом выполнения данных контрибуций²⁵³.

Нередко требуемые суммы носили фантастический характер и были заведомо невыполнимы. Так, в местечке Зиньков Хмельницкой области, где до войны проживало примерно 2000 евреев, летом 1941 г. была наложена контрибуция в 1 млн рублей. Еврейский совет должен был собрать ее в течение двух недель. «Налогом», в зависимости от благосостояния семьи, облагался каждый ее глава. Некоторые еврей-ремесленники должны были внести 3000 рублей. Однако собрать не удалось и трети требуемой суммы — жители внесли чуть больше 300 000 рублей. «Недоплативших» вызывали в управу, где их зверски избивали местные полицейские²⁵⁴.

2 октября 1941 г. комендант Днепропетровска издал распоряжение, в котором говорилось: *«До сегодняшнего дня еврейским населением проводится грабёж в больших размерах. В целях наказания я приказываю следующее: еврейское население г. Днепропетровска облагается штрафом в размере 3 млн марок = 30 млн рублей»*²⁵⁵.

Некоторые историки, впрочем, полагают, что при публикации документа в него вкралась опечатка и речь шла о 3 млн рублей.

В Юзовке (Донецке) в ноябре 1941 г. контрибуция составила сначала 3 миллиона рублей, а затем была увеличена до 8 миллионов. У тех, кто не имел денег и ценностей, полицейские забирали «всю мебель и одежду». В ходе ликвидации гетто оккупанты конфисковали у узников золото и ценные вещи²⁵⁶.

В случае, если еврейская община не уничтожалась в первые недели оккупации, то контрибуция налагалась неоднократно. Лучшим стимулом для ее выполнения нацисты считали арест заложников (от десятков до нескольких тысяч человек). Во Львове первая контрибуция на евреев была наложена приказом командующего сухопутными войсками фон Раща уже 28 июля 1941 г. (по другим данным — 1 августа) в сумме 20 млн рублей²⁵⁷. В этом явно пропагандистском приказе разъяснялось, что именно евреи виноваты в войне и связанных с ней разрушениях, поэтому они обязаны «жертвовать» необходимую сумму. Если для евреев этот приказ был обязательным (что подкреплялось взятием заложников), то остальным жителям предлагалось давать пожертвования исключительно добровольно²⁵⁸.

Как вспоминал Я. Шенфельд, ее необходимо было сдать не позже 1 августа:

«Немцы обещали, что в случае выполнения контрибуции освободят заложников, взятых 25.7.41г. (в этот так называемый «День Петлюры» было арестовано, по данным Я.С.Шенфельда, 5 тысяч мужчин и женщин. — И. А.). В противном случае угрожали смертью заложникам и «Варфоломеевской почью» среди львовских евреев.

...Генерал-майор СС Кацман 26 декабря 1941 г. издал приказ, на основании которого евреи обязаны были не позже 10 января 1942 г. сдать все меха в гестапо под страхом смертной казни. Меха были сданы»²⁵⁹.

В ходе первой контрибуции было собрано 500 000 рублей золотом и 1300 кг серебра. Но заложники выпущены не были.

А вот сдача мехов шла вяло, поэтому немецкие власти подключили к ее исполнению украинскую и еврейскую полицию. Они обыскивали квартиры и конфисковывали вещи.

Председатель юденрата А. Ротфельд 4 января 1942 г. обратился с повторным призывом к узникам сдать до 10 января все меховые шапки, куртки, шерстяные свитера, кожаную зимнюю обувь. Они были предупреждены, что в случае несдачи таких вещей будут проведены расстрелы. Эта угроза обеспечила результат.

Третья контрибуция, наложенная на узников львовского гетто во второй половине июля 1942 г. в размере 10 млн злотых, была непосильна для нищих и голодных людей. Выполнена она не была²⁶⁰.

В Барановичах первая контрибуция была наложена военными властями уже 18 июля 1941 г. в размере 1 млн рублей, 5 кг золота и 10 кг серебра. В августе того же года пришедшая на смену военным гражданская администрация сразу же наложила новую контрибуцию в размере 2 млн рублей.

6 августа 1941 г. юденрат Вильноса получил приказ собрать к 9 часам следующего утра 2 млн рублей. Затем срок сдачи контрибуции был продлен. В результате было собрано около 1,5 млн рублей, 16,5 кг золота и 189 часов²⁶¹.

Осенью 1941 г. евреев Борисова обязали выплатить 250 000 рублей, которые были внесены как деньгами (одна пятая суммы), так и золотыми и серебряными вещами (2 тысячи предметов)²⁶².

Размер контрибуции, выплаченной евреями Белостока в начале ноября 1941 г., составил 6 кг золота и 2,5 млн рублей (первоначально оккупанты требовали 25 кг золота и 6 млн рублей). В Слониме 8 ноября 1941 г. оккупанты потребовали 2 млн рублей, 5 кг золота и определенное число изделий из драгоценных металлов²⁶³.

Евреев Ровно обязали выплатить 12 млн рублей. В Бресте денежная контрибуция была собрана в размере 1 млн рублей²⁶⁴.

Наглядное представление о видах контрибуций и инициаторах их взимания дает уникальный список «Контрибуции юденрата в Брест-Литовске для немецких властей с 15 октября по 10 февраля 1942 г.». Среди тех органов, которые накладывали контрибуцию, значатся: генеральный комиссариат, СС, германские городские власти, вермахт, гебитекмииссариат, областная сельскохозяйственная администрация, отдел труда, местная управа, местная полиция и другие. Список включает 115 позиций, которые систематизированы в 6 групп: мебель, кровати, кухонные принадлежности, рабочие инструменты, обувь и зимние вещи. Общая их стоимость составляла 293 560 рейхсмарок, или 2 935 600 рублей, в том числе — стоимость вещей, отображенных оккупантами в предшествующий период (июль—сентябрь 1941 г.). Здесь не были учтены недвижимость и вещи, утраченные при переселении в гетто, а также в течение последующих 8 месяцев — до ликвидации гетто в октябре 1942 г.

По мнению И. Арада, выявившего этот документ, аналогичные виды контрибуций взыскивались во всех гетто²⁶⁵.

Особый интерес представляет учет изделий из золота и серебра, которые обычно конфисковывались в первую очередь. Мы располагаем лишь отдельными документами, которые тем не менее дают определенное представление о масштабах этого вида контрибуций.

Так, в июле 1941 г. на евреев местечек Ружаны и Пружаны в Западной Белоруссии была наложена контрибуция в размере 10 и 2 кг золота, а также 20 и 10 кг серебра соответственно. Изъятие золота и других драгоценных металлов проходило также в Бресте, Гродно, Вилейке, Дисне и других городах и местечках этого региона. В результате местные синагоги были полностью лишены предметов культа из драгоценных металлов. Только в Бресте из синагог было вывезено 100 кг серебра²⁶⁶.

В Пинске «золотая контрибуция» накладывалась дважды. Бывший узник гетто М. Шухман вспоминал:

«Первый сбор золота проходил хаотично. Выставили просто баки для воды и каждый подходил и бросал. Второй сбор проходил с большим порядком... Когда немцы объявили, что евреи должны сдать все золото... юденрат организовал сбор этого золота. Была создана специальная комиссия во главе со сталинским раввином для придания ей большей «веснеч-

табельности». Каждый приносил свое золото, его взвешивали и выдавали квитанцию».

По свидетельствам очевидцев, свой золотой крест весом 500 граммов внес один из православных священников Пинска. Требуемая контрибуция была собрана²⁶⁷.

В гетто Ивье накануне расстрела, как свидетельствовала в предсмертном письме Шифра Марголина-Стоцкая, «приехал сам гебитскомиссар и потребовал, чтобы ему собрали тысячу рублей золотом. Чтобы каждый добровольно отдал по 10—20 золотых рублей. Эту сумму собрали за один час».

Тем не менее 3/4 жителей было расстреляно. Перед казнью у них отбирали часы, кольца, деньги. Впоследствии оккупанты устроили распродажу их одежды и вещей среди местного населения.

Перед оставшимися в живых выступил гебитскомиссар, который сказал, что «помнит про ту тысячу рублей золотом, которую он получил, поэтому уничтожены не все»²⁶⁸.

Одна из самых больших контрибуций была взыскана с узников минского гетто. К лету 1942 г. здесь было сдано 5875 золотых рублей, 9,978 кг различных изделий из золота, 112,676 кг серебрянных монет, 36 кг польских золотых, 351 кг изделий из серебра. В кассу генерального комиссара округа «Белоруссия» было переведено 169 908,47 немецкой марки. В мае — октябре 1943 г. в Минске было изъято еврейского имущества, включая благородные металлы, драгоценные камни и валюту, на сумму 333 639,09 рейхсмарки²⁶⁹.

2 июня 1942 г. гебитскомиссар г. Глубокое направил в германскую кредитную кассу в Риге для последующей пересылки в Берлин ящик с конфискованными у евреев округа золотыми вещами, которые весили 4,267 кг. На ящике было написано «Рыба»...

2 июля им же были переданы дополнительно 3610 золотых рублей (3,069 кг), а также 20 золотых рублей царской чеканки (0,026 кг) и 210 золотых долларовых монет (0,351 кг) общим весом 3,446 кг²⁷⁰.

Таким образом, только из одного района Белоруссии нацисты получили в течение месяца 7, 713 кг золота.

14529 золотых и серебряных вещей составила контрибуция в Дрогобыче. 8177 золотых и серебряных вещей было собрано евреями Тернополья. Кроме того, нацисты заставили иуденрат Тернополья сдать 30 кг золота.

11 444 953 рубля составила оценка золотых и серебряных вещей, конфискованных у евреев Одессы²⁷¹.

На еврейскую общину Каменец-Подольска (Украина) в первый месяц оккупации была наложена контрибуция в размере 40 000 рублей и 8 кг золота.

7 августа 1941 г. на общину м. Немиров (3460 человек) в Винницкой области наложили контрибуцию в 100 000 рублей золотом. Она была собрана за 3 дня²⁷².

В гетто г. Сарны Ровенской области контрибуция налагалась дважды. В конце 1941 г. от 11 000 узников потребовали по 3 рубля золотом с человека. В 1942 г. гитлеровцы потребовали внести еще 36 кг золота. Люди снимали с себя кольца и другие вещи, чтобы сохранить жизнь²⁷³.

Еще одним способом изъятия золотых изделий стало вырывание коронок при сокрытии следов массовых убийств. Накануне расстрелов у узников тюрем нередко вырывались золотые коронки.

В тех населенных пунктах, где евреев не предполагалось использовать в качестве рабочей силы (например, в городах Крыма), им предписывалось сдать все деньги и ценности в еврейский комитет, оставив на семью по 200 рублей²⁷⁴.

В этот период оплата самого квалифицированного рабочего-«арийца» в рейхскомиссариате «Украина» составляла 2,5 рубля в час (суммы были фиксированные, и этот потолок работодатель не имел права превышать).

В Восточной Белоруссии военные власти устанавливали (как и в Минске) сравнительно невысокие суммы контрибуции. Так, в Борисове и Орше они составили соответственно 300 и 250 (по другим свидетельствам — 150) тысяч рублей. Однако в Борисове денежная контрибуция была последней за три с половиной месяца оккупации, ее наложили уже накануне расстрела. Сначала же были конфискованы золотые и серебряные изделия, затем теплые (валенки, шубы, шапки, джемперы, фуфайки) и шелковые вещи (рейтузы, комбинации, трикотаж)²⁷⁵.

В других местах сначала конфисковывали вещи, а затем — деньги. В упомянутом выше гетто Ивье «два раза в неделю приезжали из Лиды машины и юденрату отдавался приказ: собрать десять добротных мужских костюмов, то положно на одежде, то сдать постельные принадлежности, даже чулки». Однажды потребовали 56 м одногонного материала для спектакля, в другой раз — найти молнию для брюк за 10 минут²⁷⁶.

Остановимся на взысканиях контрибуции на территории России. Они также проводились здесь регулярно, с момента создания гетто. Уже в сентябре у евреев Смоленска отобрали все ценные и теплые вещи. Как и в других советских республиках, нацисты перед расстрелом стремились изъять у обреченных все деньги и ценные вещи. В июле 1942 г., незадолго до ликвидации смоленского гетто, бургомистр Меньшагин наложил на узников контрибуцию в размере 7000 рублей золотом. Как свидетельствовали немногие уцелевшие, люди отдавали последнее, надеясь предотвратить катастрофу. Владимир Хигер, которому тогда было 16 лет, вспоминал:

«Вечером по домам ходили люди из управления гетто, собирали деньги для уплаты штрафа... У нас в доме был старик. Он объяснил: если не уплатим — возьмут заложников... Есть было нечего, мама плакала, отдала последние рубли»²⁷⁷.

В Кисловодске еврейский комитет в середине августа 1942 г. «сдал немалому коменданту Полю 100 000 рублей наличными: а также золотых и

серебряных колец, портсигаров и часов — 530; 105 дюжин серебряных ложек; 230 пар обуви, костюмов, пальто, ковров. По рыночной стоимости внесенная контрибуция исчисляется в сумме около 5 миллионов рублей»²⁷⁸.

Данная контрибуция (в отнюдь не самом большом по численности евреев городе на территории России) показывает, что она была сопоставимой с контрибуциями, которые оккупанты накладывали на жителей ряда крупных городов, и даже превосходит многие из них. Следует иметь в виду, что на Северный Кавказ попали многие эвакуированные евреи из Украины и Ленинграда, которые могли привезти с собой значительные сбережения и ценности. Приведенные примеры показывают, что сумма еврейского имущества, изъятого нацистами и их пособниками на территории России, также была весьма внушительной.

Однако значительная часть еврейского имущества оказалась расхищенной. На представителей гражданской администрации было возложено поручение доставлять самое ценное имущество и драгоценности в Берлин. Особое внимание уделялось сохранению изъятого золота и других драгоценностей. В связи с этим в рейхскомиссариате «Остланд» ответственность за судьбу конфискованной еврейской собственности была возложена на бюджетный комитет этого рейхскомиссариата специальным распоряжением от 27 августа 1942 г. В нем говорилось, что все конфискованное золото и серебро, а также иное ценное имущество должно поступать в Германию через государственную кредитную кассу в Риге²⁷⁹.

Целью такого распоряжения была попытка контроля над изъятыми ценностями, которые нередко не попадали в Берлин, а расхищались или использовались местными оккупационными органами.

В сентябре 1942 г. распоряжением А. Розенберга был определен порядок учета и реализации еврейского имущества (наряду с «советским и бесхозным»). Драгоценности из благородных металлов, включая ювелирные изделия, предметы искусства и роскоши подлежали доставке в Берлин для реализации через специальный отдел городского ломбарда.

Мебель и предметы домашнего обихода предназначались для местных учреждений оккупационного режима. Носильные вещи и некоторые другие предметы подлежали реализации среди местного населения.

Средства, вырученные от таких продаж, а также полученные от сдачи в аренду недвижимого имущества, были весьма значительными. Из некоторых округов на счет германской кредитной кассы в Минске в течение нескольких месяцев были отправлены сотни тысяч рейхсмарок²⁸⁰.

Фактически этот и аналогичные приказы (в части предоставления для отправки в рейх драгоценных металлов) были выполнены лишь частично. Причиной тому были как противоречия между органами оккупационного режима, так и корыстные интересы отдельных чиновников.

На совещании в Минске в апреле 1943 г. проблема еврейского имущества, его описания и сохранности выделялась в отдельный пункт при докладах руководителей гебиткомиссаров с мест. Кубе отмечал:

«Суммы от продажи еврейского имущества не сданы, а использованы не по назначению. Это недопустимо. Подобного рода денежные средства должны немедленно сдаваться».

На том же совещании отмечалось, что «немецкие пропагандисты» получали обмундирование из еврейского имущества и эти запасы исчерпаны²⁸¹.

Можно предположить, что значительная часть еврейского имущества была расхищена оккупантами и их местными пособниками.

Так, согласно акту ЧГК, во Львове все еврейское имущество было разграблено²⁸². Еще 20 октября 1941 г. генерал-комиссар Латвии жаловался Лозе, что не может получить от айзизатцгруппы «А» еврейское имущество, и просил дать инструкции по этому поводу²⁸³.

Нередко руководители местных управ и полиции присваивали себе наиболее ценные вещи. Не оставались в стороне и высшие чины СС и полиции безопасности многих регионов.

Евреям Новороссийска накануне расстрела приказали золото и ценности положить на землю. Его собрали «и в присутствии евреев поделили между собой». Лишь часть этих средств увезли в здание гестапо²⁸⁴.

Начальник комендатуры ЗИПО и СД в Станиславе (дистрикт «Галиция») хранил в своем офисе неучтенные валюту (включая 6000 долларов США), а также драгоценности и золотые изделия на сумму не менее нескольких сот тысяч рейхсмарок²⁸⁵.

За попытку личного обогащения был отстранен от должности, а впоследствии казнен первый немецкий губернатор дистрикта «Галиция»²⁸⁶. По свидетельству сотрудников городской управы Пскова, все ценности уничтоженных узников гетто «забрал себе комендант города Маркман»²⁸⁷. Любопытно, что уже после убийства гауляйтера Белоруссии Кубе возникло дело по обвинению ряда немецких чиновников и артистов Минского оперного театра, где хранилось конфискованное еврейское имущество, в его разграблении. В информации референта по культуре генерал-комиссара «Ковню» фигурировали жены Кубе и штатде-комиссара Минска В. Янецке²⁸⁸.

Весьма распространенным и доходным способом ограбления еврейского населения являлась разнообразная система денежных штрафов за различные реальные или мнимые нарушения приказов властей. Во-первых, применялись коллективные штрафы. Например, евреев Смоленска оштрафовали на 5000 рублей за «несвоевременную сдачу постельных принадлежностей».

Во-вторых, была разработана целая система дискриминационных штрафов для евреев (за отсутствие опознавательных знаков, хождение по тротуару, появление в магазинах и на рынках и т.п.). В то же время они подвергались всем видам штрафов, которые могли накладываться на остальное местное население (за нарушение санитарных норм, отсутствие утери документов, спекуляцию, нарушение общественного порядка, ук-

лонение от принудительных работ, низкую производительность труда, нарушение трудовой дисциплины, мелкое мошенничество, например получение продовольствия по карточкам умерших, и т. п.). Размеры штрафов колебались от 30 до 500 рублей и составляли весьма весомую статью доходов городского бюджета. При этом евреи подвергались штрафам гораздо чаще других жителей. Например, в Пинске с мая по октябрь 1942 г. из 411 оштрафованных жителей евреи составили 88,4%. Они выплатили штрафов на сумму 11 233 рубля (около 30 рублей на человека)²⁸⁹.

Обычно узников штрафovali за небольшие провинности, так как за более серьезные нарушения людей подвергали телесным наказаниям или заключению в тюрьму гетто. Оккупанты нередко убивали узников прямо на месте или устраивали публичную казнь.

Еще одной формой грабежа еврейского населения являлись специальные палогн. По циркуляру генерального комиссара округа «Вольный-Подолья» от 20 октября 1941 г. подушный сбор с евреев составлял 10 рублей. С 7 января 1942 г. он был увеличен до 15 рублей, но ввиду явной нереальности этой суммы был вновь установлен в прежнем размере с апреля того же года²⁹⁰.

Евреи платили и все остальные виды налогов, установленные оккупантами для мирного населения (подходный, промысловый, налог с оборота, налог со строений, квартирный и др.). Кроме того, узники платили специальную (разрешенную властями) надбавку за продукты питания, распределяемые Judenratом (эти деньги использовались для социальной помощи и на другие нужды гетто)²⁹¹. Применялся также дискриминационный налог при оплате труда, о чем говорилось выше.

По схожей схеме строилось ограбление румынскими властями евреев на контролируемых ими территориях. В Транснистрии осенью 1941 г. наряду с румынской леей и оккупационной немецкой маркой несколько дороже, чем в зоне под германским контролем, в обращении находились и советские рубли. При обмене переводов из Румынии для депортированных власти автоматически наживались на им же установленном произвольном курсе. При проведении депортаций евреев насильно заставляли менять по этому курсу всю наличную валюту. Таким образом, они теряли 4/5 имевшихся у них сумм. В Кишиневе румынские власти за короткий срок опробовали эту схему и потом успешно применяли на других территориях.

Между 16 августа и 26 ноября 1941 г. власти выдали 2837 разрешений на занятие квартир и домов, принадлежавших евреям, со всем оставленным имуществом. Еще 3514 разрешений было выдано на право присвоения еврейской мебели. За разрешение на открытие частных мастерских, лавочек и т. п. (было выдано 278 лицензий) взималась плата намного большая, чем для неевреев. При переселении евреев вся их наличность в рублях обменивалась по заниженному курсу²⁹².

Главным предметом интереса румынских властей в начале оккупации стала еврейская общинная недвижимость, списки которой постоян-

по уточнялись. В частности, в Черновцах были изъяты здания еврейских школ²⁹¹. В начале 1942 г. было дано предписание начальника штаба провинции «Буковина» об обязательной для еврейского населения подписке на заем²⁹⁴. Несколько позже частные фирмы были изъяты у евреев и переданы румынам²⁹⁵. Наконец, лишь в 1943 г. было принято решение о национализации всего движимого и недвижимого еврейского имущества²⁹⁶. В этих темпах и масштабах проявилось существенное отличие конфискационной политики румынских и немецких оккупационных властей. Евреям в Буковине в первые годы оккупации были предоставлены несравненно большие шансы для выживания.

В гораздо меньших масштабах (по сравнению с немецкой зоной оккупации) в этом регионе взыскивались контрибуции: мы не встречаем распоряжений о сдаче ценных вещей, драгоценностей и т.п. с целью отправки их в Румынию. Этот способ ограбления еврейского населения был заменен разветвленной системой конфискаций, налогов, специальной заработной платы, вынужденных взяток местным властям, отдельным жандармам и военнослужащим.

Так, в 1942 г. евреи были лишены права получать пенсию²⁹⁷. Налог, который владельцы платили за использование еврейской рабочей силы местным властям, составлял 30%. Эта сумма, естественно, недоплачивалась евреям.

Толку у узников гетто изымались швейные машинки, радиоприемники, транспортные средства. На нужды военных госпиталей и воинских частей из описанного еврейского имущества конфисковывались утюги, тазы, скатерти, шкафы, столы, стулья, настенные часы, простыни, подушки²⁹⁸. Так, из всех синагог города на нужды примарии (городской управы) Черновцов были конфискованы электрические лампочки²⁹⁹.

В собственность местных органов управления Буковины и Бессарабии поступало имущество так называемых «интернированных» в лагерь, т.е. сотен депортированных евреев³⁰⁰. В некоторых случаях собственность интернированных передавалась в частные руки³⁰¹. В 1942 г. «интернированные» (но еще не высланные из города) евреи безуспешно пытались добиться права продавать свое имущество³⁰².

Румынские власти составляли списки лиц, занявших дома и имущество евреев, что позволяет оценить масштабы экономических потерь депортированного еврейского населения³⁰³. Примария Черновцов получала немалый доход от сдачи в аренду сотен домовладений евреев³⁰⁴.

В 1942 г. приказом министра обороны Румынии предписывалось сохранять еврейское имущество и передавать его «заслуженным румынским солдатам и офицерам»³⁰⁵. Имущество (прежде всего мебель, включая стулья и детские кровати), конфискованное у евреев в гетто на территории Транснистрии, лишь в некоторых случаях было тщательно описано и оценено³⁰⁶. Отметим систематические злоупотребления местных чиновников при проведении этих операций³⁰⁷.

Еврейская собственность была важным источником финансирования деятельности германской администрации на оккупированной территории СССР. Она шла на пополнение местного бюджета, служила одним из основных источников легального «материального поощрения» местных коллаборационистов, способствовала разрешению жилищного и продовольственного вопросов. Размеры конфискованного и ограбленного еврейского имущества крайне сложно выразить в точных цифрах. Вместе с утраченной недвижимостью они составили, по мнению И. Арада, многие сотни миллионов, а возможно, и несколько миллиардов рейхсмарок³⁰⁸.

Изъятие под угрозой уничтожения таких значительных сумм, наряду с другими экономическими и социальными факторами, обрекали узников на неизбежную гибель.

ЖИЛЬЕ. ТОПЛИВО. ПИТАНИЕ

Условия проживания узников в большинстве гетто были ужасны. В первых, везде катастрофически не хватало помещений. Во львовском гетто, где оказалось более 136 000 евреев, люди спали на голом полу, в коридорах, на балконах, на улице³⁰⁹. В комнатах устанавливались двух- и трехэтажные нары; ночью выносились столы и стулья, люди спали по очереди. В гетто Петровицей Смоленской области все спали на полу, в один ряд. На нарах спали узники гетто Велижа, где *«всех евреев города загнали в гетто на маленькой улице Жгутовской. Там было всего 27 маленьких домиков и свинарник, в котором когда-то было 300 свиней. Вместили в него более 500 человек...»*³¹⁰.

В гетто не работали водопровод, канализация, телефоны, было отключено электричество. Во многих семьях не хватало элементарной мебели (столов, шкафов, кроватей). По свидетельству А.С. Новожилова, в домах гетто Смоленска практически не было мебели: *«сли и спали на полу»*³¹¹.

В частных домах в Смоленской и Калининской областях размещалось обычно от 20 до 40 человек (от 4 до 10 семей). В комнате площадью 20 кв. м жили от 7 до 20 человек. Таким образом, на каждого жильца приходилось от одного до трех квадратных метров. В гетто Литвы (в частности, в Шяуляе) на человека приходилось 2 кв. м жилой площади; в Латвии — 4 кв. м. Так, в Лиепае (Латвия) гетто занимало 13 домов, на каждого жителя приходилось около 4 кв. м жилой площади³¹². Примерно такие же «нормы» приходились на узников гетто Вольни³¹³.

В таких же, а иногда и худших условиях оказывались узники Транснистрии, особенно депортированные из Бессарабии³¹⁴. При переселении в гетто евреям Кишинева разрешили взять с собой только то, что они могли унести. Их разместили в полуразрушенных от бомбежек и пожаров домах, по 30—40 человек в комнате. В гетто не было ни водопрово-

да, ни колодцев. Попытки выхода за водой были затруднены из-за стрельбы охраны. Гетто имело двое ворот и было огорожено деревянным забором с колючей проволокой³¹⁵.

В гетто Юзовки люди проживали в полуразрушенных домах и под открытым небом³¹⁶.

Причем, по мере ликвидации части узников, жилая площадь не всегда увеличивалась. Так, в Смоленске она была сначала больше, чем накануне ликвидации гетто, ибо площадь гетто постоянно сокращалась³¹⁷. А.С. Новожилов, 1896 г.р. (его жена М.М. Карасик находилась в гетто), показал, что первоначально узники занимали здесь примерно 70 домов. И.С. Варфоломеев (1890 г.р.) свидетельствовал, что в его доме жил «староста гетто» Пайенсон, к которому он много раз приходил и видел «человеческие условия» жизни узников — в квартире находилось 16 человек. Можно предположить, что в других домах была еще большая плотность населения³¹⁸.

Евреев Вилейки (Белоруссия) разместили в бывшей школе фабрично-заводского обучения. Около 3000 евреев Борисова оказались в 25 домах, где были двухэтажные нары, а кровати стояли вплотную друг к другу³¹⁹.

В нечеловеческих условиях оказались евреи Витебска. На правом берегу Двины практически все здания были разрушены в ходе боев за город. По свидетельству очевидца, *«здесь было очень мало подвалов, жить приходилось под навесом, в конурах из кирпичей и жестки и горелых кроватей»*. Люди соорудили себе некое подобие шалашей³²⁰.

Холодной зимой 1941/42 г. одной из главных проблем было топливо. Люди разбирали внутренние заборы и хозяйственные постройки, топили книгами. Свидетель показал, что в Смоленске *«страдания евреев неизмеримо выросли с наступлением зимы 1941/42 г., когда дров совершенно не выдавалось и все, в том числе и дети, находившиеся в холодных помещениях»*³²¹. В Велиже люди разбирали на топливо нары, на которых спали, пытались укрываться всевозможными тряпками³²². В Монастырщине Смоленской области топили всем, что «могло гореть». В Витебске узники гетто собирались на улицах у костров, которые жгли непрерывно³²³.

В гетто Трансильвании за попытку принести из бывших квартир мебель для растопки узников жестоко избивали. Многие из них в буквальном смысле слова замерзали³²⁴.

Лишь в отдельных гетто удавалось решить эту проблему. Так, в гетто Белостока в зимние месяцы узники получали специальное денежное пособие в связи с морозами³²⁵.

Едва ли не главной проблемой физического выживания узников гетто был продовольственный вопрос. До осени 1941 г. все население в некоторых городах рейхскомиссариата «Украина» и округа «Белосток» снабжалось хлебом по одинаковым нормам. В то же время в рейхскомиссариате «Остланд» и в военной зоне оккупации евреи с августа 1941 г. или не получали вообще продуктов питания, или снабжались ими лишь частично.

Зимой 1941/42 г. во всех зонах оккупации евреи получали половинные нормы, и то лишь на ограниченное число продуктов (в основном хлеб). В некоторых городах и местечках они вообще не получали никакого продовольствия.

Так, в Шполе, где местным жителям выдавалось по 200 граммов хлеба, евреи его вообще не получали. За эту норму они платили по 200 рублей, но власти всячески препятствовали продаже или обмену продуктов с местным населением. В результате в гетто от голода ежедневно умирало по 10—12 человек³²⁶.

Евреям Юзовки запрещались выход на базар и контакты с местным населением, снабжение продовольствием (за исключением выдачи 200 граммов хлеба на человека в сутки) отсутствовало³²⁷.

Ужесточение в снабжении еврейского населения продовольствием и пресечение контактов с окружающим населением совпало с переходом к распределению продуктов питания по карточкам (в зависимости от возраста и трудоспособности населения), а также взиманием первых контрибуций.

Примерно с этого времени обеспечение узников гетто продовольствием становится трудно разрешимой задачей. Местные власти, испытывая недостаток продуктовых запасов, именно еврейское население ограничивают даже в отведенных ему нормах снабжения хлебом, не выдают или постоянно урезают им те виды продовольствия (мука, крупы, соль, картофель), которые получают остальные жители.

Так, евреи Калуги «в половинном размере» должны были получить по карточкам по полкилограмма соленых огурцов и помидоров, а также соли. Но и это им выдано не было³²⁸.

Из рациона питания евреев исключаются мясо и жиры. Становятся невозможными индивидуальные покупки в нееврейских магазинах и на рынках, запрещен обмен или покупка продуктов питания у остального населения.

В этих условиях (помимо поддержки родственников и знакомых) ключевой становится роль юденратов. Только у еврейских советов было право покупать и получать продовольствие по официальным каналам. В частности, исходя из количества зарегистрированных узников (с учетом их трудоспособности) местные власти обеспечивали юденраты мукой для выпечки хлеба. Поскольку нормы ежедневного снабжения мукой постоянно не соблюдались, количество и качество хлеба также снижались.

Юденратам приходилось снабжать продуктами питания больных и немущих, что требовало дополнительных затрат. Для этого использовалась часть средств, оставленных после сбора контрибуций, а также (в тех гетто, где было налажено производство и торговля) от сбора налогов и продажи продуктов питания.

Еще одним источником решения «продовольственной» проблемы была деятельность контрабандистов (прежде всего — в крупных гетто).

Такая деятельность была очень опасна, поскольку власти запрещали любые экономические отношения с евреями. Но деятельность контрабандистов приносила им огромные доходы. Обогащались и незначительная часть торговцев, сотрудников юденрата, а также сотрудники еврейской полиции, без помощи (а иногда и прямого участия) которых проникновение контрабанды в гетто вряд ли было возможно.

Расширение рынка продовольствия объективно способствовало выживанию большинства узников. Так, в крупнейшем по численности узников на оккупированной территории СССР львовском гетто (дистрикт «Галиция») уже к январю 1942 г. работало 49 мест снабжения продовольствием. Для 136 000 узников этого, естественно, было недостаточно. Узники львовского гетто получали по 700 граммов хлеба в неделю и 200 граммов сахара в месяц (вдвое меньше остальных жителей).

Особенно тяжелые условия были в еврейских детских домах. Сотрудница одного из них, Р. Вендигер, вспоминала, что в нем находилось 120 детей, которым «никаких продуктов питания немцы не выдавали». После ряда безуспешных попыток собрать продукты у местных жителей детей расстреляли³²⁹. Несколько лучшим, но далеко не достаточным было питание в единственной больнице этого гетто, где больные получали 150 граммов хлеба в сутки (затем норма уменьшилась до 100 граммов), а также стакан черного кофе и суп, состоявший из одной воды.

В Каунасе, где дневной рацион узников составлял 750 калорий, работало около 30 магазинов и лавок; в гетто Шяуляя таких магазинов было два.

На средства разбогатевших контрабандистов в ряде гетто (в том числе в Белостоке и Львове) в 1941 г. были открыты магазины, кофейни и даже рестораны. Разумеется, пользоваться ими могло ограниченное число людей. Уже к середине 1942 г. они были закрыты по распоряжению властей.

На территории Украины в целом и в рейхскомиссариате «Украина» в частности нормы снабжения хлебом заметно колебались. Так, в Кременчуге (военная зона оккупации) осенью 1941 г. работающие евреи получали по 400 граммов хлеба, а неработающие — 200 граммов («арийское» население — соответственно 1 кг и 500 граммов). В гетто г. Сарны (округ «Вольнь-Подолля») работающим евреям лишь иногда выдавалось по 100 граммов хлеба в сутки³³⁰.

Одновременно входившие в тот же округ жители Бреста получали в ноябре 1941 г. 250 граммов хлеба в день, а работающие евреи Пинска (в декабре) — 200 граммов. Кроме того, последние получали 140 граммов крупы и 35 граммов масла (жиров) в неделю. В 1942 г. хлебные нормы здесь были несколько различны. В Бресте они составляли 150 граммов в день для всех жителей. В Пинске — 100 граммов для нетрудоспособных и 150 граммов для работающих узников. Эти нормы не менялись весь период существования этих гетто.

В генеральном округе «Белоруссия» в августе 1941 г. еврейское население получало 125 граммов хлеба в день, а также 100 граммов муки и 75 граммов крупы в неделю³³¹.

Но так было не везде: например, в гетто Борисова паек в размере 150 граммов хлеба в день получали только работающие³³².

Проблемы снабжения евреев продовольствием на оккупированной территории России были еще острее. Власти решительно пресекали попытки получения продовольствия от местных жителей. Упомянувшийся выше Александр Панфилов рассказывал представителям ЧГК в Смоленске:

«Я был свидетелем, когда крестьяне окрестных сел привозили продукты с тем, чтобы обменять их на вещи... однако специально выставленная полиция вокруг пос. Садки крестьян прогоняла, обмен продуктов не разрешала. Вследствие этого многие были пухлыми от голода... ничего из продовольствия они не получали, а кормились тем, что удавалось выменять на личные вещи, уцелевшие от грабежа немцев»³³³.

Узникам смоленского гетто за все время пребывания в гетто только один раз выдали «немного соли»³³⁴. За более чем полтора месяца пребывания оккупантов в Калуге они лишь однажды предоставили узникам гетто право на продовольствие. Здесь были зафиксированы случаи смерти от голода (одинокие инвалиды).

В гетто Велижа никакого распределения продуктов не было. Осенью люди питались «с огорода», преимущественно картошкой. Скучную пищу, в основном кашу, готовили на керогазе. Главным способом получения продовольствия был нелегальный выход из гетто подростков в соседние деревни. Исааку Бруку, окончившему до войны 4 класса и ставшему основным кормильцем своей семьи, удалось выменять на два золотых червонца два пуда хлеба в деревне под Велижем³³⁵.

Хлебный паек, которые получали узники, привлекавшиеся к принудительному труду, был мизерным. В Усвятах и Смоленске он составлял 200 граммов хлеба из отрубей и опилок, а также баланду из брюквы и свеклы; в Опочке — 125 граммов; в Рудне и Стародубе — примерно по 100 граммов. В результате люди ели льняной жмых (Ильино)³³⁶.

В гетто была сильная нехватка воды. В Смоленске ее носили из Днепра. Нередко полицейские и антисемиты выливали полные ведра. Результатом голода и антисанитарных условий была высокая смертность узников. В Смоленске от голода и тифа (*«в результате того, что население питалось помоями и различными отбросами»*) только весной 1942 г. умерло не менее 200 человек³³⁷.

Страшный голод был зимой 1941/42 г. в гетто Транснистрии, в частности в Жмеринке и Бершаді³³⁸. Попавшая в 1942 г. в гетто Джурина Малка Гершкович увидела людей, которые от голода «ходили опухшие и в парывах». В основном это были беженцы из немецкой зоны оккупации и депортированные. Обычной пищей узников гетто были мороже-

ния свекла, картофельные очистки и «черный, как земля, клейкий и горький хлеб, изготовленный из зерен полусгоревшей в амбаре пшеницы»³³⁹.

Узники были не только голодны, но и практически раздеты. В разведдонесениях за 20 июня — 20 августа 1942 г. командира группы партизанских отрядов Салчикова так описывались последние дни узников смоленского гетто:

*«Питаться им не дают. Многие из них без верхней и нижней одежды, прикрытые только одеялами. Одежду свою они променяли на продукты питания»*³⁴⁰.

Аналогичная ситуация была и в других гетто, в частности в Транснистрии. В обмен на продовольствие люди отдавали любые вещи. Малка Гершкович вспоминала, что *«одежды никакой не было, ходили босиком, оборвантые»*³⁴¹.

Энергичные меры ряда руководителей юденратов помогали создать иллюзию возможности выживания. Усилиями юденрата Белостока в гетто во второй половине 1941 г. были открыты многочисленные продовольственные магазины, активно велась розничная торговля. Сюда приезжали за покупками даже из других городов. По приказу гестапо юденрат 18 января 1942 г. принял решение о прекращении продажи белого хлеба, муки, мяса, рыбы, круп, масла и т.д. К лету 1942 г. были закрыты еврейские магазины, а несколько позже — базар на территории гетто³⁴².

Огромное значение имела организация юденратами социальной помощи. Во многих гетто были организованы бесплатные или очень дешевые столовые для малоимущих. В Каунасе суповая кухня отпускала в день по 800 обедов. До 26 августа 1942 г. они выдавались за наличный расчет. В вильнюсском гетто в январе работали 4, а в мае — 6 суповых кухонь. Для них устраивались сборы пожертвований. Расходы на обеды и ужины составили здесь за 1942 г. 72 201 рейхсмарку. В Белостоке удалось с апреля 1942 по апрель 1943 г. увеличить число обедов с 3 до 7 тысяч в день. Отдельные суповые кухни — бесплатные или за символическую плату — были организованы для рабочих, бедных и для интеллигенции; кроме того, работала диетическая столовая. Сначала они возникли по частной инициативе, но потом стали финансироваться юденратом в период пика активности обслуживали 10 000 человек.

Юденрат Белостока с помощью членов сионистской организации Гехалуц заготовил в 1942 г. и продал узникам 190 тонн овощей. В Каунасе на огородах сначала работали женщины, а затем — молодежь³⁴³.

Юденрат Бреста содержал детский дом на 80 человек, детский сад (135 детей), больницу (75 коек), дом престарелых (80 мест), ночлежный дом (135 — 300 человек). Особо отметим наличие в гетто Бреста общественной кухни, обслуживавшей бесплатно обедами в период своего расцвета 3800 узников. Все эти учреждения бесплатно снабжались хлебом и некоторыми другими продуктами. Отметим, что благотворительная деятельность юденрата помогала решить проблему питания 23% всех узников гетто Бреста³⁴⁴.

Был и еще один источник помощи — из-за рубежа. Однако пользоваться им было можно лишь в ограниченных размерах.

Во Львове, по свидетельству Я. Шенфельда, «независимо от организации юденрата была создана так называемая «Еврейская социальная помощь». Эта институция была создана немцами для своих интересов. Через эту организацию иностранные евреи, прежде всего американские и швейцарские, отправляли через Лиссабон (Португалия) транспорты продовольствия и медикаментов для помощи евреям генерал-губернаторству.

Немцы принуждали председателя «Еврейской социальной помощи», известного львовского защитника Лейбу Ляндау, чтобы он расписывался в получении всех посылок, подавляющее большинство которых немцы забирали себе»³⁴⁵.

Система социальной помощи при поддержке еврейской общины Румынии активно действовала в гетто Транснистрии и Буковины, особенно после Сталинградской битвы. Это было главной особенностью румынской зоны оккупации. В гетто Могилева-Подольска, Жмеринки, Тирасполя и других приходила финансовая и продовольственная помощь от еврейского совета Румынии. С 1942 г. было получено разрешение на оказание финансовой и продовольственной помощи депортированным жителям Буковины, а также сбора одежды и питания для направленных в рабочие лагеря³⁴⁶. Стабильные денежные переводы поступали от еврейской общины Румынии в различные гетто Транснистрии уже с февраля 1942 г.³⁴⁷

В Госархиве Одесской области в фонде Финансовой дирекции генерал-губернаторства Транснистрия сохранились десятки дел со списками жертвователей и получателей переводов.

Типичная сумма, направляемая членами еврейской общины Румынии, составляла примерно 100 лей. Однако Маркус Билер из Бухареста направил в еврейскую общину Могилева 3 перевода на общую сумму 1163,3 леи. Нередко отправлялись и небольшие суммы — около 20 лей.

Финансовую помощь только за один день (15 июня 1942 г.) получило около 200 узников этого гетто³⁴⁸. В 1943 г. такая помощь из Буковины возросла. Только в одной из передач было 78 посылок и денег на сумму 23 695 лей³⁴⁹. Эта помощь распределялась индивидуально среди узников, о чем сохранились многочисленные расписки.

С 1943 г. оккупационные власти несколько улучшили снабжение узников гетто и даже провели распределение среди евреев гетто Черновиц муки «по случаю пасхи», что вызвало недовольство местных жителей³⁵⁰. В гетто Джурина для узников «сделали кухню, где они получали хлеб, суп и сладкий черный кофе»³⁵¹. Несколько сот детей еще в 1943 г. удалось вывезти в Бухарест.

Можно предположить, что не вся эта помощь доходила до адресатов либо затем изымалась местными властями. Сохранился любопытный документ о принудительной финансовой «поддержке» юденратом местной администрации. В городе Могилев-Подольск в феврале 1942 г. представитель юденрата был вызван к субпрефекту Кульневу, который заставил внести

100 000 лей из Еврейского фонда на закупку медикаментов, канцелярского оборудования, приборов для спиртзаводов. По устной договоренности, возврат должен был быть осуществлен выдачей продуктов.

Однако ни деньги, ни продукты в течение двух недель возвращены не были. Как видно из «Декларации», подписанной заместителем примира города, власти впоследствии оправдывались перед вышестоящим начальством тем, что сроки возврата денег или компенсации продовольствием оговорены не были³⁵².

Помимо легальных каналов, активно действовала и нелегальная связь. Так, было возбуждено несколько дел против румын, которые незаконно передавали из Буковины письма и деньги депортированным в Транснистрию³⁵³.

МЕДИКО-САНИТАРНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ

Необходимость предотвратить эпидемии, казавшиеся неизбежными и условиях антисанитарии и огромной скученности населения гетто, нехватки не только лекарств, но также продовольствия и топлива, обусловили чрезвычайно важную роль этого вопроса. Даже частичная потеря трудоспособности на непродолжительный срок могла иметь самые печальные последствия как для самого узника, так и для членов его семьи.

На оккупированной территории нехватка местного медицинского персонала была очевидной. Часть медицинских работников была призвана в армию или эвакуирована. Оставшиеся по разным причинам евреи-врачи, удельный вес которых был весьма высок и до оккупации, составляли от 30 до 75% квалифицированного медицинского персонала и аптечных работников большинства городов Украины, Белоруссии и Прибалтики. Тем не менее с осени 1941 г. подавляющее их большинство изгоняется из всех медицинских учреждений и лишается права обслуживать несврейское население. Одновременно они становятся сотрудниками еврейских больниц и других медицинских учреждений гетто.

В некоторых городах (например, в Барановичах) именно врачи стали одними из первых жертв массовых расстрелов. Однако оккупанты вскоре оценили важность этой категории работников для нужд оккупационного режима. Этому в немалой степени способствовала высокая квалификация еврейских врачей. Многие из них, проживавшие до 1939—1940 гг. в Польше, Румынии и странах Балтии, окончили ведущие университеты Европы и были прекрасно образованными людьми. Евреи-медики были высококвалифицированными (а подчас и уникальными) специалистами и в других оккупированных регионах СССР³⁵⁴.

Вопрос о еврейских врачах и медицинском обслуживании узников неоднократно становился предметом обсуждения и переписки различных органов оккупационного режима³⁵⁵.

Бывшие узницы калужского гетто, сестры Мария Файнгорн, врач-пневропатолог, и Анна Велер, заведующая аптекой, вспоминали:

«В связи с нарастанием заболеваемости в гетто старостой Френкелем было подано заявление в комендатуру о разрешении открытия амбулаторного пункта в гетто. Забедующим здравоотделом врачом Миленушкиным было отпущено в открытие пункта и даже в разрешении отпуска медикаментов по списку. Каждый рецепт мог быть оправдан только за визой доктора Миленушкина...»

Евреям было отпущено в оказании лечебной помощи в городской поликлинике. Врачу гетто приходилось оказывать помощь евреям только добрым словом»³⁵⁶.

После уничтожения евреев в том или ином городе военной зоны оккупации полевые комендатуры на некоторое время оставляли в живых именно евреев-врачей. Так, в Кременчуге в ноябре—декабре 1941 г. два врача были «допущены полевой комендатурой для гражданского населения, так как в противном случае нельзя было бы обеспечить его медицинское обслуживание».

Впрочем, уже 18 декабря 1941 г. начальник тылового района группы армий «Юг» распорядился обеспечить обмен этих врачей на содержащихся в лагере военнопленных неевреев³⁵⁷. В результате уже весной 1942 г. в районах, «полностью очищенных от евреев», катастрофически не хватало хирургов, зубных врачей и других специалистов-медиков³⁵⁸.

Видимо, квалифицированная работа евреев-врачей в частных кабинетах привлекала и немецких офицеров. 17 февраля 1942 г. специальным приказом им запрещалось пользоваться такими услугами³⁵⁹. В румынской оккупационной зоне евреев-медиков привлекали первоначально к принудительному физическому труду. Еврейской общине лишь в начале сентября 1941 г. удалось избавиться от этого³⁶⁰.

Тем не менее пользоваться услугами еврейских врачей можно было только по специальному разрешению, которое требовалось даже для руководителей города³⁶¹.

Нехватка врачей в префектурах Хотин и Сокиряны привела к распоряжению в конце 1942 г. о «мобилизации» их на работу. Аналогичное распоряжение было издано в Черновицах. Лишь в 1943 г. в результате переписки с коллегией врачей Румынии евреям разрешили частную медицинскую практику для жителей города³⁶².

Тем не менее даже врачи находились под угрозой депортации, и иногда требовались многочисленные ходатайства, чтобы исключить их из соответствующих списков³⁶³.

Под постоянным контролем властей было использование труда евреев-фармацевтов, многим из которых запрещали работать в частных фирмах³⁶⁴.

В еврейской больнице в Одессе в начале 1942 г. «кормили горячей пищей раз в день и был кипяток; кроме того, при отсутствии лекарств, бинтов и ваты умудрялись лечить от тифа и других болезней, даже выполнять небольшие операции в непригодных помещениях, а порой и в общих комнатах»³⁶⁵.

Особенно острым был вопрос о медицинском обслуживании узников. Невозможность соблюдать элементарные правила личной гигиены обуславливалась практически полным отсутствием водопровода и канализации в гетто. Очень часто за его пределами оказывались все или почти все больницы и другие медицинские учреждения, даже те из них, где еврей-медики работали в первые месяцы оккупации до переселения в гетто (так было во Львове, Одессе, Белостоке и других местах). Еврейским врачам запрещали брать из них в гетто не только оборудование, но и медикаменты, бинты, вату. Более того, в ходе контрибуций изымались даже личные медицинские инструменты врачей гетто.

Изнурительный физический труд создавал непосредственную угрозу не просто здоровью, но и жизни обитателей гетто. В первые месяцы (особенно зимой) на оккупированной территории смертность узников была чрезвычайно высокой. В ряде гетто (например, в Транснистрии) вспыхнули эпидемии.

В том, что эти эпидемии не стали массовыми, а смертность удалось свести к минимуму, — огромная заслуга еврейских медиков. Несомненная и положительная роль юденратов, которые в этом вопросе всячески содействовали профилактическим и санитарным мероприятиям. Помогала и солидарность медиков разных национальностей. Исключительным был подвиг русского врача Жукова, оказавшегося в гетто Велижа Смоленской области по своей воле вместе с женой и 3 детьми. Он бескорыстно лечил всех больных³⁶⁶.

О том внимании, которое уделяли юденраты данному вопросу, свидетельствуют данные о численности медицинских работников, привлеченных в его структуры. Так, больше всего сотрудников в юденрате Вильнюса работало как раз в отделе здравоохранения (380 человек). В санитарной и эпидемиологической службах работали 4 районных врача, были открыты две гигиенические станции, где людям бесплатно выдавали мыло, полотенца и т.п. Уже в июле 1941 г. в гетто открылась больница на 160 коек. За год их число возросло до 237. Здесь работали 26 врачей и 17 фармацевтов. В среднем они обслуживали по 205 больных в день.

Зимой 1941 г. была проведена серия профилактических мероприятий среди детей и взрослых. Только в марте 1942 г. было сделано 16 353 прививки (т.е. более 50% всех узников). В гетто Белостока больница открылась уже в августе; были проведены большие профилактические мероприятия. В Пружанах врачи оказывали бесплатную медицинскую помощь всем нуждающимся. Они смогли остановить эпидемию и скрыть ее от оккупантов³⁶⁷.

Три больницы сумел организовать еврейский совет Львова, включая одну для инфекционных больных³⁶⁸. Елизавета Соломоновна Рогатина с ноября 1941 г. по ноябрь 1942 г. проработала в еврейском отделении Львовской эпидемической больницы (другие 2 отделения были для польского населения и общее). Вот что она вспоминала:

«Два раза в месяц нацисты расстреливали евреев, которые находились здесь более 2 недель. В больницу попадали только квалифицированные ра-

бочие и ремесленники: маляры, жестянщики, шоферы, электромонтеры. Первоначально здесь работали 43 медика, затем 31 из них (вместе с главврачом) убиты»³⁶⁹.

В больнице Пинска работали 62 человека, действовали поликлиника и аптека. В то же время и после создания гетто 23 медика продолжали работать за его пределами.

Летом 1942 г. санитарные службы города провели серию профилактических мер по улучшению санитарно-гигиенической ситуации в гетто. В Бресте, где помимо больницы на 75 коек находилась и аптека, 6 врачей жили и работали за пределами гетто.

В двух гетто Гродно (25 000 узников) работали 43 врача, 6 стоматологов, 13 зубных техников. Здесь были больница, амбулатория, аптека, а также санитарная служба в каждом из гетто. Летом 1942 г. медицинским работникам ценой неимоверных усилий удалось предотвратить распространение эпидемии дизентерии³⁷⁰.

На территории Транснистрии наиболее эффективно работали медицинские подразделения жмеринского и джуринского гетто, которым руководил Моше Грайф. Благодаря его усилиям смертность узников в самом гетто была самой низкой в Транснистрии (наряду со Жмеринкой) и составила лишь 9% от численности еврейского населения³⁷¹.

И все же в условиях гетто уровень смертности узников превосходил в 4 — 10 раз смертность остального населения. Но это никак не умаляет заслуг еврейских медиков, которые практически без лекарств и необходимых материалов и оборудования предотвратили массовую гибель людей по медицинским показателям.

Не только слабые, больные и старики были объектом уничтожения. Согласно расовой теории о недопустимости воспроизведения «еврейской расы», с середины 1942 г. на оккупированной советской территории действовал приказ о запрещении родов в гетто. Молодая мать и ее ребенок, а также все члены семьи подлежали уничтожению. Позднее гитлеровцы распространили действие этого приказа на всех проживающих в одном доме с роженицей, а затем ввели принцип коллективной ответственности: юденрат и все гетто могли быть расстреляны за нарушение этого приказа.

Так, за сокрытие фактов родов и проведенные аборт были расстреляны лучшие врачи каунасского гетто³⁷².

Дневниковые записи А. Ерусалимского передают весь драматизм ситуации при обсуждении этого вопроса. Автор воспроизвел протокол заседания юденрата от 24 марта 1943 г. с участием ведущих еврейских медиков Шяуляя. На нем обсуждался вопрос о выполнении немецкого приказа, запрещающего рождение детей в гетто:

«Участники: представители юденрата — Лейбович, В. Картун, А. Геллер, А. Кац, врачи: Буриштейн, Блехер, Гольдберг, Директорович, Л. Пейсаховичи А. (очевидно, под этим псевдонимом автор дневника указывал себя. — И.А.).

Повестка дня: О мерах к прекращению рождений в гетто.

И. Лейбовиц:

Мы снова возвращаемся к вопросу о рожденьях. Запрещение рождений распространяется на все гетто со всей строгостью. Недавно был случай рождения в Ковенском гетто, и в результате вся семья была расстреляна. Между тем у нас относятся к этому весьма легкомысленно: имеются случаи беременности, но не принято никаких мер.

Д-р Блехер спрашивает, имеется ли статистика беременных.

Д-р Л. Сейчас в гетто до 20 беременностей. Преимущественно первых месяцев беременности, но есть и такие, у которых беременность достигает четвертого-пятого месяца, а у одной — даже восьмого. Из всех беременных женщины отказываются произвести аборт лишь две: одной пришлось бы подвергнуться третьему аборту и оказаться перед угрозой бесплодия; вторая же — та, что находится на восьмом месяце.

Д-р П. Необходимо настоять, чтобы они согласились на аборт. Надо сообщить им о случившемся в Ковно и Риге.

Д-р Бурштейн предлагает регистрировать каждый случай беременности и стараться повлиять на беременных, чтобы они произвели аборт.

М.Л. Пропаганду против рождений нельзя вести открыто, это может дойти до ушей, которым не следует этого слышать. Мы должны иметь дело с прикосновенными к этому лицами.

Он предлагает вызвать беременных женщины в амбулаторию и в присутствии врача и члена юдеитета предупредить их и разъяснить всю грозящую им, их семьям и всему гетто опасность.

Д-р Л. Как можно произвести аборт женщине на 8-м месяце беременности?

Надо ведь понимать чувство матери. Вряд ли удастся на нее повлиять. Затем, что будет с ребенком, если мы вызовем преждевременные роды? На частной квартире мы произвести операцию не можем, а в больнице оставаться ребенку нельзя. Как быть, если ребенок родится все же живым? Я на свою совесть этого не беру.

Д-р В.Л. Никакой врач не может взять на себя ответственность за умерщвление ребенка — это ведь убийство.

Д-р Ц. Не дать ли ребенку родиться и передать его христианке?

М.Л. Мы не можем допустить рождения ребенка: про всякий случай рождения мы обязаны сообщать. Нас трижды запрашивали, были ли случаи родов. Всякий раз мы отвечали отрицательно.

В.К. Что мы можем сделать, когда гетто подвергается такой опасности? Если опасность грозит бы только одной лишь семье поворожденного, то это можно было бы оставить на ее ответственности; в данном же случае опасность грозит всему гетто. Ведь могут быть самые страшные последствия. Надо принять все меры, чтобы роды не имели места.

А.К. Все дело, связанное с аборталми, должно быть проведено лично врачами. Им надлежит вести переговоры с беременными, влиять на них, чтобы они дали согласие на аборт.

Что касается женщины на восьмом месяце беременности, то ребенок не должен родиться живым. Все равно его убьют немцы, а с ним мать и отца»¹⁷³.

Даже само оформление протокола передает драматизм обсуждавшегося вопроса. Если члены юденрата (а именно они настаивают на любых мерах, не допускающих роды) указаны по первым буквам имени и фамилии, то инициалы некоторых врачей, возражавших против этого, зашифрованы.

Мы видим: несмотря на весь трагизм ситуации, врачи гетто вели себя достойно, пытаясь найти любые способы для спасения жизни детей. Обращает на себя внимание то, что члены юденрата подчеркивали угрозу, которую влечет за собой нарушение приказа. Драматизм ситуации состоял в том, что нацисты заставляли узников становиться — вопреки морали и врачебной этике — убийцами новорожденных.

Обсуждение этого вопроса получило свое развитие осенью того же, 1943 г. — 8 месяцев спустя. Вот что писал в своем дневнике секретарь юденрата:

«11 ноября.

Вдобавок ко всем нашим унижениям и деморализации мы вынуждены стать убийцами собственных детей. В эти черные дни в гетто находились три женщины в последней стадии беременности. Повседневный контроль не давал несчастным возможности скрыться самим и спасти будущих детей.

В отчаянии они упростили врачей произвести им преждевременные роды, а детей истребить. Это было проделано на частной квартире. Они родились живыми и здоровыми. Один был необыкновенной красоты. Все они умерщвлены при помощи шприца и похоронены даже не на кладбище, а в одном из закоулков гетто.

Лучше так, чем от немецкой руки»¹⁷⁴.

Сам факт повторного обсуждения вопроса о родах показывал, что все же в гетто была солидарность — ни в марте, ни в ноябре беременные женщины не были выданы, сами узники гетто не пострадали.

Этот эпизод свидетельствует не только о высочайших профессиональных качествах еврейских медиков, но и об их человечности в условиях, которые сами по себе были верхом бесчеловечности.

Еврейские врачи и санитарные работники, пользовавшиеся огромным авторитетом у узников, сыграли главную роль в противостоянии эпидемиям и болезням, сорвали планы нацистов по форсированно «естественной» смертности еврейского населения.

РЕЛИГИОЗНАЯ, КУЛЬТУРНАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Предметы культа, здания синагог и еврейских религиозных учебных заведений стали особыми объектами ненависти нацистов и их пособников. Именно в синагогах Белостока и Речи состоялось первое в годы

Великой Отечественной войны массовое сожжение сотен людей. Все синагоги и молитвенные дома были разрушены либо использованы для хозяйственных нужд (в этом подходы нацистов мало отличались от практики использования культовых зданий при советской власти). Однако этот процесс сопровождался сожжением священных книг и разграблением имущества, а также показательными издевательствами над служителями культа и верующими. В местечке Любавичи Смоленской области (оккупанты называли его «святой город Иеговы, раввинов и ритуальных убийств») они подвергли жестоким пыткам десятки стариков. Их публично избивали, заставляли танцевать на свитках Торы, выдергивали волосы из бороды. Все они были затем расстреляны³⁷⁵.

Отношение к иудаизму на советской территории было более нетерпимым, чем в других странах, включая Польшу. Из 5 округов, вошедших в генерал-губернаторство, раввинаты были разрешены в четырех (за исключением дистрикта «Галиция»).

Отдельного вопроса заслуживает изучение роли и места религиозных деятелей в жизни гетто и еврейской общины в целом. Так, во Львове почти все раввины города оказались в оккупации. Некоторые из них были убиты уже в первых погромах летом—осенью 1941 г. Именно руководителями религиозной общины Львова, братьями Ехескелем и Аароном Левинскими была предпринята попытка использовать личные связи с главой Греко-католической церкви митрополитом Андрием Шептицким, чтобы не допустить кровопролития. Уже 30 июня 1941 г. они встретились с Шептицким и попросили обеспечить защиту еврейского населения от погромов и убийств. Митрополит заверил, что «Украинская держава не допустит пролития крови невинных» и даже предложил братьям остаться в его резиденции на площади Св. Юра. Раввины мужественно отказались, но по дороге домой были схвачены и доставлены в тюрьму «Бригадки», где их растерзали погромщики³⁷⁶. Религиозная жизнь львовского гетто сосредоточилась в культурном отделе юденрата. Вскоре после оккупации Львова нацисты и их пособники разрушили все синагоги. Оккупанты запретили кошерный забой скота и заставляли брить бороды и пейсы. Председатель еврейского совета доктор Парнас пытался добиться официального разрешения на возобновление деятельности религиозных учреждений. В городе оставались все ортодоксальные раввины, жившие там до немецкой оккупации. Осенью 1941 г. полулегально была возобновлена деятельность раввинатского суда, регистрировавшего браки и разводы (по требованию властей, «арийские жены», перешедшие в иудаизм, и дети только после развода получали право не жить в гетто). Этот суд был совместным, в него входили и хасиды, и ортодоксы, хотя до войны они заседали раздельно³⁷⁷.

В отдельных случаях раввины становились во главе или избирались членами юденратов. Однако в большинстве случаев они оставались неформальными лидерами, к мнению которых прислушивались не только

верующие. Как показано выше, при их активном участии именно достойные люди становились во главе юденратов. К раввинам обращались за советом — составлять ли списки людей, которые требовали немцы. Мнения их были разные, но большинство склонялось к тому, что во имя сохранения жизни большинства следует выполнить приказ нацистов. Обращает на себя внимание, что мало кто из религиозных лидеров пережил оккупацию. И дело не только в том, что многих из них уничтожили уже в первых акциях. Вероятно, часть верующих погибла из-за невозможности соблюдать кошерное питание.

В структуре юденратов отделы религии были невозможны. Однако вопросы религиозной жизни вполне легально решались в отделах культурной деятельности.

Несмотря на непомерно тяжелые условия, религиозная жизнь продолжалась. В больших и малых гетто проводились нелегальные службы. Некоторые религиозные мероприятия проводились под видом культурных. Так, председатель юденрата г. Вилейки (рейхскомиссариат «Остланд») организовал проведение на Пурим 1942 г. фестиваля для 1000 еврейских рабочих и членов их семей. Это была единственная возможность отметить весьма символично еврейский праздник — на фестивале присутствовал немецкий комиссар города...³⁷⁸

В уголках холодных, неотопливаемых барачных вилжского гетто по вечерам собирались на молитву религиозные евреи. Именно они строго следили за соблюдением обрядов при похоронах.³⁷⁹

Один из узников рижского гетто вспоминал, как вечером вместе с другом читал Тору, что *«было для нас бальзамом, духовной пищей для наших измученных душ»*³⁸⁰.

В гетто Жмеринки также строго соблюдались соответствующие обряды. Тринадцатилетнему В. Вольфу после смерти матери его родственники объяснили, что необходимо делать для памяти умершей³⁸¹. На Северном Кавказе (Нальчик) умерших и убитых горских евреев также удавалось хоронить по еврейскому обряду³⁸². Мать Лени Дусмана похоронила свою свекровь по еврейскому обряду на 3-м еврейском кладбище Одессы:

«Когда она привезла на дрожках гроб с телом бабушки, еврей-служка, который там прятался, похоронил ее и прочел молитву. Он сказал матери: «Мадам, то, что вы сделали в это ужасное время, это великая миссия, бог сохранит вас!» Мы остались живы, но мать всегда считала, что просто выполнила долг перед своим мужем» (он находился на фронте)³⁸³.

В вильнюсском гетто полулегально существовали две йешивы, в которых обучались 200 учеников из ортодоксальных семей. Они размещались в молитвенных домах, и занятия начинались так, что дети могли посещать среднюю школу³⁸⁴. Также полулегально шло обучение небольшого количества учащихся светским и религиозным дисциплинам в львовском гетто³⁸⁵.

Несколько мягче было отношение к иудаизму у румынских оккупационных властей. В гетто Кишишева евреям формально не запрещалось

исполнять религиозные обряды, были открыты две синагоги. Но несколько известных в городе раввинов были уничтожены в первые дни оккупации³⁸⁶. 27 января 1942 г. по ходатайству раввина г. Черновца Лейза Вайсмана было разрешено проводить службу в синагоге³⁸⁷. В гетто Жмеринки и Джурина евреи ежедневно собирались в молитвенных домах, причем, помимо религиозных целей, встречи в синагоге позволяли получать узникам необходимую информацию как о внутренней жизни гетто, так и обстановке на фронте. В Жмеринке по субботам и праздникам богослужения проводились на 1-м этаже бывшего клуба. Они проходили с участием хора мальчиков. В некоторых гетто местные евреи и депортированные из Бессарабии и Буковины молились раздельно³⁸⁸.

В отличие от гетто на территории Польши, культурная жизнь и образование были разрешены оккупантами лишь в нескольких гетто. Так, в Вильнюсе работали театр; два хора в составе 155 человек (на идише и иврите); оркестр, которому разрешали исполнять произведения только аркийских композиторов; детские и юношеские клубы, при которых работали кружки по истории, драматургии, литературе, рукоделию и другие. Дети ставили спектакли на исторические темы, умело обыгрывая современные события. Были открыты архив (он собирал все официальные и неофициальные документы о жизни гетто); музей, комплектовавшийся коллекциями умерших, погибших и эвакуированных, а также спортивная и музыкальная школы, книжный магазин. При вильнюсском Judenрата был создан союз писателей и артистов. Регулярно проходили концерты, на которых выступали музыканты и чтецы³⁸⁹.

Издавались «Известия гетто» (по нашим сведениям, в гетто на территории СССР было разрешено еще только два издания — «Еврейская газета» в Черновцах³⁹⁰ и 8-страничный информационный листок в львовском гетто «Сообщения еврейского совета Лемберга еврейской общине», три выпуска которого вышли на немецком языке в январе — марте 1942 г.³⁹¹

Другим важным культурным центром еврейской жизни была Жмеринка, находившаяся в румынской зоне оккупации. Председателю Judenрата А. Гершману удалось не только обеспечить безопасность узников, но наладить их экономическую и культурно-просветительную деятельность. В гетто работали детский сад и средняя школа, имелся театр, школьники проводили конкурсы «язычества и красоты».

Здесь также издавались (но нелегально) информационные листки на румынском и немецком языках³⁹².

Одним из главных событий культурной жизни некоторых гетто стали театры. Около 30 сотрудников и актеров еврейского театра Вильнюса погибли в первых акциях. Оставшиеся в живых основали театр в гетто. Вопрос об его открытии приобрел политический характер. Коммунисты и другие «левые» считали, что это оскорбит память погибших, и призывали к бойкоту театра. Против был и культурный отдел Judenрата. Но решающим оказалась позиция Генса, возглавлявшего тогда полицию гетто. Тем

не менее на первый спектакль (в январе 1942 г.), зрителями которого были только члены юденрата и полиции вместе с семьями, пришли люди в черном с плакатом: «Не бывает представления на кладбище».

Театр работал ежедневно или через день. Уже через неделю его посетили немцы и литовцы, некоторые из них участвовали в акции. В течение 1942 г. на 120 представлениях театра побывало 38 000 зрителей¹⁹³.

В Жмеринке также был организован театр, где выступали бывшие артисты Черновицкого еврейского театра. И его создание вызывало споры. На открытии глава общины д-р Гершман сказал:

«Хотя открытие театра в такое тяжелое время кажется аморальным, мы пошли на это, дабы люди не падали духом»¹⁹⁴.

Первым культурным учреждением, открытым в гетто Вильнюса, стала библиотека. В сентябре 1941 г. туда были переданы все книги, оставленные в еврейских домах за пределами гетто. В марте 1943 г. Я. Гене распорядился передать туда все частные собрания узников, за исключением молитвенников и учебников. Библиотека нелегально пополнялась книгами из библиотеки Еврейского научного института (ИВО), захваченной штабом Розенберга. Всего же она насчитывала около 100 000 томов и даже занималась комплектованием библиотек в трудовых лагерях и других гетто, куда попадали жители Вильнюса. Один из читателей зафиксировал в своем дневнике за 1943 г., что из библиотеки гетто выдана стотысячная книга. Этот же юноша сообщил о своей попытке зафиксировать историю жизни узников — аналогичная работа по призыву подпольщиков велась во многих крупных гетто Польши¹⁹⁵.

Напомним, что на всей оккупированной территории нацисты допускали как минимум начальное образование с обязательным преподаванием немецкого языка. Еврейские дети были лишены права на любое образование. В немногих гетто школы работали нелегально или полулегальным образом и достаточно короткий промежуток времени.

В гетто Несвижа в Белоруссии школа открылась по инициативе Ш. Холавекого. Помещения для нее не было. Дети начальных классов приходили на занятия прямо на дом к учителям. В школе изучались арифметика, письмо, чтение, история и география¹⁹⁶. Занятия здесь велись на русском языке.

В Жмеринской школе, где обучались дети до 16 лет, было 9 классов и около 250 учащихся. В школе работало 30 учителей. Обучение велось на русском языке и было платным — 5 марок в месяц (за сирот платило Правление общины). Школа декларировала свою «аполитичность»: в ней не изучались история, география и современная литература. При изучении дореволюционной русской литературы исключались политические сюжеты. Большое внимание уделялось преподаванию румынского и немецкого языков, а также математики (ее вел один из руководителей-подпольщиков Арчик (Аркадий) Гефтер). С пятого класса предполагалось изучение идиша и иврита. Однако низкая квалификация учителя и бойкот учащихся сорвали преподавание этих языков¹⁹⁷.

Единообразия в отношении к еврейским школам у румынских властей не было. Одним из специальных пунктов приказа о передвижении евреев в гетто Кишинева было разрешение передвижения школьников и учителей³⁹⁸. В Буковине же еврейские школы осенью 1941 г. были запрещены и не работали вплоть до февраля 1944 г., когда оккупационные власти разрешили открыть в Черновцах еврейскую школу на 800 детей³⁹⁹.

Школа вызывала особую гордость узников гетто Вильнюса. Уже на 3-й день оккупации группа учителей предложила продолжить обучение. В школу записалось 2700 детей в возрасте от 5 до 14 лет. Осенью 1941 г. работали 2 начальные и несколько классов средней школы. К октябрю 1942 г. в гетто было уже 3 начальных школы. Между январем и декабрем 1942 г. число классов возросло с 9 до 40; число учителей — с 23 до 72; число учеников — с 390 до 1405. Потом их число увеличилось до 1800 и охватывало 2/3 юных узников школьного возраста. Занятия велись на идише. Любопытно, что немецкий язык не был обязательным предметом. Зато изучали иврит, арифметику, географию, общую и еврейскую историю, латынь, физику⁴⁰⁰.

Важно отметить, что запрет ходить в школу в первые дни оккупации воспринимался школьниками-евреями едва ли не как самое большое наказание.

14-летняя жительница Вильнюса Маша Рольникайте так описала свои чувства в книге воспоминаний «Я должна рассказать»:

«Вывешен приказ, что все комсомольцы и все евреи из школы исключены. Значит, я больше не ученица... Что же буду делать зимой? Неужели я останусь недоучкой?»⁴⁰¹

В Каунасе по инициативе юденрата школы открылись в обоих гетто в декабре 1941 г., но легально просуществовали лишь до августа 1942 г. Они были преобразованы в ремесленные училища, затем (после ликвидации гетто) открылись при рабочих мастерских⁴⁰².

В рижском гетто также были организованы школа (там работали учителя Вишневский и Гликман), детский сад (им руководила Бася Фике) и интернат. Абрам Блох вспоминал, что школьники вместе с учителями «устраивали клуб, игры, чтения, спектакли, хор и т.д. Спектаклями, как и садоводством, руководил литовский еврей Марголит»⁴⁰³.

Дети учились, несмотря на холод и голод, отсутствие учебников и письменных принадлежностей. Школы работали до сентября 1943 г. Число учителей сократилось с 60 до 35; учеников — до 900. И отнюдь не по вине учеников их количество постоянно уменьшалось...

Поэт А. Суцкевер, узник гетто Вильнюса, вспоминал:

«За день до ликвидации из 150 ребят в школе осталось всего лишь 17. А учительница Мирра продолжала с ними занятия, читала им книгу Шолом-Алейхема о мальчике Мотле, рассказывала чудесные истории о великом мире свободы»⁴⁰⁴.

Секретарь юденрата в литовском городе Шяуляй учитель Александр Ерусалимский вел дневник. Вот что он писал о школе, где в 1943 г. в двух зданиях обучались 200 учеников в 7 группах. Школа работала в две смены. Ее закрыли в октябре того же года.

«29 апреля.

Полуофициально, без шума, в гетто открылась народная школа площадью 18 кв. метров. Школа работает с 9 до 16 часов. Обучается девяносто детей в четырех группах, каждая по 1,5 — 2 часа в день.

Стоит отметить, что, несмотря на тяжелые условия жизни, детишки с радостью бегут в школу, учатся охотно и со вниманием. Тридцать пять — сорок детишек сидят, а то и стоят, тесно прижавшись друг к другу. В классе никакого шума, но в этой тишине гетто словно ожило.

3 октября.

Школа закрыта. Ребятышек частью растаскали по лагерям, частью до сих пор они бродят по гетто. Учителя разбрелись по разным местам. Старшие обязаны идти на работу, а младшие — от 10 до 13 лет — сами стремятся на работу, чтобы не числиться в категории «нетрудоспособных»⁴⁰⁵.

Еврейские дети были лишены права не только на образование — на жизнь.

2.4. Принудительный труд

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ

Министерство по делам оккупированных Восточных территорий планировало самым широким образом привлекать евреев к принудительным работам. Об этом говорится в специальном распоряжении его главы А. Розенберга от 16 августа 1941 г.:

«Евреи обоего пола в возрасте от полных 14 до 60 лет, которые проживают на вновь оккупированных Восточных территориях, обязаны работать. Они должны быть собраны с этой целью в отделе принудительных работ»⁴⁰⁶.

Первые принудительные работы все трудоспособные евреи указанного возраста выполняли еще до переселения в гетто или трудовой лагерь. Это были, как правило, самые грязные и тяжелые работы. Нередко они носили бессмысленный характер и сопровождалась издевательствами и побоями, преследуя цель лишь унижить человеческое достоинство евреев и показать их бесправное положение.

Объявления, расклеенные на столбах Калуги, гласили: «работы жидам нет, кроме уборки трупов и только лошадей». Сестры М. Файнгорн и А. Веллер хорошо запомнили слова, которыми полицейские напутствовали евреев перед работой: «посить руками, грызть зубами»⁴⁰⁷.

Оккупантам необходимо было восстановить разрушенные здания, проводить ремонтные и погрузочные работы. Их организацией занимались первоначально военные власти. Евреев привлекали к расчистке улиц от развалин, разгрузочным и погрузочным работам, мытью вагонов,

машины и военной техники, чистке мостовых, уборке помещений, переноске неразорвавшихся бомб и снарядов.

В Кременчуге первые работы для евреев, как и во многих других местах, состояли в очистке улиц от последствий военных действий⁴⁰⁸. В местечке Городок Хмельницкой области на Украине евреи расчищали реку и строили дамбу⁴⁰⁹.

Узники гетто в г. Дмитриев-Льговский (Курская область) переносили неразорвавшиеся авиабомбы, разбирали завалы⁴¹⁰. Узники других гетто на территории России (Смоленск, Гусино, Усвяты) всю зиму были заняты расчисткой снега на железнодорожных путях. Они привлекались к ремонту дорог и мостов (Любавичи), сооружению бетонных дотов (Хиславичи)⁴¹¹.

Ежедневно еврейские советы или старосты должны были выделять оккупационным властям определенное количество трудоспособного населения. Приказ о поставке определенного числа рабочих сопровождался угрозой расстрелять каждого десятого узника в случае его невыполнения. Эта работа, как правило, не оплачивалась, но работники иногда получали миску супа и кусок хлеба.

Какими же трудовыми ресурсами располагали еврейские общины городов Центральной России? В нашем распоряжении есть данные по трем гетто (Смоленск, Калуга, Орел), позволяющие провести сравнительный анализ (в том числе по демографическим показателям)⁴¹².

Таблица № 4
Состав узников 3 гетто Центральной России (1941—1942 гг.)

Город	К-во узников	Мужчины		Женщины		Дети		Нетрудоспособные*			
		к-во	%	к-во	%	к-во	%	Мужчины	Женщины	Всего	%
Смоленск	1363**	286	21	541	39,6	399	29,3	64	73	137	10,1
Орел	175	19	10,9	99	56,6	22	12,6	11	24	35	20
Калуга	154	18	11,7	50	32,5	36	23,4	35	15	50	32,5
Итого:	1692	323	19,1	690	40,8	487	28,1	110	112	222	13

* В эту графу нами включены и те евреи Смоленска, чей возраст не установлен, — 38 мужчин (2,8%) и 51 женщина (3,8%).

Возрастная группа у женщин в Смоленске для нетрудоспособных по данным, приведенным В. Орбах, указана с 65 лет. В возрасте 50—65 лет указано 120 женщин. Можно предположить, что старше 60 из них было около 40 (из 541, находившейся в гетто). Следовательно, в возрасте от 15 до 60 лет, т.е. сопоставимом с данными по другим гетто, здесь было около 500 женщин (плюс какая-то часть тех, чей возраст не указан). Поэтому к категории «трудоспособные» здесь можно отнести не более 32% женщин.

** В Смоленском гетто к моменту его создания в августе 1941 г. находилось не менее 2000 узников. Следовательно, приводимые данные отражают демографический состав гетто лишь частично.

Обращает прежде всего внимание, что в процентном отношении трудоспособных мужчин в Смоленске (захваченном в середине июля) оказалось почти в два раза больше, чем в Орле и Калуге, оккупированных осенью 1941 г. По этим трем городам трудоспособные мужчины в среднем составляли менее пятой части всех узников. Между тем трудоспособные мужчины и женщины составляли свыше 60% еврейского населения Смоленска. Именно это предопределило целесообразность его использования на физических работах в течение около года.

При явной нехватке в Орле мужчин-евреев общий процент трудоспособного населения здесь также достаточно высок и даже превосходит Смоленск (67,4%). Процент детей среди всего еврейского населения, оказавшегося в оккупации, здесь наименьший. В этом также кроется одна из причин того, что еврейское население Орла не было быстро уничтожено.

В свою очередь в Калуге, по сравнению со Смоленском, оказалось в три раза больше тех, кого нельзя было привлекать к принудительным работам (нетрудоспособные и дети составили 55,9% всех узников гетто). Очевидно, что, если бы не освобождение Калуги в конце декабря 1941 г., они были бы обречены на уничтожение.

Эта таблица дает дополнительную информацию и об обстоятельствах эвакуации для пожилых людей и инвалидов. Данные по Калуге и особенно по Орлу свидетельствуют, что по сравнению со Смоленском большинство детей здесь удалось эвакуировать.

Главным предназначением евреев был тяжелый физический труд, в котором было занято подавляющее большинство узников. Именно так считали многие руководители как военной, так и гражданской администрации. Так, узники гетто в г. Сарны (рейхскомисариат «Украина») в 1941—1942 гг. работали по 10—14 часов на самых тяжелых работах⁴¹³.

Принудительный труд узников кишиневского гетто начал применяться с момента его создания. Сначала на тяжелейшую физическую работу выгоняли мужчин, затем и женщин. Лишь незначительная часть узников была задействована на уборочных работах на территории гетто. Вскоре рабочие колонны стали вывозить на работы за пределы гетто, причем большая часть узников уже не возвратилась в гетто и была уничтожена. Стабильно работали группы на городских предприятиях, аэродроме (он располагался вблизи гетто), частных немецких фирмах. Группа из 120 евреев была привлечена для выполнения как физических работ, так и квалифицированного труда при восстановлении кожевенной фабрики. За свою работу узники получали кусок хлеба в день⁴¹⁴.

При незначительной оплате труда или даже ее отсутствии работа за пределами гетто давала единственную возможность обмена вещей на продукты питания, кражи товаров первой необходимости и установления контактов с внешним миром.

Переселение евреев в «закрытые» гетто приводило к возникновению новых форм трудовой деятельности узников. Именно они были вынуж-

лены ограждать его колючей проволокой, деревянным забором или каменной стеной. В Калуге, например, первый рабочий день в гетто в конце ноября 1941 г. состоял в возведении забора и калитки с дощечкой, на которой было написано «Гетто». Сестры М.А. Файнгорн и А.А. Веллер вспоминали:

«Без топоров, без ломов, без гвоздей евреи приступили к постройке забора, разбирая сараи в соседних домах. Попутно евреям было приказано опустить уборные и мусорные ямы. Причем чистили руками и сносили в овраг все отбросы.

Работы производились под надзором трех гестаповцев, двух полицейских и сопровождалась избиением евреев якобы за ленивую работу или за то, что кому-либо из гестаповцев казалось, что кто-то из евреев имеет намерение ослушаться»⁴¹⁵.

Строительство ограды вокруг гетто было возложено на евреев также в Белостоке, Львове, Мишке, Пружанах, Долгинове⁴¹⁶. В военной зоне оккупации евреев привлекали прежде всего к неквалифицированному физическому труду. Оккупанты активно использовали на самых тяжелых работах евреев, эвакуированных в шахты Краснодарского края. Так, в п. Оградный Архангельского района полиция говорила бригадирам:

«Заставляйте их, жидов, исполнять самые тяжелые работы, они теперь в наших руках, не жалейте их ни в чем»⁴¹⁷.

В еврейских национальных районах на территории Днепронетровской и Запорожской областей по предложению руководства айнзатцгрупп они были оставлены осенью 1941 г. на своих рабочих местах в местных колхозах до окончания уборки урожая⁴¹⁸. В Лядах, на границе Белоруссии и России, еврей-колхозники (в отличие от других евреев местечка) в первый период оккупации даже не носили опознавательных знаков. Местные жители называли их «привилегированные»⁴¹⁹.

Весной 1942 г. в гетто Бреста была набрана команда для выполнения работ у местного помещика в с. Петровичи. Помимо работы на полях, узники работали на кухне, подростки пасли скот⁴²⁰. Любопытно, что на такие работы за пределами города охотно шли прежде всего так называемые «восточники», т.е. приехавшие в Западную Белоруссию после 1939 г. и не имевшие там родных.

КВАЛИФИЦИРОВАННЫЙ ТРУД

Вопрос об использовании еврейских квалифицированных трудовых ресурсов в зонах немецкой военной и гражданской администрации позволяет понять особенности и последовательность уничтожения еврейского населения на территории СССР. Одной из первоочередных задач оккупационного режима было скорейшее открытие ремесленных мастерских и предприятий сферы обслуживания. Отсутствие или недостаток квалифицированных рабочих вынуждал власти использовать еврей-

ских специалистов. Еще накануне или после первых расстрелов в немецкой зоне оккупации на территории Украины, Белоруссии и России нацисты отбирали таких специалистов (сапожников, кузнецов, портных) и помещали в отдельное огороженное помещение или здание. Их труд оккупанты использовали от недели до нескольких месяцев, а иногда и в течение полугода лет⁴²¹.

Уже летом—осенью 1941 г. появилась потребность в специалистах, способных отремонтировать трофейную советскую и вышедшую из строя немецкую военную технику, а также обеспечивать потребности оккупационной экономики. В первые месяцы войны евреи активно привлекались вермахтом, представители которого отнюдь не всегда уделяли должное внимание «расовому вопросу». Например, узники минского гетто регулярно использовались на военных производствах. Евреи нередко работали в качестве переводчиков (ввиду близости разговорного идиша и немецкого). 11 октября 1941 г. командующий тылом группы армий «Юг» подписал приказ, в котором говорилось:

«Ввиду нехватки гражданских лиц, говорящих на немецком языке, в отдельных случаях евреев следует привлекать в городах оккупированных восточных областей для работы в качестве переводчиков.

Подчеркиваю, что евреев нельзя привлекать к служебной или личной работе среди войск»⁴²².

Однако вплоть до весны — лета 1943 г., как показывает сохранившаяся стенограмма заседания высших гражданских чиновников и руководителей службы безопасности и СД генерального округа «Белоруссия», евреи работали на весьма «заметных» должностях.

Вот как характеризовал начальник полиции безопасности Минска оберштурмбанфюрер Штраух «еврейское засилье» в экономике округа после прибытия в Минск 1 сентября 1941 г. гражданской администрации:

«Она нашла здесь предприятия, пущенные вермахтом с помощью евреев. В то время как белорусы хотели расправиться с евреями (единственное, пожалуй, и не подтвержденное другими источниками заявление об агрессивно-антисемитских настроениях местных жителей. — И. А.), вермахт поставил евреев на ответственные посты. Таким образом, евреи заняли ключевые посты... и сегодня трудно избавиться от их помощи, ибо через день-два останутся предприятия, а мы этого не хотим...»⁴²³

Начальник СС и полиции округа «Белоруссия» К. фон Готтберг заявлял:

«Недопустимо положение, когда проходишь как солдат по стране и обнаруживаешь, что, как нарочно, все склады горючего находятся в руках евреев; справочными и прочими конторами руководят евреи и даже в центральном бюро в Минске сидят евреи».

В свою очередь, гебитскомисар Лиды Ханвиг отмечал:

«Признавая неспособность местных ремесленников и вынужденный необходимостью обеспечить мебелью свое собственное учреждение, уч-

резиденция вермахта и прочие гражданские учреждения, я открыл предприятие, в котором работают только одни евреи. После уничтожения всех евреев я надеюсь создать здесь ремесленное училище»⁴²⁴.

Необходимость столь интенсивного и продолжительного использования труда евреев объяснялась прежде всего отсутствием местных квалифицированных кадров. Эта же проблема остро вставала и на других оккупированных территориях.

Вопрос об использовании еврейских специалистов в Виннице обсуждался на специальном совещании в начале 1942 г. В нем участвовали областной комиссар, начальник полиции безопасности и СС, а также начальник полиции города майор Помме. Последний заявил, что этот вопрос его особенно беспокоит, *«так как строящееся здесь сооружение (ставка фюрера. — И. А.) находится в опасности, благодаря присутствию здесь евреев».*

Участники совещания отметили, что в городе находится примерно 5000 евреев, в том числе — 1700 специалистов. В их руках сосредоточены не только «все ремесла и промыслы», но они «работают также во всех имеющих жизненное значение предприятиях»: водопровод, электростанция, бойня.

Констатировалось, что уничтожение евреев приведет к нарушению продовольственного снабжения не только местных жителей, но и немцев, включая армию. Особенно ценными представлялись 700 специалистов, уничтожить которых было бы возможно только после подготовки им замены⁴²⁵.

Вопрос о создании еврейских мастерских и производств, а также особых трудовых лагерей еще раз обсуждался в Виннице в конце ноября 1942 г. Даже после сооружения ставки Гитлера, как сообщал немецкий комендант города, «на отдельных предприятиях пока работают евреи». В этом же отчете в разделе «Еврейские ремесла» говорилось:

«Создание заводских объединений в особых гетто в условиях Винницы не имеет никакого значения, так как еврейский вопрос здесь в значительной степени урегулирован»⁴²⁶.

Ситуация с использованием принудительного труда узников была непосредственно связана с экономической деятельностью данного гетто, организацией производства в том или ином населенном пункте, использовавшем еврейской рабочей силы. Она во многом зависела от политики оккупационных и местных властей в еврейском вопросе; роли и количества еврейских и иных квалифицированных рабочих кадров в данном регионе; экономического положения в нем; ситуации на фронте.

В Велиже и Хиславичах еврейские портные выполняли заказы вермахта, в частности изготовление маскировочных халатов. Пошив костюма для немецкого офицера оплачивался пачкой махорки. Комендант Хиславичей Доренман изделя еврейских ремесленников отправлял в Германию. В конце 1941 г. по его приказу было сделано около 10 пар различной обуви, 4 шубы, налажено производство чемоданов. И в 1942 г. комендант «продолжал одевать и обувать родных»⁴²⁷.

В Смоленске, Хиславичах и Клицках были налажены работы сапожных мастерских. Еврейские врачи, парикмахеры, наборщики, жестянщики привлекались для обслуживания немецких и местных оккупационных властей⁴²⁸.

Как было показано выше, политическое решение вопроса об уничтожении узников до определенного времени сдерживалось экономическими факторами. Эту ситуацию и пытались использовать юденраты для сохранения жизни еврейского населения. Отметим, что это происходило не благодаря, а вопреки стратегическим планам нацистов, изолировавших еврейских узников в гетто.

Продолжительность существования того или иного гетто (если не принимать во внимание положение на фронте) чаще всего зависела от вклада еврейских рабочих в немецкую военную экономику. Менее значимым, хотя и весьма существенным было отношение к судьбе гетто местной администрации (этот вопрос решался иногда с помощью взяток, которые могли лишь отсрочить ликвидацию части узников или уменьшить количество жертв). Еще одним важным моментом можно считать наличие связей с местным населением и готовность его представителей участвовать в хозяйственной жизни гетто⁴²⁹.

Конфискации и контрибуции в значительной степени, как показано выше, подорвали финансовое состояние узников и экономику гетто. В то же время такая политика властей стимулировала деятельность юденратов крупных гетто по поиску путей к выживанию как в условиях «открытого» гетто или более либеральной политики властей, так и при деятельности в «закрытых» гетто. Здесь были задействованы такие ресурсы, как заинтересованность не только вермахта и гражданской администрации в обеспечении экономических нужд военного и гражданского населения, но и личный интерес частных предпринимателей, в том числе — немцев.

Вторым важным ресурсом выживания стала организация различных производств и мастерских. Эта деятельность опиралась на надежду руководителей юденратов доказать властям «полезность» и «эффективность» еврейской рабочей силы, а не только труда отдельных квалифицированных рабочих и ремесленников. Именно в этом многие руководители юденратов видели единственную возможность избежать массовой депортации.

Оккупационные власти в конце 1941 — начале 1942 г. под влиянием того, что война против СССР явно затягивалась, стали обращать большее внимание на экономические ресурсы и производственный потенциал гетто. Первоначально евреи активно использовались за пределами гетто. Например, в Белостоке на отдельных фабриках работали тысячи узников. Руководители юденратов Минска, Львова и Вильноса пытались убедить оккупационные власти в целесообразности использования еврейской рабочей силы на созданных в этих городах многочисленных ремонтных заводах и складах вооружений, горючего и продовольствия. Здесь, как и в Смоленске, находились важные железнодорожные узлы, которые также нуждались в рабочей силе.

Вот почему экономическая деятельность большинства узников была сосредоточена в так называемых рабочих отрядах, которые ежедневно направлялись на производство.

Именно в такой форме использовался принудительный труд евреев в гетто Буковины, находившейся под румынским контролем. С августа 1941 г. ежедневно составлялись списки мобилизованных на принудительный труд. С января 1942 г. сохранились журналы, в которых регистрировались привлекавшиеся к труду евреи Черновиц⁴³⁰. Здесь также был достаточно высок процент евреев не только ремесленников, но и специалистов с высшим образованием, которых не успели мобилизовать в Красную Армию. Любопытно, что именно использование таких специалистов на производстве вызвало недовольство в начале июня 1942 г. рабочих предприятий Черновиц, неожиданно оказавшихся в подчинении евреев⁴³¹.

Еще одна «привилегированная категория» узников — ветераны Первой мировой войны — 20 декабря 1941 г. потребовали и получили разрешение «свободно участвовать во всех торгово-промышленных предприятиях», но вскоре это разрешение было отменено⁴³². Впоследствии на основании индивидуального разрешения еврей-специалист получал постоянное место на производстве за пределами гетто. Так, А. Крамеру было разрешено работать на заводе по изготовлению газированной воды⁴³³.

Остальные евреи (за исключением медперсонала и сотрудников благотворительных организаций) подлежали мобилизации на принудительные работы, виды и формы которых были весьма разнообразны. Евреев, в том числе специалистов, охотно брали воинские части, расквартированные в Черновицах. Так, 3-му румынскому пограничному полку и Школе подготовки младшего командного состава постоянно требовались ремесленники. Узники гетто изготовляли одежду для военного госпиталя; зимой 1942 г. они регулярно привлекались военными к расчистке снега. Дирекция мотомеханизованного ателье добилась не только оставления у себя евреев-специалистов, но и сохранила за ними 30% заработка, удерживаемого с евреев. Еврей-специалисты трудились даже в здании жандармерии⁴³⁴.

Были и такие специфические работы, как переpletные на складе русских книг, сбор советской литературы, работа в книгохранилище. Евреи привлекались на сельскохозяйственные работы по уборке урожая, причем в 1942 г. департамент труда и социального обеспечения указал, что работодатель неправомерно повысил им жалование. Именно еврейские портные шили форму для городской полиции.

За участие в переписи еврейского населения Буковины в 1942 г. три члена еврейской общины Черновиц получили не только деньги за работу, но еще и командировочные. В 1942 г. евреи регулярно привлекались к работе статистического бюро. Вскоре после последней депортации, 15 июля 1942 г., власти мобилизовали еврейских художников и чертежников. Трое евреев работали художниками-декораторами в местном театре. Даже прием в ресторан в 1943 г. еврейки-аккордеонистки требовал специального разрешения⁴³⁵.

Несмотря на официальный запрет, евреи занимались торговлей, о чем свидетельствует анонимный донос в середине 1943 г.⁴³⁶ С начала 1944 г. использование еврейской рабочей силы на частных предприятиях было упрощено — владельцу требовалось лишь оформить заявку по специальной форме, которая направлялась в еврейскую общину Черновіц⁴³⁷.

В отличие от немецкой зоны оккупации, некоторое число евреев продолжало работать в государственных учреждениях, в силу чего они получали возможность избежать депортации. Только в 1943 г. было принято решение об «устранении евреев-служащих» на румынских предприятиях. Против отдельных работодателей (например, директора Загражанского сахарного завода) было заведено специальное дело в связи с заменой служащих завода евреями⁴³⁸.

Власти Транснистрии установили обязательное использование труда депортированных. Последние подразделялись на специалистов, находившихся в распоряжении начальника «колонии»; мастеров-ремесленников; всех трудоспособных для использования «на полевых работах, при благоустройстве дорог и мостов, заготовке леса, камня и других материалов». Для специалистов оговаривалась возможность привлечения «с разрешения губернатора» Транснистрии для работ по «восстановлению промышленности»⁴³⁹.

Работающим была обещана продовольственная карточка, соответствующая одному рабочему дню. Оплата для квалифицированных работников должна была составлять 2 марки, а для остальных — 1 марку в день.

Типичным для Транснистрии была организация производств в гетто Жмеринки. Здесь действовали семь цехов (кожевенный; мыловаренный; гвоздильный; по изготовлению веревок, щеток и кисточек; безалкогольных напитков; спирта; конфет и сладостей) и три мастерские (механическая; портняжная; сапожная). Все эти производства поставляли продукцию «на экспорт», т.е. за пределы гетто и даже территории Жмеринского района. Первоначально сырье для них отпускалось по ценам в 4—5 раз выше, чем для остальных предпринимателей. По соглашению доктора Гершмана с румынской администрацией, цены на сырье и продукты, поставляемые в гетто, были приравнены к нормативным для всего населения, а производимую продукцию разрешили продавать в трех открываемых магазинах гетто по цене, которая была эквивалентна прежней разнице в ценах на сырье. В этом случае местная румынская администрация получала 75% прибыли (ранее вся прибыль шла непосредственно в государственную казну). Оставшие 25% прибыли разрешалось тратить на социальные нужды гетто. Разумеется, сами узники покупать эти товары не могли. Готовая продукция сбывалась оптовикам-неевреям⁴⁴⁰.

В рейхскомиссарнате «Остланд» с начала 1942 г. евреи активно использовались на предприятиях и мастерских за пределами гетто. В конце марта 1942 г. число трудоспособных евреев только в Мишке составляло 20 тысяч человек (11 тысяч мужчин и 9 тысяч женщин). Большинство из

них было занято на предприятиях и мастерских вермахта. В мае — августе 1942 г. евреи трудились в следующих мастерских за пределами гетто, подчинявшихся городской управе: обувной (51 человек); двух сапожных (19 человек); портняжных (18); мыловаренных (3), а также в парикмахерской (1). В июле 1942 г. в железнодорожном депо Минска работало 216 евреев (в депо Барановичей — 364), где они использовались на строительных работах. Осенью того же года при полиции безопасности в Минске трудилось 148 евреев (столяры, автослесари, портные, сапожники, монтажники, строители, клепальщики). Еще 330 евреев из минского гетто были заняты на строительных работах в концлагере Малый Тростянец.

На 1 ноября 1942 г. в генеральном округе «Белоруссия» трудились 27 600 еврейских рабочих. В Минске в этот период на принудительных работах использовалось 9 тысяч евреев (в том числе 6 тысяч «русских» и 3 тысячи «немецких» узников гетто). Они составляли значительную часть всех трудовых ресурсов города, которые включали также 55 000 местных жителей и 2000 военнопленных. Впрочем, реально работающими на апрель 1943 г. значились 35 000 местных жителей; 8500 евреев; 3190 военнопленных. Таким образом, евреи составляли более 18% всего трудоспособного населения города.

На 19 ноября 1942 г. вне рабочих лагерей на предприятиях полиции безопасности и СД рейхскомиссариата «Остланд» работало 1558 евреев (в Латвии — 793; Литве — 442; Белоруссии — 188; Эстонии — 135)⁴⁴¹.

По инициативе оккупационных властей в некоторых гетто открывались государственные предприятия и артели. Они возникли прежде всего в гражданской зоне оккупации. Только в западных районах генерального округа «Белоруссия» было создано 33 предприятия с более чем 3000 рабочих. В Гродно (округ «Белосток») появилось 19 таких предприятий. В Бресте (рейхскомиссариат «Украина») открылась 31 артель. Количество работающих здесь за первую половину 1942 г. возросло в полтора раза и составило 7994 человека⁴⁴².

Примерно такое же число рабочих трудились в середине 1942 г. на 20 предприятиях в белостокском гетто. Они производили самые разнообразные товары (фурнитуру, кожаную сбрую, химическую продукцию и электрооборудование, а также одежду, шапки, текстиль), зачастую являясь «монополистами» в регионе, что значительно облегчало сбыт через оптовых покупателей. В апреле 1943 г. число рабочих (включая несовершеннолетних) составило 14 650 человек, или более 50% всех узников (их к тому времени оставалось 28 000)⁴⁴³. В Пинске удельный вес работающих с января по май 1942 г. возрос с 50,2% до 53,8%⁴⁴⁴.

Во Львове юденрат получил разрешение на создание так называемых «трудовых коммун» дорожных рабочих, швейников и портных. Кооперативы портных появились и в некоторых других гетто Галиции, в частности Дрогобыче и Тарнове. Стимулом для создания производств в гетто Галиции служили высокая квалификация и дешевизна еврейской рабочей

силы, а также способность самостоятельно изготавливать необходимое оборудование, используя устаревшие или сломанные станки.

Первые мастерские во Львове возникли еще в 1941 г. Позднее в гетто открылись несколько мастерских: столярные, слесарные, по производству тары и аптекарских товаров. Но они не могли решить проблему занятости и оплаты труда узников. Вот почему несколько еврейских предпринимателей (некоторые из них имели аналогичный опыт в оккупированной Польше) выступили с инициативой создания эффективных производств. Весной 1942 г. их идея была реализована в виде трех мастерских, объединенных единым руководством. Численность рабочих в этих мастерских колебалась от 4 до 5 тысяч человек. В них производились одежда, детали военного обмундирования, предметы роскоши, корзины, мелкие кожаные изделия, белье, дамские шляпки, картонные коробки и т.п.

В создании производств с привлечением узников гетто в этот период стали более активно участвовать немецкие предприниматели, почувствовавшие возможность неплохо заработать на дешевой еврейской рабочей силе. По их инициативе был создан ряд крупных предприятий в разных частях города: оружейный завод D. A. W.; фабрика по переработке и сбыту утильсырья, которая была единственной в Галиции и где трудились тысячи евреев; мастерские по починке одежды «Шварц и К^о», где было занято от 3 до 5 тысяч евреев; мастерские по пошиву обмундирования для немецкой армии; столярные, слесарные, механические, железнодорожные. В некоторых из них трудились и те, кто не был квалифицированным рабочим или ремесленником, включая девочек-подростков и лиц «свободных профессий»⁴⁴⁵.

Остановимся подробнее на деятельности производств некоторых гетто в рейхскомиссариате «Остланд». Так, в Вильносе первоначально были созданы многочисленные мастерские для нужд самих узников. Особенно активно работали те, кто был связан со строительством, расчеткой и реконструкцией зданий. Они восстанавливали здания из руин, проводили оборудование домов, строительство и ремонт бань, дезинфекционных установок, столовых, школ, учреждений, культурных и образовательных заведений. Это стало возможным благодаря достаточному количеству квалифицированных рабочих и способности наладить выпуск в мастерских гетто элементарного оборудования и орудий производства.

Число мастерских и занятых в них работников на территории гетто постоянно росло. Если в начале 1942 г. здесь было только по 1 сапожной и швейной мастерской, а также 2 парикмахерские, в которых работало 31 человек, то только в августе в гетто открылось 6 новых мастерских (в том числе кузья, часовая и швейная), где было занято 180 рабочих. В феврале 1943 г. оборот мастерских гетто вырос по сравнению с августом более чем в 2 раза и составил 84 820 марок, а число мастерских достигло 28 (16 — в легкой промышленности и сфере обслуживания и 12 — механических). Почти вдвое возросло и число рабочих. Важно подчеркнуть, что большинство заказов поступало из-за пределов гетто, что решало проблему сбыта.

Начало экономической деятельности в каунасском гетто затянулось до начала 1942 г., хотя вскоре после создания еврейского комитета в августе 1941 г. он ходатайствовал об открытии таких мастерских. Сначала разрешили открыть прачечную, затем — различные мастерские, число которых к моменту ликвидации гетто составляло около 40 с 4600 рабочими.

В гетто действовали также артели ремесленников (сапожников, металлистов, шапочников, плотников, водопроводчиков), которые сами доставали сырье и занимались сбытом продукции. Цены на нее устанавливали власти, и это требовало специального разрешения.

С экономической точки зрения они нередко были заведомо убыточны. Так, в каунасском гетто рабочие большей частью простаивали из-за нехватки сырья, а также трудностей со сбытом продукции. Главной проблемой, препятствующей развитию и эффективности производства, был катастрофический недостаток сырья. Но и в этих условиях узники гетто стремились найти выход. В частности, были созданы различные технологические лаборатории для предприятий химической и пищевой промышленности, продукция и технологии которых пользовались большим спросом.

В то же время узники стремились максимально эффективно использовать работу в немецких мастерских и на производстве. Они варили на них для себя мыло, стирали одежду в немецких прачечных, шили и ремонтировали одежду на швейных фабриках вермахта⁴¹⁶.

В середине 1943 г. общий оборот белостокского гетто составлял миллионы рейхсмарок. Немецкие частные предприниматели основывали в гетто своего рода индустриальные комплексы по производству мебели и кожаных товаров. В гетто было два военных производства, резко возрос выпуск товаров для нужд самих узников, включая продукты питания. Они работали в примитивных условиях, им не хватало сырья, часть из них действовала нелегально и была закрыта по приказу гестапо.

Производительность труда рабочих гетто постоянно возрастала. В мае 1943 г. при заказе в 30 000 пар валенок из того же сырья удалось изготовить 100 000 пар⁴¹⁷.

Любопытно сопоставить масштабы и результаты этой работы с деятельностью немногих известных нам производств на оккупированной территории России. Обычно в гетто России (как и других регионах военной зоны оккупации) они не создавались. И это одно из важных их отличий от гетто в некоторых других зонах оккупации. Еврейских специалистов, например портных в Велиже, поселили вне гетто⁴¹⁸.

Сохранились интересные документы об использовании на кожевенном производстве общины горских евреев Моздока и Северной Осетии. Об этих событиях рассказывается в надзорном деле Прокуратуры СССР в связи с осуждением в 1951 г. за «сотрудничество с оккупантами» организаторов этого производства.

В коллективном письме в защиту осужденных на имя Сталина говорилось (сохраняем орфографию подлинника):

«Примерно в октябре 1942 г. бывший шеф-полицей Тушицын (ныне осужден за преступную деятельность) вызвал всех горских евреев и предупредил о том, что «вы будете расстреляны немцами, если вы не будете работать, т.е. не выделывать кожи». Последний предупредил нас, горских евреев, написать от имени общества заявление на открытие кожецеха и в случае, если мы этого не сделаем, то будем расстреляны как собаки...

Поэтому решили организовать кожецех, чтобы сохранить оставшихся семей и детей. 101 человек детей, и поэтому предложили мастеру Бакишгву Иосифу А. и Шубаеву Виктору Шахмановичу работать и они дали согласие и стали вместе работать до прибытия Красной Армии — в этом было наше единственное спасение не быть расстрелянными.

В этом цехе работать шли буквально лица, даже не имеющие никакого понятия в кожевенном деле, только лишь числиться в кожецехе и спасаться от предстоящей казни.

И только благодаря этому все остались живы в количестве 38 семей и 101 человек детей... Выработанные кожтовары мы сохранили, чтобы не дать их немецким властям и сдали Советским властям, на что есть акт сдачи»⁴⁴⁹.

В этом документе обращает на себя внимание как насильственная организация производства (на фоне расстрела евреев в городе и окрестностях), так и факт сокрытия произведенной продукции. Разумеется, что это стало возможным только ввиду близости фронта и непродолжительного периода оккупации.

Отнюдь не только в Моздоке утаивалось сырье и часть продукции. Нелегальная экономика (зачастую с ведома, а иногда — и при участии еврейских советов) служила основой выживания узников гетто. Юденраты были естественными монополистами в регулировании цен на продукцию внутри гетто; они получали часть средств от частных предпринимателей и распределяли их на выплату зарплат и социальные нужды.

Формально юденратам не предоставлялось права сбора налогов. Однако у них были и иные легальные источники дохода, направляемые на благотворительные и социальные цели. Приказом гебитскомиссара Вильно каждый работающий узник отчислял 10% своих доходов на счет юденрата. В ряде других гетто (в частности, в Белостоке) существовали индивидуальные налоги: на собственность и доход, на право торговли; за лицензию на производственную деятельность и несколько налогов на основные продукты питания. Также взималась арендная плата за право владения и санитарная такса (3—5 рублей ежемесячно)⁴⁵⁰. Кроме того, юденратам разрешалось продавать хлеб с наценкой, средства от которой шли в специальный фонд.

Главной целью юденратов при организации производств являлось максимальное увеличение числа рабочих мест с целью избежать депортации нетрудоспособных. Председатель юденрата гетто Белостока Э. Бараш говорил:

«Надо покончить с мыслями о нормальных временах! Каждый, кто работает руками, укрепляет безопасность всех».

Похожие мысли высказывал и глава еврейского комитета Вильнюса Я. Генс:

«Пока работает производство в гетто и команды за его пределами, мы имеем надежду, что мы очень полезны и незаменимы... При современных военных обстоятельствах работа вообще и работа для немецкой армии в особенности — это веление времени».

По его инициативе в гетто висел плакат:

«Еврейская женщина, помни — работа спасает жизнь».

Даже после принятия решения о ликвидации гетто и накануне собственной депортации Генс просил остающихся зарегистрироваться и продолжать работать в надежде, что нормальная жизнь вернется⁴⁵¹.

Как отмечалось выше, при использовании принудительного труда узников военные власти практически ничего не платили евреям в первые месяцы оккупации. Впоследствии частичные выплаты работающим стали осуществлять юденраты. Обычной практикой использования еврейской рабочей силы стало сочетание платного и бесплатного труда.

В генеральном округе «Литва» и дистрикте «Белосток» зарплата евреев составляла от 25 до 80% зарплаты «арийских» рабочих. Но получали ее евреи лишь в половинном размере. Остальные деньги направлялись на счета так называемого «Еврейского фонда», который использовался на нужды местного бюджета. Лишь незначительная часть из него поступала на счета юденратов⁴⁵².

Размер оплаты зависел от распоряжений местных властей. В рейхскомиссариате «Украина» евреи получали 80% от крайне мизерной зарплаты других рабочих. В лучшем положении находились служащие юденратов и еврейской полиции. В вильнюсском гетто оплата труда сотрудников юденрата колебалась от 45 до 90 марок в месяц. В Белостоке зарплату выплачивали нерегулярно и лишь 4 категориям работников, включая полицейских и учителей (последние за 3-часовой рабочий день получали 24 марки в месяц). Руководитель отдела здравоохранения здесь получал в месяц 30 марок.

Обычная норма оплаты труда продуктовым пайком составляла для служащих юденрата 1 кг хлеба в день; летом 1942 г. она снизилась до 375 граммов⁴⁵³. Летом и осенью 1941 г. специалисты в минском гетто получали только 30% своего заработка⁴⁵⁴.

На большинстве предприятий Львова оплата была мизерной (от 2 до 4 злотых в день) либо выдавалась в виде продуктов питания⁴⁵⁵. По свидетельству Я. Шенфельда, «в октябре 1942 г. гестапо издало распоряжение, что все рабочие-евреи переходят исключительно в его подчинение. Предприятия будут оплачивать в гестапо по 5 злотых... в день за рабочую. Без разрешения гестапо прием евреев на работу запрещался»⁴⁵⁶.

Одновременно с использованием разовых или систематических принудительных работ, а также работы в мастерских и на предприятиях значительная часть взрослого еврейского населения направлялась в так называемые рабочие лагеря.

РАБОЧНЕ ЛАГЕРЯ

Эта тема в литературе освещена гораздо менее детально, чем содержание евреев в гетто. Появились лишь первые исследования, в которых функционирование рабочих лагерей изучено в региональном разрезе⁴⁵⁷.

Рабочими или трудовыми лагерями оккупанты называли места временного содержания евреев при проведении длительных принудительных работ внутри или вне того или иного населенного пункта, а также место концентрации еврейского населения, используемого на сельскохозяйственных работах. В отличие от гетто, мужчины и женщины содержались здесь, как правило, раздельно; их размещали в специальных помещениях (чаще всего — барачного типа), которые охранялись местной полицией. Здесь не было еврейских советов (их функции в ограниченном объеме выполняли бригадиры). Узники не получали платы и медицинского обслуживания. Они были полностью отрезаны от своих семей и родных. Фактически рабочие лагеря были одной из разновидностей концентрационных лагерей.

Возрастающая потребность оккупантов в рабочей силе приводила к созданию многочисленных рабочих лагерей для евреев во всех республиках бывшего СССР. Они возникают уже вскоре после оккупации летом—осенью 1941 г. в Галиции (Львов и Соколовка), России (Невель), Эстонии (Харку), Молдавии (Гидигича под Кишиневом)⁴⁵⁸ и других регионах. Практиковался вывоз небольших групп евреев для сельскохозяйственных работ в помещичьих имениях и заготовки лесоматериалов (Западная Белоруссия, Украина), для строительных и дорожных работ (Украина, Восточная Белоруссия), работ на торфяниках (Галиция, Псковская область), в каменоломнях (Молдавия); на отдельных частных фирмах и производствах. Евреев Буковины, Бессарабии и Одесской области румынские оккупационные власти направляли в так называемые сельскохозяйственные колонии для сезонных работ. Иногда рабочий лагерь создавался в определенном районе города или при крупном предприятии. Часть из них возникла еще в период существования гетто или даже до их создания (например, во Львове). Некоторые лагеря могли создаваться после ликвидации гетто и размещаться на части его территории (так было во Львове, Каунасе, Шяуляе).

С начала 1942 г. число таких лагерей резко увеличивается. В соответствии с решениями Ванзейской конференции, состоявшейся 20 января 1942 г., трудоспособное еврейское население должно было быть использовано на сооружении шоссеиных дорог. С одной стороны, это решение продлило жизнь десяткам тысяч мужчин и женщин. С другой — привело к ликвидации ряда гетто и созданию многочисленных рабочих лагерей вдоль строительства стратегических транспортных магистралей.

В государственных архивах сохранились сведения о 81 рабочем лагере в Украине. В том числе: в Винницкой области — 7; Волынской —

4; Дрогобычской — 9; Киеве — 1; Каменец-Подольской (Хмельницкой) — 1; Кировоградской — 1; Львовской — 21; Ровенской — 1; Станиславской (Ивано-Франковской) — 4; Тернопольской — 31; Херсонской — 1⁴⁵⁹.

Но фактическое число лагерей было гораздо больше. Например, только в Галиции их число составляло не 65, а 94⁴⁶⁰. Еще 15 лагерей, куда также направляли депортированных, находились на территории Винницкой области в немецкой зоне оккупации на левом берегу Южного Буга⁴⁶¹. Число трудовых лагерей в Хмельницкой области, куда направлялись евреи Буковины, насчитывало несколько десятков⁴⁶².

В трудовые лагеря юденраты должны были поставлять молодых и здоровых мужчин и женщин. Ввиду большой смертности узников от непосильного труда и ужасных условий содержания потребность в рабочей силе была весьма велика. Поэтому нацисты во многих местах прибегали к методу облав в гетто, в ходе которых арестовывались и направлялись в трудовые лагеря даже квалифицированные специалисты, занятые на производстве. Режим и условия существования узников рабочих лагерей вполне сопоставимы с условиями и режимом концлагерей или лагерей военнопленных. Например, в лагере под Львовом, созданном 1 августа 1941 г., постоянно содержалось от 200 до 400 узников, занятых на мелiorации болот. Осенью и зимой они работали по колено в ледяной воде. Рабочий день продолжался 12 часов. Ежемесячно треть узников умирала от болезней и недоедания. Оккупанты обязали еврейский совет Львова каждые две недели поставлять сюда 200 узников. Лагерь охраняли украинские полицейские⁴⁶³.

В большинстве случаев узники трудовых лагерей использовались на строительстве и ремонте шоссеиных дорог. Так, трудовые лагеря в Львовской, Тернопольской, Каменец-Подольской (Хмельницкой), Киевской, Кировоградской, Днепропетровской, Сталинской (Донецкой) и части Винницкой области (немецкая зона оккупации) разместились вдоль сооружения проходившей по их территории автострады IV (Львов — Тернополь — Проскуров — Винница — Умань — Кировоград — Кривой Рог — Днепропетровск — Сталино — Таганрог).

Численность заключенных здесь не была постоянной и колебалась от нескольких десятков до нескольких тысяч человек. Так, в лагерях Тернополь, Перемышль и Большие Борки под Тернополем одновременно находилось по 5000 узников; в Козаках под Злочевом — 3000; в Озерной — 2000. Через лагерь в Станиславе прошло 10 000 узников⁴⁶⁴.

Людей в трудовые лагеря отправляли без вещей, инструментов и продуктов питания. Здесь не соблюдались элементарные правила гигиены: не было воды или ощущался ее недостаток; не было мест для просушки одежды; заключенные нередко спали на многоярусных голых нарах. Раю утром узников выгоняли из барачков для проверки; больных и нетрудос-

пособных расстреливали на месте. Даже в сельскохозяйственных лагерях пища узников была очень скудной⁴⁶⁵.

В лагере в с. Тарасовка Винницкой области на строительстве участка этой дороги трудилось свыше 1000 узников, в том числе из Киевской области. Они жили в длинной колхозной кошаре для овец. Лагерь был огорожен колючей проволокой и охранялся украинскими и литовскими полицейскими. Он был ликвидирован в конце 1943 г.

В местечко Якушищы той же области в августе 1942 г. пригнали несколько сот молодых евреев из г. Бар. Узников разместили в школе, огороженной несколькими рядами колючей проволоки. Евреи также работали на строительстве и ремонте шоссе: таскали на носилках песок, щебень, дробили камень. Работали без выходных с раннего утра и до темноты. Посуды не было, ели из консервных банок.

В г. Летичев Хмельницкой области узников не использовали на строительстве шоссе Винница — Каменец-Подольский. Все работы производились вручную. Камни для мощения дорог и песок носили на носилках или возили в тачках. Узников разбили на бригады по 20 человек. Ежедневно комендант лагеря убивал на глазах всех узников по одному заключенному.

Евреи жили в полуразрушенных кельях монастыря и в бараках с нарами, покрытыми одной соломой, по 8—10 человек в комнате. Кормили очень плохо, даже кусок хлеба давали не ежедневно. Узники питались сырой картошкой, собранной по дороге с работы. Лагерь был огорожен проволокой; на единственных воротах была надпись «Рабочий лагерь».

В с. Мацковцы Хмельницкой области в феврале 1942 г. было согнано 2000—2500 человек из Фельштина и других местечек. Они работали на строительстве военной дороги. Работы продолжались с рассвета и до темноты. Узники жили в большой колхозной конюшне, огороженной колючей проволокой. Каждый день охраны убивала больных и отстававших от колонны. Осенью 1942 г. узников перевели в лагерь в Проскуров.

Также в колхозной конюшне были размещены узники в с. Лысянки Киевской области. На работу — строительство дороги — их гнали за 20 км. Здесь находилось вместе с детьми около 170 человек.

В Звенигородке Киевской (ныне — Черкасской) области был создан лагерь, где вместе с местными евреями оказались узники соседних гетто (в частности, из м. Олышаны, переселенные сюда в начале мая 1942 г.). После селекции — стариков и детей, а также больных и нетрудоспособных отправили в местное гетто — остальных узников погнали в с. Неморож под Звенигородкой. Дорога здесь должна была проходить через лес, поэтому узники корчевали пни, валили деревья. Евреи жили в старых свинарниках, подвергаясь постоянным издевательствам и избиениям. Помощь продовольствием им оказывали узники гетто в Звенигородке.

Узники лагеря в Варваровке (Николаевская область) жили в приспособленном под бараки складе и коровнике. Работа по строительству

дороги находилась в 8 км. Лагерь охраняли власовцы. Часть узников работала на сооружении порта⁴⁶⁶.

По мнению авторов ряда свидетельств, здесь находился концлагерь, куда румынские власти отправляли беглецов из немецкой зоны оккупации. Осенью 1943 г. узники занимались сооружением моста. В этот период в Варваровке размещалось отделение крупной военно-строительной организации ТОДТ. В начале 1944 г. уцелевших узников перевели в концлагерь Трихаты⁴⁶⁷.

В немецкой зоне оккупации в Винницкой области, где в таких лагерях трудились не менее 10 000 человек, с августа 1942 г. по май 1943 г. (после ликвидации местных евреев) привлекали к работам узников гетто Транснистрии.

Нередко рабочие лагеря создавались в целях строительства и ремонта различных объектов. Сначала оккупационные власти регламентировали участие евреев в таком строительстве на периодической основе. Так, в Пришукском районе Черниговской области 25 февраля 1942 г. было издано постановление старостата о привлечении евреев в возрасте от 14 до 60 лет к строительным работам в течение 24 дней в году⁴⁶⁸.

В Ганцевичах (рейхскомиссариат «Остланд») рабочий лагерь был организован в декабре 1941 г. после ликвидации гетто. Туда свозили мужчин из окрестных местечек, некоторые из них отправлялись на работы добровольно в надежде уйти к партизанам. Место для лагеря выделили на одной из улиц Ганцевичей. Его обустроили первые узники. Лагерь был огорожен колючей проволокой. На воротах висел плакат: «Работа — твоя обязанность». В первый период существования лагеря заключенные имели возможность выходить на работы в город и общаться с местными жителями. Но вскоре выход за пределы лагеря был запрещен. Все узники были зарегистрированы на специальных карточках. Один из пунктов содержал информацию о месте проживания родственников — таким образом оккупанты стремились предотвратить побег. Внутренним комендантом лагеря был назначен профессор из Лодзи. В отличие от рабочих лагерей Галиции, большое внимание уделялось предотвращению эпидемий: работали баня и прачечная, одежда узников просушивалась, помещения тщательно убирались.

В лагере было организовано несколько производственных мастерских. Но основная часть узников трудилась на строительстве дороги из Ганцевич до шоссе Минск—Брест. После окончания строительства узников водили на разгрузку вагонов⁴⁶⁹.

Другим типом трудовых лагерей были лагеря для депортированных. В один из них, в местечке Ладыжин в Транснистрии, в июне 1942 г. пригнали около 500 евреев из Черновиц. Они были также заняты на ремонте дорог, вырубке деревьев вдоль шоссе и на других работах. Большая часть узников (включая женщин и детей) были уничтожены уже 18 августа; трудоспособных мужчин перевели в лагерь в с. Михайловка⁴⁷⁰.

Еще одним видом трудовых лагерей были работы в карьерах и каменоломнях. В лагере в Мурафе Винницкой области узники работали в карьере, добывая камень при помощи кирки. Если дневная норма (1,5 куб. м) не выполнялась, то паек (кусочек хлеба и гороховый суп) не выдавался. В результате многие узники погибли от истощения.

В лагере в местечке Райгород находилось около 2000 узников, которые работали в каменном карьере, занимаясь не только добычей камня, но и погрузкой его на железнодорожные платформы. Узников кормили два раза в день (утром и днем), но на территории лагеря не было воды, что вело к большой смертности летом из-за антисанитарных условий.

В Лезнево, на окраине Проскурова (ныне — Хмельницкий), узники добывали в карьере песок. Дневная норма при 12-часовом рабочем дне состояла в погрузке 120 подвод. Узников использовали также на работах в каменоломне, на погрузке угля, строительстве дорог⁴⁷¹.

Узников лагерей привлекали к работе на военно-стратегических объектах. В селах Гушанцы и Трихаты Винницкой области они сооружали мосты. В Калиновке той же области работали на строительстве аэродрома (500 евреев из Уланова и других населенных пунктов). Мужчины и женщины жили в двух разных бараках. Узников кормили только один раз в день⁴⁷².

Несколько лагерей специализировались на добыче торфа. Под г. Тульчин Винницкой области узники работали по пояс в воде, вырубая при помощи лопаток куски торфа и выбрасывая их на сухое место. Аналогичный лагерь был у с. Белополье Сумской области⁴⁷³.

Крупный лагерь, в котором трудились около 1500 евреев, находился на нефтеперерабатывающем заводе в Бориславе (Галиция). Ввиду важного стратегического значения этот лагерь просуществовал до весны 1944 г.⁴⁷⁴

В зоне военной администрации после первых расстрелов вновь выявленные евреи также иногда не уничтожались, а заключались в тюрьму и концлагерь, где использовались на работах. Показательна судьба тридцатилетнего киевлянина, парикмахера С. Б. Берлянта, вернувшегося в Киев после ранения и выхода из окружения 3 октября 1941 г. Он прятался у жены брата, а через три недели зарегистрировавшись как бывший военнопленный по документам украинца. Но буквально на следующий день Берлянта опознал на базаре знакомый, который выдал его гестапо. В тюрьме ему заявили, что «сейчас евреев не расстреливают», и послали на строительные работы в здание НКВД. По свидетельству Берлянта, «на этом строительстве работало человек 135 евреев». С февраля 1942 г. он попал в бригаду по вывозке угля. С середины мая 1942 г. работал в подсобном хозяйстве гестапо под Киевом как черноработчий. В августе 1943 г. он вместе с 8 другими евреями был направлен в концлагерь Сырец, войдя в «команду 1005» по раскопке и сжиганию трупов в Бабьем Яре. С.Б. Берлянт свидетельствовал: «*Одевшие в кандалы, рабо-*

тали мы по 12—15 часов в сутки, кормили плохо (дали суп «баланду» и 200 граммов хлеба, а воды вообще не давали)». 29 сентября 1943 г. с группой узников — евреев и псевреев Берлянт совершил успешный побег⁴⁷⁵.

Обычно лагерем называли и места временного содержания, куда евреев переселяли накануне уничтожения. 25 августа 1942 г. узников гетто г. Сарны перевели в огороженный колючей проволокой лагерь на окраине города. 13 000 местных евреев и узников из 4 других районов Ровенской области содержали в страшных условиях: людям не давали воду и пищу. Бараки были переполнены так, что даже стоять было невозможно. Женщины, дети, мужчины находились вместе.

Лагерь охранялся немецкой и украинской полицией. С 4 сторон были установлены пулеметные вышки. Такой лагерь также служил фактически сборным пунктом для уничтожения.

В местечке Литин Винницкой области около 130 специалистов были переведены после ликвидации гетто в рабочий лагерь на территории военного городка. Сюда же пригнали около 250 евреев-подростков из Чехословакии, Венгрии, Румынии. Они работали в камеполомнях, поднося камни к дробильной машине и отсеивая щебенку. Часть узников привлекалась к сельхозработам. Лагерь просуществовал до осени 1943 г.⁴⁷⁶

Летом 1943 г. в Острове Ленинградской области был создан рабочий лагерь (около 150 узников). Очевидно, они были привезены из Прибалтики⁴⁷⁷. Аналогичный лагерь был организован в Порхове Псковской области, где работали военнопленные и несколько десятков евреев из рижского гетто. В акте ЧГК было сказано, что здесь находилось до 400 человек⁴⁷⁸. В поселок Чихачево Калининской области привезли эшелон, в котором было 300 евреев. Узники жили в неотапливаемых вагонах. Они выполняли самые тяжелые работы — возили камни и бревна⁴⁷⁹.

Деятельность рабочих лагерей в Смоленской, Псковской, Ленинградской областях продолжалась недолго. Приближение фронта и усиление партизанского движения приводили к многочисленным побегам заключенных.

В Галиции почти все рабочие лагеря были ликвидированы летом 1943 г., после завершения строительства 160 км шоссе⁴⁸⁰.

В Винницкой области трудовые лагеря прекратили существование в конце декабря 1943 — начале 1944 г. в связи с приближением фронта.

Отметим, что узники рабочих лагерей обретали в них некоторый дополнительный шанс на спасение. Он состоял прежде всего в индивидуальных обстоятельствах (состояние здоровья заключенного, его квалификация, отношение лично к нему лагерного начальства, близость фронта или партизан). То есть узник становился необходим в трудовом процессе и получал дополнительную возможность дожить до освобождения. Он переставал зависеть лишь от одного национального фактора, ибо как еврей был обречен.

Оккупанты рассматривали узников гетто и рабочих лагерей как источник бесплатной или дешевой рабочей силы. Именно их руками выполнялись прежде всего все тяжелые, грязные и унижительные работы. Производство в целом ряде гетто и работа евреев на предприятиях за его пределами играли важную роль на территориях как под немецким, так и румынским контролем. Однако политические соображения преобладали над экономическими. Под давлением СС даже в западных областях Украины и Белоруссии шло активное вытеснение евреев из мелкого производства. Ввиду нехватки сырья и высоких налогов многие мастерские прекратили свое существование. В этот период оккупанты в нуждах военной экономики стремились к укрупнению производств и одновременно постепенно налаживали через сеть ремесленных училищ подготовку новых кадров из местного населения. Нужды военной экономики обуславливали поэтапный процесс ликвидации гетто и сохранение части еврейской рабочей силы. Рабочие лагеря возникли еще в период существования гетто. Их режим и условия существования узников вполне сопоставимы с условиями и режимом концлагерей.

2.5. Ликвидация гетто

ЭТАПЫ ЛИКВИДАЦИИ ГЕТТО

Ликвидация гетто на оккупированной советской территории, как и процесс их создания, не была одномоментной и растянулась по времени. Перманентные акции в гетто в 1941 — первой половине 1942 г. были обусловлены как инициативой айнзатцгрупп и полиции безопасности (при благоприятной для нацистов обстановке на фронте они не особенно заботились о потребности в рабочей силе), так и сложностями со снабжением населения продовольствием, недостатком жилья, необходимостью размещать в ряде гетто (Минск, Рига, Каунас) евреев из Германии и других стран Европы.

В крупных гетто Прибалтики (Вильнюс, Каунас, Рига) такие акции были проведены в течение конца лета — начала зимы 1941 г. В гетто Минска и Львова, где численность еврейского населения была особенно высокой, акции проводились перманентно с осени 1941 г. по начало (Львов) и осень (Минск) 1943 г. Часть узников параллельно переводилась в рабочие и концентрационные лагеря. В Белостоке гетто было ликвидировано в ходе двух акций в феврале и августе 1943 г.

В зоне военной администрации полиция безопасности и СС последовательно и без особых проблем ликвидировала гетто. В основном это было сделано до или вскоре после проведения Ванзейской конференции.

На территории, входившей в оперативное управление войск тыла групп армий «Центр», одним из последних 15 июля 1942 г. были уничтожено гетто Смоленска. Как правило, ликвидация гетто носила в зоне военной администрации одномоментный характер.

Процесс ликвидации гетто несколько замедлился в ряде регионов в связи с массовым уходом молодежи в Германию. Но полностью остановить его он уже не мог ввиду политических приоритетов нацистов в решении еврейского вопроса.

Летом—осенью 1942 г. были ликвидированы почти все гетто на территории рейхскомиссариата «Украина». В дистрикте «Галиция» и генеральном округе «Белоруссия» в этот период ликвидировались сравнительно небольшие гетто и продолжалось сокращение нетрудоспособного населения в крупных гетто.

В зоне гражданской администрации ряд высокопоставленных чиновников пытался сохранить квалифицированных работников-евреев, занятых прежде всего в оборонной промышленности и жизненно важных для городского хозяйства службах. В рейхскомиссариате «Остланд» и округе «Белосток» эсэсовцы встречали скрытое, а иногда и явное противодействие идее ликвидации всех гетто. В трех крупных гетто на территории Литвы (Вильнюс, Каунас, Шяуляй) акции не проводились в течение всего 1942 г. и первой половины 1943 г.

Одним из вариантов ликвидации гетто являлась их замена рабочими лагерями. В инструкции «Использование еврейской рабочей силы в военной экономике Германии» от 30 ноября 1942 г., подготовленной в рейхскомиссариате «Остланд», рекомендовалось содержание узников на «казарменном положении» в гетто, которое должно стать не только местом жительства, но и работы. Предлагалось поощрять за перевыполнение норм дополнительным питанием, но не отдельного работника, а весь коллектив, что должно было повысить как производительность труда, так и самоконтроль узников. Рекомендовалось прекратить оплату труда в денежной форме, а выдавать работающим продукты, одежду и предметы первой необходимости. В связи с невозможностью организации больших производств в гетто (предлагалось создать здесь портняжные и деревообрабатывающие мастерские, наладить изготовление обуви и переработку отходов), предписывалось оборудовать гетто на предприятиях, что «предупреждает пустое шатание евреев по улицам». Особое внимание предлагалось уделить тому, чтобы еврейская рабочая сила использовалась прежде всего на выполнении заказов вермахта⁴⁸¹. Следование этим рекомендациям должно было бы плавно перепрофилировать гетто в рабочие лагеря, избавившись от всех нетрудоспособных узников.

Отчасти эти рекомендации были использованы, но не в рейхскомиссариате «Остланд», а в дистрикте «Галиция». С ноября 1942 г. гетто Львова перешло в ведение гестапо. К этому времени оно было уже пол-

постью изолировано от города. Уцелевших узников перевели на казарменное положение (по вместе с семьями). Согласно приведенной выше инструкции, им перестали выплачивать зарплату, заменив ее миской супа и 70 граммами хлеба в день. Таким образом, евреи стали «имуществом СС и полиции». Территория гетто была сокращена и вновь огорожена. У ворот гетто появилась вывеска «Юлаг номер 2». Фактически гетто получило статус концлагеря. В нем уже не было Judenрата или одного руководителя. Узники подчинялись своим бригадирам. В июне 1943 г. «юлаг» был окончательно ликвидирован. Несколько тысяч работоспособных узников перевели в Яновский концлагерь⁴⁸².

Эти же тенденции мы наблюдаем в рейхскомиссариате «Остланд». На 19 ноября 1942 г. здесь в сфере деятельности полиции безопасности и СД евреи находились в «закрытых» лагерях в Латвии (598 человек), Белоруссии (330) и Эстонии (203). Интересно, что в Литве в этот период таких лагерей еще не было. В то же время в Эстонии, объявленной в январе 1942 г. «очищенной» от евреев, концлагеря вновь создаются за счет узников, привезенных из других стран Европы и Балтии.

Процесс ликвидации в каждом крупном гетто развивался по-своему. В минском и нескольких других гетто в генеральном комиссариате «Белоруссия» весной 1943 г. оставались еще тысячи специалистов и их семьи. На упоминавшемся выше совещании в Минске 8—10 апреля 1943 г. ведущий сотрудников этого комиссариата приводил важные сведения о процессе поэтапной ликвидации гетто. Так, гебитскомиссар Вилейки с гордостью сообщал, что из 20 тысяч евреев осталось только 3 тысячи:

«Никто из этих 3000 не живет на старом месте. Все гетто ликвидированы. Имеющиеся три тысячи евреев распределены по артиллерийско-техническим паркам и крупным строительным учреждениям в Красном, где их примерно 2850 человек. Около 50 евреев находится в распоряжении СД, а 100 евреев размещены в прилегающем к зданию гебитскомиссариата небольшом гетто и работают в моих мастерских. За исключением некоторых специалистов на кожезаводе в Радовицях, в шорной мастерской и льнопрядильне в Вилейке, а также необходимых для моих мастерских евреев, нет никакого повода держать евреев в Красном. По этому вопросу я имел разговор с моим оберштурмфюрером СС и мы договорились как можно быстрее очистить Красное от евреев»⁴⁸³.

Однако даже подходы эсэсовцев несколько отличались друг от друга. Так, руководитель службы безопасности Минска Штраух (очевидно, зная истинную позицию своего начальника В. Кубе) предлагал сократить число евреев в гетто «наполовину», избавившись лишь от неквалифицированных рабочих:

«Мы не можем допустить, чтобы у нас уборщицами, телефонистками работали еврейки, что у нас так много евреев — чистильщиков сапог.

...Я прошу Вас посодействовать в том смысле, чтобы убрать евреев, по меньшей мере из тех мест, где они бросаются в глаза. Они излишни, а поэто-

...должны исчезнуть. ...Мы и в дальнейшем обойдемся без евреев. Мы сократим число евреев наполовину, и от этого хозяйство наше не пострадает».

Гораздо более радикален был начальник службы безопасности рейхс-комиссариата «Остланд» фон Готтберг:

«Я не могу понять одного: сегодня имеются еще немецкие учреждения, которые придерживаются мнения, что они не могут обойтись без специалистов-евреев. Но не только в этих местах находили их, а все еще жива идея придворных евреев!»

...Я имею честь просить, чтобы и в вермахте со всей строгостью были приняты дополнительные меры и было покончено с таким положением»⁴⁸⁴.

Эта позиция была созвучна мнению рейхсфюрера СС Г. Гимmlера в отношении ликвидации гетто. Летом 1942 г. он распорядился о ликвидации гетто в рейхскомиссариате «Украина». К концу 1942 г. этот приказ на территории Украины и Западной Белоруссии был в основном выполнен.

Через год, 21 июня 1943 г., Гимmlер в категорической форме требует ликвидации оставшихся гетто и перевода специалистов (без членов семей) в рабочие лагеря. Сюда были переведены уцелевшие квалифицированные рабочие и специалисты-мужчины (всего несколько тысяч человек; численность их постоянно сокращалась). Этот приказ был выполнен эзэсовскими службами в течение нескольких месяцев.

8 сентября 1943 г. А. Розенберг издал приказ о полном устранении евреев из сферы обслуживания и об их использовании исключительно на физической работе⁴⁸⁵.

По хронологии это совпало с завершающим этапом ликвидации последних крупных гетто в рейхскомиссариате «Остланд» (в Минске, Каунасе, Шяуляе, Риге, Вильнюсе). Если гетто Минска прекратило свое существование, то гетто Каунаса и Шяуляя (после их значительного сокращения) получили статус рабочих лагерей, повторив судьбу львовского гетто. Узники рижского гетто были переведены в лагерь смерти Саласпиле (Кайзервальд) на окраине города. Значительная часть уцелевших и трудоспособных узников вильнюсского и несколько тысяч евреев каунасского гетто были направлены в лагеря на территории Эстонии.

КОНЦЕНТРАЦИОННЫЕ ЛАГЕРЯ

Первые концентрационные лагеря для еврейского населения возникают еще в период функционирования гетто. Показателен в этом отношении Яновский лагерь во Львове, находившийся в ведении СС. В таких лагерях (там, помимо евреев, работали советские военнопленные и заключенные других национальностей) изоляция от внешнего мира была полная. Яновский лагерь охранялся местной полицией, стоявшей на сторожевых вышках с пулеметами. Основные рабочие производства были сосредоточены в самом лагере. Выход же на работы за его пределами про-

водился только под охраной конвоя. Узники размещались в длинных бараках, где в пять ярусов располагались нары. На каждый барак было назначено 10 еврейских полицейских. По норме узникам полагалось 175 граммов хлеба в день, в реальности они получали не более 125 граммов⁴⁸⁶.

С учетом 15-часового рабочего дня, постоянных издевательств и избиений эсэсовцами, тесноты и холода выжить в таком лагере было чрезвычайно сложно. Смертность узников «рабочих лагерей» была значительно выше, чем в гетто. Скрыться из него или подготовить вооруженное сопротивление также было сложнее, чем в гетто. Яновский концлагерь во Львове был ликвидирован 19 ноября 1943 г.⁴⁸⁷

После приказа Гимmlера от 21 июля 1943 г. о ликвидации гетто на оккупированной территории СССР в концлагеря были переведены уцелевшие квалифицированные рабочие и специалисты-мужчины из Вильнюса и некоторых других городов Литвы (всего несколько тысяч человек).

Узники гетто, преимущественно из Литвы, были направлены в концентрационные лагеря в Эстонии. Сохранились показания военному трибуналу («Рижский процесс») бывшего узника Н. Анолика:

«Вопрос: Расскажите подробно, где и сколько было организовано немцами концентрационных лагерей для еврейского населения в Эстонии?»

Ответ: Сколько я припоминаю, центральный лагерь со всей комендатурой находился в г. Вайвары, кроме того, лагеря находились в местностях Эстонской ССР: Фификона, Куралий, Аувере, Нарва, Соски, Ехва, Кивеле, Фреда, Поркунда, Азери, Путьки, Лагеди, Клоога и ряд других. Всего лагерей для еврейского населения было в Эстонии около 20, в которых находилось около 12 тысяч человек, которые были привезены с Литовской, Латвийской ССР и с Румынии, Венгрии, Чехословакии, Франции и Германии.

...Вопрос: В каком лагере Вы находились, сколько в нем содержалось еврейского населения и какие зверства проявляли немцы по отношению к ним?»

Ответ: До начала октября 1943 г. я находился в лагере Вайвара, в котором отмечалось до 1000 человек; с октября 1943 по февраль 1944 г. в лагере Аувере. В связи с наступлением Красной Армии немцы все лагеря эвакуировали на запад и 4 февраля немцы пешком погнали все лагеря на запад. Я лично попал в лагерь Кивели, в котором находилось около 2000 человек. В мае месяце 1944 г. немцы с лагеря Кивели собрали около 200 человек, в число которых попал и я, и отвезли в лагерь Клоога около Таллина, в котором я находился до августа 1944 г. и в августе был перевезен в г. Лагеди, в котором находился до 18 сентября. А 19 сентября был направлен обратно в Клоогу»⁴⁸⁸.

Спустя почти полвека его брат, Бенъямин Анолик, который проделал тот же скорбный путь из гетто Вильнюса в концлагеря Эстонии, дополнил эти показания.

Нацисты поддерживали иллюзию у узников гетто Литвы, что их товарищи, вывезенные в Эстонию, работают и живут в сносных условиях. Оттуда приходили обнадеживающие письма; родственникам разрешалось

отправлять им посылки. Вот почему в первой половине 1943 г. некоторые узники ехали туда практически добровольно. На завершающем этапе ликвидации гетто Литвы этот камуфляж был отброшен и депортация осуществлялась принудительно. По данным Б. Анолика, всего в 24 концлагеря на территории Эстонии к осени 1943 г. было вывезено около 20 тысяч узников из вильнюсского гетто и около 3 тысяч из каунасского⁴⁸⁹.

С первых минут пребывания в концлагере узникам давали понять, что они обречены. У них отобрали все личные вещи; при нахождении денег и ценностей расстреливали на месте; изоляция от местного населения была полная.

Условия проживания и питания — продолжительность рабочего дня, отсутствие выходных, проживание без семей — практически не отличались от условий содержания советских военнопленных. Узники еврейских концлагерей часами проставали на плацу в ходе проверок. Унижения и избиения были нормой поведения охраны. Ежедневно проводились селекци, в ходе которых на казнь обрекались все, кто не мог выйти на работы. За малейшую провинность следовало одно наказание — смерть.

Тысячи людей умирали от голода, эпидемий и невыносимой физической работы.

Периодически узников переводили в другие лагеря. В ходе пеших переходов на расстояние 100 км в 30-градусный мороз погибали многие узники.

Большинство концлагерей находилось в лесах, на заболоченных участках. Узники выполняли самые тяжелые физические работы: корчевка леса, прокладка железных дорог, работа в сланцевых шахтах, строительство железобетонных бункеров и укреплений. Женщины должны были выполнять такую же непосильную физическую работу, как и мужчины⁴⁹⁰.

Эти концлагеря были ликвидированы нацистами буквально накануне вступления в них советских войск в сентябре 1944 г. Узники, по мере приближения фронта, частично были уничтожены, а частично перевезены на территорию рейха.

* * *

На оккупированной советской территории нацисты организовали свыше 800 гетто открытого и закрытого типов, а также сотни рабочих, десятки транзитных и концентрационных лагерей. По количеству гетто и мест принудительного содержания Россия занимает 3-е место (вслед за Украиной и Белоруссией) среди республик бывшего СССР.

По своей структуре, органам управления, степени вовлеченности в военную экономику оккупационных властей гетто значительно отличались друг от друга. Политика юденратов была направлена прежде всего на выполнение приказов военных властей с целью сохранить жизнь и обеспечить существование еврейской общины или ее частичное сохранение.

Это было (по крайней мере, на первоначальном этапе) вынужденное сотрудничество, а не коллаборационизм. Еврейские советы в чрезвычайно сложных условиях смогли наладить во многих гетто помощь узникам, обеспечить минимум продовольственного снабжения, организовать медико-санитарное обслуживание, создать новые рабочие места.

Разумеется, среди руководителей, членов Judenратов и особенно еврейской полиции были люди, вынужденно или добровольно пошедшие на сотрудничество с оккупантами. Но даже для них нацисты не делали исключений при ликвидации гетто и не сохраняли им жизнь.

Создание гетто и лагерей принудительного труда, несмотря на их очевидную ценность для германской экономики, являлось промежуточным этапом «окончательного решения» еврейского вопроса. Изоляция еврейского населения, лишение его элементарных средств к существованию, полное ограбление, жестокая эксплуатация были звеньями этой единой политики.

Значительный объем конфискованного и изъятого еврейского имущества имел огромное значение для экономики оккупационного режима (особенно в 1941—1942 гг.) и для военной экономики Германии в целом. Именно за счет «еврейского принудительного финансирования», распределения жилья и имущества оккупанты решали на захваченной территории СССР не только свои экономические проблемы, но и отчасти обеспечивали местное население.

Продовольственная проблема являлась одной из самых острых в гетто. Снабжение узников заметно ухудшилось во второй половине 1942 г. в связи с усилением трудностей со снабжением городов на оккупированной территории и лишением узников значительной части их имущества. Вместе с тем еврейское население и руководство Judenратов использовало все возможные (как легальные, так и нелегальные) средства для решения этой проблемы. Отметим и усилия окружающего населения (независимо от мотивов поставок продовольствия), ибо выполнение приказов властей о прекращении товарно-денежных отношений с еврейским населением неминуемо бы привело к физической гибели последнего.

Создание и ликвидация гетто, использование евреев в качестве рабочей силы, их перемещение в рабочие и концентрационные лагеря шли на фоне непрерывного процесса физического истребления советских евреев. Ниже мы рассмотрим ход, особенности и итоги этого небывалого в мировой истории народовубийства.

3.1. Организаторы. Палачи. Пособники

ОРГАНИЗАТОРЫ «ОКОНЧАТЕЛЬНОГО РЕШЕНИЯ»

Главным вдохновителем Холокоста на территории СССР, как и всей Европы, был лично фюрер — Адольф Гитлер. По мнению известного английского исследователя Алана Буллока, «если и существует что-то, с чем теперь ассоциируется Гитлер и нацистский режим, так это преследование евреев, кульминацией которого стало «окончательное решение»¹. Некоторые историки (например, Карл Брахер) полагают, что Гитлер с начала 20-х гг. ставил перед собой задачу истребления «еврейской расы». Большинство исследователей (сторонники так называемого «структурного» или «функционального» подхода) склоняются к тому, что это решение было сформировано постепенно, уже в ходе Второй мировой войны. Третьи, как сам А. Буллок, считают, что «только соединение отдельных элементов обоих взглядов на проблему позволяет выстроить стройную конструкцию»². В то же время в последние годы некоторые биографы Гитлера, например английский историк и писатель Д. Ирвинг (а также другие многочисленные «отрицатели Холокоста»), вообще заявляют, что Гитлер не знал об уничтожении евреев и не отдавал соответствующих приказов³.

Многочисленные исследования и публикации документов позволяют проследить эволюцию взглядов фюрера, его роль в уничтожении евреев и степень информированности о Холокосте.

Впервые заявление: «Мы уничтожим евреев» — прозвучало в беседе Гитлера с министром иностранных дел Чехословакии Хвалковским 21 января 1939 г.⁴ В своем выступлении в рейхстаге 30 января 1939 г. фюрер сформулировал задачу — уничтожение евреев как народа (с циничной оговоркой: «...если они развяжут новую войну в Европе»). При составлении плана «Барбаросса» он направил верховному командованию вермахта директиву от 3 марта 1941 г., в которой требовал ликвидации «еврейско-большевистской интеллигенции»⁵.

Эти предложения были учтены. В директиве № 21 верховного командования вермахта о подготовке нападения на СССР от 13 марта 1941 г. имелись положения, непосредственно касавшиеся и будущего уничтожения евреев:

«В районе военных действий рейхсфюрер СС (Гиммлер. — И.А.) получает от фюрера специальные задачи... которые вытекают из тотальной борьбы двух противоположенных политических систем»⁶.

В протоколе совещания в Ванзее от 20 января 1942 г., на котором обсуждался план «окончательного решения» еврейского вопроса, также содержится ссылка на «предварительное согласие фюрера» осуществить «эвакуацию» евреев Европы на Восток (т.е. перемещение их в лагеря уничтожения)⁷.

Эволюция взглядов Гитлера на возможность и время начала полного уничтожения евреев во многом зависела от хода советско-германской войны.

В западной литературе решение Гитлера об уничтожении советских евреев датируют июлем 1941 г. после крупного поражения Красной Армии под Смоленском⁸. Министр пропаганды и просвещения Йозеф Геббельс записал в своем дневнике после посещения ставки Гитлера 19 августа 1941 г.:

«Фюрер убежден, что его пророчество, сделанное в рейхстаге, сбывается... В эти недели и месяцы это сбывается с пугающей точностью... На Востоке евреи расплачиваются; в Германии они уже частично заплатили и еще больше заплатят в будущем».

В этот период времени словосочетание «на Востоке» означало только советскую территорию. В тираде Гитлера не упоминались евреи каких-либо других стран, кроме СССР и самой Германии. Но его планы относительно судьбы евреев всей оккупированной Европы, по мере усиленного «решения еврейского вопроса в Советском Союзе», становились все определеннее. 25 октября 1941 г. в своей ставке Гитлер заявил о евреях в присутствии рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера и начальника Главного управления имперской безопасности рейха (РСХА), будущего организатора Ванзейской конференции Райнхарда Гейдриха:

«На совести этой преступной расы 2 млн убитых в Первую мировую войну, а теперь еще сотни тысяч. Пусть никто не говорит мне, что мы не можем отправить их в болото. Хорошо, что нашему появлению предшествует ужас от того, что мы истребляем евреев»⁹.

Эта фраза свидетельствует, что Гитлер был в курсе отчетов айнзатц-групп об их деятельности на территории СССР. В частности, они сообщали, что многие евреи бегут при приближении немецкой армии, так как об их уничтожении становится широко известно.

Информацию о Холокосте на территории СССР фюрер мог получать не только официальным путем: один из близких родственников Евы Браун Г. Фегелейн командовал кавалерийской бригадой СС, действовавшей в 1941 г. в Белоруссии. Возможно, в этих словах нашла отражение и «внутренняя дискуссия» среди ближайшего окружения Гитлера: осуществимо ли в принципе физическое уничтожение всего еврейского народа в оккупированной Европе и не нанесет ли это ущерба престижу Германии?

Некоторые исследователи (например, Кристьян Герлах) утверждают, что это решение Гитлер принял в декабре 1941 г., после вступления в войну США, а не в октябре 1941 г. — под влиянием победоносного хода войны с

СССР, как полагают Кристофер Браунинг и Ханс Моммзен¹⁰. В любом случае, опыт «тотальной войны» против СССР, в ходе которой в массовых масштабах впервые уничтожалось мирное население, повлиял на принятие «окончательного решения». Несомненно, что в условиях Третьего рейха оно не могло быть сформулировано и осуществлено без участия Гитлера и полностью отвечало его личным взглядам и политическим целям.

Видя в евреях основу советского строя, фюрер формулировал вопрос об их уничтожении как вопрос государственный и политический, являющийся одним из приоритетных для настоящего и будущего Германии. Гитлер неоднократно подчеркивал это в своих речах (в том числе о целях нападения на СССР от 22 июня 1941 г., которую Геббельс зачитал по берлинскому радио, и 12 декабря 1941 г. — на следующий день после объявления войны США). Эта тема постоянно звучала в частных разговорах, в том числе так называемых «застольных беседах», и даже в завещании, составленном накануне его самоубийства 30 апреля 1945 г.

Центральной фигурой в проводимой нацистами политике по уничтожению евреев не только СССР, но и всей оккупированной нацистами Европы был рейхсфюрер СС Г. Гиммлер. В упоминавшейся выше директиве от 13 марта 1941 г. особо отмечалось, что «в рамках этих задач рейхсфюрер СС действует самостоятельно, на свою ответственность»¹¹.

Гиммлер не только опирался на личные указания Гитлера по борьбе с «политическими противниками» на оккупированной территории, но и формулировал (подчас сверхдетально) задачи своим подчиненным из «инициативы террора», как называли современники структуры полиции безопасности и СД.

Он лично неоднократно выезжал на оккупированную территорию СССР, где впервые наблюдал уничтожение группы евреев-военнопленных в Минске летом 1941 г. Выступая перед участниками экзекуции, Гиммлер говорил, что только «он один» отвечает за это «перед Богом и фюрером». И хотя лично ему «противно кровавое ремесло», но «человек должен защищаться от вредных насекомых, которых ему жалко»¹².

В августе 1941 г. Гиммлер отдал приказ о способах уничтожения еврейских женщин и сокрытии следов преступлений¹³. В ходе своих поездок рейхсфюрер СС проводил сравнительный анализ «решения еврейского вопроса» в тыловых районах различных групп армий и упрекал тех, кто делал это медленнее других. В апреле 1942 г. он инициировал ускорение «решения еврейского вопроса» на территории Белоруссии¹⁴. Весной 1942 г. Гиммлер отдал приказ об уничтожении женщин и детей в специальных машинах-душегубках¹⁵.

Именно Гиммлер был самым последовательным сторонником ликвидации гетто, невзирая на экономический и иные факторы. Как показал в ходе Киевского процесса начальник полиции порядка Киева Шор, в июле 1942 г. на совещании под Житомиром Гиммлер настаивал на скорейшей ликвидации узников гетто в рейхскомиссарнате «Украина»¹⁶.

Спустя год — подписал приказ об уничтожении гетто на оккупированной территории СССР¹⁷.

Неизменно в выступлениях перед высшими чинами СС и полиции безопасности Гиммлер подчеркивал, что уничтожение евреев являлось самым важным делом СС во время войны. Одну из последних речей на эту тему он произнес 17 мая 1944 г. перед старшими офицерами дивизии СС «Галичина», сформированной из жителей Западной Украины. Уже в третьем абзаце этой речи было сказано: «*Ваша страна стала еще лучше, когда лишилась, так скажу, по нашей инициативе тех жителей, которые часто «пятыши» доброе имя Галичины, а именно евреев*»¹⁸.

По инициативе Гиммлера в зоне военной администрации на оккупированной территории СССР был введен институт главных начальников СС и полиции безопасности, которые отвечали за борьбу с «врагами рейха» в тыловых районах соответствующих групп армий: Бах-Залеваки — «Центр» (до 1942 г.); Г.-А. Прютцман — «Север», а Ф. Йеккельс — «Юг» (с ноября 1941 г. он получил пост главного начальника СС и полиции Северной России и Прибалтики). На его место был назначен Прютцман, совмещавший должности главного начальника СС и полиции Южной России (до лета 1942 г., когда его сменил Г. Корземапп) и рейхскомиссариата «Украина» (до 1944 г.)¹⁹.

Именно под их непосредственным руководством летом 1941 г. началось «решение еврейского вопроса» на оккупированной территории СССР.

31 июля 1941 г., т. е. уже через 40 дней после нападения на СССР, рейхсмаршал авиации Герман Геринг дал следующее поручение начальнику РСХА Р. Гейдриху:

«...провести необходимую организационную, техническую и материальную подготовку для всеобщего решения еврейского вопроса на территории Европы, находящейся в сфере германского влияния».

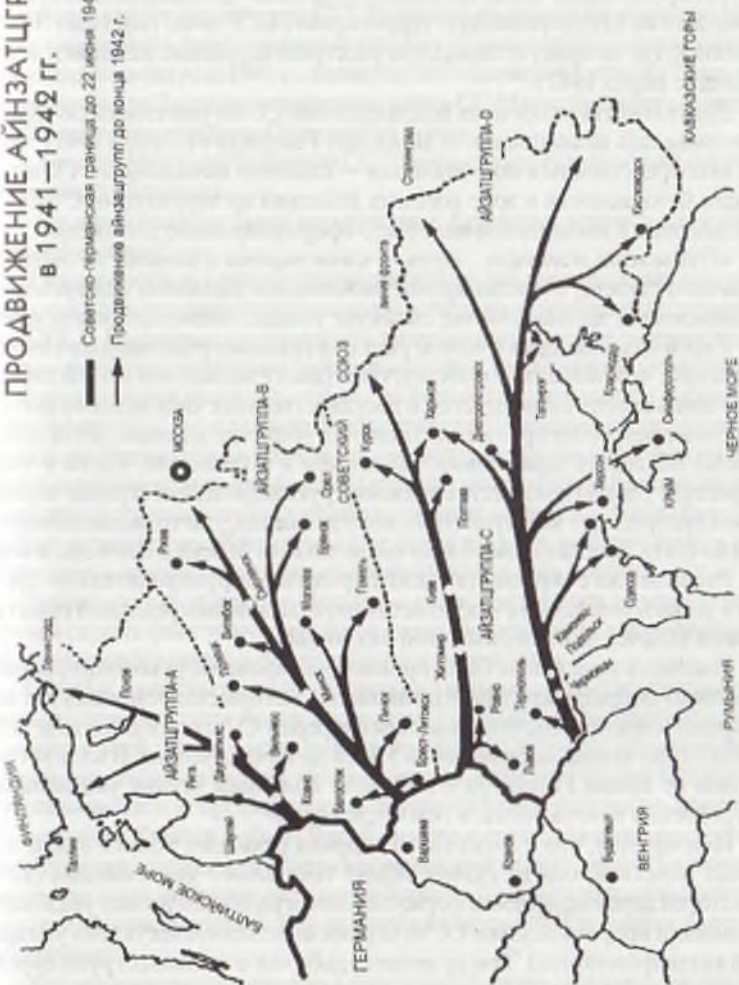
Геринг являлся в тот период «ответственным за 4-летний план» и вторым лицом в политической и военной элите Германии. Именно ему фюрер в начале 1939 г. поручил подготовить меры к выселению евреев Германии (соответствующий приказ Геринга от 24 января 1939 г. был адресован тому же Гейдриху)²⁰.

Последний напрямую подчинялся Гиммлеру (РСХА играло ключевую роль в структуре СС), но данный приказ Гейдрих получил по линии политического и государственного руководства страны, что подчеркивало его особую роль как своего рода «государственного заказа». Таким образом, «решение еврейского вопроса» на территории СССР изначально приобрело характер одной из важнейших стратегических задач.

Гейдрих (вплоть до проведения им Ванзейской конференции в январе 1942 г.) и руководитель «еврейского отдела» РСХА штурмбальфюрер СС Адольф Эйхман стали главными разработчиками этого плана. На

ПРОДВИЖЕНИЕ АЙНЗАТЦГРУПП В 1941—1942 гг.

- Советско-германская граница до 22 июня 1941 г.
- Продвижение айнзацгрупп до конца 1942 г.

суде в Иерусалиме в 1961 г. Эйхман утверждал, что слышал в октябре 1941 г. от Гейдриха о приказе Гитлера осуществить «окончательное решение»²¹. Именно Эйхман (особенно после уничтожения Гейдриха чешскими патриотами в Лидице в начале лета 1942 г.) являлся основным «куратором» плана «окончательного решения». Эйхман неоднократно приезжал на оккупированную территорию СССР, в частности во Львов и Минск, где он присутствовал при расстреле еврейских женщин и детей в начале марта 1942 г.²²

Деятельность различных подразделений СС по уничтожению евреев основывалась на специальной директиве Гейдриха от 2 июля 1941 г. своим непосредственным подчиненным — главным начальникам СС и полиции безопасности в зоне военных действий на территории СССР. В ней впервые в письменном виде было сформулировано положение:

*«Подлежат экзекуции... евреи — члены партии и занятые на государственной службе, а также прочие радикальные элементы (диверсанты, саботажники, пропагандисты, снайтеры, убийцы, поджигатели и т.п.)»*²³.

Евреи названы здесь в одном ряду с активными участниками Сопротивления, что позволяло впоследствии (ввиду выделения в этой директиве лишь евреев-коммунистов и государственных чиновников) любые массовые репрессии против них (включая убийство женщин, детей и стариков) объяснять диверсиями, саботажем и поджогами. Евреи в этой директиве упомянуты вместе с высшими руководителями страны, партии и международного коммунистического движения, уничтожение которых могло стать достижимым только после захвата Москвы и победы в войне. Расправа же с евреями (а также партийными руководителями среднего звена и советскими «активистами») становилась реальной практической задачей уже с первых дней оккупации.

Именно в этом ключе были проинструктированы руководители специальных подразделений (айнзатцкоманд), которые подчинялись как непосредственно РСХА, так и высшим фюрерам СС и полиции в зоне действия групп армий, собиравшие за 5 дней до начала войны. В ходе встречи они от имени Гимmlера и Гейдриха получили устные указания об истреблении врагов рейха, в том числе евреев²⁴.

Подчеркнем, что в директиве Гейдриха речь идет только о зоне военных действий; она не ставит задачу тотального уничтожения (хотя некоторая двусмысленность формулировок и наличие «устных указаний» позволяли подразделениям СС не ограничиваться «экзекуцией» указанной категории евреев). Тем не менее судьба как отдельных групп еврейского населения (дети, женщины, старики), так и тех евреев, которые оказывались с конца лета под юрисдикцией передаваемых военными гражданской администрации, была не вполне ясна.

По мнению некоторых зарубежных исследователей, командиры айнзатцгрупп вряд ли могли самостоятельно расширить круг уничтожаемых ими евреев (т.е. не только членов партии и государственных слу-

жащих), но в вопросе выбора конкретных жертв и последовательности их уничтожения имели определенную тактическую самостоятельность²⁵.

Отсутствие четкого приказа (не только письменного, но и устного) сказывалось на организации и осуществлении плана решения «еврейского вопроса» на территории СССР. Одним из немногих документальных свидетельств, отчасти разъясняющих планы высшего нацистского руководства в августе 1941 г., является любопытная переписка Гимmlера и командира 2-го кавалерийского полка СС Магилля, действовавшего в Белоруссии в районе Припятских болот.

1 августа 1941 г. рейхсфюрер СС Гимmlер отдал следующей секретный приказ Магиллю:

*«Все евреи должны быть расстреляны. Еврейских женщин надо загонять в болота»*²⁶.

В этом коротком приказе сформулированы два очень важных положения, отражающих развитие плана «окончательного решения» на территории СССР. Во-первых, о поголовном уничтожении женщин говорится как о само собой разумеющемся факте. Во-вторых, предложение уничтожать именно в болотах свидетельствует, на наш взгляд, не только о садизме рейхсфюрера СС, но и о попытке навсегда скрыть следы преступлений. В период «победоносного» этапа войны нацистское руководство вряд ли беспокоила реакция советских властей (се всегда можно было объявить «большевистской пропагандой») или общественное мнение на Западе (как показали дальнейшие события, там еще более двух лет не будут верить информации о планах нацистов уничтожить всех евреев Европы).

Вероятно, выбор места — болота — объясняется прежде всего стремлением скрыть факт уничтожения от своих будущих жертв-евреев. Впрочем, нельзя исключать и более дальновидные планы.

С 1943 г. нацисты по приказу того же Гимmlера будут всячески стремиться стереть с лица земли следы преступлений на советской земле. Именно с этой целью была создана «команда 1005» под руководством одного из самых зловещих палачей евреев Украины Пауля Блоббеля, участвовавшего в организации и осуществлении расстрела десятков тысяч евреев Киева в Бабьем Яре. Гимmlер и его подчиненные прекрасно понимали, что как для успеха «решения еврейского вопроса» в настоящем, так и для оправдания своих действий в будущем желательно скрывать следы преступлений. Вот почему уже летом 1941 г. возник вариант с болотами²⁷.

Как же выполнялся приказ Гимmlера? В своем ответном рапорте в Берлин от 12 августа штурмбанфюрер СС Магилль докладывал о попытке выполнить этот несколько странный приказ в ходе акции на Припяти с 27 июля по 11 августа 1941 г.:

«Практика загонять женщин и детей в болота не дала ожидаемого результата, потому что болота не настолько глубоки, чтобы человек

мог в них утонуть. Этому препятствовало также то, что на глубине примерно метр была твердая почва»²⁸.

Обратим внимание, что в ответе Магилля фигурируют не только женщины. В нем (впервые в известной нам переписке) упоминаются и дети. Этот факт можно рассматривать как свидетельство устного приказа о «поголовном» уничтожении. Думается, что ответ Магилля и приведенные ниже свидетельства о принятии решения по расстрелу еврейских детей в Белой Церкви служат веским доказательством, что именно в середине августа 1941 г. нацисты перешли от **массового** уничтожения советских евреев (в основном мужчин) к **тотальному** истреблению **всех** евреев (включая женщин, детей и стариков) в том или ином населенном пункте. Попятно, что огромная территория СССР и относительно немногочисленное количество палачей не могли решить эту задачу одномоментно. В ряде регионов (Эстония, Крым), а также в военной зоне оккупации и в сельской местности еврейские общины были уничтожены, как правило, в первые недели и месяцы после захвата их гитлеровцами.

Особую роль в организации уничтожения евреев СССР играло верховное командование вермахта. В изданных в апреле 1941 г. «Директивах о поведении войск в России» евреи были выделены (наряду с «коммунистическими подстрекателями» и «партизанами») в качестве объекта для «решительного и энергичного» обращения²⁹. 19 мая 1941 г. появилось специальное распоряжение начальника штаба верховного главнокомандования вермахта Вильгельма Кейтеля, казненного в 1946 г. по приговору Нюрнбергского трибунала. В нем говорилось о необходимости «*строгих и решительных мер против большевистских агитаторов, партизан, саботажников и евреев*»³⁰.

При этом евреи (независимо от возраста, пола, служебного положения) выделялись в особую категорию потенциальных врагов в ходе тотальной войны двух систем.

В литературе иногда высказывается мнение, что уничтожение евреев СССР проводилось на основе директивы к плану «Барбаросса» от 6 июня 1941 г. (так называемый «приказ о комиссарах»), в которой говорилось о необходимости выявления и ликвидации «комиссаров», т.е. политических руководителей любого звена в составе Красной Армии³¹. Ряд историков Германии в 50—70-х гг. доказывали, что этот приказ вряд ли был широко известен в войсках либо даже вообще доведен до них. Их аргументом служит тот факт, что уже спустя два дня тогдашний начальник штаба вермахта Вальтер фон Браухич сделал дополнение, что уничтожению подлежат только те комиссары, которые будут замечены во враждебных действиях и что их экзекуции должны происходить «вне зоны боевых действий». Этот суперсекретный приказ о комиссарах рассылался только командующим армиями и флотами, а до остальных командиров доводился устно. Кроме того, он был отменен летом 1942 г.³²

Тем не менее этот приказ был хорошо известен эсэсовским подразделениям, которые рассматривали евреев как важнейших политических врагов рейха и источник всего сопротивления захватчикам. Его наличие предопределило позицию вермахта по оказанию всяческого содействия спецподразделениям по уничтожению «потенциальных противников», среди которых евреи занимали особое место. Данный приказ, несмотря на всю важность приравнивания евреев—служащих и коммунистов к политическим врагам рейха, нельзя считать одним из основополагающих для всех подразделений военной и карательной систем Германии, участвовавших в Холокосте на советской земле. Тем не менее он непосредственно сказался на судьбе всех евреев-военнопленных, которые, наряду с комиссарами, подлежали уничтожению.

В начальный период войны именно вермахт занимался выявлением и уничтожением комиссаров и евреев, попавших в плен. 17 июля 1941 г., согласно договору между шефом полиции безопасности и главным штабом вооруженных сил вермахта, были подписаны «Директивы по назначению в лагеря военнопленных команд шефа полиции безопасности». В них формулировалась задача выявлять «всех евреев» и «фанатичных коммунистов». Члены айнзатцгрупп получили доступ в лагеря военнопленных лишь в августе 1941 г.³³ Верховное главнокомандование вермахта и командующие ряда армий, действовавшие на разных направлениях, в течение осени 1941 г. выпустили как минимум четыре распоряжения, непосредственно касавшиеся судьбы евреев. Кейтель в приказе от 12 сентября 1941 г., где имелся специальный раздел «Евреи на оккупированной территории», не только фактически повторял свою майскую директиву, но и особо выделял евреев:

«Борьба с большевизмом требует принятия безжалостных и энергичных действий, в первую очередь, против евреев».

Командующий 6-й армией Вальтер фон Рейхенау 10 октября 1941 г. призывал солдат «глубоко осознавать... необходимость наказания евреев». Как будет показано ниже, именно в его армии еще в августе возникли некоторые трения между армейскими командирами и сотрудниками служб безопасности. В приказе командующего 11-й армией Эриха фон Манштейна от 20 ноября 1941 г. говорилось:

«Немецкий народ ведет смертельную борьбу с большевистской системой... Евреи осуществляют связь между врагом в тылу и еще воюющими остатками Красной Армии и красного руководства. Они крепче, чем в Европе, держат в своих руках все ключевые посты политического руководства и администрации, торговли и ремесел и являются зачинщиками всех беспорядков и неповиновений. Нужно раз и навсегда искоренить еврейско-большевистскую систему»³⁴.

Сослинение идеологических и расистских лозунгов пронизывало все пропагандистские призывы, адресованные солдатам вермахта. «Еврейский вопрос» неизменно занимал в них важное место. Начальник гене-

рального штаба сухопутных войск Франц Гальдер обосновывал отказ от военного судопроизводства по отношению к «подозрительным лицам» тем, что каждый из них — потенциальный «носитель еврейско-большевистского мировоззрения»³⁵.

Таким образом, почти все ведущие немецкие военачальники в той или иной степени инициировали жестокое поведение войск против всего мирного населения на оккупированной территории. Тема беспощадной борьбы с евреями звучала рефреном во всех этих приказах. Они не появились одновременно — в развитие какой-либо директивы «сверху». Но их издание именно осенью 1941 г. — когда злоеющая машина уничтожения «на Востоке» начала функционировать с наибольшей производительностью — наводит на мысль о том, что превентивная «разъяснительная работа» была необходима в условиях массового привлечения воинских частей к исполнению вспомогательных, а подчас и прямых, операций по уничтожению советских евреев.

Результаты такой политики сказались незамедлительно. О степени вовлеченности вермахта в уничтожение евреев в первые три месяца после начала войны косвенно свидетельствует приказ командующего группой армий «Юг» Карла фон Рунштедта от 24 сентября 1941 г., разъяснявший, что задача преследования евреев «как элементов, враждебных рейху», лежит исключительно на зондеркомандах, и запрещавший «индивидуальные акции» военнослужащих либо их участие в «эксцессах местного украинского населения»³⁶.

Примечательно, что данный приказ никак не запрещал участие (помощь) военнослужащих в действиях зондеркоманд. Лишь в единичных случаях, в первые месяцы войны, армейские командиры пытались противодействовать хотя бы уничтожению детей.

В зоне, подконтрольной начальнику тыла группы армий «Юг», вопрос о судьбе еврейских детей возник после доклада доктора Ройсса, католического священника при 295-й пехотной дивизии, датированного 20 августа 1941 г. В документе говорилось о событиях в украинском городе Белая Церковь Киевской области:

«Сегодня, во второй половине дня, около 14.30 к евангелическому полковому священнику и ко мне пришли полковые священники Тевс и Вильчек, военный госпиталь 4/607, и сообщили следующее:

Немецкие солдаты обратили их внимание на то, что в одном доме в невыносимых условиях заперты еврейские дети в возрасте от нескольких месяцев до 5 или 6 лет, чьи родители будто бы расстреляны...

Во дворе перед домом, у которого были отчетливо слышны плач и стоны детей, находился часовой украинской полиции с винтовкой, ряд немецких солдат и молодых украинских девушек. Мы сразу беспрепятственно прошли в дом и обнаружили в двух помещениях около 90 (у меня было время подсчитать) детей в возрасте от нескольких месяцев до 5, 6 или 7 лет.

...Оба помещения, в которых размещались дети — к ним примыкало пустое третье помещение, — были в очень грязном состоянии. Дети лежали или сидели на полу, который был покрыт их выделениями. Мухи сидели большей частью на ногах и животах полуодетых детей. Несколько больших детей (2, 3, 4 года) соскребали со стен известку и ели ее.

...Присутствовавшие во дворе немецкие солдаты рассказали нам, что они здесь расквартированы (в доме поблизости) и со вчерашней половины дня слышат непрерывный плач детей. Под вечер вчерашнего дня уже уехали 3 грузовика с детьми. При этом присутствовал чиновник СД. Шофер грузовика им рассказал, что это дети уже расстрелянных евреев и евреек, которых также повезли на расстрел; расстреливает детей украинская милиция (полиция. — И.А.)».

Отметим, что священнослужитель не высказывал никакого отношения к уничтожению детей. Он обращал внимание на то, что этот факт вызывает повышенный интерес солдат; дом не охраняется немцами и беспрепятственно посещается всеми желающими; предупреждал об угрозе эпидемии.

Получивший этот документ начальник штаба 295-й дивизии подполковник Г. Гроскурт в тот же день изложил вышестоящему начальству ход событий. Прежде всего он пытался выяснить у штабс-майора СД и фельдкоменданта вопрос о наличии «приказа высшего ведомства устранить также детей (выделено нами. — И.А.)».

Последний заявил, что «он убежден в правильности и необходимости этого приказа». Вот как описывает Гроскурт последующие события:

«Я потребовал оценить дом так, чтобы войска не имели возможности наблюдать эти события, которые уже вызвали сильную критику среди частей... Далее я потребовал, чтобы вывоз на расстрел был произведен незаметно...

Я заявил, что немедленно информирую группу армий для получения решения, следует ли продолжать расстрел детей...»

Представители СД хотели начать расстрел немедленно, но признали, что командир дивизии «является старшим гарнизонным начальником и может отдавать любые распоряжения», потребовав при этом «письменный приказ».

«Мне было ясно, что остановка мероприятий приведет к осложнениям с политическими ведомствами, и я хотел этого по возможности избежать».

Начальник зондеркоманды вплоть до вечера «выпрашивал письменный приказ» о приостановке расстрела, но так его и не дождался. Отношения офицеров армейских и карательных органов накалялись. Вот как описывает их Гроскурт:

«Я заявил, что настаиваю на своем распоряжении и в случае необходимости силой добьюсь его выполнения... Около 20.00 поступило решение армии отложить дальнейшее исполнение. Тем временем под вечер уже один грузовик был загружен детьми».

Таким образом, расстрел удалось отложить. Детей сняли с грузовика, дали им воду и хлеб. Утром состоялось совещание старших офицеров дивизии с участием штабскапитана П. Блоббеля и офицера военной разведки (абвера) Люляя. Обсуждалось прежде всего поведение священников, которым, по мнению Люляя, «лучше заботиться о душах солдат», а весь инцидент был расценен как «вынюхивание, чтобы что-нибудь пайти».

Далее фельдкомендант *«попытался перевести дело в идеологическую область и устроить дискуссию по принципиальным вопросам. Он заявил, что уничтожение еврейских женщин и детей считает крайне необходимым, все равно в какой форме оно проводится...»*

К этому мнению присоединился штабскапитан и добавил, что будет лучше, если подразделение, которое проходило, само произведет расстрелы, и чтобы командиры, которые задержали мероприятие, сами возглавили это подразделение. Я в спокойной форме отверг этот замысел...»

В заключение рапорта подполковник высказал три замечания: о воздействии на войска зверского обращения с безоружным населением, которое напоминает «зверства противника»; о необходимости проводить их «в стороне от войск»; и то, что дети «для предотвращения бесчеловечных мучений» должны расстреливаться вместе с родителями. Вскоре этот «практический совет» — «образец гуманизма» был приведен в исполнение. И не только в Белой Церкви.

Генерал-фельдмаршал фон Рейхенау, которому пришлось решать столь ценный вопрос, 26 августа 1941 г. составил свои замечания к рапорту Гроскурта. Он подчеркнул тот факт, что руководство дивизии само приостановило расстрел и лишь затем обратилось к нему. Рейхенау согласился, что такая акция должна быть проведена «только целесообразным образом» и отдал соответствующий приказ. Однако фельдмаршал счел категорически «неуместным и нецелесообразным» сравнение уничтожения женщин и детей «со зверствами противника», к тому же «в открытом письме, которое прошло через многие руки»³⁷. Видимо, последнее обстоятельство казалось Рейхенау более важным, чем моральное состояние войск.

Этот и некоторые другие робкие протесты, выраженные в осторожной форме недоумения в связи со способами казни и «злоупотреблениями местной полицией», отражают понимание армейскими командирами того, что данный вопрос «является политическим», и слабую надежду, что высшее армейское руководство их поддержит. В определенной степени процитированный документ отражает противоречия между армейскими офицерами и руководителями карательных подразделений, которые открыто демонстрировали свои полномочия.

Массовые расстрелы произвели шокирующее воздействие даже на самих палачей. Генерал Бах-Залевски, организовавший экзекуцию в Минске летом 1941 г. с участием Гимmlера, писал вскоре последнему:

«Посмотрите Вы в глаза людей (зондер)команды, как глубоко они потрясены. Они искалечены на всю жизнь. Каких последователей мы себе этим делом взрастим? Либо нервных, либо жестоких людей»³⁸.

Несмотря на эти демарши, касавшиеся лишь способа убийства, нацистская машина уничтожения продолжала функционировать. Ход и результаты уничтожения советских евреев были проанализированы в штаб-квартире РСХА в Берлине и 12 сентября 1941 г. доложены нацистскому руководству в ежедневном аналитическом «Донесении о событиях в СССР» № 81. Отмечалось, что «полученный опыт подтверждает предварительные утверждения, что советская держава была еврейской державой чистой воды». Иллюстрировало этот тезис стандартное утверждение о большом числе евреев среди местных руководителей. Далее в документе говорилось, что «понимание еврейской проблемы растет с Запада на Восток», но даже на Украине, где «еврейский вопрос с благодарностью подхватывает население, оно не делает «активных шагов против евреев» и к этому его «практически нигде не удалось побудить». Эсэсовские аналитики объясняют это страхом перед евреями и оправдывают опыт публичных экзекуций и показательного этапирования евреев к месту казни по улицам городов (для развенчания демонического образа еврея как символа большевистской власти). В этих же целях к уничтожению евреев регулярно привлекалась украинская служба порядка. Констатировалось, что информация об уничтожении теперь хорошо известна евреям, значительное число которых стремится эвакуироваться. Но даже в этом нацисты видят положительный результат: избавление от евреев и переселение тысяч из них за Урал — это «значительный вклад в решение еврейского вопроса в Европе».

Этот анализ свидетельствует, что в первой половине сентября 1941 г. «окончательное решение» судьбы всех советских евреев как одномоментное уничтожение принято не было. Еще предлагались варианты возможного использования отдельных групп евреев в качестве рабочей силы. Об этом свидетельствует предложение не уничтожать на Украине еврейских колхозников (как «менее образованных»), поставив во главе таких колхозов «украинское руководство»³⁹.

В другом сводном отчете о деятельности айнзатцгрупп, датированном 3 ноября 1941 г., отмечалось, что тактика массовых расстрелов в больших городах (в отличие от сельской местности) не ведет к тотальному уничтожению, так как значительное число евреев скрывается⁴⁰.

Только весной 1942 г. командующие тылом групп армий, действовавших на Восточном фронте, отдают приказы своим подчиненным о том, что при «ликвидации евреев службой безопасности, необходимо строжайшим образом обращать внимание на то, чтобы население не видело и не слышало про это».

Данная мера была вызвана, на наш взгляд, как протестами отдельных чиновников и командиров воинских подразделений, так и выводом о нега-

тивном отношении местного населения к таким акциям. Как говорилось в одном из отчетов отдела пропаганды дистрикта «Галиция», «методы и способы выселения евреев далеко не повышали уважения к немецкой власти»⁴¹.

По-видимому, «всеобщее решение еврейского вопроса» в Европе было отложено до завершения военной кампании против СССР. Только в конце осени, когда победа казалась близкой и неотвратимой, такой план был подготовлен. Его подготовка и рассмотрение проходили на фоне непрекращающегося уничтожения советских евреев и депортации (с ноября 1941 г.) в Минск и Ригу евреев Германии, Австрии, Чехословакии.

Еще 29 ноября 1941 г. Гейдрих пригласил представителей не только СС, но и всех заинтересованных ведомств (включая министерства внутренних и иностранных дел, по делам оккупированных Восточных территорий) собраться в Берлине 9 декабря 1941 г. Однако буквально накануне встреча была перенесена (в связи с ожидавшимся вступлением в войну США и поражением немцев под Москвой) на полтора месяца.

Эта конференция состоялась в пригороде столицы рейха, на берегу живописного озера Ванзее 20 января 1942 г. В составленном Эйхманом протоколе, получившем название «Ванзейский», было зафиксировано словосочетание «окончательное решение еврейского вопроса». Протокол был послан с сопроводительным письмом от 25 января 1942 г. начальникам служб безопасности и СС, в том числе на оккупированной территории Советского Союза⁴².

В протоколе фигурируют 11 миллионов евреев Европы, с указанием их количества в каждом оккупированном, нейтральном, враждебном и союзном Германии государстве. В нем приведены данные и по территории СССР. Вряд ли можно считать эти цифры достоверными. Число советских евреев определялось в 5 миллионов человек. Как известно, эта цифра соответствует примерному количеству советских евреев к 22 июня 1941 г. Однако к началу конференции уже более 1 миллиона евреев СССР было уничтожено. Из них нацистские статистики учли результаты «окончательного решения» только по странам Балтии, причем об Эстонии — единственной стране в Европе — было сказано, что она полностью очищена от евреев («юденфрай»). Евреи округа «Белосток» (400 000) были также выделены отдельно. Как евреи Румынии учтены люди, проживавшие на оккупированной территории СССР (Транснистрия, Буковина, Бессарабия). Таким образом, около 700 000 евреев СССР указаны в Ванзейском протоколе косвенно.

К началу 1942 г. организаторы антиеврейского террора в Европе учитывали как позитивный, так и негативный опыт Холокоста на советской территории. Открытые убийства на глазах (а нередко и с активным участием) армии и местного населения были невозможны в других оккупированных странах Европы (исключением стала лишь Сербия). Поэтому для уничтожения евреев Восточной и Западной Европы стал применяться иной метод — с использованием лагерей уничтожения и газо-

ных камер. Одновременно перед нацистским руководством — особенно после поражения под Москвой и в связи с перспективой открытия второго фронта — с особой остротой встали вопросы об использовании еврейской рабочей силы и судьбе немецких евреев. Не случайно, даже в Ванзейском протоколе было зафиксировано положение об использовании трудовых ресурсов из числа узников гетто, рабочих и концентрационных лагерей, особенно при строительстве шоссе14евых дорог⁴¹.

Проведение Ванзейской конференции, в которой принимали участие бывший руководитель айнзатигруппы «В» Небе и один из высокопоставленных чиновников полиции безопасности и СД рейхскомиссариата «Остланд», сыграло важную роль в судьбе советских евреев, находившихся на оккупированной территории, и ознаменовало новый этап в их уничтожении — уже в контексте «окончательного решения» еврейского вопроса в самой Германии и Европе в целом.

Одним из важнейших организаторов Холокоста на оккупированной территории СССР являлась гражданская администрация. Именно она в наибольшей степени была заинтересована, с одной стороны, в сохранении квалифицированной рабочей силы, а с другой — отвечала за продовольственное обеспечение на оккупированных территориях и активно боролась с партизанским движением. Экономические факторы нередко оказывали сильное влияние на темпы уничтожения еврейского населения. Естественные противоречия по вопросу об использовании еврейской рабочей силы между представителями военных и гражданской администрации, с одной стороны, и полицией безопасности и СД — с другой, неоднократно приводили к конфликтам.

Так, 31 октября 1941 г. министерство по делам оккупированных Восточных территорий запрашивало рейхскомиссара «Остланда» Г. Лозе, почему он приостановил казни в Лиенае. В ответном письме от 15 ноября того же года Лозе объяснял, что они проводились без учета интересов вермахта. Он подчеркнул, что согласен с тем, как важно очистить «Остланд» от евреев, но этот процесс должен гармонично сочетаться с интересами военной экономики. В результате часть узников лиенайского гетто уцелела.

3 декабря 1941 г. Лозе направил инструкцию начальнику полиции безопасности и СД в Риге, генеральным комиссарам в Таллине, Минске, Риге и Каунасе, в которой со ссылкой на разъяснения главного интенданта вермахта в Остланде указал, что квалифицированные еврейские рабочие, занятые в мастерских и на военных заводах, «не могут быть перемещены», так как их невозможно заменить местными рабочими. Это же указание касалось и тех евреев, которые работали на военную экономику на других производствах.

Впрочем, эта инициатива вновь было остановлена ведомством Розенберга, которое разъяснило, что в будущем никакой экономический фактор не должен браться в расчет при решении еврейского вопроса.

Гражданской администрации предлагалось руководствоваться инструкциями начальника СС и полиции безопасности⁴⁴.

Отношение гауляйтера генерального округа «Белоруссия», ветерана национал-социалистической партии В. Кубе к решению «еврейского вопроса» было неоднозначным. Его мало интересовала судьба советских евреев, которых он искренне считал основной социальной базой и движущей силой партизанского движения и городского подполья. Однако к евреям Германии, которых с осени 1941 г. эшелонами доставляли в Милск, Кубе относился несколько по-другому. 16 декабря 1941 г. он обратился к своему непосредственному начальнику, рейхскомиссару «Остланда» Г. Лозе:

«Дорогой Генрих! Я прошу тебя дать официальную директиву о позиции гражданских властей относительно евреев, депортированных из Германии в Белоруссию».

Кубе, используя все возможные аргументы, отмечает, что среди прибывших есть герои Первой мировой войны и имеются даже «на 3/4 арийцы»; указывает на особую угрозу этих евреев для немцев в связи с возможностью распространения эпидемий в случае их голодной смерти.

Гауляйтер особенно подчеркивал их профессиональные качества:

«Во время нескольких официальных визитов в гетто я отметил, что среди этих евреев, отличающихся от русских евреев и своей чистоплотностью, есть квалифицированные рабочие, способные за день сделать в пять раз больше, чем русские евреи».

Кубе напомнил шефу:

«Я, безусловно, тверд в своем мнении и желаю содействовать решению еврейского вопроса, но эти люди, которые принадлежат к нашей культуре, отличаются от тупого стада местных».

Понимая, что его мнение вряд ли повлияет на тех, кто принимает решение, Кубе просит не использовать его подчиненных для акций, а возложить их на «штовцев и латышей, которые чужды и местному населению»⁴⁵.

Разумеется, положительного решения принято не было. Весной 1942 г. транспорты с евреями из Германии и Австрии расстреливались в Милске сразу же после прибытия. Однако, пользуясь своим служебным положением, Кубе стремился сохранить жизнь хотя бы тем людям, которые непосредственно обслуживали нужды генерал-комиссариата. Его позицию в 1942—1943 гг. лучше всего характеризуют «протокольные записки» начальника полиции безопасности Минска Э. Штрауха (в начале войны он был командиром зондеркоманды-2 в составе айнзатцгруппы «А»).

Впервые он прибег к этой разновидности доноса 5 марта 1942 г., когда Кубе набросился на него в гетто с ругательствами (в присутствии узников, что особенно задело Штрауха) и отказывался выдавать для казни немецких евреев (в этот день в минском гетто проводились массовые расстрелы). 18 апреля того же года Кубе протестовал против того, что из гетто в тюрьму по городу вели избитых и окровавленных мужчин и женщин.

В доносе приводились слова Кубе (совпадающие с его позицией, изложенной в письме Лозе): он был согласен с уничтожением местных евреев, но не немецких. При этом использовал и новый аргумент — о невозможности их связи с партизанами, так как они «не знают языка, не могут быть полезны для банд». В доносе приводился и такой факт, дискредитирующий гауляйтера: 20 октября 1942 г. Кубе в гетто долго беседовал с одним немецким евреем — поэтом из Штутгарта.

Но кульминацией отношений Кубе с начальником полиции безопасности стали события 20 июля 1943 г. Штраух писал, что в этот день, согласно приказу, он около 7.00 арестовал семьдесят евреев, работавших в резиденции Кубе, и отправил их «на специальную обработку» (расстрел). Спустя три часа Штраух был вызван к Кубе:

«Гауляйтер внешне имел спокойный вид, в то время как из его слов стало видно, что он находится в чрезвычайном волнении. Он спросил меня, как я дошел до того, что арестовал работающих у него евреев... Он потребовал от меня письменного приказа. Я ответил, что мне достаточно устно-го приказа, так как я исполню его точно так же, как и письменный».

Кубе же расценил такие действия как превышение полномочий Штрауха, направленные лично против него. Примечателен детальный пересказ слов гауляйтера:

«Он не может вооружить своих людей, чтобы помешать СД проводить аресты. Он вынужден, следовательно, уступить силе.

... Он в будущем откажется от всякого сотрудничества с полицией, в особенности с полицией СД. Он не позволит, чтобы в будущем члены полиции безопасности заходили в его служебное здание».

Далее в своем доносе начальству Штраух усиливает очевидный факт «отклонения от генеральной линии» нацистов со стороны гауляйтера:

«Даже тот факт, что у евреев, которые подлежали спецобработке, согласно положению, удалялись золотые коронки, стал предметом разговора. Кубе отметил, что наши действия такого рода недостойны для немецкого человека и Германии Каппа и Гете. Если уважение к немцам будет подорвано во всем мире, то это будет нашей виной»⁴⁶.

За эти более чем смелые высказывания Кубе получил «политический выговор» от министра по делам оккупированных Восточных территорий Альфреда Розенберга. А спустя несколько месяцев он был взорван партизанами в собственной постели. Участники покушения были убиты довольно быстро...

Следует признать, что во многом благодаря Кубе (при покровительстве Лозе) эсэсовцам длительный период не удавалось ликвидировать мниское гетто — самое многочисленное и самое продолжительное по времени существования гетто на советской территории в «старых» границах. Вместе с тем он еще 10 июля 1942 г. издал циркуляр, в котором подчеркивал, что никакая экономическая польза от евреев не превышает их опасности как партизан. Аналогичную позицию он занимал в публичном вы-

ступлении по этому вопросу на апрельском совещании 1943 г. Возможно, судьба минского гетто волновала его именно в связи с пребыванием там евреев из Германии. По свидетельствам очевидцев, внешне он никогда не проявлял никакого интереса и симпатий к советским евреям, работавшим в резиденции гауляйтера Белоруссии и панически его боявшимся⁴⁷.

Таким образом, Кубе не был «хорошим фашистом», но разделял взгляды ряда военных и гражданских чиновников, в том числе своего непосредственного начальника, руководителя рейхскомиссариата «Остланд» Г. Лозе, об «умеренных способах» и «темпах» «окончательного решения».

Кубе не был одинок в попытках отстоять право на использование евреев как рабочей силы, необходимой для военной экономики. Гебитско-миссар г. Слуцка в Белоруссии осенью 1941 г. лично и с помощью подчинившихся ему жандармов пытался остановить расстрел необходимых ему евреев-специалистов⁴⁸. Его коллега в литовском городе Шяуляй длительный период препятствовал акции «по переселению» евреев гетто, ссылаясь на приказ Лозе не трогать евреев, занятых в промышленности.

Гебитско-миссар Гентц доносил из Барановичей 10 февраля 1942 г., что руководство вермахта «предпочитает евреев и не видит в них опасности»⁴⁹. Такого рода ссылки помогали подчас гражданским чиновникам мотивировать свое достаточно робкое противодействие эсэсовскому террору. Но все эти отдельные, чаще всего безуспешные, попытки воспрепятствовать массовому уничтожению евреев не могли повлиять на позицию нацистского руководства.

Подчеркнем особую роль одного из главных расистских идеологов нацистской Германии, автора антисемитского «Мифа XX века» Альфреда Розенберга. Возглавлявшееся им министерство по делам оккупированных Восточных территорий неизменно пресекало все попытки своих подчиненных (в частности, рейхскомиссара «Остланда» Лозе) приостановить уничтожение квалифицированных специалистов-евреев по «экономическим соображениям». Так, 18 декабря 1941 г. начальник политического отдела этого министерства Бройтигам проинформировал Лозе, что *«в еврейский вопрос после ряда совещаний пока что внесена ясность»*. При его решении *«в принципе не следует принимать во внимание экономические интересы. Что касается остального, то просьба все возникающие вопросы решать непосредственно с вышестоящими руководителями СС и полиции»*⁵⁰.

Обычно при рассмотрении проблем организации и осуществления Холокоста роль румынских союзников Германии отходит на второй план. Между тем соучастие Румынии в преследовании и истреблении советских евреев на первом этапе Холокоста (до февраля 1942 г.) в значительной мере оттеняет политический аспект этого тотального геноцида. Евреев, проживавших на территориях, присоединенных к СССР в 1940 г., обвинили в коллективном предательстве. Их называли «бациллами коммунизма». Маршал Йон Антонеску и его правительство, а также руководители административных образований на советской территории провозгласили

и последовательно проводили путь «очищения» от евреев методом их полной депортации и частичного уничтожения. Уже 18 июня 1941 г. на заседании румынского правительства Антонеску заявил:

«Несмотря на угрозу быть не понятым людьми, воспитанными в определенных традициях, я заявляю: я за трансфер евреев из Бессарабии и Буковины. Их нужно выдворить за границу. И пусть в истории будет записано, что мы варвары. Мне нет до этого никакого дела»⁵¹.

Еврейская община на остальной территории Румынии не подвергалась такой дискриминации и преследованиям, как в Германии и на оккупированной части СССР. Указ о создании гетто в Бухаресте не был претворен на практике. В отличие от Германии, румынское правительство (выполнив в принципе свою задачу «избавления от евреев» до реки Прут) изменило тактику после поражения немецких войск под Москвой (именно после этого физическое уничтожение евреев румынскими войсками и жандармерией было прекращено) и особенно после Сталинградской битвы, когда были предприняты некоторые шаги по сохранению жизни узникам гетто и лагерей Транснистрии. Именно отсутствием расовых мотивов в геноциде советских евреев, проводимой румынскими властями, и объясняется то, что часть их уцелела.

ПАЛАЧИ

Для организации выявления и уничтожения противников нацистов на территорию СССР были направлены четыре оперативные (айнзатц) группы («А», «В», «С» и «D»), в которые входило примерно 3000 человек. Большинство из них являлись сотрудниками полиции безопасности (гестапо и криминальной полиции), а также секретной службы (СД). 42 из 75 командиров различных подразделений айнзатцгрупп также представляли СД⁵². Все эти подразделения (18 зондер- и айнзатцкоманд) входили в состав РСХА, возглавлявшейся до июня 1942 г. Р. Гейдрихом.

Не все члены айнзатцгрупп (далее — АГ) были, как иногда считают, «профессиональными убийцами». В их составе находились водители, писари, телеграфисты. Но почти каждый из них с первых дней вторжения в Советский Союз так или иначе участвовал в убийствах. Обращает на себя внимание возраст членов АГ: от 22 до 35 лет. Все они были молодыми фанатиками, воспитанными гитлеровским режимом.

Командовали этими группами и входившими в их состав айнзатцкомандами (АК) и зондеркомандами (ЗК) высокообразованные офицеры, некоторые — с учеными степенями и званиями, чаще всего в области юриспруденции и экономики. Одним из таких офицеров в АГ «С» был бывший протестантский пастор Эрнст Биберштейн⁵³. В функции руководства АГ входила организация выявления и учета еврейского населения, его концентрация в определенных местах, создание гетто и юдепратов, подбор мест для расстрела и организация его проведения, а также

ежедневная отчетность в Берлин о «проделанной работе» с обязательной информацией о евреях. В сельской местности АГ (при активном участии местных коллаборационистов) поголовно уничтожали еврейское население с самого начала войны.

АГ «А» была самой многочисленной по составу — около 1000 человек. Ее возглавляли сначала штабсартенфюрер (полковник) СС Вальтер Шта-лекер, а затем (с марта 1942 г. после его ранения и смерти) этот пост занял бригадефюрер Хейнц Йост, бывший шеф 6-го отдела (внешняя разведка) РСХА. Группа состояла из двух ЗК (1а и 1в) и двух АК (2 и 3). Основным регионом ее деятельности являлась Прибалтика. На территории Ленинградской области (в состав которой входили также нынешняя Псковская и Новгородская области) уничтожением евреев занималась АК 1С.

АГ «В» (первоначально насчитывала 655 человек) действовала преимущественно на территории Белоруссии и Смоленской области России в районе группы армий «Центр». Ее возглавлял начальник 5-го отдела РСХА (криминальная полиция) бригадефюрер (генерал) СС Артур Небе (принимал участие в Ванзейской конференции; был участником заговора против Гитлера; казнен в 1944 г.). С октября 1941 г. его сменил штабсартенфюрер Эрих Науманн (повешен после войны). В состав группы входили ЗК 7а и 7в, а также АК 8 и 9. Ей же была придана отдельная команда «Москва», предназначенная для операций в столице Советского Союза.

АГ «С» действовала в Украине (кроме южной ее части) и насчитывала около 800 человек. Ее возглавлял бригадефюрер СС доктор Отто Раш (умер после войны в тюрьме в ходе следствия). С октября 1941 г. его заменил штабсартенфюрер доктор М. Томас. В состав этого подразделения входили две ЗК (4а и 4в) и две АК (5 и 6). Ему были приданы также одна рота 9-го резервного полицейского батальона и одна рота СС (с осени 1941 г.).

На Юге Украины и России, а также в Молдавии уничтожением евреев занималась АГ «D» (насчитывавшая около 600 человек) во главе с доктором Отто Олендорфом (был свидетелем обвинения на Нюрнбергском процессе, повешен после войны). В ее составе действовали две ЗК — 10а и 10в, а также три АК (11а, 11в и 12)⁵⁴.

В состав каждой айзатцгруппы входило примерно 350 ээсовцев, 150 шоферов и механиков, до 100 сотрудников гестапо, 40—50 работников криминальной полиции, 30—35 сотрудников СД. В состав группы входил также вспомогательный персонал: переводчики, радисты, телеграфисты — их было 10—15 человек (включая женщин)⁵⁵.

Айзатцкоманды обычно действовали в оперативном тылу групп армий, а зондеркоманды — в районах, непосредственно примыкающих к передовой. Более детально организационная структура и деятельность айзатцгрупп будут рассмотрены при освещении хроники Холокоста на территории СССР.

Кроме АГ, каждой из трех групп армий придавались по 3 охраняемых дивизии СС («Ваффен-СС»). В их состав входил пехотный полк и 3—4

батальона. Кроме того, в семи из девяти дивизий были дополнительные моторизованные полицейские батальоны из так называемой «полиции порядка» (Ordnung Police), которую возглавлял генерал Курт Далюге. Непосредственное участие в уничтожении евреев подразделения «полиции порядка» приняли только на территории СССР, хотя длительное время дислоцировались в Польше. Одним из первых на роль этих подразделений в Холокосте обратил внимание Рауль Хилберг⁵⁶.

В ходе войны число таких батальонов достигло девяти, а общее число военнослужащих в них — шести тысяч. Они активно действовали в Белоруссии, Украине, Литве (конкретные документы об участии в Холокосте этих подразделений в Северо-Западном регионе России пока не обнаружены). 101-й резервный полицейский батальон, насчитывавший около 500 человек, летом 1941 г. действовал в районе Белостока. Его состав и деятельность на основе 125 следственных дел по обвинению в военных преступлениях и преступлениях против мирного населения изучил известный американский исследователь Кристофер Браунинг в своей монографии под символическим названием «Обычные люди». По его мнению, полицейские батальоны особенно активно участвовали в уничтожении советских евреев летом—осенью 1941 г., когда их численность возросла до 33 000 человек. Впоследствии они также принимали участие в Холокосте (например, в Пинске, осенью 1942 г.), но главной их задачей стала борьба с партизанским движением⁵⁷.

Группа армий «Север» получила еще два полка: охранный из самокатных частей и полицейский. В группе армий «Центр» также был один резервный полицейский полк. Эзэсовские части тыла группы армий «Юг» усилили несколькими охранными бригадами союзников Германии, в частности венгерскими⁵⁸.

Сравнительно недавно внимание исследователей привлекло (как специальная тема исследований) деятельность жандармерии и штурманов по уничтожению евреев на территории СССР. Канадский исследователь Эрик Хаберер на примере оккупированной Белоруссии показал существенную роль этих формирований, особенно после января 1942 г.⁵⁹ Это были люди среднего возраста, преимущественно представители рабочего класса и средних слоев общества. Они также в значительной степени были пронизаны антисемитскими настроениями. Эти подразделения не инициировали уничтожение, но были его активными исполнителями. В отличие от членов айзатцгрупп, они были представлены в каждом (даже небольшом) населенном пункте, а потому являлись самыми массовыми подразделениями, принимавшими участие в Холокосте⁶⁰. Так называемая полевая жандармерия «очищала» от евреев сельскую местность в первый период войны и активно участвовала в выявлении и уничтожении евреев, бежавших из гетто и скрывавшихся в лесах в 1942—1944 гг.⁶¹

Исследования последних лет доказали, что солдаты вермахта и его командование играли самую активную (иногда — инициативную) роль при

уничтожении евреев, особенно в первый период войны. Именно вермахт в каждом захваченном населенном пункте организовывал военные комендатуры, одна из важнейших задач которых (после «ареста партизан») состояла в «изоляции евреев». Выше было показано, что создание гетто и маркировка еврейского населения проводились по указаниям военных комендантов уже в первые дни оккупации. В оперативных сводках комендатур одним из специальных пунктов были сведения о «решении» еврейского вопроса.

Особенно активным участие вермахта в Холокосте было до декабря 1941 г. В этот период гражданские органы управления и их карательные органы только складывались, а сравнительно малочисленные подразделения АГ не могли действовать на всей оккупированной территории.

В районе Слонима евреев уничтожали солдаты и офицеры 727-го пехотного полка, входившего в состав 707-й пехотной дивизии, непосредственно подчинявшейся военному коменданту Белоруссии генералу Бехтольсхайму. В октябре—ноябре войска вермахта приняла самое активное участие в уничтожении евреев в еще нескольких больших и малых населенных пунктах, включая Борисов. В 1941 г. зловещий союз регулярных войск и подразделений полиции безопасности и СД сыграл решающую роль в сроках и масштабах Холокоста, вступая нередко в противоречие с целями гражданской администрации.

Войска вермахта только в Белоруссии до декабря 1941 г. уничтожили 19 000 «бандитов и партизан», значительное число которых составляли евреи (в том числе — в Бресте и Барановичах), а в первой половине 1942 г. — около 20 000 евреев⁶².

В связи с изменением ситуации на фронте, а впоследствии — с активизацией деятельности партизан вермахт переключился на иные задачи. Однако его тыловые части продолжали активное участие в истреблении еврейского населения (так, в июле 1942 г. без согласования с гражданской администрацией они уничтожили 10 000 евреев в округе Глубокое).

Именно службы вермахта выявляли и уничтожали евреев-военнопленных вплоть до августа 1941 г., когда эти функции были переданы эсэсовским подразделениям⁶³.

Рядовых исполнителей лучше всего характеризуют их письма и дневники, захваченные Красной Армией. Осенью 1941 г. в Совинформбюро стали регулярно попадать копии дневников и писем убитых и взятых в плен немецких солдат и офицеров. В дневнике солдата вермахта и члена нацистской партии так описано отношение к евреям:

«21 июня. Мы в Модлине. Расположились в еврейском квартале. Когда видишь эти сломяющиеся фигуры, берет охота попрыгнуть за курок и расстрелять этот сброд. Ну погодите, мы еще доберемся до вас.

25 июня. Проходя Слоним вместе с Винтером, принял участие в очистке лавок и квартир. Кое-какие нужные вещи я захватил в машину.

28 июня. На рассвете мы проехали Барановичи. Город разгромлен, но еще не все сделано. Мирное население представлено исключительно еврея-

ми. Этот еврейский сброд! Что для него родная земля! Он снова возьмется за свои грязные делишки где-нибудь в другом месте. У меня руки чесались пострелять моим пистолетом по толпе. Это зачумленное стадо! Из наших командиров никто не решился отдать приказ, но я надеюсь, что скоро придут СС и выкурят их отсюда.

По дороге от Мира до Столбцов мы разговаривали с населением языком трупов. Крики, стоны, кровь, слезы и много трупов. Никакого сострадания мы не ощущали»⁶⁴.

Такие свидетельства советская пропаганда активно использовала в своих материалах для западных агентств, однако при публикации в СССР (как будет показано ниже) нередко преступления против евреев и их преследование заменяла на «зверства против мирных граждан».

Нацисты же не только откровенно писали о ненависти к евреям и участи в их истреблении, но делали «снимки на память». 24 сентября 1941 г. абвер группы армий «Юг» запретил военнослужащим фотографировать экзекуции, но приказ командующего тылом той же группы армий о запрете участвовать в массовых убийствах последовал лишь 20 марта 1943 г. (и относился уже не к антиеврейским акциям)⁶⁵.

Среди нацистов и их пособников было немало садистов, людей с нарушенной психикой, сексуальных маньяков. Едва ли не единственным случаем наказания за эти преступления является информация военного коменданта Украины от 17 июля 1942 г. о военно-судебных приговорах. В ней говорится:

«6. Один стрелок принудил 6 евреек под угрозой пистолета к половым сношениям.

За несоблюдение чистоты расы и изнасилования он приговорен к 7 годам тюрьмы с принудительными работами и 5 годам лишения прав и недостойн быть на военной службе»⁶⁶.

Нацисты убивали евреев (особенно детей) самыми зверскими способами, зачастую на спор: подбрасывая в воздух и стреляя на лету, разрубая пополам и т.д. Одним из участников акций в Смоленской области был немецкий фельдфебель, прозванный за свою жестокость Иваном Грозным, который говорил, что «кровь радостно волнует его душу»⁶⁷.

В Усвятах той же области девочка Ася, 4 лет, «целовала фашисту Карлу руки и ноги, просила оставить ее в живых. Фашист поднял ее высоко над головой и бросил с размаха в вырытую яму»⁶⁸.

Бывшая узница львовского гетто Барбара Бляй свидетельствовала 19 сентября 1944 г. о коменданте Яновского лагеря Вильгаусе:

«У Вильгауса была дочь 9 лет, она приходила к отцу в лагерь Яновский, и отец забавлял свою дочь, показывая ей свои способности: брал маленького ребенка 4 — 2 лет, подбрасывал ребенка одной рукой в воздух и другой рукой стрелял из револьвера в летающую мишень, и дочь просила снова: «Папа, еще одного, еще одного», — и отец снова начинал забавлять свою дочь»⁶⁹.

Факты уничтожения детей сухо отмечаются в отчетах айнзатцгрупп практически без комментариев. В первые месяцы войны при уничтожении безоружных женщин нацисты явно выдумывали повод для оправдания этих убийств (членство в партии, подозрение в каких-либо нарушениях, «дерзкое» поведение и т.д.). Впоследствии эти отговорки были сняты и в отчетах лишь констатировалось количество уничтоженных мужчин, женщин и детей.

Непосредственно причастны к уничтожению, особенно нетрудоспособного еврейского населения, местные структуры министерства по делам оккупированных Восточных территорий. В соответствии с указаниями А. Розенберга руководители рейхскомиссариатов «Украина» и «Остланд», а также их подчиненные активно содействовали решению еврейского вопроса на своих территориях. Редкие попытки представителей гражданской администрации оставить в живых незначительное число «полезных евреев» всегда сопровождались декларациями, что они полностью разделяют политику Гитлера в расовом вопросе.

Физическое уничтожение советских евреев румынскими оккупационными властями и подразделениями жандармерии носило массовый и тщательно спланированный характер. Оно проводилось как под руководством и с участием немецких карательных органов и вермахта, так и самостоятельно. Причем делалось это (за небольшим исключением) только на бывших румынских территориях, присоединенных к СССР в 1940 г., и в других оккупированных регионах (в частности, в Крыму). Особую роль в уничтожении евреев Кишинева и некоторых других населенных пунктов Молдавии сыграли жандармские подразделения так называемой «Железной гвардии», участвовавшие в убийствах и погромах на советской земле с июля 1941 г.

Особую роль в уничтожении советских евреев сыграли коллаборационисты и местные националисты, вопрос о деятельности которых мы рассмотрим ниже.

ПОСОБНИКИ

Прежде всего необходимо остановиться на некоторых «внутренних предпосылках» коллаборационизма, не связанных напрямую с пропагандой нацистов и их расистскими теориями.

Усиление антисемитских настроений в советском обществе в годы коллективизации и сталинских репрессий, наряду с фактическим прекращением судебных процессов против антисемитов в конце 30-х гг., являются важным фактором для понимания истории Холокоста в СССР. Необходимо подчеркнуть прямую взаимосвязь антисемитских и антисоветских, антибольшевистских настроений части общества в предвоенные годы.

Можно выделить отдельные категории людей, для которых именно евреи казались (или стали таковыми впоследствии под воздействием нацистской пропаганды) главной причиной всех их личных проблем: се-

ми, пострадавшие в период Октябрьской революции и Гражданской войны; коллективизации и голода, сталинских репрессий, в том числе — массовых депортаций накануне войны. Именно эти люди чаще всего впоследствии выдавали евреев, издевались над ними морально, принципиально не оказывали им помощь.

Особую группу составляют люди старше 50 лет (к началу войны), на глазах которых (или с их участием) проходили погромы периода революции 1905—1907 гг. и Гражданской войны в 1918—1922 гг. Ограбление, насилие, издевательства и даже убийство евреев не были для них чем-то необычным. Их социальный опыт позволял относиться к преследованию евреев как к чему-то достаточно закономерному в период военных действий и смены власти.

Другой важной предпосылкой, влиявшей на поведение всех советских граждан (как городского, так и сельского населения), был личный опыт жизни в государстве «диктатуры пролетариата». Массовые репрессии на классовой почве, создание образа «врага народа», публичное осуждение, преследование и изгнание из общества членов семей репрессированных не могли не отравить общественное сознание, прививая чувства самосохранения и невмешательства в действия властей. Не только массовые депортации реальных или потенциальных противников новой власти на аннексированных СССР с 1939 г. территориях давали повод для проведения параллелей с преследованием евреев. На глазах всего населения велась достаточно последовательная кампания по изгнанию с любых должностей и преследованию не только по классовому, но и национальному признаку (в частности, поляков).

Назначение евреев (как вследствие их лояльности, так и уровня образования) на руководящие должности среднего звена вызывало даже больший антисемитизм, чем наличие евреев в высших эшелонах власти.

Между тем процент евреев, избранных в Народное собрание Западной Украины 22 октября 1939 г., был более чем в 5 раз ниже численности еврейского населения (соответственно 2% и 10,6%)⁷⁰. В то же время здесь (как и в Западной Белоруссии) около 30% всех депортированных советской властью как «неблагонадежных и антисоветских элементов» составляли именно евреи⁷¹.

Следует подчеркнуть, что из приграничной зоны выселялись все потенциальные «враги и шпионы». Так, в циркуляре НКВД, разосланном осенью 1940 г., одной из групп потенциальных шпионов объявлялись бежавшие из Польши евреи, которые использовались гитлеровцами на принудительных работах⁷².

Вместе с тем большинство еврейского населения, особенно молодежь, активно поддерживало мероприятия новых властей, участвовало в создании ревкомов, вступало в партию и комсомол. Евреи составляли и значительную часть «восточников» — присланных из восточных районов СССР советских служащих (особенно велик был их процент среди

прокурорско-судебных работников). Под воздействием нацистской пропаганды этот факт стал одним из ключевых в изменении отношения местного населения к евреям в первые недели немецкой оккупации.

Именно «предательство» по принципу «коллективной ответственности» вменялось евреям в вину пособниками нацистов на вновь присоединенных к СССР территориях. Репрессии сталинского режима, преступления сотрудников НКВД накануне войны и массовые расстрелы заключенных, произведенные ими при отступлении Красной Армии, также были приписаны исключительно евреям. Оккупанты распускали слухи о невероятных зверствах большевиков, особенно подчеркивая роль евреев.

Это послужило одним из формальных поводов к многочисленным погромам и убийствам в городах, местечках и особенно сельской местности Западной Украины и Белоруссии, Латвии, Литвы, Буковины и Бессарабии еще до вступления или при явном попустительстве нацистов.

Последние руководствовались оперативным приказом № 1 шефа полиции безопасности и СД Р. Гейдриха от 29 июня 1941 г.:

«Стремлению к самоочищению антикоммунистических или антисемейских кругов во вновь оккупированных областях не следует считать никаких препятствий. Напротив, их следует — конечно, незаметно — вызывать, усиливать, если необходимо, и направлять по правильному пути, но так, чтобы эти местные «круги самообороны» позднее не могли сослаться на распоряжения или данные им политические гарантии.

Так как такие действия по вполне понятным причинам возможны только в течение первого времени оккупации, ...создания постоянных частей самообороны с центральным руководством пока следует избегать; вместо них целесообразно вызывать, как разъяснено выше, местные погромы»⁷³.

Почти дословно этот же тезис — с приказом «незаметно содействовать» еврейским погромам — был повторен в циркуляре Гейдриха от 2 июля 1941 г. главным начальникам СС и полиции, прикомандированным к группам армий⁷⁴.

Отметим, что такая тактика оккупантов неплохо учитывала настроения части местного населения.

В «Итоговом отчете на 15 октября 1941 г.» айзатцгруппы «А» раскрывался механизм руководства действиями коллаборационистов и приводились первые обобщающие результаты в Прибалтике:

«Для скорейшего достижения поставленной цели полиция безопасности всячески способствовала процессу самоочищения, ускоряя и направляя его в нужное русло. Важно было для будущего иметь доказательство того, что освобожденное население по собственной инициативе принимало энергичные меры против врагов — большевиков и евреев, причем не должно было быть обнаружено руководство немецких властей.

Первые эффективные результаты самоочищения были достигнуты с помощью партизан в Литве, в Каунасе. Хотя, к нашему удивлению, оказалось не так просто организовать еврейский погром в большом масштабе.

...Все операции по самоочищению прошли гладко, так как командование армии было заранее об этом уведомлено. С самого начала стало ясно, что только в первые дни оккупации возможно проведение погромов. После разоружения партизан операции по самоочищению прекратились. В Латвии оказалось гораздо труднее организовать акции самоочищения... В Эстонии, ввиду незначительного числа евреев, не было возможности провоцировать погромы»⁷⁵.

Есть основания полагать, что в этом отчете о деятельности местных пособников палачей в Прибалтике (как и в весьма пессимистических замечаниях о «недостаточной» активности местного населения в уничтожении евреев в аналогичных отчетах по другим регионам СССР) учитывались лишь те факты, когда погромы организовывались и проводились под контролем немецкой полиции безопасности. Последняя видела в действиях вооруженных националистов потенциальную угрозу оккупантам и стремилась разоружить их.

В первые дни оккупации в отдельных крупных городах (Львов, Каунас, Вильнюс, Рига) местные националисты под контролем гитлеровцев уничтожили несколько тысяч евреев, мотивируя это мстостью за преступления сталинского режима. Это уничтожение сопровождалось особо жестокими зверствами и насилиями: евреев сжигали в синагоге (Рига); убивали ломами и топили в воде (Каунас), избивали до смерти во дворе тюрьмы (Львов); насиловали и убивали в собственных квартирах (Вильнюс). Аналогичные факты зафиксированы и в других населенных пунктах. Несмотря на все ухищрения, местные жители легко увидели в этом очевидное руководство оккупантов.

Доктор Елена Буйвидайте-Куторгене писала в своем дневнике 26 июня 1941 г. о кровавых событиях в Каунасе, которые совершались по призыву созданного 23 июня 1941 г. Временного правительства Литвы (его упразднили 5 августа того же года):

*«Немцы позволяют стрелять ночью в завоеванном ими городе! Ясно, что убийцы действовали с дозволения новых хозяев!»*⁷⁶

Практически без участия нацистов были уничтожены евреи во многих небольших городах и местечках Литвы. Погромщики и убийцы, естественно, пополняли ряды литовских полицейских формирований, создававшихся под руководством Франца Лехтгалера, командира немецкого 11-го резервного полицейского батальона. Уже к концу июля 1941 г. планировалось создать 20 литовских полицейских формирований. В них служило 8400 человек. Литовские полицейские батальоны участвовали в истреблении евреев также в Белоруссии и Польше. Они несли охрану и в печально знаменитом месте массовых убийств евреев Европы — в IX форте Каунаса⁷⁷.

В небольших населенных пунктах соотношение немецких карателей (в основном офицеров) и литовских националистов, участвовавших в убийстве евреев, было 1 к 8 (и даже 1 к 45). Воспоминания уцелевших по

220 местечкам Литвы вообще не упоминают участия немцев в уничтожении евреев⁷⁸.

Несколько десятков тысяч евреев Латвии, а также других стран уничтожила латышская команда полиции безопасности и СД под руководством В. Арайса, состоявшая из членов пронацистской организации «Иерконкрусте». В нее входили около 1000 человек, преимущественно студенты и старшеклассники, а также офицеры бывшей латышской армии⁷⁹.

В воспоминаниях бывшего узника рижского гетто Макса Кауфмана «Уничтожение евреев в Латвии», выпущенной в Мюнхене в 1947 г., описываются издевательства местных националистов над евреями, доставленными в префектуру Риги в начале оккупации:

«Старых почтенных рижских евреев в подвале обливали водой и били, там же над ними цинично издевались. Из них выбирали тех, у кого были самые большие бороды, и заставляли этими бородами чистить латышам туфли... В эти дни в префектуре не было видно ни одного немца»⁸⁰.

«Еврейский вопрос» в Вентспилсе и прилегающем районе был решен под руководством полковника-лейтенанта латышской армии, начальника латышских сил самообороны Вентспилсского уезда, впоследствии — штандартенфюрера СС К. Лобе⁸¹. В середине июля 1941 г. он подписал следующий приказ:

«Немедленно арестовать всех жидов мужского пола в возрасте 16—60 (лет). Врачей и заведующих аптеками — жидов оставлять на свободе только тогда, когда невозможно замешать. У арестованных немедленно отобрать все ценности, фотоаппараты, радиоприемники, велосипеды, мотоциклы, пишущие машинки...

Под арестом жидов держать до распоряжения, а если возможно, немедленно направлять в город Вентспилс»⁸².

К середине октября 1941 г. в штате генеральной дирекции внутренних дел насчитывалось 8212 полицейских, в том числе в Риге и окрестностях — 3000. В латышской политической полиции состояло 217 человек⁸³.

Лиенайский рабочий-подпольщик Роберт Раса вел дневник. В конце 1941 г. он писал о латышских полицейских формированиях:

«Они комплекуются из самых черных стервятников. Подходящую команду им составили скудоумные подошвы, лодыри, садисты и сексуально ненормальные существа... Начались убийства, которые могут соотноситься с ужасами Нерона, творимыми в Древнем Риме»⁸⁴.

Отметим, что латышские полицейские формирования принимали участие в карательных операциях и на территории Белоруссии, в частности в минском гетто.

Первые убийства евреев в Прибалтике и Западной Украине осуществлялись местными «партизанами» и националистами, эмигрантские организации которых тщательно изучали немецкий опыт. Не случайно Организация украинских националистов (ОУН) переводила с немецкого языка распоряжения, касающиеся преследований евреев в Польше в

1939 г. ОУН рассматривала немецкий «опыт» как возможный вариант своей политики в еврейском вопросе.

Накануне войны позиция ОУН в еврейском вопросе была весьма радикальной и формулировалась определенно:

«Долгим будет обвинительный акт. Коротким будет приговор».

30 июня 1941 г. руководители ОУН — сторонники С. Бандеры — провозгласили во Львове возрождение Украинского государства. Его позицию в еврейском вопросе провозгласил глава правительства Я. Стецько:

«Москва и жидовство — главные враги Украины... Считая главным и решающим врагом Москву, которая властно удерживала Украину в неволе, тем не менее оцениваю как вредную и враждебную судьбу жидов, которые помогают Москве закрепить Украину. Поэтому стою на позиции уничтожения жидов и целесообразности перенесения на Украину немецких методов экстремизации жидовства, исключая их ассимиляцию и т.п.»⁸⁵

Показателен сохранившийся протокол заседания руководителей бандеровского крыла ОУН, состоявшегося во Львове в середине июля 1941 г.⁸⁶, где уже после первых массовых убийств евреев. Вот как его участники обсуждали судьбу евреев Украины:

«Г. Гуцало: Главное — всюду много жидов. Особенно в центре. Не позволить им там жить. Вести политику на выселение. Они сами будут бежать. А может быть, выделить им какой-нибудь город, например Бердичев.

г. Ленкавский: Охарактеризуйте мне жидов.

г. Головко: Жиды очень нахальные. Нельзя было сказать «жид». С ними нужно поступать очень остро. В центре нельзя их оставить решительно. Необходимо с ними покончить.

г. Левчицкий: В Германии евреи имеют арийский параграф. Для нас более интересным является ситуация в генерал-губернаторстве... Каждый еврей обязан был быть зарегистрированным. Их изгнали из некоторых городов, например из Кракова, переместив в другие, например в Варшаву, где создали гетто, обнеся его стеной. Они имеют кино, театры, но не имеют еды. Молодые, способные идут на работу.

Часть нужно уничтожить. Хотя и теперь уже кое-кого уничтожили... Факт, что некоторые влезли в украинскую кровь, многие женились на украинках. В Германии есть разное: полжида, четверть жида, но у нас так быть не может. Немец, который женился на жидовке, становится жидом.

г. Головко: На Украине женились на жидовках главным образом в городах.

Жидовки выходили замуж за украинцев ради выгоды. Как только украинец разорялся, они разводились. Жиды же с украинками жили очень хорошо. Мне нравится немецкий подход.

г. Гуцало: У нас есть много работников-жидов, которых даже уважают; есть даже такие, которые крестились до революции.

г. Ленкавский: *Это нужно рассматривать индивидуально.*

г. Левицкий: *Немцы используют специалистов... Мне кажется, что немецкий способ еврейского вопроса нам не очень подходит. Необходимо индивидуально рассматривать отдельные случаи.*

г. Ленкавский: *Относительно эсидов принимаем все методы, которые приведут к их уничтожению».*

Вряд ли можно согласиться с опубликовавшим этот документ Ф.Л. Левитасом, который полагает, что данный протокол свидетельствует о наличии в бандеровской части ОУН двух лагерей в еврейском вопросе: «радикального и демократического»⁸⁷. Трудно считать «демократическим» предложение о «переселении» евреев в отличие от призыва к их немедленному уничтожению. Ведь даже такое решение привело бы к их скорой гибели. Пример решения еврейского вопроса в генерал-губернаторстве (части оккупированной нацистами Польши) с созданием гетто и перемещением туда всех евреев, как первая мера по их уничтожению, выглядел тогда более радикальным, чем ситуация в Германии (где не было гетто и немецкие евреи в тот момент не преследовались так, как в Польше, имея в ряде случаев статус «полезных» специалистов). Лейтмотивом звучали тезисы о выселении и уничтожении евреев. Хорошо известное участникам совещания замечание одного из них, что уничтожение евреев уже проводится, не вызвало никакого осуждения.

Участники совещания были единодушны в том, что «от жидов нужно избавиться». Причем предложение принять все методы, ведущие к их уничтожению, исходило от профессора Степана Ленкавского, которого в современной украинской историографии называют «выдающимся деятелем ОУП»⁸⁸.

Отметим, что и другая часть руководства ОУН, поддерживавшая А. Мельника, разделяла тезис о коллективной вине евреев перед украинским народом в годы Советской власти и «радикальный» взгляд на еврейский вопрос.

5 июля 1941 г. полковник Мельник издал воззвание «Украинский народ», в котором призывал:

*«Смерть жидовским прихвостням, коммунобольшевикам!»*⁸⁹

Эти слова не расходились с делом. Местные пособники нацистов провели погромы не только во Львове (после уничтожения нескольких тысяч евреев в первые дни оккупации 25 июля в городе прошел погром под названием «Дни Петлюры»), но и в Тернополе, Станиславе и других местах⁹⁰.

Действия националистов не были стихийными и лишь отчасти организовывались оккупантами. Они имели под собой четкую «идейную» основу — заимствованный у нацистов лозунг борьбы с «жидокоммуной».

Погромы проходили и в других регионах Украины, в том числе и в пределах «старой границы». Уже летом 1941 г. вооруженные отряды украинских националистов убивали евреев-беженцев. Так, у с. Турбов на Винничине были убиты все мужчины-евреи, бежавшие из г. Ильши-

194. Попытку сжечь живыми женщин и детей здесь остановили немцы⁹¹. Жительница Каменец-Подольской (ныне Хмельницкой) области Евгения Вайсбург вспоминала:

«В июле 1941 г. в с. Кузьмин приехали вооруженные бандеровцы и объявили, что уничтожат всех мужчин из местечкового населения. Мужчины передевались в женское платье, и когда их находили, раздевали и нагих прилюдно расстреливали. Зашли в наш дом; мать, сестру и меня вывели на двор; били прикладами, а моему отцу приказали раздеться и его нагого в углу квартиры расстреляли»⁹².

Активно участвовало местное население в уничтожении евреев в Житомирской области. Газета «Наша борьба» так описывала «месть» за убийство жителей г. Овруча при отступлении Красной Армии:

«Реакция населения на бегство «красных» очень острая. В городе все евреи вырезаны поголовно, а после прихода немцев население не захотело хоронить их тела».

Независимо от немцев участвовало в издевательствах и убийстве евреев полицейское подразделение под командой Добровольского, действовавшего в районе местечка Сосновицы. Карательные подразделения, сформированные из жителей Западной Украины, принимали самое активное участие в антиеврейских акциях совместно с нацистами в восточных и центральных областях, в том числе в ходе расстрела евреев Киева в Бабьем Яре.

Как отмечалось выше, 19 августа 1941 г. местной украинской полиции было поручено произвести один из первых массовых расстрелов маленьких детей — в Белой Церкви под Киевом. 6 сентября после уничтожения зондеркомандой-4а в Радомышле свыше 1100 взрослых евреев, украинской полицией (по аналогии с событиями в Белой Церкви) было приказано убить 561 ребенка.

По сообщению руководителя ОУН в Чуднове (Диваке), 16 октября 1941 г. все евреи этого местечка (500 человек) были расстреляны украинской полицией по приказу немецкого коменданта Бердичева⁹³.

20 октября 1941 г. штаб 444-й охранной дивизии извещал, что «еврейский вопрос» на Юге Украины «решен окончательно», а «украинская полиция хорошо себя зарекомендовала при исполнении своих служебных заданий»⁹⁴.

Особенностью украинского национального движения было то, что с середины июля 1941 г. оно вынуждено было выбирать между прямым сотрудничеством с оккупантами (так поступило мельниковское крыло ОУН) и подпольными методами борьбы (на нее вступили бандеровское крыло ОУН и УПА). Как известно, оккупанты не признали и вскоре распустили новое правительство Украины, арестовали Бандеру и Стецько, уничтожили сотни их сторонников.

Под влиянием этих и других событий лидеры украинских националистов в 1942—1943 гг. вынуждены были значительно изменить страте-

гию и тактику своих действий. Сказалось это и на отношении к Холокосту. В этот период идеологи бандеровского движения формулируют принцип недопустимости дальнейшего уничтожения евреев «руками украинцев». В апреле 1942 г. Вторая конференция («провид») ОУН, констатируя «негативное отношение к жидам», признала *«нецелесообразным в данный момент международной ситуации принимать участие в антижидовских акциях, чтобы не стать слепым оружием в чужих руках»*⁹⁵. Эта резолюция косвенно признает самое активное участие в Холокосте украинских националистов в предшествующий период и объясняет изменение позиции лишь тактикой борьбы.

Однако выполнить на практике даже такое решение было крайне трудно. Члены организации, находившиеся в лесах, мало вникали в теоретические построения своих лидеров, которые одновременно призывали к борьбе с «жидо-большевизмом». Втянутые в карательные операции в составе подразделений украинской полиции сторонники ОУН и придерживавшейся менее радикальных взглядов на «еврейский вопрос» Украинской повстанческой армии (УПА) были вынуждены выполнять приказы оккупантов. Многие из них продолжали участвовать в антиеврейских акциях по собственной инициативе.

Во Львове местные полицейские формирования 1 апреля 1942 г. доставили для уничтожения в Яновский лагерь 903 человека, преимущественно женщин, детей и нетрудоспособных. Через две недели на сборный пункт и в гестапо полицейские доставили 3554 жертвы. 21 апреля — еще 1935 евреев. 13 августа 1942 г. лишь одно полицейское подразделение доставило к сборному пункту 685 евреев⁹⁶. Один из украинских полицейских признался на исповеди митрополиту А. Шептицкому (по свидетельству последнего), что только за одну ночь убил 75 евреев⁹⁷.

Многие командиры и рядовые члены отрядов ОУН и УПА, за редким исключением, преследовали и нередко уничтожали бежавших в леса евреев. В ряде случаев местные отряды украинских националистов насильно мобилизовывали в свои отряды или принимали в них бежавших от расстрела «полезных евреев»: ремесленников, врачей и медсестер. Некоторые из них были впоследствии уничтожены⁹⁸. Между тем в немецком «Сообщении из оккупированных Восточных областей от 17 июня 1942 г. № 4» говорилось, что финансирование бандеровских формирований идет из Галиции, в том числе — из гетто: *«Установлено, что даже евреи давали деньги; в основном к этому они вынуждались шантажом»*⁹⁹.

Разумеется, эти сведения, как и отдельные факты пребывания евреев, бежавших из гетто или скрывавшихся в лесах, в рядах украинских националистов в годы войны не могут быть расценены как изменение позиций сторон друг к другу в этот период.

В информации, посланной в мае 1943 г. советскими партизанами на имя Н. Хрущева и руководителя Украинского республиканского штаба партизанского движения (РШПД), говорилось:

«От бандитских рук украинских националистов много пострадало мирных жителей, в особенности поляков и евреев»¹⁰⁰.

В сообщении партизанского соединения А.А. Федорова от 21 января 1944 г. отмечались кровавые итоги деятельности украинских националистов:

«Уничтожали целиком все польское и еврейское население»¹⁰¹.

Случаи отказа в истреблении евреев носят индивидуальный характер и нуждаются в дополнительной проверке. Так, в ноябре 1941 г. сотник «Полесской сечи» Сиголенко отказался выполнить приказ капитана войск СС об участии в расстреле евреев местечка Олевска Житомирской области. Тогда нацисты мобилизовали двух старшин и 60 казаков этого подразделения, которые на следующий день приняли участие в расстреле 365 евреев¹⁰².

Позиция лидеров ОУН по «еврейскому вопросу», в частности ее бандеровской фракции, не были неизменными. В августе 1943 г. III Чрезвычайный съезд этой организации признал равноправие всех национальностей в Украине, отказавшись от принципа этнической исключительности украинцев. Во «Временных инструкциях» бандеровцев, датированных началом 1944 г., их сторонники призывались «не проводить никаких акций против жидов». Здесь же давалось и объяснение изменений в подходе: *«Жидовское дело перестало быть проблемой (их осталось очень мало). Это не относится к тем, кто выступает против нас активно»¹⁰³.*

Эти оговорки наглядно свидетельствуют, что, во-первых, изменение позиции произошло уже после практически полного «решения еврейского вопроса», а во-вторых, как справедливо отметил А.Вайс, не исключали активных действий против скрывавшихся в лесу евреев.

Не столь массово в антиеврейские акции было вовлечено население Белоруссии. И здесь они проходили по схожему сценарию. В западных областях, присоединенных в 1939 г., в некоторых городках и местечках местные жители поголовно истребляли евреев. Показателен пример в Едвабно Белостокской области, где местные жители 10 июля 1941 г. собрали всех евреев местечка и окрестных деревень на центральную площадь. Оттуда их погнали к овину, расположенному за околицей. Многие были зверски убиты по дороге. Остальные — заживо сожжены. Все это в этот день местные жители (без участия оккупантов!) уничтожили около 1600 евреев. В 1949 г. в Польше состоялся судебный процесс, в результате которого одиннадцать участников погрома были приговорены к 8—15 годам тюремного заключения и лишь один — к расстрелу. Только 60 лет спустя после трагедии власти Польши и лидеры духовенства на специальной траурной церемонии принесли официальные извинения, а президент страны Александр Квасьневский попросил у евреев прощения от имени польского народа¹⁰⁴.

В сельской местности и местечках Белоруссии местные коллаборационисты также убивали евреев. По свидетельству вышедшего из окружения лектора Брестского обкома партии Иоффе, в первые дни войны в

местечке Городище (Пинская область) «на глазах у немецких войск кулацкая банда организовала еврейский погром. 14 евреев были вырезаны у них на квартирах»¹⁰⁵.

Комиссар Лельчицкого партизанского отряда Полесской области Я. Эрлах сообщил 15 января 1942 г. в Центральный штаб партизанского движения о деятельности пособников нацистов в сентябре 1941 г.:

«Особенно большая банда организовалась в деревне Глушковичах.

...Первым шагом своей деятельности глушковичские бандиты вместе с войковичскими устроили еврейский погром. Они ограбили и вырезали все еврейские семьи, в том числе убили дикую расправу над моей матерью, которая проживала в дер. Глушковичах. В Лельчицах, собирая еврейские семьи, фашисты пропустили дом, в котором жили родители Горелики, директора МТС, члена пленума Полесского обкома партии. Однако гитлеровский агент Вырвич (проживает в Лельчицах, человек без определенной профессии) догнал и вернул немцев. Фашисты устроили дикую расправу над родителями т. Горелика, убив отца, мать и сестру»¹⁰⁶.

В одном из отчетов айзатцгрупп его составители жаловались, что белорусское население проявляет пассивность при проведении антиеврейских акций¹⁰⁷. 12 августа 1941 г. упоминавшийся выше командир 2-го кавалерийского полка СС Магилль в отчете о положении в Западной Белоруссии отмечал:

«Население в основном хорошо отзывалось о евреях. Однако оно активно помогало собирать евреев в одно место»¹⁰⁸.

Во многих городах и местечках восточных областей Белоруссии в акциях по уничтожению советских евреев, организованных айзатцгруппами, — в качестве охранников, а нередко и исполнителей — выступали местные коллаборационисты. Еще в июле 1941 г. в Минске из местных жителей был сформирован полицейский батальон службы порядка. К 1 декабря 1941 г. в генеральном округе «Белоруссия» насчитывалось уже 3682 местных полицая¹⁰⁹.

Переводчик армии группы «Центр» обер-вахмистр Зённекен случайно оказался в городе Борисове под Минском накануне карательной акции. Шокированный увиденным, в том числе активнейшим участием в убийстве евреев местных полицейских (автор ошибочно называет их «русскими»), он доносил начальству 24 октября 1941 г.:

«... Их везли к месту казни в русских машинах в сопровождении назначенных для этой цели людей из русской полиции безопасности Борисова. Поскольку их было недостаточно, то прислали подкрепление из Зембина и других отделов русской полиции безопасности. Ее служащие носили красно-белые ленты на рукавах...»

Вечером выстрелы уже слышались не только из леса. Стреляли в самом гетто и почти на всех улицах города, потому что многие евреи, спасаясь, бежали из гетто и пытались там укрыться. В этот вечер и ночью из-за неразберихи даже немцам не рекомендовалось выходить на улицу, чтобы не попасть под пули русских полицейских.

...Полицейским выдали много спиртного, иначе они вряд ли сумели бы справиться с этим тяжелым заданием! Население Борисова считает, что люди из русской полиции присвоили ценности, оставленные евреями: золото, серебро, меха, ткани, кожу и прочее — как присваивали все это и во время предыдущих расстрелов. Более того, говорят, что большинство этих полицейских — бывшие коммунисты. Но никто не отваживается донести на них, так все запуганы»¹¹⁰.

Сима Марголина из белорусского местечка Узда вспоминала:

«Рассказывали, что немец-шофер, потрясенный увиденным, потерял сознание, упал в обморок. Его тут же на «боевом посту» сменил шофер из местных жителей и успешно выполнял свою работу. Не буду называть его фамилию. У него есть дети, внуки, правнуки. И умер он благополучно, в своей постели, и был похоронен с почестями.

И еще рассказывали, что уже после погрома местный полицейский Сашка Жданович, верный подручный фашистских карателей, ходил по местечку и похвалялся, что ему посчастливилось участвовать в погроме и быть свидетелем предсмертных мук своих соседей и знакомых. С особой кровожадностью он смаковал подробности гибели молодых девушек, которых хорошо знал»¹¹¹.

Отметим, что местные коллаборационисты входили в состав некоторых подразделений айзатцгрупп и также участвовали в убийствах. Причем отдельные банды убивали и грабили евреев исключительно по корыстным, а не по идеологическим мотивам. Так, в декабре 1943 г. под Киевом была задержана банда некоего Баранова, «состоящая из предателей-мародеров», которая в годы оккупации производила расстрелы еврейского населения с последующим ограблением их квартир. Сам Баранов, рабочий из Києва, выдавал нацистам евреев, а также грабил их¹¹².

Свидетельства бывших узников об участии местного населения в уничтожении евреев достаточно многочисленны. Они вполне достоверны, когда речь идет об участии в акциях полицейских формирований. Больше противоречий при описании локальных погромов. Упомянутый выше узник львовского гетто Ф. Фридман в своих показаниях ЧГК в 1944 г. отметил, что в так называемые «Дни Петлюры» (25—28 июля 1941 г.) «мирные жители Львова участия не принимали, а попытки немцев направить украинцев и поляков на евреев не удались», а в опубликованной в 1946 г. книге эти же события описал как украинский погром¹¹³.

В отличие от Прибалтики, Молдавии, Украины и Западной Белоруссии, на территории России местное население не инициировало еврейских погромов.

В то же время члены полицейских формирований также активно участвовали здесь в выявлении, преследовании и уничтожении евреев. Сохранился любопытный документ из архива полиции г. Торонец в Калининской области от 20 сентября 1941 г.:

«По распоряжению господина коменданта...2. Сегодня представить списки евреев с указанием возраста. 3. Сегодня переселить евреев в один квартал и проверить — посят ли знаки на рукавах. О выполнении доложить»¹¹⁴.

Начальник полиции Калуги, бывший артист местного театра Леурт участвовал в избиениях и пытках своего учителя, 59-летнего дирижера А. Гутмана со словами:

«Довольно, поцарствовали 24 года, жида проклятые»¹¹⁵.

В станице Ладыженской Краснодарского края особенно запомнился очевидцам полицай Птухин, который пожом зарезал 5 человек, включая молодую женщину и ее пятилетнего сына Давида¹¹⁶.

В станице Усть-Лабинской евреев расстреливал начальник полиции Бакутин¹¹⁷.

Бывшая партизанка В. Бурносова свидетельствовала:

«Расстреливали полицай, а немцы только наблюдали. Потом немцы могли всем объяснять: «нет, это не мы жестокие, а ваши». Были в Себеже и такие, кто встречал немцев хлебом-солью»¹¹⁸.

Полицейского Дудина, убивавшего евреев Монастырщины в Смоленской области, в ходе суда над пособниками оккупантов спросили: бросал ли он детей живыми в могилу? Дудин ответил:

«Не бросал, а клал»¹¹⁹.

Самое активное участие в сожжении и расстреле евреев Велижа приняли местные полицейские под руководством своего начальника Ивана Кириенкова. На судебном процессе в марте 1960 г. он подтвердил:

«Лично стоял в цепи окружения. Я тоже стрелял наравне с другими. Стрелял и убивал. Были убиты сотни людей. Там был кошмар, описать который я не могу. У всех нас руки по плечи в крови».

Полицейские П. Сычев, Н. Пронин, С. Климашевский, также стоявшие в оцеплении, впоследствии особо отличились в поиске и уничтожении бежавших с места казни женщин, стариков и детей. На совести каждого из них — более 10 расстрелянных беглецов¹²⁰. Кириенков и Сычев были приговорены к расстрелу; еще 3 бывших полицейских были осуждены на 15 лет¹²¹.

Евреев Духовщины в той же Смоленской области убивал начальник районной полиции Шершуков¹²². Непосредственно участвовал в казни евреев Смоленска первый заместитель «начальника города» белоэмигрант Г.Я. Гайдзюк, которого видели в гетто с револьвером в руке¹²³.

Отметим, что на бургомистров и их заместителей были возложены ответственные задачи по проведению антиеврейских мероприятий: регистрация, выполнение ограничительных приказов, переселение в гетто, обеспечение его охраны, участие местных полицейских в акциях уничтожения. По мнению руководителя украинского РШПД Строкача, изложенного им в докладной записке «Об организации управления и режим на оккупированной территории» от 12 января 1943 г., одна из задач бургомистра — «проведение антиеврейских ограничений и репрессий»¹²⁴.

Практически не освещен в литературе вопрос о евреях, способствовавших нацистам в борьбе против собственного народа. Разумеется, как и среди представителей любых национальностей, такие изменники были. Как отмечалось выше, наиболее распространенным было сотрудничество с немецкими и румынскими оккупантами руководителями иоденратов и особенно начальников полиции гетто. Гестапо стремилось иметь своих осведомителей в гетто, используя ненависть отдельных узников к советским и коммунистическим функционерам. В доносах последних присутствовали и корыстные мотивы, и иллюзорные надежды сохранить свою жизнь. Передко, как и местные полицейские, отдельные представители еврейской полиции втягивались в маховик репрессий, из которого уже не было выхода.

Известны случаи, когда евреи, перешедшие в другую веру, помогали ОУН. Так, житель с. Стрибеж Житомирской области Григорий Иванович Вайсман, 1898 г.р., еврей, принявший православие в 1919 г., был осужден военным трибуналом 27 апреля 1944 г. на 20 лет тюрьмы за предоставление своей квартиры в августе 1943 г. для явок и оказание продовольственной помощи украинским националистам¹²⁵.

Нарком внутренних дел Украины сообщал Никите Хрущеву в апреле 1943 г., что руководителем «террористической банды» и одновременно немецким резидентом является уроженец Одессы, 23-летний Михаил Гершман, укрытый местной жительницей в Ворошиловградской области после ранения летом 1942 г. В августе того же года он якобы был завербован гестапо и оставлен в советском тылу под фамилией Корнаухов. В его банде насчитывалось 60 человек, в том числе 18 бывших полицейских и старост. Банда мародерствовала 2 месяца, выдавая себя за партизан. По агентурным данным, Гершман-Корнаухов собирался переселиться в форму НКВД¹²⁶.

С. Гиль приводит потрясающую историю о еврейском парне Ханме Сегале, доставшем документы на имя К. Коваленко и вступившем в отряд УПА. Одним из его первых заданий стала антисемейская акция, в ходе которой Ханм должен был участвовать в расстреле узников гетто. Впоследствии он был назначен начальником полиции в Дубровице Ровенской области, где также участвовал в уничтожении евреев. В начале 80-х гг. его опознала в Западном Берлине одна из тех, кого он насильственно угонял в Германию. Бывший полицейский в этот момент просил милостыню у стен берлинской синагоги и питался в общинной столовой. Впоследствии он был судим в Ровно и приговорен к смертной казни¹²⁷.

Владимир Фридберг также скрыл свою национальность и участвовал в казни узников смоленского гетто, за что был расстрелян по приговору военного трибунала¹²⁸.

Некоторые евреи-военнопленные, скрывшие свои фамилии, до побега к партизанам являлись полицейскими (например, бывший зам. политрука А. И. Афоньмов). В. Д. Фрукт, уроженец Бессарабии, под именем Ивана Маркевича добровольно поступил на службу к немцам и ра-

ботал в продовольственных органах с 1941 по 1944 г. Отметим, что в карательных операциях он участия не принимал. 26 июня 1943 г. в партизанском соединении А.Ф. Федорова был расстрелян немецкий шпион Давид Косов. Он попал в плен, был завербован гестапо, работал секретным агентом в Житомире. В марте 1943 г. в числе «украинских казаков» перешел к партизанам. Вместе с четырьмя другими агентами он должен был собрать разведданные и вернуться к немцам¹²⁹.

Похожая история связана с именем М. Брейтмана-Петренко. Весной 1943 г. в отряде им. Суворова бригады «Дяди Васи» был раскрыт немецкий агент, который выдал других заброшенных к партизанам выпускников диверсионной школы. Старшим группы оказался Михаил Брейтман, 1915 г.р., политрук танковой роты, попавший в плен в августе 1941 г., скрывавшийся под фамилией «Петренко» и поступивший в Минске в 46-й украинский полицейский батальон. В ноябре 1941 г. он был разоблачен командиром батальона при медосмотре и поставлен перед выбором: быть немедленно расстрелянным или работать на немцев. «Я, после некоторого колебания, согласился», — показал Брейтман на следствии. После этого он был направлен в унтер-офицерскую школу с обязательством доносить о курсантах (выдал якобы двоих, «занимавшихся грабежами»). Окончив школу в конце апреля 1942 г., Брейтман-Петренко служил начальником караула... в Доме Правительства и Доме печати. Подписку о сотрудничестве с гестапо дал 28 июля 1942 г. под № 24 (этот номер стал его кличкой). В ней содержалось обязательство «бороться против жидовско-большевистского ига».

Затем «Петренко» окончил школу гестапо № 12 под Минском, где изучал следующие предметы: немецкий язык, топографию, организацию диверсий и массовых отравлений, индивидуальный террор; способы озлобления народа; выработку характера; историю национал-социализма; методы разведки. Среди известных ему четырех курсантов школы гестапо был некто Александр, арестованный до этого по обвинению в еврействе.

Показания Брейтмана-Петренко, данные им в апреле 1943 г., очень пространны. Много сведений о расстреле евреев из минского гетто, о содержании в Тростянецком лагере евреев из Германии; об антисемитских установках в школе гестапо¹³⁰. Несмотря на все эти признания, он был расстрелян¹³¹.

Каждый такой или аналогичный случай был исключительным. Евреи-предатели практически не имели шанса спасти свою жизнь.

* * *

Участие местных жителей в выявлении скрывавшихся евреев и оказании содействия оккупантам в их уничтожении носило, к сожалению, не единичный характер. Участники полицейских формирований на всей оккупированной советской территории приняли самое активное участие в Холокосте.

Только евреев (наряду с коммунистами, сотрудниками и агентами НКВД) местные коллаборационисты уничтожали по своей инициативе еще до прихода оккупантов. Эти погромы проходили в основном на территориях, присоединенных к Советскому Союзу в 1939—1940 гг. Среди их участников было немало людей, чьих родных убили или выслали накануне войны.

Но даже у людей, которые пошли на сотрудничество с оккупантами по политическим мотивам, была возможность не участвовать в уничтожении своих сограждан. В ходе судебного процесса в 1987 г. выяснилось, что один бывший полицейский, принимавший самое активное участие в расстреле евреев Романова и Мирополя в Житомирской области, отказался расстреливать коммуниста Ожаревского. За это он и был отчислен из полиции. Вероятно, это было «самым строгим» наказанием за неучастие в убийстве неевреев. Впрочем, этот полицейский вскоре был прощен. В 1943 г. его направили в Бердичевскую полицейскую школу и присвоили звание унтер-офицера¹³².

Таким образом, даже у людей, оказавшихся причастными к массовому уничтожению, был нравственный выбор. Но отказ от уничтожения евреев мог стоить жизни. Известны случаи расстрела из-за этого украинских полицейских. Так, свидетельница Н.М. Москва показала, что летом 1942 г. во Львове «на улице под дамбой я видела, как немцы на 5 подводах везли около 80 детей. Их охранял местный полицейский. К нему подошел гестаповец и приказал убить детей. Когда тот отказался, гестаповец застрелил полицейского»¹³³.

Те же, кто вступили на путь убийства по мотивам «ненависти к жидам», уже очень скоро также участвовали в кровавых карательных операциях против представителей своего собственного народа.

Многие из них начали свой путь предателя, оказывая за вознаграждение — денежное либо имуществом задержанных — помощь оккупантам в выявлении скрывавшихся от регистрации евреев и выдаче их спасителей.

В составе местных полицейских формирований, принимавших участие в уничтожении евреев и других карательных акциях, было не более 1% местных жителей, оказавшихся в оккупации. Однако их роль в уничтожении еврейского населения СССР трудно «переоценить». Они действовали не только на территории своих республик, но и в других частях оккупированного Советского Союза (эстонские коллаборационисты — в Киеве; литовские и латышские — в Белоруссии; украинские — в Польше, латышские и эстонские — в России).

Именно эти люди, чаще всего добровольно и по собственной инициативе, не только убивали евреев, но и жестоко издевались над ними, грабили их имущество, активно выявляли скрывавшихся и бежавших из гетто.

Участие в массовом убийстве евреев помогло впоследствии многим коллаборационистам преодолеть психологический барьер при проведении других карательных операций. Некоторые из них оказались затем охранниками в лагерях уничтожения на территории Польши.

ЭТАПЫ УНИЧТОЖЕНИЯ СОВЕТСКИХ ЕВРЕЕВ

Опираясь на расчеты М.С. Куповецкого, можно предположить, что к моменту нападения Германии на СССР на территории, оккупированной впоследствии нацистами и их пособниками, проживало свыше 3 950 000 евреев — граждан Советского Союза, в том числе на территории в границах до сентября 1939 г. — 2 144 000 человек¹⁴. Все эти цифры даны без учета евреев — беженцев из Польши и жителей стран Балтии, не принявших советское гражданство.

Количество эвакуировавшихся и бежавших советских евреев с оккупированной нацистами территории СССР до сих пор остается дискуссионным. В зарубежной литературе фигурируют цифры от 1 до 1,5 миллиона евреев, оказавшихся в эвакуации. Как полагает В. Дубсон, их число составляло в 1941 г. 994 000 — 1 067 000 человек (22—23% всех эвакуированных), включая 131 000 москвичей и ленинградцев¹⁵. По другим его данным, только с оккупированной территории СССР в границах 1939 г. к середине октября 1941 г. удалось спастись 863 000—963 000 евреев¹⁶. Отметим, что эти расчеты включают и тех, кто не имел советского гражданства.

Уничтожение евреев на территории СССР отличалось темпами, масштабами и способами. Оно имело свои внутренние особенности, но было едино в главном — планомерном, открытом, тотальном уничтожении жертв под прикрытием не только расистских, но и идеологических лозунгов.

В западной и израильской историографии этапы уничтожения советских евреев обычно называют «волнами». Этот термин представляется не вполне удачным. И дело не только в его излишней образности. Предполагается, что в какие-то периоды Холокост если не прекращался, то замедлял свои темпы.

Ицхак Арад (вслед за Р. Хилбергом) выделил «три волны уничтожения» на советской территории: 1) с 22 июня по осень 1941 г.; 2) с весны до конца 1942 г.; 3) с начала 1943 г. вплоть до освобождения оккупированных территорий¹⁷.

В основу этой периодизации положены «темпы» народоубийства и (на первом этапе) их связь с климатическими условиями в СССР. Как известно, в традиционных западных оценках хода Великой Отечественной войны климатический фактор играет весьма заметную роль. Видимо, не случайно приостановление темпов уничтожения советских евреев обычно связывают с сильными морозами зимы 1941/42 г.

На наш взгляд, этот фактор не может быть единственным или даже главным критерием (попутно заметим, что замедление темпов в те или иные месяцы никогда не было одномоментным на всей оккупированной советской территории). Среди других факторов следует учитывать прежде всего изменения нацистской политики и тактики в «окончательном решении еврейского вопроса» и ход боевых действий на советско-германском фронте.

Для периодизации Холокоста на территории СССР уместно выбрать критерии, непосредственно связанные с этапами «окончательного решения». Таковыми являются следующие:

а) лето 1941 г. — январь 1942 г. (после нападения Германии на СССР и до проведения Ванзейской конференции);

б) февраль 1942 г. — осень 1943 г. (после Ванзейской конференции и до ликвидации гетто и рабочих лагерей на советской территории под немецкой оккупацией);

в) зима 1943/44 г. — осень 1944 г. (перевод уцелевших узников гетто в концлагеря и до полного освобождения советской территории).

Каждый из этих этапов имеет свои собственные вехи. Для **первого этапа** важны следующие даты — 2 июля 1941 г. (в этот день Геринг поручил Гейдриху подготовить план решения еврейского вопроса) и конец лета — начало осени 1941 г. (с этого времени истребление женщин и детей становится повсеместным). Именно в этот период уточняются задачи айзатцгрупп; войска вермахта получают письменные приказы, где особенно отмечается необходимость безжалостного отношения к евреям; их истребление носит уже не только массовый, но и тотальный характер. Наконец, в начале 1942 г. румынские оккупационные власти прекращают физическое уничтожение евреев в Транснистрии.

На **втором этапе** важен период лето — конец осени 1942 г., когда были ликвидированы большинство гетто в западных районах Украины и Белоруссии; уничтожены все зарегистрированные евреи (в гетто и вне гетто) на территории России.

Для **третьего этапа** важной вехой является весна 1944 г., когда были освобождены несколько десятков тысяч уцелевших узников Транснистрии.

Ниже мы дадим анализ хроники уничтожения евреев СССР. Нами выделено несколько регионов. Страны Балтии вошли в одну административную единицу — рейхскомиссариат «Остланд» (не считая район Клайпеды, переданный рейху). Сюда же была передана значительная часть Белоруссии.

Крым в период войны входил в состав Российской Федерации, поэтому методы уничтожения там были во многом сходны с уничтожением евреев на Юге России. Значительная часть Украины была оккупирована румынскими войсками (Транснистрия, включая Одессу, Буковина); сюда же были депортированы евреи Молдавии. Эти обстоятельства позволили нам сгруппировать сведения о Холокосте на этих территориях.

Наша цель — провести сравнительный анализ уничтожения евреев в разных регионах Советского Союза; выявить число жертв Холокоста на разных этапах и дать сводную статистику этих потерь, а также детально проследить ход и результаты истребления еврейского населения на территории России. Одна из задач — показать общее и особенное в судьбах советских евреев; проживавших в разных республиках бывшего Советского Союза.

3.2. Уничтожение евреев в Прибалтике и Белоруссии

ХОЛОКОСТ В ЛИТВЕ, ЛАТВИИ И ЭСТОНИИ

Территории Литвы и Латвии первыми из советских республик были целиком оккупированы нацистами. Они (вместе с Эстонией, захваченной полностью в сентябре 1941 г.) стали полигоном для апробации айнзатцгруппами технологии массовых казней, осуществленных в первые дни войны как оккупантами, так и местными националистами. С августа 1941 г. эти территории вошли в рейхскомиссариат «Остланд».

Подразделения АГ «А» (это была основная территория ее деятельности в 1941 г.) и частично «В», войск СС и вспомогательной полиции при активнейшем участии местных «партизан» и полицейских методично уничтожали евреев городов и местечек Прибалтики.

Хронику уничтожения жертв Холокоста целесообразно начать с *Литвы*. К моменту оккупации здесь, по разным оценкам, находилось от 225 до 265 тысяч евреев, включая 13—15 тысяч беженцев из Польши¹³⁸. Именно в Литве погибло наибольшее количество евреев в странах Балтии. Ее территория была полностью оккупирована германскими войсками уже в первую неделю войны¹³⁹, поэтому число беженцев из Литвы было крайне невелико. Под властью оккупантов оказалось не менее 220—225 тысяч евреев¹⁴⁰.

Буквально в первый день войны в районе Паланги и Кретинги оккупантами были уничтожены местные евреи. Уже 25 июня передовые части АГ «А» вместе с войсками вермахта вошли в Каунас. В ту же ночь местные националисты приступили к уничтожению евреев. 27 июня айнзатцкоманда (далее — АК) 2 вошла в Шяуляй. В Вильнюсе организатором первых убийств стали подразделения другой АГ — «В». 30 июня сюда вошла АК-9¹⁴¹.

В течение следующих полутора месяцев интенсивность уничтожения резко возросла. Общее число жертв Холокоста в Литве к середине октября составило 71 105 человек. Первые погибшие как в крупных городах, так и в сельской местности стали жертвами литовских националистов. Согласно отчету руководства АГ «А» от 15 октября 1941 г., в конце июня в Каунасе ими было убито 3800 евреев, а в других населенных пунктах — 1200. Авторы отчета особо отмечали, что командиру литовских «партизан» в Каунасе Й. Климайтису было поручено «начать погром таким образом, чтобы не было ясно, что погром проводится по инициативе или указанию немцев»¹⁴².

В «Сводном отчете об экзекуциях, проведенных в оперативной зоне айнзатцкоманды-3 на 1 декабря 1941 г.» ее командир, штандартенфюрер СС Егер сообщал:

«Еврейская проблема в Литве полностью решена. В Литве больше нет евреев, кроме работающих евреев и их семей. Всего осталось: в Шяуляе — около 4500, в Каунасе — около 15 000, в Вильнюсе — около 15 000».

В этом донесении впервые четко изложена технология народоубийства на советской земле. Поражает дотошность палача, с гордостью сообщавшего в Берлине о своей «методике»:

«...Очищение Литвы от евреев могло быть достигнуто только путем создания отборных подвижных команд под командованием оберштурмфюрера СС Гамана, который полностью поддерживает мои взгляды и сумел наладить сотрудничество между литовскими партизанами и гражданскими уполномоченными властями.

Проведение подробных акций прежде всего требовало хорошей организации. Систематическое очищение от евреев каждого района обязывало тщательно подготовиться к каждой акции и изучать местные условия. Евреев надо было сосредоточить в одном или нескольких пунктах, затем, в соответствии с их количеством, выбрать место расстрела и вырыть ямы. Расстояние от мест концентрации евреев до вырытых ям составляло в среднем 4—5 км. Евреи доставлялись на место экзекуции группами по 500 человек, расстояние между группами было не менее 2 км. Все офицеры и солдаты моей команды в Каунасе принимали активное участие в «больших акциях»¹⁴³.

С небольшими модификациями (использование грузового автотранспорта, первоначальное уничтожение мужчин; укладка жертв на трупы ранее уничтоженных) эта «технология» применялась айзатцгруппами в 1941 г. на всей оккупированной территории СССР.

В сводном отчете Егера специально было выделено число уничтоженных евреев к 1 декабря 1941 г. — 137 346 человек, включая 4 тысячи уничтоженных в Каунасе литовскими «партизанами»¹⁴⁴.

Речь идет о жертвах лишь одной айзатцкоманды и местных коллаборационистов. Они не учитывают данных за первые 2 недели войны: населенные пункты, в которых уничтожались евреи (не считая расстрелы в IV и VII фортах крепости в Каунасе соответственно 4 и 6 июля), указаны лишь с 7 июля 1941 г. Несомненно, что в данные отчета не попали сведения о десятках тысяч людей, уничтоженных другими подразделениями СС и полиции, а также вермахтом и местными жителями.

Косвенно эту версию подтверждает другой сводный отчет — о деятельности АГ «А» с 16 октября 1941 г. по 31 января 1942 г. Количество уничтоженных евреев в нем указано даже несколько меньшее — 136 421 человек, в том числе лишь 1200 уничтоженных литовскими «партизанами» в небольших населенных пунктах. Но в приложении к отчету, где дана расшифровка суммарной цифры, приводятся уточняющие сведения: только 5502 еврея было уничтожено «литовскими партизанами на границе» (с Восточной Пруссией)¹⁴⁵. Таким образом, сопоставление различных данных из немецких отчетов позволяет сделать вывод о необходимости тщательной проверки содержащихся в них сведений о числе жертв.

Уничтожение евреев Литвы продолжалось (хотя и в значительно меньших масштабах) также и в декабре 1941—январе 1942 г. Более половины всех жертв составляли женщины и дети. В телеграмме началь-

ника полиции безопасности и СД Каунаса от 9 февраля 1942 г., отосланной в штаб АГ «А» в Ригу, сообщалось, что только АК-3 уничтожила до 1 февраля 1942 г. 55 556 женщин и 34 464 ребенка¹⁴⁶.

До декабря 1941 г. в Литве было уничтожено не менее 175 000 евреев¹⁴⁷. Это позволяет предположить, что к концу января 1942 г. жертвы Холокоста составили здесь (в том числе — от невыносимых условий существования) примерно 180 000 — 185 000 человек, что составляет не менее 80% всех жертв на территории Литвы. Важнейшим результатом первого этапа уничтожения евреев республики было практически полное истребление многочисленных общин маленьких местечек. Тотальное истребление их жителей в ходе 1—2 (максимум 3) «акций» произошло уже летом — в начале осени 1941 г.

Сведения в отчете Егера о числе оставшихся в живых евреев на конец 1941 г. (около 34 500 человек) также нуждаются в уточнении. По данным И. Арада, в гетто Свенция оставалось около 500 евреев; в вильнюсском гетто проживало около 20 000, а в каунасском — 17 000 евреев¹⁴⁸. Несколько сот евреев-специалистов оставались в живых в гетто Вильнюсского края (он был передан до войны Белоруссии, но после оккупации входил в генеральный комиссариат «Литва»). Таким образом, не менее 39 000 евреев Литвы уцелели после первого этапа Холокоста только по официальным немецким источникам. Некоторые историки полагают, что число скрывавшихся людей в гетто составляло не меньшую цифру¹⁴⁹, однако серьезных документальных подтверждений этой версии не обнаружено.

Несколько тысяч из оставшихся в живых погибли от голода и болезней в гетто или были убиты с весны 1942 г. до середины осени 1943 г. (за этот период массовых акций уничтожения не проводилось). В 1942 г. были также ликвидированы еврей-специалисты и члены их семей в небольших гетто Вильнюсского края. Несколько позднее были уничтожены евреи Свенция. Все нетрудоспособные, а также старики и дети были уничтожены в Вильнюсе, Каунасе и Шяуляе осенью 1943 г., когда был осуществлен приказ Гимmlера о ликвидации гетто. Таким образом, с февраля 1942 до зимы 1943 г. в Литве погибло и было уничтожено около 25 000 евреев.

Осенью 1943 г. каунасское и шяуляйское гетто были преобразованы в концлагеря. Подавляющее большинство оставшихся в живых узников гетто Вильнюса отправили в концлагеря в Латвию (Кайзервальд/Саласпилс) и Эстонию (Клоога, Вайвара и другие). Несколько тысяч уцелевших были расстреляны летом и осенью 1944 г. в этих концлагерях (массовое убийство узников концлагеря Клоога произошло 23 сентября 1944 г.), а часть переведена в концлагеря на территории Германии, где лишь немногие смогли выжить¹⁵⁰. Таким образом, с зимы 1943/44 г. число уничтоженных литовских евреев составило более 10 000 человек.

Территория Литвы (в частности, IX форт в Каунасе) была использована как место массовых депортаций и уничтожения евреев Европы (наряду с Минском и Ригой). В конце 1941 г. сюда пришли эшелоны с 5000

евреев из Германии, Австрии, Чехословакии. В 1942—1944 гг. в IX форте уничтожили несколько тысяч евреев ряда европейских государств, в частности Бельгии и Нидерландов¹⁵¹. Около 1000 человек из пересыльного лагеря Дранси (Франция) были привезены для уничтожения в Каунас летом 1944 г. незадолго до прихода Советской Армии. В отличие от Белоруссии и Латвии, иностранных евреев привозили не в гетто, где они имели хоть какой-то шанс выжить, а сразу к месту уничтожения.

Общее число литовских евреев — жертв Холокоста составляет не менее 215 000—220 000 человек. Эти потери в процентном отношении — 95—96% довоенного еврейского населения — являются самыми большими среди всех оккупированных республик бывшего СССР, а также наибольшими среди еврейских общин всех европейских государств в границах на 1 сентября 1939 г.¹⁵² В Литве погибло 4/5 всех евреев стран Балтии.

Лишь несколько тысяч человек (по некоторым данным, 8—9 тысяч) пережили здесь Холокост, в том числе 2—3 тысячи были освобождены Красной Армией, скрывались с помощью местных жителей или сражались в партизанских отрядах. Остальные уцелели, пройдя концентрационные и трудовые лагеря¹⁵³.

Рассмотрим вопрос о числе жертв Холокоста на территории Латвии. Ее столица Рига была оккупирована войсками группы армий «Север» 1 июля 1941 г. Вскоре сюда прибыл штаб АК «А» во главе с В. Шталекером. Уже 27 июня АК-1а провела расстрелы в окрестностях Елгавы и Лиепая. 8 июля АК-1в начала операции в Даугавпилсе¹⁵⁴. К этому дню вся территория Латвии была захвачена немецкими войсками¹⁵⁵.

Самым активным образом в Холокосте в Латвии участвовали местные националисты. Некоторые историки полагают, что они лишь исполняли приказы оккупантов. Но факты говорят о другом. Члены «Перкопкрукста» 4 июля 1941 г. сожгли в хоральной синагоге Риги 500 евреев, бежавших из литовского города Шяуляй. В тот же день местными националистами в Риге было сожжено и уничтожено более 20 синагог и молельных домов¹⁵⁶. Летом—осенью 1941 г. члены отряда Арайса на специальных автобусах, окрашенных в синий цвет, регулярно выезжали в провинцию, что получило название «акции синих автобусов». Они разыскивали и убивали евреев и коммунистов в Аброне, Кулдинг, Круспилсе, Валке, Елгаве, Балви, Бауске, Тукумсе, Талси, Екабпилсе, Виляни, Резекне¹⁵⁷. Только в Виляни 4 августа 1941 г. ими было уничтожено около 400 евреев¹⁵⁸.

В расстреле евреев Вентспилса участвовали только айзарги — добровольцы из так называемой «Самозащиты» («Aizsargs»), которую гитлеровцы называли «Зелбетштутц». Их набралось около 50 человек. Некоторые из них вместе с немецкими палачами стреляли в обреченных¹⁵⁹.

Иногда в литературе высказывается мнение, что в убийстве евреев Латвии участвовали лишь «головорезы» Арайса, находившиеся в подчинении СД. Однако отчеты немецких карательных органов свидетельствуют, что в течение первых двух недель войны число латышских добровольцев,

участвовавших в убийстве евреев и советских активистов составило 12 000 человек, из которых только в Лиепайском уезде было 3000¹⁶⁰.

В начале августа 1941 г. штаб-квартира рейхскомиссарната «Остланд», который возглавлял Г. Лозе, была переведена из Каунаса в Ригу. Здесь же расположился начальник полиции безопасности и СД «Остланда». Осенью 1941 г. эту должность занял обергруппенфюрер СС Фридрих Еккельн, «отличившийся» до этого в Украине, в частности в Бабьем Яре. Перед отъездом в Ригу он побывал на аудиенции у Гимmlера, который потребовал ускорить решение «еврейского вопроса» в Прибалтике и Белоруссии и поделился идеей ликвидации рижского гетто.

Именно с реализации этого приказа Гимmlера Еккельн начал свою карьеру в «Остланде». В Румбульском лесу в пригороде Риги было вырыто три огромных ямы (советских военнопленных, занятых на этих работах, немедленно расстреляли). В конце ноября — начале декабря 1941 г. сюда стали привозить тысячи евреев. У каждой ямы располагалось по четыре стрелка-эсэсовца. Людей заставляли раздеваться и ложиться лицом вниз. Двое гитлеровцев расстреливали каждую партию, а вновь прибывших обреченных заставляли ложиться сверху на погибших. Еккельн называл этот метод «пачка сардин»¹⁶¹.

В справке о деятельности АК-2 с 2 июля 1941 г. по январь 1942 г., составленной накануне конференции в Вилзее, отражены все этапы уничтожения латышских евреев:

«К моменту вступления немецких войск в Латвию насчитывалось около 70 000 евреев... Примерно к началу октября в районе действий команды подвезли экзекуции 30 000 евреев. К этому следует прибавить еще несколько тысяч евреев, уничтоженных по инициативе самих отрядов зельштутца [латышской полиции], после того как им был сделан соответствующий намек... До конца октября сельские районы Латвии были полностью очищены.

...9 ноября 1941 г. были подвергнуты экзекуции в Даугавпилсе 11 034 еврея, в начале декабря 1941 г. в Риге, во время большой акции, проведенной по распоряжению и под руководством главного начальника СС и полиции, — 27 800 и в середине декабря 1941 г. в Лиепае, по желанию рейхскомиссара, — 2350. Остальные евреи (в Риге — 2500, в Даугавпилсе — 950 и в Лиепае — 300) были из этой акции исключены, поскольку они представляют собой квалифицированную рабочую силу, незаменимую для поддержания хозяйства, особенно военного хозяйства»¹⁶².

Таким образом, число жертв Холокоста, согласно данному отчету, к середине декабря 1941 г. составило 71 184 еврея. Но являются ли эти цифры достоверными? Ведь цитированная выше справка начинается с того, что к моменту оккупации в Латвии находилось только «около 70 000 евреев», а заканчивается информацией, что в трех гетто остается еще 3750 человек...

В последние годы многие отечественные (да и зарубежные историки) целиком полагаются на отчетность немецких карательных органов, не

подвергая их специальной проверке и сопоставлению с другими источниками. Цитированный выше документ может служить примером того, как в обобщающие справки и отчеты — по разным причинам — вкрадывались ошибки и неточности. Например, в Даугавпилсе расстреляли не 11 034, а 1134 еврея¹⁶³.

Исследования последних лет позволили уточнить судьбу евреев Лиепая и количество жертв (по данным цитированного выше документа, здесь находилось 2650 евреев). Акции лета — начала осени касались только мужчин. Женщины и дети были расстреляны 14—17 декабря 1941 г., когда число жертв составило 2749 человек (т.е. на 400 больше, чем указано в нацистском документе). Число уцелевших (собранных в гетто только 1 июля 1942 г.) составило 832 человека (т.е. почти на 500 больше)¹⁶⁴. Таким образом, в Лиепая погибло почти на 900 человек больше, чем сказано в немецком отчете.

Не всегда точны авторы справки и в датах: наиболее массовые расстрелы узников рижского гетто проводились в ночь с 29 на 30 ноября и 8 декабря 1941 г. Сведения о «нескольких тысячах» евреев, уничтоженных латышскими коллаборационистами, также нуждаются в проверке. Некоторые современные авторы утверждают, что на совести последних — несколько десятков тысяч жертв (обычно фигурирует цифра 50 000). Если даже допустить, что в это число входят погибшие евреи рижского гетто (по данным генерального комиссара Латвии Дрекслера, на 20 ноября 1941 г. там находилось 29 600 человек)¹⁶⁵, то местные пособники наладчей уничтожили в латышской провинции свыше 20 000 евреев. Вполне вероятно, что определенное количество этих жертв АГ «А» также «записала» в свой актив.

Между тем только в Риге, Даугавпилсе и Лиепая в оккупации оставалось 54 — 56 тысяч евреев (соответственно свыше 35 тысяч; 14 — 16 тысяч и свыше 7 тысяч человек)¹⁶⁶. Следовательно, только в этих городах в 1941 г. погибли 52 — 54 тысяч евреев. Таким образом, число погибших евреев Латвии за период до Ванзейской конференции составляет как минимум 72—74 тысячи человек.

Оккупационные власти приняли в этот период несколько весьма своеобразных мер по «защите арийской крови». По приказу Еккельна была проведена стерилизация сотен латышских женщин, состоявших в браке с евреями. Несколько десятков мужчин-полукровок были кастрированы. Именно в Риге были впервые в истории Холокоста (23 октября и 21 ноября 1941 г.) массово расстреляны евреи — подданные нейтральных стран (Ирана, Южной и Северной Америки, включая США)¹⁶⁷.

С декабря 1941 г. рижское гетто стало местом концентрации и последующего истребления евреев из Германии, Австрии и Чехословакии. Только в декабре 1941 г., согласно немецким документам, сюда было направлено 19 тысяч человек. Всего же через гетто Риги прошло 25 тысяч евреев из других стран¹⁶⁸. Таким образом, этот город стал местом наиболее массового уничтожения иностранных евреев на территории СССР.

На следующем этапе — до осени 1943 г. — число жертв составило около двух тысяч человек. В октябре 1943 г., после ликвидации гетто в Латвии, уцелевшие узники были переведены в концлагерь Кайзервальд (Саласпилс), пригород Риги. Туда же в товарных вагонах привезли около 800 уцелевших евреев из лиепайского гетто. Большинство из них были расстреляны накануне прихода Красной Армии или отправлены в лагерь смерти Освенцим, а часть увезена в концлагерь Штутгоф в Германии. Оставшиеся были распределены по различным концлагерям на территории Латвии и Эстонии¹⁶⁹.

Последние евреи на территории Латвии (около 300 человек) были расстреляны в самом конце войны — в мае 1945 г. в Лиепае, куда они были направлены из Риги на строительство оборонительных сооружений весной 1944 г.¹⁷⁰

Общее число жертв среди советских евреев на территории Латвии (с учетом беженцев из Шяуляя и других городов Литвы) составляет около 77 000 человек¹⁷¹. Сумели пережить Холокост лишь несколько сот латышских евреев, оказавшихся на оккупированной территории.

В отличие от Литвы, «еврейский вопрос» в Латвии был практически решен еще до Ванзейской конференции. Численность оставшихся в живых узников гетто была минимальна. На территории республики также уничтожали иностранных евреев и создавали концлагеря для трудоспособных евреев после ликвидации гетто. Небольшое количество латышских евреев (как и эстонских) использовали на принудительных работах на территории России.

В Эстонии, материковая часть которой была оккупирована к 5 сентября¹⁷², более половины немногочисленного еврейского населения успело эвакуироваться. АК-1а появилась здесь только 10 июля¹⁷³.

В упоминавшемся выше отчете АГ «А» от 15 октября 1941 г. говорилось:

«Осталось около 2000 человек, только в Таллине — около 1000 евреев. Арест всех евреев мужского пола в возрасте старше 16 лет почти закончен. Все они были уничтожены эстонскими силами самообороны под руководством зондеркоманды-1а. Исключение было сделано только для врачей и членов юденрата, которые были отобраны зондеркомандой»¹⁷⁴.

В донесении начальника полиции безопасности и СД от 31 января 1942 г. сообщается:

«Эстония уже полностью очищена от евреев»¹⁷⁵.

Как было указано выше, часть эстонских евреев была вывезена и расстреляна в Пскове. Всего же была уничтожена примерно 1 тысяча эстонских евреев, преимущественно в Таллине и Дерпте. Все они погибли до конца января 1942 г.¹⁷⁶

Именно здесь впервые в Европе, по данным нацистов, состоялось «окончательное решение» еврейского вопроса. Впрочем, на территорию Эстонии в 1943—1944 гг. будут доставлены в многочисленные концла-

геря несколько тысяч евреев из Литвы, Латвии, Польши для использования на тяжелых физических работах. Большинство из них погибло или было уничтожено.

* * *

Еврейский вопрос в Прибалтике был в основном «решен» уже в 1941 — январе 1942 г. — быстрее, чем на территории всех остальных оккупированных республик СССР. Практически поголовно были уничтожены еврейские общины в малых и средних городах и местечках Литвы, Латвии и Эстонии. В этот период погибло 253 — 255 тысяч человек — более 85% жертв Холокоста в Прибалтике. Именно на этих территориях нацистский геноцид евреев впервые стал тотальным.

В то же время весь 1942 г. и вплоть до осени 1943 г. уничтожение узников гетто в Литве и Латвии (в отличие от остальной советской территории) не носило массового характера. Лишь в период ликвидации гетто число жертв резко возросло за счет детей и нетрудоспособных. В этот период они составили около 27 000 евреев, преимущественно из Литвы. Свыше 11 000 евреев стран Балтии погибли на последнем этапе Холокоста на территории СССР.

Открытое и зверское уничтожение евреев — их убивали прямо на улицах и в собственных домах, топили в воде и сжигали — были одной из особенностей Холокоста в Прибалтике.

Местные пособники оккупантов (отметим, что среди них были русские, поляки и представители других национальностей)¹⁷⁷ уничтожили здесь наибольшее число евреев на оккупированных советских территориях. По степени вовлеченности местного населения уничтожение евреев носило здесь беспрецедентный характер.

В Литве и Латвии находятся такие печально знаменитые места массовых казней, как IX форт в Каунасе, Понары в Вильнюсе, Румбульский лес в Риге. Территория Латвии одной из первых была использована как полигон для массового уничтожения евреев рейха и других оккупированных нацистами государств. В Рижской тюрьме осенью 1941 г. произошло убийство евреев — поданных нейтральных стран, произошло впервые в оккупированной нацистами Европе. В Литве нацисты уничтожили тысячи евреев, привезенных сюда из Франции и других европейских государств. Территория Эстонии была использована как место для концлагерей трудоспособных бывших узников гетто Литвы, Латвии, Польши и ряда других государств.

Число евреев, погибших в Литве, составляет около 95% от их довоенной численности, что является наиболее высоким показателем на всей оккупированной территории СССР. В столице Латвии Риге выжили менее 200 евреев, оставшихся в оккупации. Эстония стала первой и единственной республикой СССР, в которой к началу 1942 г. были уничто-

жены все местные евреи (около 50% их довоенной численности), которые не смогли эвакуироваться. Общее число жертв Холокоста в странах Балтии составило около 290 000 человек.

В то же время в Литве и Латвии — Вильнюсе, Каунасе, Шяуляе, Риге — узники гетто просуществовали до осени 1943 г. На территории Эстонии и Латвии (Лиепая) дольше всех функционировали рабочие и концентрационные лагеря для евреев. Именно это обстоятельство позволило уцелеть небольшой части узников.

Таковы основные особенности уничтожения еврейского населения на территории Прибалтики.

ХОЛОКОСТ В БЕЛОРУССИИ

Территория Белоруссии, как отмечалось выше, была расчленена на несколько зон. 50% населения республики оказались в зоне тылового района группы армий «Центр». Сюда вошли Витебская, Могилевская, значительная часть Гомельской, восточные районы Минской и несколько районов Полесской области. В генеральном округе «Белоруссия» рейхскомиссариата «Остланд» оказалась 1/3 территории республики с населением в 3,1 миллиона жителей. В этот округ вошли также несколько десятков местечек так называемого Вильнюсского края, ныне являющегося частью Литвы.

25% населения Белоруссии в ее довоенных границах (жители Пинской, Брестской, части Полесской области) оказались под юрисдикцией рейхскомиссариата «Украина». Белостокская и часть Гродненской области вошли в состав рейха (Восточная Пруссия).

На территории республики свой кровавый след оставили три из четырех айзатцгруп — «А», «В» и «С». Первая из них действовала на территории, вошедшей с сентября 1941 г. в рейхскомиссариат «Остланд». В Минске летом 1941 г. обосновалась большая часть входившей в нее ЗК-1в.

Уже 3 июля в столицу Белоруссии вошли подразделения АК-9 АГ «В», штаб которой через два дня также обосновался в Минске. ЗК-7б достигла Минска 4 июля, оставляя кровавый след по маршруту следования через Брест, Кобрин, Пружаны, Слобим и Барановичи.

1 июля 1941 г. в Белосток вошла АК-8. Она двигалась к Минску, где находилась с 6 августа по 9 сентября, через Слобим и Барановичи, где активно участвовала в уничтожении евреев. С осени 1941 г. ее штаб-квартирой стал Могилев, откуда палачи направлялись в населенные пункты как Восточной Белоруссии, так и России. Подразделения АК-9 действовали с июля в Гродненской области, а затем переместились в Витебск. Они контролировали территорию северной части шоссе Минск — Москва, организуя уничтожение евреев в Полоцке, Лепеле и других населенных пунктах. Отдельные подразделения АК «С» уничтожали евреев в южной части республики. С сентября 1941 г. намечилось «разделение труда» между АК и ЗК. Первые действовали в тыловой зоне,

находившейся под юрисдикцией гражданской администрации, вторые — в прифронтовой полосе, контролировавшейся военными властями¹⁷⁸.

Евреев убивали не только подразделения АГ, поддержанные войсками СС, полицейскими батальонами и местными коллаборационистами, но и военнослужащие вермахта. Участие последнего в Холокосте было наиболее активным именно в Белоруссии. Уже в июле 1941 г. солдаты 354-го пехотного полка уничтожили около 2000 евреев в деревнях Крупка и Холопиличи в районе Минска¹⁷⁹.

Первые массовые расстрелы не только евреев-мужчин (в Бресте и Плиске), но женщин и детей (в Белостоке), а затем в Припятских болотах произошли именно в Белоруссии. Они унесли жизни нескольких тысяч человек уже в первую неделю июля 1941 г. На территории Западной Белоруссии массовые расстрелы летом 1941 г. прошли в Бресте (4—5 тысяч жертв), Белостоке (около 6 тысяч человек), Ломже (3, 5 тысячи)¹⁸⁰.

До начала 1942 г. «еврейский вопрос» был практически решен в восточных и южных районах республики, вошедших в военную зону оккупации. Только подразделения АГ «В», действовавшей в зоне наступления группы армий «Центр», уничтожили к середине августа 1941 г. 17 000 евреев. В этот период и осенью 1941 г. жертвами массовых расстрелов стали 9000 евреев Борисова (октябрь); 20 000 — под Бобруйском (ноябрь); 20 000 (по другим данным — около 8000) — в Витебске (сентябрь — декабрь), 4000 — в Гомеле (август, ноябрь); 2000 — в Городке Витебской обл. (август); 10 000 — в Могилеве (сентябрь—октябрь), 7000 — в Полоцке (декабрь), 3000 — в Речице Гомельской обл. (сентябрь—ноябрь); 6000 — в Орше (ноябрь)¹⁸¹.

В отчете военного коменданта Белоруссии генерал-майора фон Бехтольсхайма за период с 11 октября по 11 ноября 1941 г. содержится любопытное замечание, что ввиду связей евреев с коммунистами и партизанами, их «*полное уничтожение до сих пор... осуществляется на востоке республики, по старой советско-польской границе и на железнодорожном участке Минск — Брест-Литовск*»¹⁸². 24 ноября 1941 г. фон Бехтольсхайм издал приказ, в котором говорилось: «*Евреи должны исчезнуть с лица земли*»¹⁸³.

В Минске в ходе трех первых акций (в августе, 7 и 20 ноября 1941 г.) было уничтожено соответственно 5000 (в основном мужчины), 12 000 и 7000 человек — всего 24 тысячи евреев¹⁸⁴.

В «Донесении начальника полиции безопасности и СД о деятельности айнзатцгрупп за период с 1 по 31 января 1941 г.» сообщалось, что на территории Белоруссии, включенной в рейхскомиссарнат «Остланд», «*насчитывается 139 000 евреев. 33 210 евреев были расстреляны айнзатцгруппами*»¹⁸⁵.

К началу 1942 г. свыше 120 000 евреев Белоруссии погибли только в военной зоне оккупации. «Еврейский вопрос» в этом регионе был практически решен. Не менее 60 000 белорусских евреев были уничтожены

также в районах, включенных в рейхскомиссариат «Остланд»¹⁸⁶. В Западной Белоруссии, включенной в рейхскомиссариат «Украина» и округ «Белосток», погибло около 70 000 евреев¹⁸⁷. Таким образом, до конца января 1942 г. не менее 250 000 евреев Белоруссии были уничтожены нацистами и их пособниками.

До февраля 1942 г. (а иногда уже в конце лета 1941 г.) целиком были уничтожены многие еврейские общины. Типичным для военной зоны оккупации можно считать расстрел в Черневке Могилевской области, где 6 октября 1941 г. казнили всех мужчин старше 15 лет, а затем — женщин и детей. Всего погибло около 500 человек. Спаслись лишь 2 женщины¹⁸⁸.

Айнзатцкоманды и полицейские подразделения, принимавшие участие в расстрелах, игнорировали позицию гражданских немецких властей. Гесбитскомиссар Слуцка Карль в конце октября 1941 г. безуспешно пытался приостановить расстрел необходимых ему специалистов. В своем докладе генеральному комиссару Белоруссии Кубе от 30 октября 1941 г. он сообщал, что в расстреле принимали участие четыре роты 11-го полицейского батальона, в том числе — две роты литовских «партизан». Командир батальона не выполнил свое обещание провести «селекцию» специалистов. Способ уничтожения евреев, по словам Карля, «граничил с садизмом»:

«Сам город во время акции представлял собой ужасающую картину. С неопикуемой жестокостью, как со стороны немецких полицейских, так и литовских партизан, еврейское население, а также и немало белорусов были выведены из домов и согнаны в одно место. Повсюду в городе была стрельба и на улицах валялись трупы евреев. Мало того что с еврейским населением, в том числе с ремесленниками, обращались по-зверски прямо на глазах у белорусского населения, но и само белорусское население подвергалось избиению резиновыми дубишками и прикладами. Вырваться из облавы белорусам удавалось с огромным трудом. О еврейской акции я уже не говорю...»

Неоднократно мне приходилось буквально с листометом в руках выгонять с предприятий немецких полицейских и литовских партизан. Такое же задание я дал и своим жандармам, однако из-за сильной стрельбы им часто приходилось покидать улицы, чтобы не попасть под пули...

Относительно экономического ущерба замечу, что сильнее всего пострадала кожевенная фабрика. Здесь работали 26 специалистов. 15 лучших специалистов из этого числа было расстреляно, 4 других прыгнули на ходу из машин и скрылись, а еще 7 бежали и не были пойманы. Предприятие ныне едва может продолжить работу.

...Отовсюду поступают сообщения, что в одних семьях нет ремесленника, в других — жены, в третьих — отсутствуют дети. Так что почти все семьи пострадали. Сомнительно, чтобы в этих обстоятельствах оставшиеся ремесленники работали с охотой и качество их работы было соответствующим. Белорусское население, чье полное доверие мы завоевали, пребывает в растерянности...

Я считаю, что этой акцией мы свели на нет многое из того, что было достигнуто в последние месяцы и пройдет еще немало времени, прежде чем мы вернем утраченное доверие.

Я прощу только об одном: чтобы меня навсегда избавили от встреч с этим полицейским батальоном»¹⁸⁹.

В конце 1941—1942 г. происходит переселение евреев из небольших населенных пунктов в гетто более крупных городов и местечек. Это диктовалось как экономическими причинами, так и являлось своего рода подготовительным этапом к следующему этапу уничтожения.

Наибольшая часть жертв Холокоста в Белоруссии (свыше 550 000 человек) погибла с февраля 1942 г. до осени 1943 г., когда нацисты массово уничтожали гетто как в Центральной, так и в Западной Белоруссии.

До осени 1942 г. нацисты проводят периодические акции в крупных гетто, сокращая численность его нетрудоспособного населения; ликвидируют небольшие гетто (нередко переводя нужных специалистов в более крупные гетто), завершают уничтожение евреев в сельской местности.

На этом этапе в генеральном округе «Белоруссия» пик активности пришелся на весну — лето 1942 г., когда было уничтожено 55 000 евреев только в Западной Белоруссии. Так, в гетто Барановичей в начале марта 1942 г. было уничтожено от 2300 до 3400 евреев. Тогда же в минском гетто погибло 5000 узников. Летом 1942 г. были расстреляны 16 000 евреев в районе Лиды; 8000 в Слобиме; 5000 в Новогрудке¹⁹⁰.

Весной—осенью 1942 г. были ликвидированы все узники гетто на территории Белоруссии, входившей в рейхскомиссариат «Украина». Одной из первых уничтоженных общин (более 1,5 тысячи евреев) было гетто в местечке Мотоль. Летом были проведены несколько акций с частичным уничтожением населения ряда гетто. Все они были ликвидированы в октябре—ноябре 1942 г., включая самые крупные в Бресте (около 17 000 узников), Пинске (18 000), Кобрине (4250).

Пинское гетто было ликвидировано по личному приказу Гимmlера от 27 октября 1942 г. как «центральная база бандитского движения»¹⁹¹.

До конца 1942 г. завершается ликвидация нескольких крупных гетто, входящих в генеральный округ «Белоруссия». Более 6000 евреев в ходе нескольких акций были казнены в Барановичах (в сентябре—декабре 1942 г.). Осенью были уничтожены евреи в Ошмянах (4000), Молодечно (3000). В декабре — в Видзы Браславльского района¹⁹².

В некоторых гетто акции уничтожения и в этот период начинались с поголовного уничтожения мужского населения¹⁹³.

С осени 1942 г. начинается ликвидация гетто в дистрикте «Белосток». После концентрации узников в транзитных лагерях и в крупных гетто их вывозят (с декабря 1942 г.) в лагеря уничтожения Трехлинка и Освенцим. В январе 1943 г. 10 000 евреев Гродно (3/4 узников) отправили в лагерь смерти. В конце января были ликвидированы 10 000 узников в Пружанах. В течение месяца (с 5 февраля по 5 марта) их число только по

Гродненскому уезду составило 43 999 человек. Оставшихся узников из Гродно отправили в лагерь смерти 12 марта 1943 г.

Узники гетто Белостока были ликвидированы в ходе двух акций в феврале 1943 г., когда в лагерь смерти было вывезено 10 000 евреев и еще около 1000 уничтожено в самом городе¹⁹⁴.

Основным мотивом уничтожения в этот период декларируется необходимость борьбы с партизанским движением. Этот фактор был доминирующим, несмотря на очевидные экономические причины сохранения трудоспособного населения гетто.

Оставшиеся узники гетто на территориях, подчиненных рейхскомиссару «Остланда» и вошедшие в состав рейха, были ликвидированы летом—осенью 1943 г. после специального приказа Г. Гиммлера от 21 июня 1943 г.¹⁹⁵

К концу лета 1943 г. в гетто Белоруссии проживало еще около 30 000 евреев. Последними были уничтожены узники гетто в Глубоком (20 августа 1943 г.), Лиде (18 сентября 1943 г.), Минске (23 октября 1943 г.). 16—19 августа 1943 г., в ходе и после вооруженного восстания, были ликвидированы последние узники Белостокского гетто (7600 человек)¹⁹⁶.

С осени 1943 г. и до полного освобождения Белоруссии летом 1944 г. идет выявление и уничтожение скрывавшихся евреев и ликвидация последних гетто и рабочих лагерей (так, евреи в Колдычево были расстреляны 7 марта 1944 г.). Немало евреев, скрывавшихся в лесу в партизанских зонах, в том числе в семейных лагерях, стали жертвами карателей. Число уничтоженных на этом этапе евреев составляет около 10 тысяч человек.

Территория Белоруссии одной из первых в оккупированной Европе была использована для уничтожения евреев Германии и других европейских государств (Австрии, Венгрии, Голландии, Польши, Чехословакии, Франции). За период с ноября 1941 г. по октябрь 1942 г. оттуда в Минск было депортировано, по разным данным, от 21 965 до 35 442 евреев¹⁹⁷. Лишь единицы из них дожили до освобождения.

Самые крупные жертвы на территории Белоруссии понесло еврейство Минска — около 80 000, от 43 000 до 58 000 погибло в Белостоке; 24 000 — 25 000 — в Пинске; 22 000 — в Бресте, 20 000 — в Бобруйске, Витебске и Гродно. Около 20 000 — в Слуцке; 16 000 — в Лиде; 5000—12 000 — в Барановичах; 10 000 — в Могилеве.

Только на территории Западной Белоруссии, присоединенной к СССР после начала Второй мировой войны в 1941—1944 гг., было уничтожено от 528 до 569 тысяч евреев (в том числе в современных границах Республики Беларусь — от 370 до 395 тысяч человек)¹⁹⁸.

В Белоруссии от рук нацистских оккупантов погиб каждый четвертый житель республики. Из них каждый третий был евреем. По числу

жертв Холокоста на территории СССР — свыше 800 000 человек — Белоруссия занимает второе место после Украины.

Территория республики была расчленена оккупантами на несколько зон, что предопределило различные темпы уничтожения для жителей различных регионов. Восточная часть республики оказалась в военной зоне оккупации, и евреи здесь почти полностью были уничтожены до февраля 1942 г. Создание гетто имело целью прежде всего концентрацию жертв Холокоста накануне казни.

На территории Западной Белоруссии, включенной в рейхскомиссариат «Украина», после массовых расстрелов мужчин летом 1941 г., еврейское население оставалось в живых еще более года. Многие гетто здесь были созданы несколько позднее, чем в других регионах. Их уничтожение произошло летом—осенью 1942 г.

Еврей-специалисты и члены их семей, оказавшиеся в рейхскомиссариате «Остланд» и в Восточной Пруссии, были уничтожены последними. Хотя и здесь уже с лета 1941 г. проводились регулярные акции с целью сокращения населения гетто под предлогом проблем со снабжением продовольствием и угрозой эпидемий. Постоянным лейтмотивом объяснений причин ликвидации гетто в переписке и отчетах оккупационных властей звучал тезис о необходимости таких действий в связи с ростом партизанского движения. Разумеется, эти факторы носили вторичный характер относительно «политических» целей нацистов. Тем не менее нужды военной экономики и личная позиция рейхскомиссара «Остланда» Лозе и генерального комиссара Белоруссии Кубе сдерживали процесс уничтожения.

В отличие от Латвии и Литвы, после принятия решения о ликвидации гетто, их узники на территории Белоруссии были уничтожены, а не переведены в концентрационные лагеря. Одним из объяснений такого решения может служить месть за активизацию партизанского движения.

Благодаря связям с местными подпольными организациями и партизанскими отрядами, а также наличием крупных лесных массивов, часть узников сумела не только спастись, но и принять участие в движении Сопротивления.

3.2. Истребление евреев России и Крыма

По протяженности границ территория России, контролируемая нацистами, — от Финского залива до Черного моря — была наибольшей среди республик Советского Союза. Тем не менее только РСФСР оказалась захваченной нацистами лишь частично. Крупнейшие центры с самой большой численностью проживавшего там еврейского населения (прежде всего Москва и Ленинград) не были заняты врагом. По времени оккупации эта часть СССР оказалась последней (не считая отдельных областей Восточной Украины). Ее население уже было оповещено о Холокосте и имело больше

шансов на спасение. Вот почему число жертв здесь наименьшее (не считая Латвии и Эстонии) среди всех республик Советского Союза.

В то же время на оккупированную позднее территорию России, прежде всего — на Северный Кавказ, — была эвакуирована значительная часть евреев с Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинграда. Только с середины октября по декабрь 1941 г. на этих территориях оказалось 300 653 еврея¹⁹⁹. Многие из них были уничтожены летом—осенью 1942 г.

Вся оккупированная территория России — в этом ее особенность — оказалась в зоне контроля военной администрации, в непосредственной близости от линии фронта. Здесь действовали различные группы армий и АГ, что сказывалось на методах обращения с еврейским населением и последовательности его уничтожения.

Прилегающие к Москве оккупированные территории находились под контролем сил безопасности и СД группы армий «Центр», подчиненных «начальнику тылового района» генералу Шенкендорфу. Крым, Северный Кавказ (включая Ростовскую область, Ставропольский и Краснодарский края) — под контролем соответствующих служб группы армий «Юг» и 11-й армии фельдмаршала фон Клейста. Северо-Запад республики (Ленинградская, Псковская, Новгородская области) подчинялся начальнику тыла группы армий «Север».

В 1941 — 1942 гг. в России действовали три АГ: «А» — на Северо-Западе; «В» — в Центральном регионе и «D» — на Юге;

Обычным методом расправы над еврейским населением были регистрация (проводившаяся нередко не в полном объеме); выделение его опознавательными знаками (только здесь применялись пятиконечные желтые звезды); временная концентрация и быстрое уничтожение. Рассмотрим подробнее историю Холокоста в различных регионах России.

УНИЧТОЖЕНИЕ ЕВРЕЕВ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ

Систематически, по мере продвижения немецких войск, уничтожалось еврейское население Северо-Запада России — на территории современных Псковской, Ленинградской и Новгородской областей. Войсками тыла здесь командовал генерал от инфантерии Ф. фон Рок. Эта территория находилась под контролем начальника СС и полиции безопасности группы армий «Север» (с июня по октябрь им был Г.-А. Пирютцман, с ноября 1941 г. — Фридрих Еккельн), а также полевых комендатур полиции безопасности и СД.

Организаторами уничтожения были подразделения АГ «А». В Пскове, Острове и Опочке действовала АК-1в под командованием Ф. Панцигера. Уже с 18 июля 1941 г. штаб АГ «А» разместился в Пскове (т.е. спустя 9 дней после захвата города, в котором до войны проживало свыше 1000 евреев). В Пскове также были сосредоточены военные и административно-хозяйственные органы оккупационных войск группы армий «Север».

С начала августа штаб АГ «А» разместился в Новоселье, под Псковом. В дальнейшем ее руководство продвигалось в сторону Ленинграда за войсками 4-й механизированной бригады группы армий «Север» и осенью обосновалось в Красногвардейске (Гатчине).

Однако главные силы АК — 2 и 3 оставались в Прибалтике, где в августе—октябре 1941 г. велось наиболее интенсивное истребление еврейского населения. Другие подразделения группы в течение августа уделяли большое внимание подавлению действий партизан и выходящих из окружения советских войск. «Еврейским вопросом» успешно занималась лишь ЗК-1а²⁰⁰.

Вот почему в первых расстрелах евреев на Псковщине участвовали подразделения АГ «В» (АК-9 и ЗК — 7а и 7в), действовавшие в этот период на границе современных Смоленской, Витебской и Псковской областей. Именно они провели уничтожение евреев в Невеле, Себеже и Великих Луках²⁰¹.

Одними из первых жертв на территории современной Псковской области (накануне войны 17 ее районов входили в состав Ленинградской области, а 15 — Калининской)²⁰² стали евреи Невеля, оккупированного 16 июля 1941 г. 7 августа они были собраны и перевезены в пригород, в парк «Голубая Дача». На рассвете 4 сентября 1941 г. здесь подразделения ЗК-7а, входившей в состав АГ «В», расстреляли 74 мужчин-евревы якобы «за поджог»²⁰³.

В тот же день состоялся массовый расстрел женщин и детей (не отраженный в отчете АГ «В» и, возможно, проведенный другими подразделениями СС).

Очевидцем этого события стал немецкий мотоциклист ефрейтор Г. Кильгорн. По свежим следам, всего через четыре дня, он дал показания в Витебске, которые запротоколировал штабной офицер, шокированный сведениями о расстреле женщин и детей. Этот протокол — одно из самых свежих впечатлений очевидца о расстреле невинных жертв. Он был дан по собственной инициативе и содержит детали, которые отсутствуют в показаниях нацистов перед судом. Кильгорн показал:

«Я узнал от солдат оперативного отдела, что приблизительно в двух километрах от стоянки состоится массовый расстрел евреев. Говорили, что мужчины якобы были расстреляны в тот же день на рассвете и что теперь на очереди стоят женщины. Потом я пошел с несколькими товарищами из оперативного отдела на место, расположенное примерно в 2 километрах (другие направились туда на мотоциклетах). Там я увидел толпу в количестве приблизительно 600 женщин и детей под охраной эс-совцев. Число 600 является не только моим подсчетом, но так высоко определялось число и другими солдатами оперативного отдела.

Из этой толпы непрерывно выводили по 5 женщин к находившемуся на расстоянии 200 метров противотанковому рву. При этом женщинам завязывали глаза и они должны были держаться за палку, с которой их подводил

один эсэсовец ко рву. Когда они подошли, они должны были раздеваться донага, за исключением нескольких старух, которые должны были обнажить только верхнюю часть тела. Потом несколько эсэсовцев сталкивали их в ров и сверху расстреливали их. Когда женщины услышали приказ раздеться, они очень кричали, потому что поняли, что они будут расстреляны.

Так как у меня не было много времени и я должен был вернуться к своей машине, то я оставался на месте экзекуции не более получаса, и за это время было расстреляно 30—50 женщин. Расстрел остальных продолжался и после моего ухода, я присутствовал только при начале экзекуции от 10—11 часов утра.

Что касается противотанкового рва, то это была большая яма, к которой я сам подошел на расстояние 5 метров. После расстрела одной группы женщин следующая группа сталкивалась на том же самом месте в ров, прямо на тех, которые только что были расстреляны. Расстрел детей я лично не видел, но большое количество детей находилось в толпе. Я категорически подтверждаю, что мои показания соответствуют истине.

(Штаб-) Квартира, 8.9.1941г. А. О. К. Д I V Ви. Подписал : ефрейтор Г. Кильгорн²⁰⁴.

Еще 200 человек, которых около месяца заставляли работать на торфоразработках, расстреляли позднее. Перед казнью над ними издевались; убитых зарывали «вместе с ранеными и живыми грудными детьми».

Несколько жителей Невеля арестовали и доставили в городскую тюрьму для выяснения «принадлежности к еврейству» (среди них был, например, Андрей Берлин, расстрелянный в конце 1941 г.). Свою акцию по уничтожению гетто нацисты цинично объяснили угрозой эпидемий. Всего в Невеле было уничтожено, по советским данным, около 2000 евреев²⁰⁵.

В конце августа — осенью 1941 г. прошли казни около 60 евреев (до войны их было свыше полутора тысяч) в Великих Луках, оккупированных нацистами 19 августа 1941 г., и нескольких евреев в Гдовском районе²⁰⁶.

С ноября 1941 по март 1942 г. продолжалось уничтожение примерно 120 евреев в Опочке. С февраля по начало марта 1942 г. шли расстрелы евреев — узников гетто в Пустошке (около 100). В декабре 1941 г. 13 евреев были казнены на территории Саминского сельсовета Невельского района²⁰⁷.

Массовое уничтожение евреев в Пскове произошло в начале 1942 г. Вскоре после оккупации все мужчины города были вывезены в концлагерь «Печора» в Эстонии «для проверки русских». Вероятно, тогда же многие евреи погибли, в том числе — от голода. Осенью 1941 г. была проведена регистрация. Евреев заставляли носить опознавательные знаки, они привлекались к самым тяжелым работам «без копейки денег и пайка». Среди антиеврейских мер местным жителям особенно запомнился запрет посещать баню. Систематически проводился грабеж еврейского имущества. Зафиксированы случаи изнасилования евреек немецкими солдатами.

Сохранились свидетельства о расстреле осенью — зимой 1941 г. заложников, врачей и больных — евреев. В районе деревни Железница

несколько евреев были зарыты в могилу живыми. Местная жительница Мария Романова пыталась откопать их, но к месту расстрела вновь подъехала грузовая машина с обреченными и карателями. Их одежду — мужскую, женскую и детскую, — по свидетельству бывшего кладовщика Псковской городской управы, привезли на нескольких подводах.

В конце 1941 г. в деревне Моглино Сошихинского района Псковской области организовали трудовой лагерь для военнопленных и гражданского населения, «из них большинство евреев и цыган, включая стариков и детей». Узников лишь на 1—2 дня привлекали к дорожным работам, а затем расстреливали. Число жертв, по неполным данным, составило около 700 человек, о чем сообщалось в «Информационной записке о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов в Пскове», направленной в ЦК ВКП (б) в сентябре 1944 г. Среди 112 установленных жертв-евреев находились 14 мужчин, 57 женщин и 41 ребенок²⁰⁸. Можно предположить, что число жертв Холокоста здесь было не менее 400—500 человек.

Основная акция по уничтожению евреев Пскова была проведена в феврале (по некоторым свидетельствам, в январе) 1942 г. Последними в июне 1942 г. были расстреляны еврей-врачи, работавшие в госпитале для военнопленных.

С места казни смог спастись только один человек²⁰⁹. Общее количество еврейских жертв в Пскове превысило 1100 человек²¹⁰.

Тогда же погибло около 50 евреев в Локне и около 60 евреев в Густошинском районе, в уничтожении которых активно участвовала местная полиция. Вот что показал один из свидетелей:

«Среди казнённых в болоте между Старой и Новой Густошкой были семьи кузнеца Решетникова и кожевника Г. Малтинского, включая семейных детей в возрасте от 4 до 15 лет»²¹¹.

В начале оккупация летом 1941 г. в Себеже было расстреляно два еврея по обвинению в поджоге. Затем в течение нескольких месяцев (вследствие взятки коменданту-австрийцу) евреи не уничтожались. Но в конце зимы 1941/42 г., в 15-градусный мороз, 97 человек были казнены. Их собрали вместе в 11 часов утра. Полицейские, во главе с начальником полиции Буссом, повели их к месту расстрела «частью раздетых догола, частью в одних рубашках»²¹². Зверски были сожжены 11 женщин, а также расстреляны несколько десятков женщин и детей в Новосокольниках²¹³.

120 евреев было уничтожено в 1941 — начале 1942 г. в гетто Бежаницы. Несколько сот еврейских семей (около 1000 человек) расстреляли в Бежаницком районе²¹⁴.

В гетто Усвят устраивались публичные казни партизан и советских активистов-евреев, а также молодежи и пытавшихся избежать регистрации или не переселившихся в гетто²¹⁵. В июле 1941 — январе 1942 г. в ходе трех акций (соответственно 100, 30 и 20 жертв) здесь были уничтожены 150 евреев²¹⁶.

Тогда же погибли около 30 человек в Идрице.

В конце 1942 г. пацеты выявляли скрывававшихся евреев в сельской местности, в частности в Дедовичском районе. В совхозе «Красная Горка» расстреляли две семьи медицинских работников, включая четырех детей.

В декабре 1942 г. в деревне Крюково была расстреляна мать с двумя детьми; в марте в том же районе — женщина с четырьмя детьми от 2 до 9 лет. Всего же в этом районе было обнаружено и расстреляно, после избиений и издевательств, 18 евреев²¹⁷.

Летом 1943 г. были уничтожены последние евреи на территории области: в городах Порхов (40) и Остров (200 человек)²¹⁸. Это были узники рабочих лагерей.

Таким образом, «еврейский вопрос» на Псковщине был «решен» в основном в первые полгода оккупации, когда было уничтожено более 80% оказавшихся здесь евреев. Обращает на себя внимание, что за исключением декабря 1941 г. расстрелы проводились весьма регулярно, невзирая на сильные морозы конца зимы 1941/42 г. В то же время, в отличие от других мест региона, около 250 евреев дожили до лета 1943 г.

Всего же на территории Псковской области пацеты и их пособники, включая местную и эстонскую полицию, уничтожили не менее 5200 местных и эвакуированных евреев. Также в Пскове в конце 1941 — начале 1942 г. было уничтожено несколько сот евреев (преимущественно женщины) из Эстонии.

Уже в сентябре немецкая армия оккупировала (полностью или частично) 25 районов Ленинградской области. Западные районы области оказались под контролем гитлеровцев еще в конце лета 1941 г.

За два года оккупации пацеты уничтожили в Ленинградской области, по официальным советским данным, свыше 30 000 мирных жителей разных национальностей, в том числе в пригородах Ленинграда Петродворце (Петергофе) и Пушкине (Царском Селе) соответственно 4265 и 18 368 человек²¹⁹.

Именно Пушкин называют иногда самой северной точкой Холокоста. Здесь установлен памятник В. Сидура «Формула скорби». Вскоре после захвата города евреям было приказано явиться на регистрацию. По одним свидетельствам, она проводилась в помещении бывшего Дома пионеров, по другим — в бомбоубежище Екатерининского дворца. Есть расхождения в источниках о датах ее проведения: 18—22 сентября и 4 октября 1941 г. Возможно, она проводилась в два этапа. После регистрации евреев отвели в подвалы Екатерининского дворца. Их расстреливали отдельными группами в прилегающем к дворцу знаменитом парке. Всего было убито около 800 мужчин, женщин и детей. В последующие дни в городе и его окрестностях продолжались выявление и расстрелы евреев.

Также осенью 1941 г. проводились первые массовые расстрелы на территории области. Около 50 евреев расстреляли в Слуцке (Павловске). Имеются сведения об убийстве евреев в Луге (не менее 600), Книги-

сепе (несколько десятков). Свыше 100 евреев погибли в захваченном 23 сентября 1941 г. Петергофе и его окрестностях (д. Руденцы и Новая Нива)²²⁰. 17 сентября 1941 г. евреи Петрокрепости (Шлиссельбурга) были уничтожены в Чудово²²¹.

В донесении отдельного отряда взвода СС от 13 октября 1941 г. говорится о расстреле 18 евреев в Слуцке. В донесении № 173 от 25 февраля 1942 г. сообщается об уничтожении 140 евреев «под Петербургом»²²².

На известной карте, приложенной к отчету о деятельности айнзатц-групп в рейхскомиссариате «Остланд», датированном январем 1942 г., обозначен Красногвардейск (Гатчина) с указанием 3600 расстрелянных евреев²²³. Город был оккупирован 13 сентября 1941 г.; до войны здесь проживало около 800 евреев. Поэтому можно предположить, что отчет отражает число евреев, расстрелянных к этому времени на территории области.

В январе — марте 1942 г. расстрелы продолжались, хотя и с меньшей интенсивностью. После пыток и издевательств были уничтожены около 50 евреев Вырицы Гатчинского района. Здесь непродолжительный период было единственное гетто на территории области.

В Слуцке (Павловске), по сообщениям партизан (к сожалению, здесь и далее даты и количество жертв не указывается), «еврейское население истреблено полностью». По этим же данным, в Сланцевском районе нацисты «поймали группу евреев. Заставили их плясать и петь. После этого всех взрослых расстреляли, а детей убили об угол дома»²²⁴. Вероятно, речь идет о пойманной в мае 1942 г. в Ребельске карательным отрядом коменданта Наймана семье Гильбурд (муж, жена и пятеро детей), бежавшей из Петергофа²²⁵.

От нескольких человек до нескольких десятков жертв Холокоста называют зарубежные исследователи еще в 6 населенных пунктах: Гдов, Малая Вишера, Сиверский (в январе 1942 г. здесь были убиты 93 еврея и цыгана), Сольцы, Тихвин, Урицк²²⁶. В октябре 1943 г. были обнаружены и сожжены несколько евреев в Дубровке²²⁷.

Таким образом, на территории Ленинградской области, преимущественно осенью — в начале зимы 1941/42 г., в 19 населенных пунктах нацистами было уничтожено свыше 4100 евреев.

Значительная часть территории современной Новгородской области (она входила в состав Ленинградской области) была оккупирована нацистами еще в августе 1941 г. Вот почему многие евреи Новгорода (их до войны проживало около 650), Старой Руссы (около 850), Боровичей (около 400), Холма (около 50) эвакуироваться не успели. Геноцид евреев на территории этой области не нашел отражения в известных нам отчетах немецких карательных подразделений. В документах ЧГК, помимо прямых или косвенных упоминаний о еврейских жертвах (с указанием, что уничтожено «все еврейское население»), точная статистика также отсутствует. По данным последней зарубежной энциклопедии по истории Холокоста, в Старой Руссе погибло осенью 1941 г. 2000 евреев.

Столь значительное число жертв по сравнению с довоенной численностью населения нуждается в проверке. Возможно, в это число были включены евреи — военнопленные и беженцы. Упоминаются также еврейские жертвы (без указания точных данных) в Новгороде и Холме²²⁸.

Мы полагаем, что количество еврейских жертв на территории Новгородской области составляет не менее 2100 человек.

Карело-Финская республика была оккупирована финскими войсками, и сведениями об уничтожении на ее территории еврейского населения мы не располагаем. Как известно, Финляндия отказалась отправить своих евреев в лагеря уничтожения, а также создала относительно сполные условия для советских евреев-военнопленных.

Таким образом, в Северо-Западном регионе России нацистами и их пособниками, преимущественно в 1941—начале 1942 г., было уничтожено около 11 500 местных евреев. Здесь также уничтожались евреи из других республик СССР, в частности Эстонии и Латвии.

ХОЛОКОСТ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ

Ниже нами будет прослежена хроника Холокоста в 10 областях Российской Федерации, которые имели следующие сходные особенности применительно к теме исследования: даты начала оккупации (с июля до зимы 1941 г.); нахождение в зоне юрисдикции военной администрации группы армий «Центр»; деятельность на их территории подразделений АГ «В» и специальной команды «Москва». Эти факторы позволяют выявить общее и особенное в судьбах евреев Смоленской, Брянской, Орловской, Курской, Белгородской, Тверской, Калужской, Московской, Рязанской и Тульской областей.

Во многих городах Центральной России значительное число евреев успело эвакуироваться. В одном из сводных отчетов айнзатцгрупп за декабрь 1941 г. говорилось, что в Орле и Малоярославце их «не оказалось из-за бегства евреев на восток». В другом отчете его составители сетовали на отсутствие евреев в захваченных Ржеве, Гжатске, Брянске и Можайске²²⁹.

Однако впоследствии выяснялось, что далеко не все евреи и в этих городах смогли скрыться, что видно как из последующих отчетов айнзатцгрупп, так и документов ЧГК.

Ниже мы рассмотрим, как уничтожалось еврейское население этого региона.

Одним из самых известных мест расправы над еврейским населением России была территория Смоленской области. Накануне войны здесь (в современных границах) проживало около 35 000 евреев²³⁰. Это объясняется близостью к так называемой «черте оседлости», в которую входили некоторые западные районы области, например Велижский.

Поскольку область была оккупирована в основном в июле—начале августа 1941 г., значительная часть еврейского населения (за исключением

Смоленска) эвакуироваться не успела. Кроме того, на Смоленщине, в том числе и в областном центре, оказалось немало беженцев из Белоруссии.

В отличие от других областей России, гетто на Смоленщине были созданы в большинстве городов и местечек области. Как отмечалось выше, АГ «В» активно участвовала в их организации в регионе, так как они выполняли прежде всего функцию концентрации населения перед казнью.

Темпы ликвидации еврейского населения были несколько замедленными в сравнении с Восточной Белоруссией, так как организация там истребления евреев отвлекала людские ресурсы и технические средства подразделений АГ «В».

Обращает на себя внимание и судьба евреев Смоленска: ни в каком другом областном центре России, а также Украины и Белоруссии, оказавшихся в зоне под контролем военной администрации, столь многочисленная еврейская община (около 2000 человек) не просуществовала около года.

Между тем в Смоленске уже с конца июля—начала августа 1941 г. размещались (наряду с командованием группы армий «Центр») так называемая передовая команда «Москва» и штаб АГ «В». Именно их сотрудники, а также зондеркоманда (ЗК) 7а с августа 1941 г. приступили к уничтожению «еврейской интеллигенции», а также евреев-коммунистов и подозревавшихся в сотрудничестве с партизанами или «саботаже».

Методы и формы уничтожения еврейского населения были весьма близки к использовавшимся для уничтожения евреев Восточной Белоруссии, оказавшихся в зоне под контролем военной администрации. Это объясняется тем, что его организовывала и осуществляла одна и та же айзатцгруппа, действовавшая в тыловых районах группы армий «Центр». В уничтожении евреев активно участвовали также местные полиция и — в ряде случаев — войска вермахта.

На примере Холокоста в Смоленской области можно проследить типичные черты уничтожения еврейского населения на территории Центральной России. Регистрация евреев и выделение специальными знаками позволяла нацистам планомерно проводить политику геноцида. Первыми жертвами стали те, кто мог оказать или пытался оказать хоть малейшее сопротивление приказам нацистов: партийные, советские и даже комсомольские активисты, а также интеллигенция*.

Среди первых жертв (в самом начале оккупации) были и члены только что созданного еврейского совета в Хиславичах.

В августе—сентябре 1941 г. в разных городах на территории области (в Смоленске, Монастырщине, Велиже, Рославле, Рудне, Любавичах, Хиславичах) было расстреляно около 1000 евреев. Первоначально число жертв в каждом городе колебалось от нескольких человек (Велиж) до нескольких десятков, а впоследствии и свыше 100 человек (Хиславичи, Велиж, Рудня). В сентябре 1941 г. были расстреляны 306 евреев из рабочего лагеря в поселке Остер Рославльского района (шесть местных жителей и три-

* Конкретные даты казней, число жертв и источники информации приведены нами в публикуемой ниже таблице.

ста евреев, пригнанных из Белоруссии), которые с августа добывали торф²³¹. Первыми (за редким исключением) уничтожались евреи-мужчины, причем в некоторых населенных пунктах (Татарск) — поголовно. В качестве предлога для репрессий в нацистских отчетах использовались формулировки: за самовольный уход из гетто и связь с партизанами.

В октябре—ноябре темпы и масштабы уничтожения резко возрастают. В этот период самые крупные расстрелы произошли в Рудне, где было уничтожено 835 евреев, а также в Монастырщине (не менее 1000 — 8 ноября 1941 г.), Рославле и Шумячах (суммарно 510), Любавичах (около 500).

Осенью 1941 г. в местечке Бельское, согласно акту, составленному местными жителями и воинами-освободителями 26 марта 1943 г., немцы расстреляли местных жителей и собранных из окрестных деревень «около 200 человек. В своем большинстве евреев — стариков, женщин, детей»²³².

Местом казни обычно избирались окраина, еврейское кладбище или ближайший лесной массив. Проводились также казни и непосредственно в населенном пункте. Место казни любавичских евреев было выбрано рядом со старым зданием бойни. Их не раздевали; при вскрытии могил выяснилось:

*«Группы детей в большинстве случаев располагались в объятиях взрослых»*²³³.

В Хиславичах перед расстрелом мужчин, женщин и детей регистрировали в отдельные списки (с указанием года рождения). После отбора специалистов 150 мужчин были расстреляны прибывшим из Смоленска отрядом полевой жандармерии у здания МТС. Их вывезли туда на машинах под предлогом «проведения собрания»²³⁴.

В декабре — январе из-за морозов и прежде всего контрнаступления Красной Армией под Москвой на территории области происходят лишь отдельные акции. Тем не менее уничтожение еврейского населения продолжалось.

В конце января 1942 г. части Красной Армии освободили город Велиж. В донесении в Главное политическое управление Красной Армии от 28 февраля 1942 г. со слов уцелевших описывалось одно из самых ужасных злодеяний нацистов на российской земле — около 500 человек были сожжены в свинарнике, куда нацисты загнали узников гетто:

*«28 января 1942 г., когда Красная Армия была уже недалеко, в 4 часа дня в гетто пришли немцы и русская полиция. Они закрыли все двери свинарника и подожгли его. Потом подожгли все гетто. Все же около 100 человек сумели убежать. Остальные сгорели. По бегущим стреляли, многих убили и ранили. Нас, уцелевших, осталось 17 человек, из них 5 детей. Потом немцам удалось убить еще 4 человека»*²³⁵.

В Демидове, в начале 1942 г., по данным партизан, было уничтожено 1200 евреев²³⁶. В феврале—марте 1942 г. были расстреляны по 500 евреев в Рудне и д. Шамово; 230 — в Ельне.

25 февраля 1942 г. в Вязьме были казнены евреи-врачи: хирурги М.Л. Нурок с сестрой, 65-летний М.Д. Берштейн, окулист А.Я. Лопырев с 16-летним сыном. В акте ЧГК отмечалось:

«Немцы зверски уничтожили все еврейское население города. Мужа и жену Любавиных живыми зарыли в землю»²³⁷.

Расстрелы проводились на еврейском (где убивали не только евреев) и Фроловском кладбищах (здесь среди трупов было обнаружено много женщин и детей).

Около 800 евреев Хиславичей расстреляли после завершения строительства дотов 13 марта 1942 г. жандармской командой, прибывшей из Метиславля. Несмотря на сильный мороз, их перед казнью полностью раздели. Трупы не хоронили. Они пролежали две недели на снегу и растаскивались собаками²³⁸.

8 апреля были убиты 30 евреев в Красном (часть местных евреев погибла ранее от непосильного труда и болезней).

15—16 июля 1942 г. при активном участии местной полиции были расстреляны около 2000 евреев Смоленска. Профессор Б.В. Базилевский вспоминал:

«Генпо было оцеплено жандармами, жителей выгоняли из домов; эмигрант Гандзюк, назначенный в январе 1942 г. первым заместителем начальника города... стоял в генпо с револьвером в руке, очевидно для порядка»²³⁹.

Подпольная газета «Рабочий край» сообщала, что при перевозке людей к месту казни применялись душегубки. Отметим, что данный способ казни не практиковался нацистами в других населенных пунктах Центрального региона.

Летом и в начале осени зондеркоманды продолжали выявление и расстрел евреев в небольших населенных пунктах (Каспля, Сычевка и др.).

Последними на территории области были ликвидированы около 100 евреев в Сычевке и около 200 в Починке (соответственно в январе и апреле 1943 г.).

Таким образом, по архивным источникам и документальным свидетельствам, уничтожение евреев в Смоленской области проходило в течение 20 месяцев. В некоторых населенных пунктах, как, например, в Монастырщине, Рославле, Рудне, Хиславичах, проводилось 3—4 акции. Основным способом экзекуции были расстрелы. Источники свидетельствуют о двух пиках казней: в октябре—ноябре 1941 г. и феврале—марте 1942 г.

Отдельные группы евреев выявлялись и уничтожались до последних дней оккупации области²⁴⁰.

Исследователи приводят различные данные о количестве еврейских жертв на Смоленщине: от 10 000²⁴¹ до 76 000 человек²⁴².

Такое расхождение пугается в специальном исследовании. Статистические источники о датах расстрелов и жертвах Холокоста в Смоленской области подразделяются на три группы: немецкие (сводные отчеты АГ «В»), официальные советские — документы ЧГК (центральной и местных комиссий) и акты воинских частей, а также почерпнутые из донесений партизан, послевоенных воспоминаний и свидетельств.

Все эти данные значительно отличаются друг от друга и, естественно, не могут быть механически суммированы. В литературе, опубликованных и архивных документах фигурируют сведения о массовых расстрелах евреев в 28 населенных пунктах области. Они представлены в следующей таблице:

Таблица № 5
Жертвы Холокоста в Смоленской области

№	Населенный пункт	Число евреев (1939 г.)	Дата расстрела	Число жертв		
				ЧК К	Имен. лопаты	Другие
1.	Смоленск ³³	14812	До 04.09.41 15.07.42 12.42	1860	38	2000 3600 1000
2.	Бельское ³⁴		осень 41	200		
3.	Велиж ³⁵	1788	До 29.08.41 21.09.41 28.01.42	1600	8 150	1500 3000
4.	Вязьма ³⁶	641	07.10.41 До 17.12.41 Б/д [1941] 25.02.42 Б/д [1942]	19 7	6	Иск. 100
5.	Гусино ³⁷	600	Б/д 5—8.02.42			Все 265
6.	Демидов ³⁸	206	Д 25.10.41 Начало 1942 г.		Группа	1200
7.	Духовщина ³⁹	102	Лето 1942 г.	300		1000
8.	Ельня ⁴⁰	289	03.42			230
9.	Захарово ⁴¹	свыше 500	05.42			500
10.	Кадитово ⁴²	125	17.09.41 11.41			Иск. 341
11.	Каспля ⁴³		01.07.42		Группа	153
12.	Красный ⁴⁴	100	08.04.42	50		30
13.	Любавичи ⁴⁵	1069	09.41 04.11.41 До 19.12.41	483	17 492	500
14.	Микულიно ⁴⁶		24.10.41 Б/д 23.02.42			300 250
15.	Монастырщина ⁴⁷	856	До 29.08.41 08.11.41 11.41—02.42 05.02.42	1100	26	1008 1200
16.	Остер		09.41			306
17.	Перемыслинский ⁴⁸		03.42			25
18.	Петровицы ⁴⁹		02.06.42 22.07.42			350— 5400

№	Населенный пункт	Число евреев (1939 г.)	Дата расстрелов	Число жертв		
				ЧГК	Немцы-палачи	Другие
19.	Починок ³⁰	283	21.04.42			200
20.	Рославль ³¹	3254	08.41 11.41 До 19.12.41 08.42 Б/д	Группа 684	510 3	1000
21.	Рудня ³²	2235	К 08.41 27.09.41 21.10.41 21.10.41 До 19.12.41 24.02.42	15—20 100—3 20 500	835	1000 1200
22.	Стодолице ³³	232	2 половина нояля 1941 г. 05.42			Неск. Неск. сот
23.	Сычевка ³⁴	138	08.42 07.01.43	100		57
24.	Татарск ³⁵	864(826)	10.41	700		100
25.	Хиславичи ³⁶	2102	До 23.09.41 До 09.10.41 13 (20).03.42	114 800	23 797	150— 200
26.	Большое Шабунино ³⁷		Осень 1941	20—25		25
27.	Шумячи ³⁸	744	До 19.12.41 17.11.41 18.11.41		510	75—100 500
28.	Ярцево ³⁹	454	05.10.41			Неск.
Итого				8900	3415	21500

Как видим, в 12 случаях зафиксированы сведения о еврейских жертвах по немецким источникам — всего около 3400 человек. Достоверность цифр по каждому отдельному факту расстрела весьма высока. За исключением трех случаев, когда число уничтоженных обозначено как «группа» (можно предположить, что речь идет от нескольких человек до полутора десятка), авторы нацистских отчетов указывали точное число жертв. Однако очевидно, что эти данные не полные. Тем не менее они важны для сопоставления с данными других источников.

По 17 населенным пунктам нами выявлены сведения о жертвах Холокоста в документах ЧГК и актах воинских частей. Причем в 10 случаях названия мест расстрелов совпадают с указанными в отчетах айнзатцгрупп. Но лишь в трех из них (Любавичи, Хиславичи, Рудня) приведенные данные о жертвах Холокоста вполне сопоставимы. В остальных семи случаях цифры заметно расходятся — в документах ЧГК они гораздо выше.

Причиной этого могло быть следующее: в отчетах АГ «В» нет сведений о ликвидации крупнейших в области смоленского и велижского гетто — суммарно не менее 3300 (здесь и далее — без учета указанных в немецких источниках уничтоженных ранее евреев данных населенных пунктов). Нет в отчетах айнзатцгрупп и данных о расстреле евреев Монастырщины (1100), Татарска (600), Рославля (не менее 600), Вязьмы (около 100), последнем расстреле в Рудне (500).

Число еврейских жертв по документам ЧГК и актам воинских частей (не указанных в немецких источниках) составляет еще около 7250 человек. Кроме того, в небольших населенных пунктах области также происходило уничтожение евреев. Документально установлены данные по некоторым из них. Так, в д. Батурино было убито 8 евреев²⁷⁰; на станции Красное — не менее 15 человек (5 семей); Глинка — не менее 8; д. Титовка — 5; в п. Катынь, г. Дорогобуж и Новодугино — по 4; д. Прудовая Поляна — 3; Шибнево, д. Тихиль, Марковка, Кардымово, Пречистое, Сафоново — по 2; Ершичи, Понизовье и Туманов — по 1²⁷¹.

С учетом отсутствующих сведений по Гжатску (Гагарин), где в 1939 г. проживал 181 еврей, и Ярцевскому району (до войны здесь было около 500 евреев), в других населенных пунктах области погибло не менее 100 человек.

Таким образом, с учетом немецких источников, документально подтверждено уничтожение на территории области примерно 10 550 евреев.

Согласно сведениям по другим источникам, указанным в таблице, в населенных пунктах области зафиксировано 21 500 жертв. Из этого числа следует исключить как минимум 5000 жертв в Петровичах (очевидно, что в расчеты В. Дубсона вкралась опечатка); а также населенные пункты, где число жертв совпадает или не расходится принципиально с другими источниками (Любавичи, Шумячи, Б. Шабунино), — 1000 жертв и те, где число жертв по сравнению с данными ЧГК или немецкими источниками занижено. Их насчитывается три (Красный, Сычевка, Татарск), а число жертв здесь суммарно составляет 850 человек. Таким образом, число жертв по остальным выделенным в этой графе населенным пунктам составляет 14 650 человек.

Остальные города и местечки можно разбить на три группы:

1) те, которые не упоминаются в других источниках. Их оказалось 9 с суммарным числом жертв около 2300; 2) те, в которых зафиксированы иные даты расстрелов, а число жертв значительно отличается от данных других источников. Их насчитывается 3 (Смоленск, Монастырщина, Хиславичи) с суммарным числом жертв около 2150; 3) отличающиеся по числу жертв в сторону их завышения либо уточняющие указанные в других источниках сведения типа «несколько» или «группа». Таких можно выделить 8 с числом жертв около 10 000. По данным ЧГК или немецких источников, здесь погибла лишь половина указанных выше жертв. Таким образом, эти сведения дают нам еще 5000 погибших. Лю-

большинство, что суммарно данные из других источников практически равны данным, зафиксированным в документах, — 10 450 жертв.

Однако было бы ошибкой механически суммировать эти цифры.

Постараемся доказать это на конкретных примерах. По второй выделенной нами группе отметим сведения о расстреле в конце 1942 г. в Смоленске 1000 евреев из Варшавы. Во-первых, они не представляются нам достоверными, так как версия о пребывании здесь польских граждан в период войны была выдвинута в связи с отрицанием советской стороной расстрелов польских офицеров в Катыни и не подкреплена никакими документальными источниками. Во-вторых, эти цифры не влияют на число советских жертв Холокоста.

Дополнительные данные по первому расстрелу в Хиславичах представляются более достоверными по документам ЧГК (114 жертв). Возможно, что около 200 жертв остались неучтенными в Монастырщине. Таким образом, можно говорить о 300 жертвах Холокоста по этим двум городам, не учтенных в официальной документации, а также о нескольких сотнях узников гетто Смоленска, умерших от голода и истощения до расстрела в июле 1942 г.

Сложнее решить вопрос по числу жертв в третьей выделенной нами группе. Они не представляются нам основанными на бесспорных свидетельствах. Тем не менее мы допускаем, что около 1000 жертв Холокоста могли быть не учтены в документах ЧГК и немецких источниках.

Суммарно со второй группой число таких жертв не превышает 2000 человек.

Если допустить, что большинство данных первой выделенной нами группы достоверно, то можно говорить о примерно 4 тысячах жертв Холокоста, не учтенных в официальной документации.

Кроме того, 2 апреля 1942 г. в Краснянском районе на смоленском берегу реки Мерея, разделяющей Россию и Беларусь, были расстреляны около 3000 евреев белорусского местечка Ляды²⁷².

Таким образом, на территории Смоленской области нацистами и их пособниками было уничтожено не менее 17 600 советских евреев²⁷³.

Во многом сходной была судьба евреев **Брянщины** (входившей в рассматриваемый период в состав Орловской области). Накануне войны в ее современных границах, по подсчетам А.И. Круглова, проживало около 30 000 евреев²⁷⁴. Брянщина была оккупирована нацистами несколько позднее, в августе — октября 1941 г.

Здесь также действовали подразделения АГ «В» — сначала ЗК-76, а затем АК-7а (с конца февраля по конец апреля 1942 г. она дислоцировалась в Клинцах). В расстрелах участвовали также подразделения 10-го пехотного полка 1-й мотопехотной бригады СС и местные полицейские формирования.

Типичной представляется судьба евреев местечка Клинцы, где накануне войны проживало около 5000 евреев. Уничтожение происходило в

несколько этапов. Сначала ЗК-76, расстреляв 165 «еврейских террористов» в сентябре 1941 г., создала здесь закрытое гетто на территории Банного поселка. 6—7 декабря того же года были расстреляны еще 3000 узников, среди которых было много детей. Засыпать могилы нацисты заставили местных жителей. Свидетель Борисенко показал:

«Ребенок остался жив. Я засыпала его землей, а он разгребает ручонками землю и смеется. Потемнело у меня в глазах, я зашатался и упал»⁹⁶⁴.

В марте — апреле 1942 г. не менее 100 оставшихся в гетто евреев-специалистов были расстреляны уже АК-7а²⁷⁶.

Таким образом, число жертв Холокоста составило в Клинцах 3265 человек — одно из наибольших среди населенных пунктов области.

В Унече, по данным ЦШПД, нацисты сначала расстреляли 800 еврейских семей, а 70 семей специалистов заперли в один дом и расстреляли позднее²⁷⁷. Таким образом, число жертв должно было составить не менее 3000 человек. Однако, по сведениям ЧГК, которые представляются нам более достоверными, в этом городе в октябре 1941 и марте 1942 г. было казнено около 600 евреев (в документах указаны соответственно свыше 300 и 342; в числе убитых указаны и цыгане)²⁷⁸.

Среди других крупных мест расстрелов на территории области отметим Новозыбков: 950 евреев были расстреляны здесь 18 января 1942 г. (в других документах ЧГК говорится о расстреле 2860 человек, среди которых — «большинство евреев», причем он датируется началом ноября 1942 г.). Здесь, по данным партизан, детей бросали в ямы живыми, а свидетель О.Р. Савченко *«видела, что одна слегка засыпанная яма с расстрелянными евреями шевелилась»²⁷⁹.*

В Стародубе погибло как минимум 1070 евреев (272 — «за отказ переселиться в гетто», что зафиксировано в АГ «В» от 25.10.41 г. и свыше 800 — зимой 1941/42 г.). Несколько выше цифры ЧГК, сообщающие, что в сентябре были убиты 400 мужчин, а 1 марта 1942 г. — еще 800 женщин и детей, т.е. 1200 человек²⁸⁰.

Дискуссионным является вопрос о числе жертв Холокоста в Брянске. Здесь в ноябре 1941 г., в районе аэродрома, АК-8 были расстреляны, как предполагает А.И. Круглов, около 800 евреев. Источники называют и гораздо большие цифры за тот же период: 7500 трупов стариков, женщин и детей, «преимущественно евреев и цыган», были обнаружены после освобождения в районе станции Брянск-2. Вероятно, именно здесь находился большой лагерь беженцев²⁸¹.

Напомним, что еврейское население Брянска перед войной составляло чуть более 5000 человек. Город был оккупирован лишь 5 октября 1941 г. и, вероятно, минимум 4/5 местных евреев сумели его покинуть. Однако Брянск являлся крупным железнодорожным центром, где оказалось немало беженцев из Украины и Молдавии. Об этом прямо говорится в документе: *«Фактыви большинства жертв расправы над евреями установить невозможно, ибо большинство из них были эвакуированные из других мест»²⁸².*

Поскольку число цыганских жертв обычно никогда не превышало еврейские, то можно предположить, что евреи составили не менее 4500—5000 расстрелянных. Важно отметить, что расстрел евреев Брянска был проведен одновременно, вскоре после оккупации города, без создания гетто и по аналогии с оккупированными городами Украины восточнее Днепра.

В других же городах и поселках Брянщины (как и в Смоленской области) после первых расстрелов создавались или продолжали функционировать гетто, которые были ликвидированы в конце зимы 1941/42 г. или ранней весной 1942 г.

С января по март 1942 г. было казнено свыше 1000 (по другим данным — 1864) евреев в Почепе, а 27 марта произошел расстрел 560 человек в Сураже²⁸³.

Убийство евреев проводилось и в других небольших населенных пунктах. Так, в поселке Злынка, оккупированном 25 августа 1941 г., уже в начале сентября расстреляли 27 евреев. Остальные (в количестве 203) были уничтожены 15 февраля 1942 г. Всего же здесь погибло не менее 229 евреев.

В расстреле активно участвовали местные полицейские. Свидетели вспоминали одного мальчика, который твердил, что его родители — русские, но его никто не слушал...²⁸⁴

Также в два этапа, 2 октября 1941 г. и 25 января 1942 г., были расстреляны 148 евреев с. Святска под Новозыбковом. Второй расстрел проходил в сильный мороз; людей продержали несколько часов голыми во дворе управы²⁸⁵.

27 евреев Климова убили уже 29 августа 1941 г., а остальных 280 человек — в конце февраля 1942 г. В конце ноября 1941 г. были казнены 217 евреев в Почепе²⁸⁶.

В страшный мороз у заключенных в Мглинскую тюрьму евреев отобрали теплую одежду. Не менее 60 из них умерли. 2 марта остальные 500 человек были расстреляны²⁸⁷. Издевательства над заключенными и сам расстрел проводили местные полицейские. Особенно старался некто Белоусов по кличке «Комар». Раненых полицейские добивали комьями мерзлой земли²⁸⁸.

Подобные издевательства над людьми были составной частью массовых экзекуций. В Суземке еврейскую женщину «сначала заставляли произносить те слова, которые она не могла выговорить без акцента, затем раздели до гола и расстреляли». Всего же здесь были убиты 223 человека²⁸⁹. В январе в Трубчевске расстреляли 63 еврейских ребенка из детского дома²⁹⁰.

Традиционным местом расстрела были еврейские кладбища. Так, в п. Клетня здесь было расстреляно в 1942 г. 2364 человека²⁹¹.

Последний зафиксированный в документах массовый расстрел евреев на Брянщине был проведен в августе 1942 г. — в п. Навля погибло 39 евреев²⁹².

Одной из особенностей Холокоста на Брянщине было то, что расстрелы проводились на всей территории с октября 1941 по март 1942 г. достаточно регулярно и без интервалов даже в декабре—январе 1941/42 г. Как и в Смоленской области, ликвидация узников гетто была завершена здесь в основном к апрелю 1942 г.

Каким же было число жертв Холокоста на Брянщине? В отчетах АГ «В» говорится лишь о 2080 казненных в 7 населенных пунктах. Между тем в документах ЧГК нами выявлено не менее 20 мест расстрелов. По самым минимальным оценкам, здесь было уничтожено свыше 12 100 евреев. Максимальные же цифры, упоминаемые в документах ЧГК, составляют (с учетом высказанных предположений по Брянску) свыше 22 000 жертв, т. е. расходятся с вышеупомянутыми на 9900 человек.

При этом по 14 населенным пунктам разница в цифрах составляет не более нескольких десятков, еще в двух случаях (Мглин и Стародуб) — достигает суммарно 230. Вновь подчеркнем, что число жертв в п. Упечы, где до войны проживало менее 1400 евреев, не превышает 600 человек (т. е. на 2400 меньше, чем сообщал партизанский источник). Вероятно, более точны минимальные данные и по Новозыбкову (950 человек), ибо сложно допустить, что 2860 евреев проживали на территории области до ноября 1942 г.

Согласившись на минимальные цифры по этим населенным пунктам, мы сокращаем «пожницы» статистических данных до 5000 жертв по двум городам (Брянск — 4200; Почеп — 854).

Таким образом, можно предположить, что на территории Брянской области было уничтожено не менее 17 000 советских евреев²⁹³.

На территории довоенной Орловской области (куда входила и Брянщина) в ее современных границах проживало около 6000 евреев, более половины которых (3143 по переписи 1939 г.) были жителями областного центра. Орел был оккупирован нацистами 3 октября 1941 г.

Несмотря на «неутешительные» для оккупантов прогнозы в сводных отчетах айзатцгрупп, несколько сот евреев осталось в Орле²⁹⁴. Их регистрация была проведена отдельно от остальных жителей.

В начале 1942 г., по некоторым данным, властям был представлен список на 300 евреев. 20 февраля 1942 г., в связи с перерегистрацией жителей Орла и получением новых паспортов, были составлены новые списки, где значилось 175 человек.

Они сохранились в фонде Орловской городской управы с указанием имен, отчества, фамилий, возраста и адресов 153 евреев Орла старше 14 лет. В отдельный список включены 22 ребенка в возрасте от 2 до 14 лет. Были также составлены демографические таблицы с указанием членов семей и одиночек, а также по возрастным группам²⁹⁵.

Как и в Брянске, гетто в областном центре создано не было. Однако еврейское население было обязано не только носить опознавательные знаки, но и получить в паспортах при перерегистрации в марте особую отметку с буквой «Ж» (жид)²⁹⁶. Регистрация позволила властям периодичес-

ки вызывать еврейских мужчин «на работу», после чего они оказывались в местной тюрьме и вскоре расстреливались. В числе расстрелянных в 1941 г. оказался и старейший еврей города врач И.Я. Фельдман, назначенный оккупантами первым главой еврейской общины. Перед казнью его «возили обнаженным по городу с вырезанной на спине звездой»²⁹⁷.

Расстрелы на территории области проводились зондеркомандой-76, которой командовал штурмбанфюрер СС Блюм. Арестами, допросами и казнями орловских евреев занималась также местная полиция под руководством М. Букина. С его активным участием проводились розыск и уничтожение скрывавшихся евреев.

Особенностью уничтожения орловских евреев было то, что они истреблялись поэтапно, небольшими группами. В конце 1941 г. уничтожались преимущественно мужчины, зачастую под предлогом борьбы с противником. В «Донесении о положении в СССР» № 148 от 19 декабря 1941 г. отмечалась казнь в Орле 13 человек, включая нескольких евреев, обвинявшихся в поджогах²⁹⁸.

Уже с января 1942 г. и особенно активно в марте, апреле, летом и осенью, а также в декабре 1942 г. проходили аресты и расстрелы женщин и членов еврейских семей, проживавших на разных улицах города. В Государственном архиве Орловской области сохранились составленные со слов соседей сведения о некоторых из них: Р. М. Мошкович; Е.Г. Герштейн с дочерью; семья И.Л. Гросмана; мать и сын Федермань; семья Вайзеров (5 человек; глава семьи Б.В. Вайзер был арестован еще в ноябре 1941 г.); семья Гарбуз; семья Рейхманов; семьи Шехтманов и Варшавских; семья Немцевых (5 человек); семья Циплиных-Левит; С.Г. Бельх; семья Зайцевых; Розенфлянд С.А.²⁹⁹ Важно подчеркнуть, что некоторые из них не были указаны в списке евреев города, что позволяет предположить, что часть еврейского населения, особенно состоявшие в смешанных браках и полукровки, уклонялись от регистрации. Они выявлялись сыскной полицией с помощью осведомителей и доставлялись (в том числе из сельской местности) в городскую тюрьму, после чего уничтожались³⁰⁰.

Пик уничтожения евреев города пришелся на март. В сводном отчете о деятельности айнтатцгруппы № 184 от 23 марта 1942 г. говорится о «казненных в Орле евреях и еврейках», однако цифры не приводятся³⁰¹.

25 июля были расстреляны 92 пациента Орловской психиатрической больницы, среди которых были и евреи³⁰². Понск евреев и их расстрелы продолжались вплоть до лета 1943 г. Жертвы доставлялись в местную тюрьму и вывозились на расстрел в машинах-душегубках. В одной из них было двое еврейских детей, которых после ареста родителей в 1937 г. воспитывала соседка-учительница, и 18 евреев-военнопленных³⁰³.

Другой особенностью Холокоста в Орле было то, что евреев убивали в разных местах: как минимум в пяти (Тронцкое кладбище, где расстреляли первые жертвы; Медведовский лес; ров на Болховском шоссе у стрелкового тира «Динамо»; Малая Гать и лес у реки Цон; Старая Гать).

Всего на территории Орловской области в границах 1944 г. было уничтожено 4243 мирных жителя³⁰⁴. Можно предположить, что еврейские жертвы составили не менее четверти из них. К сожалению, в документах местной ЧГК более точные цифры не приводятся. В акте об экзегумации 932 трупов, включая детские, захороненных в Медведовском лесу и у д. Малая Гать, лишь констатировалось:

*«Много арестовано, вывезено из города и зверски уничтожено граждан Орла за принадлежность к еврейской национальности»*³⁰⁵.

Эти сведения о жестоком обращении с казенными дополняет свидетельство бывшего военнопленного о расстреле поздней осенью 1942 г. в Медведовском лесу нескольких семей евреев, которых в могилу сбрасывали живыми. Двое очевидцев этой трагедии сошли с ума³⁰⁶.

По-видимому, в январе 1942 г. были расстреляны евреи Мценска, собранные за неделю до уничтожения в неотапливаемом помещении местной школы. Людей не только не кормили, но даже запрещали выходить на улицу, чтобы набрать снега вместо воды. Свидетели Игнатова и Пучкова говорили о 2000 узников, которых повели на расстрел в район деревне Головлево. Однако это свидетельство и число жертв не вошли в заключительный акт районной комиссии³⁰⁷.

В г. Болхове, где в 1939 г. проживало 53 еврея, было уничтожено 353 человека³⁰⁸. Можно предположить, что несколько десятков из них были евреями.

Все вышесказанное позволяет предположить, что не менее 1000 евреев Орловской области стали жертвами Холокоста.

Организация уничтожения евреев в полностью захваченных осенью 1941 г. Калининской (Тверской) и Калужской областях имеет как ряд сходных черт, так и существенные различия. Калуга и Калинин, где накануне войны проживало более 2000 евреев, были оккупированы соответственно 11 и 16 октября 1941 г. Близость к Москве и хорошее транспортное сообщение позволяли эвакуироваться значительной части населения. Можно предположить, что в каждом из этих городов оставалось к приходу немцев не более 200—250 евреев, включая беженцев. Калинин и Калуга были в числе первых советских городов, освобожденных Красной Армией в результате контрнаступления под Москвой. Их оккупация продолжалась всего от 60 до 79 дней, поэтому нацисты не успели истребить все еврейское население. Обидно являлось то, что с первых дней оккупации в качестве заложников сразу после регистрации были арестованы евреи — коммунисты, комсомольцы и представители интеллигенции. Но если в Калуге из них было расстреляно 14 человек (среди них — Марк Шестак, комсомолец Хаппи, Зеленицкий и другие), а некоторые пожилые заложники выпущены (среди них — отец Хаппи и дирижер Гутман), то в Калининские среди уничтоженных 400 жителей города оказалось, вероятно, около 200 евреев. К сожалению, в актах ЧГК сведений о национальности уничтоженных не имеется и мы можем опираться лишь на косвенные данные.

В самом Калинин (в отличие от Калуги) и ряде городов Тверской области (в ее современных границах) гетто создано не было. Нет сведений и о том, что евреи носили отличительные знаки. Это отчасти объясняется тем, что подразделения АГ «А» активно продолжали «решение еврейского вопроса» в Прибалтике и на территории Псковской области. Методы же обращения с евреями и способы их уничтожения весьма напоминают то, что происходило в Брянске.

Жизнь 155 евреев в калужском гетто в течение полутора месяцев висела на волоске. Однажды они были собраны на улице и несколько часов простояли на морозе, ожидая отправки в комендатуру. Однако казнь в этот день не состоялась. Такие сборы еврейского населения перед расстрелом были типичны. В некоторых населенных пунктах Калининской области (как будет показано ниже) население также собиралось в ожидании приезда карательных подразделений, но было затем возвращено в гетто. Именно перазбериха в период советского контрнаступления среди карательных органов оккупантов сохранила жизнь сотням евреев из освобожденных населенных пунктов в декабре—январе 1942 г. Калужской, Калининской и некоторых других примыкающих к Москве областей. Впрочем, в 20-х числах декабря была предпринята хаотичная попытка уничтожить узников калужского гетто — оно было подожжено (в огне погибли несколько пожилых и больных людей), по убежавшим евреям был открыт огонь (было несколько убитых и раненых); в страшный мороз евреям запрещалось заходить в квартиры других жителей, а последние были предупреждены, что за одного укрываемого еврея будет расстреляно 15 русских. Несколько пожилых евреек (3 сестры Ремен — Анна, София и Елизавета), прятавшиеся в убежище (канаве) под открытым небом, были застрелены вонским патрулем. Всего же в Калуге погибло около 25 евреев¹⁰⁹.

Несколько еврейских семей — одиннадцать человек (по другим данным — 23 семьи) было истреблено в Сухиничах, оккупированных с 7 октября 1941 г. по 29 января 1942 г., где также не было гетто. Можно предположить, что и в других населенных пунктах области были выявлены и расстреляны еще несколько евреев, в частности в Малоярославце и Спас-Деменске¹¹⁰.

Таким образом, число жертв Холокоста в Калужской области — около 100 — является минимальным в сравнении с любой другой полностью оккупированной областью или краем России.

Продолжим анализ уничтожения евреев в Тверской области. Ее западные районы (в современных границах) были захвачены врагом уже в конце июля—августе 1941 г. Расстрелами на территории области и организацией регистрации евреев, созданием еврейских советов и гетто занимались подразделения двух айнзатцгрупп — «А» и «Б», в частности команда-7а, действовавшая в районе Ржева и других населенных пунктах, примыкающих к территории современной Смоленской области. Калинин упоминается в отчете о деятельности айнзатцгруппы «В» от 10 де-

кабря 1941 г. среди вновь оккупированных городов, которые подвергаются обработке «методами СД». Отмечалось массовое бегство евреев, количество которых здесь, в любом случае, «было небольшим», из этих территорий³¹¹.

Но из небольших населенных пунктов, особенно западных районов области, эвакуация была незначительной. Так, Ильино, где до войны проживало более 200 евреев, было оккупировано ровно через месяц после начала войны.

Не многие евреи покинули и Торпец, захваченный в 20-х числах августа. Здесь осенью 1941 г. погибли 75 человек (по другим данным — 59)³¹².

19 октября 1941 г. были расстреляны 39 евреев в д. Солёные. В феврале 1942 г. в д. Юшково 44 еврея были согнаны в одну хату и сожжены (троих, вырвавшихся из охваченного огнем дома, оккупанты застрелили).

75 евреев (из 92 проживавших в 1939 г.) погибло в городе Белый. В акте о зверствах оккупантов говорится:

*«Еврейское население города было собрано в районе стадиона и полностью уничтожено. 65 человек, в основном женщины и дети, были расстреляны, 10 мужчин были повешены»*³¹³.

13 февраля в поселке Лопня Октябрьского района было расстреляно 13 семей — всего 38 человек, включая детей в возрасте от 1 до 5 лет³¹⁴. В феврале 1942 г. в рабочем лагере в пос. Чихачево умерло от голода и непосильного труда 260 евреев³¹⁵. В Ржеве (до войны здесь проживало свыше 450 евреев) в оккупации оказались, видимо, не менее четверти из них, так как здесь были созданы не только еврейский совет, но и еврейская полиция порядка (одна из немногих на территории России). Точных данных о числе жертв не сохранилось. По документам ЧГК, 38 человек были казнены летом 1942 г.³¹⁶

В ночь с 24 на 25 января 1942 г. Красной Армией было освобождено местечко Ильино, а узники гетто — 200 человек — буквально спасены от ожидавшегося на следующий день расстрела³¹⁷.

Таким образом, по документальным данным и справочной литературе, на территории 8 городов и сел Тверской области погибло около 570 евреев.

Имеются также косвенные данные о расстрелах еврейского населения в других населенных пунктах области. Осенью 1941 г. были уничтожены все евреи, оставшиеся в Андреаполе, Нелидово (в 1939 г. здесь проживало соответственно 133 и 124 человека, оккупированы в конце сентября), а также из г. Западная Двина (в 1939 г. здесь проживало 445 евреев; оккупирован 6 октября). Вероятно, не менее четверти довоенного еврейского населения — около 170 человек — было уничтожено и в этих населенных пунктах.

В Бежецке, Бологом, Вышнем Волочке в 1939 г. также проживало свыше 700 евреев³¹⁸. Можно предположить, что не менее 170 из них были уничтожены.

Все евреи — примерно 100 человек (в 1939 г. их было 253), оставшиеся в оккупированных 25 июля 1941 г. Новосокольниках, были уничтожены в 1942 г. после издевательств и мучений.

Следовательно, можно предположить, что еще около 680 человек (включая свыше 200 евреев Калинина) было уничтожено в восьми других населенных пунктах области.

Всего же на территории области нацисты уничтожили примерно 1250 евреев. Отметим, что основные жертвы приходятся на осень 1941 г.

Как и в других регионах, нацисты использовали самые зверские методы расправы над еврейским населением. Так, во Ржеве были обнаружены трупы часового мастера и его жены со следами колотых ран. В Торосше детей не расстреливали, а «вскрывали сосуды» и бросали в отдельную могилу³¹⁹.

В тех областях, которые были освобождены Красной Армией до создания ЧГК в ноябре 1942 г. и особенно зимой 1941/42 г., в актах, составленных воинскими подразделениями, наиболее полно зафиксированы сведения о национальном составе жертв.

Это позволяет нам выяснить примерное число жертв Холокоста в Тульской области. Так, при освобождении с. Дубовое Узловского района 22 ноября 1941 г. был составлен акт, в котором говорилось:

«Из всех соседних деревень немцы пригнали в Дубовое избитых в кровь женщин, стариков, детей-подростков — евреев, всего 25—30. Все было без обуви, почти без одежды, или по снегу босиком, подгоняемые тремя охранниками. У околицы деревни их, уже почти не державшихся на ногах, всех расстреляли из автоматов и бросили в проходившую здесь траншею, где слегка закопали и засыпали снегом»³²⁰.

В деревне Прудное, оккупированной в октябре 1941 г., двадцать евреев были сожжены 19 ноября 1941 г. В акте, составленном ровно месяца спустя, местные жители свидетельствовали, что нацисты собрали евреев из 3 окрестных деревень и заперли их в колхозном сарае:

«Сарай обложили соломой и подожгли. Оттуда раздавались страшные крики. Немецкие солдаты стояли вокруг. Сарай и все заточенные в нем люди полностью сгорели».

Этот варварский прием уничтожения евреев нацисты применяли неоднократно. 11 января 1942 г. они собрали в селе Рындино Бобынинского района 18 еврейских юношей и девушек в возрасте 14—18 лет, которые прятались в Рындино и окрестных деревнях Булышево, Бышковици, Щуплово. Их «раздели, загнали в холодный погреб, бросили туда солому и подожгли». Пытавшихся выбраться из огня расстреливали.

В ноябре были убиты 12 человек (три еврейские семьи), включая пять маленьких детей в д. Сургуново. В д. Судаково была расстреляна еврейская семья из 5 человек, включая троих маленьких детей. В селе Федоровка Ленинского района нацисты уничтожили всех евреев:

«Собрали из Федоровки и окрестных деревень всех проживавших в них местных жителей-евреев — всего человек 60, в основном женщины, детей,

стариков. Их отвели в стоявшую рядом рощу и там группами по 5—6 человек всех без исключения расстреляли»³²¹.

Около 10 евреев были уничтожены 23 ноября 1941 г. в г. Ефремов³²².

Таким образом, число жертв Холокоста в Тульской области составило не менее 150 человек.

Несколько десятков евреев были выявлены и уничтожены нацистами (в том числе как партийные, комсомольские работники и участники Сопротивления) на оккупированной территории Московской области. Так, поздней осенью — зимой 1941 г. были убиты все обнаруженные нацистами евреи в Клину (до войны проживало около 300 евреев). В Можайске, где по переписи 1939 г. проживало около 250 евреев, расстрелы проводились во второй половине октября и 20 ноября у деревни Орешки. В Наро-Фоминске (около 150 евреев проживали здесь накануне войны) расстрелы проводились с конца октября по начало декабря.

Можно предположить, что в этих трех городах погибло 8 — 10% довоенного еврейского населения, что составляет примерно 60 жертв.

В поселке Уварово (ныне Можайский район) 13 евреев (в том числе пять детей) были расстреляны уже в первый день оккупации в ноябре 1941 г. В деревнях Власово, Федоровское, Селищево были расстреляны соответственно семья из 4 человек, включая маленьких детей; две скрывавшиеся молодые девушки из Уварово, которые были перед расстрелом зверски изнасилованы; а также мать с 4-летним ребенком. Всего здесь погибли 8 человек³²³.

В деревне Земцово несколько еврейских семей были казнены в ноябре 1941 г. В Рузе около 40 евреев, включая 18 беженцев, были уничтожены между 25 октября 1941 г. и 17 января 1942 г. В акте, составленном красноармейцами и местными жителями 18 января 1942 г., говорилось:

*«В четырех домах, где проживали еврейские семьи, все они были застрелены прямо в комнатах, в том числе и малые дети»*³²⁴.

Всего же на территории Московской области нацистами было убито около 130—150 евреев³²⁵. Немногочисленные сведения о жертвах Холокоста в Рязанской области. В Скопине, где до войны проживало около 100 евреев, не сумевшие эвакуироваться (около 20 человек) были расстреляны 25—28 февраля 1942 г.³²⁶

В Белгородской области в ее современных границах (до войны Белгородчина входила в состав Курской области) уничтожение евреев было начато в феврале 1942 г. Отметим, что значительная территория Белгородчины оказалась в руках противника только в июле 1942 г.

Белгород (накануне войны здесь проживало около 500 евреев) был взят противником в октябре 1941 г. Однако «еврейский вопрос» был решен в начале февраля следующего года.

Уничтожение евреев Белгорода прошло в ходе одной «акции»: 5 февраля 1942 г. было расстреляно более 1700 человек возле поселка Михайловское.

Перед казнью их собрали в подвалах гестапо (в здании, которое перед войной занимала аптека № 8). Ранним утром обреченных погрузили на огромные пятитонные машины (больных и слабых грузили на носилках) и отвезли к месту расстрела. Здесь людей раздевали и заталкивали в сарай, по которому вели автоматный огонь.

Перед казнью происходили душераздирающие сцены. Жительница Белгорода Савицкая, русская, была замужем за евреем — часовщиком Лифшицем. Ей пришлось сделать страшный выбор:

«Немецкой комендантурой было предложено отказаться от своего ребенка и отдать его на сожжение. Мать отказалась выполнять предложение и была вместе с маленьким сыном сожжена».

Местных жителей среди казненных было около 90; подавляющее большинство погибших составляли беженцы³²⁷.

Некоторые еврейки, имевшие русских мужей, прятались у родственников. Одну из них, по имени Ида, нацисты арестовали и расстреляли только в марте 1943 г.

Поскольку уничтожение происходило зимой, нацисты провели злощастный эксперимент: после расстрела трупы облили горячей жидкостью и сожгли. Несгоревшие останки трупов засыпали песком. Такой метод был применен на территории России первый и последний раз (возможно потому, что сжечь полностью трупы не удалось).

Представляется, что это было сделано не с целью скрыть следы преступления, а для предотвращения эпидемии.

На территории Белгородчины (в городах Валуйки, Новый и Старый Оскол) уничтожение евреев продолжилось летом 1942 г. Но число жертв здесь измерялось десятками человек, поскольку подавляющее большинство евреев знало об ожидавшей их судьбе и сумело эвакуироваться.

Всего на территории Белгородской области были уничтожены примерно 1750 евреев.

В Курске (как и в Брянске, Калининске, Орле) нацисты приступили к уничтожению евреев уже в начале ноября. Особенностью экзекуций было то, что, по свидетельству уцелевших, первыми были уничтожены *«все дети евреев путем ядовитых прививок, сделанных в немецкой комендантуре»*.

Затем евреи (мужчины и женщины, в количестве 100 — 125 человек) были арестованы и помещены в подвал родильного дома. У них отобрали все вещи, включая одежду и обувь, затем затолкали в машины и увезли за 6 км от города. Здесь у деревни Щетинка они были расстреляны. Еще около 35 человек были расстреляны в центре Курска — одна группа около бани, а другая — у мединститута. Среди них были известные в городе врачи Гельман и Шендельс, семьи Пилецких и Шпиценбургов.

Вторая, и завершающая, акция была проведена 6 июня (по другим источникам — 6 июля) 1942 г., когда 400 человек были арестованы и помещены в городскую тюрьму. Затем их вывели за город и расстреляли в районе Солянки³²⁸.

Осенью 1941 — летом 1942 г. проходили антиеврейские «акции» и в городах Курской области. Так, в г. Дмитриев-Льговский, оккупированном 8 октября 1941 г., где до войны проживало более 100 евреев, осталось 16 специалистов (врачи, портной, сапожник, парикмахер и другие). Они были собраны в одном доме, но вплоть до казни использовались не по специальности, а на тяжелых и опасных работах³²⁹.

По такому же методу были убиты евреи в захваченном нацистами 5 октября 1941 г. Рыльске (до войны их проживало здесь более 200). Их загнали в нежилой дом по ул. Сталина и несколько дней перед расстрелом продержали без еды.

Были уничтожены и все евреи, оставшиеся в оккупации в городах Льгов и Обоянь (до войны их проживало здесь около 100), а также несколько евреев в Новом и Старом Осколе, Судже и Фатеже, оккупированных осенью 1941 г.³³⁰

В Новом и Старом Осколе вскоре после оккупации была распространена «Прокламация» за подписью «Венгерский комендант», в которой всем евреям предписывалось «заявить о себе в течение 24 часов» под угрозой смертной казни³³¹. Это одно из редких документальных свидетельств участия венгерских войск в Холокосте на территории России.

Всего в документах нами выявлены сведения об уничтожении примерно 600 евреев в Курской области.

Таким образом, мы рассмотрели судьбу евреев в 10 оккупированных областях Центрального региона России. До войны здесь проживало (согласно переписи 1939 г.) примерно 100 000 евреев. Мы полагаем, что около 70% из них смогли эвакуироваться. На территории региона нацисты уничтожили, по нашим подсчетам, не менее 39 600 евреев. Из них 7000 — 8000 человек были беженцы из Украины, Молдавии и Белоруссии. Подавляющее число жертв (34 600) было уничтожено на территории Брянской и Смоленской областей.

Около 90% всех жертв Холокоста погибло до Ванзейской конференции. Остальные были уничтожены в феврале — сентябре 1942 г. Скрывавшихся евреев и узников немногочисленных рабочих лагерей уничтожали вплоть до лета 1943 г.

На территории некоторых областей региона, вследствие непродолжительной оккупации и контрнаступления Красной Армии под Москвой, а также больших временных возможностей для эвакуации и ввиду информированности о преступлениях нацистов, подавляющее большинство евреев избежало гибели. Это обстоятельство является одной из главных особенностей данного региона.

УНИЧТОЖЕНИЕ ЕВРЕЕВ НА ЮГЕ РОССИИ И СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Уничтожение евреев Юга России и Северного Кавказа началось летом 1942 г. В этом принимали активное участие подразделения айизатц-группы «D», а также полевой жандармерии, войска СС и местные поли-

цейские формирования, действовавшие в тыловых районах группы армий «Юг». По хронологии, эта часть России была последней, захваченной нацистами. В начале второго года войны были также частично оккупированы Калмыцкая АССР, Воронежская и Сталинградская (Волгоградская) области.

В конце июля — сентябре 1942 г. враг полностью захватил два края — Краснодарский и Ставропольский, а также Ростовскую область (часть ее, включая Таганрог, оставалась под контролем гитлеровцев еще с осени 1941 г.; другая (включая Ростов) — после непродолжительной оккупации была освобождена Красной Армией в ноябре 1941 г.).

Осенью 1942 г. войска противника на непродолжительный период частично оккупировали Кабардино-Балкарскую и Северо-Осетинскую АССР.

Холокост в этом регионе имел несколько особенностей. Во-первых, население было хорошо информировано об уничтожении евреев СССР и имело, на первый взгляд, достаточно времени для эвакуации. Однако внезапное наступление противника и сложности с организацией индивидуального бегства, ввиду ограниченных транспортных возможностей в данном регионе, не позволили многим евреям осуществить ее.

Во-вторых, именно в этом регионе оказалось больше всего эвакуированных евреев Центральной и Северо-Западной России (включая Ленинград), а также Украины и Молдавии, насчитывающие тысячи человек. В основном это были женщины, пожилые люди и дети. Довольно значительную часть эвакуированных составляли пожилые научные работники, врачи, творческая интеллигенция — их концентрация в данном регионе была наибольшей среди жертв Холокоста в России.

Для самостоятельной эвакуации, укрытия у местного населения и организации сопротивления подавляющее большинство этих людей не имели ни сил, ни средств, ни связей.

В-третьих, нацисты не создавали здесь гетто, а проводили тактику максимально быстрого уничтожения еврейского населения, особенно в больших городах и местах их массового проживания. Практически везде, где численность евреев превышала несколько сот человек, они были уничтожены в первые недели оккупации (за исключением оставленных после первой акции в живых еще на полтора месяца около 500 евреев в Ессентуках).

В-четвертых, именно на Северном Кавказе для истребления евреев столь массово использовались машины-«душегубки».

В-пятых, каратели учли не только свой опыт «очищения от евреев» Крыма подобными темпами и методами, но и разнообразили их, используя (хотя и не везде) авторитет еврейской интеллигенции для проведения регистрации и сбора населения с целью уничтожения.

Вот почему количество еврейских жертв в данном регионе было столь велико.

Буквально с первых дней оккупации нацисты ускоренными темпами проводили политику «окончательного решения еврейского вопроса». Ро-

стовская область частично была оккупирована нацистами осенью 1941 г. В Таганрог ворвались войска под командованием генерал-полковника фон Клейста. 26 октября 1941 г. в Таганроге, в Петрушиной балке, ЗК-10а под командованием оберштурмбанфюрера Кристмана было вывезено на машинах и угнано пешком, а затем убито не менее 1800 евреев. Причем один из свидетелей, рабочий кожзавода Михайлов, насчитал несколько колонн обреченных, не менее 7000—8000 человек³¹².

Местные исследователи называют цифру более 6500 человек (по другим данным — 8000), в том числе около 1500 детей³¹³. Это был, вероятно, первый столь массовый расстрел еврейского населения на территории современной России.

21 ноября 1941 г. нацисты всего за 8 дней заняли Ростов-на-Дону. С первых же дней, согласно акту от 30 ноября 1941 г., подписанному местными жителями одного из городских районов, гитлеровцы начали издеваться над евреями:

«Их искали по домам, погребам, на улицах. Только в доме на 36-й линии около детского сада убили 60 жителей-евреев, а всего в нашем районе — несколько сот, в основном женщины, детей, стариков. Перед расстрелом над многими издевались, избивали, выбивали зубы, многих убивали прикладом, разламывая головы. Прямо на улице валялись куски черепов этих людей»³¹⁴.

Основываясь на этих данных, можно предположить, что в период первой оккупации города здесь погибло более 1000 евреев. Другой свидетель показал, что 28 ноября в районе Нахичевани (ныне — один из районов Ростова) была расстреляна группа из 30 евреев³¹⁵.

Таким образом, на территории Ростовской области в 1941 г. было уничтожено от 2800 до 7500 евреев.

Вторично Ростов-на-Дону был занят нацистами 23 июля 1942 г. В тот же день по приказу военного коменданта города генерала Киттеля началась регистрация евреев. Как сообщалось в «Донесениях с оккупированных Восточных территорий» № 16 от 14 августа 1942 г. (одно из редких упоминаний Юга России), 1 августа зондеркомандой был организован еврейский совет, зарегистрировавший 2000 евреев³¹⁶.

Как видно из этого донесения, организацией уничтожения евреев в Ростовской области занималась до середины августа ЗК-10а, которую возглавлял оберштурмбанфюрер СС К. Кристман. Она входила в АГ «D», которую с июля 1942 г. возглавил оберфюрер СС В. Биркамп.

Вскоре на улицах города и в местной газете «Голос Ростова» (от 9 августа 1942 г.) появилось «Воззвание к еврейскому населению» с подписью: «За еврейский совет старейшин д-р Лурье». Обратим внимание на это название органа еврейской общины, которое не встречается в других документах на территории России.

Евреям Ростова предлагалось 11 августа собраться для перевода в особый район, где «они будут ограждены от враждебных актов» (такая формулировка в приказах и устных аргументах при личных беседах нацистов с

представителями общины были типичными). Оговаривалось, что приказ касается евреев обоих полов, в том числе — состоящим в смешанных браках (исключения для жен неевреев, как в Ставропольском крае, не делалось). В этот день все взрослое население города было расстреляно в Змиевской балке, находящейся недалеко от Ботанического сада и зоопарка. Дети были отравлены «путем смазывания губ ядовитыми веществами».

По данным ЧГК, с 23 июля 1942 г. по 13 февраля 1943 г. здесь было расстреляно 15 000—18 000 евреев, включая членов их семей другой национальности (они надеялись, что их «переселят» вместе с близкими)³³⁷. Местные краеведы называют большую цифру погибших в Змиевской балке — не менее 27 000 евреев-ростовчан³³⁸.

По документам ЧГК мы можем проследить следующую хронологию уничтожения евреев в других населенных пунктах области в 1942 г.:

июль — 101 эвакуированный (с Балабановка Миллеровского р-на);

август — около 20 в г. Азов и 300 («100 семей») в Шахтах;

сентябрь — около 70 в с. Александровка Азовского р-на (в том числе свыше 50 в колхозах «Ленинский путь» и «Красный набат»); около 150 человек (48 семей) местных и эвакуированных — в ст. Мичетинская; 248 — в г. Морозовске (по другим данным — около 110); 10 евреев в Новочеркаске; около 15—20 — «все евреи» Сальска и района (до войны их было около 100).

октябрь — 3 ребенка из детского дома в Новочеркаске³³⁹.

Итого — свыше 900 жертв в 7 населенных пунктах.

Также в 1942 г. были убиты несколько десятков евреев в райцентре Веселый; 31 еврей погиб в станице Егорлыцкой; 9 — в пос. Гуково; около 15 — в пос. Зерноград; 54 — в станице Орловской и ее окрестностях (х. Ромалов и Островянский, колхозы «Путь красного партизана», «Красное знамя», «Орджоникидзе», «Красный пахарь»); 11 — в с. Летник; 15 — станица Семикоракорская;

Общее число жертв в этих 13 населенных пунктах составило около 175 человек³⁴⁰.

В райцентре станице Кагальницкой гитлеровцы в течение месяца удерживали в сарае 38 еврейских семей в количестве «не менее 200 человек». Над ними издевались и использовали на самых тяжелых физических работах, а затем расстреляли³⁴¹.

Всего же в области, по официальным советским документам, было уничтожено в 24 населенных пунктах от 19 000 до 26 800 евреев.

Сведения других источников позволяют нам несколько уточнить число жертв. Так, не менее нескольких десятков жертв Холокоста было уничтожено в г. Каменск-Шахтинский (до войны здесь проживало около 200 евреев). В Морозовске и его окрестностях было уничтожено около 400 евреев³⁴². Около 40 детей, эвакуированных с Украины, были умерщвлены здесь ядом. На вопрос ребенка за что их будут убивать, полицейский ответил:

«Вас расстреливать не будут, всем только губки смажут медом»³⁴³.

Любопытный и по-своему уникальный документ сохранился в материалах политотдела 28-й армии. В качестве материала для бесед и докладов распространялся следующий текст:

«На пути от Ростова, который был освобожден нами 14 февраля 1943 г., в ряде городов и сел мы были свидетелями зверств гитлеровских оккупантов: угон населения в Германию, грабежи, насилия. Особенно зверствовали фашистские войска по отношению к еврейскому населению. Еще осенью 1941 г. на пути наступления немецких войск не оставалось ни одного еврея — все они безжалостно уничтожались...»

Местные жители показывали нам многие десятки могил, где были захоронены расстрелянные евреи»³⁴⁴.

По данным ростовского краеведа Е. Мовшовича, евреев расстреливали в Сальске, пос. Зерновом, Лигвиновке, Пролетарском, Мечетинской, Кагальницкой, Ремонтном и других населенных пунктах. Здесь погибло не менее 2000 жертв Холокоста³⁴⁵.

Таким образом, с учетом неполноты данных ЧГК, можно предположить, что в Ростовской области нацистами и их пособниками было уничтожено не менее 22 000 евреев.

Обращает на себя внимание, что эвакуированных среди жертв Холокоста здесь было гораздо меньше, чем в Ставропольском и Краснодарском краях. Лишь в Ростове был создан еврейский комитет. Ни в одном из городов не создавалось гетто.

Типичными можно считать события в Ставропольском крае. Он был оккупирован в августе 1942 г. В этот период здесь оказались тысячи эвакуированных евреев. Именно здесь разместились штаб АГ «Д». АК-12 разместились в Пятигорске, направив свои отряды в Ставрополь, Кисловодск, Буденновск (Прикумск), Стенное. Подразделения полиции безопасности самым тесным образом сотрудничали с военными фельд- и орткомандатурами, которые принимали самое активное участие в организации Холокоста.

4 августа был издан приказ о регистрации всего еврейского населения Ставрополя (Ворошиловска), начиная с 8 лет. В Пятигорске евреев регистрировали начиная с 6 лет³⁴⁶. Евреи Ставрополя получили приказ носить паруканые повязки с шестиконечной звездой; евреи Кисловодска — большую шестиконечную звезду на груди.

В Эссентуках и Кисловодске буквально через несколько дней после оккупации были созданы еврейские комитеты. Очевидно, они участвовали в составлении списков населения, в том числе — трудоспособных (в Эссентуках их было 507). В то же время сведений о таких комитетах в других населенных пунктах нами не обнаружено. Обращает на себя внимание любопытная информация из помещенной ниже статьи А. Толстого о том, что для членов еврейского комитета Кисловодска при депортации был выделен отдельный вагон. Если эта информация достоверна, то выделение комфортабельного вагона для руководителей общины

вполне могло быть сделано карателями как тактическая уловка. Также можно предположить, что комитет состоял из более чем трех членов.

11 августа 1942 г. появилось обращение немецкого командования к еврейскому населению Ставрополя. Оно было адресовано всем евреям-мужчинам (независимо от их вероисповедания), а также их женам и детям. Оговаривалось, что оно не касается «таких семей, где только жена — еврейка». В Ессентуках также были оставлены у мужей (если они проживали с ними, не были в армии или эвакуации) около 15 евреек³⁴⁷.

Все жители Ставрополя, включая эвакуированных, должны были собраться на следующий день у вокзала в 7 утра для переселения «в места, свободные от населения». С собой разрешалось брать до 30 кг на человека. Особо подробно гарантировалась сохранность имущества с угрозой расстрела для грабителей:

«Целесообразно в домоуправлении оставить перечень вещей. Домоуправление обязано выдать квитанции»³⁴⁸.

В Ессентуках и Кисловодске приказ о переселении и сборе издавался от имени еврейских комитетов. Военврач Борис Айзенберг, чья жена и 10-летний сын погибли в Ессентуках, сообщал Илье Эренбургу:

«Из разговоров с уцелевшими евреями и местным населением проскальзывает, что наивные в этом отношении евреи не представляли себе точно, что немцы совершат такую коварную и чудовищную расправу над невинными людьми. Об этой опасности на группе Кавминвод не предупреждали ни печать, ни руководство»³⁴⁹.

Хитроумная маскировка своих планов позволила нацистам обеспечить явку евреев к месту сбора. Кроме того, это облегчило изъятие ценных вещей, которые наверняка люди брали с собой.

О трагедии еврейского населения Ставрополя и других городов края рассказал в газете «Правда» известный русский писатель Алексей Толстой, являвшийся членом ЧГК. Его статья, наряду с очерком Василия Гроссмана «Треблинский ад», является одним из немногих примеров документальной публицистики о Холокосте, опубликованной в центральной прессе в годы войны.

Важно подчеркнуть, что данный текст касается одного из регионов России и он достаточно типичен как описание массовых казней советских евреев. Подробно рассказав о злодеяниях против местного населения в течение пяти месяцев оккупации, А. Толстой продолжал:

«Но я видел гораздо более печальное. На Северном Кавказе немцы убили все еврейское население, в большинстве эвакуированное за время войны из Ленинграда, Одессы, Украины, Крыма. Здесь было много ученых, профессоров, врачей, эвакуированных вместе с научными учреждениями...

Когда был объявлен «день переселения», евреи с величайшим облегчением собрались в указанных местах вместе с семьями, с багажом в двадцать килограммов на человека, с продовольствием на два дня. Ключи от квартир они оставили в домоуправлении — в приказе командующего ар-

мией им была гарантирована неприкосновенность их имущества. Один армянин рассказал мне, что в это утро он пришел на вокзал в Кисловодске; шумная и оживленная толпа грузилась в девятнадцать открытых и закрытых вагонов, двадцатый был для членов еврейского комитета.

... К часу дня поезд, в котором находилось около тысячи восьмисот человек, проехал станцию Минеральные Воды, прошел на запасной путь и остановился у стекольного завода. «Вылезай, прыгай на землю!» — кричали немцы-конвоиры.

... Последовал приказ сдавать драгоценности. Торопливо снимали серьги, кольца, часы и бросали в мисочки охранников. Прошло еще минут десять. Подъехала штабная машина с начальником гестапо Вельбен и комендантом Пюль. Последовал приказ: «Раздевайтесь всем догола...»

Все это мне рассказал единственный из оставшихся в живых старик Фингерут — он спрятался на запасном пути в траву между колесами. Когда был приказ — раздеваться, — люди поняли, что сейчас — конец жизни, сейчас — казнь. Люди начали кричать, метались и так кричали, что вылезали глаза и многие сошли с ума. Многие раздевались — непонятно зачем, женщины оставались в трусиках, мужчины в кальсонах. Охранники погнали толпу этих людей по полю аэродрома к противотанковому рву, отстоящему в километре от стекольного завода. Фингерут увидел немецкого солдата, который волок за руки двух детей. Вынул пистолет и застрелил их. Тех, кто пробовал бежать, убивали выстрелами. Несколько автомобилей кругами мчались по полю, из них стреляли по разбегающимся. Нелегко убить тысячу восьмисот человек; подогнав к противотанковому рву, их расстреливали от часу дня до вечера.

Ночью к этому рву стали подходить закрытые машины из города Ессентуки. Там, точно так же спровоцированные через еврейский комитет, по приказу коменданта Бек, в здании школы — на окраине Ессентуков — собрались для переселения с базисом и продовольствием 507 трудоспособных евреев и около полутора тысяч детей, стариков и старух. Все они ждали отправки. После двадцати часов охранники начали грабить их багаж и партиями грузить людей в машины. К утру следующего дня все две тысячи человек были умерщвлены и свалены в противотанковый ров в Минеральных Водах.

Показаниями свидетелей и медицинскими исследованиями трупов можно установить, что для умерщвления немцы применяли, кроме расстрела, также удушение окисью углерода в герметически закрытых, специально для такого убийства построенных машинах.

... В Пятигорске точно так же две тысячи восьмисот евреев — взрослых и детей — были провокационно созваны для переселения, отвезены в машинах в Минеральные Воды, умерщвлены и свалены в противотанковый ров. Немцы «очищали» Пятигорск и в дальнейшие дни...

В г. Ставрополе... 12 августа немцы вывезли в район аэродрома три тысячи пятьсот жителей еврейской национальности и расстреляли их из автоматов. 15 августа вывезли на территорию психиатрической боль-

ницы еще пятьсот граждан еврейской национальности, расстреляли и зарыли в сенокосных ямах»³⁵⁰.

Отметим, что евреи Кисловодска были расстреляны 9 сентября 1942 г. Таким образом, только в 4 крупнейших городах Ставропольского края нацисты уничтожили свыше 11 000 евреев (в Ставрополе — 4000; в Пятигорске — 2800; в Ессентуках — 2483 (еще один расстрел здесь прошел 29 октября 1942 г.); в Кисловодске — 1800).

Убийства евреев (в основном эвакуированных) нацисты и местная полиция проводили в августе 1942 г. в следующих городах края:

в г. Буденновске — несколько сот; в районном центре Георгиевске — 1100 человек (еще несколько десятков специалистов и детей-полудуковок здесь расстреляли в декабре 1942 г.).

В селах и станицах края: 55 — в ст. Александрийской Александрийско-Обилесенского (ныне — Георгиевского) р-на; 26 — в с. Алексеевское Благодарненского р-на; 170 — в ст. Боргустанская Предгорного р-на; 185 — в ст. Горячеводская Пятигорского р-на; 118 — в с. Московское и 14 — в с. Изобильное Изобильненского р-на; 185 — в с. Дмитриевское Красногвардейского р-на; 112 — в с. Донском Труновского р-на; 54 — в с. Ипатово Благодарненского р-на; 41 — в ст. Мартинская Англолонского р-на; 17 — в райцентре с. Гофицкое³⁵¹.

Итого: свыше 2350 человек, а вместе с евреями Ставрополя — свыше 6350 в 13 населенных пунктах.

В сентябре карательные акции были проведены соответственно 2 — 5 и 28 сентября в городах Железноводске — свыше 100 человек и Черкесске (столице Черкесской АО в годы войны) — 820 жертв.

Евреев в этом месяце также убивали в станицах и селах края: в ст. Александровской Георгиевского р-на — 55 человек; в с. Арзгир — более 150 беженцев (есть сведения о 675 расстрелянных); в с. Безопасное Труновского р-на — 161; в с. Богдановка Степновского р-на — 850; в с. Дивное Апанасенковского р-на — 360; в пос. Зеленокумск Пятигорского р-на — около 200 эвакуированных. Продолжились расстрелы в с. Ипатово — 86 местных евреев; в с. Ново-Крестьянское Ворошиово-Александрийского р-на — 62; в с. Михайловка Ворошиловского р-на — 303; в ст. Ново-Троицкая Егорлыкского р-на — около 550 (из них опознано 240 человек); в райцентре ст. Новоалександровская — около 540; в райцентре с. Солдато-Александровское — свыше 200; в райцентре с. Степное — 480. Здесь евреи были отравлены газом в «душегубках»³⁵².

Число жертв в этих 15 населенных пунктах составило свыше 5000 человек. Если добавить сюда еврейские жертвы в Пятигорске, Кисловодске и Ессентуках (6600 человек), то общая сумма потерь еврейского населения составит 11 800 человек в 18 населенных пунктах (в одном из них расстрел был повторный).

В октябре — уничтожены последние евреи в Ессентуках (483 человека); проведены расстрелы в райцентре, ст. Курская — 250 человек; в ст.

Григориаполисской Новоалександровского р-на — около 150; в с. Ипатово — 86 местных жителей. Всего — 969 евреев в 4 населенных пунктах (в двух из них казни прошли повторно)³⁵³.

В ноябре каратели провели выявление и уничтожение евреев в с. Благодарном Шаповаловского р-на (74 еврея); в райцентре с. Труновка — свыше 40 (еще несколько человек были убиты в августе). В этом месяце было наименьшее количество еврейских жертв в крае — всего 114 в 2 городах³⁵⁴.

В декабре 1942 г. евреи были убиты: в ст. Зеленчукская — 180 человек; в с. Дмитриевское Красногвардейского р-на — 20 декабря 1942 г. было казнено 150 евреев. Продолжилось уничтожение евреев в ст. Горячеводской — 150 жертв. В с. Соломенка Степновского р-на — 39; в Н. Архызе Карачаевской АО убили 20 детей-сирот. Итого: 538 евреев в 5 городах (3 новых)³⁵⁵.

В акте ЧГК говорилось, что в селе Богдановка Курского (ныне — Степновского р-на) нацисты, предположительно в декабре 1942 г., «истребили все население двух местных колхозов, состоявших из горских евреев, в количестве 850 человек, включая сюда женщин, детей и стариков»³⁵⁶.

Также указан лишь год расстрела (1942) в актах ЧГК о еврейских жертвах в с. Благодарном — 168 эвакуированных; с. Новоселицкое и Чернолесское Новоселицкого р-на — соответственно 99 и 35 человек.

В Теберде (в декабре, по другим данным — в августе 1942—январе 1943 г.) и Микоян-Шахаре (Клухори, ныне — Карачаевск, административном центре Карачаевской АО) — в январе 1943 г. убили соответственно 285 и 62 еврея. С 1944 г. эти города вошли в состав Грузии, но в 1957 г. возвращены в состав РСФСР.

Всего же в 6 населенных пунктах без точных дат расстрела и на рубеже 1942/43 г. было уничтожено около 1500 евреев³⁵⁷.

Всего на территории Ставропольского края было уничтожено 31 645 мирных граждан. Значительную их часть — около 19 700 человек — составляют жертвы Холокоста. Основные карательные акции прошли в августе—сентябре 1942 г., когда было истреблено 18 150 евреев.

По данным А.И. Круглова (использовавшего материалы судебных процессов над изменниками Родины)³⁵⁸, эти цифры несколько выше:

<i>Месяц</i>	<i>Число жертв</i>
<i>Август</i>	<i>ок. 6 000</i>
<i>Сентябрь</i>	<i>13—14 000</i>
<i>Октябрь</i>	<i>ок. 2 000</i>
<i>Ноябрь</i>	<i>0, 4</i>
<i>Декабрь</i>	<i>1200</i>
<i>Итого</i>	<i>ок. 23 500</i>

Кроме того, еще примерно 1,5 тысячи человек, в основном беженцев, не были учтены в архивных материалах. Таким образом, общее число

уничтоженных евреев Ставропольского края составляет около 25 000 человек³⁵⁹.

Разновидность гетто — концентрация в течение полутора месяцев около 500 евреев в здании школы и использование их на работах — зафиксировано в документальных свидетельствах лишь в г. Ессентуки³⁶⁰.

По аналогичному сценарию проходило уничтожение евреев и в Краснодарском крае. Здесь (так же как в Ставропольском крае и Ростовской области) действовала айгизатцгруппа «D». В ее состав входила ЗК-10а под руководством оберштурмбанфиюрера СС К. Зеетцена (с конца августа его заменил «отличившийся» в Ростовской области К. Кристман). В этой зондеркоманде служили и местные жители³⁶¹. Она провела экзекуции в Ейске, Темрюке, Анапе, Новороссийске. ЗК-10б во главе со штурмбанфиурером СС А. Перстером находилась сначала в Анапе. Айгизатцкоманда-11 в первые дни августа находилась в Майкопе, а ее подразделения действовали в Армавире, Белой Глине, Кропоткинне, Лабинске, Черкесске и Хадзыженской.

В этом регионе нацисты активно использовали «дунегубки». Еврейские комитеты были созданы в Армавире, Краснодаре и Новороссийске. Обозначение евреев шестиколечными звездами зафиксировано в Армавире (желтого цвета) и ст. Лабинская (белого цвета)³⁶².

Гетто, так же как и в Ростовской области, не создавалось, и уничтожение евреев шло быстрыми темпами. Количество еврейских жертв было весьма значительным. Не случайно (что встречается по другим регионам крайне редко) на обложках ряда дел местной ЧГК значилось: «Материалы о массовых расстрелах, пытках, издевательствах над мирным русским и еврейским населением в районах Краснодарского края».

Первый массовый расстрел евреев Краснодарского края (в большинстве своем — эвакуированных) произошел в начале августа 1942 г. в с. Белая Глина — погибло более 3000 человек. 17 августа 21 человек был расстрелян в совхозе «Тимашевец» Тимашевского района. Вскоре на хуторе Безлесный казнили 75 эвакуированных и в ст. Днепровской Тимашевского р-на — 75 евреев³⁶³.

5 евреев погибли в ст. Алексеевская и около 10 — в с. Новопавском Белоглинского р-на; 7 — в с. Первомайском Варинковского р-на; 150 — в ст. Гулькевич; 72 — в с. Джеганка Анапского р-на; 64 — в ст. Отрядной Архангельского р-на; 494 (из них 8 — местных) — в ст. Ильинской; 316 евреев — в ст. Тихорецкой; в конце августа 36 евреев-эвакуированных были убиты в ст. Кужорская Армавирского р-на³⁶⁴.

В Краснодаре свыше 3000 евреев были убиты 21 августа 1942 г. Одновременно были расстреляны все караимы³⁶⁵. Уничтожению предшествовал сбор всех местных и эвакуированных евреев в «гупиковом переулке», где их содержали под охраной без пищи и воды³⁶⁶.

Тогда же начались расстрелы в ст. Усть-Лабинской, но большую часть евреев убили позднее. В конце августа — начале сентября полицейские привезли для уничтожения в ст. Сергиевскую 92 еврея³⁶⁷.

Таким образом, в августе было уничтожено около 7400 евреев.

В сентябре самый массовый расстрел евреев на территории края имел место в ст. Темиргоевской и ее окрестностях. Здесь, в районе кирпичного завода и совхоза им. Сталина, были уничтожены 3000 человек.

Евреев собрали в помещении полиции ст. Петропавловской по ул. Красная, 19, где 16 сентября забрали одежду и продукты, а затем вывезли на расстрел³⁶⁸.

В этом же месяце продолжались расстрелы в городах края. Так, 539 евреев расстреляли в Армавире, где перед уничтожением их согнали в район кирпичного завода под предлогом «переселения в млыозаселенные области». Среди убитых было немало врачей, а также 14 детей из детского дома.

22 сентября (по другим данным — 16 октября) были расстреляны более 1000 евреев Новороссийска. Перед расстрелом их оцепили автоматчики, которые отобрали ценные вещи³⁶⁹. Здесь же вместе с детьми-евреями расстреляли их русскую мать Валентину Розенберг «за то, что замужем за евреем»³⁷⁰.

Около 200 евреев погибли в станциях Ново-Щербиновской (105 женщин, 55 детей в возрасте от 2 до 14 лет, 55 мужчин), Абинской и Белореченской. Около 50 евреев расстреляли в Коктебельском районе (50) и ст. Динская (42). Около 20 — в ст. Ярославской (25). Расстрелы проходили также в г. Черкесске и ст. Михайловской (по 19); в ст. Бесскорбная (15)³⁷¹. 10 эвакуированных евреев расстреляли на хуторе Зубов Удобненского района. 16 сентября в станции Удобной прошел первый расстрел, жертвами которого стали 19 евреев³⁷².

Всего в сентябре было убито свыше 5100 евреев.

В октябре продолжился расстрел евреев ст. Удобная: 369 человек погибли в районе совхоза им. Молотова; 150 евреев уничтожили в ст. Григориниолесской Новоалексеевского района; около 100 — в станциях Дондуковская (97) и Ленинградская (92). Сорок евреев расстреляли в ст. Ново-Деревянковская (они были арестованы ночью, 24 октября, у них отняли ценные вещи); 11 человек (2 семьи и 6 детей из детского дома) — в ст. Шевченковской в Адыгее; 7 евреев арестовали на хуторе Пролетарий и расстреляли в ст. Тимашевской³⁷³.

Всего в октябре погибло свыше 750 евреев.

В ноябре: около 3000 евреев были уничтожены в ст. Усть-Лабинской. Среди них идентифицированы по полу и возрасту 1403 человека (316 мужчин, 793 женщины, 294 ребенка), которые были беженцам или эвакуированными. На месте казни сохранились документы 17 евреев — жителей России (Ростова, Воронежской области), Крыма (Евпатория), Украины (Киева, Одессы, Запорожья), Белоруссии (Мозыря, Мышловичей).

29 евреев убили в ходе повторного расстрела в станции Ярославская. Еще 42 еврея расстреляли в станции Новоминская (после 3-недельного ареста, возможно, что узники находились на принудительных работах во «временном гетто» или в тюрьме).

Тремя партиями были расстреляны 316 евреев в Тихорецке. Перед казнью их собрали в подвале в здании полиции. Троице удалось бежать³⁷⁴. Несколько сот эвакуированных евреев расстреляли в Ейске³⁷⁵.

Всего в ноябре погибло 3700 евреев.

Около 3000 евреев при участии местной полиции были расстреляны 17 декабря в ст. Ладожской. Особо зверствовал полицай Птухин, зарезавший пожом 5-летнего Давида, его мать и еще трех человек.

Это был последний массовый расстрел на территории края. Лишь одному Л.Б. Борохову, беженцу из Молдавии, удалось скрыться. Данные о количестве жертв зафиксированы с его слов³⁷⁶.

Можно предположить, что евреи использовались здесь в трудовых лагерях (скорее всего на сельхозработках).

400 евреев после избиений и издевательств погибли в ст. Лабинской. 8 декабря их собрали в тюрьме и ровно через неделю расстреляли. Расстрелом руководил начальник местной полиции³⁷⁷. Кроме того, 70 евреев уничтожили в ст. Гнагинской; 30 — в ст. Советской Армавирского района (здесь евреев несколько месяцев использовали на сельхозработках — вариант рабочего лагеря). Они были уничтожены 30 декабря 1942 г.³⁷⁸

Всего же в декабре было уничтожено около 3500 евреев.

Среди расстрелянных евреев в Краснодарском крае было очень много детей, прежде всего эвакуированных. В августе 1942 г. нацисты пришли в детский дом в Армавире, который был эвакуирован из Одессы. Среди воспитанников не менее 70% детей составляли евреи. Здесь работали также шесть евреев-воспитателей. Успехами заведующей часть детей отдали на усыновление местным жителям, но 28 детей осталось. Удалось убедить карателей, что половина из них — русские. Однако 14 еврейских детей от 4 до 9 лет были расстреляны³⁷⁹.

В конце октября 1942 г. 11 еврейских детей из одесского детского дома № 6 вместе со своей воспитательницей, бывшей зам. директора этого детдома Зиной Борисовной Ривкиной, были уничтожены в машине-душегубке в ст. Бесскорбная. Свидетели вспоминали, что в этот день в детский дом вошли два гестаповца с переводчиком и потребовали у директора выдать 40 еврейских детей. У них был список воспитанников. Дальнейшие события этого дня изложены в показаниях свидетелей:

«Детей собрали в одну комнату и стали расспрашивать: у кого из них родители евреи. Отобрав таким образом одиннадцать человек детей-евреев, остальных детей гестаповцы выслали из комнаты. После этого подошла к детскому дому черная крытая немецкая автомашинка типа «душегубка» и в нее посадили всех одиннадцать детей. Когда дети начали кричать, один гестаповец сказал: «Не плачьте, вас повезут в отдельный детский дом. Здесь вам плохо, а там будет хорошо». В автомашине уже находилась еврейская семья — Ривкина Зинаида Борисовна, ...ее брат, Ривкин Давид Борисович, и их мать, Ривкина, и также еще один еврей

неизвестной фамилии. Когда детей посадили в автомашину, гестаовец стал закрывать дверку, Ривкина З.Б. попросила не закрывать дверку, так как дышать будет нечем, он немного оставил ее приоткрытой, а когда шофер завел мотор автомашины, гестаовец захлопнул дверку и замкнул на замок. Машина сейчас же ушла из детского дома в сторону города Армавира».

В Краснодарском архиве сохранились фамилии, имена и возраст детей. Из них: восемь девочек в возрасте от 10 до 17 лет (причем четыре были старше 14 лет) и два мальчика, 10 и 12 лет. Имя еще одного 12-летнего воспитанника не указано. Дети отправились в свой последний путь вместе с воспитательницей, Зинаидой Борисовной, которая до последней минуты успокаивала и утешала их³⁸⁰.

Всего на территории Краснодарского края погибло около 20 500 евреев³⁸¹.

В столице Кабардино-Балкарии Нальчике (здесь дислоцировалась зондеркоманда-106) и ряде других населенных пунктов нацисты массово не уничтожали горских евреев (татов), хотя еще в 1941 г. убивали их в Крыму, в районе Евпатории. В Нальчике были убиты в начале ноября 1942 г. несколько десятков европейских евреев и лишь 10 горских (очевидно, как советских активистов). Горские евреи, по решению специально созданной комиссии, были оставлены в живых. Не исключено, что в этом была и определенная заслуга фельдмаршала фон Клейста, а также председателя марионеточного Национального совета С. Шадова³⁸².

В Северной Осетии в окрестностях Моздока (в колхозах имени Менжинского и Кагановича) было расстреляно в августе 1942 г. около 1000 человек — 200 семей горских евреев — татов³⁸³.

В селе Богдановка под Моздоком 20 сентября 1942 г. всех горских евреев согнали в деревенский клуб, затем вывели и расстреляли мужчин, предварительно заставив их вырыть ямы. Через несколько часов были убиты женщины и дети. Всего здесь погибли 470 человек.

В поселке Менжиписк 19 октября были расстреляны 40 еврейских семей — свыше 130 человек³⁸⁴. В с. Ганштаковка (колхоз «КИМ») Моздокского района погибло в сентябре—октябре 1942 г. около 1400 человек, очевидно эвакуированных.

Таким образом, в республике было уничтожено около 3000 евреев³⁸⁵.

Около 1500 евреев, местных и эвакуированных, было уничтожено в Калмыкии. Здесь с 1 сентября 1942 г. действовала оперативная команда «Астрахань» под руководством гауптштурмфюрера СС Р. Маурера.

В акте ЧГК от 6 июля 1944 г. говорится, что сразу после вступления в Элисту оккупанты «начали чинить дикие издевательства над еврейским населением», которые «вскоре кончились полным истреблением». После регистрации и приказа о ношении белой звезды евреи были собраны в дом № 8 по улице Розы Люксембург. Им запрещалось выхо-

дить, они были лишены пищи и воды. Людей выгоняли для рытья траншей для укрытия танков, перетаскивания бревен. В этом импровизированном гетто узники находились 10 дней. Любопытно, что регистрация евреев произошла только после прибытия в город зондеркоманды во главе с шефом гестапо. Через два дня под предлогом вывоза евреев для работ на территорию Украины, их погрузили на автомашины и вывезли за аэродром, к месту городской свалки, где были приготовлены 4 большие ямы. Только в них были обнаружены трупы 620 человек, включая 45 детей.

Расстрел был произведен 9 сентября 1942 г. В нем участвовали также солдаты 16-й мотомеханизированной дивизии³⁸⁶.

Перед вывозом у евреев были отобраны все ценности, включая золотые и серебряные венцы: «таким путем гитлеровцы отобрали много ценностей и присвоили их». Остальные вещи были погружены на специальные автомашины³⁸⁷.

В Элисте детям надевали марлевые повязки, пропитанные ядом, либо смазывали губы ядовитым веществом, после чего они теряли сознание и их закапывали в землю еще живыми³⁸⁸.

Около 1100 евреев были уничтожены в **Воронежской** области, которая частично было оккупирована нацистами в ходе летнего наступления в 1942 г.

24 июля в с. Кантемировка была уничтожена местная еврейская семья из 3 человек, а затем 5 эвакуированных. В совхозе «Красный партизан» среди 187 жертв были евреи. В том числе — военнопленные³⁸⁹.

В областном центре, где накануне войны проживало более 8,5 тысячи евреев, не успевшие эвакуироваться или переправиться на контролируемый советскими войсками левый берег реки Воронеж были казнены нацистами 10 августа 1942 г.³⁹⁰ В акте ЧГК говорится:

«При выселении жителей из Воронежа проводилось массовое уничтожение еврейского населения: проверяли национальность по паспортам, выводили во двор и расстреливали».

При вскрытии могил было опознано по документам 77 трупов³⁹¹.

Около 80 евреев г. Россошь было уничтожено в августе 1942 г. на территории совхоза «Начало»³⁹².

В **Волгоградской** (Сталинградской) области уничтожение евреев происходило в конце лета — осенью 1942 г. Первыми были уничтожены 68 евреев в Аксае. В областном центре до войны проживало около 4,5 тысячи евреев. Большинство из них эвакуировалось, часть погибла в ходе разрушительных боев или расстреляна нацистами в оккупированной части города (несколько десятков). Как свидетельствовали очевидцы, нацисты издевались над евреями (в основном пожилыми и тяжело больными), убивали их непосредственно в домах или во дворах³⁹³.

После 25 сентября 1942 г. были уничтожены 12 евреев в колхозе «Сталиндорф» Калачевского района³⁹⁴.

Также в сентябре в Ворошиловском районе погибли 45 евреев, а в Водино — 47. Последними на территории области, в октябре 1942 г., уничтожили 164 еврея (в том числе — беженцев) в г. Каменка³⁹³.

Таким образом, на территории Волгоградской области погибли около 400 евреев.

Всего же на территории трех республик, двух краев и трех областей Юга России, преимущественно летом — осенью 1942 г., погибло не менее 67 500 евреев, что составляет 56,3% всех жертв Холокоста на территории республики. Подавляющее большинство этих жертв (62 200) были уничтожены на территории Ставропольского и Краснодарского краев, а также в Ростовской области.

Общее представление о масштабах геноцида в Российской Федерации дает приводимая ниже таблица, в которую включены данные из перечисленных выше документов:

Таблица № 6
Количество жертв Холокоста на территории России (в современных границах)*

№ п/п	Республика край, область	Количество жертв	
		Минимум людей	Максимум людей
1.	Белгородская область	1750	2000
2.	Брянская область	17 000	22 000
3.	Волгоградская (Сталинградская) область	360	400
4.	Воронежская область	1 100	1 100
5.	Республика Кабардино-Балкария	30	50
6.	Республика Калмыкия	1 500	1 800
7.	Калужская область	100	150
8.	Краснодарский край	20 500	22 000
9.	Курская область	600	1000
10.	Ленинградская область	4 100	5000
11.	Московская область	150	200
12.	Новгородская область	2 100	2 100
13.	Орловская область	1 000	1 200
14.	Псковская область	5 200	5 500
15.	Ростовская область	22 000	26 800
16.	Рязанская область	20	50
17.	Республика Северная Осетия — Алания	3 000	3 300
18.	Смоленская область	17 600	19 000
19.	Ставропольский край	19 700	25 000
20.	Тверская (Калининская) область	1 250	1 500
21.	Тульская область	150	200
	Итого	119 210	140 350

* Мы не принимаем в расчет утверждения краеведов из Смоленска и Ростова, по данным которых погибли еще свыше 50 000 евреев (соответственно 44 000 и 8200).

ХОЛОКОСТ В КРЫМУ

Систематическое уничтожение еврейского населения в Крыму, который к моменту начала войны входил в состав РСФСР, было начато и осуществлено в сжатые сроки под руководством АГ «D», которой командовал доктор О. Олейндорф. Уже в середине ноября 1941 г. были зарегистрированы 1052 еврея в Феодосии. В отчете гарнизонной комендантуры Керчи за 27 ноября 1941 г. говорилось, что, несмотря на то, что перепись (евреи составляли примерно 15% из 50 тысяч жителей города) еще не завершена, их ликвидация «в связи с угрожающим продовольственным положением будет продолжаться»³⁹⁶.

Уничтожение началось на следующий день с отравления 245 детей, выведенных якобы на прогулку и отравленных пирожными с ядом. Старшеклассники были вывезены за город и расстреляны.

29 ноября свыше 7000 евреев Керчи собрались по приказу оккупантов на Сенной площади, откуда они были переведены в тюрьму, где подвергались пыткам и насилиям³⁹⁷.

Именно в Крыму уже к январю 1942 г. успешно осуществилась программа «Юденфрай» (исключение составил Севастополь, захваченный нацистами лишь 4 июля 1942 г.). В ходе оккупации полуострова вместе с евреями-горожанами были уничтожены жители еврейских колхозов и районов степного Крыма.

Образование, имущественное положение и рабочая квалификация не имели здесь существенного значения. При уничтожении 40 еврейских семей (90 человек) Бахчисарая констатировалось, что они «не относились к богатым и жили довольно скромно. Служба безопасности и СД произвела выселение евреев 3.12.41»³⁹⁸. Всего же в Бахчисарайском районе было уничтожено около 5000 евреев³⁹⁹.

4 декабря были расстреляны 750 евреев Феодосии. Самый массовый расстрел произошел в столице Крымско-Татарской республики Симферополе 11 декабря 1941 г., когда были казнены 12 000 евреев и 2000 крымчаков (примечательно, что после консультаций со специалистами по расовым вопросам из Берлина в живых были оставлены каранты). В Карасубазаре (ныне Белогорск) 18 января 1942 г. было уничтожено около 2000 крымчаков. В Алуште первых 30 евреев расстреляли 24 ноября. Остальных (около 250) — 5 декабря 1941 г.

43 еврея из Джанкойского и Тельмаповского районов были расстреляны 30 декабря 1941 г.⁴⁰⁰

В с. Артемовка в марте 1942 г. было уничтожено около 1000 евреев и цыган⁴⁰¹.

Всего же в Крыму в 1941—1942 гг., только по немецким источникам, было расстреляно около 25 000 евреев и крымчаков⁴⁰².

Помимо нацистов, в Крым вторглись также и румынские войска. Уже после «решения еврейского вопроса», в 1942 г., Крым вошел в генеральный округ «Таврия», находившийся в составе рейхскомиссарната «Украина».

Захваченная Германией территория Российской Федерации — единственная из всех республик бывшего СССР, которая весь период оккупации находилась в зоне военной администрации. Евреев здесь в наибольшей степени рассматривали как опору коммунистического режима. Не случайно только на территории России их обозначали желтыми пятиконечными звездами. Это обусловило быстрые темпы уничтожения еврейского населения на Северо-Западе, Северном Кавказе и в Крыму (несмотря на наличие там некоторого количества гетто и мест временного содержания евреев). Крым, наряду с Эстонией и Молдавией, был в числе первых территорий, где еврейское население было выселено или уничтожено практически полностью к началу 1942 г. (за исключением сражавшегося Севастополя). Одна из причин этого — высадка морского десанта на полуострове и угроза эвакуации части потенциальных жертв.

По этой же схеме шло уничтожение евреев на Северном Кавказе (здесь значительную часть жертв Холокоста составили эвакуированные, в том числе из Ленинграда). В Крыму и на Кавказе нацисты вынуждены были решать вопрос об уничтожении горских евреев, караимов, крымчаков либо о сохранении им жизни. Не всегда и не везде эти вопросы решались единообразно.

В Псковской, Смоленской и Брянской областях гетто были созданы во всех местах со сколь-нибудь значительной концентрацией еврейского населения. В Ленинградской и Новгородской областях, на Северном Кавказе и в Крыму (за небольшим исключением) евреи перед расстрелом концентрировались в определенных зданиях лишь на несколько часов или дней. Уничтожение еврейского населения проводилось здесь карателями вскоре после захвата населенных пунктов. Только территория Псковской области использовалась для уничтожения вывезенных сюда евреев из других регионов, в частности Эстонии. Евреи из других государств с целью принудительного труда или уничтожения на территорию России не ввозились.

В центральных регионах России темпы уничтожения еврейского населения не были единообразными. Если в некоторых областях (Московская, Тульская) каратели быстро решили «еврейский вопрос», то в Смоленской области (включая областной центр) евреев активно использовали на принудительных работах и они были в основном уничтожены в 1942 г. В Калужской и Калининской областях в результате контрнаступления под Москвой в нескольких населенных пунктах оккупанты не успели уничтожить еврейское население. Очевидно, это объясняется нежеланием местных и военных властей «выполнять работу СС», а также невозможностью подразделениям айзатцгрупп оперативно выполнять свою работу в сложных погодных, географических и транспортных ус-

лениях. В целом на территории России (не считая Крыма и Кавказа) евреи в военной зоне оккупации прожили несколько больше, чем в аналогичных зонах на территории Украины и Белоруссии.

На территории России не зафиксированы факты погромов со стороны местного населения (этот вопрос на территории Крыма нуждается в дальнейшем изучении).

3.4. Убийство евреев Украины и Молдавии

ХОЛОКОСТ В УКРАИНЕ

История Холокоста на территории Украины в наибольшей степени отражает все административные этапы нацистского оккупационного режима. Республика была разделена на четыре оккупационные зоны. Здесь было уничтожено наибольшее количество евреев — половина всех жертв Холокоста, являвшихся гражданами Советского Союза к началу Великой Отечественной войны. Так же как в Прибалтике и Белоруссии, в Украине уничтожали евреев из других государств. Однако это были в основном иностранные подданные, проживавшие на территории союзников Германии (Венгрии и Румынии). Значительная их часть была расстреляна в Каменец-Подольске уже в августе 1941 г. Важным фактором, влиявшим на судьбу евреев, было сотрудничество с нацистами, а затем (или параллельно) вооруженная борьба с ними организаций украинских националистов.

После двух «акций», в ходе которых немецкие и румынские оккупанты уничтожили около 1000 человек, было принято решение о депортации евреев Кишинева в Транснистрию⁴⁰³. В Каменке зимой 1941/42 г. было уничтожено более 1000 узников⁴⁰⁴.

Несколько десятков тысяч евреев Одессы были уничтожены вскоре после оккупации города. Тем не менее условия жизни, особенно в первый год существования гетто Транснистрии, были крайне тяжелыми. Не случайно около 41 000 депортированных евреев Бессарабии умерли здесь от голода и болезней. Также погибли 5000 (25%) из 20 000 уцелевших к концу 1941 г. местных евреев. В то же время в гетто Транснистрии умерли только 17% (около 9 тысяч) из 55 000 депортированных евреев Буковины. Объясняется это тем, что они сохранили некоторые денежные средства и ценности. Кроме того, именно их больше всего поддерживала еврейская община Румынии⁴⁰⁵.

В августе 1942 г. расстреляли и вывезли в лагерь смерти Белжец 50 000 львовских евреев⁴⁰⁶. В Каменец-Подольске была проведена самая массовая акция уничтожения на территории СССР летом 1941 г. В конце августа численность узников гетто сократилась на 23,6 тысячи человек. Среди них — почти все зарубежные евреи. Еще 4500 узников (включая 500 детей) были ликвидированы в начале 1942 г.⁴⁰⁷

Организаторами уничтожения евреев Украины являлись АГ «В» (начиная своей путь в конце июня — начале июля 1941 г. в Галиции и Волинии), «С» (Центральная и Восточная Украина) и «Д» (юг республики).

В военную зону оккупации в 1941—1942 гг. входила территория Левобережной Украины: современные Донецкая, Запорожская, Луганская, Полтавская, Сумская, Черниговская, Харьковская области (полностью), а также Днепропетровская, Киевская, Херсонская — частично.

«Еврейский вопрос» на территории ряда других областей (Винницкой, Николаевской, Одесской) также активно решался в конце лета — осенью 1941 г., когда они также находились под контролем военных (орте- и фельд-) комендатур.

Последние, в свою очередь, подчинялись начальнику тыла группы армий «Юг» через 213-ю и 444-ю охранные дивизии. Вопрос о судьбе евреев непосредственно решали команды полиции безопасности и СД⁴⁰⁸.

Символом уничтожения не только украинских, но и всех евреев СССР стала трагедия Бабьего Яра. Она произошла спустя 10 дней после захвата Киева и через несколько дней после взрывов заминированных советскими войсками зданий в центре города. Были разрушены штаб немецкой армии, комендатура, гостиница для немецких офицеров. На Крещатике бушевал большой пожар. Руководство АГ «С» использовало эти события для расправы над евреями. В городе появилось около 2000 объявлений, приказывавших евреям собраться в определенном месте для переселения. За неявку — расстрел.

С раннего утра 29 сентября 1941 г. через весь город шли десятки тысяч евреев. Люди несли чемоданы и узлы, везли больных и пожилых родственников.

Артистка киевского Театра юного зрителя Дина Проничева вспоминала:

«Русские мужья провожали своих еврейских жен. Русские женщины провожали своих еврейских мужей. Когда мы приблизились к Бабьему Яру, слышались стрельба и нечеловеческие крики. Я начала понимать, что здесь происходит, но маме ничего не говорила.

Когда мы вошли в ворота, нам велели сдать документы, ценные вещи и раздеться. Один немец подошел к маме и сорвал с ее пальца золотое кольцо.

Я видела, как каждый раз раздевается очередная группа мужчин и женщины, стариков и детей. Всех подводят к открытой яме, и автоматчики расстреливают их. Затем подводит другую группу...

Я своими глазами видела этот ужас. Хотя я и находилась не совсем близко от ямы — до меня доносились страшные крики обезумевших людей, приглушенные детские голоса: «Мама, мама...»⁴⁰⁹

Только в этот день в Бабьем Яре, согласно отчету зондеркоманды-4а, был расстрелян 33 771 еврей. Расстрелы продолжались несколько дней, там же уничтожали и всех скрывавшихся евреев города. По оценкам ук-

ранских исследователей, всего в Бабьем Яре погибло около 150 000 евреев, включая жителей других украинских городов и беженцев.

Косвенным подтверждением, что массовые расстрелы в Киеве проводились и позднее, служит свидетельство на Киевском процессе главного врача городской психиатрической больницы М.Д. Таншоры:

«Осенью 1941 г. я был на Галицком базаре и мне пришлось видеть, как немецкие войска конвоировали примерно 5500 чел. евреев. Евреев вели по бульвару Шевченко мимо Галицкого базара по Брест-Литовскому шоссе. Во время конвоирования немецкие солдаты избивали тех, кто отставал и нарушал строй. Евреи были в большинстве полураздетые, некоторые были босые, в нательном белье, куда их конвоировали, я не зная. Но после слышал, что их всех расстреляли в Бабьем Яре».

Другое ценное свидетельство М.Д. Таншоры касается судьбы его пациентов-евреев:

«В октябре 1941 г. директор больницы имени академика Павлова собрал всех врачей психиатрической больницы и сказал, что всех евреев — 308 человек — сконцентрировать в 8-е отделение нашей больницы якобы для эвакуации в гор. Винницу, этого от нас требует «СС». После проведенного совещания всех душевнобольных сконцентрировали в 8-м отделении, а через три дня пришли в психиатрическую больницу войска СС. Оцепили 8-е отделение и палками начали босых, только в нательном белье погонять, как скот, душевнобольных евреев. Недалеко от психиатрической больницы, примерно в одном километре, их всех войска СС расстреляли»¹¹⁰.

Свои «Бабьи Яры» есть практически в каждой из оккупированных нацистами областей Украины.

По такой же схеме проходило уничтожение евреев в больших и малых городах и местечках. Однако массовые расстрелы были далеко не единственным методом уничтожения советских евреев. Уже в первые недели войны людей заживо сжигали в Галиции и других областях Западной Украины.

В Холосте на территории Украины активно участвовали местные пособники оккупантов. По данным израильского исследователя Аропа Вайса, националисты уничтожили в Западной Украине 28 тысяч евреев. В этих убийствах участвовали как бандеровцы, так и мельниковцы¹¹¹.

Как практически и на всей территории Советского Союза, в Украине оккупанты применяли самые варварские способы уничтожения людей, особенно маленьких детей. Нацисты бросали их живыми в могилу, подбрасывали в воздух и ловили на штыки, раздирали на части, смазывали губы ядом. Евреев топили в реках, болотах, колодцах; бросали в ствол шахт; замуровывали живыми; распиливали на части.

В Харькове в декабре 1941 г. был впервые испробован и затем успешно применен (на юге Украины, а также в России) фургон-«душегубка», в котором людей убивали выхлопными газами автомобилей.

Печально известен Дробицкий Яр в Харькове. В этом городе, согласно декабрьской переписи 1941 г., проживал 10 271 еврей. К середине декабря 10 060 из них переселилось в гетто на территории тракторного завода. В течение ноября—декабря свыше 1000 евреев были расстреляны в качестве заложников, в связи с невозможностью переселиться в гетто из-за болезни и по другим причинам. 2 января 1942 г. свыше 8000 евреев были расстреляны в Дробицком Яре. Несколько сот пожилых людей, остававшихся в здании синагоги, а также скрывавшиеся от переселения, были расстреляны позднее. Всего нацисты уничтожили в Харьковской области 12 000 евреев. Почти все они погибли до февраля 1942 г.⁴¹²

Массовые казни евреев прошли также в Днепропетровске. 13 октября 1941 г., по данным ЧГК, было расстреляно 10—12 тысяч человек в овраге в районе Транспортного института. Нацисты «с целью сокрытия следов преступлений... наполнив овраг трупами, засыпав сверху землей, на этом же месте произвели посадку деревьев»⁴¹³.

В аналитической справке НКВД о положении в этом городе, датированной октябрем 1942 г., говорилось:

«По данным от 5.12.1941 г., в г. Днепропетровске немцы распространяли провокационные слухи о том, что в еврейской синагоге обнаружено 3 пулемета и радиостанция, в результате чего было арестовано и расстреляно несколько сот евреев».

По другим источникам, в конце декабря—начале января 1942 г. было расстреляно 5000 евреев. Почти все 18 000 евреев в той части Днепропетровской области, которая находилась в зоне военной оккупации (за исключением 2000 жителей Павлограда, помещенных до июня 1942 г. в рабочий лагерь), были уничтожены до февраля 1942 г.⁴¹⁴

В Донецкой (бывшей Сталинской) области также значительная часть евреев — не менее 12 000 из 16 000 человек — были расстреляны с октября 1941 г. по январь 1942 г. Для убийств были использованы заброшенные шахты, в частности в Горловке.

Особенностью уничтожения 8500 евреев Запорожской области явилось убийство осенью 1942 г. в Мелитополе примерно 3000 детей от смешанных браков.

Подавляющее большинство расстрелянных во второй половине 1942 г. евреев Луганской области (она была оккупирована только летом того же года) составили жители областного центра (1800 из примерно 2000). Причем евреи составили 58% всех уничтоженных нацистами мирных жителей Луганска (Ворошиловграда). Сюда же этапировались для расстрела евреи из ближайших райцентров, в частности Краснодона.

Любопытно, что сведения об уничтожении евреев Ворошиловграда с использованием «душегубок» и ядовитых веществ для детей советский офицер Александр Баренбойм сообщил в письме Илье Эренбургу еще тогда, когда бой в городе не завершился. Примечательна и такая строчка из письма:

«Извините за небрежное и необстоятельное письмо. Сейчас нет времени: мне надо дodelывать завтрашнее сообщение Совинформбюро о взятии Ворошиловграда»⁴¹⁵.

В Полтавской области больше всех евреев проживало до войны в Кременчуге — около 20 000. Именно они стали первыми жертвами — в конце октября погибло около 3000 человек.

Второй массовый расстрел — 2000 жертв — прошел в Золотоноше (ныне Черкасская область) 22 ноября 1941 г. В этом же городе была произведена как одна из самых первых акций на территории области — в сентябре здесь убили 300 беженцев, так и из последних — в конце июня 1942 г., когда расстреляли евреев из окрестных сел и оставшихся в живых специалистов. Около 2000 евреев Полтавы были убиты в октябре—ноябре 1941 г.

Всего же из 13 000—14 000 уничтоженных на территории Полтавской области жертв Холокоста более 10 000 погибло на первом выделенном нами этапе уничтожения евреев СССР.

В Сумской области погибло около 1000 евреев. 3/4 из них (за исключением казненных в марте 1942 г. жителей областного центра) погибли до Ванзейской конференции.

Из трех с половиной уничтоженных нацистами евреев левобережной части Херсонской области 3250 (включая 1000 еврейских колхозников из Лениндорфского еврейского национального района) погибли до февраля 1942 г.

В Черниговской области из 3000 погибших евреев 2/3 стали жертвами с сентября 1941 г. по январь 1942 г. Лишь массовое уничтожение евреев Прилук затянулось до конца мая 1942 г. Некоторые акции были приостановлены осенью 1941 г. из-за дождей, сделавших дороги непроходимыми.

Таким образом, на оккупированных в 1941 г. и находившихся в зоне военной администрации территориях еврейский вопрос особенно интенсивно решался в сентябре 1941 г.—январе 1942 г. Гетто на этой территории практически не создавались. Лишь в отдельных городах часть еврейского населения по разным причинам оставалась в живых до лета 1942 г. и только десятки из них дожили до осени того же года⁴¹⁶.

В рейхскомиссарате «Украина» еврейский вопрос решался поэтапно.

Напомним, что в его состав к лету 1942 г. входили Ровенская, Волынская, Каменец-Подольская (ныне — Хмельницкая) области, составившие округ «Волынь-Подолля»; Житомирская, северные районы Винницкой (округ «Житомир»); Киевская, Полтавская, часть современной Черкасской области (округ «Киев»); Николаевская (без западных районов) и Кировоградская (округ «Николаев»); левобережные районы современных Херсонской и Запорожской областей (округ «Таврия»); Днепропетровская и часть Запорожской области (округ «Днепропетровск»). Судьба евреев в некоторых из них (Днепропетровской, Полтавской, Запорожской, частично Киевской и Херсонской) была рассмотрена нами выше.

Пик массовых убийств здесь приходится на конец весны — осень 1942 г. Однако уничтожение евреев в рассматриваемом регионе началось уже в июле 1941 г. Из представленной ниже таблицы можно проследить динамику уничтожения:

Таблица № 7
Уничтожение евреев в рейхскомиссариате «Украина»*

Область	1941—01.42	1941 (02.—12)	1942	1943	Всего (тыс. чел.)
Винницкая	42,3	33,7	11,6	—	87,6
Волынская	6	95	1,5	—	102,5
Днепропетровская	5,7	4,6	—	—	10,3
Житомирская	45,6	3,6	0,6	—	49,8
Кыровоградская	6,5	3,2	—	—	9,7
Николаевская	16,3	5,9	0,8	—	23,0
Ровенская	22	76	—	—	98,0
Херсонская	12,8	0,6	—	—	13,4
Хмельницкая	36,2	69,8	0,5	—	106,5
Черкасская	8,5	5	0,5	—	14
Итого	201,9	297,4	16,5	—	514,8

Как видно из данной таблицы, еврейский вопрос в рейхскомиссариате «Украина» практически был решен к концу 1942 г. В то же время почти 40% жертв были уничтожены до Ванзейской конференции.

Типичен ход акции уничтожения в мае — июне 1942 г. 1080 евреев в Пиковском сельсовете Винницкой области. В документах ЧГК говорится:

«Приблизительно в три часа ночи 30 мая село Н. Пиковка было окружено жандармами, гестапо и местной полицией и всех граждан еврейской национальности начали сгонять на площадь, где они стояли до 3 часов дня, а затем начали группировать мужчин отдельно, под видом на работу. Позвали на расстрел в первую очередь мужчин, а затем женщин и детей. Когда мужчины уже начали расстреливать, женщины находились в 300—400 метрах и, поняв, что их ведут на расстрел, начали кричать и группироваться своими семьями».

Убийство сопровождалось традиционными зверствами:

«Дети обнаружены с раздробленными головами, по-видимому, от ударов прикладами винтовки по голове... Детей грудного возраста не убивали, а бросали в яму живыми и закидывали живыми»⁴¹⁷.

И вновь предоставим слово школьнику Роману Кравченко, описывавшему события в г. Кременец в августе 1942 г.:

«8 августа. Объявлено что-то вроде осадного положения. Ходить можно только до шести».

* Практически все еврейское население Киевской и Полтавской областей погибло на Левобережной Украине в период, когда они входили в зону военной оккупации.

...Слышен пулемет. Что должны чувствовать люди, обреченные на смерть, забившиеся по углам своих домов? Жутикая тишина.

11 августа. Последний акт трагедии в нашем городе подходит к концу. Пишу о вчерашних событиях. Вчера не мог, не было сил.

...Вывоз из гетто начался примерно в три часа утра и продолжался до поздней ночи.

Ужасное зрелище! Ворота гетто широко открыты, и за ними — очередь обреченных. По двое в ряд. Подъезжает автомобиль, очередь в молчании подвигается, первые нары укладываются на дно грузовика. Следующие — на них, так — в несколько слоев. Полное молчание — ни говора, ни крика, ни плача.

Один за другим едут автомобили. Уже вечер, они не так заполнены — на дне сидят женщины, девушки, дети.

...Люди в апатии. Лишь бы скорее кончилось, лишь бы скорей. Так действуют голод, побои»⁴¹⁸.

Примерно так происходила ликвидация еврейского населения и в других гетто рейхскомиссариата «Украинна» летом—осенью 1942 г. Эти расстрелы нанесли весомый ущерб экономическим потребностям оккупантов, о чем косвенно свидетельствуют документы гражданской администрации об итогах «очистки от евреев». В отчете генерального комиссара округа «Житомир» за 3 июня 1942 г. отмечалось :

«Еврейский вопрос большей частью решен. Известно, что в ходе переселения (имеются в виду расстрелы. — И.А.) было потеряно много рабочей силы»⁴¹⁹.

В дистрикте «Галиция», куда входили четыре области (Львовская, Дрогобычская, Ивано-Франковская (тогда — Станиславская), Тернопольская) Западной Украины, акции уничтожения происходили перманентно с первых дней оккупации и вплоть до середины 1943 г. Судьба евреев этих областей решалась таким образом: на первом этапе (до февраля 1942 г.) было уничтожено около 50 000, на втором — свыше 430 000 (из них 4/5 приходится на 1942 г.), на третьем — около 20 000⁴²⁰. Спрятались и дождались освобождения лишь около 2000 евреев Львова⁴²¹.

В провинциях «Буковина» (Черновицкая область) и «Транснистрия» (напомним, что в нее были включены территория Одесской, Измаильской, а также — частично — Николаевской и Винницкой областей) уничтожение еврейского населения проводилось преимущественно румынскими жандармерией и воинскими подразделениями.

По мнению некоторых историков, Холокост здесь был самым «мягким» на оккупированной советской территории — в многочисленных гетто выжили несколько десятков тысяч узников. В то же время с первых дней оккупации и до середины февраля 1942 г. румынские власти проводили систематическое уничтожение еврейского населения, которое по способам и масштабам практически не отличалось от практики нацистов, а нередко и превосходило их по садистским приемам.

Одна из особенностей Холокоста в этом регионе — жертв стремились ликвидировать не вблизи дома, а в ходе депортаций и в транзитных лагерях, чтобы сохранить тайну и избежать эпидемий. По приказу маршала Антонеску в конце июля — начале августа 1941 г. здесь создаются и один из первых гетто, которые служили местом концентрации евреев перед их депортацией.

В июне—июле 1941 г. оккупанты «сократили» численность гетто Северной Буковины. До конца ноября 1941 г. отсюда было угнано в Транснистрию свыше 45 000 человек. Отметим, что в начале депортации территория будущей Транснистрии находилась под немецким контролем и здесь шло интенсивное уничтожение евреев.

В апреле 1944 г. лишь в Черновцах, где уцелел 17 341 еврей, компактно проживало еврейское население. Как сообщалось в докладной записке в ЦК компартии Украины:

«В райцентрах области все еврейское население уничтожено, лишь незначительная часть выслана за пределы Румынии... В таких городах, как Старожинец, Выжница, Герц, Новоселица, в день прихода Красной Армии не было ни одного человека»⁴²².

Особенно трагичной оказалась судьба жертв Холокоста в Одессе. Город более двух месяцев находился в осаде и был оккупирован лишь 16 октября 1941 г. По мнению израильской исследовательницы Доры Лигана, в Одессе оставалось 80 000—90 000 евреев⁴²³, по подсчетам С.Я. Борового, их было не менее 120 000 (вместе с беженцами)⁴²⁴.

Массовые убийства начались уже в первые дни оккупации — среди уничтоженных потенциальных «врагов» и «коммунистов» было около 4000 евреев. 23 октября 1941 г. среди повешенных и расстрелянных 5000 заложников, захваченных после организованных подпольщиками взрывов в центре города, евреи составляли значительную часть. Отметим, что в ноте Молотова о зверствах оккупантов от 6 января 1942 г. упоминалось убийство более 8000 жителей Одессы, преимущественно евреев⁴²⁵.

Однако это число жертв (в основном мужчин) соответствует погибшим только в первую неделю оккупации.

Один из самых зверских и массовых способов уничтожения также был применен впервые румынскими оккупантами именно в Одессе. По данным абвера, 19 000 евреев (по советским источникам — 25 000) были собраны и заживо сожжены 23—25 октября 1941 г. в 9 артиллерийских (или пороховых) складах⁴²⁶.

В дневнике румынского сержанта говорилось:

«Из комендатуры евреи согнались в большие сараи на окраине города в районе трамвайного депо. Затем сюда подъехала цистерна с керосином. Сараи были им облиты и затем подожжены. Все находившиеся в них евреи... в основном женщины, дети, старики, сгорели заживо»⁴²⁷.

В те же дни около 20 000 евреев, собранных в городской тюрьме, повели в село Дашынк. Не менее 5000 из них (по другим данным — 10 000) были уничтожены (с участием немецких карателей)⁴²⁸.

Расстрел здесь также сопровождался массовым сожжением женщин и детей в нескольких деревянных сараях⁴²⁹.

Уцелевшие в Дальнике евреи были депортированы в Транснистрию, где почти все они погибли по дороге, в концентрационных или в транзитных лагерях (Ахмечетка, Богдановка и Доманевка). Здесь же были уничтожены несколько десятков тысяч высланных в начале 1942 г. евреев из одесского гетто⁴³⁰.

Во многих городах Одесской области румынские оккупанты зверски уничтожали евреев: надевали на голову ведро и били по нему молотком до смерти узника; сбрасывали евреев со второго этажа на каменную мостовую (г. Болград)⁴³¹.

С середины февраля 1942 г. румынские оккупационные власти прекратили массовое уничтожение еврейского населения. Однако в уничтожении депортированных одесских евреев с весны 1942 г. самое активное участие принимали немецкие карательные подразделения и местные фольксдойче. Так, инспектор жандармерии в Транснистрии сообщал 18 марта 1942 г.:

*«Немецкая местная полиция уничтожила в Березовке 483 еврея из Одессы, размещенных здесь. Немецкий офицер присутствовал при казни»*⁴³².

Лишь несколько сот евреев Одессы из числа депортированных сумели выжить. Румынские оккупанты использовали и другие методы уничтожения узников — в частности, прекращение снабжения продовольствием концентрационных лагерей. Впервые такой метод был опробован еще в 1941 г. в Ахмечетке. Туда отправляли женщин с детьми, стариков и инвалидов. Людей не выводили на работы и не кормили. Почти все узники погибли от голода, болезней и издевательств охраны⁴³³.

Осенью 1941 г. один из самых страшных румынских концлагерей был создан в Печоре Винницкой области (иногда его называют «Мертвая петля», хотя в документах военных лет такое название не встречается). Этот лагерь смерти был оборудован на территории бывшего санатория. Первоначально в нем было 5 тысяч узников. Большинство узников пригоняли сюда из гетто Могилева-Подольска. Здесь же находились евреи из Бессарабии, Буковины, Тульчина. Создание этого лагеря лишь отчасти преследовало цель использования евреев для принудительного труда. Рядом находилась немецкая зона оккупации, и именно туда передавали узников, которые не возвращались назад. Подавляющая часть узников размещалась прямо под открытым небом. Особенностью этого лагеря (как и некоторых аналогичных лагерей в Одесской и Николаевской областях) было убийство голодом — узников не только не кормили, но и не давали возможности приобрести продукты у местного населения. Не получая еды и никакой медицинской помощи, десятки людей ежедневно умирали. Всего через лагерь Печоры прошло около 9000 человек⁴³⁴.

По некоторым оценкам, число евреев, уничтоженных румынскими оккупантами только на территории юга Украины, составило 240 000⁴³⁵.

Таким образом, число еврейских жертв — граждан Украины было наибольшим на территории СССР. Они составили не менее половины советских и около четверти всех погибших евреев Европы — свыше 1 миллиона 400 тысяч человек.

Как установил харьковский исследователь А. И. Круглов, в летние месяцы 1941 г. было уничтожено около 95 тысяч евреев, осенью — свыше 320 тысяч (в сентябре — около 143 тысяч; в октябре — около 120 тысяч, в ноябре — свыше 60 тысяч); зимой 1941/42 г. — свыше 180 тысяч (в декабре — 100 тысяч; в январе — около 57 тысяч; в феврале — свыше 26 тысяч).

Весной же 1942 г. здесь было уничтожено менее 120 тысяч (в марте — 38 тысяч; в апреле — 36 тысяч; в мае — 43 тысячи; и лишь в июне число уничтоженных составляет уже 52 тысячи евреев)³⁶.

Таким образом, зимой 1941/42 г. в Украине было убито 183 тысячи человек, а весной 1942 г. — 117 тысяч. Отметим, что ни в декабре 1941 г., ни в январе 1942 г. не было уничтожено меньше евреев, чем в любой из весенних месяцев 1942 г.

Следовательно, говорить о зимней паузе не приходится. Обращает на себя внимание значительная цифра уничтоженных в декабре. Отметим, что число уничтоженных в январе выше, чем в апреле—мае 1942 г., когда, по утверждению ряда авторов, начинается «вторая волна». Действительно, мы видим относительные спады в отдельные месяцы (ноябрь 1941 г. и февраль 1942 г.). Но их сложно объяснить только климатом или ситуацией на фронте (в ноябре нацисты успешно наступали; в феврале шла позиционная война).

Можно выделить следующие особенности Холокоста в Украине. В истреблении евреев здесь участвовали как немецкие, так и румынские оккупационные войска (в то же время оккупировавшие часть Галиции венгерские войска евреев не убивали). Им активно содействовали местные националистические вооруженные формирования и полицейские подразделения. Именно на Украине началось в августе—сентябре 1941 г. тотальное истребление еврейских общин крупных городов, включая Киев. На территории республики было создано больше всего гетто.

Только евреев Украины (из дистрикта «Галиция»), а также узников некоторых гетто Западной Белоруссии отправляли в лагеря смерти на территорию Польши. В то же время территория Украины была использована первой для уничтожения евреев из Чехии и Венгрии.

Именно здесь было уже в 1941 г. уничтожено более полумиллиона советских евреев — наибольшее число в этот период на оккупированной советской территории. Украина потеряла более 60% своего довоенного населения³⁷.

УНИЧТОЖЕНИЕ ЕВРЕЕВ МОЛДАВИИ

Территория Молдавии была полностью оккупирована нацистами в августе 1941 г. Уже в ночь с 16 на 17 июля немцы ворвались в Кишинев. К концу июля советские войска отошли за Днестр. Северные районы республики были захвачены румынскими и немецкими войсками в августе¹³⁸.

В оккупации оказалось около 230 000—250 000 евреев. Молдавия (наряду с Эстонией) была первой из советских республик, где оккупанты «окончательно решили еврейский вопрос». Его особенностью в Молдавии были синхронные действия АК-11а, входившей в АГ «D», и румынских войск и жандармерии. Немцы и румыны (как и в Буковине) совместно уничтожали еврейское население в одних и тех же населенных пунктах до 31 августа 1941 г., когда было подписано соглашение в Тигине (Бендерах) о создании Транснистрии и разграничении зон влияния. Второй особенностью Холокоста в Молдавии было сочетание уничтожения евреев на месте и их депортации за пределы республики. Причем условия депортации были таковы, что как в пути, так и после прибытия на место назначения шансы выжить имели немногие. Как отмечалось выше, 75% депортированных в Транснистрию умерли там от голода и болезней. Еще больше людей были убиты по ходу следования и в транзитных лагерях либо замерзли и умерли от голода. В донесении Главного управления румынской жандармерии сообщалось:

«Из-за двадцатиградусного мороза, недостатка продуктов, а также преклонного возраста многие падают и замерзают в дороге»¹³⁹.

Одними из первых массовые казни были проведены АК-10а и румынскими жандармами в середине июля 1941 г. в Бельцах (уничтожено около 450 человек) и в Дубоссарах¹⁴⁰.

Уничтожение евреев Кишинева началось сразу после оккупации и продолжилось после создания гетто. В уничтожении кишиневских евреев принял участие отдельный отряд жандармерии, находившийся под смешанным немецко-румынским командованием (с немецкой стороны его возглавлял шлемянник Риббентропа майор фон Странски), который уже имел опыт еврейского погрома в Яссах в конце июля 1941 г. Самое активное участие в подготовке и организации массовых убийств принимали айзатцкоманда-11а, входившая в АГ «D», под командованием штурмбанфюрера Пауля Цалпа. Уже в первые дни после оккупации города, 17 июля 1941 г., было уничтожено не менее 1000 евреев-мужчин. Их убивали прямо на улицах либо во дворе гестапо. В этом участвовали как немцы, так и румыны.

Следующий этап уничтожения евреев Кишинева начался через 6 дней после создания гетто. 1 августа 1941 г. немцами были отобраны, якобы для отправки на работу, 450 человек, в том числе 200 молодых парней, преимущественно с высшим образованием, и 200 красивых девушек. 411 из них были в тот же день расстреляны. Через несколько дней уже ру-

мынские жандармы под тем же предлогом отобрали 500 человек, из которых более 300 расстреляли. Большинство остальных узников кишиневского гетто погибло в ходе депортаций, начавшихся с 4 октября 1941 г. Так, из 2500 человек, которых гнали в Доманевку на территории Одесской области, дошло не более 160⁴¹.

На первом этапе в Молдавии были уничтожены евреи в сельской местности. В этом, так же как в Западной Украине и Белоруссии, а также в Прибалтике, активно участвовало местное население⁴².

В транзитных лагерях Бессарабии к началу осени было собрано 75—80 тысяч евреев. 18 ноября 1941 г. губернатор провинции «Бессарабия» Войкалеску сообщил, что евреев здесь не осталось⁴³.

Всего на территорию Транснистрии было выслано свыше 95 000 молдавских евреев. Таким образом, непосредственно на территории республики и в ходе депортации погибло около 130 000 евреев.

Под контролем Румынии в 1941 г. в 189 населенных пунктах находилось около 400 000 евреев Бессарабии, Северной Буковины и Транснистрии. К 1943 г. число мест содержания евреев (гетто, рабочие лагеря, сельскохозяйственные колонии) в румынской зоне оккупации сократилась до 120. В них уцелело к сентябрю 1943 г. лишь около 15 тысяч евреев Молдавии. Часть из них умерла или была убита до марта 1944 г.⁴⁴ Так, значительная часть узников гетто Тирасполя была уничтожена в местной тюрьме при отступлении немецких войск в 1944 г.⁴⁵ В Кишиневе в день освобождения жили 12 евреев⁴⁶.

Не менее 20 000 евреев Молдавии, оказавшихся в эвакуации, погибли на территории Одессы, а также Северного Кавказа в 1942 г.

Таким образом, около 215 000—235 000 евреев Молдавии стали жертвами Холокоста. На территории республики основные акции уничтожения были проведены румынскими оккупационными войсками при активном организационном участии АК-10а. Отметим садизм участников уничтожения, массовые издевательства и изнасилования жертв. В сельской местности население нередко уничтожало своих соседей-евреев еще до прихода оккупантов. История Холокоста в его «румынском варианте» наглядно свидетельствует, что не только политика государственного антисемитизма и подготовка будущих палачей в течение нескольких лет к возможности уничтожения евреев является непременным условием вовлечения оккупационных войск в массовое убийство.

3.5. Евреи-военнопленные

По разным оценкам, от 55 000 до 85 000 советских евреев, попавших в плен к гитлеровцам, стали жертвами Холокоста⁴⁷. Нацисты нередко уничтожали выявленных евреев прямо на поле боя. В лагерях была создана хорошо разработанная система, при которой их публичное выяв-

ление, издевательства и казнь имели огромное психологическое воздействие. Во-первых, эти меры носили характер акций устрашения, что подавляло волю всех пленных к сопротивлению. Во-вторых, этим наглядно подтверждались декларации оккупантов об уничтожении исключительно евреев и коммунистов. В-третьих, делалась попытка разобщить пленных и склонить их к сотрудничеству.

В документах политотделов Советской Армии за 1941—1944 гг. сохранились сотни свидетельств гибели евреев в плену. Вот только некоторые из них. В концлагере под Кировоградом в августе 1941 г. оказалось свыше 1000 пленных. Бежавший оттуда кавалерист М. Нефедов свидетельствовал:

«В течение 2—3 дней немцы отобрали военнопленных-евреев. Многих выдали свои же товарищи. Немцы всех пленных евреев изолировали, кормили один раз через день, всячески издевались, избивали палками, камнями. Иногда отбирали землю... гоняли ее бегом по территории до потери пленными сознания... в течение недели в ходе издевательств всех расстреляли».

В селе Злотовка Киевской области в 1943 г. были обнаружены обезображенные трупы пленных-евреев.

«На трупах обнаружены следы пыток, у многих отрезаны языки, имеются следы ожогов раскаленным железом, проломы черепов тупыми предметами»⁴⁴⁸.

Большую часть уничтоженных на территории левобережной части Киевской области составили еврей-военнопленные (3300 из 4000 жертв).

Проведший 8 месяцев в лагерях военнопленных старший лейтенант Семен Гришпун (сумевший скрыть свою национальность) в письме Илье Эренбургу подробно описал издевательства и расстрелы евреев, которые он видел сам в нескольких концлагерях. Их впрягали в повозки и заставляли везти тела убитых немцев; приказывали убирать мусор и кал голыми руками; принуждали петь и танцевать до изнеможения. Евреи до расстрела находились в течение нескольких дней в специально отгороженной проволокой части концлагеря⁴⁴⁹.

Спасти в самом концлагере было возможно, только скрыв свою национальность и имея поддержку товарищей по несчастью. Чаще других это удавалось сделать военным медикам. Фельдшер М. Меламед, сменив свою фамилию на Коджаров, сумел выдать себя за аджарца при помощи бывшего начальника санитарной службы 37-й армии Т.Н. Чурбакова⁴⁵⁰.

Напомним, что условия содержания всех пленных были бесчеловечными. Голодные и раздетые люди нередко шли на сделку со своей совестью за лишний паек, несколько сигарет, одежду выданных.

Были и более весомые поощрения: от перевода в капо до освобождения. Именно среди предателей вербовали, в первую очередь, агитаторы РОА и других национальных формирований, воевавших на стороне нацистов.

В то же время нередко предателя в тот же или на следующий день казнили другие военнопленные. Это нередко сдерживало тех, кто был готов выдавать евреев.

Евреи, попавшие в плен в 1942—1943 гг., имели большие шансы на спасение. Однако и в этот период нацисты продолжали уничтожение на советской территории, о чем свидетельствует надпись в камере Харьковской тюрьмы:

«Здесь сидели 2 еврея, Фукман Саша и Зимин Михаил с 26.7.43. Расстрел произошел 13.08.43. Дрались мужественно. По-гвардейски. Верные сыны народа и погибли как следует гвардейцам»⁴⁵¹.

Имеются довольно многочисленные сведения об уничтожении евреев-военнопленных на территории России. Вот как описывал свидетель процесс их выявления в концлагере у хутора Вертячий Тельмановского района Ростовской области в августе 1942 г.:

«Немцы все время выявляют и спрашивают всех о евреях. От всей массы их отбирают и куда-то уводят. Одежду у них забирают и смеются: «Она вам не понадобится». Выдергивают из толпы и ведут на расстрел даже тех, кто хоть сколько-нибудь похож на еврея... В нашем лагере таким образом было расстреляно за 5 дней 200 евреев-пленных».

Были уничтожены все военнопленные-евреи, выявленные в лагере города Оленинко Калининской области⁴⁵².

Итак, нацисты с первых дней войны, опираясь на приказ о комиссарах, имели четкую задачу уничтожения евреев-военнопленных. Многие из них были уничтожены прямо на поле боя; другие — выявлены и замучены в концлагерях.

Как установлено в исследовании израильского ученого Арона Шнера, причины, по которым нацистам удавалось выявлять евреев, следующие: применение медицинского и просто визуального осмотра; содействие других военнопленных; содействие медицинского персонала и переводчиков (иногда — специалистов по «вопросам расы»). Сами евреи сознавались в своей национальности по следующим мотивам: они выходили из строя, не подозревая о своей судьбе; это был сознательный вызов палачам; страх разоблачения, в результате которого их ожидала мучительная смерть; апатия к своей судьбе из-за нечеловеческих условий содержания; дальнейшая невозможность пребывать в состоянии постоянной угрозы разоблачения⁴⁵³.

Несколько тысяч евреев (внешне непохожих и не прошедших обрезание; выдававших себя за мусульман; оказавшихся в зондеркомандах; бежавших из плена в партизанские отряды) сумели выжить в этих ужасных условиях.

Точное число уничтоженных по национальному признаку евреев-военнопленных еще предстоит установить. Не вызывает сомнений, что их число достигает нескольких десятков тысяч человек.

С первых дней вторжения на территорию СССР нацисты и их румынские союзники (до начала 1942 г.) планомерно уничтожали еврейское население. Непосредственную и главную ответственность за это несли высшие политические и военные руководители Германии. В подготовке и организации Холокоста принимали участие все карательные, военные и гражданские ведомства, а также их руководители, которые участвовали в развязывании войны против СССР. Опыт массового убийства советских евреев был использован при планировании и проведении Ванзейской конференции. Именно советские евреи стали первыми жертвами чудовищного эксперимента по полному уничтожению еврейского народа. Значительную долю ответственности за Холокост советских евреев несет также высшее политическое и военное руководство Румынии. В геноциде советских евреев самым активным образом участвовали коллаборационисты.

Как видно из приведенной ниже таблицы, около 2 825 000 евреев, проживавших на территории СССР в границах на 22 июня 1941 г., было уничтожено и умерло в результате Холокоста.

Таблица № 8

№	Республика	1941—авг. 1942	Февр. 1942—авг. 1943	Нояб. 1943—1945	Всего
1	Украина*	540 000	860 000	30 000	1 430 000
2	Белоруссия	250 000	550 000	10 000	810 000
3	Молдавия**	130 000	—	—	130 000
4	Литва	180 000—185 000	25 000	10 000	215 000—220 000
5	РСФСР***	69 000—90 000	75 000—80 000	—	144 000—170 000
6	Латвия	72 000—74 000	2000	1000	75 000—77 000
7	Эстония	1000	—	—	1000
Итого		1 242 000—1 270 000	1 512 000—1 517 000	51 000	2 805 000—2 838 000

Первый этап Холокоста в СССР продолжался до конца января 1942 г. (т.е. до Ванзейской конференции и завершения советского контрнаступления под Москвой). Даже зимой 1941/42 г. проводилось истребление евреев не только в Украине, но и в ряде регионов Белоруссии, в частности в Витебской области, и России. Возможно, нацисты ставили одной из задач истребить как можно больше евреев накануне Рождества и Нового года.

Хронологические рамки второго этапа определены нами с февраля 1942 г. до осени 1943 г., когда была завершена ликвидация гетто на территории СССР.

*С учетом депортированных из Молдавии (около 84 000). Без Крыма и Закарпатской области.

** Без учета убитых и умерших (около 84 000), депортированных на территорию Украины.

*** С учетом Крыма и без учета Калининградской области.

Третий этап продолжался до осени 1944 г., когда немецкие войска были выбиты Красной Армией за пределы СССР. В этот период нацисты продолжали ликвидацию уцелевших евреев в рабочих лагерях, скрывавшихся на оккупированной территории и узников концлагерей в Прибалтике (лишь несколько сот узников в Лиепае (Латвия) уцелели до мая 1945 г.).

Обращает на себя внимание отсутствие единообразия в подготовке и проведении акций уничтожения:

они проводились до регистрации, во время и после переселения в гетто (без полного уничтожения его жителей);

могли касаться только мужчины; части трудоспособных (и «боеспособных») мужчин и женщин (без детей); части узников гетто (без предварительной селекции и по «территориальному» признаку); по профессиональному и образовательному цензу (уничтожение интеллигенции, врачей и т.д.; сохранение представителей определенных специальностей; оставление последних с семьями или без них);

они различались по времени уничтожения нетрудоспособного населения (в начальный или финальный период существования гетто, в ходе его создания).

Организаторы уничтожения показали себя тонкими психологами: активно привлекали к выявлению и охране евреев местных пособников; до последнего момента скрывали от своих жертв и окружающих дату и способы тотального уничтожения; проводили «акции», используя метод внезапности; добивались через условия содержания и принудительного труда евреев лишения их воли к сопротивлению; применяли метод расстрела обреченных голыми, чтобы исключить возможность скрыться с места казни, пресечь возможное сопротивление и не допустить сокрытия ценностей. Сохранение жизни нетрудоспособным членам семей создавало иллюзию выживания и парализовало волю к сопротивлению. Добавим к этому привлечение руководителей Judenратов, старост общин и еврейских полицейских к составлению списков и организации сбора обреченных в ходе акций.

Повсеместно и жестоко на советской территории уничтожались еврейско-военнопленные.

Глава 4 СОПРОТИВЛЕНИЕ

4.1. Невооруженное сопротивление

Сопротивление евреев планам нацистов и их пособников проявлялось как в физической, в том числе вооруженной, форме, так и моральной. Оно подразумевало как активные, так и пассивные действия (или бездействие). В свою очередь эти формы сопротивления можно подразделить на коллективные и индивидуальные. Подавляющее большинство узников гетто составляли пожилые люди, дети и нетрудоспособные. Мужчины призывного возраста находились в армии или были уничтожены в первых акциях. Нацисты ввели жестокую систему коллективной ответственности и заложничества. Вот почему активное сопротивление и подпольная деятельность в гетто были крайне затруднены. Тем не менее люди участвовали в незаметной и повседневной борьбе с нацистами, приговорившими их к уничтожению.

МОРАЛЬНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

Невооруженное индивидуальное и коллективное сопротивление имело огромное моральное значение. Так называемое «пассивное сопротивление» (при всей условности этого термина) заключалось в стремлении выжить в нечеловеческих условиях гетто и концлагерей, вопреки не только воле нацистов, приговоривших к уничтожению весь еврейский народ, но и окружающей обстановке. Подавляющее большинство узников гетто до конца стремилось сохранить свою жизнь и жизнь своих близких. Поэтому данную форму сопротивления можно считать самой массовой. Этому способствовали организация еврейской взаимопомощи — оказание содействия сиротам, пожилым и больным людям, а также поиск продовольствия и топлива за пределами гетто, налаживание связей с местными жителями, духовное и культурное противостояние нацистам. Но без личных усилий узника, мотивы которых были различны (естественное чувство самосохранения; надежда на освобождение; забота о престарелых или малолетних членах семьи; стремление отомстить оккупантам и т.п.), выживание было бы невозможно.

Некоторые отказывались скрываться, чтобы поддержать в момент казни близких родственников. Упомянутая выше узница смоленского гетто Берта Гейвашевич-Морозова с помощью мужа спасла свою дочь, но отказалась бросить старую мать. Ее брат записал в дневнике, узнав о гибели родных:

«Они погибли в одну ночь страшной смертью — это запомнится навсегда. А самопожертвование Бебы (домашнее имя Берты. — И. А.), чтобы не оставить маму одну! Решилась пойти на гибель, но, может, одна у нее была счастливая мысль в эту страшную ночь, что Натусе удалось спастись накануне»¹.

Самопожертвование евреев проявлялось и во время массовых казней. В Даугавпилсе полицейские заявили арестованным евреям, что если двое из них не выйдут для казни добровольно, то немедленно будут расстреляны все. Тогда вперед вышли местные раввины Фуке и Магид².

Соблюдение религиозных обрядов и традиций, участие в культурной и образовательной деятельности (разумеется, в том объеме, который был возможен в данных нечеловеческих условиях) также можно рассматривать как одну из форм морального противостояния оккупантам.

Некоторые люди вынуждены были жертвовать собой, так как соблюдать субботу было невозможно: нацисты вынуждали юденраты отдавать приказ работать в субботу и религиозные праздники (так, совет старейшин Шяуляя обязали приказать евреям работать в Йом-Кипур).

Во 2-й главе мы подробно охарактеризовали культурную и религиозную жизнь в гетто, которая обычно осуществлялась нелегально, подчас с риском для жизни. Так, узники Яновского лагеря во Львове проводили нелегальные литературные вечера, где читались как произведения классики, так и собственные стихи и проза³.

В стремлении оставаться людьми в самых нечеловеческих условиях и вопреки воле нацистов также проявлялось моральное сопротивление жертв. В Карловском концлагере в Транснистрии был создан специальный барак — «комната голых» — туда помещали узников, чья одежда полностью изнашивалась. Их не кормили, и такие узники (если не имели родных) были обречены. Одна из находившихся там женщин, по имени Муза, читала по памяти своим товарищам по несчастью стихи Пушкина и Лермонтова, рассказы Шолом-Алсейхема и Зоценко. Как вспоминал очевидец:

«И читала так, что обитатели барака, слушая ее, забывали о своих страданиях».

Послушать Музу приходили и из других барачков. Они приносили «гонорар» — продовольствие, которым Муза делилась с остальными⁴.

Формой морального сопротивления были коллективные письма и обращения еврейских общин к властям. На примере обращения пинского юденрата о прекращении хулиганства местных школьников видно, что такие обращения могли (пусть и довольно редко) приносить результат⁵. Еврейские советы пытались вернуть тех, кто был взят в заложники либо отправлен в рабочие лагеря. Уже 13 августа 1941 г. еврейская община Черновicz ходатайствовала о возвращении евреев-мужчин из концлагеря⁶. Героические усилия предприняла еврейская община Кишинева, чтобы избежать депортации: ходатайства перед властями, нелегальная по-

ездка в Бухарест, апелляция к королеве и высшему духовенству Румынии, отказ составить список депортированных⁷.

В связи с тем что первые репрессии обрушились на мужчин, которых забирали в тюрьмы и рабочие лагеря, во многих гетто были созданы нелегальные комитеты взаимопомощи, собиравшие питание, одежду и деньги для заключенных.

Невыполнение приказов нацистов, попытки дать отпор, спрятаться или бежать в ходе «акций», мужественное поведение во время массовых казней, семейная солидарность, предсмертные слова о возмездии палачам были характерны для многих обреченных.

Сохранение человеческого достоинства и еврейская солидарность проявлялись в ходе депортаций и пребывания в тюрьмах, когда узники уступали лучшие места пожилым и детям, прятали девушек и молодых женщин от насильщиков, делились продовольствием с умирающими от голода⁸.

Человеческое достоинство обреченным удавалось сохранять, несмотря на издевательства и побои. Бывший малолетний узник одесского гетто вспоминал:

«С нами в этапе шел профессор Бланк, ему было так же плохо, как всем, но его облик потрясал, его даже коновойные не трогали. В черном пальто, в шапке-пирожке, с медицинской... книгой в руках, он шел с достоинством. Проходя мимо, поклонился маме — притоднял шляпу и прошел. Кроме книги, у него не было никаких вещей. Его расстреляли в Мостовом. Тогда одиннадцатилетний пацан, я не понял, чем он меня поразил. Позднее, когда я читал трактаты и сочинения о величии духа, образах святого, праведника, сам писал сочинения о человеке с большой буквы, образ профессора Бланка всегда появлялся перед моими глазами»⁹.

У старой одесситки Альтермап сын Адя был офицером. Парализованная женщина не смогла ни эвакуироваться, ни переехать в гетто. Несмотря на советы соседей, она категорически отказалась снять со стены большой портрет сына в военной форме. Именно из-за этого ее избил и выбросил на улицу румынский солдат¹⁰.

Чувство собственного достоинства проявлялось даже при попытках конфисковать еврейское имущество. Накануне казни евреев в Мглине Брянской области полицейский попытался отобрать золотые часы у местного жителя Кауфмана. Но тот отказался и демонстративно разбил их о стену тюрьмы. В отместку полицейский выколол Кауфману штыком глаз¹¹.

Обреченные на голодную смерть люди были вынуждены просить милостыню, посылать с этой целью детей по селам или за пределы гетто. Это было чрезвычайно унижительно для интеллигентных людей, стремящихся сохранить свое достоинство. Поэтому многие старались или отдать за еду какую-либо вещь, либо отработать «подаяние». Все это не могло не вызывать не только сочувствие, но и уважение окружающих, служило нравственным примером для других узников. Семен Попик, депортированный из Черновicz в Транснистрию, вспоминал:

«Я стал ходить по селам. Было очень стыдно. Носил с собой семейные фотографии и показывал, что я не нищий. Направлялся на все работы»¹².

16-летний Семен Додик закупал в местечке иголки и ходил по селам Транснистрии в надежде обменять их на продукты. Большинству жителей иголки были не нужны, но они кормили спроту-подростка, который принципиально не хотел просить милостыню¹³.

Одной из наиболее распространенных форм невооруженного сопротивления было экономическое. Оно прежде всего выражалось в обменах с местным населением и покупкой у него продовольственных и иных товаров: в нелегальном производстве изделий для продажи; в индивидуальной и коллективной (с ведома еврейских советов) контрабанде. В нелегальных экономических взаимоотношениях с местным населением, а нередко — с полицейскими и немецкими военнослужащими участвовало подавляющее большинство евреев, ибо выжить без этого было практически невозможно. Нелегальный пронос продовольствия в гетто осуществляли женщины и дети. Все установленные факты такого рода наказывались оккупантами вплоть до смертной казни на месте.

Евреи Буковины занимались нелегальной доставкой денег и корреспонденции своим друзьям, родным и знакомым, высланным в Транснистрию и рабочие лагеря¹⁴. Они отказывались предоставлять для реквизиции свои транспортные средства¹⁵.

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

В начальный период войны нацисты не только в своей официальной пропаганде называли евреев оплотом советского режима и одним из главных своих противников. Так, в оперативной сводке № 19 командующего войсками вермахта на Украине за май 1942 г. отмечалось:

*«Против нас были евреи, оставшиеся партийные работники и небольшая часть молодежи — не более 10%»*¹⁶.

Отчеты айзипатцгрупп так характеризуют основные формы «преступной» деятельности евреев: саботаж или отказ от работы (Борисов, Могилев); подстрекательство и распространение слухов (Бобруйск); самовольный уход из гетто и выселение вселенных в их квартиры других местных жителей (Татарск); отказ от пошения опознавательных знаков (Могилев), оказание сопротивления и «участие в грабежах» (Скидель, ноябрь 1942 г.)¹⁷.

Эти данные подтверждаются официальными советскими документами и воспоминаниями бывших узников. Так, Белла Шестак из Калуги, мать двух маленьких детей, решила не выходить на работу¹⁸.

Уклонение от регистрации, невыполнение приказов о явке к месту сбора для казни или переселения в гетто, а также бегство накануне и в ходе расстрелов были самыми распространенными актами индивидуального сопротивления.

Приказ о регистрации и переселении в гетто нарушали многие евреи. Часть из них скрывалась у своих знакомых; другая — пыталась достать «арийские» документы. Так, 39-летняя секретарь из Калуги О. Могилевская не пошла в гетто и пыталась достать поддельные документы. За это она была избита до потери сознания и привезена в гетто¹⁹. Единственной уцелевшей еврейкой Новороссийска оказалась 40-летняя Эмма Мительман, которая не пошла на регистрацию, а впоследствии, «переменив документы на фамилию мужа» (он был русский и находился на фронте), скрывалась на станции Гоппельная²⁰. Не пошли в гетто и несколько еврейских семей Бреста, некоторые из них уцелели²¹.

Эвакуированный на станцию Морозовская Ростовской области из Дрогобычской области служащий железной дороги, 31-летний Самуил Райтер, летом 1942 г. оказался на оккупированной территории вследствие неожиданного наступления немцев. Предприняв несколько неудачных попыток перейти линию фронта или спрятаться в окрестных селах, он вновь оказался в Морозовске, где стал свидетелем массовых расправ нацистов над евреями. С помощью друзей он достал паспорт на имя Григорьева Василия Николаевича, а на украденных немецких бланках изготовил себе две справки²².

В отчет коменданта вермахта в Белоруссии генерал-майора Бехтельсхайма за период с 11 октября по 11 ноября 1941 г. (в разделе «2. Евреи») говорится, что они «неоднократно переселяются из мест своего постоянного проживания в сельскую местность, ...чем пытаются избежать направленных против них акций»²³.

Примечательно свидетельство очевидца, что несколько тысяч богатых евреев Львова выехали в местечки, рассчитывая именно там спрятаться от опасности²⁴. По свидетельству Я.С. Шенфельда, еврейское население Львова прибегало к всевозможным уловкам:

«Организируются подпольные конторы, которые изготавливают так называемые «арийские документы», из архивов и костелов воруются метрические свидетельства поляков. В соответствии с таким свидетельством изготавливаются чистые бланки. Далее следует подделка паспорта путем передачи собственного документа или изготовления совсем новых польских бланков довоенного времени. К этому прибавляется фиктивная справка с работы.

Немцы не считали караимов евреями и не преследовали их, а потому бывало, что евреи подделывали себе караимские документы»²⁵.

Караимские документы использовались и в других городах. Согласно отчету румынских оккупационных властей, в начале 1942 г. в Одессе резко «выросло» число караимов²⁶. Массовый характер приобрело уклонение евреев Одессы от регистрации и переселения в гетто. Многие из них использовали поддельные и фальшивые документы, скрывались в катакомбах, укрывались у местных жителей, передавали им своих маленьких детей²⁷.

На территории Буковины также имели место использование фальшивых документов о крещении, изготовление поддельных метрик и паспортов. В конце 1941 г. были представлены к награде два комиссара полиции, выявившие *«фальсификаторов еврейских документов с целью уклонения их от реквизиции на принудительно-трудовые работы»*²⁹.

Самой массовой и эффективной формой индивидуального сопротивления было стремление спасти свою жизнь в минуту опасности. Типичным были попытки скрыться накануне «акции» в гетто или попытаться убежать с места расстрела. По данным Ш. Спектора, 47 500 из 180 000 (т.е. более четверти узников гетто Вольни) пытались бежать из своего населенного пункта, укрыться в тайниках или скрыться с места казни. Представляют интерес наблюдения исследователя о географическом факторе при решении скрыться: в местечках и маленьких городах это пытались сделать половина узников; в средних по численности населения городах — около четверти, а в больших городах — не более 10%²⁹.

Важно подчеркнуть, что на Вольни находились основные лесные массивы на территории рейхскомиссарната «Украина»; уничтожение гетто началось год спустя после вторжения гитлеровцев: эта территория стала местом рейдов советских партизанских соединений. Поэтому эти цифры нельзя экстраполировать на всю оккупированную территорию СССР.

Косвенно о попытке массового бегства жертв свидетельствует отчет об участии в «акции» одного из полицейских подразделений Львова, из которого следует, что из служебного нистолета было сделано 7 выстрелов по убегающим³⁰.

5 марта 1942 г. 60 узников гетто Обольцы в Оршанском районе Белоруссии, узнав об уничтожении соседнего гетто в местечке Смольяны, решились на коллективный побег, в ходе которого они захватили полицейского, стоявшего в оцеплении, и добрались до партизан. Решение о побеге возникло спонтанно³¹.

В донесение гебитскомиссара г. Глубокое генеральному комиссару Белоруссии от 1 июля 1942 г. содержатся многочисленные сведения о попытках евреев укрыться и бежать в ходе карательных «акций» в гетто в конце мая—начале июня. Так, в гетто Докшицы *«евреи сумели так хорошо спрятаться, что потребовалась почти неделя, чтобы найти последнего»*. В Миорах, где находилось 779 узников, *«евреи предприняли массовую попытку побега из гетто, а 70—80 человек, должно быть, удалось бежать»*. В Шарковщине *«также удалось некоторым евреям прорваться сквозь цепи окружения и уйти»*³².

В середине августа 1942 г. массовый побег осуществили узники рабочего лагеря в местечке Ганцевичи. Он также был связан с уничтожением евреев в окрестных местечках и ожидавшейся ликвидацией лагеря. Побег был подготовлен с участием еврейской администрации лагеря, в том числе «его «внутреннего коменданта» профессора из Лодзи Гринберга. Посвященные в планы побега узники были разбиты на «пятер-

ки». Именно старший «пятерки» сообщил вечером накануне побега, когда он начнется. В проволочном ограждении был образован проход, куда и устремились десятки узников. Сам побег прошел удачно, но попасть к партизанам удалось немногим.

В побеге приняла участие лишь часть узников. Оставшиеся, а также те, кто не нашел партизан и вернулся, поверив обещаниям карателей сохранить им жизнь, были затем расстреляны³³.

По несколько иной схеме развивались события в рабочем лагере в Новом Сверже близ Столбцов. Примерно 40 узников, ранее бежавших в СССР из Польши, настаивали на побеге. Другие сомневались, имея негативную информацию о нежелании партизан принимать безоружных евреев. Лишь в феврале 1943 г., после того как была установлена связь с партизанской бригадой имени Молотова, около 140 узников решились на побег³⁴.

В Киеве и Каунасе бегство осуществили члены специальных «зондеркоманд-1005», уничтожившие следы преступлений нацистов накануне их отступления с советской земли. 29 сентября 1943 г. бежали члены такой группы из Бабьего Яра, которая состояла в основном из евреев-военнопленных³⁵. В ночь на Рождество в декабре 1943 г. дерзкую попытку побега из IX форта Каунаса успешно осуществила группа, состоявшая из узников гетто и евреев-военнопленных под командованием капитана Красной Армии И.Л. Висельницкого (Василенко). В состав подпольного комитета входили также А. Подольский, Т. Пилловник, А. Дискант, М. Зимелевич, Р. Шахов, Т. Фридман и А. Файтельсон. Заключенные подобрали ключи и открыли камеры, сумели незаметно для охраны, отмечавшей Рождество, преодолеть 6-метровую стену форта и скрыться. Всего бежало 62 человека. Одна из групп беглецов (14 человек) более двух недель скрывалась в каунасском гетто, а затем была переправлена к партизанам³⁶.

Около 80 узников каунасского гетто, направленные на торфоразработки в два рабочих лагеря (в местечках Кайшядорис и Кедайняй), сумели связаться с литовскими партизанами, раздобыть оружие и бежать в апреле 1944 г. Попасть к партизанам удалось 50 из них, остальные были схвачены гестапо³⁷.

Такие попытки редко заканчивались успешно. Нацисты с особой жестокостью расправлялись с беглецами. В отчете за 17 июля 1942 г. сообщалось, что у Златополя убито 14 евреев и евреев, пытавшихся бежать из лагеря, расположенного в лесу³⁸. Осенью 1942 г. несколько евреев предприняли попытку побега из рабочего лагеря в поселке Остер Смоленской области. Двоих беглецов поймали, «привязали к оглобле лошади и заставили бежать» до здания комендатуры, где их расстреляли³⁹. Многочисленные факты неудачных попыток побега и жестоких расправ карателей зафиксированы в Белоруссии⁴⁰.

Во многих попытках скрыться с места казни участвовали маленькие дети. 10-летний Марат Иоффе, сын врача, чья семья укрывалась около

года в Дедовичском районе Псковской области, пытался бежать, но был пойман полицейским⁴¹. Шестилетний мальчик Швейбер, живший во Львове по ул. Бернштейна, 17, «выпрыгнул из автомашины и стал убежать». Его поймали лишь «на 3-м этаже и тащили по лестнице за ноги»⁴². При расстреле евреев местечка Хиславичи в марте 1942 г. дети пытались уползти из балки, где проводился расстрел. Один из них, 12-летний мальчик, пролежав абсолютно раздетым несколько часов, «дополз до окраины местечка с обмороженными руками и ногами», но был обнаружен и расстрелян полицейским⁴³.

В конце февраля 1942 г., когда проходил расстрел евреев в Густошинском районе Псковской области, была совершена попытка побега:

«Дети стали разбегаться. А взрослые плакали и падали в обморок. На убегающих детей немцы выпускали заранее взятых с собой собак. Собаки догоняли убегающих детей, сваливали их в снег и подтаскивали их к месту расстрела. Кроме того, часть детей была сброшена в могилу живыми»⁴⁴.

Около 20 человек сумели спастись из горящих барачных домов гетто Велжи. Среди них было несколько мальчиков в возрасте 9—12 лет, которым удалось выскочить из огня и под обстрелом нацистов убежать с места казни. Среди них — М. Львин, Б. Нахимовский, В. Соколов и другие⁴⁵.

Удачным оказался побег 11-летнего Ромы Левина из барака, где жили более 30 узников: ему удалось спрятаться под нары, а когда полицейские начали заколачивать окна, он незаметно выпрыгнул из одного из них⁴⁶.

Борису Сорокину, одному из немногих, удалось бежать 8 апреля 1942 г. в ходе расстрела евреев поселка Красный в Смоленской области. В письме брату с фронта через полтора года он коротко сообщил, что скрывался в Приленово под Починком, а затем попал к партизанам в районе Ельни⁴⁷.

Гораздо реже удавалось скрыться с места казни пожилым людям. Один из них, 73-летний зубной врач из Ессентуков С.Я. Вишневецкий, сумел скрыться во время массовой порки обреченных шомполами⁴⁸.

Среди удачных массовых побегов отметим следующий. Кузнец из г. Сарны Ровенской области Иосиф Вольф показал на следствии по делу нацистских преступников, что 26 августа 1942 г. группа заключенных трудового лагеря в Сарнах в количестве 40 человек организовала побег. Ремесленник Иосиф Гендельман пожилыми перерезал проволоку, вторая линия ограждения была порвана под напором тел беглецов. Начал строчить пулемет охраны. Вольф пересекал проволоку уже через груды трупов. Но он сумел скрыться и выбраться из города. Типична судьба семьи бежавшего: его мать, сестра с двумя маленькими детьми и 16-летний брат были убиты⁴⁹.

Узники, бежавшие с места расстрелов, стремились чаще всего попасть к партизанам, спрятаться в гетто (если оно продолжало существовать) или попасть в румынскую зону оккупации. Одним из самых надежных укрытий в гетто считалась еврейская больница. Е. С. Рогатина из Львова вспоминала:

«К нам часто в больницу прибегали голые люди, убежавшие после расстрелов»⁵⁰.

В качестве такого же убежища для тех, кто скрывался от депортации под видом инфекционных больных, служила больница одесского гетто. С помощью взяток румынской администрации удавалось продлить ее существование и после ликвидации гетто. Здесь *«под видом больных находилось много людей, спасающихся от угона»⁵¹.*

Кроме того, уцелевшие стремились перейти линию фронта. Сарра Глейх прошла более 300 километров от Мариуполя, двигалась только ночью, не заходила в населенные пункты, не имея ни карты, ни определенного маршрута⁵². Бася Ганелис-Пикман пробиралась на восток с помощью своей иеврейской подруги, имея на руках «арийские документы», будучи несколько раз арестованной на предмет ее еврейства⁵³.

Удачный исход таких попыток (как и переход бежавшими евреями-военнопленными линии фронта) мог быть только в результате стечения многих счастливых обстоятельств. Большинство бежавших рано или поздно обнаруживались полицией и немецкой жандармерией. Так, несколько молодых девушек из Каменец-Подольской области Украины — Гальперина Сима, Фаифер Ольга, Дератия М. — вплотную подошли к линии фронта под Москвой, но оказались в тюрьме г. Спас-Деменска Смоленской (ныне — Калужской) области, о чем осталась надпись на стене камеры, датированная 27 февраля 1943 г.⁵⁴

Другим способом было бегство в румынскую зону оккупации. Упоминавшийся выше Самуил Райтер с поддельными документами в конце августа 1942 г. ушел со станции Морозовская Ростовской области на Украину. Через Донецкую, Днепронетровскую и Кировоградскую области он попал в румынскую зону оккупации и устроился на работу в Первомайске Николаевской области. В письме-исповеди, адресованном И.Г. Эренбургу, он писал:

«Во время всех своих мытарств мне приходилось быть носильщиком, грузчиком, чистильщиком сапог, чернорабочим и бухгалтером. Неоднократно бежал, спасаясь от угрозы расстрела. Только еврей, бывший в окружении, знает, что такое издевательства, надругательства над человеческим достоинством, варварство гитлеровских бандитов, которым способствовали дешевые предатели-аласовцы и другие»⁵⁵.

Для евреев Галиции направлением бегства были территории Румынии, Венгрии, а также, как ни парадоксально, Восточной Украины, где шло интенсивное строительство дорог и требовались рабочие руки⁵⁶.

Будущий известный художник, ректор Краковской Академии художеств Йонас Штерн, сумел перебраться из Львова в Венгрию, где, выдавая себя за польского крестьянина, до конца войны батрачил в одном из хозяйств⁵⁷.

Попытки побега осуществлялись в ходе работ за пределами гетто и рабочих лагерей, похорои (если кладбище располагалось за пределами гетто), путем подкопов либо через проделанные отверстия в колочем ог-

раждения и заборах. Узники гетто в Слониме устроили подземный ход, который вел к еврейскому кладбищу. Для этого в столярной мастерской устроили выход через шкаф и глубокий подпол (туда спускались на веревочных лестницах), откуда и вырыли подземный ход. Аналогичный подземный ход, который вел к еврейскому кладбищу был и в минском гетто⁵⁸.

Самыми распространенными были попытки евреев найти укрытие у своих знакомых и соседей. Имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства позволяют выделить категории тех евреев, которым чаще других приходили на помощь: близкие родственники неевреев (прежде всего — муж, жена, дети); маленькие дети (чаще девочки); молодые женщины, не похожие внешне на евреек; состоятельные евреи; имеющие связь с городским подпольем или партизанами; одноклассники, соседи, сослуживцы, состоявшие в дружеских отношениях с неевреями; те, кто оказывал ранее какую-либо помощь или поддержку неевреям; квалифицированные специалисты либо способные на помощь по хозяйству в сельской местности; бежавшие из плена либо выходящие из окружения молодые солдаты и офицеры.

Нередко скрывавшиеся меняли десятки адресов и населенных пунктов, бродяжничали, укрывались в лесу, в стогах сена, заброшенных сараях и банях на окраинах сел и деревень. Родители при первой возможности сдавали детей в детские дома и приюты. Иногда дети приходили туда и сами. Однако их принимали только при наличии «арийских» документов, а также при отсутствии явно выраженной семитской внешности и акцента. Но даже при этих условиях и лояльности персонала детей подстерегали многочисленные опасности. Чарна Гильбокевая из Житомира вспоминала, что ее подруги по детскому дому говорили ей:

«Что ты нам спать не даешь, лепечешь по-жидовски»⁵⁹.

К индивидуальным невооруженным формам сопротивления можно также отнести отказ выполнять приказы нацистов (в том числе о раздевании во время казни, которому отказывались подчиняться молодые женщины и девушки). Многие евреи уклонялись от прохождения регистрации и ношения опознавательных знаков, явки к месту сбора перед отправкой на казнь. Как правило, это были первые шаги в длинной цепочке по пути борьбы за сохранение своей жизни и жизни своих малолетних или пожилых близких.

Попытки покончить жизнь самоубийством, чтобы не попасть в руки палачей, были повсеместными. В некоторых гетто они носили характер коллективного самоубийства. Евреи Кременца выбрасывались с балкона на мостовые, отказываясь идти на казнь⁶⁰. Около 200 узников гетто Мизочи на Вольни подожгли свои дома и погибли в огне. Коллективные суициды (повешение, отравление, утопление) были зафиксированы в Виннице и Дубно⁶¹.

В Толочине (Белоруссия) врач Фишкин отравил жену, двоих детей и себя. В Пружанах в ноябре 1942 г. отравились 47 евреев. В Орше 20 ста-

риков-плотников заперлись в доме одного из них и подожгли себя⁶². В Новоросейске Розалия Гоферман, жена известного городского врача, приняла яд⁶³. Известны случаи самоубийства всех членов семьи (чаще всего — супругов).

Не выполняли приказы и многие еврейские врачи, когда речь шла о выдаче инфекционных больных, умышленно отсталых, роженщ с детьми. Известны случаи мужественного поведения еврейских воспитателей в детских домах, отказывавшихся передавать списки детей палачам и их пособникам. Учителю средней школы из Злочева Йосифу Кибайо полицией предложено сохранить жизнь в обмен на сведения, где скрываются его ученики, бежавшие из гетто. Учитель отказался и не выдал подростков, несмотря на жестокие побои⁶⁴. Сотни преподавателей, подобно Янушу Корчаку, прошли со своими воспитанниками последний путь, стараясь подбодрить и утешить их в самую страшную минуту.

Отказ сдать радиоприемник, прослушивание передач советского радио и распространение (даже среди близких людей) полученной информации были пассивной, но весьма важной формой сопротивления. Не случайно оккупационные газеты обращали внимание на то, что *«интеллигентные евреи в гетто слушают радиопередачи из Лондона и Москвы и распространяют эти лживые известия среди населения»*. По сообщениям львовских оккупационных газет, в феврале — марте 1942 г. четыре еврея были расстреляны именно за это⁶⁵.

Запомнившейся многим свидетелям и целенаправленной формой духовного сопротивления были последние слова обреченных: проклятия палачам, речи во время казни со словами о мести, прочитанные ими молитвы.

Нередким было хладнокровное, столь пугавшее убийц, поведение жертв.

Оно стало проявляться уже в первые недели после начала войны. В июле 1941 г., когда латышские националисты в эззовцы издевались в помещении префектуры над собранными там молодыми евреями Риги, один из них подошел к роялю, стоявшему в проходной комнате, и заиграл народную мелодию «Эли-Эли, услышь, услышь». Песню подхватили десятки обреченных⁶⁶.

Сын врача, беженца из Молдавии, 10-летний Муся Пинкензон, проживавший в станице Лабинской Краснодарского края, отличник и одаренный музыкант, взял с собой «в дорогу» любимую скрипку. Свидетель вспоминала:

«Муся добился разрешения в последний раз перед смертью сыграть на скрипке, и когда разрешение было дано, маленький советский патриот на своей скрипке исполнил «Интернационал». В момент исполнения «Интернационала» был расстрелян»⁶⁷.

Подвиг мальчика был упомянут в числе других рассказов о мужестве советских подростков в годы войны в статье, опубликованной в мае 1945 г. в газете «Правда».

Нередко верующие люди были образцом стойкости в момент массовых казней. Жителям Бреста навсегда запомнилась колонна обреченных, во главе которой шел человек с бородой, длинными волосами и в кипе. Нацисты напустили на него собак, но он даже не пытался защищаться. Недовольный ропот толпы заставил полицейских отогнать собак⁶⁸.

Когда раввину Мадфеусу из города Ровно предложили спастись, он ответил: «Куда идут овцы, туда идет и пастырь». Он был расстрелян вместе с остальными евреями⁶⁹.

На краю могилы эти люди находили слова утешения, стремились поддержать друг друга, успокоить детей. Типичными были последние слова обреченных о неминуемом возмездии. Жена офицера Зусмановича, казненная в Красноподарском крае с грудным ребенком на руках, говорила перед расстрелом:

*«Не плачьте. Мы умрем, но за нас отомстят наши мужья, братья и товарищи»*⁷⁰.

Мужественное поведение накануне и в момент казни потрясало не только свидетелей, но даже палачей. Священник Клязевский, служивший в Духовной консистории г. Кременец, свидетельствовал:

*«Необходимо подчеркнуть мужество, с каким несчастные шли на смерть. Они, сидя в машинах, ...расклаивались с сожалениями других палачей и кричали: «Начинают с нас, а вами кончат!»*⁷¹

Составленные узниками предсмертные записки, дневники, письма, обращенные не только к близким, но и к тем, кто будет помнить о них и сможет отомстить, также характеризуют уровень духовного сопротивления.

Весьма распространенной формой сопротивления был отказ сотрудничать с нацистами на предмет выдачи участников сопротивления, составления списков на депортацию и другие аналогичные действия, которые угрожали жизни самого узника.

Неоднократно в отчетах немецких карательных подразделений фиксировались факты пассивного сопротивления со стороны еврейских женщин. В отчете айзатцгруппы «В» в конце сентября 1941 г. говорилось:

*«Особенно еврейки проявляют свой строптивый характер и высокомерное поведение. По этой причине в Круглое расстреляно 28 и в Могилеве 337 евреек»*⁷².

В дневнике 322-го полицейского батальона, действовавшего в Белоруссии, в записи от 9 октября 1941 г. говорилось о расстреле четырех евреек «за коммунистические интриги»⁷³. Не исключено, что (особенно в первые месяцы войны) эти данные приводились как обоснование массовых расстрелов. Однако наличие таких сведений характеризует общее (отнюдь не пассивное) отношение еврейского населения к своей судьбе.

ФИЗИЧЕСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

Остановимся на свидетельствах проявления индивидуального физического, в том числе вооруженного, сопротивления, террора и диверсий. Насколько часто встречались в реальности такие факты? В начальный период оккупации их совершали, как правило, агенты и сотрудники НКВД. Нередко по собственной инициативе в них участвовали молодые советские патриоты, в том числе евреи. Когда нацисты пытались тушить пожары после взрывов на Крещатике, молодой еврей перерезал пожарные шланги⁷⁴.

Ученик 5-го класса из Калуги Давид Хаппи, переживший издевательства в гетто, старшего брата которого расстреляли оккупанты, вспоминал после освобождения:

«Наконец, мне стало противно смотреть на все это и я решил чем-нибудь отомстить за брата. Мы с Чуриковым Константином договорились и за городом перерезали немецкий кабель»⁷⁵.

Несомненно, что, несмотря на огромную опасность, были распространены случаи умышленного саботажа при проведении ремонтных (в том числе вооружения и техники) и строительных работ — оставшиеся в живых специалисты мстили, таким образом, за судьбу своих близких.

Нередко в момент ликвидации гетто узники поджигали свои дома — иногда это помогало скрыться, но чаще всего этим действием враг лишался нмущества, отвлекался на противопожарные мероприятия, которые грозили распространению огня на «арийскую» часть города. Разумеется, такие попытки были характерны для небольших городов, где преобладали деревянные дома и постройки⁷⁶.

Одной из форм сопротивления были забаррикадированные двери и окна домов в момент проведения «акций». Немецкие и местные полицейские были вынуждены терять время на взламывание дверей и нередко поджигали такие дома либо бросали в них гранаты. После ликвидации гетто Пинска каратели в своем отчете делились опытом нахождения убежищ и расправы со скрывавшимися:

«Даже когда нет подвалов, значительное количество лиц находится в малом пространстве подполья. Такие места надо взламывать снаружи, или направлять туда служебных собак (в Пинске замечательно оправдала себя служебная собака Аста), или забрасывать их ручными гранатами... Рекомендуем привлекать малолетних к указанию этих укрытий, обещая им за это жизнь. Этот метод хорошо оправдал себя»⁷⁷.

Одним из самых распространенных способов укрытия от погромов и «акций» было устройство так называемых «малин» (укрытий). Их делали обычно в доме (подпол, лаз под печкой, двойные стенки шкафа, реже — на чердаке) либо во дворе (в погребе, колоде, сарае, туалете). В Долгинуво (Белоруссия) каратели в ходе ликвидации гетто в конце апреля 1942 г. в течение двух дней разыскивали «бункеры, уничтожая их с

помощью ручных гранат. Имелись подземные убежища, насчитывающие три этажа»⁷⁸.

Иногда людям приходилось проводить в таких убежищах несколько дней — без возможности отправлять естественные надобности, есть и пить. Многие маленькие дети не могли вынести этого, и их плач становился причиной обнаружения таких убежищ. В связи с этим нередко были драматические случаи, когда кто-то из укрывавшихся или даже сама мать душили детей, чтобы дать возможность спастись остальным⁷⁹.

После ликвидации гетто или накануне освобождения многие люди искали убежище в пещерах, лесах, болотах — практически без шансов на выживание. Но некоторым из них повезло. Группа из 28 человек, уцелевших в мишном гетто, буквально замуровала себя в пещере на еврейском кладбище под бетонным перекрытием разрушенного строения и смогла продержаться там около 9 месяцев, почти без воды и со скудными запасами еды. Помощь спасавшимся оказали две местные жительницы. В итоге 13 человек спаслись⁸⁰.

Особенно остро вопрос о помощи вставал в ходе акций и непосредственно после них, когда жертвы искали спасения у тех, кто был вне опасности или подвергался меньшей угрозе (специалисты, сотрудники юденрата или полиции). Как и в первом случае, реакция даже членов одной семьи была неоднозначной⁸¹.

Поскольку нацисты в отдельных случаях не расстреливали членов семей нужных им специалистов, то нередко были случаи, когда они выдавали за своих родственников других евреев. Так, портной Осип из Одесской области спас таким образом незнакомую женщину с ребенком как свою дочь с внуком. В свою очередь, чтобы спасти Осипа, эта женщина была вынуждена сожительствовать с шантажировавшим ее полицейским⁸².

Нередки были случаи сопротивления и в момент казни. Обычно никто из отважных, как правило, молодых людей не оставался в живых. Поэтому о таких фактах могли рассказать лишь немногочисленные очевидцы — местные жители. Один из них свидетельствовал, что в лагере смерти Богдановка группа молодых юношей и девушек сумела окружить одного из козловров и увлечь его вместе с собой в костер, использовавшийся карателями для сожжения трупов убитых⁸³.

Отсутствие оружия, военных навыков, внезапность уничтожения (особенно в первые месяцы оккупации), продуманность тактики массовых казней резко ограничивали возможность индивидуального вооруженного сопротивления в ходе массовых акций. Отметим, что их свидетелями могли быть только сами участники убийства. Тем не менее зафиксированы многочисленные попытки вырвать оружие из рук палачей (иногда — удачные), броситься на них с ножом, топором или лопатой, ударить рукой.

Так, в гетто местечка Городок евреи отказались подчиниться приказу переселяться в Яроминцы. Двоих полицейских удалось задушить, в результате этого несколько молодых ребят сумели убежать из гетто,

которое было оцеплено шутманами и жандармами⁸⁴. При ликвидации гетто Полоцка (Белоруссия) в августе 1942 г. «один жандарм был одним евреем ранен в горло портновским инструментом»⁸⁵.

Физическое сопротивление евреи оказывали и в ответ на издевательства и унижение их человеческого достоинства. Так, в Велиже немецкий офицер в первые дни оккупации ударил по лицу местного грузчика по имени Лева, который не уступил ему дорогу. В ответ Лева сбил офицера с ног так, что тот потерял сознание. Лева был застрелен на месте другим немецким солдатом⁸⁶.

* * *

Потрясенное мыслью о несправедливой и неизбежной казни, состоявшее в большинстве из женщин, детей и стариков, еврейское население объективно не могло оказать массовое вооруженное сопротивление убийцам. И все же акты индивидуального сопротивления были довольно многочисленными; они имели место в разных регионах страны, хотя и являлись разрозненными и малоэффективными. Практически везде хотя бы один человек (чаще всего их было несколько) в ходе массовых расстрелов сумел избежать смерти.

Важным фактором еврейского ненасильственного сопротивления были взаимопомощь и солидарность. Они проявлялись в решении бытовых вопросов, от которых нередко зависели здоровье и жизнь других узников, — помощь продуктами (которых, естественно, всем не хватало), одеждой, лекарствами, денежными средствами. Понятно, что для каждой семьи такая помощь означала уменьшение собственных шансов на спасение. Не всегда даже близкие родственники готовы были это сделать. Однако очень часто в гетто находились люди, которые делились последним.

Многие акты индивидуального сопротивления были импульсивными, жертвы решались на них в последний момент.

4.2. Организованное сопротивление

Эта тема, как и освещение участия евреев в партизанском движении, насчитывает немалую историографию. К сожалению, авторы научных работ и мемуаров, как правило, ограничиваются локальными исследованиями на территории отдельных регионов: Белоруссии (преимущественно западной ее части или в минском гетто), Украины и Литвы. Закономерности и особенности организованного и, в частности, вооруженного еврейского Сопротивления как на всей оккупированной территории СССР, так и в отдельных его республиках заслуживают специального рассмотрения.

ЕВРЕИ-ПОДПОЛЬЩИКИ

В отличие от Польши, где еврейское Сопротивление было сосредоточено преимущественно в гетто, на оккупированной советской территории еврей-подпольщики играли видную роль в организации антинацистского Сопротивления во многих городах страны, не являясь узниками гетто. Во-первых, среди оставленных для подпольной работы коммунистов и комсомольцев было немало евреев, в том числе руководителей различного ранга (ввиду своей известности, они направлялись для работы в другие населенные пункты). Так, секретарем подпольного горкома столицы Украины был оставлен 36-летний еврей Семен Бруз, работавший до войны секретарем горкома ВКП(б) Белой Церкви. В характеристике на представление к ордену Отечественной войны I степени сказано, что под его руководством были созданы 8 подпольных райкомов, подпольные организации на всех крупных предприятиях, установлено 80 радиоприемников для приема сводок советского радио, организовано несколько типографий. При непосредственном участии С. Бруза было проведено несколько диверсионных актов. В момент ареста, 3 июня 1942 г., отважный подпольщик застрелился. Еще одним отважным подпольщиком был киевлянин Георгий Левицкий, участвовавший в успешном проведении нескольких диверсий⁸⁷.

Во-вторых, в крупных городах (включая те, где гетто не были созданы или просуществовали недолгий период времени) уцелевшие евреи, а также скрывавшиеся из других населенных пунктов, вышедшие из окружения и бежавшие из концлагерей военнопленные вливались в состав действовавших подпольных организаций или даже организовывали их.

Первым руководителем подполья столицы Белоруссии стал Исай Казинец (1910—1942), единственный еврей-подпольщик, удостоенный звания Героя Советского Союза (посмертно). Инженер-нефтяник, работавший до войны в Белостоке, он жил в Минске по поддельным документам, выдавая себя за азербайджанца Мустафу Деликурды-оглы. Именно Казинцу удалось объединить разрозненные силы подпольщиков, наладить связь с партизанами. По данным полиции безопасности и СД, Казинцу удалось с помощью евреев гетто организовать выпуск листовок и агитационной литературы, а также достать план Минска с указанием мест расположения воинских частей.

Из созданных в Минске уже в августе 1941 г. 5 подпольных райкомов партии один размещался в гетто. И. Казинец возглавлял минское подполье вплоть до весны 1942 г., когда был арестован агентами гестапо⁸⁸.

Советские евреи с подделанными или чужими документами, скрыв национальность, участвовали в деятельности подпольных групп Киева, Одессы, Львова и ряда других городов.

Связная подпольного горкома, 20-летняя Татьяна Маркус, почти 9 месяцев находилась в Киеве на нелегальном положении. Отец Татья-

ны погиб в Бабьем Яре. Необычайно красивая девушка, устроившаяся по поддельным документам на имя «грузинской княжны Татьяны Маркусидзе» в офицерскую столовую, пользовалась огромных успехов у ее посетителей. Сначала с помощью своих товарищей, а затем уже лично, используя небольшой браунинг, Татьяна методично уничтожала своих поклонников в городских развалинах и их собственных квартирах. В ее характеристике скупо сказано:

«Лично уничтожила немецких офицеров и немецко-украинских националистов»⁸⁹.

Погубила ее оставленная у трупа очередной жертвы записка, подписанная псевдонимом «Маркусидзе». Подпольный горком принял решение укрыть Татьяну в черниговских лесах. В момент переправы через Днепр девушку и ее провожатого заметили немцы. Раненую Таню зверски пытали. Она не назвала ни одного имени. Отважная подпольщица была казнена летом 1942 г. Татьяна Маркус была представлена к ордену Отечественной войны II степени; награждена медалью «Партизан Великой Отечественной войны» I степени⁹⁰.

Аналогичным методом действовала во Львове другая красивая девушка, 23-летняя Лиана Ганс. Она проживала на «арийской стороне» под именем Урсоли Логоды. 16 марта 1943 г. Лиана познакомилась с офицером секретной службы Карлом Шверглером и привела его к себе домой. После чего убила выстрелом из пистолета и скрылась. Найти ее так и не удалось⁹¹.

В городе Тальное Черкасской области отличился юный еврей-подпольщик Зигмунт Гроссбарг, отлично знавший немецкий язык. По заданию своей организации он устроился на работу в гебитскомисариат. Зигмунт помог подпольщикам достать оружие, а также сумел в марте 1943 г. сорвать попытку местной жандармерии получить подкрепление из Киева для борьбы с партизанами, похитив 2 телеграммы об этом⁹².

Активную роль в подполье Днепропетровска играл бывший студент металлургического института Борис Сондак, умело изготавливавший поддельные печати, справки, документы. Он не только составлял и распространял листовки, но и участвовал в ряде успешных диверсий. Борис был арестован и казнен в октябре 1942 г.⁹³

Несколько вышедших из окружения советских солдат и офицеров стали активными участниками подполья в Киеве (Соломон Пекер) и на Винничине (Яков Талис в Жмеринке)⁹⁴.

Среди подпольщиков Винницы насчитывалось не менее 17 евреев. В 1942—1944 гг. семь из них было расстреляно, один повешен и одна подпольщица покончила с собой при аресте. Одной из групп руководил Израй Бендерский⁹⁵.

В Винницкой области некоторые из руководителей всех подпольных групп районов и местечек были евреями. Среди них были группы как в немецкой зоне оккупации, например в Литинском (руководитель Бараш) и Барском районах (его руководил Филберг, активными членами были

А.К. Фельдберг, расстрелянный в январе 1944 г., и М.Л. Альтухер), так и румынской.

На территории Транснистрии подпольные группы наиболее активно действовали в 6 районах Винницкой области. Многие из них возглавляли евреи.

Подпольной организацией в Жмеринском районе руководил Шмапович, а молодежной группой — учитель математики еврейской школы, бывший советский военнослужащий Арон (Арчик) Гефтер (он был казнен в Тираспольской тюрьме в 1943 г.). В Копаигородском районе подпольщиками руководили Арон Сербер и Кацман; Чечельницком — Исаак Грановский; в Шаргородском — Григорий Рейфман.

Наибольший след в истории еврейского Сопротивления в этом регионе оставили подпольные группы в Бершадском районе, возникшие в конце 1941 г., в деятельности которых участвовали более 200 человек, преимущественно евреи⁸⁶.

В начальный период оккупации многие группы с участием евреев-подпольщиков возникали стихийно либо действовали на свой страх и риск, потеряв связь с оставленными в городе руководителями, многие из которых были быстро выявлены и ликвидированы оккупантами. Осталась недооцененной после войны деятельность одной из групп евреев-подпольщиков Одессы, отчет о которой был послан в 1944 г. в Еврейский антифашистский комитет. Его подготовили сестры Ольга и Елена Канторович, а также руководитель группы Федор Скули. Аналогичный отчет о своей деятельности был представлен подпольной группой в Одесский обком ВКП(б). Согласно этому документу, оставленным в городе подпольщикам было передано *«20 штук винтовок, 3000 патронов, 1 револьвер-пистолет с патронами, 1 миша со шнуром, 3000 листов копировальной бумаги, восковки, 20 килограммов белой писчей бумаги, ролитор и 1 пишущая машинка»*.

Все это было спрятано в кочегарке здания почтамта, куда затем было перенесено и другое оборудование.

Однако никаких дальнейших указаний Ф. Скули не получил. Уже 25 октября 1941 г. он впервые связался с сестрами Канторович, а позднее создал свою подпольную группу, действовавшую вполне автономно. Группа Скули—Канторович проводила типичную для подпольщиков работу: распространяла листовки о положении на фронте, способствовала бегству арестованных участников Сопротивления из местной тюрьмы, наладила массовое изготовление поддельных документов и печатей оккупационных органов, вела устную агитацию, пыталась установить связь с другими группами и партизанами, наладила помощь заключенным в Одесской тюрьме продуктами питания.

Особенностью деятельности группы было то, что в подвале своего дома в центре Одессы сестры Канторович скрывали весь период оккупации 4 еврейские семьи в количестве 9 человек, а накануне освобожде-

ния Одессы к ним присоединилось еще 6 евреев⁹⁷. Несколько раз сестры арестовывались по подозрению в еврейском происхождении и подпольной деятельности. В отчете говорилось:

«Ольга, Елена и Роберт подделывали печати, паспорта и справки с целью скрывать своего (этнического) еврейского происхождения. Для печати русской была использована печать «Химпродукт», медная монета достоинством в 5 копеек, а также Люсей Калика была в подвале Канторович изобретена румынская печать...»

После освобождения из тюрьмы сестры устроились продавщицами в расположенный рядом с ней продуктовый магазин, что позволило поддерживать контакты с заключенными, одним из которых был Ф. Скулн.

Этот же магазин служил местом для переодевания бежавшей из тюрьмы Татьяны Заславской. Сестры участвуют в организации побега еще одного заключенного, а также способствуют освобождению за взятки ряда подпольщиков.

После освобождения города часть оружия, боеприпасов и сохраненного оборудования были сданы представителям властей.

В феврале 1942 г. (т.е. в период ликвидации гетто) Одесским подпольным обкомом в г. Балту была направлена профессор Одесского университета Татьяна Борисовна Фридман (Брагаренко).

Ею была организована деятельность подпольного горкома, создано несколько групп подпольщиков в селах района⁹⁸. Среди них было немало евреев. Из 56 подпольщиков, расстрелянных в марте 1944 г., как минимум 11 были евреями (Т. Фридман, О. Шмальц, Е. Шамшанович, Б. Меерович, Е. Чечельницкий, С. Финкельштейн, М. и И. Шустеры, И. Силянский, Е. Трейгер, Д. Гейман)⁹⁹.

Обычным методом деятельности небольших подпольных групп или отдельных подпольщиков был индивидуальный террор. Именно так действовали участники Сопротивления в Восточной Белоруссии. Например, в Могилеве евреи-подпольщики убили двух немецких солдат¹⁰⁰. Отчет айнзатцгруппы «В» за вторую половину сентября 1941 г. сообщал о расстреле «коммунистических функционеров» в Бобруйске:

«Среди них находился еврейский унтер-офицер — санитар, который, по собственному признанию, отправил 2 немецких офицеров и 4 солдат».

В 1941—1942 гг. в Украине типичными были небольшие группы подпольщиков, изготавливавших и распространявших рукописные листовки, а также готовивших отдельные террористические акты. В сентябре 1941 г. в местечке Хмельник на Винницчине были схвачены 3 подпольщика, у которых был обнаружен револьвер. Двух из них расстреляли, а еврея Элю Абрамовича публично повесили перед входом в городской парк¹⁰¹.

Газета «Украинский голос» (№ 129) сообщала 26 декабря 1941 г. о расстреле в Виннице 4 евреев в возрасте от 20 до 47 лет за «обстрел квартиры областного комиссара». В 1942 г. также публично был повешен «как партизан» житель Проскурова Ихил Антрох¹⁰².

Специфической формой сопротивления была деятельность евреев-переводчиков. Некоторые из них привлекались местной администрацией и даже вермахтом (до осени 1941 г.) легально, ввиду нехватки людей, знавших немецкий язык. Некоторые евреи, особенно женщины, устраивались переводчицами в немецкие оккупационные учреждения. Скрыв свою национальность, они работали на партизан и подпольщиков, помогали задержанным. Так, в Минске в сентябре 1941 г. была «ликвидирована еврейка, которая выдавала себя за польку и работала переводчицей в немецкой полевой комендатуре»¹⁰³. В отчете о деятельности полевой жандармерии гарнизоной комендатуры Феодосии (Крым) сообщалось, что вместе с тремя партизанами был расстрелян 1 декабря 1941 г. еврей, который выдавал себя за переводчика, но переводил вопреки интересам германского вермахта¹⁰⁴.

В Феодосии 21 ноября 1941 г. был арестован и передан айзатцкоманде-106 Марк Кацман «за призывы к сопротивлению германскому вермахту».

Под предлогом борьбы с партизанами были расстреляны 26 ноября 1941 г. 14 евреев и евреек Армянска. С формулировкой «подстрекательство и угрозы в адрес местного населения» были расстреляны 15 евреев в Джанкое¹⁰⁵.

В Умани в 1942 г. была арестована еврейка, бежавшая из лагеря военнопленных. Эта женщина-врач, которая «укрывалась в детском доме под ложной фамилией» и продолжала оказывать медицинскую помощь советским военнопленным¹⁰⁶.

Таким образом, евреи за пределами гетто и вне его участвовали во всех основных формах подпольной деятельности: создавали и руководили подпольными организациями ряда городов; готовили и проводили диверсии и террористические акты; собирали и распространяли среди жителей информацию о положении на фронте и преступлениях оккупантов; изготовляли поддельные документы и печати; собирали разведданные; лечили советских военнопленных и помогали им бежать; укрывали евреев.

Оценка деятельности евреев-подпольщиков советскими властями не всегда была адекватной. Не совсем ясным выглядит сюжет с последним периодом деятельности Киевского подпольного горкома, в котором принимала самое активное участие еврейка Ольга Светличная (Голда Азрилович). Лишь в 1998 г. президент Украины вручил отважной подпольщице О. Светличной орден княгини Ольги (в советский период все ходатайства о ее награждении отклонялись).

Она была хозяйкой квартиры, в которой проходили заседания подпольщиков Железнодорожного района Киева. Вместе с другими активными подпольщиками Ольга была арестована ровно за неделю до освобождения столицы Украины. Никого из арестованных нацисты, хорошо осведомленные о деятельности подпольщиков, расстрелять не успели¹⁰⁷.

Советские спецслужбы подозревали в выдаче этой организации Александра Зиновьевича Несвежинского — начальника штаба, а затем командира 194-го полка 60-й дивизии Южного фронта. Он попал в плен в августе 1941 г. вместе с другим евреем, командиром взвода Изей Хаптом. Именно к сестрам Хапта в Виннице и бежал из концлагеря Несвежинский. Здесь он стал членом подпольной группы Побережца, добывал поддельные документы для подпольщиков. В апреле 1942 г. вместе с женой Ядвигой он переехал в Киев, где работал элекгромонтером в частной немецкой фирме.

По словам Несвежинского, в ходе расследования его дела военным трибуналом войск НКВД Украинского округа ему было предложено войти в штаб военной группы из трех человек при горкоме партии с целью подготовить в Киеве вооруженное восстание. Он также был арестован немцами 29 октября 1943 г.

Однако органы НКВД именно А. Несвежинского считали провокатором, завербованным еще в Виннице и выдавшим местных подпольщиков. Обвиняемый это категорически отрицал. Каких-либо доказательств действий Несвежинского как предателя и провокатора в Киеве, за исключением признания обвиняемого, что он выдал на допросе нескольких товарищей, т.к. «боялся репрессий», в деле не имеется. Тем не менее Несвежинский был расстрелян¹⁰⁸.

Самым загадочным в этом деле выглядит то, что нацисты не казнили ни одного из многочисленных арестованных, словно предоставляя эту миссию НКВД. Не был освобожден ими и Несвежинский, что было бы логично, будь он провокатором.

Очевидно, что чудесное спасение сестер Канторович и их национальность также вызвали недоверие партийных и иных органов. Это видно из сопроводительного письма Ольги Канторович на имя Соломона Михоэля:

«Тяжело чувствовать унижение, но еще больнее — когда... тебя стараются затереть»¹⁰⁹.

ПОДПОЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ГЕТТО

Остановимся теперь на деятельности подпольных организаций гетто как специфической форме еврейского Сопротивления. К сожалению, как количество таких организаций, так и их численный состав на территории СССР еще остаются невыясненными.

Обобщающие сведения о наличии и деятельности подпольных организаций в 64 населенных пунктах Западной Белоруссии (без Белостокской области) и некоторых местечках Литвы в районе Вильнюса содержатся в работе Шаломы Холавского. По его данным, в районе Вильнюса подпольные группы существовали в 24 гетто из 45; в Полесье — в 16 гетто из 21; в Новогрудском округе — в 24 гетто из 37 гетто и рабочих лагерей.

Участники подпольного движения, в основном молодежь, составляли здесь около 4000 человек.

Уже вскоре после оккупации были созданы подпольные группы в ряде местечек Западной Белоруссии и Литвы: Воложине, Миорах, Мядле, Браславе, Друе, Радушковичах, Любешове, Бутеле, Эйшишке, Михайлишоке¹¹⁰.

По подсчетам Ш. Спектора; только на территории Вольни группы Сопротивления возникли в 19 населенных пунктах (Березно, Демидовка, Дубно, Дубровица, Камень-Каширский, Ковель, Любомль, Маневичи, Мизоч, Озеряны, Олыка, Осова, Павурск, Радзивиллов, Рафаловка, Серник, Софиевка, Торчин, Шатск)¹¹¹.

В Вишницкой области подпольные группы были в десятках гетто, а общее число евреев-подпольщиков составило несколько сот человек. В гетто Бершад действовали две подпольные группы под руководством Льва Воскобойника (84 человека) и Иосифа Биндера (45 человек). В отчете о деятельности подпольщиков говорится:

«Подпольная организация г. Бершад создавала укрытия для еврейского населения соседних районов левого берега Буга (т.е. немецкой зоны оккупации. — И. А.) — Теплика, Гайсина, Умани и др. районов. После того как этим людям оказывалась материальная помощь, ... многие из них становились активными членами по борьбе против оккупантов».

Одним из важных результатов деятельности группы стала организация побега 900 узников из 3000, которых хотели отправить в рабочий лагерь в Николаев летом 1943 г. Была создана вооруженная группа под руководством Ефима Лебеда для выявления и уничтожения агентов сигуранцы и полицаяв. 17 евреев — членов подпольной группы были арестованы и расстреляны оккупантами (сестры Ася и Жена Сикор, Лумер Лиза, Грамзугер Мордко, Климяк Гриша, Воскобойник Лева, Пятковский Гриша, Малелис, Рита Леон (из Кнева), Фельдман Иосиф, братья Ефим и Абрам Билер, Талис Шимон, Бойко Анна, Фрейшмер Зяма, Шренцер, а также Моисей Юров (с. Филиповка). Отметим, что 5 из 17 расстрелянных были женщины.

Остальные члены группы продолжили борьбу в подполье и партизанских отрядах. Всего в Бершадском районе действовало 213 подпольщиков (в большинстве своем — евреи), из которых 111 погибли¹¹². В опубликованных данных о евреях-подпольщиках в Бершадском районе значится 51 человек. Половина из них, включая руководителей группы в бершадском гетто Иосифа Биндера, Льва Воскобойника и Петра Пятковского, были расстреляны¹¹³.

Подпольную группу в жмеринском гетто до своего ареста в начале 1943 г. возглавлял учитель математики в еврейской школе Арон Гефтер (как отмечалось выше, одновременно он был руководителем молодежного подполья Жмеринского района и погиб в румынских застенках).

Группе удалось подготовить и распространить много листовок, издать издание подпольной газеты¹¹⁴.

Подпольная группа в гетто Копайгорода возникла в июле 1942 г. Ее организовал Арон Сернер. Через работавшего в городской типографии еврея-наборщика Штенмана в феврале 1943 г. удалось выгнать 2 листовки, составленные учителем Ковеманом. Они были изданы тиражом 120 и 180 экземпляров. Из типографии удалось похитить часть необходимого оборудования. Деятельности подпольщиков активно препятствовала еврейская полиция гетто, которая *«неоднократно предупреждала и требовала прекратить подобные собрания и чтения»*. Отметим, что тем не менее подпольщики не были выданы оккупационным властям.

Во Пшовцы Копайгородского района подпольной группой из 19 человек руководил Кацман¹¹⁵.

В Чечельвицком районе Винницкой области одним из руководителей подпольной организации был Исаак Грановский. В феврале 1942 г. была создана первая диверсионная группа в составе Абрама Песчанского, Фиры Гольдшмидт, Якова Клейнштейна (по другим данным — Япкеля Клишштейна). Главной задачей группы был прием передач Соинформбюро и распространение правдивой информации среди местного населения. Была установлена постоянная связь с партизанами, которые имели в м. Чечельник явочные квартиры. Подпольщики собирали для них продукты, одежду, обувь, медикаменты. Они также взаимодействовали с другими группами в населенных пунктах района.

В домах Жени Бороды, Немы Шахис, Наума Кергмана, Рейзы Файнштейн, Мани Альтман *«перепрыгивались партизаны и проводились совещания и подпольная работа»*¹¹⁶.

Вторая диверсионная группа в составе Семена Рабиновича и Цолека Билькиса отравила мышьяком вагоны с пшеницей. В феврале 1944 г. румынские власти провели серию арестов, и Грановский вынужден был уйти в лес. Его заменил Абрам Песчанский¹¹⁷.

В гетто м. Черновцы Винницкой области руководителем подполья был Энгель. Именно он передал после освобождения *«кафавит лиц, причастных к убийству советских граждан еврейской национальности»*¹¹⁸.

В некоторых гетто подпольные группы, вследствие провалов и бегства за пределы города, не удавалось объединить в одну организацию. Действовавшие там разрозненные группы подпольщиков разной политической ориентации занимались в основном переправкой людей за пределы Львова, включая бегство к партизанам и направление на работы в Германию по фальшивым документам. Одну из первых групп, созданных еще в 1941 г., возглавлял идишистский поэт левой ориентации Яков Шудрих. В 1942 г. она сотрудничала с группой представителей молодежных довоенных социалистических организаций (М. Брайт, Я. Раппопорт, А. Эрлих и другие), которые издавали листовки и приобретали оружие.

Грунне удалось организовать побег из тюрьмы одного из руководителей польского подполья во Львове Леха Садовского. Я. Шудрих и Г. Розенблат наладили связь с советскими и польскими подпольщиками¹¹⁹.

Любопытно, что связные из партизанских отрядов неоднократно проникали во Львов с целью активизации подпольной работы. Одним из них был известный книготорговец Хирш Роде, который был выдан гестапо и там покончил жизнь самоубийством, разбив стекло на портрете Гитлера и вскрыв им себе вены.

Еще одна группа подпольщиков, состоявшая из представителей львовской интеллигенции во главе с писателем Р. Грином, действовала на «Немецких оружейных предприятиях» в Яновском концлагере.

В августе 1942 г. в составе львовского подполья было свыше 150 бойцов во главе с Авраамом Варманом, членом сионистской организации «ха-Шомер ха-Цаир»¹²⁰.

Летом 1942 г. подпольная группа возникла в тернопольском гетто, отличием которой было наличие в ее составе нескольких молодых парней из еврейской полиции. Обладая несколькими пистолетами и гранатами, они осуществили побег к партизанам, не используя депортацию узников в рабочий лагерь.

В гетто Борислава была создана небольшая (около 20 человек, преимущественно рабочих и инженеров нефтяных промыслов) подпольная группа во главе с инженером М. Маренгольцем. Грунне удалось достать одну винтовку и несколько пистолетов, а также сжечь большое количество сырья и готовой продукции. Как и подпольщики Тернополя, эта группа видела основную задачу в попытке попасть в партизанский отряд.

С 1942 г. действовала подпольная организация в местечке Броды. Ее возглавлял бывший военнослужащий польской армии Самуэль Вайлер и Яков Линдер. Группа установила связь с подпольщиками львовского гетто, а также членами «Народной гвардии им. Ивана Франка». Целью группы было создание самостоятельного партизанского отряда, куда должны были впоследствии попасть и узники львовского гетто. С этой целью группа начала сооружение бункеров в окрестных лесах. Вследствие провокации оккупантов эта попытка создания партизанской базы не удалась¹²¹.

Одними из первых начали свою деятельность подпольщики минского гетто. Подпольная организация возникла здесь в рекордно короткие сроки — через 3 недели после создания гетто. Ею руководили Михаил Гебелев, Михаил Пруслин, Гирш Смоляр и другие. Подпольщики были разбиты на 22 группы; они строго соблюдали правила конспирации. Особенностью их деятельности были тесные связи с городским подпольным комитетом и другими подпольными организациями города. Именно взаимодействие евреев — подпольщиков гетто и скрывавшихся на «арийской» стороне города (например, в Минске и Белостоке), а также их налаженные связи с партизанскими отрядами являлись одним из са-

мых эффективных способов борьбы. Подпольщикам минского гетто удалось сохранить свою организацию вплоть до его ликвидации.

Это позволило вывести к партизанам несколько тысяч узников (первую из них уже в ноябре 1941 г.¹²²) — самое большое число уцелевших на всей оккупированной территории СССР в немецкой зоне оккупации.

Особенностью подпольной организации данного гетто (в отличие от гетто в присоединенных к СССР в 1939—1940 гг. территориях) было то, что в ней участвовали представители только одной партии — коммунистической. По мнению Дана Жица, в первый год своего существования она выполняла задачи, типичные для всех подпольных организаций советских городов. Однако с середины 1942 г. ее главной задачей стала «специфически еврейская» — обеспечение возможностей для спасения наибольшего количества узников¹²³.

Другим важным фактором длительного и успешного существования подпольных организаций было тесное сотрудничество с еврейским советом гетто или отдельными его членами. Так, в Минске сотрудники юденрата составляли одно из подразделений подпольщиков. Не только его председатель Илья Мушкин, но и начальник еврейской полиции Зяма Серебрянский, казнённые впоследствии нацистами, активно участвовали в планировании и проведении важнейших мероприятий подпольщиков. Помогал подпольщикам и второй председатель юденрата, М. Йоффе (отметим, что такое сотрудничество имело место лишь в первый год существования гетто, ибо следующий председатель юденрата, Эпштейн, сотрудничал с нацистами). Заместитель начальника полиции вильнюсского гетто И. Глазман, начальники еврейской полиции гетто Барановичей и Ивье (Лидский район), многие рядовые полицейские гетто активно участвовали в антинацистском Сопротивлении и героически погибли¹²⁴. В Западной Белоруссии деятельность подпольщиков в ряде гетто поддерживалась юденратами (в Лахве, Дисне, Шарковщине) или вызывала их симпатии (в Мире, Острине, Клецке, Пружанах). При ликвидации гетто в Докшицах (Белоруссия) «у еврейских старейшин было обнуружено 15 русских патронов»¹²⁵. Обычно же руководители юденратов — особенно в период, когда оставалась надежда на сохранение гетто и спасение его узников, — занимали отрицательную (в Барановичах, Ивье, Лиде, Новогрудке, Ошмянах, Свенцянах)¹²⁶ либо (в лучшем случае) нейтральную позицию к деятельности подпольщиков, особенно в первый период существования гетто.

Так, председатель еврейского комитета гетто Кшивилева доктор Г. Ландау встречался в начале осени 1941 г. с руководителем подполья гетто и обещал, что не будет препятствовать его деятельности, хотя и отказался принять участие в Сопротивлении. Активное содействие подполью каунасского гетто оказывал председатель юденрата доктор Элькне¹²⁷. Накануне уничтожения гетто руководители юденратов нередко оказывали подпольщикам финансовую поддержку для приобретения оружия. Например,

председатель еврейского совета белостокского гетто Э. Бараш передал одному из руководителей подпольщиков Мордехаю Тененбауму 30 золотых часов и полкилограмма золота для приобретения оружия¹²⁸.

Остановимся на непосредственной деятельности евреев — участников Сопrotивления в городах и местечках. Одним из первых важных заданий подпольщиков гетто была помощь бежавшим из плена советским военнослужащим и переправка их к партизанам. Подпольщики также переправляли партизанам медикаменты и лечили их в больницах гетто. За участие в этих операциях многие евреи были казнены.

Подпольщица минского гетто Маша Брускина была публично повешена в октябре 1941 г. вместе с 11 другими участниками Сопrotивления. Фото казни этой 17-летней девушки вошло во многие учебники и энциклопедии мира по истории Второй мировой войны.

Имя юной подпольщицы, запечатленной литовским фотографом (казнь осуществлялась с участием литовского карательного подразделения), стало известным в результате журналистского поиска только в конце 60-х гг. Маша работала медсестрой в больнице гетто и участвовала в переправке вылеченных врачами гетто советских офицеров к партизанам. Один из них был задержан и выдал девушку¹²⁹.

Среди тех, кто был с помощью подпольщиков переправлен в партизанский отряд, находились и советские военнопленные-евреи. Уроженец м. Червель А. Довидович в неопубликованной рукописи «Переход из Ада в Рай», написанной в 1959 г., вспоминает об удачном побеге евреев-военнопленных с помощью минских подпольщиков в начале января 1943 г. На грузовой автомашине они заехали под надуманным предлогом в гетто, где забрали семью двух беглецов. На этом же грузовике к партизанам были доставлены оружие и медикаменты. Впоследствии из минского гетто в этот отряд связные приводили и других беглецов¹³⁰.

Подпольная группа евреев из Бессарабии, оказавшаяся в тяжелейших условиях в одесском гетто, установила связь с партизанами в катакомбах и организовывала их снабжение продуктами и медикаментами¹³¹.

Подготовка коллективных и индивидуальных побегов с целью скрыться на «арийской» стороне или направить подготовленных и вооруженных людей в партизанские отряды стало одним из основных направлений деятельности подпольщиков. Индивидуальные побеги организовывались для тех, кому грозила опасность, для установления прочных контактов с партизанами, передачи им срочной разведывательной информации или сведений о готовящихся «акциях» нацистов. Выводились в гетто (нередко по запросам партизан) представители определенных специальностей, чаще всего хирурги, зубные врачи, терапевты¹³². Целью таких операций было прежде всего активное участие евреев, способных носить оружие, в борьбе с нацистами.

Для прохода к партизанам привлекались проводники из гетто. Как правило, это были женщины и подростки, внешность и выговор кото-

рых не позволяли узнать в них евреев. На счету некоторых из них — десятки выведенных в лес узников¹³³.

Массовые побег совершили узники гетто в Новогрудке (233 человека) и Кобрине (100 человек). Особенно остроумным был побег, организованный подпольщиками (во главе с Яковом Каганом, Берлом Иосифовичем и Натаном Сухарским) в новогрудском гетто 26 сентября 1943 г. Здесь был прорыт туннель за ограду гетто длиной 250 метров и шириной 1,5 метра. Более 100 бежавших попало в партизанский отряд братьев Бельских¹³⁴.

Еще одним способом бегства был подкуп немцев или местных полицейских. Так, узники гетто Лиды совершили побег, подкупив польских полицейских¹³⁵.

При получении информации о ликвидации гетто планы побега разрабатывались с учетом возможности скрыться как можно большому количеству узников. Подготовка таких массовых побегов была сопряжена с немалыми опасностями. В гетто работали агенты гестапо; уход в лес обрекал на гибель или голодное существование престарелых или малолетних членов семьи; для того чтобы добраться к партизанам, пужы были связные.

Важнейшим и наиболее опасным направлением деятельности подпольных организаций было приобретение (покупка, кражи) и изготовление оружия, а также создание его складов как на территории гетто, так и на «арийской» стороне. По данным Ш. Холавского, в 42 гетто Западной Белоруссии и Литвы подпольщики были вооружены. Они имели (по установленным данным) 346 ружей, 105 пистолетов, 30 автоматов, 15 ручных пулеметов, 1 пулемет «максим», а также некоторое количество гранат и бутылок с зажигательной смесью¹³⁶.

В гетто Барановичей, Белостока, Бреста, Гродно, Слонима подпольщики изготавливали в мастерских (в том числе на территории гетто) или приобретали оружие, налаживали его ремонт, рискуя жизнью проносили на тайные склады.

В гетто Вилейки, где подпольную группу возглавлял Пиня из д. Илья, на квартире последнего был организован ремонт неисправных автоматов и винтовок. Подпольщики подготовили покушение на шефа гестапо, казнили одного полицейского, а также выкрали из немецкой больницы своего арестованного товарища¹³⁷.

Имеются сведения о вооружении подпольщиков в ряде гетто Вольни, Галиции и Транснистрии. По данным Ш. Спектора, в 12 городах Вольни (в Любомле таких групп было две), где есть сведения о вооружении подпольных групп, число подпольщиков составляло около 250 человек. Они располагали не менее 16 автоматами (в ряде гетто есть сведения — «несколько», что не позволяет назвать точную цифру), 16 ружьями, несколькими гранатами. 12 подпольщиков Высоцка и участники восстания в Мизочи оружия не имели. В Тучине и Луцке на воору-

нии нескольких сот участников восстания было около 10 ружей, 26 автоматов и пистолетов, много гранат¹³⁸.

В дистрикте «Галиция» оружие было в нескольких гетто. Подпольщики львовского гетто добывали его как для самообороны, так и для бегства в партизанские отряды. Они доставали его разными путями: из ремонтных мастерских, покупая у венгерских и итальянских солдат, а также у полицаяв и местных жителей. Одним из поставщиков оружия во Львове был будущий писатель и известный «охотник за нацистами» Симон Визенталь. Он работал на Восточной железной дороге и имел возможность общаться с внешним миром. Часть оружия Визенталь держал (с разрешения своего немецкого начальника) в своей конторе. Оружие хранилось также в конторе немецкого инженера Вернера и в бараке № 2, где жили музыканты оркестра гетто. Группа евреев, занятая на уборке города, сумела пронести оружие в Яновский концлагерь.

Венгерские и итальянские солдаты не только продавали подпольщикам оружие, но и обучали их обращению с ним. Начальник СС и полиции округа Галиция Ф. Кацман сообщал своему непосредственному начальнику в Краков 21 мая 1943 г. (после того как нацисты схватили группу молодых вооруженных евреев):

«По мере того как уменьшается количество евреев в районе Галиции, в их среде растет дух сопротивления. Евреи пользуются всеми видами оружия, частично покупая его у итальянцев»¹³⁹.

Группа в Бершади (Транснистрия) установила тесные контакты с партизанами, смогла наладить сбор оружия. На ее вооружении было 37 винтовок, 2 пулемета, 7 гранат. Работа велась с большим риском, подпольщики неоднократно были под угрозой провала. В феврале 1942 г. один из ее руководителей, Я. Талис, и А. Альтман были арестованы сигуранцей, но выкуплены подпольщиками. Среди арестованных и расстрелянных был офицер-еврей, бежавший из плена, — Яков Вишперовский (казнен в апреле 1942 г.).

При подготовке вооруженного сопротивления немалую роль играло умение владеть оружием. Подавляющее большинство членов подпольных организаций составляли молодые люди и даже подростки (в белорусском местечке Ляды, например, подпольную группу создали малолетние узники гетто)¹⁴⁰, а также женщины. Все они не имели военной подготовки. Также нуждалось в испытании отремонтированное оружие. Вот почему подпольщики использовали все возможности для приобретения необходимых навыков. Их обучали бывшие советские, польские и литовские военнослужащие, оказавшиеся в гетто; члены еврейской полиции и даже (во Львове) итальянские и венгерские солдаты.

Наиболее распространенной и эффективной формой работы подпольных организаций (как в гетто, так и на всей оккупированной советской территории) было информирование населения о положении на фронте. В условиях гетто при почти полной изолированности узников такая ин-

формация была особенно ценной. Так, уже с 19 января 1942 г. группа Канторович—Скули, используя имевшийся в их распоряжении радиоприемник «Телефункен», налаживает распространение в Одессе сводок Совинформбюро и другого агитационного материала. В этом участвовал малолетний брат Канторович Роберт. Он же собирал и сохранил все оккупационные периодические издания¹⁴¹.

В то же время некоторые подпольные группы гетто наладили выпуск листовок для местного населения. В Минске подпольщики издавали газету «Звезда».

Во Львове уже в августе 1941 г. члены организации «Независимая социалистическая молодежь» начали издавать подпольную газету на польском языке, используя типографское оборудование юденрата. Примечательно, что соглашательская политика юденрата стала одной из основных тем издания. В марте 1942 г. представителями Буца была выпущена листовка, которая так же критиковала действия юденрата, призывала узников строить убежища, добывать оружие и уходить к партизанам¹⁴².

В м. Куренец (Западная Белоруссия) вскоре после оккупации возникла молодежная организация «ха-Шомер ха-Цаир», которую возглавлял электротехник К. Шпектор. Члены группы располагали оружием (2 пистолета), а также типографским оборудованием и шрифтами, выкраденными в местной типографии. Ними были напечатаны и распространены несколько листовок. В одной из них, адресованной крестьянам, содержался призыв не сдавать хлеб оккупантам. Другая листовка предназначалась для полицейских и заканчивалась словами: «Опомнись! Поверни оружие против настоящего врага». По почте эта листовка была направлена всем полицейским. В других листовках население оповещалось о победе советских войск под Москвой и выражался протест против мобилизации молодежи в белорусскую Народную армию. Группа поддерживала связь с партизанами¹⁴³.

Во львовском гетто выпускались информационные «Листки» (вышло 6 номеров), которые печатались на машинке. Они включали не только новости с фронта, но и освещали события в гетто. Кроме того, подпольная группа выпускала листовки с призывами к сопротивлению¹⁴⁴.

В «Сообщениях из оккупированных Восточных областей» за 17 июля 1942 г. говорилось (в разделе «Евреи (Украина)'), что в районе г. Владимир-Волинский удалось задержать 76 «еврейско-большевистских офицеров», готовивших восстание и уже изготовивших ножи. Сложно утверждать, что среди них большинство или вообще какую-то часть составляли уцелевшие евреи¹⁴⁵. Впрочем, возможно, что данным пропагандистским приемом нацисты очерчивали круг своих потенциальных противников и обосновывали репрессии.

Аналогично и сообщение об акции возмездия «в районе Шацка», где после нападения на полицейский отряд «было произведено прочесывание, в результате которого убито 340 евреев и коммунистов». Скорее всего,

здесь уничтожили не отряд партизан (они не были обычно столь многочисленны, а узников гетто и тех, кто был взят на специальный учет)¹⁴⁶.

С первых дней оккупации было организовано сопротивление в кишиневском гетто. Здесь, так же как и в Минске, первыми подпольщиками стали евреи-коммунисты. Уже в конце июля они организовали ряд диверсий, обстреляли автобус с ранеными румынскими солдатами и офицерами.

В состав созданного в сентябре 1941 г. подпольного центра Кишинева вошли Яков Богуславский, Израиль Брухис, С. Гринберг, Ицик Гринман, Израиль Моргенштерн, Реувен Горбан. Почти все они были профессиональными революционерами, имевшими опыт нелегальной работы в Румынии. Одним из оставленных в городе подпольщиков был Барух Дойч, проводивший работу и в гетто. Б. Дойч, который не раз арестовывался за коммунистическую деятельность властями Румынии еще до войны, добровольно остался на оккупированной территории Молдавии. В Кишиневе он создал одну из первых диверсионных групп, которая провела диверсию на фабрике и устроила взрыв эшелона с солдатами. Дойч пытался организовать подпольную группу в кишиневском гетто и привлечь к сотрудничеству руководителя юденрата. Был арестован оккупантами и погиб. К сожалению, подполье Кишинева вскоре было разгромлено, а его руководители казнены¹⁴⁷. Члены его группы провели ряд диверсий: разрушили здание фабрики, пустили под откос вражеский эшелон.

Среди кишиневских подпольщиков-евреев назовем имена Иосифа Бужара, Раи Шафран, Монн Гиршфельда, Бориса Кисельмана. В одном из отчетов службы безопасности от 24 августа 1941 г. говорилось о захваченной нацистами группе Ландау:

«У членов этого отряда найдены пистолет, пули, две гранаты и пакет с ядом. Они передавали информацию и совершали диверсии в тылу немцев и румын. Яд предназначался для отравления птиц в офицерском казино, а также в контейнерах с продуктами, отправляемых на фронт»¹⁴⁸.

Почти все евреи-подпольщики Молдавии героически погибли.

Многочисленные и хорошо организованные группы подпольщиков действовали в гетто Литвы. В гетто Каунаса в январе 1942 г. была создана антифашистская организация, во главе которой стоял идишистский писатель, коммунист Хаим Елин. Некоторый период времени коммунистические и сионистские подпольные организации действовали параллельно. Лишь летом 1943 г. представители молодежных сионистских движений совместно с коммунистами создали Еврейскую всеобщую боевую организацию. Она насчитывала до 600 человек. Военную подготовку члены группы проходили под руководством командиров еврейской полиции гетто. Подпольщики гетто сумели добыть оружие и установить связь с партизанами.

В конце января 1942 г. в вильнюсском гетто была создана Объединенная партизанская организация (ФПО), в составе которой находилось несколько сот подпольщиков. Возглавляли ФПО коммунист И. Виттен-

берг, сношитель-ревизионист И. Глазман и представитель «ха-Шомер ха-Цаир», будущий известный поэт Абба Ковнер. Позднее в штаб организации вошли представители буидовцев. В составе вильнюсского подполья было несколько сот бойцов¹⁴⁹.

Подпольная молодежная организация вильнюсского гетто в своем воззвании от 1 января 1942 г. (ее автором был Абба Ковнер) первой в оккупированной нацистами Европе призвала узников к вооруженному сопротивлению:

«Нас не поведут, как овец, на бойню! Еврейская молодежь, не дай сбить себя с пути. Сомневающиеся! Избавьтесь от иллюзий! Ваши дети, ваши мужья и жены погибли. Понары — это не лагерь. Их всех убили там.

Гитлер намерен уничтожить всех евреев Европы. Евреям Литвы суждено стать первыми на этом пути.

Не будем же овцами, покорно идущими на убой! Правда, что мы слабы и беззащитны, но сопротивление должно стать единственным ответом врагу!

Братья, лучше погибнуть свободными борцами, чем выжить по милости убийц¹⁵⁰.

Спротивляйтесь! До последнего вдоха!

1 января 1942 г.»¹⁵¹

Израильская исследовательница Дина Порат справедливо отмечает, что в прокламации сделан упор на неминуемость уничтожения. Этот мотив будет одним из решающих при всех призывах к вооруженному сопротивлению в других гетто.

Текст прокламации, написанный на иврите, был переведен на идиш, польский, литовский языки и распространен не только в вильнюсском, но и в других гетто (Белосток, Варшава, Гродно). В Гродно под ее влиянием в конце 1942 г. появилась листовка с призывом готовиться к вооруженному сопротивлению¹⁵².

В силу разных причин вооруженное восстание в гетто Вильнюса организовать не удалось. Сотни членов подпольных групп Вильнюса и Каунаса стали бойцами еврейских партизанских отрядов Литвы.

Также к партизанам удалось вырваться членам подпольной организации гетто в местечке Свенцияны, которая состояла из 25 человек. В основном это были подростки, работавшие на немецком складе трофейного оружия. Они с риском для жизни по частям выносили со склада и прятали винтовки и пистолеты, учились владеть ими. В марте 1943 г. эта группа совершила удачный побег из гетто и присоединилась к партизанам¹⁵³.

Активная антифашистская группа действовала в рижском гетто. Непубликованные воспоминания одного из ее участников, Мордуха Глезера, хранятся в архиве «Яд Вашем»¹⁵⁴. Он пишет, что организация вооруженного сопротивления началась в гетто в конце 1941 г., после массового уничтожения узников. Ее руководителями были Овсей Окунь, Мандель Вулфович и Макс Либерман. Организация делилась на несколько групп в

составе 5–7 человек. Группа, в которую входил М. Глезер, была самой многочисленной и состояла из 12 человек во главе с его кузеном Иосифом Глезером. До Победы из ее состава дожили лишь четверо. Эта группа занималась поиском, приобретением и доставкой оружия в гетто. Основным источником служили склады и мастерские трофейного оружия немецкой организации «Армейские трофеи», которые находились на улице Турно, близ Пороховой башни. М. Глезер работал грузчиком при грузовой машине, шофером которой был сочувствовавший евреям австриец Гале. Именно на этой машине, под видом доставки дров, оружие и попало в гетто. Оно было «спрятано в поленах дров. С этой целью крупные поленья были расколоты пополам, в них были выдолблены пустоты, внутри которых закладывались пистолеты, и затем эти половинки вновь скрепляли». Оружие доставлялось в гетто регулярно.

М. Глезер распространял на немецких предприятиях листовки на латышском языке, напечатанные на пишущей машинке. В одной из них говорилось:

«Братья латыши! Немецкие оккупанты превратили наше дорогое отечество, нашу Латвию в международное кладбище убиваемых ими евреев... В этой позорной работе немцам помогают наши латышские выродки — латышские фашисты. Мрачная тень несмыслимого позора перед всем цивилизованным миром ложится на нашу Латвию... Проклятие и смерть фашистским оккупантам! Национальная латышская лига».

Такие листовки распространялись на консервных фабриках «Кайя» и «Геггингер», а также шоколадной «Лайма». Подпольщикам удалось установить связь с советскими военнопленными и вместе с ними предпринять попытку бегства к партизанам в район Порхова — Пскова. 26 октября 1942 г. 10 подпольщиков, а также нескольких офицеров-военнопленных на машине, со значительным количеством оружия, тайно покинула гетто. Недалеко от Риги машину остановили эсэсовцы. В завязавшейся перестрелке 8 евреев и несколько эсэсовцев были убиты. Один человек сумел вернуться в гетто, еще одного захватили в плен каратели. В отместку за дерзкий побег было расстреляно 200 узников гетто, включая 40 человек из «еврейской службы порядка» (полиции), как не предотвратившие побег.

После этого все оружие было перенесено в одно хорошо замаскированное место — подвал дома № 68 по улице Ингела Калну, где жил один из руководителей подполья гетто, Овсей Окупь. К сожалению, после первого провала подпольщикам не удалось наладить связь с партизанами России. Впоследствии М. Глезер и еще двое евреев бежали к партизанам из рабочего лагеря вблизи г. Порхов Псковской области¹⁵⁵.

Одной из распространенных форм сопротивления в гетто России, как и в других регионах страны, было массовое бегство из гетто и рабочих лагерей в леса. Нередко их организовывали члены подпольных групп, установившие контакт с партизанами. В октябре 1941 г. за самовольный уход из

гетто и попытку выселить из своих бывших домов новых жильцов были уничтожены все мужчины и 3 женщины в Татарске (Смоленская область), а «за отказ переселиться в гетто» — 272 еврея в Стародубе (Брянская область) осенью 1941 г. Среди казненных назывался и «политкомиссар»¹⁵⁶.

В отчете о деятельности айнзатцгруппы «В» от 23 сентября 1941 г. сообщалось, что «все время поступают жалобы, что еврейство ведет себя все более вызывающе и местами даже оказывает пассивное сопротивление...» Поэтому в Хиславичах был расстрелян еврейский совет и еще 20 узников гетто¹⁵⁷.

7 ноября 1941 г. в гетто м. Усвяты Псковской области состоялась публичная казнь «как партизана» 30-летнего Миханла Баскина¹⁵⁸.

Массовые репрессии против еврейского населения (жертвами которого, в первую очередь, становились молодые мужчины) сужали потенциальный состав участников Сопротивления. Многочисленные провады первых подпольщиков в силу недостаточного опыта конспиративной работы; недооценка гитлеровской политики геноцида по национальному признаку (вследствие чего многие евреи с характерной внешностью и произношением были оставлены с поддельными документами для работы в тылу и вскоре погибли); факты предательства создавали дополнительные трудности для эффективной работы еврейского Сопротивления.

* * *

В отличие от индивидуальных актов сопротивления узников гетто, коллективное сопротивление, как правило, не было спонтанным. Его участники решали 2 основные задачи: подготовка вооруженного сопротивления в момент ликвидации гетто и попытка создать партизанские отряды или переправить в них наибольшее количество узников. Обе эти задачи не могли быть реализованы без достижения нескольких сопутствующих целей: поднятия морального духа узников и поиска надежных единомышленников; попыток получить содействие или (как минимум) достижение нейтралитета со стороны Judenрата; нейтрализации осведомителей гестапо; добывания оружия, денежных средств, фальшивых документов или оборудования для их изготовления; налаживания связей с местным подпольем и партизанскими отрядами; проноса и сохранения оружия в гетто; обучения навыкам обращения с ним участников Сопротивления.

Определенную сложность на территориях, вошедших в состав СССР после начала Второй мировой войны, были партийные разногласия между коммунистами и представителями еврейских политических партий, разрозненность и малочисленность, а также юный возраст подавляющего большинства участников Сопротивления.

Отсутствие инициативной Советским правительством поддержки со стороны местных подпольных групп и действовавших поблизости

партизанских отрядов вынуждало участников Сопротивления на искреннее, но зачастую не ведущее к цели самопожертвованию. Созданная нацистами система коллективных наказаний за любые акты диверсий и террора вынуждала отказаться от таких действий, которые бы вели к массовой казни узников гетто.

Именно этим можно объяснить то, что сравнительно редко террористические акты были направлены против чиновников местной администрации и сотрудников полиции безопасности, непосредственно курировавших гетто. Но даже несмотря на эти факторы, подпольщики нередко ликвидировали предателей внутри гетто, активно сотрудничавших с гестапо. С другой стороны, нацистская пропаганда и карательная машина использовали все факты террора и диверсий для обвинения евреев (особенно в тех случаях, когда подпольщикам и партизанам удавалось скрыться).

Историки спорят о целесообразности и эффективности использования еврейскими подпольщиками методов индивидуального террора. По мнению Я. С. Хонгсмана, они приводили к массовым репрессиям оккупантов. С.Я. Елисаветский полагает, что, поскольку узники гетто и так были обречены, такие акты были возможны и необходимы¹⁵⁹.

ВОССТАНИЯ В ГЕТТО

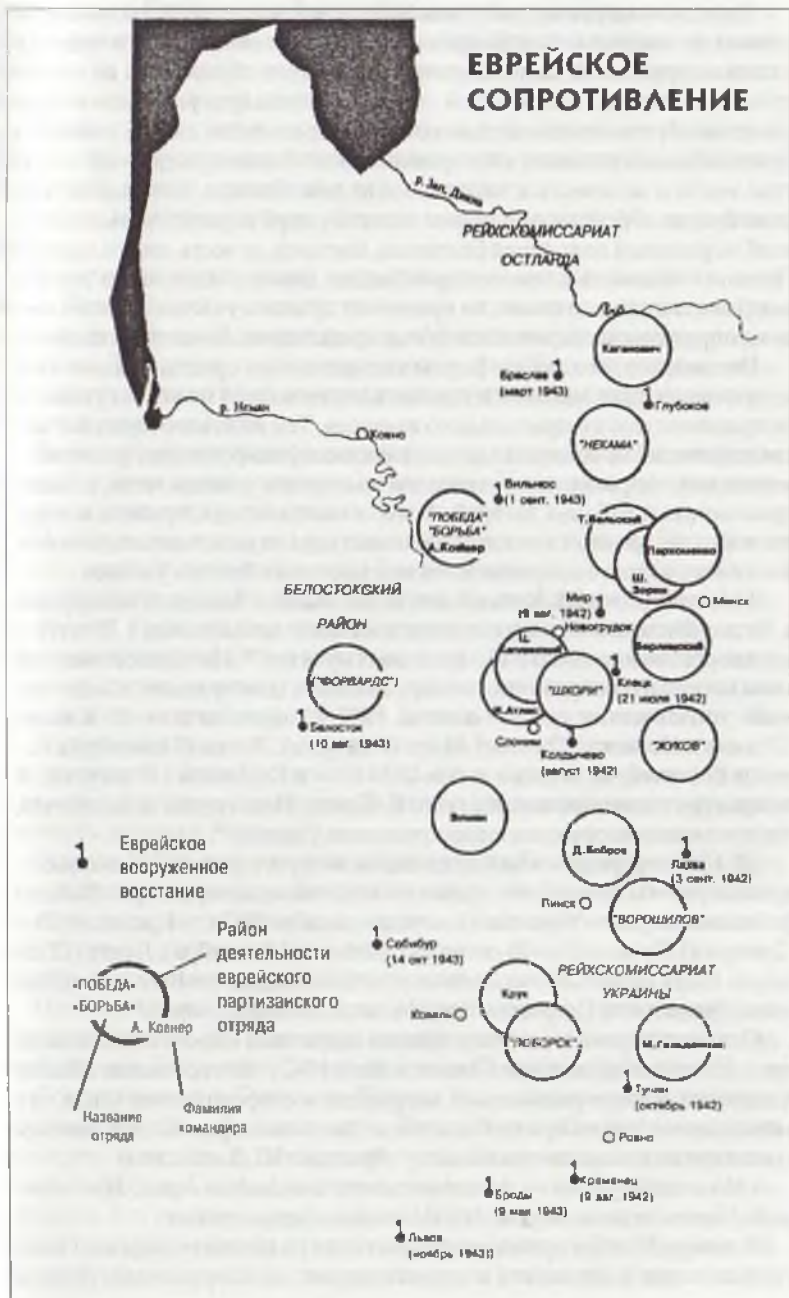
В литературе далеко не всегда проводится четкая дифференциация между коллективным «вооруженным сопротивлением» (самообороной) и «восстанием в гетто». Их объединяет наличие организации и (или) руководителя (руководителей) сопротивления; выработка и осуществление определенного плана действий; массовость участия в сопротивлении (в отличие от единичных актов самообороны, рассмотренных выше); потери карателей убитыми и ранеными, стремление к самопожертвованию. Отличие же состоит прежде всего в целях и характере действий; продолжительности сопротивления; необходимости для карателей использовать технику и привлекать дополнительные людские ресурсы, а также их потери.

Вооруженное сопротивление (здесь мы не рассматриваем деятельность евреев-партизан и индивидуальные террористические акты) предполагало в основном пассивную оборону с целью нанесения максимального ущерба карателям.

Восстания же характеризуются не только длительностью сопротивления, нанесением существенного урона врагу, вынужденном его использовать дополнительные людские ресурсы и технику, но и (как правило) попыткой массового бегства на «арийскую сторону» либо в окрестные леса в поисках партизан. Впрочем, даже классическое восстание — в варшавском гетто — не преследовало как главную цель массовое бегство.

В то же время успешное бегство в результате сопротивления значительного числа узников иногда достигалось при минимальном количестве огнестрельного оружия либо вообще без него.

ЕВРЕЙСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

Нередко подготовка вооруженного сопротивления (по разным причинам) не завершалась планировавшимся восстанием, но приводила к актам вооруженной самообороны. Не следует сбрасывать со счетов субъективные факторы: с одной стороны, моральную усталость и «психологию обреченности» подавляющего большинства людей, живших в нечеловеческих условиях и потерявших своих близких, а с другой — чувство мести и ненависти к нацистам и их пособникам, понимание, что, даже будучи обреченными, можно нанести ущерб карателям, выполнить свой моральный долг перед близкими, постоять за честь своего народа. Именно готовность к самопожертвованию двигала многими из тех, кто мог бежать индивидуально, но предпочел принять участие в коллективном вооруженном сопротивлении непосредственно по месту жительства.

Несомненно, что любые формы коллективного организованного сопротивления, проходившие в условиях почти полной изоляции узников, заслуживают самого пристального изучения. Тем не менее отсутствие четких дефиниций не позволяло до сих пор классифицировать все факты коллективного сопротивления карателям со стороны узников гетто, концентрационных и рабочих лагерей. А это, в свою очередь, привело к тому, что в литературе «восстаниями» называют едва ли не все акты коллективного вооруженного сопротивления или массового бегства узников.

Так, по мнению Ш. Холавского, подпольщики Западной Белоруссии и Литвы (Вилениский край) готовили восстание не менее чем в 30 гетто и сумели организовать его в 14 населенных пунктах¹⁶⁰. Наиболее известные акты массового вооруженного сопротивления (как правило, в ходе «акций» уничтожения летом—осенью 1942 г.) прошли в гетто Клецка (21 июля), Несвижа (22 июля), Мира (9 августа), Лаввы (3 сентября), Каменце (9 сентября), а также летом 1943 г. — в Глубоком (19 августа). В литературе также называются гетто Кобриня, Новогрудка и Ляховичей, где произошло вооруженное сопротивление узников¹⁶¹.

Ш. Снектор, результаты исследования которого упоминают все последующие работы по этой теме, пишет о 4 восстаниях на территории Вольни (рейхскомиссарнат «Украина») в августе—декабре 1942 г.: в Кременце (10—12 августа), Тучине (24—25 сентября), Мизоче (14 октября), Луцке (12 декабря). Еще в нескольких населенных пунктах (Владимире-Вольнском, Высоцке, Людвигове, Остроге) они готовились, но не состоялись¹⁶².

Одним из первых в оккупированной нацистами Европе стало восстание в белорусском местечке Несвиж в июле 1942 г. Его возглавил Шалом Холавский. Узники решились на вооруженное сопротивление, узнав, что в соседнем местечке Городец были уничтожены все евреи. К собравшимся в синагоге на поминальную молитву обратился Ш. Холавский:

«Может быть, мы — последнее гетто и последние евреи. Мы должны бороться за наши жизни. Мы будем защищать гетто».

К вечеру 20 июля организатор восстания разделил молодежь и всех, кто был готов участвовать в сопротивлении, на вооруженные группы

по 5 человек. Единственный ручной пулемет был установлен на втором этаже синагоги. Основным оружием стали бугылки с зажигательной смесью (их изготовили инженеры-химики гетто). В планы восставших входило открыть огонь первыми.

После того как гетто окружила местная полиция и было выдвинуто требование провести «селекцию», оставив лишь ремесленников (без членов семей), узники отказались в ней участвовать:

«Нет! Не будет селекции. Или все, или никто, мы будем защищаться».

Восставшие мужественно сопротивлялись, многие подожгли свои дома. Пожог домов и всего гетто являлся одним из самых распространенных (в силу своей доступности и эффективности) способом сопротивления. Во-первых, создавались условия для побега. Во-вторых, часть сил карателей отвлекалась на меры для предупреждения возгорания строений за пределами гетто.

Из Несвижа в результате восстания удалось вырваться лишь нескольким небольшим группам узников (всего около 25 человек), которые впоследствии участвовали в партизанском движении¹⁶³.

По похожему сценарию развивались события в Клецке. Здесь было больше оружия: пулемет (он тоже был установлен на 2-м этаже синагоги), 2 винтовки и 8 пистолетов, 10 гранат. Руководил восстанием Мойзес Финер. Когда на рассвете белорусские полицейские во главе с немецкими офицерами окружили гетто, его узники открыли огонь из пулемета и других видов оружия. Безоружные участники сопротивления забрасывали полицейских камнями. 3 немца и 4 полицейских были убиты. Было подожжено гетто, и переключившийся за его пределы огонь отвлек карателей. Этим воспользовалась группа узников, сумевшая прорвать проволочное ограждение. В результате восстания гетто удалось покинуть десяткам узников¹⁶⁴.

24 июля 1942 г. вооруженное сопротивление было оказано карателями при ликвидации гетто в белорусском городке Деречин. Подпольщики, состоявшие в основном из молодежи, имели винтовки, у остальных было лишь холодное оружие и палки. Тем не менее около 300 узников бежало, часть из них создала партизанский отряд¹⁶⁵.

Особенностью восстания в гетто Мира была связь узников с местными полицейскими. Это позволило накануне уничтожения гетто покинуть его более чем 200 узникам, возглавляемым Самуилом Руффаузом¹⁶⁶.

Сопротивление в Тучине на Волыни было самым организованным среди восставших в небольших гетто. Подготовка к нему была завершена примерно за неделю до ликвидации гетто. Восстание возглавил руководитель Judenрата Гецель Шварцман, который и разработал план сопротивления. Его участники располагали 11 винтовками с патронами, 25 пистолетами и 20 гранатами, а также холодным оружием. Решение о восстании также было оглашено его организатором в синагоге. Интересно, что

и здесь каратели предлагали провести «селекцию». Оружие также было распределено среди четырех групп, состоявших из 60 молодых узников.

В отличие от Несвижа, гитлеровцы и их пособники были встречены огнем в нескольких местах: у входа в гетто, на главной улице и возле юденрата. Был организован массовый поджог зданий, позволивший многим узникам скрыться. Специальная группа во главе с Г. Шварцманом и двумя его сыновьями прикрывала огнем бежавших. Потери карателей убитыми, по некоторым свидетельствам, составили «два автофургона».

Такие продуманные действия позволили вырваться на свободу большинству из 3000 узников. К сожалению, почти все они впоследствии погибли¹⁶⁷.

В другом волыньском местечке, Мизоче, юденрат также принимал участие в подготовке восстания. Его особенностью было полное отсутствие огнестрельного оружия. Тем не менее, действуя по классической схеме «поджог — побег», половина узников, вооруженная лишь топорами и ножами, смогла покинуть пределы гетто¹⁶⁸.

При ликвидации в июне 1942 г. гетто в Дисне и Друе «в различных местах обоих гетто вспыхнул пожар... При проведении огнестрельных работ СД и полиция были обстреляны изнутри гетто»¹⁶⁹.

Также лишь 15 топорами были вооружены узники (их было свыше 2500) местечка Лахва на Брестщине. И здесь в подготовке восстания участвовал председатель юденрата, Берл Лопатин. Сигналом к восстанию послужило удачное нападение на одного из карателей, зарубленного топором. Эсэсовцы и их пособники застрелили 1946 узников, однако приблизительно 600 удалось скрыться. Впоследствии 150 из них стали партизанами¹⁷⁰. Это был один из самых удачных массовых побегов в результате восстания.

Последнее вооруженное сопротивление на территории Волыни произошло в еврейском рабочем лагере в Луцке в середине декабря 1942 г., где находилось около 500 узников. Информация о готовящемся уничтожении была получена всего лишь за сутки до «акции». У восставших были автомат, несколько ружей, топоры и ножи. Здесь была предпринята тактика — активная оборона. Забаррикадировавшись в здании еврейской гимназии, узники сумели отразить две атаки карателей, использовавших бронетехнику. Одна из атак перешла в рукопашный бой, заставивший гитлеровцев отступить. Лишь на рассвете следующего дня (по другим данным — около полуночи) нацисты и их пособники овладели зданием. Все остававшиеся в живых участники сопротивления были казнены¹⁷¹.

В литературе обычно упоминается восстание в г. Кременец Тернопольской области 10—12 августа 1942 г. К сожалению, ни один из узников этого гетто не уцелел. Исследователи располагают лишь опосредованными свидетельствами, исходящими от польских жителей города. Нам представляется, что более достоверны дневниковые записи школьника Романа Кравченко, чья любимая девушка была в гетто и который особенно тщательно фиксировал все события вокруг него. Первоначаль-

во выстрелы по ночам и поджоги домов были приняты жителями Кременца за сопротивление евреям. Роман, который в силу возраста и патристических чувств не раз упрекал евреев в пассивности, с восторгом описывал эти слухи в дневнике. Однако вскоре он выяснил, что огонь ведут полицейские, охранявшие бывшее гетто от мародеров, которые, презирая опасность, проникали туда и, очевидно, подожгли некоторые строения. По данным Р. Кравченко, из 500 домов гетто уцелело не более полусотни, а огонь перекинулся даже на «арийскую» часть города. Достоверными являются сведения, что поиски укрывшихся в «малницах» евреев продолжались несколько недель¹⁷².

Разумеется, одного этого источника недостаточно, чтобы полностью отрицать факт вооруженного сопротивления в этом гетто. Вполне возможно, что подпольная организация обладала запасами оружия, как утверждают некоторые свидетели. Тем не менее никаких сведений о жертвах со стороны нацистов и полиции, а также о побеге восставших зафиксировано не было.

В 1942—1943 гг. были организованы вооруженные выступления подпольщиков в некоторых гетто дистрикта «Галиция». Несколько попыток вооруженного сопротивления предпринималось во Львове. В ходе «акции» в августе 1942 г. подпольщики встретили карателей огнем. В перестрелке участвовало 40 узников, из которых 2/3 погибли. Члены подпольной организации Яновского концлагеря по дороге к месту казни напали на охрану и ранили нескольких полицейских. Во время ликвидации лагеря группа заключенных порвала проволоку и бежала в лес. В июне 1943 г. при окончательной ликвидации гетто Львова группа подпольщиков забаррикадировалась в здании на улице Локетка, которое немцы вынуждены были поджечь. Большинство бойцов погибло в огне или покончило с собой¹⁷³.

30 июня 1943 г. начальник полиции и СС «Галиция» группенфюрер Кацман сообщил, что в Рогатине подпольщики забаррикадировались в трех подземных бункерах с символическими названиями «Сталинград», «Ленинград» и «Севастополь». В первом оказалось оружие и из него стреляли по полицейским до тех пор, пока эти укрытия не были сожжены¹⁷⁴. Данный акт сопротивления можно рассматривать как типичную самооборону.

По данным «Черной книги», в течение двух дней сражались узники гетто в Ярмолинцах Камелец-Подольской (ныне — Хмельницкой) области Украины. Вызывают некоторые сомнения как минимум продолжительность этого акта самообороны и число жертв со стороны карателей (16 местных полицейских и 5 немцев)¹⁷⁵, ибо такой урон оккупантам не давало вооруженное сопротивление в других гетто. Очерк «Сопротивление в Ярмолинцах» был подготовлен И.Г. Эренбургом. Как отмечал Ш. Снектор, некоторые факты приведенные писателем в его книге «Народоубийцы» (например, о сопротивлении в Овруче), не находят подтверждения в других источниках¹⁷⁶.

19 августа 1943 г. произошло восстание узников гетто Глубокое в генеральском округе «Белоруссия». В партизанской бригаде под командованием Хомченко спустя 10 дней был на основе свидетельств уцелевших участников восстания и «очевидца-белоруса т(оварища) Д.» составлен акт, посланный в ЦШПД на имя его начальника П.К. Пономаренко. Этот документ так рисует хронологию событий: 15 августа молодежь гетто собралась на совещание подпольщиков, где было принято решение достать у партизан взрывчатку, заминировать все основные здания в гетто и попытаться вырваться из него с оружием в руках:

«Имеющееся оружие и боеприпасы 18 августа в 5.00 было распределено всем умеющим с ним обращаться».

К этому времени гетто, где находилось 3800 узников, было окружено танками и артиллерией. Тем не менее восстание началось по условленному сигналу (взрыв гранаты и крик «Ура! Фойрус!(«Вперед!»)). Далее восстание развивалось по заранее продуманному плану:

«Все ринулись на прорыв проволочных заграждений и забора, завязался бой с немцами и полицией. В первую очередь, были заброшены гранаты на телеметрические гнезда, часовые на вышках, зажжены полицейский пост, войлочные фабрики и дома артелей... все было уничтожено».

По агентурным данным партизан, было убито и ранено около 100 гитлеровцев, причем «часть евреев ушла в леса, а большая часть были расстреляны и замучены. Смертью храбрых погибли и организатор этого восстания, тов. Либерман, которого забрали раненого и убили над ним зверскую расправу».

Отметим, что руководитель восстания лично убил четырех немцев¹⁷⁷.

В этом отчете обращает на себя внимание пункт о взаимодействии с партизанами (попытка достать у них взрывчатку). Поскольку далее в тексте не упоминается о ее применении, можно предположить, что такого взаимодействия в реальности не было. Явно преувеличены и потери гитлеровцев. Но закономерен вопрос: почему же такие восстания, эффективность которых вряд ли вызывала сомнения (не каждая партизанская акция, даже взрыв эшелонов, наносила такой ущерб живой силе противника), не поддерживались партизанским командованием? По крайней мере, никаких подобных выводов и предложений от адресатов донесения не последовало.

В историю европейского Сопротивления вошло восстание в августе 1943 г. в гетто Белостока. В середине месяца гетто было окружено полицией, жандармерией и 3 батальонами карателей (2 из них были украинскими). Им были приданы полевая артиллерия, несколько броневиков и танков. Вокруг гетто войска расположились в три кольца. Впоследствии в обстреле гетто участвовали самолеты. Таким образом, нацисты учли опыт восстания в Варшаве и провели тщательную подготовку подавления сопротивления. Руководил операцией эсэсовский генерал Отто Глобцик.

Военными руководителями восстания являлись бывший унтер-офицер польской армии, 38-летний Даниэль Мошкович и 27-летний участник подполья в варшавском и ряде других гетто Мордехай Тененбаум (Тамаркин). Второй штаб самообороны, расположенный в центре гетто, возглавили З. Зильберберг и И. Каве. Активных участников самообороны было около 200. Они располагали примерно 130 единицами оружия, включая несколько автоматов и один пулемет. Часть подпольщиков была вооружена топорами, косами, штыками, бутылками с зажигательной смесью. План восстания состоял в одновременном поджоге нескольких фабрик на территории гетто, что служило отвлекающим маневром для гитлеровцев, и штурмом забора гетто с целью прорыва за его пределы. Последняя часть плана предполагала, что попытку бегства вместе с подпольщиками предпримут тысячи узников гетто. Однако число присоединившихся к восстанию узников оказалось незначительным.

На улицах гетто, куда нацисты ввели три танка и броневик, храбро сражалась группа подпольщиков, которых возглавляла Ю. Новогрудская. Они ставили конкретную цель пробиться к партизанам. Другой очаг сопротивления был в районе основного штаба восстания на улице Тепло́й. В ходе боя у карателей был отбит пулемет. В восстании приняли участие прежде всего молодежь и подростки. Значительное число девушек-подпольщиц храбро сражались с карателями. Отдельные очаги сопротивления были созданы в районе огородов гетто, на захваченной восставшими фабрике металлических изделий (ее пришлось бомбить самолетами) и некоторых других фабриках гетто (мебельной, кожаной, трикотажной). Большая группа восставших сосредоточилась в специально подготовленном бункере, готовя прорыв через ограждения гетто, но была обнаружена и ликвидирована карателями. Попытка атаки забора гетто на следующий день восстания оказалась неудачной. Лишь на 5-й день боев пал штаб восстания на Тепло́й. Подпольщики подожгли окружающие здания.

Но силы были явно не равны. Руководители восстания покончили с собой; захваченных в плен каратели уничтожали на месте. Последним очагом сопротивления стала еврейская больница, после штурма которой каратели расстреляли всех подпольщиков, врачей, больных и раненых.

Таким образом, восстание продолжалось 6 дней. Почти все его участники погибли, лишь несколько десятков из них вырвались из гетто либо сумели скрыться из эшелонов в лагеря смерти. Существуют различные цифры потерь карателей. В немецком отчете от 24 сентября 1943 г. на имя министра пропаганды Й. Геббельса говорилось о 9 раненых, в том числе — 2 офицерах. В «Бюллетене польского совета помощи евреям» от 5 сентября и 15 ноября 1943 г. говорилось, что 100 карателей было уничтожено и несколько сот ранено. В ходе послевоенных процессов над немецкими преступниками палачи гетто признавали потери убитыми и ранеными, в том числе среди офицеров. По некоторым оценкам, число убитых немцев и полицейских составило до 20 человек¹⁷⁸.

Как и самое крупное восстание узников гетто в Варшаве, этот акт Сопротивления не мог предотвратить ликвидацию гетто и уничтожение его узников. Однако эти вооруженные выступления обреченных, но не сломленных людей стали символом мужества еврейского народа.

20 ноября 1943 г. подняли восстание 150 узников «бригады смерти», занятые на сжигании трупов и сокрытии следов массовых казней во Львове. По данным польской подпольной печати, им удалось убить 8 гестаповцев и прорвать проволочное ограждение. Почти все восставшие погибли либо были впоследствии обнаружены полицией. Около 10 из них удалось скрыться¹⁷⁹.

Группа бойцов ФПО из Вильнюса, попавшая в концлагерь Эстонии, сумела установить контакт с партизанами. Ее руководителями были учитель Лев Опескин и актер Яков Бергольский, которые достали оружие и сумели организовать вооруженное сопротивление. 10 июля 1944 г., когда эсэсовцы окружили лагерь и открыли огонь из пулеметов, подпольщики организовали сопротивление и сумели вырваться из лагеря. Около 100 заключенных сумели скрыться¹⁸⁰. Четырнадцать узниками из лагеря Эреда удалось спрятаться в бункере, находившемся в лесу. Они провели там около двух месяцев и дождалась прихода Красной Армии¹⁸¹.

Еще одной формой вооруженного сопротивления стали восстания и побег в лагерях смерти. Восстание в находившемся на территории Польши лагере смерти Собибор 14 октября 1943 г., завершившееся массовым побегом узников, возглавлял советский офицер-еврей Александр Печерский¹⁸².

Советские военнопленные-евреи, скрывшие свою национальность, входили в состав подпольных групп многих нацистских концлагерей.

Каковы же были итоги этих восстаний и вооруженного сопротивления? На первый взгляд, они незначительны. Ущерб живой силе противника, даже по самым завышенным оценкам, не превышал нескольких убитых немецких офицеров и десятков солдат, а также около 200 раненых. Практически не пострадала военная техника, принимавшая участие в подавлении восстаний.

Число спасшихся в результате вооруженного сопротивления также насчитывает не более нескольких сот человек. Даже при условии успешного бегства из гетто (например, в Тучине почти все узники получили возможность вырваться за его пределы) шансов уцелеть было не много: специальные отряды карателей и полиции отправились на поиск беглецов; многих выдали местные жители; только 15 человек сумели попасть к партизанам и пережить военное время¹⁸³.

Вооруженных восстаний в гетто было сравнительно немного. Обычно они продолжались несколько часов, максимум два дня (участники Сопротивления в Белостоке сражались в течение шести дней). Восста-

ния вспыхивали тогда, когда сомнений в планах гитлеровцев по полной ликвидации гетто уже не оставалось. В этих обстоятельствах обреченные сражались с необыкновенным мужеством.

Большинство актов вооруженного сопротивления проходило спонтанно, без достаточной подготовки. Решение о вооруженном сопротивлении, принимаемое обычно в последний момент, после проведения гитлеровцами и их пособниками продуманных организационных мероприятий по уничтожению узников, оставляло мало шансов на спасение. Многие планировавшиеся акты сопротивления были сорваны нацистами ввиду полученной ими информации либо перенесены на более ранние сроки началом уничтожения гетто.

Восставшие не имели связи с другими гетто и не могли рассчитывать на их помощь, а также координировать свои действия с группами Сопротивления в других населенных пунктах. Явно недостаточными были связи с городским подпольем и партизанами, содействие которых при условии синхронных действий могло не только нанести наибольший ущерб карателям, но и обеспечить спасение уцелевших узников. Однако менее всего в этом повинны организаторы вооруженного сопротивления.

Критерии эффективности актов вооруженного сопротивления в гетто и концлагерях можно разделить на материальные и моральные. Возможно, не только конкретный результат вооруженного сопротивления при ликвидации узников (число спасшихся и количество потерь среди карателей были незначительны), а моральный фактор играл при их подготовке и проведении главную роль. Он выразился в открытой демонстрации как другим узникам, так и местному населению воли еврейского народа к сопротивлению.

Нам представляется необходимым введение термина «коллективная самооборона», который показывает разницу между вооруженной защитой группы узников при ликвидации гетто и целенаправленными действиями на нанесение наибольшего ущерба противнику и (или) побег за пределы гетто.

4.3. Еврей-партизаны

ЕВРЕИ В СОВЕТСКОМ ПАРТИЗАНСКОМ ДВИЖЕНИИ

Одним из последних изданий ЕАК стала книга «Партизанская дружба» (М., 1948), посвященная евреям-партизанам. В Буэнос-Айресе (Аргентина) еще в 1954 г. первое обобщающее исследование по этой теме опубликовал на идише Моше Каганович. Значительная часть книги Реувена Айпштейна «Еврейское Сопротивление в оккупированной нацистами Восточной Европе», изданной в 1971 г. в Нью-Йорке и в 1974 г. в Лондоне, касается событий на оккупированной территории СССР. Эта тема отражена во многих

статьях и монографиях по истории еврейского Сопротивления, изданных в США и Израиле¹⁸⁴. Одним из первых ее начал разрабатывать Шалом Холавский, в числе других проблем указавший на объективные и субъективные трудности партизанского движения¹⁸⁵. Участие евреев в партизанском движении в Украине и Белоруссии посвящены недавние работы соответственно С. Я. Елисаветского и Леонида Смиловнического¹⁸⁶.

В историографии темы до сих пор остается невыясненным вопрос о численности советских партизан-евреев. Исследователи называют разные цифры: от 15 тысяч¹⁸⁷ до 25—30 тысяч¹⁸⁸. Отсутствуют (или не выявлены) сводные отчеты по национальному составу евреев — участников Сопротивления в тылу врага Центрального и республиканских штабов партизанского движения¹⁸⁹. Имеющиеся же сводные отчеты, составленные сразу после войны, вызывают справедливые нарекания историков¹⁹⁰.

Неясно и общее число евреев-партизан в каждой из бывших советских республик. С. Я. Елисаветский по архивным источникам выявил около 3000 евреев, сражавшихся в партизанских отрядах Украины¹⁹¹. Между тем, по данным Ш. Спектора, только на Воляни их число составляло от 1700 до 1900 человек¹⁹². В Белоруссии их численность определяют от 6000¹⁹³ до 30 000 человек¹⁹⁴. Э. Г. Иоффе пишет о 15 000 «партизан и подпольщиков», не выделяя составляющие этой цифры. Л. Смиловнический, приводящий в своей работе «Катастрофа евреев в Белоруссии. 1941—1944» немало ценных статистических данных, этот вопрос, к сожалению, опускает. Весьма отрывочны указанные в литературе сведения о евреях-партизанах в других советских республиках. Публикации последних лет позволяют нам уточнить эти подсчеты.

Отчеты айнзатгрупп, полиции безопасности и СД, военных оккупационных властей неоднократно сообщают об участии евреев в деятельности советских партизан. В отчете генерал-майора Бехтольсгейма за 11 ноября 1941 г. говорится, что так как евреи Восточной Белоруссии *«по-прежнему имеют общие дела с коммунистами и партизанами, проводится полное уничтожение этого чужеродного элемента»*¹⁹⁵.

Тема участия еврейских женщин в Сопротивлении была особенно популярна в отчетах различных карательных подразделений нацистов в течение первого года войны. Так, в отчете командира 354-го полицейского полка СС говорилось об их помощи партизанам:

*«В большинстве случаев речь идет о еврейках, задача которых состоит в том, чтобы сообщать, есть ли в деревнях противник. Как правило, это женщины, но внешности которых нельзя установить их принадлежность к еврейской национальности»*¹⁹⁶.

В «Сообщениях из оккупированных Восточных областей» за 17 июля 1942 г. говорилось (в разделе «Евреи (Украина)»), что в районе г. Владимир-Волянский удалось обезвредить партизанскую группу, цель которой — восстание в городе и освобождение советских офицеров «при помощи гергов» (около 15 000 евреев). Достаточно туманные сведения об этой

группе заканчивались ясным намеком, что судьба всего гетто (а не только — реальных или мнимых — участников Сопротивления) предрешена¹⁹⁷.

Сведения о евреях-партизанах в немецких отчетах о действиях карательных подразделений увеличиваются в 1943—1944 гг. В марте 1943 г. в деревне Олешевичи под Гродно было замечено 100 партизан, в числе их были евреи и еврейки. Жандармерия Гродненского района Белостокского округа сообщила 19 февраля 1944 г.:

«Примерно 100 вооруженных... бандитов реквизиовали в деревне Таневичи 8 свиней и предметы одежды. Разговорный язык — русский и еврейский. Часть банды — евреи».

В сообщении за 3 марта 1944 г. указывалось, что один из партизан, побывавших в Житоми, — еврей. 20 марта того же года жандармский пост в Камьянке сообщал о рейде партизан, среди которых были евреи¹⁹⁸.

На наш взгляд, отнюдь не всегда можно говорить о достоверности немецких сведений о роли евреев-партизан и связях узников гетто с партизанами. Нередко это был повод для расправы с населением гетто. Рост партизанского движения был использован нацистами для усиления репрессий против еврейского населения. Преувеличены в этих документах обычно и масштабы его участия в вооруженной борьбе. Лишь тщательный анализ всех заслуживающих внимания сведений с привлечением мемуаров и документации партизанских отрядов может позволить установить истину.

От первоначальных отчетов айзгитцгрупп и вплоть до последних рапортов начальников полиции безопасности и СД на контролируемой ими территории звучит тема евреев — саботажников, провокаторов и «бандитов». Верили ли сами нацистские лидеры и рядовые палачи в те мифы, которые рождала их пропаганда? Судя по всему — да. На упоминавшемся выше совещании высокопоставленных чиновников оккупационной администрации гауляйтер Белоруссии Кубе говорил в апреле 1943 г.:

«Вдохновителями партизанского движения являются асоциальные элементы, в основном из числа прибывших сюда великороссов и евреев. Когда летом прошлого года мы приступили к решению еврейской проблемы, впервые начав переселение евреев в гетто, то сразу и началось партизанское движение. Часть евреев вырвалась из гетто, ушла в леса и усилила все более развивающееся партизанское движение: с этим следует считаться».

Выступивший вслед за Кубе начальник полиции и СД генерального округа «Белоруссия» (бывший заместитель высшего начальника СС и полиции группы армий «Центр») бригадефюрер СС фон Готтберг (после убийства партизанами Кубе осенью 1943 г. он займет его пост гауляйтера Белоруссии) был еще более конкретен в констатации этого факта:

«На наш взгляд, решающим для всех геттоскокругов является еврейский вопрос».

Если еврей не является руководителем банды, то он или поставщик сведений, или курьер. Судя по обнаруженным бандитским записям, все

сведения основываются на деятельности евреев. Мне думается, что если в Белоруссии не останется в живых ни одного еврея, то этим будет избавлен от смерти не один порядочный немец».

Некоторые начальники гебитскомиссариатов, при докладе о количестве евреев в гетто, оговаривались, что они не учитывают евреев, «которые прячутся в лесах у бандитов».

Может возникнуть вопрос: почему на совещании «со своими», где нет посторонних, столь навязчиво повторяется тезис о том, что главная опасность — евреи? Ведь даже начальник полиции безопасности Минска оберштумбанфюрер Штраух (личный враг Кубе из-за разногласий именно в еврейском вопросе) робко замечает:

«Часть населения также готова предоставить сведения бандитам».

И не только в партизанах и большевистской агитации дело. По его мнению, «ясно, что церковь является нашим врагом»¹⁹⁹.

Сопоставляя эти сведения и высказывания с другими, менее лестными, характеристиками евреев как партизан и диверсантов, можно сделать следующий вывод: руководители нацистской Германии и их заместители на оккупированной территории не могли и не хотели признавать, что именно жестокость «нового порядка» и массовый угон молодежи в Германию наряду с успехами советских войск на фронте являлись главными причинами всенародного сопротивления. Одновременно для эсэзовских начальников было чрезвычайно важно убедить «хозяйственников», что ликвидация евреев политически более целесообразна, чем их использование.

Среди полуфантастических сведений о «еврейских бандитах и партизанах» в немецкой документации содержится немало реальных фактов о еврейском Сопротивлении. Сведения о массово скрывавшихся в лесах евреях подтверждаются другими источниками. Но в этой документации (в отличие от числа жертв) не приведены статистические данные по интересующей нас теме.

Сколько же евреев сражались в советских партизанских отрядах? Прежде всего, постараемся обобщить ту информацию, которая содержится в литературе и опубликованных источниках. В советских публикациях по истории партизанского движения евреев обычно не выделяли, включая их в рубрику «другие национальности». Да и сами данные о численности всех партизан по ряду республик, например Украины, колебались от 220 до 501 тысячи человек²⁰⁰.

Как известно, партизанское движение в Белоруссии было наиболее многочисленным. Официальная историография сообщала, что здесь действовали 1255 отрядов, в которых сражалось 370 000 партизан, из которых белорусов было 71,2%, русских — 19,2; украинцев — 3,9, а других национальностей — 5,7%²⁰¹. Можно предположить, что евреи не были указаны потому, что в процентном отношении они как минимум не уступали украинцам.

Впрочем, официальные данные нуждаются в уточнении, ибо многие бежавшие из плена, гетто и концлагерей узники скрывали свое настоящее имя и национальность. Например, не сохранились сведения о партизанском периоде деятельности организатора восстания в Собиборе Александра Печерского, сражавшегося после побега в отряде Щорса на Брестщине²⁰². Арон Плоткин в документах своего отряда числится Андреем Плоткиным, белорусом²⁰³.

В западной и израильской историографии советских евреев-партизан, действовавших в Западной Белоруссии и Украине, нередко относят к участникам польского вооруженного Сопротивления.

Сведения о численности евреев в партизанских формированиях на оккупированной территории СССР разбросаны по разным источникам. Уже в первый год войны они занимали видное место в партизанских отрядах Белоруссии. Часть евреев-партизан была заброшена в леса через линию фронта.

Среди заброшенных в Белоруссию в 1941 г. 293 групп бойцы-евреи были в составе 87. Всего их было 175 человек, в том числе 15 командиров.

В составе подрывной диверсионной группы под командованием «капитана Давыдова» (Владимира Литвинского), действовавшей в лесах Белоруссии в 1943—1944 гг. и сформировавшей отряд «Новаторы», евреи составляли 48 из 126 членов отряда²⁰⁴.

В семи отрядах Ленинской партизанской бригады евреи составляли 22% (366 человек). В четырех отрядах бригады «За Советскую Беларусь» — 21% (176 человек). В 10 отрядах бригад «Вперед» и имени И. Сталина воевали соответственно 103 (15%) и 93 еврея (9%)²⁰⁵.

В 1943—1944 гг. еврейские бойцы были в большинстве партизанских формирований. В бригаде имени Чкалова они составляли 239 человек из 1140 (20,1%). В 15 бригадах Барановичской области евреи составляли 1016 (12,4%) из 8439 партизан²⁰⁶. Из 4852 партизан Лидской зоны евреи (их было 1356) занимали по численности 2-е место (27,9%) после белорусов, причем из гетто пришло 1196 человек²⁰⁷. Обращает на себя внимание, что свыше 150 евреев-партизан (около 12%) оказались в этих отрядах в результате побега из плена, выхода из окружения, а также в числе заброшенных в тыл врага и оставшихся здесь по заданию партийных органов.

В 1942—1943 гг. партизанские отряды активно пополнялись молодежью из гетто. Весной 1942 г. 20 узников минского гетто во главе с И. Липидусом успешно достигли лесов под Слуцком. Вскоре отряд под его командованием вырос до 50 бойцов. Позднее в Старосельский лес ушла группа под командованием одного из руководителей подполья гетто — Н. Фельдмана и Г. Смоляра. Именно в Старое Село в Минском районе направлялись подпольщики гетто, которым грозило разоблачение²⁰⁸.

Многие партизаны были участниками подпольных групп в гетто или оказались в лесу в результате успешных побегов после вооруженного

сопротивления. Костяк нескольких партизанских отрядов составили члены подпольных организаций минского и белостокского гетто.

Подпольщики из гетто Вилейки (генеральный округ «Белоруссия») в мае 1942 г. в количестве около 20 человек влились в партизанский отряд будущего Героя Советского Союза Вольница. Ими был взорван железнодорожный мост. В составе отряда в октябре 1942 г. еврей-партизаны совершили один из первых успешных рейдов через линию фронта²⁰⁹.

Охотно принимали евреев в отряд имени Щорса, которым командовал капитан Красной Армии П.В. Пронягин. Отряд действовал в районе Бреста — Барановичей. По инициативе командира при отряде был создан еврейский семейный лагерь²¹⁰. Отряд под командованием будущего командира партизанской бригады генерала Ф. Капусты помог выбраться из гетто Несвижа и Клецка 30 будущим своим бойцам²¹¹.

Как видно из опубликованных статистических данных, число евреев в указанных партизанских бригадах составило 3189 человек и колебалось от 9 до 28%. Этот процент, естественно, уменьшался в последний год оккупации Белоруссии, когда приток местных жителей в партизаны был наиболее значительным, а почти все гетто уже были уничтожены.

Разумеется, эти данные охватывали лишь часть партизанских формирований республики, в которых представительство евреев было наиболее весомым. В некоторых других отрядах их число могло составлять от 3 до 5%. Так, в отрядах имени Дзержинского и «Большевик» бригады имени Сталина их было соответственно 18 из 478 и 6 из 109²¹².

Следовательно, мы располагаем относительно достоверными сведениями о примерно 3300 партизанах-евреях в Белоруссии. Можно предположить, что среди скрывших свою национальность и оказавшихся в других соединениях и бригадах (не учтенных приведенной выше статистикой) было не менее трети от опубликованных цифр партизан-евреев (примерно 1100 человек).

Следует также учитывать несколько сот евреев-партизан, погибших в 1941 г. По немецким данным, бежавшие из гетто и скрывавшиеся в лесах евреи были уничтожены осенью—зимой 1941 г. в Минской, Витебской, Барановичской и Вилейской областях. В сентябре 1942 г. под Барановичами была уничтожена группа из 80 вооруженных евреев²¹³.

Таким образом, число евреев — участников партизанского движения Белоруссии (без учета тех, кто сражался в еврейских партизанских отрядах и находился в семейных лагерях) составляло около 5000 человек.

В Украине евреи воевали во всех крупных партизанских соединениях, в том числе А. Сабурова, А. Федорова и С. Ковпака (в составе последнего была отдельная еврейская рота). Комиссар соединения Ковпака А. Непомнящий свидетельствовал, что после ухода из Скалата к партизанам «пристроились более 100 освобожденных из гетто евреев, т.е. все,

это мог носить оружие и отправиться в поход... Многих новичков зачислили в партизаны, одели в трофейную одежду и выдали оружие. То же самое повторилось в г. Делятин в Ивано-Франковской области»²¹⁴.

В составе соединения Ковпака воевал вместе со своей женой Марией Самуиловной Корж Михаил Грейсерман из Киева. Он прошел путь от рядового бойца до командира взвода²¹⁵. Также у Ковпака воевал Я.З. Мясковецкий, уроженец м. Чечельник²¹⁶. Эти имена, насколько нам известно, не учитывались в подсчетах евреев-ковпаковцев.

Благодаря содействию отдельных партизанских командиров, бежавшие узники составляли большинство членов отдельных отрядов. Так, Николаий Конищук («Крук») спас сотни евреев Камень-Каширского и Маневичского районов Волынской области. В апреле 1943 г. из 183 бойцов его отряда было 111 евреев²¹⁷.

Известные в литературе данные о евреях (от 10 и более человек) в партизанских отрядах и соединениях, действовавших в Западной Украине и Волыни, обобщил бывший прославленный партизан Григорий Розенблат («Гриша»). Вот эти сведения (сгруппированные нами в соответствии с численностью евреев):

Ровенское соединение — 400; С. Ковпака — 209; А. Бринского и И. Шитова — по 150; И. Конищука — 120; М. Мисюры — 72; Волыньское соединение — 55; М. Наумова — 51; Д. Медведева — 46; А. Сабурова, «За Родину», им. Ванды Василевской — по 30; «Смерть фашизму» — 23; им. Котовского и С. Коича — по 16; Макея и Я. Мельника — по 15; А. Одуха — 12; В. Яремчука и им. Костюшко — по 10²¹⁸.

Всего в этих подсчетах фигурируют 1434 человека. Еще 194 человека (по польским источникам) называет Я.С. Хонигеман: в отрядах и соединениях Л. Кизя — 87; им. Хрущева — 81; им. Кармалюка — 26²¹⁹.

Эти цифры существенно дополняются архивными данными, выявленными С.Я. Елисаветским. Так, в Черниговско-Волыньском соединении А. Федорова сражалось 314 партизан; А. Сабурова — 122 (на 92 человека больше, чем указывает Г. Розенблат); в Житомирской партизанской дивизии им. И.А. Щорса — 64²²⁰.

Очевидно, что часть бойцов-евреев в этих отрядах не идентифицирована по национальности. Остальные (от одного до нескольких человек) сражались в других партизанских отрядах этой о региона.

Активным было участие евреев в партизанском движении в Винницкой области, особенно в румынской зоне оккупации. Как отмечалось выше, на территории Винницкой области действовал фактически еврейский партизанский отряд под командованием Давида Мудрика, в составе которого была отдельная боевая рота и семейный лагерь. В леса подпольные организации направили многих беженцев из немецкой зоны оккупации. Среди них: Д. Шер (Черниговско-Волыньское партизанское соединение, погиб в бою), Н. Ладыженский (отряд «Буревестник»), П. Трактовенко (отряд В. Шахновича, действовавший в Днепропетров-

ской области). Героически погибли в борьбе с оккупантами А. Спивак, М. Койфман, Р. Мазус (отряд «Буревестник»), а также Рефул.

В декабре 1943 г. вооруженный отряд бывших подпольщиков из Бершадя принял бой с немецкими и румынскими карателями, уничтожив 80 из них. В этом и других боях отличились партизаны Д. Шер, Е. Шнайдер, Кривонос, Н. Файнштейндикер, Хармай²²¹.

Выявленные архивные списки евреев-партизан в Винницкой области свидетельствуют, что большинство из указанных там 242 человек сражалось во 2-й партизанской бригаде им. Сталина (217 человек). Еще 25 евреев находились в других партизанских отрядах (включая 12 человек в указанном выше отряде Я. Мельника)²²².

В 1941 г. в Литве, когда шло массовое уничтожение евреев, насчитывалось лишь несколько партизанских групп, объединявших не более 500 бойцов. Здесь практически не удалось сформировать партизанское движение с участием евреев в первый период оккупации.

Они появились в партизанских отрядах после засылки из Москвы первых оперативных групп. В марте 1942 г. для организации партизанского движения в литовские леса были заброшены две такие группы во главе со 2-м секретарем компартии республики Ицхаком Мескупасом-Адамасом. В ее составе были Алтер Клайнер, Александр Яцовский, И. Ициков, Кушель, Эльяшев и другие. Все они погибли в марте 1942 г.²²³

В 1942—1943 гг. в составе партизанских отрядов и посланных из Москвы оперативных групп было немало евреев (В. Синкенич, В. Запольский, Г. Глезерте, Н. Эндлис, И. Гольдблат, Ш. Мартовский и другие). Почти все они также погибли. В составе еврейских партизанских отрядов Литвы сражалось несколько сот бывших узников вильнюсского гетто; 350 евреев, бежавших из Каунаса²²⁴; десятки бывших узников из Свенция и Шяуляя. Как отмечалось выше, 25 подпольщиков из Свенция весной 1943 г. сначала создали еврейский партизанский отряд, а вскоре объединились с советскими военнослужащими, бежавшими из плена, и другими партизанскими группами. Через два месяца после побега они воевали в составе партизанского отряда имени Чапаева, входившего в бригаду Ворошилова. Отряд действовал вдоль железной дороги Вильнюс — Даугавпилс. На боевом счету еврейских партизан отряда — диверсии на электростанции в Свенциях и торфяном заводе; пущенные под откос 14 железнодорожных составов, освобождение из плена раненого командира взвода партизан. Особенно отличился 16-летний бывший подпольщик Ицхак Рудницкий («Голька»), награжденный медалью «Партизан Великой Отечественной войны» I степени²²⁵.

Среди учтенных после войны 9187 советских партизан Литвы евреи составляли 7,5%, находясь на 3-м месте после литовцев (62,5%) и русских (21%)²²⁶. Можно предположить, что численность евреев-партизан в Литве превышала 1000 человек.

В партизанском движении в Молдавии были особые сложности ввиду отсутствия соответствующих географических условий. К концу 1943 г. было создано лишь 14 партизанских отрядов (около 3000 бойцов)²²⁷. В 1941 г. бежавшие в лес близ Сорок узники гетто целые сутки сопротивлялись карателям. Многие диверсионные группы были заброшены из-за линии фронта.

Одной из них под именем М. Скворцова руководил Михаил Лейбошич, попавший в плен, а затем принимавший участие в движении Сопротивления на территории Франции и Бельгии. Некоторые из диверсионных групп, заброшенных на территорию Молдавии, были быстро обнаружены и уничтожены карателями, например 13 сентября 1941 г. в составе этих групп также были евреи²²⁸.

Весьма важную роль в обеспечении боевой деятельности партизан играли евреи-медики. Многие из них попадали в отряды непосредственно из гетто. Так, доктор Юрий Тайц, выведенный из минского гетто, стал главным терапевтом Минской партизанской зоны. Были выведены к партизанам и другие евреи-врачи из Минска и Столина. Доктор Зибцикер руководил санитарной службой отряда имени Буденного. Евреи-врачи были в отряде им. Пархоменко, в бригаде имени Чкалова²²⁹. Только в 22 крупных формированиях партизан Украины насчитывалось не менее 140 медиков-евреев, в том числе — 50 врачей. Это составляло не менее 10% медицинского персонала данных соединений²³⁰.

Значительное число женщин-партизан составляли еврейские женщины. Многие из них были врачами и медсестрами. Стэра Темкина возглавляла санитарную службу партизанской бригады им. Сталина в Белоруссии; Анна Бронштейн была врачом отряда «Пламя» в Белоруссии, награждена орденом Красного Знамени²³¹. Калитан медицинской службы Екатерина Бруссер бежала из плена; с января 1942 г. врач Брянского городского партизанского отряда, награждена медалью «За отвагу»²³². Для оказания сложной медицинской помощи партизаны вывозили в лес врачей из гетто. Супругов Шульман из м. Подорезск Ружанского района в Западной Белоруссии часто вывозили к партизанам в окрестностях Волковыска. В отряде их не оставляли, так как женщина-врач была беременна, а муж отказывался оставить ее одну в гетто. В результате они попали в лагерь смерти Освенцим²³³.

В литературе крайне мало сведений об участии раввинов (как, впрочем, и священнослужителей других конфессий) в партизанском движении. Едва ли не единственным примером является пользовавшийся большим авторитетом и уважением командир взвода в бригаде Брянского раввина Л. Иосилевич, семья которого была расстреляна в гетто²³⁴.

ЕВРЕЙСКИЕ ПАРТИЗАНСКИЕ ОТРЯДЫ И СЕМЕЙНЫЕ ЛАГЕРЯ

В литературе приводятся сведения о многих еврейских партизанских отрядах, действовавших в разных республиках бывшего СССР. Однако даже специализированные издания не называют точное количество таких подразделений. Так, говорится о примерно 100 еврейских партизанских отрядах в странах Восточной Европы²³⁵. В историографии можно встретить самые разнообразные сведения о количестве еврейских партизанских отрядов и численности находившихся в них евреев-партизан.

Подсчеты затрудняются тем, что большинство еврейских отрядов быстро теряло самостоятельность и вливалось в смешанные формирования советских партизан. Кроме того, некоторые партизанские группы, сформированные из беженцев гетто, просуществовали 1—2 месяца и были уничтожены карателями либо националистическими украинскими и польскими формированиями.

Значительная часть бывших узников оказалась в так называемых семейных лагерях или отрядах, численность которых не всегда учитывается при соответствующих подсчетах. По нашему мнению, это неверно, так как во многих лагерях находились хозяйственные и иные подразделения, способствующие боевым действиям партизан.

Специального рассмотрения заслуживает вопрос о количестве и численности еврейских партизанских групп и отрядов в разных республиках бывшего СССР. Первыми они появляются на территории Белоруссии. Уже в ноябре 1941 г. две группы бывших узников минского гетто в составе 25 человек становятся основой партизанских отрядов²³⁶.

В 1942—1943 гг. сражались следующие еврейские партизанские отряды — «Октябрь» Первомайской партизанской бригады под командованием Александра Горелика и «Пархоменко» бригады имени Чапаева (комиссар Николай Гейман), действовавшие в Барановичской области, а также несколько других небольших партизанских групп. Среди них — партизанский отряд «Мир», влившийся в бригаду имени Чкалова; батальон «Борьба» в отряде «Ленин», отряды «Барановичи» (в Полесье) и имени Кагановича бригады «Советская Белоруссия»²³⁷, которыми командовали Давид Бобров и Шлема Зандвайс²³⁸. Эти отряды суммарно насчитывали несколько сот евреев-партизан.

Особую известность приобрели отряд 106 под командованием Шо-лома Зорица, основу которого составили узники минского гетто, и отряд имени Калинина (под командованием Тувыи Бельского), действовавший в Налибокской пуще²³⁹. Они насчитывали около 500 (соответственно 137 и 350) вооруженных бойцов (не считая тех, кто находился в так называемых семейных лагерях).

Отряд «Жуков» (под командованием Льва Гильчика), входивший в состав 19-й бригады имени Молотова, насчитывал 140 человек, освобожденных из гетто Брестской и Барановичской областей²⁴⁰. 170 быв-

ших узников гетто Слонима были приняты в отряд П. В. Пронягина; из них был создан отряд «Щоре-51», прославившийся удачными операциями по подрыву вражеских эшелонов. Бежавшие узники гетто Несвижа во главе с Шоломом Холавским создали отряд «Жуков», который сражался в районе Коньяля. В районе Дятлово сражался отряд под командованием Григория (Цви) Каплинского. В районе Деречина в июле — декабре 1942 г. сражался отряд под командованием доктора Иехила (Ехеля) Атласа, погибшего в бою²⁴¹.

Каждый из этих трех отрядов в разные периоды деятельности насчитывал от нескольких десятков до 150 человек.

Отряды «Кадима» и «Форойс» («Вперед») сформировали бежавшие узники белостокского и других близлежащих гетто. Командиром отряда «Форойс» был Иона Сухачевский («Саша»), имевший опыт партизанской борьбы в лесах под Слонимом. После его гибели в конце сентября 1943 г. отряд возглавил Шепел Боровик из Белостока. Отряд вначале имел всего 30 вооруженных бойцов, что объяснялось нехваткой оружия. В распоряжении партизан были 1—2 ручных пулемета, около 8 винтовок и обрезов, пистолет и несколько гранат. В августе 1943 г. отряд пополнили более 70 участников восстания в Белостоке, большинство из которых бежало из эшелонов, направлявшихся в лагеря смерти. Он поддерживал связи с еще двумя группами партизан, бежавших из белостокского гетто, — под командованием Израйля Кота и Эльяша Баумаца. Всего в этих отрядах и группах было около 150—200 партизан.

Весной 1944 г. отряд вошел в бригаду имени Калиновского, вошедшую в соединение генерала Капусты²⁴². Большинство указанных выше отрядов впоследствии также вливались в более крупные партизанские соединения либо становились отрядами смешанного типа.

Таким образом, в 14 еврейских партизанских отрядах и группах Белоруссии сражалось не менее 1650 бойцов.

Еврейские отряды и группы в Украине возникают несколько позднее. Это обусловлено как особенностями партизанского движения, так и тем, что массовое уничтожение евреев приходится здесь на лето—осень 1942 г. Около 50 еврейских групп и отрядов сражалось на Украине, преимущественно на Волыни, в Западной Украине и на территории Винницкой области. По данным Ш. Спектора, около 1000 еврейских партизан, входивших в 30—40 самостоятельных групп, сражались на Волыни с лета по декабрь 1942 г. Многие из них затем влились в советские партизанские соединения (например, отряд «Дяди Миши» под командованием Михаила Гандельмана вошел в соединение А. Сабурова)²⁴³.

Летом—осенью 1942 г. на Волыни появились партизанские группы, почти полностью состоявшие из евреев. По свидетельству бывшего партизанского командира Гриши Розенבלата, такие группы появились в районе Березно, Дубровицы, Дубно, Радзивилова (Ровенская область), Колок, Камня-Каширского, Любомля, Ольки (Волынская область)²⁴⁴.

Отряд Э. Бакальчука — Н. Мисюры состоял первоначально из 12 партизан, затем он регулярно пополнялся узниками гетто и евреями из семейных лагерей, охрана и помощь которому стали одной из важных задач отряда.

Бежавший из плена с несколькими товарищами младший лейтенант А. Абугов (еврей по национальности) встретил в лесу в районе Ковеля группу из 20 евреев, скрывшихся из гетто. Впоследствии отряд, где Абугов стал начальником штаба, вырос до 80 бойцов, преимущественно евреев²⁴⁵.

В Восточной Галиции еврейские партизанские группы (наиболее известные из них — «Софиевка» и «Колки») действовали в районе Тернополя, Борщова, Черткова, Скалата, Болехова, Глумача и других. Часть из них влилась в соединение С. Ковпака в ходе его рейда в Карпаты в конце 1943 г.²⁴⁶

В районе Борислава более года действовал отряд Давида Эрльбаума, сформированный из бежавших узников гетто²⁴⁷. Весной 1942 г. из гетто Борщева (Тернопольская область) ушла в лес группа подпольщиков, образовавшая еврейский партизанский отряд. 17 ноября 1943 г. они напали на тюрьму в Борщеве и освободили 50 узников²⁴⁸.

Упомянутая выше подпольная группа м. Броды в апреле 1943 г. собрала на трех базах около 80 бежавших из гетто (в том числе львовского). В течение двух месяцев партизаны под командованием Я. Лидера совершили несколько нападений на немцев. Им удалось обеспечить себя продовольствием и оружием. Завладев динамитом и изготовив из него мины, бродские партизаны подорвали эшелон с гитлеровцами, совершили нападение на завод по производству скипидара. Они также изъяли деньги в помещении юденрата и готовили нападение на отделение банка в Бродях (деньги были необходимы для переправки в лес подпольщиков из Львова). Как отмечалось выше, попытка вывоза из Львова будущих партизан не удалась из-за действий провокатора. Партизанская база была окружена эсэсовцами, и в начале июля 1943 г. отряд Лидера был почти полностью уничтожен²⁴⁹.

В районе Черного леса в Станиславской (ныне Ивано-Франковской) области действовал в 1943 г. отряд бежавших из гетто областного центра узников во главе с Каролом Шварцем. Все они погибли в бою с карателями²⁵⁰.

Отдельная еврейская рота под командованием Давида Мудрика (кадровый офицер Красной Армии, бежавший из плена, а затем узник ильинцовского гетто) сражалась в 1-м полку им. Ленина 2-й партизанской бригады им. Сталина в Винницкой области. В августе 1942 г. группа из 18 бежавших узников оборудовала партизанский лагерь, затем к ней присоединились другие евреи (включая стариков, женщин и детей). В этом подразделении было 250 человек, из которых 96 принимали участие в боевых действиях. В тяжелых боях конца 1943—начала 1944 г., когда немцы прочесывали лес, погибло немало бойцов отряда²⁵¹.

Можно предположить, что в составе еврейских партизанских отрядов и групп на Украине сражались 1500—1700 человек.

Особенностью партизанского движения в Литве было то, что большинство бежавших узников гетто оказались именно в еврейских партизанских отрядах. Они стали пополняться бежавшими узниками гетто в 1942 г. и особенно в 1943—1944 гг. Основой четырех партизанских отрядов стали бежавшие узники вильнюсского гетто, а еще трех — каунасского²⁵². Среди командиров еврейских партизанских отрядов, сформированных соответственно из узников вильнюсского и каунасского гетто, выделим известного поэта Аббу Ковнера и писателя Хаима Елина.

Отрядом «Искамэ» («Мечь»), в котором было свыше 200 бывших узников, командовал один из руководителей ФПО Йосеф Глазман (погиб в бою с карателями в октябре 1943 г.). Этот отряд создали бойцы ФПО, которые первыми покинули вильнюсское гетто. Отряд располагался на берегу озера Свислочь. Позднее его бойцы вошли в другие отряды партизанской бригады Маркова, в частности в отряд «Вильнюс».

Большинство бежавших из гетто направлялись в Рудницкую пушу (в 40 км от Вильнюса), где воевало четыре еврейских партизанских отряда, входившие в партизанскую бригаду под руководством Г. Зиманаса. Отряды «Борьба» (командир — М. Баселеницкий) и «Смерть фашизму» вскоре также вошли в состав литовских партизанских соединений.

Особую известность приобрели два отряда, которые до конца войны оставались чисто еврейскими, — «За Победу» (командир — Самуил Каплинский) и «Мститель», которым командовал Абба Ковнер²⁵³. Вместе с советскими войсками они освобождали Вильнюс. Всего в еврейских партизанских отрядах и группах Литвы сражалось около 700 человек.

Мы не располагаем сведениями о еврейских партизанских отрядах в других республиках бывшего СССР, хотя в каждой из них были отряды, где евреи составляли значительную часть партизан. Таким образом, на оккупированной территории СССР было создано свыше 70 боевых еврейских отрядов и групп, в которых с врагом сражалось примерно 4000 человек.

Особое место среди еврейских партизанских отрядов занимают так называемые семейные лагеря или семейные отряды (здесь находились пожилые и малолетние родственники партизан, а также женщины). По данным Л. Смиловицкого, в Белоруссии они возникли в 28 населенных пунктах и включали от 3700 до 5200 человек²⁵⁴.

Первый семейный лагерь в Белоруссии организовали бежавшие из гетто Новогрудка Гродненской области братья и сестры Бельские. Тувья Бельский, три его брата и две сестры организовали семейный лагерь, где в 1944 г. насчитывалось 1230 человек²⁵⁵, бежавших в основном из гетто Новогрудка²⁵⁶.

В семейном лагере Ш. Зорина находились женщины, дети, старики. С марта по май 1943 г. его отряд вырос с 18 до 110, из которых вооруже-

ны были лишь 25 человек. Впоследствии с помощью подростков в лес были выведены сотни узников минского гетто. Они доставляли партизанам медицинское оборудование, принесли пишущую машинку юдеизрата, вывели двух хирургов, работавших в больнице гетто. В июле 1944 г. в отряде было свыше 550 человек, в том числе 137 вооруженных бойцов. Партизаны оборудовали собственную пекарню и даже колбасный цех, имелись свои провизоры и врачи. Большой котел на кухне был рассчитан на 26 ведер.

6 июля 1944 г. отряд принял последний бой с выходившими из окружения гитлеровцами. 6 бойцов были убиты, а Ш. Зорин тяжело ранен²⁵⁷.

В Украине еврейские семейные лагеря создавались как в партизанских соединениях и бригадах (например, в Черниговско-Волынском партизанском соединении А. Федорова, а также в бригадах А. Бринского и А. Кондратюка)²⁵⁸, так и скрывавшимися в лесах узниками гетто.

По данным Ш. Спектора, в 12 семейных лагерях на Волыни находились около 2500 еврейских женщин, детей и стариков. Наиболее крупные из них — в отрядах Макса и Крука (600 человек), в батальоне Мишюры (350) и в Волынской дивизии (300). Почти 1500 бывших узников уцелели²⁵⁹. После безуспешного поиска партизан бежавшие из гетто Сарны узники во главе с И. Вольфом в октябре 1942 г. у деревни Красин организовали партизанский отряд²⁶⁰.

Несколько сот невооруженных евреев скрывались в лесах Галиции, где было не менее 10 таких лагерей²⁶¹. Еврейские семейные лагеря и отряды существовали также в южном Полесье (около 350 человек) и в России в Брянских лесах (300 человек)²⁶².

Таким образом, примерно в 60 семейных лагерях и отрядах на оккупированной территории СССР находилось от 6500 до 9000 человек.

КОМАНДИРЫ ПАРТИЗАНСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ

Среди партизанских командиров и руководителей партизанского движения было немало евреев. Григорий Борисович Эйдинов был первым заместителем начальника Белорусского штаба партизанского движения, руководил Северо-Западной оперативной группой. Кадровый военный Мойсей Прусак, после выхода из окружения в августе 1941 г., стал одним из организаторов партизанского движения в Минской области.

В Белоруссии 2 еврея возглавляли партизанские бригады, 4 являлись комиссарами партизанских бригад, 7 — начальниками их штабов. Не менее 18 евреев командовали партизанскими отрядами; 32 являлись их комиссарами, а 21 — начальниками штабов²⁶³.

Многие еврейские солдаты и офицеры, бежавшие из плена или оказавшиеся в окружении, создавали или возглавляли партизанские подразделения. Так, командиром отряда имени Буденного был старший лейтенант Красной Армии Семен Ганзенко, минчанин, бежавший из

лагеря военнопленных на Широкой улице. Именно он дал согласие в 1943 г. Ш. Зорвицу на организацию семейного партизанского отряда. Впоследствии С.Г. Гапзенко стал командиром бригады имени Пономаренко, включавшей шесть отрядов²⁶⁴.

306 партизан-евреев Украины были командирами разного уровня. 26 из них командовали партизанскими отрядами и соединениями²⁶⁵.

Яков Талис, офицер Красной Армии, совершивший побег из концлагеря, и Наум Фарнштейндикер входили в Совет по руководству партизанским движением в Бершадском районе Винницкой области на территории Транснистрии. Я. Талис входил также в межрайонный партизанский штаб. Он был комиссаром партизанского соединения имени Ленина, куда подпольщики гетто Бершади влились в декабре 1942 г.²⁶⁶ Александр Абугов, также бежавший из плена, создал партизанский отряд на Вольни.

Секретарем подпольного партийного центра Крыма был П.Р. Ямпольский, возглавивший впоследствии одно из трех партизанских соединений (Северное)²⁶⁷. Ефим Абрамович Попов с ноября 1941 г. являлся заместителем командующего партизанским движением в Крыму, комиссаром 2-го партизанского района, комиссаром Сводной группы отрядов²⁶⁸. Лейтенант ВМФ Леонид Абрамович Вихман с октября 1941 г. — комиссар, а с октября 1942 г. — командир партизанского отряда Крыма; с августа 1943 г. — зам. командира по разведке 1-й бригады Крымского ШПД, награжден орденом Красной Звезды²⁶⁹. Н.Я. Злотников был комиссаром партизанского отряда № 5 5-й бригады Крымского ШПД²⁷⁰.

Осип Овсян и Вульф Крушник были соответственно начальником радиоузла и помощником начальника связи Крымского ШПД²⁷¹.

Среди организаторов партизанского движения в Молдавии выделим Саула Рабиновича (подпольная кличка «Васил Мунтян»), погибшего в бою с румынами²⁷².

Одними из руководителей партизанского движения в Литве были 2-й секретарь компартии республики Ицхак Мескупас-Адамас²⁷³ и Генрих Зиманас (Юрис), секретарь Южного подпольного обкома²⁷⁴. Среди 92 командиров партизанских отрядов Литвы было четыре еврея²⁷⁵.

Немало евреев выполняли ответственные задания в республиканских ШПД прибалтийских республик. Аркадий Пуховицкий был начальником отдела Латышского ШПД, выполнял задания в тылу врага²⁷⁶. Леонид Кримкер служил начальником отдела материально-технического снабжения Латышского ШПД; Рувим Шер — начальником административно-хозяйственной части Эстонского ШПД²⁷⁷.

В партизанском движении в Латвии заметную роль играла Вторая латвийская партизанская бригада, в которой сражалось немало евреев. Комиссаром бригады был назначен Рафаил Блюм, получивший прозвище «политрук в очках». Начальником штаба 3-го отряда этой бригады стал бесстрашный рижанин Лев Касель²⁷⁸.

Евреи оказывались во главе партизанских подразделений в силу разных обстоятельств. Многие были посланы с Большой земли либо выплыли из окружения и бежали из плена. Некоторые руководители подполья гетто заняли руководящие посты в партизанских отрядах. В первый год войны среди организаторов партизанского движения было немало оставленных в тылу врага партийных и советских работников-евреев. Некоторые из них были заброшены туда позднее. Среди этих руководителей в Белоруссии были секретари Минского и Могилевского обкомов партии (Иосиф Бельский и Иосиф Хавкин); секретари 11 райкомов партии — Жлобинского (Моисей Шапиро), Чашникического (Михаил Зубрицкий), Дрисенского (Давид Ливиниц), Рогачевского (Самуил Свердлов), Петриковского (Ханн Варгавтик), Осиповичского (Рувим Голанд)²⁷⁹; Ельского (Зуся Черноглаз), Меховского (Вульф Израилит), Освейского (Соломон Геллер), Чечерского (Ханн Шкляр), Минского сельского района (Израиль Лалидус). Шая Беркович возглавлял Пинский подпольный обком и горком комсомола²⁸⁰.

Некоторые сформированные ими отряды насчитывали немало евреев и прошли славный боевой путь. Примером может служить Лельчицкий партизанский отряд из Полесской области Белоруссии, комиссаром которого был местный уроженец Яков Эрлах. Именно он и написал отчет о первых месяцах партизанского движения в одном из районов Белоруссии. Думается, что судьба его отряда была типичной для первых групп сопротивления в тылу врага. Первоначально отряд состоял из 120 местных жителей, затем в него влилось еще 30 человек — бойцы штаба 5-й армии и группа сотрудников Борисовского НКВД. Отряд имел достаточное количество вооружения: на каждого бойца приходилось по одной винтовке и гранате, а также «достаточное количество взрывчатки». Отступавшие в середине августа части Красной Армии оставили отряду 10 станковых пулеметов. До оккупации района бойцы отряда несли охрану и вылавливали диверсантов вместе с органами НКВД.

В конце августа район оставался единственным не оккупированным районом Полесской области. Для этого партизаны взорвали 13 мостов, соединявших район с оккупированной территорией Белоруссии и Украины.

Отряд начал свою боевую деятельность с разгрома банды с Украины, которая пыталась войти в д. Глушковичи — родину Эрлаха. Было уничтожено 13 бандитов и взят в плен немецкий комендант д. Войкевичи.

Первый крупный бой с отрядом карателей, насчитывавшим 300 человек, отряд принял 3 сентября 1941 г.: было уничтожено 35 фашистов. После того как противник получил подкрепление, отряд Эрлаха отступил в лес, не понеся потерь.

Ворвавшись в Лельчицы каратели уничтожили 800 евреев, в том числе беженцев из Туровского района. 50 девушек были изнасилованы и зверски убиты. На следующее утро каратели ушли из поселка.

Воспользовавшись этим, отряд восстановил в районе советскую власть, мобилизовал в свои ряды новых бойцов, создал подпольные молодежные группы. В очередном бою было уничтожено 25 фашистов. Однако на отряд напала банда под руководством председателя колхоза «Красный боец», бывшего кандидата в члены ВКП(б) Юнкевича. Список убитых и раненых партизан (Рудинский, Буриштейн и Вайнбринд) отражает его национальный состав. 22 сентября нацисты вновь окружили райцентр с трех сторон. Партизаны ушли в лес. 30 сентября их настигли каратели. Отряд через непроходимые болота перебрался на остров.

Так как район находился в 80 км от железнодорожного полотна и в 65 км от шоссе, отряд решил разбиться на небольшие группы и перейти линию фронта. Часть местных жителей осталась для подпольной работы. Эрлах вспоминал, что немало бывших коммунистов и советских активистов стали пособниками нацистов:

«Несколько коммунистов — председателей колхозов и секретарей сельсоветов дезертировали. Однако отряд продолжал сражаться. Молодой партизан комсомолец Шустерман в совершенстве овладел взрывным делом. На расстоянии 20 км, по болоту и непроходимым кустарникам, пробирался к Шустерман с группой партизан и взорвал на территории Туровского района три моста, что значительно задержало продвижение немецких войск к линии фронта... Комсомолец Гутман во время последнего боя, рискуя своей жизнью, проник в лагерь расположения немцев и сбил двух фашистских автоматчиков, которые влезли на дубы и оттуда пытались уничтожить наши пулеметные гнезда».

Разбившись на группы, отряд 4 октября пошел к линии фронта. В состав группы, которую возглавил Эрлах, входило немало евреев: директор Лельчицкой средней школы Цоир, инструктор райкома партии Геринг, директор леспромхоза Кацнельсон. В другой группе находились директор МТС Горелик и председатель райпотребсоюза Буриштейн. Группы двигались только по ночам. Несколько раз их преследовали «заградительные отряды», созданные немцами для борьбы с партизанами. В одной из таких стычек пропал Кацнельсон. Около поселка Калинин Эрлаха и Цоира поймали бандиты. Их выставили на центральной площади на «показ перед всем населением» с криками: «Смотрите, каких жидов поймали!» После издевательств и побоев арестованных отвели в немецкую комендатуру и заперли в камеру.

«На следующий день, вечером, меня, тов. Цоира, одного старшего лейтенанта, шедшего из окружения, и еврейскую семью (мать и 5 детей), бежавшую от еврейского погрома в Речицах, повели на расстрел. Привели к лесу, остановили и скомандовали: «Скидай штаны!» Мы остановились. Тов. Цоир стал снимать плащ, а я и старший лейтенант начали бежать. Бандиты открыли бешеный огонь. У меня сбило фуражку...»

Остальных руководителей отряда также задержала эта же банда. Трое (включая Буриштейна) были расстреляны; двое отпущены, а командира отряда Лишефаева «оставили валенки валять, и дальнейшая его судьба мне неизвестна». Далее на протяжении 2,5 месяца Эрлах шел к линии фронта, которую пересек 18 декабря 1941 г. в Орловской области. Отчет секретаря Лельчицкого райкома комсомола, чью мать зверски замучили фашисты, заканчивается словами:

«Сейчас я нахожусь в родной Москве, среди своих товарищей и друзей. Во имя победы над кровавыми фашистскими извергами я готов в любую минуту отдать все свои силы, если понадобится, то и жизнь»²⁸¹.

ЕВРЕИ-ПАРТИЗАНЫ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

Особый интерес для нас представляют данные о евреях-партизанах, воевавших на территории России. В личных делах руководителей и сотрудников центрального аппарата ЦШПД, а также диверсионных школ и других служб нами выявлено 154 еврея-партизана. Они занимали разные должности: начальников Управления снабжения ЦШПД (Рафаил Хмельницкий, в прошлом — командир стрелкового корпуса, награжден 2 орденами Красного Знамени и 2 орденами Красной Звезды) и телефонной станции ЦШПД (Израиль Лейкин); начальника гаража центральной спецшколы Западного фронта (Моисей Абрамов), преподавателей по подрывному делу спецшколы подготовки партизанских кадров (Айзик Дубов, награжденный орденом Красной Звезды и орденом Отечественной войны I степени), военной топографии (Семен Иоффе), начальника лаборатории (Александр Ротенберг)²⁸².

Многие из них до или во время пребывания в этих подразделениях участвовали в боевой деятельности партизан на территории России. Лев Маркович Медведев с июня 1942 г. был уполномоченным ЦШПД при Брянском ШПД. Марк Соломонович Марьяновский в октябре 1941 — феврале 1942 г. организовывал партизанские отряды в Смоленской области, затем был начальником штаба партизанского полка и командиром партизанской группы. В августе 1942 г. ранен и переведен в резерв²⁸³. Также получил тяжелое ранение командир разведки отряда им. Буденного в Трубчевском районе Брянской области Борис Файбисович, бежавший из плена²⁸⁴.

Иосиф Маркович Чернявский являлся заместителем командира Курской партизанской бригады и начальником штаба партизанской бригады им. Суворова, подполковник, представлен к ордену Красной Звезды²⁸⁵. Наум Лейбович был комиссаром Майкопского партизанского отряда²⁸⁶. Михаил Фишман — комиссаром партизанского отряда в Лужском районе Ленинградской области, награжден орденом Красной Звезды²⁸⁷. Рувим Хенкин с октября 1941 г. сражался сначала рядовым бойцом отряда «Смерть фашизму» в Орловской области, затем

стал комиссаром отряда им. Молотова, награжден орденом Красной Звезды²⁸⁸.

Ефим Безман служил инструктором Ленинградского штаба партизанского движения; Вульф Всеинов был заброшен в тыл противника в Ленинградской области.

17-летний Иосиф Аранович из Рославля и 50-летняя медсестра Ревека Грунина воевали в партизанских отрядах соответственно Смоленской и Орловской областей; Нусон Кацер был радистом Дятьковской партизанской бригады²⁸⁹.

Борис Айзенберг, владевший 4 языками, являлся помощником начальника штаба бригады имени Рокоссовского, в тылу врага находился с июля 1942 г.²⁹⁰

Больше всего евреев-партизан было в Смоленских и Брянских лесах, в том числе — бежавшие узники концлагерей и гетто, войны-окруженцы, командиры и бойцы диверсионных групп, заброшенных в тыл врага.

По данным Западного штаба партизанского движения на 15 октября 1944 г., на Смоленщине сражалось 162 еврея-партизана. Очевидно, что эти данные не полны. Так, только в партизанском отряде «Бати» (Н.З. Коляды) сражалось не менее 9 евреев, не учтенных в данных штаба²⁹¹. Десятки евреев, бежавших из гетто Смоленщины и Белоруссии сражались в партизанском отряде «13» под командованием учителя, Героя Советского Союза С.В. Гришнина. 12-летний Вячеслав Тамаркин попал в этот отряд после расстрела гетто в местечке Ляды. Юный разведчик был награжден медалью «За отвагу». В.Л. Тамаркин пишет в своих воспоминаниях, что он лично знал не менее 20 евреев-партизан. Однако в документах штаба сведения о 8 из них отсутствуют. Так, не вошли в этот список поэт Марк Липович (Максимов), автор партизанской песни отряда; командир конной разведки 5-го батальона, редактор партизанской газеты «Смерть врагу»; пулеметчик Николай Фаликов; разведчик Роман Буянов; командир отделения Леонид Серебряков; начальник разведки отряда Иосиф Дулькин, награжденный орденом Красного Знамени²⁹². Последний значился в документах как Яков Дюльканов. Он попал в плен под Вязьмой, бежал, организовал партизанский отряд еще в ноябре 1941 г.; затем был в отряде Михальцева. С марта 1942 г. — в отряде Гришнина²⁹³.

В отрядах № 4 и № 8, сформированных в Ржеве Калининской (ныне Тверской) области, было соответственно 4 и 6 евреев — беженцев из Белоруссии²⁹⁴.

Немало евреев служило в Отдельной мотострелковой бригаде особого назначения (ОМСБОН), бойцы которой составили основу многих партизанских отрядов. Заместитель начальника инженерной службы бригады капитан И.И. Гомберг руководил отрядом из 200 бойцов, устанавливавших мины в Подмосковье осенью — зимой 1941 г. Парашютную службу ОМСБОН возглавлял Р.М. Парнас, а одним из ее инструкторов

был П. Шапиро. В отряде ОМСБОН в тылу врага сражался Лазарь Паниерник, которому первому из бойцов бригады в июне 1942 г. было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). В одном бою с ним погиб рядовой А.А. Бриман, награжденный орденом Ленина²⁹⁵.

В августе 1941 г. одним из первых в тыл врага был заброшен отряд, которым командовал 43-летний уроженец Брянска, будущий Герой Советского Союза Дмитрий Медведев (его отец был евреем). Отряд «Митя» (названный по имени командира) занимался разведывательной и диверсионной деятельностью в Смоленской, Брянской и Орловской областях до середины января 1942 г. Врачом отряда был А. Файнштейн. Отряд провел более 50 операций, включая налеты на гарнизоны в Хотимске, Жиздре, Клетье, атаку аэродрома в Мглине, взрыв 10 железнодорожных и шоссеиных мостов, уничтожение десятков предателей²⁹⁶.

Впоследствии полковник госбезопасности Д.Н. Медведев прославился как командир отряда специального назначения «Победитель» (он известен, в частности, тем, что в его составе на Ровенщине воевал легендарный разведчик Н.И. Кузнецов). Врачом отряда был будущий автор воспоминаний и один из биографов Медведева Альберт Цессарский²⁹⁷. В этом же отряде сражался и героически погиб студент Московского института истории, философии и литературы (МИФЛИ), всеобщий любимец Григорий Шмуїловский. Он вел дневник и говорил своим друзьям:

*«Я должен записать обо всем, что здесь происходит. О каждом... То, что мы делаем, что несем в сердце, что рождается здесь, в боях, вместе с нами, — это не должно погибнуть»*²⁹⁸.

Михаил Абрамович Шульгин служил начальником штаба отрядов «Славный» и «Решительный», созданных в январе 1942 г. Врачом отряда «Славный» был Илья Давыдов, впоследствии — полковник медицинской службы, автор нескольких книг. В составе этого отряда, действовавшего на Брянщине, находились бывший спортсмен Леонид Митропольский и Александр Зевелев (впоследствии профессор, доктор исторических наук, академик РАЕН). А.И. Зевелев в 1942 г. получил приказ:

«Побрататься в Новозыбковское гетто, выкрасть, именно выкрасть врача, еврейку по национальности, и доставить ее в отряд в связи с тем, что у партизан началась цинга».

Врач сказала, что она готова помочь партизанам, но не может оставить в гетто брата и родителей. По приказу командира отряда их также вывели из гетто и разместили в семейном лагере, где находились пожилые родственники и малолетние дети других партизан. В этот отряд были приняты и несколько других взрослых мужчин, бежавших из гетто²⁹⁹.

Весной 1942 г. на железнодорожной линии Брянск — Москва несколько удачных диверсий совершили подрывные группы, в состав которых входили В. Зайпольд и бывший спортсмен Э. Бухман. Тогда же в Смоленские леса был заброшен отряд «Новатор», в составе которого нахо-

дился старший сержант А.А. Нахмансон. При попытке взорвать железнодорожное полотно он был ранен в обе ноги и подорвал себя вместе с фашистами, чтобы не попасть в плен. Это дало возможность скрыться четверем его товарищам.

В составе отряда «Сатурн», действовавшего в районе Смоленска и обезвредившего одноименную диверсионную школу немцев, сражался переводчик А. Кириш. Важные сведения отряду Лопатина о передвижении войск противника от ст. Красное к Смоленску передала партизанка-разведчица Г. Меерович.

Крупную партизанскую зону на стыке границ России, Белоруссии и Латвии удалось создать отряду «Неуловимые», перешедшему линию фронта в районе Велижа и Усвят в начале марта 1942 г. Его комиссаром был Борис Львович Глезин, а его заместителем и комсоргом — бывший студент МИФЛИ Давид Файгелернит.

В апреле 1942 г. Б.Л. Глезин руководил успешными действиями подрывной группы, взорвавшей мост. Он же участвовал в операции по розыску и переправке на Большую землю детей из детского дома в Белоруссии (район Полоцка). Среди этих детей было немало евреев.

Комиссаром в бригаде «Дяди Коли» (ею командовал Герой Советского Союза П.П. Лопатин) был Роман Гольдберг. В составе бойцов ОМСБОН, боровшихся с врагом на Северном Кавказе, были офицер-альпинист А. Вульф и подрывник сержант Гутман.

В Крым были сброшены две спецгруппы ОМСБОНа, одна из которых носила символическое название «Крымчаки» (ее возглавлял Кахар Адашев). В составе группы сражались Коган и Устер (были выданы предателем и расстреляны в конце 1943 г. в Симферополе), а также радист В. Вайншток и инструктор-подрывник Г. Шиман.

Бывший студент Института физкультуры Г. Шиман не только пустил под откос один эшелон, но и помог партизанам отремонтировать захваченный ими самолет. Впоследствии он воевал в Белоруссии, в отряде «Артур», вместе с минером-инструктором Я.С. Штейнбергом и подрывником С. Кушницом. Там же, в районе Полоцка, общее руководство пропагандистской работой партизанских отрядов осуществлял представитель ОМСБОН батальонный комиссар А.Я. Мильман. Подготовкой и распространением сводок Совинформбюро занимался боец отряда «Олимп» С. Будницкий.

Заместителем редактора многотиражной газеты ОМСБОН был Евгений Шистер. С ней сотрудничали недавние студенты МИФЛИ — будущие известные поэты Семен Гудзенко (до ранения в июне 1942 г. он был разведчиком, отказываясь стать штатным сотрудником редакции) и Юрий Левитанский, литературный критик Эмиль Аркин (В. Кардин), аспирант МИФЛИ Семен Беркин¹⁰⁰.

Остановимся на деятельности других партизан-евреев на оккупированной территории России. Осенью 1942 г. в д. Хворостово Святского

района Брянской области, где размещался Штаб партизанского движения Белоруссии, была создана отдельная подрывная группа, куда вошли 10 евреев, бежавших из гетто. Группа прошла подрывную подготовку в д. Барлово на Смоленщине. В ноябре 1942 г. подрывники небольшими группами отправились в тыл врага. 18 эшелонов с оружием и живой силой противника пустил под откос один из членов группы, Исаак Айбшдер. Он погиб летом 1943 г., когда ворвался на лошади в м. Долгинов и начал обстреливать полицейский участок, чтобы отомстить за гибель родных. В пуске под откос 12 эшелонов участвовал Н. Динерштейн, героически погибший в конце 1942 г.³⁰¹

Не совсем типична судьба Григория Черномордика, уроженца деревни Прыща Брянской области. В неполные 17 лет он стал полковым разведчиком, бежал из плена, попал уже осенью 1941 г. в партизанский отряд, влившийся позднее в 5-ю Воргинскую бригаду имени Сергея Лазо, воевавшую в Брянских и Смоленских лесах. Вместе с ним воевали выпускник истфака МГУ Исаак Кошелев — автор партизанских листовок, ставший впоследствии командиром взвода; Михаил Цейтлин (Моисеев) из Москвы; пулеметчик-ленинградец Матвей Рогачев. Последний был схвачен карателями в ноябре 1942 г. и погиб после страшных пыток.

Г. Черномордик был в партизанской бригаде до сентября 1943 г. На его счету несколько десятков уничтоженных нацистов, карателей и полицаяв. Вместе со своей бригадой он участвовал в налетах на полицейские участки, взрыве мостов и вражеских эшелонов, боях с карателями³⁰². Награжден медалью «Партизан Отечественной войны» I степени³⁰³.

Родственница С. М. Болитер, носившая ту же фамилию (в ее письме от 29. 08. 1963 г., хранящемся в архиве «Яд Вашем», к сожалению, не указано имя), после 3 месяцев нахождения в оккупированном Витебске попала в партизанский отряд в Демидовском районе Смоленской области, где была разведчицей³⁰⁴.

Семен Ошеревич Славин с начала 1942 г. и по середине 1943 г. являлся начальником радиостанции 4-й Клетнянской партизанской бригады на Брянщине³⁰⁵.

В районе Ленинграда сражалось 13 партизанских бригад. В их составе было немало евреев, в том числе студентов ленинградских вузов. 17-м партизанским отрядом командовал бывший выпускник Института физкультуры имени Лесгафта Борис Эрен-Прайс, начавший свой боевой путь рядовым бойцом осенью 1941 г.

Боец одного из отрядов, студент того же вуза Марк Фрейдзон после войны составил книгу-альбом о партизанах-ленинградцах. Комиссаром одного из студенческих отрядов был М. Я. Россман. Начальником политотдела 4-й партизанской бригады являлся Я. Е. Ицкевич³⁰⁶.

Начальником штаба здесь был бывший спортсмен Илья Шустер (впоследствии он стал командиром отряда партизанской бригады Ленинградского ШПД)³⁰⁷.

Во главе других партизанских подразделений России также было немало евреев. Командиром партизанского отряда «Боевой», действовавшего на севере Ленинградской (современной Псковской) области и в Белоруссии, был Мордух Новаковский. Именно этот отряд сумел одним из первых оказать помощь продовольствием блокадному Ленинграду. Среди бойцов его отряда было немало евреев. Одной из легендарных операций этого отряда стала ночная атака на деревню Тюриково, где находились езесовские каратели из дивизии «Мертвая голова». Узнав пароль, партизаны неожиданно ворвались в деревню. 200 карателей было уничтожено, 50 взято в плен³⁰⁸.

Партизанским отрядом имени Фурманова, сражавшимся в Брянских и Орловских лесах, командовал Лейзер Бляхман³⁰⁹. В декабре 1941 г. бывший заведующий райздравотделом Белостока организовал в Брянских лесах отряд имени Шаумяна, имел звание майора, в 1942 г. награжден орденом Ленина³¹⁰.

Бывший 1-й секретарь райкома в Полесской и Пинской областях Заиман Бейнenson с октября 1941 г. по март 1942 г. был в окружении, затем попал в партизанский отряд Панасенко в Смоленской области. С мая 1942 г. — командир разведгруппы Смоленского ШПД, майор³¹¹. Аркадий Виницкий возглавлял разведгруппу Смоленского ШПД, награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны 1 степени³¹². Абрам Гилевич воевал командиром взвода партизанского отряда в Смоленской области³¹³. Яков Зельдич попал в окружение, в 1941—1942 гг. сражался в отряде «За власть Советов» в Брянских лесах, затем был начальником штаба партизанского отряда имени Кирова³¹⁴.

В составе партизанских отрядов находились и немногие уцелевшие узники гетто. Так, 18-летняя Нина Соколова ушла из гетто Велижа Смоленской области в партизанский отряд Хмылева, где и погибла³¹⁵. 16-летняя Марина Басина спряталась с подружкой в подвале, когда каратели уничтожали узников гетто Унеча на Брянщине. Затем она попала в партизанский отряд имени Кутузова, была разведчицей, санитаркой, подносила патроны во время боев. В конце сентября 1943 г. ее отряд соединился с частями Красной Армии³¹⁶. Молодые подпольщики в гетто Петровицы Смоленской области перед уходом в лес установили контакт с партизанами, достали оружие. Они совершили побег из гетто накануне его ликвидации — 22 июля 1942 г. Всего бежало около 30 человек, которые встретили в лесу группу вооруженных советских солдат, попавших в окружение. 18-летний Хаим Гуревич стал командиром взвода, его пятнадцатилетний брат Лев — разведчиком. Отряд участвовал в диверсиях на железных и шоссеиных дорогах, нападал на полицейские участки, сражался с карателями³¹⁷.

Важную роль в деятельности партизанских соединений играли врачи-евреи. Абрам Бронфенбрер был помощником начальника 5-го отделения по медчасти штаба партизанского движения Брянского фрон-

та, награжден орденом Красной Звезды. Там же служил доктор Моисей Гирсон. Майор медицинской службы Александр Гуревич был врачом бригады им. Лазо в Смоленской и Орловской областях; Мендель Консон в 1941—1942 гг. находился в штабе партизанского движения Западного района Орловской области; Александр Левин являлся врачом в партизанском отряде Суземского района Брянской области, награжден медалью «Партизан Отечественной войны» I степени; Мендель Рубинштейн вышел из окружения в Орловской области, был врачом партизанского отряда «Большевик»; Петр Урицкий, попавший в окружение и под фамилией Лукьяненко работавший до мая 1943 г. в больнице Метиславля, затем стал врачом в отряде Гришина. Уроженца Смоленска Аркадия Эйдишна, попавшего в плен, освободили из Трубчевского лазарета партизаны, он стал начальником санитарной службы Южной оперативной группы Орловского ШПД, награжден медалью «За отвагу»³¹⁸.

Несколько евреев, вывезенных ранее из рижского гетто, бежали к партизанам из рабочего лагеря под Порховом Псковской области. Все они после тщательного допроса были оставлены в отряде, хотя и распределены по разным ротам. В отряде был еще один еврей, бежавший из того же рабочего лагеря ранее³¹⁹.

После бегства из гетто перед бывшими узниками нередко возникали трудноразрешимые проблемы. Путь к партизанам бежавших из гетто узников или скрывавшихся евреев был затруднен еще по одной важной причине. Обычно в партизанские отряды не брали «чужих» без оружия (а у тех, кто приходил с ним, могли отнять). Добывать оружие приходилось в бою, идя на врага практически с голыми руками. Вместе с тем проблему добывания оружия можно было решить на местах кровопролитных боев, где оставалось немало вооружения или боеприпасов. Даже в марте 1943 г. это удалось бежавшим из гетто в 35 км от Минска, в Старосельских лесах (правда, не без труда и с помощью местных жителей)³²⁰.

Известны также факты откровенного антисемитизма, особенно со стороны бывших полицейев, пополнивших партизанские отряды в последний год оккупации, и отдельных партизанских командиров, о чем мы расскажем в следующей главе.

Несмотря на все объективные и субъективные факторы, уход из гетто или рабочего лагеря к партизанам для тысяч узников гетто виделся как едва ли не единственный путь к спасению.

* * *

Участие евреев в партизанском движении на территории СССР имеет специфические черты. Во-первых, наличие вооруженных национальных еврейских формирований (их не было в Красной Армии). Как правило, такие отряды или группы действовали ограниченный период времени,

так как их активно преследовали каратели либо местные националисты. Обычно такие группы вливались в более крупные отряды, составляя в них отдельные подразделения. Подавляющее большинство евреев-партизан были узниками гетто. Многие в той или иной степени были связаны с деятельностью подполья, являлись участниками коллективных побегов или вооруженного сопротивления. Часть евреев-партизан попало в отряды с помощью местных жителей и нееврейского подполья либо находило их самостоятельно.

Во-вторых, именно еврейские партизанские отряды выполняли специальные задачи по оказанию помощи и спасению узников гетто. Нередко это сковывало их мобильность и вело к большим потерям. Такие отряды, а также отдельные партизаны нередко становились объектом преследования и террора националистических украинских и польских повстанческих формирований. Подавляющее большинство евреев-партизан были городскими жителями, поэтому сам путь к партизанам и последующее пребывание в отряде были для них серьезным испытанием.

Вырвавшиеся из гетто люди испытывали катастрофическую нехватку оружия. Попасть же без него в партизанский отряд или просто выжить в лесу удавалось лишь единицам. Приему евреев в партизанские отряды мешали как подозрительность партизанских командиров, опасавшихся шпионов, так и бытовой антисемитизм. Командирам партизанских отрядов приходилось учитывать и настроения местного населения. Под воздействием нацистской пропаганды они нередко воспринимались последним не просто как партизаны, но прежде всего как представители советского режима. Подчас партизанские командиры стремились ограничить численность своих бойцов-евреев, чтобы не выдаться в глазах местного населения защитниками последних.

Эффективному сопротивлению и попыткам объединения в отдельные партизанские отряды (даже тех групп еврейских подпольщиков, которые обладали оружием) мешала полная изоляция гетто. Следует отметить и некоторые субъективные факторы, которые сдерживали еврейское Сопротивление: иллюзии, что нацисты не имеют планов поголовного истребления и заинтересованы в производительном труде узников гетто; позиция многих лидеров еврейских советов; политические противоречия среди лидеров подпольных групп¹²¹.

Тем не менее евреи внесли достойный вклад в борьбу с оккупантами. Среди евреев-партизан было немало командиров и комиссаров партизанских соединений и отрядов. Они занимали видное место среди руководителей штабов партизанского движения союзных республик и преподавателей курсов подготовки партизан и диверсантов. Важную роль в партизанских отрядах и соединениях играли евреи-медики.

Нами установлено, что в нееврейских отрядах и соединениях Белоруссии сражалось около 5000 евреев. В еврейских партизанских отрядах находилось не менее 1650 бойцов. Минимальное число евреев в семей-

ных лагерях, по данным Л. Смиловницкого, составляет 3700 человек¹²². Таким образом, в партизанских отрядах Белоруссии находилось не менее 10 350 евреев.

Только поименно установленных партизан Украины насчитывается почти 3 тысячи человек. Вместе с тем нельзя игнорировать оказавшихся в партизанских группах и семейных лагерях бывших узников гетто. В указанные выше подсчеты не входят партизаны Крыма. Неполно до последнего времени были учтены евреи-партизаны в Транснистрии и немецкой зоне Винницкой области. Вместе с ними число евреев-партизан Украины составит не менее 5 тысяч человек.

Свыше 1000 человек насчитывали сарейские партизанские отряды Литвы, а также входившие в состав нееврейских отрядов бывшие узники гетто. Примерно 800 евреев участвовали в партизанском движении на территории России — в Смоленских, Брянских и Орловских лесах, в Ленинградской, Псковской и Калининской областях, на Северном Кавказе и в Подмоскowie. Десятки бывших узников гетто находились в партизанских отрядах Латвии и Молдавии.

Таким образом, общая численность евреев-партизан на территории СССР составляла около 17 500 человек. Примерно 10% еврейских партизан погибли в бою с врагом, в том числе (по далеко не полным официальным данным) 721 — в Белоруссии¹²³ и 300 — в Украине¹²⁴. Многие партизаны были награждены боевыми орденами и медалями.

Глава 5 ОБЩЕСТВО И ХОЛОКОСТ

5.1. Кремль и Холокост

Отношение советского правительства к Холокосту разбивается на несколько хронологических этапов:

- после прихода Гитлера к власти и до заключения пакта Молотова — Риббентрона (1933 г. — август 1939 г.);
- после вступления СССР во Вторую мировую войну и до начала Великой Отечественной войны (17 сентября 1939 г. — 21 июня 1941 г.);
- в период Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. — 9 мая 1945 г.);
- после окончания войны и вплоть до распада СССР.

В этой важной теме мы выделим и рассмотрим несколько проблем: отношение правительства страны к преследованию нацистами евреев; решение вопроса о еврейских беженцах; степень информированности советского руководства о Холокосте и меры по организации спасения жертв; причины замалчивания Холокоста во время Великой Отечественной войны и отношение властей к сохранению памяти о Холокосте; роль Сталина в формировании и проведении советской политики по данному вопросу¹.

На каждом из этих этапов отношение советского руководства к жертвам Холокоста отличалось многими нюансами и не было однозначным. Понять и объяснить его невозможно вне контекста национальной и внешней политики Кремля в конце 30-х—40-х гг. В свою очередь, анализ поставленных вопросов позволяет более детально проследить истоки сталинской политики государственного антисемитизма на рубеже 40—50-х гг., рассмотрение которой вот уже долгие годы привлекает внимание многих отечественных и зарубежных исследователей².

РЕАКЦИЯ НА ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЕВРЕЕВ В ГЕРМАНИИ

С момента прихода Гитлера к власти и до заключения пакта с Германией руководство СССР неоднократно осуждало расовую и антисемитскую политику нацистов. Не только нарком иностранных дел М. М. Литвинов, как принято считать, но и другие высокопоставленные советские чиновники заявляли о резком осуждении такой политики. В этом ряду обличительных заявлений, где антисемитизм был лишь одним из аргументов показа античеловеческой сущности нацизма, несколько в ином ключе прозвучали слова главы советского правительства В. М. Мо-

лотова на VIII Чрезвычайном Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. Он не только цитировал антиеврейские Нюрнбергские законы 1935 г. и говорил о преследовании евреев. Председатель СНК СССР впервые публично огласил высказывание Сталина из интервью 1931 г. Еврейскому телеграфному агентству в США с осуждением антисемитизма. Но самым необычным в речи Молотова было следующее. Из его уст первый и последний раз на столь высоком официальном уровне открыто прозвучали слова о симпатии к народу, «породившему» Карла Маркса и многих «крупнейших представителей науки, техники и искусства». Говоря о «братских чувствах к еврейскому народу», Молотов подчеркивал, что «этим определяется наше отношение к антисемитам и антисемитским зверствам, где бы они ни происходили»³.

Официальная позиция советского правительства находила прямое отражение в средствах массовой информации. В советской прессе вплоть до 20-х чисел августа 1939 г. регулярно появлялись сведения о преследовании нацистами евреев Германии. Не замалчивалась даже попытка Гитлера обвинить «еврейскую интеллигенцию» в захвате власти в СССР над «великим народом», о чем саркастически писала в передовой статье 22 февраля 1938 г. газета «Правда».

В центральных газетах особенно широко освещались события «Хрустальной ночи» — погромы в Германии в ночь с 9 на 10 ноября 1938 г., когда были сожжены и разрушены почти все синагоги, а также погибло около 100 евреев. Газеты публиковали сообщения о протестах во всем мире, в том числе о собрании, состоявшемся 15 ноября в Большом зале Московской консерватории и принявшем соответствующую резолюцию с осуждением антисемитских эксцессов от имени «советской интеллигенции». Понятно, что проведение такого собрания могло быть инициативой и допущено только с санкции высшего партийного руководства. Выступления на собрании транслировались по Всесоюзному радио. Аналогичные митинги с протестом против погромов в Германии прошли и в некоторых других городах страны⁴.

Именно в этот период «Правда» (18 ноября 1938 г.) поместила передовую статью с резким осуждением антисемитской политики нацистов и цитированием сталинского определения антисемитизма как пережитка каннибализма. Только за ноябрь 1938 — январь 1939 г. центральные советские газеты «Правда» и «Известия» опубликовали соответственно 39 и 28 статей о преследованиях евреев Германии и антисемитизме в Европе (в том числе Ильи Эренбурга)⁵. Сотни статей и комментариев на эту тему поместила издававшаяся на идише газета «Дер Эмес» («Правда»)». ⁶

Впрочем, громкие декларации не приводили к каким-либо практическим шагам. Уже на этом этапе позиция СССР в вопросе возможного приема еврейских беженцев из Германии была весьма осторожна и мало чем отличалась от подходов «западных демократий». Более того, Советский Союз не принимал участия и не делал никаких официальных

завешенный в связи с международной конференцией по вопросу о еврейских беженцах во французском городе Эвиане в июле 1938 г.

Очевидно, это объясняется тем, что уже в 1934—1935 гг., как установил Г.В. Костырченко, Кремль определился с вопросом о возможном переселении беженцев из Германии в СССР. Лидерам некоторых международных еврейских организаций казалось, что в недавно созданную Еврейскую автономную область можно переселить десятки тысяч евреев рейха. Между тем утвержденные Политбюро постановление от 28 апреля 1935 г. «О переселении евреев в Биробиджан» и особенно секретные «Правила о порядке въезда из-за границы в СССР трудящихся евреев на постоянное жительство в Еврейскую автономную область» от 9 сентября 1935 г. фактически закрыли доступ в страну массовой эмиграции евреев Германии. В соответствии с этими «Правилами» органы НКВД должны были установить пролетарское происхождение эмигрантов и их возможность заниматься физическим трудом. Беженцы были обязаны принять советское гражданство и иметь при себе не менее 200 долларов.

Несколько позднее правительство отказало действовавшему до 1938 г. в СССР «Агро-Джойнту», предложившему принять в 1936—1937 гг. нескольких тысяч еврейских беженцев и выразившему готовность полностью профинансировать эту операцию. Было дано согласие лишь на въезд ограниченной группы евреев — ученых, инженеров и врачей. Советское правительство также выразило готовность принять «по линии Джойнта» не более 150—200 семей, но исключительно из Польши, Литвы и Румынии?

Зарубежные еврейские организации предлагали Советскому правительству различные варианты финансовой компенсации за прием беженцев, но экономические соображения явно уступали политическим, прежде всего внутриполитическим. Можно ли объяснять такой подход лишь тем, что страна была охвачена шпиономанией и террором? Этот аргумент важен, но недостаточен. Ведь в конце 30-х гг. СССР принял тысячи беженцев, прежде всего детей из Испании, всячески подчеркивая свой интернациональный долг. В то же время прием беженцев-евреев из Германии был ограничен семьями коммунистов (большинство из них были впоследствии репрессированы, а некоторые — выданы гестапо) и многих известных деятелей культуры и спорта, включая экс-чемпиона мира по шахматам Эммануила Ласкера (который, как и ряд других знаменитостей, надолго в СССР не задержался). Так или иначе, но пропагандистская поддержка и заверения в «симпатиях» к евреям не привели к каким-либо практическим шагам по помощи этим жертвам нацизма уже на первом этапе Холокоста в Германии.

Именно к этому периоду относится упрек бывшего посла СССР в Болгарии Федора Раскольникову Сталину, что тот «равнодушно предоставил гибели» тысячи евреев, «бегущих от фашистского варварства»,

хотя СССР «на своих огромных просторах может приютить многие тысячи эмигрантов»⁸. «Открытое письмо» Раскольникову Сталину было опубликовано в сентябре 1939 г. во Франции, и некоторые исследователи связывают его с отказом принять еврейских беженцев из Польши после начала Второй мировой войны. Но в сентябре 1939 г. еврейские беженцы практически свободно проникали на территорию Восточной Польши, где еще шли ограниченные боевые действия. Сам же Раскольников к этому времени не мог иметь информацию о планах и действиях Кремля. По нашему мнению, он сообщал о более ранних решениях Советского правительства, касавшихся евреев Германии. Эти сведения вполне могли быть известны высокопоставленным советским дипломатам.

Еще менее логичным представляется объяснение решений не принимать в СССР евреев Германии «антисемитской политикой» советского руководства. Как показано выше, в этот период она таковой не являлась. Лишь весной 1939 г. в СССР начинают вызревать, по определению Г.В. Костырченко, «первые признаки» «официального антисемитизма»⁹. Имелся отставка народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова и ряда других видных дипломатов-евреев обычно рассматривается как явная уступка Гитлеру и наиболее яркая иллюстрация этой тенденции¹⁰.

Действительно, уход Литвинова и его ближайшего окружения с политической авансцены был важным симптомом значительных изменений в советской внешней политике. Однако еврейское происхождение «отставников» вряд ли играло решающую или даже существенную роль. Если бы начавшийся поиск путей сближения с Германией действительно предполагал изгнание евреев с руководящих постов, то многие важные назначения этого периода в советской элите не были бы возможны.

Кадровая политика в Советском правительстве накануне Второй мировой войны представляется отнюдь не однозначной. По словам Ильи Эренбурга, это были «времена, когда судьба человека напоминала не шахматную партию, но лотерею»¹¹. Действительно, «этнические чистки» (касавшиеся также поляков, латышей, литовцев, немцев и представителей других народов, имевших собственную государственность) прокатились в 1938—1939 гг. по центральным аппаратам органов безопасности и внешней разведки, внешнеполитических и экономических ведомств, затронули партийных функционеров. Отметим, что эти чистки не были тотальными даже среди дипломатов «литвиновской школы» (сохранили свои посты посол в Англии И.М. Майский и ряд других советских послов-евреев и высокопоставленных сотрудников НКВД).

Сам же опытный нарком иностранных дел СССР осенью 1939 г. получил новое назначение, напрямую связанное с советско-германскими отношениями. Именно Литвинов возглавил смешанную советско-германскую комиссию по эвакуации (она занималась обменом славянского и немецкого населения на захваченных обеими странами территории Польши)¹².

Назначение Литвинова на эту должность (с немецкой стороны комиссию возглавил фон Твардовски) предполагало его постоянные контакты с нацистами. Причем по одному из важнейших на тот период вопросов советско-германских отношений, напрямую затрагивающему и евреев¹³. Вряд ли в этом следует усматривать умышленный демарш со стороны Сталина, явно заинтересованного в улучшении отношений с Германией. Но это несколько неожиданное назначение ставит под сомнение общепринятое утверждение, что именно национальность бывшего наркома¹⁴ (и ненависть Гитлера к Литвинову как еврею, о чем свидетельствовали многие современники, включая У. Черчилля) была основной причиной его отставки. Кстати, никаких протестов с германской стороны на новое назначение бывшего наркома не поступало.

Весьма символичесен возврат в большую политику (одновременно с отставкой Литвинова) Соломона Лозовского¹⁵. Бывший в 1921—1937 гг. руководителем Профинтерна (аналога Коминтерна в международном профсоюзном движении), он занимал до этого скромную должность директора Гослитиздата. Лозовский был назначен на ответственный пост заместителя наркома иностранных дел, курирующего проблемы Дальнего Востока. Впоследствии он (как заместитель А.С. Щербакова, являвшегося одновременно секретарем ЦК и первым секретарем Московского горкома партии) фактически возглавит текущую работу Совинформбюро в годы войны, оставаясь заместителем Молотова по НКВД. Несомненно, что эти его назначения, как и избрание членом ЦК партии, были санкционированы Сталиным.

В этот же период пост заместителя председателя Совета народных комиссаров (СНК) СССР впервые получила женщина — «старая большевичка» Розалия Землячка. Все эти назначения не вполне вписываются в «начало политики официального антисемитизма».

Вряд ли в ходе кадровых перестановок в высших эшелонах власти этот и последующий периоды (равно как и при подготовке политических процессов 30-х гг.) Сталин опасался обвинений в антисемитизме и вынужден был маневрировать. Не проследживается здесь (как и в случае снятия отдельных деятелей с тех или иных постов государственной или партийной элиты) стремление учесть мнение Берлина. Несомненно, что принцип личной преданности преобладал для Сталина перед всеми иными и был главным критерием при решении «кадровых» вопросов и судьб тех или иных деятелей.

Сама же по себе отставка Литвинова никак не сказалась на отношении к Холокосту. В советской прессе продолжалось осуждение антисемитизма в Германии; демонстрировались антифашистские художественные фильмы, где нацистская политика в еврейском вопросе представлена весьма выпукло («Семья Оппенгейм» по одноименному роману Л. Фейхтвангера, «Профессор Мамлок» по сценарию Ф. Вольфа и другие).

Таким образом, советское правительство вплоть до заключения пакта о ненападении оказывало евреям Германии моральную поддержку, но не сделало никаких существенных шагов для оказания им практической помощи.

ЕВРЕЙСКИЕ БЕЖЕНЦЫ

После заключения советско-германского пакта в августе 1939 г. начинается новый этап в отношении Кремля к Холокосту. Советское правительство вынуждено было уже непосредственно решать проблему еврейских беженцев. Если ранее к Советскому правительству по этому вопросу обращались международные еврейские организации и речь шла об ограниченном количестве людей, то теперь вопрос стал рассматриваться на уровне двусторонних отношений с Германией, ее союзницей Японией и некоторыми нейтральными государствами.

Проблему еврейских беженцев Кремлю пришлось решать по нескольким аспектам. Прежде всего в рамках комиссии Литвинова — Твардовски, занимавшейся взаимным обменом населения в захваченных зонах на территории Польши. Официально евреи среди народов, подпадающих этому обмену, не значились. И если германские власти практически не препятствовали бегству евреев, то их нелегальное проникновение на советскую территорию пресекалось пограничниками и войсками уже с ноября 1939 г.

В 1939—1941 гг. проблема беженцев в ходе советско-германских переговоров поднималась неоднократно. 27 декабря 1939 г. СССР согласился дополнительно принять 14 тысяч человек (преимущественно евреев) и выпустить из Советского Союза 60 тысяч беженцев (часть из них также составили евреи, не принявшие «советизацию»). Значительное число беженцев-евреев, отказавшихся получить советские паспорта, также было депортировано в германскую зону.

Самым драматичным и малоизвестным эпизодом советско-германских отношений этого периода явилось неожиданное предложение в начале 1940 г., последовавшее из возглавлявшихся соответственно Р. Гейдрихом и А. Эйхманом Берлинского и Венского бюро по делам еврейской эмиграции. Они обратились к Советскому правительству с просьбой принять еврейских беженцев из рейха в ЕАО или Западную Украину. Вопрос был, несомненно, рассмотрен высшим советским руководством. Единственным документальным подтверждением этого является сохранившаяся в архиве В.М. Молотова записка начальника Переселенческого управления при СНК СССР Е.М. Чекменева от 9 февраля 1940 г. В ней отказ принять еврейских беженцев мотивировался сугубо формальными обстоятельствами:

«По соглашению Правительства СССР с Германией об эвакуации населения на территорию СССР эвакуируются лишь украинцы, белорусы,

русские и русские. Считаем, что предложения указанных переселенческих бюро не могут быть приняты»¹⁶.

В немецком предложении речь шла о примерно 350 000—400 000 евреев рейха (Австрия, Германия, Чехословакия) и около 1 800 000 польских евреев, частично проживавших на землях, присоединенных к Германии, а также во вновь созданном генерал-губернаторстве. Таким образом, судьба более трети будущих жертв Холокоста оказалась в руках Советского правительства.

Отметим, что ни к одной другой стране Германия не обращалась с предложением принять целиком свою еврейскую общину. Видимо, в этом предложении сказались стереотипы мышления нацистских вождей о СССР как стране, «контролировавшей жидо-большевиками». Дата обращения еще раз подтверждает факт, что в 1940 г. нацисты не планировали физически уничтожить весь еврейский народ, а судорожно искали пути «избавления от евреев» (в феврале того же 1940 г. появляются проекты переселения евреев на Мадагаскар или создание «резервации» в районе Люблина). Своим отказом Советский Союз (пусть и косвенно) содействовал выработке иных методов «решения еврейского вопроса».

При этом властям было прекрасно известно о тяжелейшем положении евреев не только в Германии, но и на территории Польши. В начале 1940 г., т.е. в то же время, когда власти СССР рассматривали предложение о массовом переселении евреев Германии, будущие деятели Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) в СССР литературовед И.М. Нусинов и поэт Перец Маркиш встретились с С.А. Лозовским, чтобы проинформировать его о тяжелом положении узников варшавского гетто и содействовать хотя бы части из них в переселении в СССР. Лозовский обещал помочь, но сделать этого не смог¹⁷.

В чем же была основная причина отказа принять беженцев из Германии? В записке Чекменева «за кадром» явно остались мотивы такого решения, которое несомненно было согласовано с высшим советским руководством. Возможно, его испугали масштабы предлагаемой эмиграции. Известно, что ЕАО нуждалась в притоке населения, но была готова принимать около 15 тысяч человек в год. Об этом свидетельствует обращение в Кремль партийного руководителя области Г.Н. Сухарева, последовавшее в апреле 1940 г., с предложением переселить в течение 2—3 лет 30—40 тысяч евреев из Западной Украины и Белоруссии (фактически речь шла о беженцах)¹⁸. Однако даже нескольким десяткам тысячам евреев рейха, которые могли бы попасть в СССР до 22 июня 1941 г., было отказано в такой вполне реальной возможности.

Ни перспективы развития области, ни судьба евреев Германии в этот период советское правительство не интересовали. Разгромив «Агро-Джойнт», советские власти уже не могли рассчитывать на финансовую поддержку еврейских организаций. Не просматривались и иные экономические мотивы либо политические дивиденды. Возможно, учитывая

лись и финансово-организационные сложности, особенно в связи с эмиграцией в СССР большого количества беженцев из Испании.

Зато «минусы» положительного решения этого вопроса накануне будущей войны и в период «обострения классовой борьбы» были очевидны — система была пронизана шпиономанией и опасением получить «лягушку колонну». 10 апреля 1940 г. СНК утвердил особую инструкцию НКВД, дававшую право переселять всех людей, не принявших советское гражданство, в качестве спецпереселенцев в отдаленные районы страны¹⁹. Еще более ужесточился контроль за пересечением границы еврейскими беженцами. Осенью 1940 г. по погранзаставам был разослан циркуляр НКВД, в котором называлось несколько категорий беженцев — потенциальных немецких шпионов. Среди них были названы и польские евреи, «использовавшиеся немцами на принудительных работах»²⁰. Поскольку только люди моложе 14 и старше 60 лет не привлекались нацистами к принудительным работам, то в глазах НКВД практически любой взрослый еврей мог подозреваться в шпионаже.

Возможно, это являлось одним из мотивов, которым руководствовался Сталин, отказываясь принять немецких евреев в «советскую землю обетованную» в Биробиджане. Справедливости ради необходимо отметить, что вряд ли евреи Германии добровольно последовали бы на малообжитой Дальний Восток. Когда 21 ноября 1935 г. около 200 еврейских бизнесменов обсуждали в Гамбурге вопрос о том, какие иностранные языки должны изучаться в еврейских школах Германии в свете будущей эмиграции, председательствующий, известный банкир Макс Варбург, сразу оговорился:

«Русский язык и, соответственно, Россия исключаются»²¹.

Впрочем, иностранные евреи вскоре массово посетят Биробиджан, но в связи с совершенно иными обстоятельствами...

В литературе достаточно подробно описана благородная деятельность японского консула в Литве Ш. Цугихары, выдавшего тысячи виз польским и литовским евреям (символично, что как и в случае с Р. Валленбергом в судьбе этого Праведника Народов Мира определенную роль сыграли советские органы госбезопасности. В 1944 г. в Румынии они интернировали жену работавшего там после Литвы дипломата, которая три года провела затем в ГУЛАГе).

Любопытно, что формальным инициатором проезда по транзитным визам через СССР еврейских беженцев выступил еще в конце 1939 г. МИД Литовской республики, остававшейся независимой до середины июня 1940 г. С просьбой о поддержке по этому вопросу к советскому послу в Лондоне Ивану Майскому обращался и главный раввин Палестины, ходатайствовавший о пропуске через территорию СССР слушателей и преподавателей иешив (еврейских религиозных учебных заведений). Майский не только обещал содействие, но и выражал готовность советской стороны оплатить расходы по их проезду.

Перевозку 5000 пассажиров планировалось осуществить через Каунасское отделение «Интуриста»²².

Первоначально просьба МИД Литвы была отвергнута новым наркомом иностранных дел В.М. Молотовым в декабре 1939 г. Примечательно, что в этот период японские визы были не нужны: правительство Литвы просило о пропуске через Одессу в Хайфу нескольких тысяч польских евреев, получивших визы еще накануне Второй мировой войны и оказавшихся в Вильно (как известно, по советско-германскому пакту этот город и так называемый Виленский край отошли к Литве).

Повторно по этому же вопросу к Молотову летом 1940 г. (уже после «добровольного вхождения Литвы в состав СССР») обратился... заместитель наркома внутренних дел СССР, руководитель 5-го (Иностранного) отдела НКВД В.Г. Деканозов. Свое письмо один из ближайших соратников Л.П. Берия начал с информации о готовности беженцев проехать через территорию СССР в качестве иностранных туристов с выплатой около 1 миллиона инвалютных рублей. Напомнив историю вопроса с вариантом отплытия из Одессы, Деканозов высказал предположение, что в условиях войны такое путешествие было бы небезопасным, и передал информацию о готовности японцев выдать беженцам транзитные визы. В итоге вопрос решился положительно.

Сыграл ли здесь свою роль экономический фактор либо у НКВД были свои собственные цели по использованию «транзитников», направлявшихся не столько на Ближний Восток через Дальний, но в США и другие государства на американском континенте (где они в основном (помимо Харбина) и оказались)? Можно предположить, что в расчет принимались оба эти обстоятельства. В любом случае удачное посредничество спецслужб (как известно, Ш. Цугихара работал и на японскую разведку) оказалось, как никогда, кстати.

Косвенно о заинтересованности советской разведки в отправки через Японию максимально возможного числа беженцев (включая, возможно, «своих людей») говорят переговоры НКВД СССР и посольства Японии в Москве о возможности пересечения беженцами сухопутной границы между СССР и марионеточным государством Маньчжоу-Го, находившимся под японским контролем. На прямой запрос японских властей: «Все ли эти эмигранты являются евреями?» — последовал ответ: «В числе эмигрантов, следующих транзитом на Дальний Восток и далее, имеются лица разных национальностей, но подавляющее большинство из них — евреи».

Судя по всему, этот вариант пересечения сухопутной границы осуществлен не был. А вот начало транзита морским путем складывалось весьма удачно²³.

Осенью 1940 г. люди в цивильных костюмах и традиционной хасидской одежде (в том числе учащиеся знаменитой Воложинской нешывы) стали клиентами Интуриста. Привлекая москвичей своей необычной

внешностью и речью, несколько тысяч беженцев, отдохнув в лучшей тогда гостинице «Метрополь», становились пассажирами транссибирского экспресса. Далее их путь лежал во Владивосток (с символической остановкой в столице ЕАО Биробиджане).

Весной 1941 г. непростая ситуация в советско-японских отношениях нашла отражение в примечательном дипломатическом скандале. 2 марта 1941 г. японский пароход «Амакусомару» направился в порт Кобе с 416 беженцами на борту. Однако 13 марта японские власти отказали во въезде 74 пассажирам. Советский МИД был проинформирован, что 66 прибывших в Японию беженцев имели просроченные визы, а у восьми пассажиров они были неверно оформлены. Японцы сообщали, что все 74 беженца будут отправлены назад ближайшим рейсом.

Вариант а-ля «Сейт-Луис» (как известно, этот теплоход с немецкими евреями не был принят сначала Кубой, а затем США и вернулся в Европу, где почти все его пассажиры стали жертвами Холокоста) с Советским Союзом не прошел.

Власти Владивостока 18 марта отказались принять назад беженцев, а с помощью американского консула во Владивостоке все они получили американские визы и вновь отбыли в Японию. Японские власти попытались отправить назад хотя бы восьмерых «пелегалов» и приостановить дальнейший транзит всех беженцев, не имевших отметку японского консула во Владивостоке. Однако они получили достойный отпор.

1 апреля 1941 г. заведующий консульским отделом НКВД СССР Г.Н. Зарубин заявил секретарю японского посольства в Москве Сумио:

«Так как мы своевременно не были поставлены в известность об аннулировании японскими властями ранее выданных виз, то мы категорически настаиваем на том, чтобы все эмигранты, находящиеся в настоящее время во Владивостоке и имеющие транзитные визы японского консула, были вывезены в Японию на ближайшем же пароходе»²⁴.

В результате советские дипломаты победили и все беженцы сумели до начала Великой Отечественной войны покинуть СССР. Напомним, что именно С.А. Лозовский курировал советскую дальневосточную политику как заместитель наркома иностранных дел.

Таким образом, СССР был последователен и настойчив в предоставлении возможности нескольким тысячам евреев покинуть территорию Советского Союза, отказываясь в то же время допустить их эмиграцию из самой Германии.

Но эта помощь еврейским беженцам была локальна. Она касалась не въезда, а выезда их из страны. Советское правительство (наряду с так называемыми «западными демократиями») несет полную ответственность за судьбу евреев Германии и оккупированных ею к 1940 г. стран. Отказ принять еврейских беженцев в ЕАО означал для подавляющего большинства из них смерть в лагерях уничтожения и гетто.

После заключения советско-германского пакта официальное отношение советского правительства к теме Холокоста резко изменилось — тема преследования евреев исчезла из арсенала коммунистической пропаганды вплоть до начала Великой Отечественной войны. Но было ли это следствием идеологических рокировок в «еврейском вопросе»? Очевидно, что эти умолчания диктовались тактическими соображениями в рамках отношений с Германией как «дружественной державой».

В свою очередь, это способствовало информационному вакууму о Холокосте среди советских евреев. Но даже эта дружественная Германия политика имела свои нюансы. Например, несколько неожиданным выглядело появление с 8 января 1941 г. на страницах газеты «Труд» перепечаток из американской прессы статей известного писателя Лиона Фейхтвангера, бежавшего в США из вишистской части Франции. Антигитлеровские позиции писателя были хорошо известны и в Москве, и в Берлине. Самое пикантное в этой ситуации состоит в том, что публикация статей автора «Москва, 1937» и «Семья Оппенгейм» последовала после звонка в редакцию из секретариата Сталина²⁵. Такими публикациями (по не в «главных» газетах — «Правде» или «Известиях») Кремль, как бы посылал сигнал Западу, что не разделяет нацистскую идеологию. Но возможно и иное объяснение очередного крутого выража советской политики. Как показано выше, примерно в те же сроки в Москве рассматривался вопрос о приеме евреев из рейха. Его возможное положительное решение потребовало бы обоснования в глазах населения (пусть и косвенного). Именно в этот период напоминание о знаменитом еврейском писателе, бежавшем в Америку от преследований Гитлера, было весьма кстати. Когда же Кремль определялся в вопросе о приеме беженцев из рейха, публикации статей Фейхтвангера прекратились так же неожиданно, как и появились.

Советскому правительству пришлось в этот период заниматься «еврейским вопросом» и внутри страны. В 1939—1940 гг. еврейское население СССР выросло более чем на 2 миллиона и составило 5 миллионов человек, став самой большой еврейской общиной Европы. Только на территории Восточной Польши, аннексированной СССР, проживал 1 270 000 евреев. Около 250 000 евреев проживало в странах Балтии и примерно 375 000 в Бессарабии и Северной Буковине²⁶.

С осени 1939 г. и вплоть до начала Великой Отечественной войны не менее 300 000 евреев-беженцев из Польши оказалось на аннексированной Советским Союзом территории. В результате еврейское население Львова составило 180 000, а Вильно — 70 000 человек. Для многих жителей вновь присоединенных к СССР территорий и беженцев сталинская внутренняя политика оказалась непривлекательной по политическим, экономическим или религиозным причинам. Достаточно упомянуть об известном Указе Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. о переходе на семидневную (непрерывную) рабочую неделю. Мно-

гие люди, лишённые возможности соблюдать субботу и преследуемые в случае невыхода на работу в судебном порядке, расценили этот указ как направленный против еврейской религии²⁷. К тому же на вновь присоединённых землях синагоги закрывались значительно в большем количестве, чем православные и католические храмы. В то же время открывались многочисленные еврейские начальные и средние школы, где обучение велось на идише (такие школы в пределах «старой границы» почти повсеместно были закрыты годом ранее).

Запрет на политическую деятельность, закрытие общинных организаций, периодических изданий, отношение к частной собственности, преследование языка иврит не могли не сказаться на изменении позиции многих людей. Немало еврейских лидеров и активистов разных организаций было репрессировано. Только в Западной Белоруссии и Западной Украине до мая 1941 г. были арестованы и оказались в исправительно-трудовых лагерях, по разным источникам, от 11 тысяч до 23 590 евреев²⁸.

В феврале—марте 1940 г. была проведена паспортизация населения в Западной Белоруссии и Западной Украине. Беженцам запрещалось жить вдоль границ и в крупных городах. Те, кто отказался принять советское гражданство и не захотел вернуться в захваченную немцами часть Польши, оказались в числе первых депортированных. Общее число евреев среди сотен тысяч людей, насильственно вывезенных из Западной Украины и Западной Белоруссии в Сибирь и северные районы России, составило около 30%²⁹. Из Латвии и Литвы, по разным оценкам, только в июне 1941 г. было выслано от 20 до 30 тысяч человек (из каждой республики), среди которых число евреев было также весьма заметным³⁰. По советским официальным данным (вероятно, заниженным), число депортированных евреев — бывших граждан Польши составило 120 тысяч человек³¹.

Разумеется, все это не способствовало усилению симпатий евреев из Польши, стран Балтии и Румынии (среди которых лишь незначительная часть участвовала в подпольном коммунистическом движении) к Советской власти. Если в первые месяцы после начала Второй мировой войны естественное чувство самосохранения заставляло их всеми способами бежать из нацистской зоны оккупации, то уже довольно быстро многие беженцы (как и жители вновь присоединённых территорий) были не прочь вырваться из Страны Советов. Как показано выше, число вернувшихся в немецкую зону оккупированной Польши составило несколько десятков тысяч человек. Многие недовольные советской политикой, не сумевшие сделать это до 22 июня 1941 г., составили немалую долю тех, кто не пожелал попытаться эвакуироваться после начала Великой Отечественной войны. Судьба их была печальна — почти все они стали жертвами Холокоста.

РЕАКЦИЯ НА ХОЛОКОСТ

Вопрос об отношении Советского правительства к судьбе своих сограждан-евреев после нападения нацистов является центральным для третьего выделенного нами этапа.

В то время, когда летом—осенью 1941 г. Красная Армия терпела сокрушительные поражения, а нацистская пропаганда активно использовала тезис о борьбе с еврейским засильем в руководстве и местных органах власти Советского Союза, реальная помощь потенциальным жертвам Холокоста могла быть осуществлена прежде всего посредством их информирования о грозящей угрозе.

Что же знали о Холокосте в Кремле? В летние месяцы 1941 г. до Москвы по разным каналам доходили сведения о массовом уничтожении евреев. Систематически поступала информация по партийной линии; в ЦК направлялись сводки НКВД о положении на оккупированных территориях; аналогичная информация по линии военной разведки поступала из Генштаба; важные сведения сообщали бежавшие из плена и вышедшие из окружения советские военнослужащие; оказавшиеся на оккупированной территории и переходившие линию фронта советские и партийные функционеры уже с конца июня информировали об этом партийные органы.

Первое сообщение Сталину партийного руководителя Белоруссии П.К. Пономаренко, будущего начальника Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД), о том, как еврейское население отреагировало на нацистское вторжение, датировано 25 июня 1941 г. Правда, интерпретация массового бегства евреев была весьма своеобразной:

«Их объял животный страх перед Гитлером, а вместо борьбы — бегство»³².

Обычно исследователи цитируют только эту фразу из письма Пономаренко (обвиняя его в антисемитизме) и опускают другую, не менее важную фразу о нацистской пропаганде:

«Вся их агитация, устная и письменная, идет под флагом борьбы с жидами и коммунистами, что трактуется как синонимы».

Несмотря на субъективность оценок (далее автор пишет, что пропаганда в этом духе не принимается населением), в данном письме точно отражены два процесса: массовое бегство евреев из городов и антисемитизм как центральный пункт нацистской пропаганды. Отметим, что Пономаренко пользуется словом «жиды», давно изъятым из советского официального лексикона.

В другом своем сообщении, «О положении в оккупированных областях Белоруссии», датированном 19 августа 1941 г., Пономаренко уже не обвиняет евреев, а приводит ряд фактов расправы над ними в различных населенных пунктах республики. Очень важен его обобщающий вывод:

«Еврейское население подвергается беспощадному уничтожению.

В Логойщине все еврейские семьи были выгнаны на улицу и расстреляны на глазах у населения. В Бресте немцы подожгли некоторые дома, населенные евреями, не дали им выйти, и все сгорели живыми. В Погосте, Минской области, немецкий офицер вывел евреев на окраину деревни, приказав им вырыть могилу и после этого расстрелял. В местечке Щедрич евреев запрягли в подводы, возили на них клевер, а потом расстреляли. В Жабинке 16 евреев впрягли в орудие и, погоняя плетью, заставили тащить орудие по песчаной дороге.

Такие факты многочисленны»³³.

Обращает на себя внимание некоторая противоречивость текста. Отметим, что он писался под сильным обстрелом, о чем свидетельствуют последние слова этого сообщения:

«Нельзя закончить, посылаю в неоконченном виде».

В этом документе, с одной стороны, говорится о «беспощадном уничтожении евреев» и «многочисленности фактов» расправы над ними. Но приведенные примеры не говорят о массовом уничтожении в крупных населенных пунктах. Например, в Бресте, который упоминается в донесении, к этому времени было уничтожено уже несколько тысяч евреев-мужчин. Складывается впечатление, что руководитель Белоруссии в данный момент обладал лишь отрывочной информацией. Но и интерпретация известных ему фактов проведена под определенным углом зрения. Так, Пономаренко дает классификацию нацистской пропаганды по четырем направлениям, среди которых он не только не выделял, но даже и не упоминал антисемитизм (хотя уже в первом своем сообщении обратил на него внимание Кремля).

О расправах над евреями-военнопленными сообщали и вырвавшиеся из плена бойцы Красной Армии. Эта информация поступала в Кремль через Главное политическое управление (ГЛАВПУР) Красной Армии, которое в 1941—1942 гг. возглавлял Лев Мехлис.

В начале войны 4-е Управление НКВД во главе с майором Павлом Судоплатовым, известным советским разведчиком, получило задание по сбору информации о положении на оккупированной территории. Составлявшиеся республиканскими НКВД периодические сводки (о положении на оккупированной территории отдельных республик и городов; агентурные сведения; данные разведки и радиоперехвата) обобщались в Москве и докладывались руководителю органов госбезопасности Л. П. Берня. Аналогичные сводки готовились в Разведуправлении Генштаба Красной Армии. Несомненно, что наиболее важная информация докладывалась Сталину. Секретарь ЦК по идеологии (по совместительству — начальник Совинформбюро) А. С. Щербаков регулярно получал такие сводки двух ведомств с 25 августа 1941 г.³⁴ С конца сентября выдержки из отдельных сообщений передаются по инициативе руководства НКВД в Совинформбюро (на имя заместителя начальника этого учреждения С. А. Лозовского).

В каждой из них (хотя и в весьма отрывочной и лапидарной форме) содержалась информация об уничтожении евреев-военнопленных и мирного населения. Отметим, что информация агентов НКВД чаще всего была ретроспективной, с задержкой на несколько недель, а то и месяцев. Обобщающие сводки также лишь констатировали судьбу евреев; их авторы не предлагали никаких мер по оказанию практической помощи жертвам.

К середине августа 1941 г. советское руководство имело точную информацию о массовом уничтожении еврейского населения. Тем не менее каких-либо инструкций по оказанию содействия еврейским семьям, пожелавшим индивидуально эвакуироваться, сделано не было. Вряд ли это бездействие имеет антисемитский подтекст. Не только организационный хаос в условиях молниеносного наступления вермахта и жестоких поражений Красной Армии, но и идеологический фактор — «борьба с пораженческими настроениями и слухами»; обещания любой ценой отстоять тот или иной населенный пункт; решение о прекращении эвакуации из прифронтовой зоны — практически не оставляли шансов на появление каких-либо специальных решений или инструкций, касающихся евреев.

Единственной возможностью реально помочь еврейскому населению осознать нависшую над ним угрозу было его широкое информирование о нацистском геноциде. Косвенно эту задачу выполнил радиомитинг, инициированный еврейскими писателями и деятелями культуры Москвы (впоследствии почти все они стали руководителями или членами ЕАК).

В ответ на их обращение к секретарю ЦК по идеологии Александру Щербакову власти дали разрешение на проведение 24 августа радиомитинга еврейской общественности. В отличие от его инициаторов, Кремль был заинтересован прежде всего в важной пропагандистской акции, рассчитанной на еврейские общины за рубежом, что могло привести к оказанию эффективной военной и финансовой помощи со стороны США и Англии.

Трансляция по Всесоюзному радио выступлений выдающихся деятелей еврейской культуры, известных ученых и писателей имела важнейшее значение по оповещению населения о грозящей опасности. Информацию о митинге на следующий день поместила центральная пресса. Помимо призывов к активной борьбе с оккупантами, многие выступавшие, в частности актер и режиссер С. Михоэлс, говорили о зловещих планах нацистов истребить весь еврейский народ³⁵. Для многих евреев именно эта информация помогла принять решение об эвакуации и спастись³⁶.

Однако она никак не могла помочь евреям-беженцам из западных областей Советского Союза и тем, чьи населенные пункты были захвачены ранее проведения радиомитинга. На «старой границе» советские

войска и пограничники задерживали всех «западников», не имевших на руках документа о разрешении на эвакуацию либо партийного билета. Тысячи людей именно по этой причине оказались в руках нацистов. Это произошло в первые, самые драматичные дни войны, когда подавляющее большинство беженцев эвакуировалось самостоятельно. Несомненно, что в этот период, несмотря на массу военных и экономических проблем, вопрос о пропуске через «старую границу» еврейских беженцев мог быть решен правительством положительно. Однако никаких официальных приказов не только о содействии, но хотя бы о снятии ограничений при переходе «старой границы» сделано не было.

Видимо, отсутствие в течение всего периода после захвата нацистами Польши достоверных сведений о преследовании евреев ввело в заблуждение прежде всего представителей военной и гражданской администрации, способных обеспечить эвакуацию тех групп населения, которым грозила опасность. Нельзя сбрасывать со счетов и роль антисемитской нацистской пропаганды, которая усиленно подчеркивала, что власти заботятся прежде всего именно о евреях.

Было ли умалчание в СМИ накануне войны главным аргументом, повлиявшим на решение многих советских евреев не эвакуироваться на Восток после начала Великой Отечественной войны?

С этим весьма распространенным утверждением можно согласиться лишь отчасти. Во-первых, сведения о преследовании нацистами евреев Германии были хорошо известны именно жителям западных районов СССР в связи с большим количеством беженцев из Польши, которые оказались во всех крупных населенных пунктах присоединенных к СССР в 1939—1940 гг. западных территорий. Они стремились не оставаться в опасной приграничной зоне или были высланы властями в глубь страны, где также много рассказывали о своих страданиях. Об этом, например, свидетельствует Вячеслав Тамаркин из местечка Ляды, находящегося как раз на границе между Белоруссией и Россией³⁷.

Во-вторых, именно неверие официальной пропаганде и собственный опыт общения с «немецкими оккупантами» в 1918 г. (единственными, кто не устраивал еврейских погромов и не допускал их) для многих людей казались гораздо более весомыми аргументами. В-третьих, напомним, что до нападения на СССР нацисты массово не истребляли евреев.

В годы войны и сразу после ее окончания высказывались предположения, что советское правительство принимало специальные шаги по эвакуации евреев, однако никаких подтверждающих эту версию документов до сих пор не обнаружено³⁸. Вопросами эвакуации занимался созданный 24 июня 1941 г. Совет по эвакуации при СНК СССР, который уже 27 июня определил группы гражданского населения, подлежащие первоочередной эвакуации (члены семей квалифицированных рабочих, советских, партийных и военных работников, сотрудников НКВД и дети). Реализовать эти меры на практике удалось лишь частично.

Только 26 сентября того же года в составе совета было создано Управление по эвакуации населения. Сам же этот орган был ликвидирован уже в конце января 1942 г., после успешного контрнаступления Красной Армии под Москвой. Ни одно из его распоряжений не касалось эвакуации еврейского населения. Исследователи справедливо отмечают, что в основе такого подхода лежал не антисемитизм, а предпочтительные материальных ценностей, имеющих оборонное значение, человеческим жизням. Как справедливо отметил И. Арад, этот тезис полностью отвечал взглядам Сталина и его ближайшего окружения, что привело к тому, что мирное население на оккупированной территории оказалось фактически брошенным на произвол судьбы³⁹. Несомненно, что в первые месяцы войны сложились объективно сложные условия, которые были максимально полно использованы лишь для эвакуации предприятий и учреждений вместе с рабочими и служащими, а также членами их семей и детьми до 15 лет независимо от национальности⁴⁰.

До конца 1941 г. удалось тем не менее эвакуировать более 10 миллионов человек, в том числе из Молдавии — 250 000, из Эстонии — более 50 000, из Литвы — 42 500⁴¹.

Как отмечал руководитель Управления по эвакуации населения К. Памфилов в своем докладе на имя заместителя руководителя Совета по эвакуации Н.А. Косыгина, на 20 декабря 1941 г. только 6 570 000 человек из более 10 миллионов эвакуированных было зарегистрировано. Причем лишь 3 074 000 оказались зафиксированы в поименных листах эвакуированных, которые были обязаны заполнять все пассажиры поездов, прибывшие к месту эвакуации⁴². К весне 1942 г. общее число зарегистрированных эвакуированных составило лишь 7 417 000 человек⁴³.

Среди 2 491 713 человек, чья национальность на начало декабря 1941 г. была установлена Советом по делам эвакуации, евреи составили 669 229 человек (26, 86%). Они занимали второе место после русских среди всех эвакуированных⁴⁴.

Необходимо учитывать, что лучше всего организовать эвакуацию удалось из Москвы и Ленинграда, где дети составляли от 50 до 80% всех эвакуированных. Именно жители этих городов преобладали среди эвакуированных в первый месяц войны и составили более четверти — 678 000 (27, 2%) всех учтенных эвакуированных к концу 1941 г.⁴⁵.

Бросается в глаза значительно больший процент евреев среди эвакуированных, чем их доля в населении страны. Так как специальное мер по их спасению не принималось, то объяснение лежит в достаточной информированности о грозящей угрозе. Данное замечание никак не оправдывает бездействие (а иногда и препятствия) представителей местных властей (в том числе — евреев) накануне оккупации при эвакуации мирного населения по «патриотическим» или иным соображениям. Почти все евреи, не попавшие в списки эвакуированных и не сумевшие бежать самостоятельно, стали жертвами Холокоста.

Очевидная антиеврейская направленность действий нацистов была активно использована советским руководством во внешнеполитических целях. Это стало также важным аргументом для возрождения деятельности еврейской общественности и привлечения на сторону СССР влиятельных еврейских кругов, прежде всего — в США.

Осенью 1941 г. при участии Л. Берия была одобрена идея о создании Еврейского антигитлеровского комитета, призванного (в числе других задач) информировать международную общественность о злодеяниях против евреев⁴⁶. Позднее эти функции взял на себя ЕАК, созданный в феврале 1942 г.

Он, наряду с четырьмя другими антифашистскими комитетами — славянским, ученых, молодежи и женщин, — был создан при Совинформбюро. Возглавил ЕАК художественный руководитель Государственного еврейского театра Соломон Михоэлс. В его состав вошли выдающиеся представители советской еврейской культуры, писатели, ученые, медики. Непосредственно курировал деятельность ЕАК, как и других антифашистских комитетов, С.А. Лозовский. За период войны ЕАК провел три митинга представителей еврейской общественности, которые широко освещались в советских и зарубежных СМИ. На них неизменно затрагивалась тема Холокоста и еврейского Сопротивления. На последнем митинге в апреле 1944 г. И. Эренбург и П. Маркиш затронули вопрос об антисемитизме в СССР, что вызвало недовольство некоторых влиятельных сотрудников Совинформбюро, курировавшего ЕАК.

Комитет подготовил к печати в западных средствах массовой информации 20 000 магериалов, преимущественно о еврейском героизме и Холокосте. В период войны руководство комитета неоднократно обращалось в правительство и ЦК с предложениями об оказании помощи уцелевшим евреям, информировало о фактах антисемитизма, ставило вопрос о сохранении еврейской культуры.

С лета 1942 г. ЕАК издавал свой периодический орган на идише — газету «Эйпикайт» («Единение»), одной из главных тем которой был Холокост⁴⁷.

ЕАК предполагал издать «Черную книгу» об уничтожении советских евреев нацистами и помощи им представителями других народов СССР (текст ее был передан советскому обвинению на Нюрнбергском процессе)⁴⁸.

Деятельность этого комитета лежит вне рамок предмета нашего исследования. Очевидно, что власти преследовали свои собственные, прежде всего внешнеполитические, цели при его создании и организации деятельности. Между тем митинги еврейской общественности вызывали очень большой резонанс в Москве и мире. Так, в апреле 1944 г. более 3000 человек собрались на митинг в одном из самых престижных залов столицы — Колонном зале Дома союзов. Информация о нем (как и двух предыдущих) появилась в советских СМИ, включая газету «Правда».

Сюжеты о митингах показывала населению советская кинохроника. ЕАК (вопреки намерениям и желанию властей) стал «ходатаем» по многим аспектам жизни советских евреев. Некоторые его руководители видели именно в этом главные задачи данного органа. Допущение Кремлем такой деятельности является самой яркой иллюстрацией того, что «официальный антисемитизм» (несмотря на его симптомы, о которых мы расскажем ниже) являлся весьма условным.

На первом этапе уничтожения евреев СССР советское руководство крайне осторожно говорит публично о еврейских жертвах, неизменно огораживая, что точно так же нацисты поступают и с представителями других народов. В период войны и советское руководство, и периодическая печать неоднократно привлекали внимание к судьбе советских военнопленных. Первая нота Молотова о зверствах нацистов, датированная 25 ноября 1941 г., специально была посвящена именно их судьбе. Однако ни о евреях-военнопленных, ни о комиссарах в ней не говорилось. Цель данного пропагандистского демарша состояла в том, чтобы не допустить добровольной сдачи в плен солдат и офицеров, поверивших тезису гитлеровцев, что объектом их преследования являются лишь указанные выше люди.

Сталин в своей речи на военном параде в Москве 7 ноября 1941 г. первый и последний раз упомянул (в ряду других) о еврейских жертвах, обвинив гитлеровцев в организации погромов в стиле средневековья и периода самодержавия, сравнив нацистскую партию с черносотенцами⁴⁹.

Но уже в этом выступлении и в дальнейших официальных советских заявлениях последовательно проводится верная в принципе мысль о том, что гитлеровское вторжение несет гибель и страдания всем советским людям. Но то, что только геноцид против евреев носит целенаправленный и повсеместный характер, не подчеркивалось. Судьба еврейского народа если и упоминается в таких заявлениях, то служит обычно далеко не самым ярким примером нацистских злодеяний.

Лишь в одной из четырех нот о зверствах захватчиков на советской территории народного комиссара иностранных дел В.М. Молотова (от 6 января 1942 г.) специально говорится о жертвах Холокоста. Целый абзац в ней посвящен трагедии Бабьего Яра и гибели 52 тысяч евреев Киева.

Но эта самая массовая на тот период времени расправа с мирным населением занимает весьма скромное место при перечислении преступлений оккупантов.

Примечательно, что уже в следующей ноте Молотова (от 28 апреля 1942 г.) впервые в преамбуле озвучен тезис, что истребление «советского населения» ведется «независимо от национальности». О евреях здесь говорится только один раз — в контексте нацистского геноцида в Украине, где «сотни тысяч украинцев, русских, евреев, молдаван и мирных граждан других национальностей погибли от рук германских палачей»⁵⁰.

Собственно, уже в этом заявлении, а также в речах Сталина, произнесенных им в 1942—1945 гг., рефреном звучит мысль, что главным объектом убийств и насилий на советской территории (а также в оккупированной Европе) являются славянские народы.

Думается, что в этих заявлениях, сделанных в период войны, не следует искать антисемитский подтекст. Сообщения о кровавых зверствах нацистов, по мнению руководителей советской пропаганды, должны были спланировать весь народ и призывать его к мести врагу. Происходила и своего рода «адаптация» к немецкой пропаганде, настойчиво внушавшей идею о миссии гитлеровцев по «освобождению» народов СССР от евреев и коммунистов.

Несомненно, что в Кремле шла негласная борьба за выработку линии в «еврейском вопросе». Нет никаких данных об антисемитских взглядах или действиях в период войны подавляющего большинства членов Политбюро и секретарей ЦК. Но были и исключения. Г. В. Костырченко характеризует секретаря ЦК по идеологии Александра Щербакова как «наиболее яркого противника выпячивания еврейской темы в пропаганде»⁵¹. Близкую к нему позицию (в связи с собственными карьерными планами) занимал Г. М. Маленков. Среди руководящих партийных работников особую активность в этом вопросе проявлял начальник управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г. Александров, подчинившийся непосредственно Щербакову. Первым пробным камнем с его стороны была попытка изгнания евреев с ключевых постов в советской культуре под предлогом выявления процента «нерусских людей» среди ее руководителей и деятелей. 19 августа 1942 г. Александров направил на имя трех секретарей ЦК — Г. Маленкова, А. Щербакова и А. Андреева — записку, в которой доказывал, что советской культурой руководят «нерусские люди (преимущественно евреи)», подкрепляя этот вывод данными о количестве евреев не только на административных постах, но и среди ведущих советских музыкантов. Впоследствии Александров и сотрудники его управления распространяют эти подсчеты на другие сферы, в частности журналистику и кино⁵².

Вполне вероятно, что такая записка появилась с ведома Щербакова. Ведь это был довольно рискованный ход (напомним, что жена Андреева, одного из адресатов записки Александрова, впрочем, как Молотова и Ворошилова, была еврейкой). Но не следует преуменьшать инициативу представителей «среднего звена» партаппарата (тот же Александров не был даже членом ЦК партии), пытавшегося нередко предугадать возможный поворот идеологической конъюнктуры и получить собственные дивиденды. Многие из них остро чувствовали нарастание антисемитизма. Именно в этот тяжелейший для страны период войны, когда немцы рвались к Сталинграду, захватив восточные области Украины и Северный Кавказ, на первый план выходит пропаганда «всего русского» во всех сферах военной (подвиги русского оружия) и мирной жизни

(наука, литература, искусство). Но не только новые «всаяния» в идеологических схемах Кремля могли стимулировать появление таких откровенно антисемитских предложений. Не следует сбрасывать со счетов и влияние нацистской пропаганды. Тем не менее нельзя ставить знак равенства в подходах гитлеровских и сталинских идеологов к еврейской теме. Отличие состояло в том, что ведомство Геббельса делало упор на «насилье» евреев прежде всего в партийном и государственном аппарате, а также карательных органах. О евреях в советской культуре они громко и систематически заговорят лишь почти год спустя после «аналитической» записки Александра.

Важно подчеркнуть, что в годы войны его инициатива не привела к каким-то организационным выводам и значительным кадровым перемещениям. Скорее всего, она в данный момент не нашла поддержки у советского вождя и его ближайшего окружения. Об этом свидетельствует прежде всего появление в конце того же года двух специальных и единственных в течение войны заявлений о Холокосте.

Во второй половине декабря 1942 г. с интервалом в один день в советских газетах были опубликованы два заявления о преступлениях нацистов против еврейского народа. Первое из них являлось совместным заявлением правительств 12 государств, в том числе СССР, и было опубликовано в центральных советских газетах 18 декабря 1942 г. В нем впервые было заявлено, что нацистам придется держать ответ за свои преступления против мирного населения. В числе одной из важнейших категорий жертв гитлеризма назывались евреи Европы.

Мог ли такой документ появиться без ведома и одобрения Сталина? Безусловно, нет. Он стал откликом советского правительства на многочисленные обращения на имя Сталина лидеров еврейских организаций Латинской Америки, Палестины, Норвегии и Англии. Среди этих организаций был и влиятельный Всемирный еврейский конгресс.

Именно в этот период готовился визит руководителей ЕАК С. Михозлеа и Н. Фефера в США, который принес Советскому Союзу более 20 миллионов долларов. Создание благоприятного климата накануне этой поездки было чрезвычайно важным (многие еврейские организации США первоначально отнеслись к ней негативно), требуя освобождения лидеров польского Бунда Альтера и Эриха). Возможно, что появление отдельного заявления о судьбе советских евреев связано отчасти и с этим обстоятельством.

История его подготовки и публикации, прослеженная известным историком и публицистом Л.А. Безыменским, представляет несомненный интерес. Любопытно, что за первичной информацией ИКИД обратился не в ЕАК, а в НКВД. Получив при содействии Л. Берия необходимый материал, высокопоставленный сотрудник НКВД и будущий посол в Мексике К. Уманский подготовил проект заявления под заголовком «Заявление Советского правительства об осуществлении гитлеровскими пре-

ступниками плана поголовного истребления евреев на оккупированной территории Европы, об ответственности германского правительства и всех его пособников за это кровавое злодеяние». Его должен был подписать Молотов (именно его фамилия стояла в проекте документа). Однако текст заявления появился в сокращенном виде и за другой подписью⁴³.

Это заявление о Холокосте под заголовком «Осуществление гитлеровскими властями плана уничтожения еврейского населения Европы» было опубликовано 19 декабря 1942 г. в газете «Известия» (заявление союзников появилось днем ранее на страницах главного советского периодического издания — газеты «Правда»). Окончательный вариант был сделан от имени «Информбюро Наркомата иностранных дел СССР», а не «Советского правительства», как предлагалось Уманским. Любопытно, что от имени этого «Информбюро НКВД» ни до, ни после никаких заявлений не публиковалось.

Несмотря на то что заявление было посвящено именно жертвам Холокоста, в преамбуле к нему было вновь повторено обязательное политическое клише. Явной идеологической натяжкой в начале заявления выглядит фраза о том, что якобы оккупанты всегда после истребления евреев *«по прошествии немногих дней, а иногда всего нескольких часов, обрушивали свой грабег и террор на всю остальную массу населения»*. Ни в одном из известных нам допесений в НКВД СССР (как и в действительности) таких фактов не было.

Специальное советское Заявление о Холокосте евреев СССР имело чрезвычайно важное значение, прежде всего во внешнеполитическом аспекте. 14 октября того же года СССР сделал специальное заявление в ответ на обращение к нему 9 союзных держав об ответственности за преступления нацистов и их главарей на захваченных территориях и предложил предать их суду Международного трибунала. Присоединение к аналогичному заявлению в связи с Холокостом и публикация специального заявления (пусть и не от имени правительства) декларировало всю серьезность, которую придавал Советский Союз совместным действиям с союзниками. Не вызывает сомнений, что именно в узком кругу советских лидеров обсуждался вопрос: нужно ли и в данном случае делать заявление на высшем уровне? Думается, вряд ли бы Уманский стал готовить документ за подписью Молотова, не получив соответствующего задания. Видимо, не Молотов принял решение, что этот документ должен все-таки появиться, но за подписью некой «одноразовой» структуры НКВД. В этой игре явно угадывается почерк Сталина, который одновременно и укреплял свое реноме на Западе, и не давал лишнего повода гитлеровской пропаганде говорить о Кремле как выразителе интересов «иудо-большевизма».

С точки зрения внутренней политики и пропаганды это заявление свидетельствовало прежде всего о признании (пусть и с некоторыми

оговорками) специфики еврейских жертв в период Великой Отечественной войны. Именно в этом плане оно явно недооценено исследователями⁵⁴.

Этот документ проливает свет и на вопрос о том, какими же данными располагал Кремль за 1,5 года систематического уничтожения советских евреев. Положенная в его основу аналитическая справка НКВД, сохранившаяся в архиве В.М. Молотова⁵⁵, несмотря на свою фрагментарность, может служить (наряду с проектом НКВД и опубликованным текстом) весьма интересным источником об интерпретации Холокоста на территории СССР различными государственными органами.

В своей справке Судоплатов прежде всего определил важнейший тезис нацистской пропаганды о том, что все репрессивные меры нацистов предпринимаются исключительно против евреев (умолчав, кстати, о коммунистах). Подчеркивалось, что убийства евреев носили массовый характер и начинались «немедленно после занятия того или иного населенного пункта». Верно были указаны этапы Холокоста: регистрация; сбор под предлогом переселения или отправки на работу; убийство рядом с местом проживания; ограбление имущества жертв. Близко к немецким данным («свыше 30 000») число убитых в Бабьем Яре 29 сентября 1941 г. (любопытно, что в ноте Молотова от 6 января 1942 г. фигурирует иная цифра — 52 000 человек). Сообщались достоверные цифры и даты двух расстрелов в Днепропетровске.

При описании расстрела в Феодосии впервые отмечается убийство людей раздетыми и отравление детей ядом. Указывалось число детей среди расстрелянных в Мариуполе (3 из 10 тысяч).

«Детская тема» занимает целый абзац справки. Наряду с верной констатацией, что дети и подростки расстреливались повсеместно, автор справки утверждал, что гестапо специально инструктировалось на этот счет с целью пресечь помощь партизанам. Такие сведения не подтверждаются другими источниками и имеют явный пропагандистский подтекст.

Особое внимание уделялось описанию зверств нацистов при массовых казнях:

«15—16 июля с.г. немецкое командование в Смоленске, решив отметить праздник местного гарнизона полным истреблением всего оставшегося в живых еврейского населения, начало с того, что 15 июля на глазах у родителей подвергло детей следующей пытке: их бросали в крытые автомобили, которые наполнялись газом; затем машины увозили отравленных, но еще живых детей в пригород Гедионовку, где дети закапывались в ямы. 16 июля таким же способом были умерщвлены все взрослые евреи города. Всего было убито 1867 человек. В течение двух суток из-под земли были слышны стоны несчастных, закопанных полуживыми».

В действительности уничтожение детей проходило вместе со взрослыми и продолжалось один день. Указанных фактов зверств ЧГК не зафиксировало.

Сообщалось также о сожжении детей в Хороле на Полтавщине, утоплении их в реке в Первомайске, закапывании живыми всех детей до 16 лет в Витебске. Отметим, что далеко не все сведения о данных зверствах нацистов находят подтверждение в других источниках. В Витебске, например, топили взрослое население в Двине.

По понятным причинам — ведь многие города еще не были освобождены — неточны цифры жертв. Говорилось, что в Бресте уничтожено 2000 евреев, а в Орше — 28 000 (в реальности — около 22 000 и 6000 соответственно).

Среди других мест расстрела в Белоруссии упомянуты Долгиново и Дуброво.

Примерно верны цифры о расстрелянных в Риге (кстати, здесь первый и последний раз говорится о гетто — «окруженном колючей проволокой, доступ в который запрещен»). Сообщается, что больше в живых евреев в Латвии нет. Приведены неточные сведения о расстрелах на Северном Кавказе: 700 — в Ворошиловске (Ставрополе), 4500 — в Пятигорске, а также Краснодаре и Армавире (по двум последним городам данных не приводится).

Говорилось и о повторных акциях на Украине в тех городах, где уже прошли расстрелы. Подчеркивалось, что уцелевших евреев собирали маленькими группами по селам и местечкам, а затем свозили в города для уничтожения. В перечне таких мест фигурируют Сарны, Рокитно, Здолбунув, Костополь, Березно. Все эти населенные пункты находились на территории Волыни, где в этот период действовал отряд Д. Н. Медведева «Победители», подчинявшийся НКВД⁵⁶.

Поразительно, но в справке Судоплатова и Заявлении Информбюро НКВД нет фактов о существовании гетто не только в прошлом, но и на момент публикации (за исключением Риги). Не вызывает сомнений, что Судоплатов был хорошо осведомлен об их наличии — в присланных на его имя донесениях неоднократно фигурировали Минск и Львов. Здесь в этот период было соответственно более 8000 и около 25 000 евреев⁵⁷. А всего к середине декабря 1942 г. только в немецкой зоне оккупации находилось не менее 25 гетто.

Располагал НКВД и достаточно полной информацией об Одессе и уничтожении там евреев немцами. Но в заявлении эти данные вообще не приводятся (можно предположить, что по румынской зоне оккупации сведения не давались по политическим мотивам).

В целом складывается впечатление, что данное заявление — своего рода коллективный некролог, а не призыв к действию. Лишь вскользь в документе говорится об еще остающихся в живых евреях. Их число (400) названо только по Риге. Собственно, по контексту справки, это единственный город, где еще живы евреи. Сообщалось также, что *«тысячи евреев Литвы, на которых гитлеровский террор обрушился в первую годовую... скрываются в лесах, где ведут жизнь затравленных зверей, жи-*

«ит в норах и берлогах, вымирают от голода и болезней». Это второе (после узников гетто Риги) упоминание в тексте о тех, кто был еще жив.

Между тем на оккупированной советской территории в гетто и рабочих лагерях (о них также умалчивает заявление) находились около 250 тысяч евреев. Только в Украине в этот период были живы свыше 160 тысяч узников гетто и лагерей⁵⁸.

Недостоверна информация заявления о том, что полностью уничтожены евреи Вильноса — их оставалось в живых около 15 000. В столице Литвы, а также в Каунасе (15 000 узников), Шауляе (4500) и Свенцянах (500) еще существовали гетто с несколькими десятками тысяч узников (около 35 000).

Важна информация об отношении местных жителей к преследованию евреев. Она явно неполна и тенденциозна. В контексте о скрывающихся в лесах евреях единственный раз говорится о бескорыстной и небезопасной помощи евреям со стороны местного населения — литовских крестьян. Они доставляют евреям пищу бесплатно, *«хотя и знают, что любая помощь евреям, как об этом объявлено оккупантами, карается смертной казнью»*.

Казалось, что из текста последнего абзаца — тысячах скрывающихся в лесах бежавших узников гетто — вытекает необходимость постановки задач для литовских и других партизан о помощи евреям. Но этого не произошло.

К сожалению, в текстах обоих заявлений нет четкой юридической оценки геноцида евреев и его последствий для нацистов. Не было поставлено и никаких практических вопросов о том, как помочь узникам гетто и концлагерей; не было призывов о помощи к гражданскому населению и партизанам.

Таким образом, если бы текст заявления несуществующего Информбюро НКВД привел к поручению НКВД и Центральному штабу партизанского движения (ЦШПД) помочь узникам гетто и скрывающимся евреям на оккупированной территории СССР, то это спасло бы жизнь тысячам и тысячам обреченных.

В последующий период войны тема Холокоста все меньше интересует советское руководство. Она возникает лишь в связи с необходимостью публикаций тех или иных сообщений о нацистских зверствах. Возможно, рост антисемитизма в стране, прежде всего — на освобождаемых от врага территориях, оказался одним из решающих сдерживающих факторов. Впрочем, на эту тему табу так и не будет наложено до разгрома ЕАК, однако тенденции умолчания с начала 1943 г. просматриваются все отчетливее.

Примером этому может служить рассмотрение вопроса о публикации текста официальной информации о жертвах Бабьего Яра в сборнике актов ЧГК. Он обсуждался на высоком партийном и государственном уровне. Именно упоминавшийся выше Г. Александровым в текст

первоначального сообщения была внесена существенная правка: везде встречающееся там слово «евреи» было заменено на «мирные советские граждане»⁵⁹. Это произошло в феврале 1944 г. с согласия заместителя Председателя Совпаркома, министра иностранных дел В. Молотова при участии секретаря ЦК, начальника Совинформбюро А. Щербакова, руководителя Украины Н. Хрущева. Окончательный текст был завизирован председателем ЦК Н. Шверником и ее членами М. Рылским, П. Тычиной и А. Толстым.

Пока не выявлены документальные подтверждения личного участия Сталина и его ближайшего окружения (за исключением заместителя Председателя СНК СССР В. Молотова и секретаря ЦК ВКП(Б) по идеологии А. Щербакова) в рассмотрении в годы войны вопросов об освещении темы Холокоста. Решающую роль во всех инициативах по ее исключению или замалчиванию играл Александров, за спиной которого стоял Щербаков. Не отличалась позиция Кремля в этом вопросе и той неизбежной последовательностью, если бы инициатива замалчивания темы Холокоста исходила непосредственно от «хозяина». Менее чем через два месяца после рассмотрения вопроса о жертвах Бабьего Яра «инстанция» (как называли современники ЦК) разрешила начать подготовку «Черной книги». Это совпало по хронологии с самым торжественным мероприятием ЕАК — его III пленумом в Колонном зале Дома союзов. Если даже допустить, что это было важно для Кремля прежде всего во внешнеполитическом аспекте, то увязывать антисемитские тенденции во внутренней политике и замалчивание темы Холокоста было бы слишком прямолинейно.

В последний год войны вопрос о Холокосте встал перед советским руководством в связи с возможностью помочь узникам лагерей смерти и не допустить уничтожение евреев Венгрии. По мнению генерала В.Я. Петренко, дивизия которого принимала участие в боях за Освенцим, Сталин умышленно не ставил специальных задач по освобождению этого и других лагерей смерти, так как ни судьба евреев, ни судьба советских военнопленных его не интересовала. Причем Освенцим не был исключением. Так, еще летом 1944 г. советские войска не получали никаких директив Ставки по освобождению лагеря смерти Майданек⁶⁰.

Но такой подход был обусловлен и другими (вероятно, более важными) факторами. В 1944 г. союзники обсуждали вопросы о возможной бомбардировке Освенцима и подъездных путей к нему, а также предложение Германии обменять 1 миллион евреев на грузовики и товары (миссия Й. Бранда). Оба этих варианта возможных действий по спасению евреев были отклонены правительствами США, Англии и СССР⁶¹.

На наш взгляд, не личный антисемитизм Сталина и отдельных людей из кремлевского руководства определял политику властей по отношению к Холокосту. Его замалчивание и неприятные действительные меры по спасению евреев были лишь частным проявлением изменения националь-

ной политики, ростом великодержавного шовинизма, который в условиях войны был замаскирован как «русский патриотизм», полным пренебрежением к ценности человеческих жизней при решении стратегических задач военного времени.

5.2. Советское общество и Холокост

ПАРТИЗАНЫ И КРАСНАЯ АРМИЯ

Нет никаких данных, что вопрос о помощи евреям обсуждался на уровне руководства партизанским движением. Между тем в документах Центрального штаба партизанского движения нам удалось выявить машинописную справку на 4 листах о расправах над евреями. Она датирована 12 января 1943 г. Сведения здесь систематизированы по пяти оккупированным республикам (кроме Молдавии и Эстонии), а внутри — по областям России, Украины и Белоруссии с указанием источников информации о расправах над евреями: газет, донесений разведки, подпольщиков, руководителей подпольных обкомов. Данные о количестве жертв, как правило, приблизительны, а иногда и занижены. Но есть уникальная информация по небольшим населенным пунктам, которая отсутствует в других источниках⁶².

Именно публикацией заявления от 19 декабря 1942 г. можно объяснить подготовку подробных сведений о судьбе евреев, основанных на донесениях в ЦШПД из некоторых республиканских штабов партизанского движения. Они продолжали поступать и позднее. Так, 1 апреля 1943 г. в ЦШПД была направлена информационная сводка Белорусского штаба партизанского движения, в которой (фактически впервые за почти два года войны!) особое внимание уделялось уничтожению еврейского населения.

После традиционной оговорки о «жестоких репрессиях против белорусского населения» указывалось:

«Немцы с наибольшей яростью обрушили свои зверства против еврейского населения Белоруссии. С первых дней войны немцы начали последовательно, организованно истреблять еврейское население».

Далее на двух с половиной страницах убористого машинописного текста довольно точно и подробно были описаны этапы преследования и уничтожения евреев примерно в 10 населенных пунктах; указаны данные о численности минского гетто в момент его создания и количестве находившихся там евреев из Западной Европы (соответственно 100 000 и 25 000), из которых «уничтожено 93 тысячи человек» (о количестве живых и возможности помочь им в тексте не упоминалось).

В информации отмечались попытки бегства евреев и поимки их с помощью местных жителей. Весьма любопытен завершающий абзац этой части сводки:

«В итоге в городах и местечках Белоруссии большинство еврейского населения, не успевшее уйти с частями Красной Армии, истреблено. В части районов небольшим группам евреев удалось уйти в леса, где они живут под защитой партизанских отрядов, особенно большие группы еврейского населения живут в лесах Вилейской области, Минской и Могилевской. Там, где поблизости нет партизанских отрядов, условия жизни наиболее тяжелы»⁶³.

Сам факт впервые проявленного интереса к судьбе евреев со стороны ЦШПД и его республиканских подразделений в начале и весной 1943 г. опровергает мнение некоторых исследователей, что рассмотренное выше заявление уже мало могло повлиять на судьбу советских евреев. Оно могло быть воспринято руководителями партизанского движения как приказ оказать содействие узникам гетто и скрывавшимся в лесу евреям.

Известно, что по приказу ЦШПД и республиканских штабов партизаны распространяли многочисленные листовки, где население призывалось оказывать помощь семьям угнанных в Германию, убитых нацистами и т.п. О помощи евреям, как находящимся в гетто, так и скрывавшимся в лесах, в выявленных исследователями листовках не говорилось⁶⁴.

По своей инициативе (без приказа из Москвы) спасали евреев отдельные партизанские командиры. Так, бойцы отряда, возглавляемого П.В. Пронягиным, освободили несколько сот узников двух гетто в Белорусском Полесье; 500 человек из гетто м. Новый Свержень спас отряд имени Жукова осенью 1942 г. (200 из них присоединились к отряду)⁶⁵.

Рена Гуз, бывшая партизанка бригады имени М. Фрунзе, действовавшей на Волыни, сообщила И. Эренбургу о своем командире Юзефе Собесьяке (подпольная кличка «Макс»). Организованный им весной 1942 г. партизанский отряд спас несколько сот бежавших узников гетто. Р. Гуз писала:

«Мы, евреи, никогда не забудем, что он сделал для евреев, как он создал условия сохранить жизнь старикам, женщинам и малым ребятишкам, которые удрали от расстрела»⁶⁶.

Связанные с партизанами подпольщики Каунаса сумели сообщить о готовящемся вывозе и уничтожении детей из каунасского гетто. Благодаря этой информации партизанский отряд К. Шумаускаса (полковника Казимира) спас сотни детей⁶⁷.

Один из партизанских отрядов в Винницкой области освободил свыше 1000 евреев из гетто в с. Михайловка. В ходе своего знаменитого рейда в Карпаты партизанское соединение С. Ковпака освободило 8 июля 1943 г. более 300 узников гетто м. Скалат Тернопольской области и узников гетто в г. Делятине Ивано-Франковской области⁶⁸.

По приказу командира партизанской бригады А.П. Бринского от 17 декабря 1942 г. было создано 3 семейных лагеря для гражданского населения, скрывавшегося «без крыши над головой», где находилось около 500 евреев⁶⁹.

В октябре 1942 г. партизанский отряд под командованием П. Вишнева, действовавший в Смоленской области и Белоруссии, вывел за линию фронта из района Рудня—Лиозно—Ковшики 250 евреев⁷⁰. Помогали бежавшим из гетто евреям и многие другие партизанские командиры. Но такая помощь была бы многократно действенней и эффективней, если бы носила систематический и организованный характер.

Еще одним возможным направлением содействия жертвам Холокоста мог быть приказ ЦШПД и республиканских штабов об оказании помощи тем бежавшим из гетто узникам, которые находились в семейных лагерях либо при боевых партизанских отрядах. Очень часто именно стремление бросить их на произвол судьбы (что нередко диктовалось необходимостью сохранения боеспособных отрядов в ходе карательных операций противника) приводило к конфликтам еврейских партизан и командиров со своими товарищами по оружию. Так, после прихода нового руководства в одной из бригад Ровенского партизанского соединения И. Федорова последовал приказ о том, что в течение 24 часов женщины и дети должны покинуть расположение отряда имени Ворошилова. Тогда находившиеся в отряде еврей-мужчины в количестве 27 человек во главе с бывшим начальником штаба А. Абуговым покинули его расположение⁷¹.

Тема о взаимоотношениях евреев и остальных партизан является одной из наиболее острых. В литературе высказываются диаметрально противоположные мнения: от констатации «партизанской дружбы» до обвинений руководителей партизанского движения страны и отдельных командиров в антисемитизме. Вопрос о действиях и бездействии руководства партизанского движения и отдельных командиров давно вызывает неоднозначные оценки исследователей. Руководство ЦШПД и его представители с явным опозданием и на локальном уровне реагировали на вопиющие решения отдельных командиров не принимать в свои отряды евреев и даже расстреливать их под предлогом борьбы со шпионами. В то же время было бы неверно говорить о негласном «покровительстве» таким действиям.

Особенно напряженные отношения между бежавшими из гетто узниками и некоторыми партизанскими командирами складывались в Белоруссии. Тому были свои причины. В донесении секретаря подпольного обкома Минской области в ЦШПД за июнь 1942 г. прямо говорилось, что немцы вербуют и засылают к партизанам евреев. Ноябрем 1942 г. датирована радиограмма ЦШПД о том, что Минский подпольный горком партии арестован и ко всем приходящим из Минска людям надо проявлять повышенную бдительность. Некоторые исследователи, не приводя даже текст этого документа, утверждают, что в радиограмме призывалось не принимать в партизанские отряды бежавших евреев⁷².

Действительно, многие партизанские командиры боялись засылки шпионов и провокаторов. В докладной записке «О развертывании парти-

занской борьбы в Бегомльском районе Минской области» за июнь 1942 г. отражается недоверие партизан к евреям. После информации, что в районе уничтожено 800 евреев, в том числе женщины и дети, в записке сообщается:

«В городе Минске создана школа шпионажа и диверсии, через которую пропускают евреев с целью посылки их в БССР для диверсионной и шпионской работы, для чего в Минск привезли 13 тысяч евреев из разных оккупированных мест, в том числе из Германии. Лагерь их расположен в центре города».

Далее сообщалось, что в Минске из-за провокаторов «разгромлен подпольный комитет»⁷³.

В этом документе причудливо переплелись реальные и фантастические сведения — например, о цели привоза в Минск иностранных евреев. Не менее фантастическими выглядят и сведения о подготовке евреев в диверсионно-шпионских школах. В действительности в документах ЦШПД и в литературе нами выявлены только единичные случаи засылки к партизанам евреев — агентов гестапо, которые рассмотрены нами в 3-й главе. И хотя они не носили массового характера, по вызывали большой резонанс и влияли на рост подозрительности к бежавшим из гетто евреям. Иногда в лес отправлялись немецкие агенты под видом бежавших из гетто или плена евреев либо как их укрывавшие, а потому боящиеся мести. Так, в Березном на Вольни агент гестапо учитель Ивановский некоторое время прятал еврейку Резник. Именно это помогло ему войти в доверие к партизанам. Впоследствии он был разоблачен разведчиками отряда Д. Медведева с помощью самой Резник и казнен по приговору партизанского суда⁷⁴.

Случаи антисемитизма и недоверия к евреям-партизанам, включая беглецов из гетто, были далеко не редкими. Их активно инициировали те, кто присоединился к партизанам, спасаясь от наказания после освобождения оккупированных территорий за свое бездействие или даже сотрудничество с оккупантами. Как вспоминал А. Довидович, в районе Налибокской пуши в начале 1943 г. он слышал опасения о засылке в отряд евреев-диверсантов, подготовленных в гестапо, а также обвинения в адрес евреев:

«Из-за них якобы «марафон» (т.е. «блокада») карателями партизанских зон и вынужденное бегство партизан. — И.А.) и война... Наши командиры часто говорили: «Честный русский человек, хоть и был в полиции, убивал жидов, но Родину будет защищать»⁷⁵.

Показательно свидетельство одного из тех, кто подвергся допросам после прихода к партизанам. Бежавший из рабочего лагеря в Псковской области М. Глезер был вызван на допрос в особый отдел, где ему сразу же был задан вопрос:

«Ну, немецкий шпион, выкладывай, какое задание тебе немцы дали? Где твой код, шифр? Не скажешь — расстреляю».

С этими словами комиссар отряда приставил пистолет к виску допрашиваемого. Отобравшие при обыске несколько бритвенных машинок и фальшивый немецкий документ на имя «латышского добровольца Яниса Глезера» чуть было не стали решающими уликами обвинения. В то же время предъявленный бежавший с Глезером другим узником, Шейкманом, паспорт с надпечаткой «Юде» был воспринят как алиби. Трех бежавших узников, в конце концов, приняли в отряд, действовавший в Исковских лесах, но заставили добывать оружие в бою.

Уже после первого боя допрашивавший Глезера комиссар отряда сказал ему:

«Визжу, что ты действительно хочешь воевать. Хорошо, будешь мстить за свой народ»⁷⁶.

Отсутствие соответствующих директив ЦШПД о помощи узникам гетто и скрывавшимся евреям развязывало руки для произвола тем партизанским командирам, которые были заражены антисемитизмом. Обычно это происходило в тех отрядах, где не было должной воинской дисциплины. Имелись случаи мародерства, грабежей и т. д. по отношению к евреям-партизанам и даже их убийство на национальной почве.

Представителям ЦШПД и РШПД такие случаи были хорошо известны. Но боролись с ними (и то крайне редко) лишь на локальном уровне. Например, в Ивенецком районе Белоруссии в инструкции от 2 июня 1943 г. представитель штаба обратил внимание на вопиющие факты антисемитизма: убийство командиром отряда имени Щорса комиссара отряда имени Лазо Заскинда, а также попытку расстрела командиром взвода бригады им. Сталина группы партизан-евреев другой бригады — имени Фрунзе.

Эти факты не были единичными. В частности, один из легендарных партизанских командиров, впоследствии — автор книги с символическим названием «Люди с чистой совестью» П. П. Вершигора, сообщал руководству 25 декабря 1942 г., что командир его партизанского отряда Емлютин без суда и следствия расстрелял еврейскую девушку, которая служила переводчицей в школе гестапо в Брянске и перешла к партизанам. По словам П. П. Вершигоры, она скрывалась под видом немки-колонистки, «принесла ряд ценных разведанных и очень хотела работать на нас»⁷⁷. Командир партизанского отряда в Могилевской области Павлов расстреливал и грабил всех приходивших в отряд евреев. В районе Борисова в 1942 г. была расстреляна по обвинению в подготовке диверсий еврейская семья, включая 5-летнего ребенка. Среди партизан циркулировали слухи (явно распускаемые карателями и их агентами), что бежавшие к партизанам евреи подбрасывали в котлы с едой яд и отравляли колодцы⁷⁸. Это приводило к расстрелу евреев по малейшему подозрению. Так, бывшего студента 3-го курса Минского мединститута Якова Рубенчика расстреляли, обнаружив яд, который он хранил на случай пленения. Молодого человека обвинили в попытке отравления командования отряда по заданию немцев⁷⁹.

Не могли считать себя в полной безопасности и евреи-«старожилы» партизанских отрядов. Командир отряда имени Пархоменко лично застрелил одного из первых партизан, пришедших из минского гетто — Генаха Рубенчика⁸⁰. Командир и комиссар отряда имени Дзержинского бригады имени Сталина (оба — советские офицеры, бежавшие из плена) в мае 1943 г. отдали приказ расстрелять партизана Григория Ривина как «еврейского националиста». Поводом послужил протест Ривина против решения бросить на произвол судьбы небоеспособных родственников одного еврея-партизана. Дело получило достаточно громкий резонанс. Выяснилось, что Ривин неоднократно обвинял своих командиров в антисемитизме (что вполне подтверждается словами командира отряда: «Заберите у меня евреев, я дам за каждого корову в придачу» — и его отказе оставить у себя бежавших из гетто женщин — родственниц одного из партизан). Публичный расстрел Ривина вызвал жалобу других партизан-евреев (в частности, они писали, что «на евреев гонения, их бьют, расстреливают, создают условия как в гетто»). Этот инцидент разбирался всеми вышестоящими инстанциями бригады; расстрел Ривина был признан «правильным». Впрочем, в приказе содержалось осуждение национализма и антисемитизма как «фашистских методов разложения наших рядов». В то же время авторов жалобы называли «апостолами еврейского национализма»⁸¹.

Среди партизан, впрочем, циркулировали слухи, что Ривин был расстрелян, помимо изложенного выше, и за то, что отказался отдать комиссару отряда свое личное оружие — трофейный парабеллум⁸².

Случаи антисемитизма в этой бригаде (в том числе по отношению к евреям из других отрядов и бригад) продолжались, что видно из приказа помощника ее командира от 2 апреля 1944 г. В нем говорится о случаях «массового террора» партизан-евреев, выразившихся в их избиениях, разоружении, изъятии продовольствия, одежды и оружия. Предлагалось разъяснить личному составу, что такие поступки ведут к межнациональной розни и помогают врагу⁸³.

Подобная ситуация была и в Первомайской бригаде, которой командовал Н. Г. Ковалев. Руководитель партизанского соединения Ивенецкой зоны Г. А. Сидорок указывал ему в официальном письме (в связи с действиями бойцов этой бригады по отношению к отряду Зорина):

«Руководящий состав штаба бригады раздувает и поощряет антисемитизм»⁸⁴.

В тех случаях, когда факты антисемитизма и антисемитизма (особенно убийство партизан-евреев своими товарищами) пресекались партизанскими командирами (включая публичную казнь антисемитов через повешение), они больше не повторялись. К сожалению, суровое наказание командиров-антисемитов применялось в годы войны и непосредственно после нее крайне редко.

Так, особый отдел 2-й партизанской бригады, действовавшей на Вишницине, приговорил к расстрелу командира отряда им. Кирова М. Ко-

ревеского. Главными пунктами обвинения были произвольный расстрел партизан и грабеж мирного населения. Одновременно констатировалось, что, «будучи заядлым антисемитом, он эти свои настроения открыто выражал в полку», угрожал изгнанием всех евреев-партизан, а также заявлял, что «перестреляет из двух пулеметов» всех скрывавшихся в лесу евреев, если они не уйдут из леса⁸⁵.

Заместитель командира партизанского отряда Александр Кузичкин, 1918 г. р., был осужден после войны на 10 лет за то, что изгнал из отряда 18 евреев, а еще одного лично застрелил. По его приказу были расстреляны «за связь с немцами» две еврейские девушки. Кузичкин обвинялся также в систематическом грабеже евреев⁸⁶.

Рассмотренные нами уникальные дела достаточно наглядно отражают сложную ситуацию, связанную с отношением к жертвам Холокоста в партизанских отрядах. Указанные эксцессы, вероятно, имели место лишь в некоторых партизанских соединениях. В условиях совместной борьбы с врагом на первый план выходили военное мастерство и личные качества людей, что служило сдерживающим фактором роста антисемитизма. В большинстве случаев он явно не поощрялся вышестоящим командованием. Однако отсутствие должной разъяснительной работы на фоне националистической пропаганды оккупантов создавало атмосферу для проявлений бытового антисемитизма среди партизан. К сожалению, никаких специальных указаний ЦШПД и республиканских штабов о борьбе с антисемитизмом в партизанских рядах не последовало.

Менее всего, судя по воспоминаниям и свидетельствам евреев-фронтовиков, антисемитские настроения затронули Красную Армию. Они проявлялись прежде всего в плену, когда многие евреи-политруки и другие военнослужащие, скрывавшие свою национальность, были выданы их сослуживцами. Чаще всего это делалось из корыстных побуждений с целью облегчить свою участь. Но таких людей подавляющее большинство советских военнопленных рассматривали как предателей, и в живых они обычно оставались недолго.

На фронт антисемитская пропаганда проникала в основном через вернувшихся из тыловых госпиталей, а также после призыва в армию населения с бывших оккупированных территорий. В отличие от партизанских отрядов, такие настроения не нивелировались и не поддерживались командирами или политработниками. Во-первых, солдаты и офицеры своими глазами видели, как евреи сражаются с врагом: по числу боевых наград они занимали 4-е место (после русских, украинцев и белоруссов); среди Героев Советского Союза — 5-е. Во-вторых, борьбе с антисемитизмом способствовала собираемая армейскими полиготделами, а также частично публиковавшаяся ими информация о нацистском геноциде по отношению к евреям. В армейской печати публикации о преследованиях евреев — выдержки из свидетельств переживших, очерки, письма — появлялись даже чаще, чем в центральной прессе.

Тем не менее нацисты полагали, что антисемитизм в советских войсках имеет место, и видели в этом успех своей деятельности. В одной из немецких инструкций — «Указаниях отдела пропаганды группы Северная Украина» от 13 апреля 1944 г. в разделе «4. Антисемитская пропаганда» с удовлетворением отмечалось:

«Она падает на благоприятную почву как среди большевиков, так и среди англо-американских войск. Наиболее убедительным является трезвое, беспрепятственное изложение фактов об увеличении влияния евреев в государственных и хозяйственных организациях противника. Допросы военнопленных дали чрезвычайно ценный материал для антисемитской пропаганды»⁸⁷.

Как отмечалось выше, армейские политорганы разного уровня принимали самое активное участие в установлении нацистских злодеяний. Как правило, национальность жертв в составленных ими актах указывалась достаточно полно. Однако при редактировании сводных документов и их подготовке к публикации проявлялись те же тенденции, что и с актами ЧК. Рассмотрим этот вопрос на примере расследования преступлений нацистов в лагере смерти Аушвиц (Освенцим).

В период с 26 января по 1 февраля 1945 г. в ежедневных сообщениях армейских политических органов еврейские жертвы Освенцима упоминаются неоднократно⁸⁸. Первый официальный акт по этому лагерю смерти был составлен политработниками 322-й стрелковой дивизии 60-й армии и бывшими заключенными-медиками (в том числе профессором из Парижа Штсйнбергом) уже 27 января 1945 г., т.е. в день освобождения этого лагеря смерти.

В нем говорилось, что в Освенциме «в большинстве уничтожались евреи всех оккупированных стран». В тот же день начальник политотдела 322-й стрелковой дивизии полковник Охакки доносил в политотдел 60-й армии о задаче нацистов в этом лагере смерти: «истребить... всех евреев, населяющих Европу». Таким образом, для офицеров и генералов на уровне полка, дивизии и 60-й армии вопрос о национальности основных жертв был очевиден.

Редактирование и изменение этих сведений, как установил Л.А. Безыменский, началось на уровне военного совета 1-го Украинского фронта. Оттуда была прислана специальная комиссия, работавшая с 1 по 5 февраля 1945 г. Она представила подробное заключение, в 7-м разделе которого говорилось:

«С пуском первого крематория Биркенау началось массовое отравление и кремация евреев, привезенных не только из Польши, но и всех стран Европы. В июне 1942 г. было сожжено немало семей из Чехословакии».

Далее приводились достаточно точные сведения об уничтожении евреев Франции, Бельгии, Голландии, Греции, Венгрии. Однако в заключительном тексте сообщения военного совета 1-го Украинского фрон-

та, направленного в Государственный Комитет Оборона (ГКО), евреи не упоминаются. Факт также весьма любопытный — он свидетельствует, что отнюдь не только в Кремле указание на национальность жертв считали излишним. Не исключено, что политическое руководство фронта просчитывало реакцию ГКО (возглавлявшегося Сталиным) на это сообщение. Отметим, что в этом заключении сведения о количестве жертв уничтожения в Освенциме наиболее низкие среди тех, что встречаются в советских документах этого и последующего периода:

«В Освенциме, по предварительным показаниям заключенных, замучены, сожжены и расстреляны сотни тысяч людей»⁸⁹.

Это достаточно любопытный момент, на который пока не обращали внимания исследователи. Довольно странная статистика, если учесть, что в донесениях, отправленных членам военного совета фронта, например в упоминавшемся акте от 27 января, названы цифры «от 4, 5 до 5 миллионов» жертв. Эти же (явно завышенные!) цифры в дальнейшем также будут фигурировать и в дипломатической переписке (о 4 миллионах жертв сообщил в английский МИД заместитель министра иностранных дел СССР Андрей Вышинский 27 февраля 1945 г.)⁹⁰, и в официальном сообщении ЧГК, и в материалах Нюрнбергского процесса.

Возможно, политическое руководство фронта не считало необходимым выделять Освенцим среди других, уже освобожденных к тому времени лагерей уничтожения, как Майдапек или Трешлинка. Не исключено, что «сдержанность» руководства 1-го Украинского фронта объясняется желанием не привлекать специальное внимание к вопросу, почему же на стадии разработки операции задача освобождения этого лагеря смерти вообще не поднималась.

Генерал В.Я. Петренко на основе архивных документов доказал, что ни в период планирования Висло-Одерской операции, ни в момент ее обсуждения в Ставке вопрос о судьбе узников Освенцима, как и о существовании самого лагеря, не ставился. В.Я. Петренко справедливо отмечает, что существование этого крупнейшего лагеря смерти было фактически скрыто от командования 1-го Украинского фронта, разрабатывавшего план операции. Уже в ходе боев командующий фронтом маршал И.С. Конев изменил ход операции и направил войска для освобождения этого концлагеря⁹¹.

Но несмотря на все объективные и субъективные сложности, именно героическая борьба советских людей на фронте и в тылу врага не позволила нацистам осуществить свои зловещные планы по полному истреблению миллионов евреев Советского Союза и других государств Европы. Эту роль Красной Армии в предотвращении «окончательного решения» неизменно подчеркивают все ведущие исследователи темы⁹².

С первых дней Великой Отечественной войны Совинформбюро посредством радио и газет сообщало о преследовании евреев. Первая такая информация датирована 26 июня и говорит о погроме в Белостоке. В последнюю неделю июня в газетах «Правда» и «Красная звезда» появилось три материала о преследованиях евреев Польши и Германии, а также о невыносимых условиях жизни в варшавском гетто⁹³. Возобновление антигитлеровской пропаганды вновь привлекло внимание общественности, и прежде всего самих евреев СССР, к антисемитской политике нацистов. О трагедии в Бабьем Яре еще 19 и 23 ноября 1941 г. сообщили соответственно газеты «Известия» и «Правда».

Информацию об августовском митинге еврейской общественности, речь Сталина, заявления союзников об уничтожении евреев, ноты Молотова в 1941 — 1942 гг., информацию о пленумах ЕАК публиковала центральная пресса. Отрывочных сведений о Холокосте в них было достаточно много, но специальные авторские статьи по теме практически не публиковались. В соответствии с установками из Кремля (есть данные, что Сталин лично правил сводки СИБ) уже на этом этапе факты расправы над еврейским населением интерпретируются как убийства и насилия над мирным населением всех национальностей. Подчас редакционные правки оригинальных нацистских документов были близки к фальсификации. Это удалось установить уже в сентябре 1941 г., когда переданный ранее на Запад дневник убитого немецкого солдата появился в советских газетах. Из этих публикаций не только исчезло слово «евреи», но и добавилось описание не совершенных автором дневника зверств⁹⁴.

После ноты Молотова от 6 января 1942 г. в освещении геноцида евреев наступает продолжительное затишье. Как установил С. Швейцбах, до конца апреля в газете «Известия» была напечатана лишь одна статья на эту тему, в которой упоминается переселение евреев Харькова в гетто, но не говорится об их уничтожении⁹⁵.

Во второй период Великой Отечественной войны, после коренного перелома под Сталинградом, в освещении темы Холокоста на страницах центральной прессы и в официальных публикациях произошли изменения. С начала 1943 г. советское руководство сводит до минимума информацию о еврейских жертвах в официальных сообщениях. Первым редактируется официальное сообщение о зверствах нацистов в Ростове (опубликовано в марте 1943 г. в «Правде») — евреи в нем не упоминаются, а жертвы названы «мирными советскими гражданами».

Эта терминология очень близка будущей правке официального сообщения о Бабьем Яре, сделанном Александровым. Именно Александров «курировал» вопросы освещения важнейших событий в СМИ. Вряд ли его позиция по «еврейскому вопросу» была неизвестна не только непосредственному начальнику, Щербакову, но и подчиненным.

Найденное словосочетание — «мирные советские граждане» — оказалось «долгоиграющим». С 1943 г. и по январь 1945 г. в официальных публикациях ЧГК о зверствах нацистов еврейские жертвы упомянуты только трижды — в связи с уничтожением в Кисловодске, концлагерем Саласпиле в Латвии, львовском гетто⁹⁶. Еще один раз евреи упомянуты (в перечислительном ряду жертв) в сообщении о нацистских преступлениях в Ровно от 7 мая 1944 г.

Очень скупо о еврейских жертвах сообщалось при освобождении лагерей уничтожения. Первое специальное сообщение ЧГК об освобожденном советскими войсками лагере смерти на территории Польши — Майданеке под Люблином — появилось 16 сентября 1944 г. Несмотря на то что этот лагерь был создан именно для уничтожения евреев Польши, национальность жертв в тексте не указывалась.

Освобождение Освенцима было отмечено в сообщении Совинформбюро от 27 января 1945 г. О лагере смерти газета «Правда» писала 31 января и 2 февраля (поместив заметку Б. Полевого «Комбинат смерти в Освенциме»). Однако национальность жертв в них не конкретизировалась. В этом контексте вовсе не вызывает удивления, что евреи не упоминаются и как основные жертвы в сообщении ЧГК об освобождении Освенцима, опубликованном в газете «Правда» 7 мая 1945 г.⁹⁷

Национальность самых многочисленных жертв этого лагеря смерти приведена в нем только один раз — при упоминании свидетеля: «еврейка из Греции по имени Белла». Во всех остальных случаях указывалось гражданство свидетелей или депортированных, хотя по их именам и фамилиям национальность узников была очевидной. Сведения о еврейских жертвах не вошли (как и упоминание подавляющего большинства свидетелей-евреев) в официальный текст сообщения ЧГК. Так еврейские жертвы Освенцима были представлены советской и мировой общественности как «мирные граждане государств Европы»⁹⁸.

Наличие еврейских фамилий, как справедливо заметил Лев Безыменский, позволяло советскому читателю понять, что в Освенциме уничтожали именно евреев. Одновременно ему давалось понять, что говорить об этом не следует. Тем не менее в центральной, во фронтовой и армейской печати в 1943 г.—мае 1945 г. было немало публикаций о жертвах Холокоста. 8 августа 1943 г. газета «Правда» на целой полосе опубликовала статью члена Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний нацистов и их пособников знаменитого русского писателя Алексея Толстого об уничтожении евреев на Северном Кавказе (Ставрополь, Кисловодск, Пятигорск, Ессентуки). Коротко описав зверства оккупантов против местных жителей, А. Толстой начинает «еврейский раздел» своей статьи словами:

«Но я видел гораздо более печальное. На Северном Кавказе немцы убили все еврейское население»⁹⁹.

Осенью 1944 г. в популярном журнале «Новый мир» Ильей Эренбургом были опубликованы отрывки из будущей «Черной книги» под названием «Народоубийцы». Не было формальных препятствий для писателей, публиковавших очерки о нацистских лагерях смерти, где уничтожали евреев и которые Красная Армия освободила во второй половине 1944 г. Популярнейший в годы войны поэт и фронтовой корреспондент центральной армейской газеты «Красная звезда» Константин Симонов публикует очерк о Майданеке (любопытно, что в первоначальном тексте К. Симонова слово «евреи» не упоминалось, оно было вставлено туда при цензурной правке)¹⁰⁰. В 1945 г. отдельной брошюрой на русском языке и Госиздате вышло одно из самых ярких произведений о Холокосте — «Треблинский ад» Василия Гроссмана. В то же время лишь на идише в органе ЕАК газете «Эйникайт» (25 ноября и 2 декабря 1943 г.) был опубликован замечательный очерк того же В. Гроссмана «Украина без евреев». При жизни писателя он так и не увидел свет на русском языке.

Нельзя не указать и на объективные причины отхода на второй план этой темы в кремлевской пропаганде именно с начала 1943 г. Во-первых, «еврейский вопрос» к этому времени был в основном «решен» и факты злодеяний нацистов постепенно стали приобретать ретроспективный характер. Именно в этот период (в связи с явным ростом партизанского и подпольного движения после Сталинградской битвы) усиливаются репрессии оккупантов и их пособников против мирного населения — сожжение деревень и сел вместе с их жителями независимо от возраста и пола, особенно в зоне активных действий партизанских соединений; расстрел заложников; репрессии против уклонявшейся от угона в Германию молодежи.

Число жертв злодеяний оккупантов против советского населения (помимо около 3 миллионов евреев) за весь период войны составило более 4 миллионов человек — самое большое по количеству потерь среди мирных жителей всех оккупированных нацистами государств Европы¹⁰¹.

Во-вторых (и мы видим в этом прямую взаимосвязь с первыми правками сведений о еврейских жертвах нацизма), одной из главных причин была внутривнутриполитическая — депортация целых народов Северного Кавказа по принципу «коллективной вины». Именно нежелательностью проведения аналогий между политикой нацистов и сталинскими репрессиями против отдельных народов, обвиненных в поголовном сотрудничестве с оккупантами, можно объяснить первые попытки замалчивания этой темы.

В-третьих, нельзя сбрасывать со счетов рост антисемитских настроений в партизанских отрядах, среди новобранцев на фронте и жителей освобожденных территорий. Яд антисемитской агитации нацистов и их пособников глубоко проник в сознание многих людей, что приходилось принимать во внимание партийным идеологам.

Еще до оккупации некоторые местные жители проявляли поразительную осведомленность о грозящей евреям опасности. Основывалась она чаще всего не на знании реальных фактов о начавшемся Холокосте, а на прогнозе о предполагаемом поведении гитлеровцев. Так, в «Информации о политико-моральном настроении населения на 15 июля 1941 г.», адресованной в ЦК Компартии Украины, приведены слова «бывшей кулачки Коломыйцевой», проживавшей в Калининдорфском еврейском национальном районе Херсонской области:

«Раньше били евреев, а теперь их еще больше будут бить»¹⁰².

Можно предположить, что для нееврейского населения в советском тылу такая информация не была шокирующей. Эти знания не только не препятствовали антисемитским настроениям, но даже стимулировали их. Судя по всему, они достаточно часто проявлялись в поведении и высказываниях представителей разных слоев населения.

Шовинистические идеи в духе рассмотренной выше записки партийного идеолога Александра о «засилье» евреев не были, к сожалению, маргинальными в обществе. В 1943 г. был уволен со своей должности главный редактор «Красной звезды» генерал Давид Ортенберг, который с началом войны по распоряжению Сталина взял псевдоним «Валдимов». Этнической чистке подверглись редакции многих центральных газет и научных журналов. Большие проблемы возникали у еврейской научной и творческой интеллигенции при эвакуации их учреждений¹⁰³.

НКВД союзных республик в период войны фиксировали немало фактов проявления антисемитизма в среде советской интеллигенции. Так, известный кинорежиссер Александр Довженко и некоторые его коллеги были очень недовольны деятельностью Натана Рыбака, временно заменившего Александра Корнейчука на посту руководителя Союза писателей Украины. Обвинения в его адрес, судя по докладной записке руководителя НКВД Украины на имя партийного лидера республики Никиты Хрущева от 27 марта 1943 г., изобиловали антисемитскими выпадами. В ней приводятся такие слова Довженко:

«Много вредят украинской культуре еврейчики. Они нас ненавидят, ненавидят и будут ненавидеть. Они везде стараются пролезть и все захватить в свои руки. Возмутительным является тот факт, что Союзом советских писателей Украины руководит паршивый еврейчик Рыбак. А это происходит потому, что украинские писатели боятся евреев».

Известного кинорежиссера поддержал Яновский, главный редактор журнала «Украинская литература»:

«Возмущен, что еврей управляет украинской литературой»¹⁰⁴.

Слова «паршивый еврейчик» при цитировании Довженко были вписаны от руки — это высказывание подпадало под статью действующего Уголовного кодекса. Примечательно, что автор доклада — руководи-

тель НКВД Украины — акцентировал внимание отнюдь не на оскорблениях евреев. Он также настаивал на необходимости снять Рыбака (кстати, автора вполне официальной трилогии о Богдане Хмельницком) и некоторых его коллег с занимаемых постов.

Такое отношение к евреям в среде творческой интеллигенции не было единичным. Весной 1943 г. кинорежиссер Михаил Ромм (автор ставшего в 60-е гг. культовым в СССР документального фильма «Обыкновенный фашизм») обратился с личным письмом к Сталину в связи с изгнанием многих евреев — режиссеров и руководителей Алма-Атинской киностудии:

«Все перемещения и снятия не объяснимы никакими политическими и деловыми соображениями. А так как все снятые работники оказались евреями, а заменившие их — неевреями, то кое-кто после первого периода недоумения стал объяснять это антиеврейскими тенденциями...»

«Если даже у меня появляются такие мысли, то, значит, в кинематографии очень не благополучно, особенно если вспомнить, что мы ведем войну с фашизмом, начертавшим антисемитизм на своем знамени»¹⁰⁵.

Как отмечалось выше, государственные и партийные функционеры не могли не учитывать несомненный рост антисемитизма в различных слоях общества под влиянием немецкой пропаганды и в силу сложных бытовых условий в эвакуации, где процент евреев среди беженцев был весьма велик.

Причем факты зверств нацистов по отношению к евреям были здесь либо мало известны, либо лишь разжигали национальную рознь. Жена спасенного в Запорожской области киевлянина Купермана, проживавшая в эвакуации с сыном, узнала о спасении мужа из текста выступления Ильи Эренбурга на пленуме ЕАК, опубликованного в «Правде» в апреле 1944 г. В своем письме она не разделяла оптимизм писателя о «дружбе народов», утверждая, что в эвакуации повсеместно царит антисемитизм:

«Эту «дружбу» я, мой сынника, тысячи других детей-школьников чувствуют ежедневно. Я уже привыкла. А сынок мой обижен до слез. В Киеве он этого не чувствовал и никогда не плакал из-за своего имени. Но ничего, его отец — командир Красной Армии. Когда она победит, мой сын плакать не будет»¹⁰⁶.

Новую волну антисемитизма принесли с собой реэвакуированные и скрывающиеся евреи. По словам одного из них, администрация уже бывшего Калининдорфского района (после освобождения он был вскоре переименован) встречала их словами:

«Зачем вы прибыли, кому вы нужны, никто вас не звал»¹⁰⁷.

Уцелевший в гетто одессит, известный врач И.Б. Адесман, с горькой иронией сообщал И. Эренбургу летом 1944 г. о «странном сочетании антисемитизма с асемитизмом» в городе, где находится не более 200 евреев:

«Он ощущается не только в государственных учреждениях, среди бывших знакомых (озабоченных тем, что евреям предстоит решить вопрос с утраченными квартирой и мебелью), но и в Комиссии по расследованию преступлений нацистов, которая загружена работой настолько, что не заметила того факта, что в Одессе наряду с румынами, украинцами и молдаванами пострадали от фашистских зверств также и евреи»¹⁰⁸.

Интересный факт в апреле 1944 г. приводил секретарь Черновицкого обкома И. Зеленюк в докладе партийному руководителю Украины Никите Хрущеву: *«Проявление антисемитизма в области большое», многие жители заявляют, что «до тех пор, пока в Черновцах будут евреи, мы в город не пойдем»¹⁰⁹.*

Все приведенные выше факты наглядно свидетельствуют, что Холокост как в советском тылу, так и на освобожденных территориях привел к резкому росту антисемитизма, который не могло остановить даже сочувствие к еврейской трагедии. Здесь отдельные тенденции определенных кремлевских и местных чиновников находили ту питательную среду, которая и подготовила почву для политики государственного антисемитизма на рубеже 40—50-х гг. Осуществить ее было бы невозможно без систематического вытравливания из исторической памяти образа народа — жертвы нацистской политики геноцида.

ЗАПРЕТ НА ПАМЯТЬ О ХОЛОКОСТЕ

После окончания войны со всей остротой встал вопрос об увековечении памяти еврейских жертв. Однако нигде в столицах советских республик и крупных городах (кроме Минска) не появилось ни одного памятника с надписью на идише и прямо говорящего о еврейских жертвах. Местные власти последовательно боролись против присутствия какой-либо еврейской символики на памятниках погибших, упоминания слова «евреи» (официально разрешенный эвфемизм — «мириные советские граждане») — полностью совпадал с формулировками правки текста о Бабьем Яре). По их приказу еврейские общины в конце 40-х были вынуждены перестраивать уже появившиеся монументы — символична история с приказом «обрезать шестиконечную звезду», ставшую в результате пятиконечной, на могиле жертв Холокоста в Невеле Псковской области¹¹⁰.

Нередко преследовались люди, пытавшиеся организовать «незаконный», с точки зрения властей, сбор коллективных пожертвований родственников погибших. В мае 1946 г. власти узнали о проекте памятника в м. Червень в Белоруссии, инициатором создания которого выступил местный уроженец, известный советский ученый-изобретатель, один из создателей танка Т-34 Владимир Фундатор. В докладе секретарю Минского обкома партии говорилось:

«1... частная инициатива исключается. Если таковая и может быть, то только с разрешения органов советской власти»;

2. Памятник ставится представителям одной национальности (еврейской), в то время как там есть и жертвы из белорусов, русских и украинцев. Памятник имеет форму чисто национальной архитектуры; надпись на нем выполнена на еврейском языке».

Отметим, что речь шла о лаконичной надписи на идише: «Евреям — жертвам фашизма». Но и этого было достаточно, чтобы власти начали разоблачение «националистической организации», а сам ученый надолго лишился работы¹¹¹.

В конце 40-х гг. семь инициаторов создания памятника жертвам Холокоста в Одессе были приговорены к 8—10 годам лагерей за создание «антисоветской и националистической организации»¹¹².

Во Львове подверглись аресту руководители еврейской религиозной общины, пытавшиеся оказать финансовую помощь местным жителям, спасавшим евреев в годы войны¹¹³. Недолго просуществовавший Еврейский музей в Вильносе, отражавший в своей экспозиции тему Холокоста и еврейского Сопротивления, был закрыт в 1949 г.

Отношение к Холокосту советских властей сразу же после войны ярко характеризуется их равнодушием к судьбе евреев — бывших узников гетто, оказавшихся в ГУЛАГе. Среди них были и вывезенные в СССР узники гетто других стран Европы. Их статус определялся как «интернированные».

Так, в письме на имя министра внутренних дел СССР С. Н. Круглова 7 сентября 1946 г. его заместители генерал-лейтенанты Кривенко и Кобулов сообщали о голодовке «интернированных евреев польского подданства в количестве 5 человек» из Лодзи, находившихся в лагере № 523 в Свердловской области. Вот как излагали мотивы голодовки сами узники:

«Нас, ни в чем не повинных евреев, содержат длительное время в лагере вместе с преступниками — немецкими пособниками. Потеряв надежду на скорое освобождение, мы решили покончить жизнь самоубийством посредством голодовки».

В их числе были Исаак Русс, начальник аптеки в гетто, который «являлся организатором голодовки»; Салик Занберг и Натан Маткович, которые «несли охранную службу в гетто», Адам Шлятковский — «технический работник в гетто» и Куба Шейс, который «служил полицейским при гетто». Как видим, только у одного из пяти задержанных был формальный повод подозреваться в коллаборационизме.

В письме говорилось:

«Вышеперечисленные интернированные не принимали пищу в течение 5 суток, и в результате принятых мер руководством лагеря (изоляция их в карцер, допросы и беседы с ними и попытка применения искусственного питания) 6 сентября голодовка всеми прекращена. Смертных случаев нет»¹¹⁴.

Несмотря на то что о судьбе этих и других людей, содержащихся в ГУЛАГе по аналогичным мотивам, было известно как минимум руководителям советских карательных органов, никаких послаблений в ре-

к их содержанию не происходило. В период кампании «борьбы с космополитизмом» (1948—1949 гг.) были репрессированы многие бывшие узники гетто, оказавшиеся на советской территории и заподозренные в симпатиях к сионистам, в частности некоторые бывшие узники гетто в Транснистрии (Жмеринка) и Буковины (Черновцы). Именно «коллаборационизм» в период пребывания в гетто служил главным мотивом обвинения.

Сохранялся также двойной стандарт: для внешней и внутренней политики. В своей знаменитой речи в ООН 14 мая 1947 г. советский представитель Андрей Громько особо подчеркнул место «окончательного решения еврейского вопроса» в планах нацистов по завоеванию мирового господства. Эта речь, проникнутая состраданием к жертвам еврейского народа, естественно, была согласована с Кремлем.

Однако в феврале 1948 г. было окончательно отказано в публикации подготовленной к изданию «Черной книги»¹¹⁵. Участие в ее составлении и подготовке к изданию послужило поводом обвинению в «буржуазном национализме» многих арестованных в конце 1948 — начале 1949 г. руководителей и сотрудников ЕАК. Поддержка замысла такого издания ставилась в вину и Соломону Лозовскому, бывшему заместителю министра иностранных дел СССР и начальнику Совинформбюро, который стал главным обвиняемым по делу ЕАК, рассмотренному (после растянувшегося на три с половиной года следствия) Военной коллегией Верховного суда СССР в мае—июле 1952 г.

Расстрел 12 августа 1952 г. 13 известных мастеров еврейской культуры (писателей, поэтов, артистов) и общественных деятелей — руководителей, сотрудников и членов ЕАК стал последним крупным расстрелом при жизни Сталина. Символично, что его жертвами стали именно еврей-антифашисты.

Такое отношение к памяти жертв Холокоста не могло пройти бесследно. Вплоть до начала перестройки были запрещены какие-либо официальные мероприятия памяти еврейских жертв Бабьего Яра в Киеве. Не допускалось возложение венков с текстами, упоминавшими евреев, а участники таких неразрешенных шествий задерживались властями¹¹⁶.

* * *

Таким образом, Советское правительство, наряду с правительствами союзных держав, несет ответственность за то, что ими было сделано далеко не все возможное для спасения жертв Холокоста. Но у Кремля в этом вопросе была особая ситуация. Ведь на оккупированной территории жертвами геноцида оказались около 3 миллионов советских граждан.

Поэтому мотивы отсутствия действий по спасению тех, кто в этом нуждался, должны быть ясно поняты и оценены. Такой подход несколько не умаляет заслуг Красной Армии, сначала остановившей врага, а

затем нанесшей поражение оккупантам на советской территории и внесшей решающий вклад в разгром нацистской Германии. Без ее героических усилий евреи не только СССР, но и всего мира были бы уничтожены. Однако задача спасения евреев если и решалась советскими властями на официальном уровне, то лишь попутно. Ни специальных операций (включая бомбардировку крематориев или освобождение лагерей уничтожения в Польше), ни отдельных приказов подпольщикам и партизанам об оказании помощи евреям не последовало.

Несмотря на личный бытовой антисемитизм Сталина, о котором соратники и родственники вождя оставили немало свидетельств, в период войны на государственном уровне юдофобия проявлялась лишь локально. Советское руководство не пошло на поводу у нацистской пропаганды и не стало даже в самый опасный для судеб страны период извлекаться «от еврейского засилья».

Очевидно, что в этот период Сталин не поддержал инициатив своего пропагандистского ведомства о «чистке» отдельных учреждений (прежде всего культуры и средств массовой информации) по национальному принципу. Подчеркнем, что М.И. Ромм апеллирует к Сталину и это дает определенный результат. Его (как и академика Лину Штерн, протестовавшую против увольнения из редактируемого ею научного журнала сотрудников-евреев) принимают в ЦК; последствием этих встреч становится частичное восстановление на работе уволенных.

Вместе с тем нет никаких данных, что лично Сталин или его ближайшее окружение публично осудили бы такие явные проявления антисемитизма. Сам «вождь народов» никогда не позволял себе официальных юдофобских заявлений. Даже в разгар инициированной им кампании по борьбе с космополитизмом он публично предостерегал от пасаждения антисемитской истерии и даже заявлял (в конце 1952 г. на заседании комитета по Сталинским премиям), что наличие антисемитов в ЦК — «это безобразие». Как заметил Н.С. Хрущев, отношение Сталина к антисемитизму было двойственным: он «боролся с ним как секретарь ЦК», одновременно подстрекая к антисемитизму «в узком кругу»¹¹⁷.

Сталин заимствовал у нацистов гораздо более радикальное средство — наказание целых народов. Сделав вполне объяснимый и даже жизненно необходимый в критический период войны пропагандистский акцент на «выдающейся роли великого русского народа» в сопротивлении нацистам и их разгроме, Сталин дал импульс шовинистическим тенденциям в советской идеологии и практике. Евреи в эту схему — ни как отдельная категория жертв нацизма, ни как активные участники Сопротивления — совершенно не вписывались.

На наш взгляд, в отношении к Холокосту советского руководства и официальной пропаганды можно выделить две тенденции. Во-первых, эта тема становится прерогативой интереса ЕАК и используется для укрепления контактов с международными организациями. Во-вторых, за-

магнитизация масштаба и целенаправленной нацистской политики против евреев СССР как следствие роста антисемитизма на освобожденных Красной Армией территориях и в советском тылу в результате нацистской пропаганды и бытовых взаимоотношений эвакуированных и реэвакуирующихся евреев с местным населением.

Стремление практически весь период существования СССР после войны замолчать и принизить еврейскую трагедию в немалой степени объясняется непризнанием собственной ответственности за Холокост. Она состоит в отказе принять еврейских беженцев из Германии и оккупированных государств Европы в 1939—1940 гг., а также в том, что не были использованы все силы и средства для оказания помощи и спасения евреев — граждан СССР.

5.3. Население на оккупированных территориях и Холокост

ХОЛОКОСТ И ЦЕРКВИ

До настоящего времени мало изучена роль церквей на оккупированной советской территории, прежде всего деятельность представителей Русской православной церкви¹¹⁸. Неизвестно о каких-либо заявлениях или действиях ее руководителей на оккупированной территории в связи с Холокостом. Как известно, глава Русской православной церкви в Москве, патриарх Сергий, уже в первые дни войны призвал верующих к борьбе с нацистами. В то же время митрополит Берлинский Серафим, глава Восточной православной церкви, занимал антисоветскую и прогерманскую позицию.

Отношение нацистского руководства к православным священнослужителям было весьма настороженным. Зимой 1941 г. в Совинформбюро была переслана копия инструкции, захваченной нашими войсками. В разделе «Актуальные задачи в Восточных областях» подчеркивалось, что необходимо «изолировать» духовенство в связи с их взглядами на богоизбранный народ и заняться подготовкой новых кадров¹¹⁹. В директиве Главного управления имперской безопасности от 31 октября 1941 г. говорилось:

«Следовало бы установить, что ни при каких обстоятельствах не подлежит преподнесению народным массам такое учение о Боге, которое глубоко пустило свои корни в еврействе и духовная основа которого заимствована из такого понимания религии, как понимают ее евреи. Таким образом, надо проповедовать во всех отношениях свободное от еврейского влияния учение о Боге, для чего подлежало бы найти проповедников и, прежде чем вытискать их в массы русского народа, дать им соответствующее образование...»

Ясно, что заключение «избранного Богом народа» в гетто и искоренение этого народа... являются принудительными мероприятиями, которые способствуют делу освобождения Восточных областей Европы. Ясно также, что эти мероприятия, особенно в зараженных еврейми областях, ни в коем случае не должны нарушаться духовенством...

Разрешение церковного вопроса в оккупированных Восточных областях является чрезвычайно важной ... задачей, которая при некотором умении может быть великолепно разрешена в пользу религии, свободной от еврейского влияния. Это влияние, однако, имеет своей предпосылкой закрытие находящихся в Восточных областях церквей, зараженных еврейскими догматами»¹²⁰.

В ряде случаев священнослужители открыто и подчас небезуспешно протестовали против уничтожения евреев. В м. Товта в Галиции паценты убили около 200 евреев, однако дальнейшее уничтожение было остановлено священником Извольским¹²¹.

Известно, что ряд православных священников и члены их семей с риском для жизни прятали евреев. Скрывавшимся доставали поддельные документы; если это было невозможно — отдавали свои. Семья православного священника киево-подольской церкви Алексея Александровича Глаголева* спасла нескольких евреев Киева. Иппе Минкиной-Егорычевой, которая скрывалась в семье Глаголевых с десятилетней дочерью Ирриной почти 2 года, его жена Татьяна Павловна отдала свой паспорт и едва не погибла в очередной облаве. Глаголевы спасли также мать и дочь Шевелевых. 28-летней Полине выдали метрическую выписку о крещении. Эту женщину (пожилая мать говорила с заметным еврейским акцентом) скрывали в церковной усадьбе. Семья Глаголевых помогала и другим евреям. Лишь их мужественное свидетельство, что Л.Б. Гермайзе — не еврейка, позволило освободить ее из тюрьмы.

Отцу Алексею активно помогал управитель церковных зданий киево-подольской Покровской церкви А.Г. Горбовский, который не только скрывал здесь евреев, но и доставал им метрики умерших, хлебные карточки¹²². Также в Киеве, в Фроловском монастыре, иуменья Флавия скрывала еврейскую девочку Лиду Фельдман и других еврейских детей¹²³.

На Кировоградчине священники православных храмов массово крестили евреев, предупреждая их об угрозе уничтожения. Командир партизанского отряда М.М. Скирда приводил их аргументы:

«Те, кто не окрестит своих детей, будут считаться евреями и будут расстреливаться».

По его данным, в день крестилось по 70 человек¹²⁴.

12-летнего Романа Левина в первую ночь после побега укрыв в Брестской области православный священник Вольнский. Он не только на-

* Его отец, профессор Киевской духовной академии, выступал в защиту Бейлиса на известном процессе 1913 г.; погиб в Лукьяновской тюрьме в 30-е гг.

кормил беглеца, оставил его почевать, но и снабдил одеждой¹²⁵. Священник Иван Строк в Борисове взял в свою семью Толку Шахвалова¹²⁶.

Очень часто помощь евреям оказывали священнослужители разных конфессий и просто верующие. Особую позицию занимал глава Греко-католической церкви в Украине митрополит граф Андрий Шептицкий, который в письмах к Гитлеру приветствовал вступление «победоносной» нацистской армии во Львов и Киев «как освободителя от врага», но активно выступал против уничтожения евреев. В 1942 г. он не только писал главе СС Гимmlеру о необходимости исключить участие украинцев в акциях уничтожения и обращался за поддержкой к Папе Римскому, но и лично участвовал в спасении евреев Львова.

Андрий Шептицкий и его брат архимандрит Климентий (получивший звание Праведника Народов Мира) спасли около 150 евреев, включая семью своего хорошего знакомого львовского раввина Д. Кахане и многих еврейских детей, которых с риском для жизни прятали монахи отдаленных монастырей. В процесс спасения были вовлечены многие люди из ближайшего окружения митрополита. Давид Кахане составил список из 240 священников и монахов Восточной Галиции, которые спасали евреев (причем считал его далеко не полным). По 15 еврейских девочек спасались в монастырях местечка Ушия и села Якторов. Еще 5 еврейских детей с помощью братьев Шептицких скрывалось в одной из львовских больниц¹²⁷.

Споры вокруг роли Андрия Шептицкого в Холокосте (комиссия по присвоению звания «Праведник Народов Мира» отказалась присвоить ему это звание) не умолкают и сегодня. Лично митрополитом А. Шептицким либо по его указанию было спасено наибольшее количество евреев на оккупированной территории СССР. Вместе с тем очевидна вина главы Униатской церкви за тот антиеврейский террор, который был развязан против евреев с участием сторонников украинской государственности, духовным лидером которых был Андрий Шептицкий.

О неоднозначности его позиции в этом вопросе свидетельствуют и некоторые документы. В публикациях отчета сотрудника министерства иностранных дел рейха о беседе с митрополитом А. Шептицким (датирован 19 сентября 1943 г.), где последний негативно высказался об уничтожении евреев Украины, опускается важный фрагмент (в самом начале беседы). Митрополит выражал обеспокоенность судьбой монастыря Васильянок, здание которого «национализировано», а «хозяевами там являются директор — полный жид и жидовка (его жена. — И. А.)».

А. Шептицкий согласился с собеседником, что «еврейство представляет смертельную опасность для христианства». Вряд ли эти пассажи характеризуют митрополита как юдофила. В то же время в ходе беседы он упрекал немцев в их бесчеловечном отношении к евреям, отмечая, что они убили 100 000 человек только во Львове и «миллионы на Украине». Митрополит настаивал, что «убийство евреев недопустимо».

Любопытен вывод, который сделал собеседник, имевший личные контакты с графом Андрием Шептицким в течение 15 лет, сопоставив эту двойственную информацию. Он полагал, что в настоящее время позиция митрополита в еврейском вопросе совпадает с позицией других католических иерархов в разных странах. А это, на его взгляд, отражает официальную позицию Ватикана, а не личную точку зрения митрополита¹²⁸.

В Западной Украине евреям активно помогали католические священнослужители. По данным польских исследователей, 34 монастыря и католические организации участвовали в спасении евреев. Они снабжали узников гетто документами и помогали им бежать в Венгрию. Ксендзы Вычесаный и Ян Винярский скрывали евреев в монастырях близ Борщова и в Товмаче. Монахи ордена св. Марии во Львове, Самборе и Долине спасли 47 еврейских детей¹²⁹.

В то же время руководители католической церкви Литвы отказались помогать евреям. Несмотря на это, настоятель древнейшего в Каунасе католического прихода «Триединства» ксендз Бронюс Паукштис через монаха Бронюса Готаутаса (по прозвищу «Братик») доставал фальшивые паспорта. Он выдал сто двадцать метрических свидетельств еврейским детям и прятал в своем костеле 25 взрослых. О взаимоотношениях ксендза со спасенными ярко свидетельствует письмо, полученное им после войны от Рашель Розенцвейг:

«Дорогой отец! Разрешите мне так называть Вас. Разве Вы не отпелись ко мне как отец к дочери? Разве Вы не приютили меня, когда я пришла к Вам после стольких переживаний, такая несчастная? Не спрашивая ни о чем и ничего от меня не требуя, как если бы это было само собой понятно, Вы сказали: «Здесь, у меня, ты успокоишься, дитя мое, и пробуешь некоторое время...»

За Б. Паукштисом следило гестапо, какой-то период времени ему пришлось скрываться. Б. Готаутас был арестован нацистами в 1944 г. за помощь евреям и заключен в концлагерь¹³⁰.

Другой литовский священник, Повилас Якас, самоотверженно спасал евреев. Немалую роль играло и обращение к прихожанам. Священник Салакского костела Пятрас Раудава после расстрела евреев говорил в своей проповеди:

«Кто ответит за невинно пролитую кровь человеческую? Самое ужасное, что среди убийц были и литовцы. Католики. Они призывают на весь наш народ гнев Божию».

Воздействие таких проповедей было велико, люди плакали...¹³¹

Можно предположить, что аналогичные действия предпринимали, несмотря на официальное молчание Ватикана, многие другие католические священники. Отметим, что наиболее жестокие репрессии нацисты обрушивали на священнослужителей польского происхождения. Так, за укрывательство и помощь евреям были казнены семь католических

ксендзов в одной лишь Плинской епархии в Белоруссии. Среди этих бесстрашных людей — Тадеуш Гжесяк, 1901 г.р., настоятель в Клецке, казненный на православном кладбище в Барановичах 13 июля 1942 г.; настоятель в Кобрине Ян Урбанович, 1895 г.р., и его помощник Владислав Гробельный, 1913 г.р., арестованные 9 октября и расстрелянные 15 октября 1942 г. вместе с евреями в Борисовском лесу возле Кобрина (тело ксендза Я. Урбановича было сожжено нацистами с целью сокрытия следов преступления); настоятель и декан в Несвиже Мечислав Кубик, 1900 г.р., арестованный 29 июня 1942 г. и расстрелянный 13 августа 1942 г. на кладбище в Барановичах; настоятель прихода Вселюб Иосиф Кучинский, 1879 г.р., арестованный за укрывательство еврейских детей и казненный 31 июля 1942 г. в г. Новогрудке вместе с настоятелем и деканом в Новогрудке Михаилом Далецким, 1884 г.р.; настоятель в Лунинце Фабиян Почобут-Одлапцкий, 1896 г.р., расстрелянный 4 июля 1944 г. в Козлякевичах возле Пинска за организацию помощи евреям¹³².

Самому младшему из ксендзов было 29 лет, а самому старшему — 53.

Многие католические священники на территории Западной Белоруссии помогали евреям, прежде всего прятали детей. Ксендз из Бреста помог выехать во Францию жене заместителя начальника местного НКВД и ее дочери¹³³. В Столине ксендз Франциск Сморцевский достал свидетельство о крещении еврейской женщины (впоследствии она была спасена с помощью баптистов).

В Ракове монахиня, сестра Катаржина, с помощью ксендза Ганусевича собирала еврейских детей и передавала их верующим в деревнях¹³⁴.

Уже с первых месяцев оккупации немецкие гражданские и военные власти искали поддержку антиеврейским мероприятиям со стороны украинского духовенства. В некоторых регионах, особенно на первом этапе антиеврейских мер, этого удалось добиться. Так, в отчете об уничтожении евреев от 12 августа 1941 г. 2-го кавалерийского полка СС, действовавшего в районе припятских болот, говорилось:

*«Украинское духовенство проявило готовность сотрудничать с нами и принимать участие во всех акциях»*¹³⁵.

Архипастырское послание главы Украинской православной автокефальной церкви Поликарпа, епископа Луцкого от 19 июля 1941 г. также приветствовало оккупантов¹³⁶. Руководство Украинской автокефальной церкви в этот период было настроено крайне антисемитски. В воскресной проповеди в храме Ковеля в мае 1942 г. говорилось:

«Когда последний еврей исчезнет с лица земли, мы выиграем войну».

Месяц спустя священник этой церкви Иван Губа благословил отряд украинской полиции перед уничтожением нескольких тысяч евреев Ковеля¹³⁷.

20 июля 1943 г. глава православной автокефальной церкви Житомирского округа епископ Григорий, выступая в Виннице, говорил, обращаясь к Сталину (орфография текста сохранена):

«Для того ли мы работали, чтобы твои жидаы на сабани и пейсах имели вкусные булки... чтобы твои цудеи имели сладости... для вкусного бульона и котлет цудейскому дворянству, масло для чада израильского?»

О жертвах террора, «который учинили юдо-большевики» говорилось: *«Они погибли за то, что и Христос».*

Текст этот был опубликован в оккупационной прессе. Нетрудно представить, как еврейская тема звучала в проповедях для населения этого епископа.

Отметим, что отношения между двумя течениями в автофекальной церкви Украины (православной, во главе с митрополитом Алексеем Вольнским, а после его убийства — архиепископом Киевской епархии Пантелеймоном, и украинской, возглавляемой митрополитом Поликарпом, архиепископом Луцким) были весьма сложными. Первую поддерживала полиция безопасности и СД Украины, вторую — рейхскомиссар Украины Кох¹³⁸.

В этой борьбе использовалась и еврейская тема. Митрополит Поликарп был приглашен 28 мая 1943 г. к генеральному комиссару округа «Вольнь-Подолья» Краузе, который заявил, что когда он слышит слова «мы не хотим, чтобы с нами обращались, как с жидами», то «нам ясно, что это советская агитация»¹³⁹.

Любопытна аргументация одного из доносов от 28 августа 1943 г., в котором Поликарп обвинялся в тесных связях с украинскими националистами. Его автор, епископ Мануил Тарнавский, руководитель епархии Владимир-Вольнского, подчеркивал:

*«Хотя я украинец, но должен быть верным гражданином в отношении немецкого правительства, которое освободило нас от жида-коммунистического ярма».*¹⁴⁰

Попытки отдельных священников спасти евреев, выдавая им свидетельство о крещении, решительно пресекались властями. 29 октября 1941 г. оккупационные власти разослали циркуляр, который обязывал священников отказывать евреям в крещении. Видимо, это явление носило массовый характер, поскольку в распоряжениях местных властей неоднократно подчеркивалось, что не только запрещено крещение евреев, но и всех ранее крещенных евреев и полукровок следует считать евреями («вряду с некрещеными»).

Массовый характер приобрело крещение евреев в румынской зоне оккупации. Причем, в провинции Буковина в этом участвовали как католические¹⁴¹, так и православные священники¹⁴².

Любопытно, что на учет были взяты даже те евреи, которые перешли в православие еще при советской власти (их оказалось 20 человек)¹⁴³. Этот процесс был особенно интенсивен летом 1942 г., о чем свидетельствует изданное в том же году предписание кабинета министров Румынии о запрещении евреям перехода в православную и католическую веру от 16 сентября 1942 г.¹⁴⁴

Руководство католического прихода Буковины пыталось облегчить участь крестившихся и обращалось к властям с просьбой *«об улучшении обращения с жителями еврейского происхождения, принявшими католическое вероисповедание»*¹⁴⁵.

Православный священник коммуны Зеленау Мардарь был арестован 27 января 1942 г. *«за подделку и выдачу документов о крещении еврейского населения»*¹⁴⁶.

В Молдавии крещение и даже лишь нахождение в браке с христианами могли отсрочить депортацию в первые месяцы оккупации. Со стороны деятелей церкви и духовенства как Молдавии, так и Румынии было предпринято немало усилий, чтобы помочь евреям спастись. Они оказались безуспешными¹⁴⁷.

На территории Трансильвании (в частности, в Одессе и Одесской области) попытки перехода в христианство, а также фиктивные браки с христианами были весьма типичны. В донесении инспектора жандармерии Трансильвании в Бухарест сообщалось, что в январе 1942 г. многих еврейских детей брали к себе верующие, а русские священники проводили обряд крещения. Также резко возросло число тех одесситов, кто причислял себя к каранмам¹⁴⁸.

Разумеется, большинство священнослужителей сочувствовало жертвам и не одобряло действий оккупантов. Об этом свидетельствует не совсем обычное письмо настоятеля духовной консистории Кремница отца Князевского, адресованное в горком партии и датированное 27 марта 1944 г. В нем с большим сочувствием к жертвам описывался расстрел кремпецких раввинов, унижения евреев, их мужественное поведение перед казнью. Автор обращения заканчивал его словами, что он *«считает долгом представить этот доклад представителю Московской патриархии»*¹⁴⁹.

Отметим, что нередко убежище совершенно неизвестным евреям предоставляли представители нетрадиционных религий, в том числе и пострадавшие от советской власти. Пресвитер евангельских христиан-баптистов в Минске А. М. Кедро нашел в двух детских домах 70 еврейских детей и помог записать их в книгах регистрации под русскими фамилиями. Баптисты организовали сбор пожертвований в нескольких городах, снабжали детей одеждой и едой¹⁵⁰.

Тринадцатилетнего Сему Дехтяря в г. Гайсинте Винницкой области скрывал член секты геров И. Дегюк¹⁵¹. Бежавшая из гетто 19-летняя Гения Букман нашла приют у Василия Иванова, главы местной общины евангельских христиан-баптистов. У его дочери, Ирны Левыкиной, которая вместе с отцом и двумя братьями прятала более года еврейскую девушку, муж был расстрелян за отказ служить в Красной Армии¹⁵².

Таким образом, ни одна церковь не встала официально на защиту евреев. Несомненно, можно проследить определенную эволюцию взглядов на процесс уничтожения евреев духовных лидеров различных кон-

фессий. Десятки священнослужителей по своей инициативе помогали и спасали евреев. Особенно наглядно это проявлялось в готовности совершить крещение, несмотря на угрозы и запреты властей. Вместе с тем голос ни одного из церковных авторитетов не прозвучал достаточно громко, чтобы остановить народоубийство.

ОНИ БЫЛИ РЯДОМ...

Лишь небольшой процент местного населения в той или иной мере непосредственно способствовал нацистам в выявлении евреев, принимал участие в их уничтожении либо, наоборот, скрывал евреев и помогал им. Однако косвенно в этот процесс было вовлечено практически все население, на глазах которого совершалось народоубийство.

В сводных отчетах айзатцгрупп в начале июля 1941 г. отмечаются факты расправ над евреями местного населения в Литве, Латвии, Западной Украине.

Но в сводках полиции безопасности и СД по Белоруссии за конец июля — начало сентября неоднократно отмечается невозможность инициировать погромы местным населением¹⁵³. Так, в отчете № 43 от 5 августа 1941 г. говорится (в связи с отсутствием «белорусского национального самосознания»): *«Декларированный антисемитизм также отсутствует, что уже было отмечено в Минске и бывших польских территориях»*¹⁵⁴.

В отчете айзатцгруппы «В» о ее деятельности в Белоруссии за вторую половину сентября говорилось:

*«По-прежнему отмечается, что население воздерживается от какой-либо саморасправы над евреями. Население единодушно заявляет о еврейском терроре, к которому они руководящие причастны в советский период, и жалуется на козни евреев в то время. Однако побудить его к погромам над евреями, несмотря на все это, невозможно»*¹⁵⁵.

В таком же ключе составлен сводный отчет о деятельности айзатцгрупп на Украине от 12 сентября 1941 г. На его основе М. В. Коваль делает вывод, что позиция подавляющего большинства населения Украины в годы Холокоста «была нейтральной»¹⁵⁶.

С этим утверждением трудно согласиться: эта позиция не была неизменной; она напрямую зависела как от действий оккупантов, так и от ситуации на фронте.

Газеты на оккупированной территории наглядно показывают, что нацисты (нередко безуспешно) пытались пресечь помощь местного населения евреям продуктами и прекратить любые отношения с ними. В издававшейся в Лиепае (Латвия) газете «Курземес вардс» 19 июля 1941 г. появилась статья «Не пачкайте руки». В ней говорилось:

«... Мы освобождены от жидов, но жиды еще среди нас. Еще есть латыши, которым кажется, будто бы жидам нанесена какая-то обида.

Они думают: разве я сделаю какое-то преступление, если из задних дверей своего магазина продам жидам какой-нибудь килограмм масла или буханку хлеба? Или: разве это грех, если я постою в очереди вместо жиды и принесу ему литр молока? Да, это грех и преступление».

Напомним, что в этот период действовали приказы, которые запрещали евреям пользоваться магазинами либо предписывали им делать покупки только после «коренного населения». Видимо, этот призыв не помог, так как в конце августа та же газета в статье «Еще раз о «милосердных латышах» отмечала:

«Уже много раз, как глас вопиющего в пустыне, прозвучали статьи о тех, кто вместо жидов идет стоять в очереди за продуктами. Эти «помощнички», наверно, не соображают, насколько низко их поведение. Они не понимают также, что продукты, которые они таким образом доставляют жидам, отрываются от латышской».

На открытое выражение своего сочувствия евреям или попытку их защитить решались немногие представители созданных нацистами органов «местного самоуправления». Тем не менее они были и их помощь евреям являлась не только эффективной, но и весьма болезненной для оккупационных властей. Связанный с партизанами бургомистр Кременчуга Синица выдавал евреям фиктивные справки об «арийском происхождении»¹⁵⁷.

Городской голова молдавского города Ореев Рошко был единственным представителем местных властей, кто помогал узникам гетто, выдавая им хлеб и сахар¹⁵⁸. Помощник начальника полиции г. Очакова (румынская зона оккупации) Долгий пытался спрятать у себя еврейского мальчика¹⁵⁹.

Бургомистр Полоцка (Белоруссия) Дмитрий Петровский и переводчик Федор Безер (они погибли осенью 1942 г.) предупредили директора детского дома о готовящемся отборе еврейских детей. Их спрятали и переправили в партизанскую зону¹⁶⁰.

Политика немцев в отношении евреев вызывала осуждение у заместителя городского бургомистра Смоленска профессора Б. В. Базилевского. Он принимал в своем доме бывших коллег и знакомых евреев, в том числе — старосту гетто; снабжал их продуктами.

28 мая 1944 г. профессор писал на фронт своему коллеге Якову Гейвашовичу о взаимоотношениях с сестрой последнего в период оккупации:

«Несмотря на категорическое запрещение жителям гетто выходить оттуда, за исключением — бригадами на работу, ...Верта Ильичична бывала у нас через 7—10 дней. И я, и жена всегда рады были видеть ее; от нее мы знали, как тяжело было жить в гетто, и старались, как могли, поддержать в ней бодрость духа; я всегда говорил Б.И., что нужно перетерпеть этот кошмар, что немцев выгонят и мы снова будем свободными»¹⁶¹.

После расправы с узниками смоленского гетто Базилевский оставил свой пост.

Известны случаи помощи евреям со стороны рядовых служащих городских управ. Самым мягким наказанием здесь было увольнение, обрекавшее помогавшего на нищенское существование. Так, приказ № 20 по Смоленской городской управе от 24 января 1942 г. гласил:

«Уволить Петрову Марию Сергеевну... за выдачу справок евреям Бейлиным, зная об их национальности»¹⁶².

Евреям сочувствовали и оказывали помощь многие медицинские работники. Среди них был врач-венеролог из Пскова, 45-летний И. М. Михайлов. В своем свидетельстве в ЧГК он писал о том, что первый случай убийства еврея-фотографа в самом начале оккупации вызвал «смтение среди евреев»:

«Я направился в гестапо с протестом против расправы над ним. В гестапо изумились: «Как вы говорите о нем, когда ведь он же еврей. А фюрер считает, что евреи должны быть истреблены как неисправимая нация»¹⁶⁵.

От более серьезных последствий Михайлова спасла, очевидно, его дефицитная в условиях оккупации специальность. С аналогичными протестами или вопросами к оккупационным властям обращались друзья евреев или их родственники. Обычно это происходило только в первые дни оккупации, когда людям казалось, что такие убийства — инициатива местных властей, а не целенаправленная политика нацистов.

На помощь евреям в критических ситуациях иногда приходили немецкие офицеры¹⁶⁴, венгерские солдаты (избившие немецкого жандарма за издевательство над евреем¹⁶⁵) и даже участвовавшие в расстрелах евреев немецкие солдаты и местные полицейские.

10-летнего Хаима Спивака, выкопавшего из могилы и добравшегося в дом сослуживца своего отца в Романове Житомирской области, обнаружил украинский полицейский по кличке «Ирод Степка». В день расстрела он изнасиловал свою одноклассницу, которая когда-то отказалась с ним танцевать.

Но Хаима он не только не убил, но забрал к себе. Мальчик был нужен полицейскому в качестве «алиби». Степка его практически не кормил, постоянно запугивал. После освобождения Житомира он повез Хаима к потарнусу, который заверил соответствующее свидетельство мальчика, что его спас именно бывший полицейский. По мнению местных жителей, это помогло Ироду Степке избежать расстрела (он получил 10 лет)¹⁶⁶.

13-летняя Полина Пекерман была блондинкой. По совету матери, она подошла перед расстрелом к конвоиру и сказала: «Я не еврейка». Ее отвели в сторону, как обычно делали в случаях, требующих дополнительного разбирательства. Впоследствии ей помог другой полицейский со словами:

«Я все знаю. Я выведу тебя за мост, а там беги».

Гораздо типичнее была просьба к полицейскому спасти себя или детей за деньги или ценности. Это могло принести успех, если просьба адресовалась знакомому или соседу. Зинаиде Поташник, которая умоляла отпустить ее с сыном, полицейский заявил:

«Я могу цапки забрать и все равно расстрелять тебя и твоего жиденькища. Но я этого не сделаю. Я порядочный. А если тебя пристрелит другой полицей, то это уже не моя вина»¹⁶⁷.

Помимо корыстных мотивов, присутствовали и личные. Так, летом 1942 г. в Краснодарском крае полицейский Тарасенко оставил в живых 16-летнюю беженку из молдавского города Рыбницы, отправив на казнь ее мать, двух младших братьев и сестру.

За нее ходатайствовала местная жительница Фатева, утверждавшая, что отец девушки — русский. Тарасенко согласился освободить девушку, однако перед этим изнасиловал ее в тюрьме¹⁶⁸.

Холокост поставил людей перед страшным выбором, который приходилось делать прежде всего самым близким родственникам. Известны случаи, когда не только русские матери еврейских детей, но мужья или жены шли на казнь вместе со своими родными-евреями, хотя имели возможность спастись. Но нередко, следуя требованиям оккупационных законов, мужья отказывались от своих «иерарийских» жен и детей, а их родственники не соглашались прятать или даже выдавали своих близких, не желая рисковать.

У молодой киевлянки Иды Белозовской муж был русский. Семья его родителей согласилась скрывать своего внука и невестку. Но как спасти трех маленьких племянников Иды — детей погибших в Бабьем Яре сестер?

Молодая женщина так описала эти события вскоре после освобождения Киева:

«Дети остались-таки со мной еще шесть дней, на шесть дней продлили им жизнь. Все эти шесть дней они не отходили от меня, держась по обе стороны за мое платье, они не играли, их ничто не занимало. Они смотрели большими невинными глазами, не понимающими, что такое жизнь и что такое смерть и спрашивали: «Тетя Ида, по скажите, мама ведь придет, придет, скажите! Когда она придет?»

...Глаза наполнялись слезами; приглушенно плакали. Громко нельзя было плакать, люди могли услышать, и это была бы гибель для всех. Я не плакала, автоматически двигалась, как деревянная, успокаивала, уговаривала, что вот все кончится и мама их придет.

Мысли кошмарные роились: почему мой ребенок имеет право жить наполовину?

... Чем же виноваты эти непонимающие дети, где взять для них жизнь?

Муж ходил ко всем нашим знакомым-русским, кому можно было говорить, умолял о спасении хотя бы одного ребенка, но поиски были тщет-

ны, все боялись за свою жизнь. Моя бывшая работница — простая женщина, но с прекрасной душой — на мою просьбу взять хотя бы одного ребенка пока временно (нам казалось, что все временно, что свет и жизнь скоро вернутся), рассказала про жизнь в их дворе. Пришел сосед с пле-на — еврей, весь распухший от голода, страшный, просил жильцов впус-тить его в бывшую квартиру (семьи его уже там не было): он у себя в квартире повесится на глазах у всех, он не хочет прятаться и спасать свою жизнь. Но жильцы-активисты его не пустили. Он ушел, не дошел до конца квартала, и его сдали немцам.

«Видите, — говорит моя работница, — они выдадут меня и моих де-тей с вашим ребенком».

...Я одна из наших семьи осталась жить»¹⁶⁹.

В д. Шеварга Юшинского с/с Гдовского района Псковской области самоотверженно боролась за жизнь своего 5-летнего внука, Адольфа Ко-ного, Варвара Филипповна Солдатова. Ее бесхитрое письмо «Пе-реживания 5-летнего мальчика» попало в областную ЧТК. Вначале ба-бушка попыталась вывезти внука к родителям в Ленинград на подводе, вместе с другими эвакуированными жителями деревни. Но «*есть же русские жестокие люди, которые стали кричать: зачем посадила еврея; из-за него моему 9-летнему сыну плохо сидеть, — это кричала Ермолаева Васса охрипшим от крика своим голосом*».

Эвакуироваться не удалось. Мальчика-еврея староста лишил пай-ка — соли и спичек. Он говорил:

«Евреи не получают ничего на немецкой территории. И с ними нужно расправиться как следует».

Упоминавшаяся выше Васса «первая кричала, но некоторые ей помо-гали, что евреям нет теперь почета, их надо всех уничтожить, жидов».

В конце концов, староста направил мальчика вместе с бабушкой в районную полицию. Его спасло... имя. Уничтожить полукровку, кото-рого звали Адольфом, местные полицейские не решились. Его отпусти-ли со словами:

«Ишь, паразит, носит наше любимое имя. Иди домой. Еще не один раз придешь сюда».

Как отметила наблюдательная бабушка, «спрашивали очень мало, но писали очень много. А мы были в это время под великим страхом»¹⁷⁰.

8 сентября 1941 г., накануне смерти, витебская учительница Софья Ратнер написала письмо своим детям. Это одно из немногих сохранив-шихся писем из гетто. Его передала после войны родным С. Ратнер про-стая белорусская женщина Надежда Шидловская. До войны она была домработницей в семье Ратнер. Автор письма называет ее Наденькой.

«Моим детям Ниночке, Марусеньке, Аточке, Витеньке.

Дорогие детки! Марусенька, Аточка, Витенька, Ниночка, прощайте!
Умираю. Что мы тут пережили в гетто, не поддается описанию.
Лучше умереть. Надя — единственный человек, который с наступлением

Катастрофы и до конца заботилась о нас, не оставляла нас с большим риском для себя. Она чистый, кристально чистый человек. И сохранилась такой, несмотря на жестокое окружение грабежа, насилия, издевательств, жестокости, подлости, предательства. Не забудьте этого никогда! Сделайте для нее все, что можете, если она будет нуждаться в чем-нибудь. Она для нас самый единственно близкий, единственно родной человек нам. Дорогие, любимые, бесконечно любимые, прощайте! Живы ли Вы все, и этого не знаю.

Ничего мы не знаем, что кругом делается, отрезаны от всего мира. Мы здесь с тетей плюс, конечно, все оставшееся в Витебске еврейство. Прощайте же, еще раз, дорогие. Как тяжело расставаться с Вами навсегда! Бесконечно любящая Вас мама. 6/IX 41г.»

Через два дня С.И. Ратнер сделала дополнение к письму:

«Мы еще живы. Наше гетто обводят проволокой. Мы обречены на голодную смерть.

8/IX 41г.

Наденьке от Софии Исидоровны

Дорогая Наденька. За все спасибо. За все, что Вы сделали для нас в последние, самые тяжелые дни нашей жизни. Не плачьте о нас. Смерть — самый лучший, единственный исход для нас. Будьте здоровы, дорогая моя Наденька. Если Господь Бог есть на небе, пусть он благословит Вас, ваших сестер и близких, пусть даст Вам дожить до лучших дней.

Если увидите моих и Фани Григорьевны детей, расскажите им о наших последних минутах. Любящая Вас София Ратнер.

8/IX 41г.

Передайте моим детям мое письмо, адресованное им.

Живы ли они только? Прошу Вас, дорогая Наденька, это письмо передать моим детям при первой возможности»¹⁷¹.

Таких людей, как Надежда Шидловская, было немало. Врач Дина Минц отправила накануне войны двух своих маленьких детей вместе с няней Фрузой из Ленинграда в Рудню Смоленской области. Эвакуироваться они не смогли. На расстрел няня пошла вместе с детьми, ведя их за руки. По свидетельству Ю.Е. Гельфанд, «местные русские и идущие с ней рядом евреи пытались отговорить ее: «Ведь ты — русская. Зачем идешь на гибель?» Она отвечала: «А что же я скажу потом Дине о детях? Ведь она мне их поручила. Нет, я так не могу. Что с ними будет, то и со мной».

На надгробных плитах в Рудне у памятника Скорбящей Матери работы известного скульптора Льва Кербеля рядом с фамилиями еврейских детей выбито имя их русской няни¹⁷².

До последней минуты успокаивала шестерых еврейских детей, оказавшихся перед расстрелом в тюрьме Морозовска Ростовской области, заведующая детскими яслями Елена Беланова. Ее расстреляли вместе с этими детьми¹⁷³.

Исаак Брук до войны окончил 4 класса в г. Велиж Смоленской области. Именно ему довелось добывать продукты для матери и двух сестер. Ему помогал местный сапожник Макунин; мальчика принимали в детский дом в деревне Милодово; нередко помощь оказывали совершенно незнакомые люди. И лишь один раз он услышал:

*«Ты — жиденок, уходи отсюда!»*¹⁷⁴.

Семью Гершкович из Винницы поддерживали сослуживцы отца-железнодорожника. Причем продукты приносил Готлиб, немец по национальности. Соседи, медсестра Анеля Назаренко и ее дети, скрывали их и приносили еду в убежище. Именно соседский ребенок предупредил их об опасности. Когда эта же семья скрывалась в погребе, предоставленном им семьей Ярошенко, их предупредил об угрозе выдачи другой сосед, Сергей Одинец. Еще одна соседская семья, Дорожанец, сохранила у себя ценные вещи, которые помогли затем выжить в румынской зоне оккупации¹⁷⁵.

Отнюдь не всегда евреи (по разным причинам) были готовы к борьбе за свою жизнь и не откликнулись на предложение о помощи своих друзей и соседей. Это было типично особенно в тот период, когда не было точной информации об уничтожении евреев. Рабочий кожзавода в Тагапроге Михайлов вспоминал, что он предлагал одному из своих товарищей, собиравшемуся эвакуироваться на подводе с большой женой:

«Я ему предложил катер и весла, чтобы брал жену, детей и удирал к своим. Он заплакал горько: «Я не могу, я — не моряк. Да у меня больная жена и малые дети».

Михайлов и дальше пытался помочь евреям, советовался с другими рабочими, как это можно сделать¹⁷⁶.

Но были и другие люди. Весьма значительная часть населения неожиданно для евреев повела себя достаточно враждебно. Больше всего узников гетто поражало отношение недавних друзей и соседей. Нередко оккупанты и их пособники науськивали на евреев мальчишек.

Жители Калуги вспоминали после освобождения, что местные мальчишки бросали в евреев камнями, «а сами улыбались»¹⁷⁷.

Когда последних узников одесского гетто вывозили из города, «свидетели и бросали в нас камни безавшие за подводами мальчишки». Впрочем, тот же свидетель вспоминал слова украинской девочки, услышанные им в ходе депортации:

*«Поравнявшись с нами, она сказала: «Гонят их, гонят. А за шо? Вони таки жє люди, як мы»*¹⁷⁸.

Некоторые местные жители быстро осознали всю несправедливость положения своих еврейских соседей. Еще до создания гетто некоторые из них бесцеремонно издевались над евреями, выгоняя их из очереди за хлебом. Мальчишки безнаказанно могли избивать женщин и своих сверстников.

Так, 19 ноября 1941 г. в Пинский иуденрат поступила коллективная жалоба, которую подписал 21 человек:

«Мы, нижеподписавшиеся жители улиц Мошошки, Проховской, просим юденрат г. Пинска о ходатайстве перед господином школьным инспектором с просьбой повлиять на учеников школы № 1 по ул. Мошошки, чтобы они воздержались от своих выходок против еврейского населения, выражающихся в битье стекол и избивании еврейских женщин и детей»¹⁷⁹.

Как ни странно, но хулиганы были установлены и исключены из школы. Возможно, это единственный случай, когда жалоба юденрата оказалась действенной. Причем вопрос был формально решен без участия оккупационных властей.

12-летняя жительница Випишцы Малка Гершкович и ее семья скрывалась в развалинах, когда их увидел соседский мальчик Эдик. Он поделился с друзьями, что «заявит немцам, за что получит деньги и купит велосипед». Другой соседский мальчик, Яша, предупредил об этом Гершковичей¹⁸⁰.

Даниил Кловский из Гродно навсегда запомнил свой первый выход на улицу с желтой нашивкой, когда ему было 13 лет:

«Я шел, пригнув голову, съездившись. Было такое ощущение, что я стал меньше ростом. Было постоянное состояние страха, готовности снести любую обиду.

Очень скоро я сам привык смотреть на себя как на человека неполноценного, отверженного по заслугам.

Об этом мне то и дело напоминали замечаемые мною на улице взгляды некоторых (слишком многих!) знакомых. Они-то ходили по тротуарам! Их ухмылки — мол, так вам, жидам, и положено — больно жалили. До сих пор помню слова, сказанные кем-то отцу злорадным тоном:

«Ну что? Вот вам ваша «кипучая, могучая»!»¹⁸¹.

Под воздействием нацистской антисемитской пропаганды факты избиений, открытого ограбления, издевательств были весьма распространены.

О бесправности еврейского населения и отношении к нему соседей ярко свидетельствует письмо окружному комиссару ученика школы в Пинске Георгия Мерзона от 24 октября 1941 г.:

«Мне 13 лет, и я должен помогать своей матери, так как очень трудно с продуктами. Работать я не могу, так как нужно посещать школу, но я могу зарабатывать в городском оркестре, играя по вечерам. К сожалению, я не имею аккордеона, инструмента, на котором играю.

Я знаю, что у одного еврея есть аккордеон, и поэтому учтиво прошу Вашего разрешения забрать этот инструмент в городской оркестр или взять на время, чтобы я получил возможность осуществить желание быть полезным своей семье»¹⁸².

Неограниченные возможности для грабежей предоставлялись местным жителям в процессе перевода евреев в гетто или даже к месту казни. В 1944 г. чудом уцелевшая жительница украинского г. Умань Маня Файнгольд вспоминала:

«Несмотря на то что был установлен срок для переселения, украинская полиция нападала и не давала переносить свое имущество, требуя немедленного ухода с квартиры.

... Сигизу в одном украинском доме, где я пряталась, приходит соседский мальчик, сыночек полиция, и рассказывает об успехах своей матери, сколько вещей она набрала. Уходя, он говорит: «Мама достала себе только зимнее пальто, но она говорит, что как только будут еще раз бить эсидов, она достанет себе и летнее пальто»¹⁸³.

А вот выдержка из дневника чертежницы из г. Мариуполя Сарры Глейх, вошедшая в «Черную книгу» (запись от 18 октября 1941 г.):

«Соседи как коршуны ждали, когда мы уйдем из квартиры, да уже и при нас не стеснялись. Мама открыла двери и сказала, чтобы они брали, что кому нужно. Все кинулись в квартиру. Папа, мама, Фаня с ребенком сразу ушли вперед, они не могли это видеть.

Соседи ссорились из-за вещей на моих глазах, вырывали вещи друг у друга, тащили подушки, посуду, перины. Я махнула рукой и ушла. Бася оставалась в квартире последняя, она ее заперла уже почти пустую»¹⁸⁴.

Несмотря на запреты властей, массовый грабеж еврейского имущества проходил и после уничтожения евреев.

На территории Буковины местное население нередко выражало недовольство любимыми действиями властей, которые в их глазах выглядели как попустительство евреям: освобождение части из тех, кто был заключен в рабочие лагеря; использование на предприятиях еврейских специалистов; выдача евреям Черновіц муки в связи с пасхой; участие евреев в торговле (против этого выступили «христианские коммерсанты») ¹⁸⁵.

Людам, скрывшимся из гетто или бежавшим в ходе массовых казней, нередко не только отказывали в помощи, но и выдавали их властям. Потрясающее свидетельство подготовил для «Черной книги» Илья Эренбург:

«В местечке Сорочицы жила врач-гинеколог Любовь Михайловна Лангман; она пользовалась любовью населения, и крестьянки ее прятали от немцев. С нею была дочь одиннадцати лет.

Однажды к ней пришли и сказали, что у жены старосты трудные роды. Любовь Михайловна спасла роженицу и младенца.

Староста ее поблагодарил и донес немцам. Когда ее с дочкой вели на расстрел, она сказала: «Не убивайте ребенка...» А потом прижала дочь к себе: «Стреляйте! Не хочу, чтобы она жила с вами...»¹⁸⁶.

Под угрозами оккупантов и по личной инициативе местные жители выдавали тех, кто бежал из расстрельных ям. Киевлянка Дина Проппичева свидетельствовала:

«На третий день я попала в какой-то сарай. Меня в этом сарае обнаружила хозяйка. Я скрывала всю мою историю побега из Бабьего Яра и рассказала ей о том, что иду с окопов, попросила показать дорогу в город.

Она как будто согласилась это сделать, подлинула своему сыну лет 17, тот куда-то исчез и через несколько минут явился с немецким офицером и, указав на меня, сказал: «Ось, пан, юда». Немец приказал мне следовать за ним»¹⁸⁷.

Почти в точности такой же эпизод произошел в Белоруссии с Басей Ганелле-Пикман:

«В Орше я чуть не погибла: меня при людях назвала жидовкой маленькая девочка пяти-шести лет и только находчивость Лены (подруга и спасительница Баси. — И. А.) позволила отвлечь внимание толпы от меня. Я скрылась»¹⁸⁸.

Особую активность проявляли любители легкой наживы там, где оккупационные власти активно поощряли тех, кто выдавал евреев. В округе «Галиция» (как и в оккупированной нацистами Польше) широкое распространение получили так называемые «шмальцовники». Они прекрасно умели распознавать скрывавшихся евреев и устраивали за ними настоящую охоту. Целью таких людей было прежде всего получение выкупа от самого скрывавшегося. Впрочем, и после получения денег или ценностей они могли выдать беглеца оккупантам. На территории Польши с такими людьми боролось движение Сопротивление и во многом нейтрализовало их деятельность. На оккупированной территории СССР они действовали практически безнаказанно¹⁸⁹.

Нередко евреев соглашались прятать до тех пор, пока не закапчивались имевшиеся у них ценные вещи и деньги. После этого им отказывали в помощи или передавали нацистам. Несомненно, что случаи вымогательства имущества евреев и последующая их выдача оккупантам не были единичными.

Страшный документ об этом сохранился среди вещественных доказательств по делу о преступлениях оккупантов и их пособников в Вильнюсе. Следствию было представлено письмо на польском языке, которое написали в июне 1944 г. две еврейские женщины, Гурвич и Асс, сумевшие выбросить его из машины по дороге на место казни — Понары, пригород Вильнюса:

«26. VI. ПИСЬМО К БРАТЬЯМ И СЕСТРАМ ЕВРЕЯМ

Любезные мои сестры и братья! Обращаемся к вам с большой просьбой. Прежде всего, простите нас за все злое, что мы вам в жизни сделали; быть может сделали и злословили, не знаем, за что обрушилось на нас такое тяжелое наказание: нас лишают жизни. Но лишение жизни это ничего, главное, это наши дети, которых мучают таким зверским образом, например: 8-летние девочки были взяты для половых сношений... А мать принуждают стоять при этом и смотреть, чтобы дитя не кричало. Затем матерей раздевают голыми, ставят к стене с завязанными кверху руками и выщипывают все волосы на обнаженных местах; и язык прикапывают высунуть и натыкают игольками. Потом каждый подходит и спускает свою мочу, а испражнениями глаза вымажет.

О! А мужчинам приказали выбрать свои половые органы и всадили им туда накаленные прутья, держи так долго, пока прут не почернел. При этом говорили им: «Довольно жить, иудей, жид, всех истребим. Убить — это не фокус, надо вас вымучить, чтобы и жить больше не хотелось и Сталина увидеть».

Отрезали нам пальцы на руках и ногах, запрещая перевязывать раны, таким образом кровь текла в течение четырех дней.

Нас мучили, истязали таким образом каждый день, а потом бросили в автомашину для отправки на Понары.

Партией, численностью 45 человек, мы прятались в одном убежище, но мы поддерживали сношения с другой группой через тоннель. Там было 67 человек взрослых и детей. С внешним миром мы связывались посредством одной женщины, Марыси.

Она нам велела дать 5 кгр. золота — «иначе я вас выдам в руки немецкого гестапо» — и назначила срок. Не имея возможности ей дать, мы выслали к этой Марысе еврейку 8-летнюю с просьбой продлить нам срок и обождать. Так это вот дитя обратно не вернулось. Она забрала все, что мы послали: золото, часы, кольца, брошки и др., а девочку убили и сожгли. А затем, по истечении 2 дней, литовцы и немцы нас нашли.

Итак, нас мучили и истязали, как описано выше, в течение 5 дней, и потом отпустили на Понары. Это письмо я выбрасываю — по дороге на Понары к добрым людям для передачи евреям, когда восстановится правда, чтобы они за нас, 112 человек, хотя бы одного убили, то совершат благое дело для своего народа.

Со слезами на глазах просим: мести! Мести! А по-польски пишу потому, что если кто-либо найдет письмо на еврейском языке, то сожжет, а на польском добрый и благородный человек прочтет и передаст в руки еврейской полиции, чтобы что-либо сделала с этой жестокой женщиной, которая столько крови взяла на себя и своих детей. Просим: погибло 30 наших детей, пусть ее хоть трое погибнут — двое мальчиков и одна девочка с нею вместе.

Любезные братья, слезно просим все — не милуйте эту бабу. Фамилии не знаем. Она называется «вдова Марыся», имеет 3 детей: 2 мальчиков и одну девочку, проживает ул. Б. Погулянка, 34, во дворе налево. Всякий знает спекулянтку у костела Сердце Иисуса, дворник Рынкевич.

Прощайте, прощайте. Весь мир призывает к мести.

Это пишут Гурвич и Асс»¹⁹⁰.

Данное письмо чудом сохранилось и было передано в августе 1944 г., после освобождения столицы Литвы в Еврейский музей в Вильнюсе. Обращает на себя внимание, что авторы письма просят отомстить не подпольщиков, а еврейских полицейских.

Открытое и жестокое уничтожение евреев, прежде всего детей, женщин и стариков, а также многочисленные факты жестокого обращения и издевательств сыграли важную роль в неприятии нацистского оккупаци-

онного режима. Впрочем, чувства людей при этом были разными: страх и предчувствие возможности стать следующими жертвами (таким эмоциям испытало большинство населения); стремление убедить себя, что судьба евреев их не касается; желание отомстить; злорадство. Во многом эти чувства зависели от уровня взаимоотношений с евреями до оккупации.

Вот как описал день казни своей любимой однокурсницы Фейги Роман Кравченко из Кременца:

«19 августа. Сегодня везли Ф.

Не могу отдать себе отчета в моих чувствах. Очень тяжело, стыдно. За людей, которые смотрят на меня с безразличием или злорадством. «Что, он жалеет евреев? Идиот!»

Чем Ф. хуже Вас? Да она в десять раз превосходила тебя, одного с другим, во всех отношениях!

Единственная девочка, с которой я был искренен, а так отродню иметь друга, который понимает тебя и соглашается с тобой. Она была хорошей девочкой и храбрый. Она ехала стоя, с гордо поднятой головой. Это было полчаса назад, в шесть часов тридцать пять минут 19 августа 1942 года — я уверен, что и умирая она не опустила голову.

Ф., знай, что я помню тебя и не забуду и когда-нибудь отомщу!

Моя «первая любовь», оставившая по себе самые чистые воспоминания. Она была моим идеалом.

Последний привет от Ромки!»¹⁹¹.

В этом отрывке спрессована целая гама чувств, которые испытывали соседи евреев в момент их казни: от недоумения к сочувствующим до восхищения мужеством жертв и ожиданием их сопротивления. Сразу же после освобождения родного города 17-летний Роман ушел добровольцем на фронт.

Особенно резко менялось настроение окружающих после того, как они становились свидетелями кровавых расправ над еврейскими женщинами и детьми. В упомянутом выше донесении немецкого переводчика Зённеке в октябре 1941 г. говорится и о реакции жителей Борисова на расстрел евреев:

«Я вернулся к себе домой и до ночи проговорил со своим русским хозяином.

Разумеется, мы говорили и о предстоящем расстреле евреев, о котором знало также и гражданское население. Хозяин мой, по-видимому, выразил отношение всех борисовских неевреев: «Пусть они погибают, они нам сделали много плохого!»

...Если вечером, накануне экзекуции, неевреи считали, что евреи заслужили такую участь, теперь утром они восклицали: «Кто отдал такой приказ? Как это можно уничтожить 6500 евреев? Сегодня это евреи, а когда наша очередь? И что эти бедные евреи сделали? Они только и знали, что работали! Истинные виновники наверняка в безопасности!»¹⁹².

По свидетельству профессора Б.В. Базилевского, данного им после освобождения Смоленска, горожане осуждали расстрел евреев:

«Известие об этой драме, шепотом передававшееся, производило на русских людей гнетущее впечатление, и несомненно, многие из тех, кто относился к немцам без должной ненависти, сделались яркими ненавистниками немецких палачей. Мне ни разу не пришлось слышать, чтобы об этом разбое говорили без возмущения и омерзения»¹⁹³.

Партизанский связной М.Г. Глушко сообщал в 1942 г. своему руководству после расстрела 80 евреев в м. Зеньково:

«Везде разговоры: только что расправились с евреями, теперь взялись за нас»¹⁹⁴.

* * *

В поведении людей, оказавшихся в оккупации, наглядно проявились универсальные черты Холокоста. Многочисленные свидетельства очевидцев показывают, что первые антиеврейские мероприятия оккупантов, включая идентификацию, ограбление, переселение евреев в гетто (до массовых убийств) не вызывали открытого неприятия или сопротивления окружающих.

В то же время непосредственно оскорбляли, издевались и грабили имущество евреев лишь некоторые сограждане. Но именно такое поведение бывших соседей, коллег, сверстников особенно остро воспринималось жертвами. Необходимость выживания в суровых условиях оккупации толкала многих людей на неравноценный обмен еврейского имущества на продовольствие или иные предметы первой необходимости. Тем не менее это помогло некоторым узникам гетто выжить. Было немало и таких людей, которые отказывались брать предлагаемое после расстрелов еврейское имущество, грабить территорию гетто, участвовать в неравноценном обмене. Некоторые соседи открыто сочувствовали евреям, оказывая им моральную поддержку. Очень часто даже простое человеческое сочувствие становилось важным импульсом для продолжения борьбы узников за свою жизнь в страшных условиях геноцида.

Приведенные выше документы свидетельствуют, что местное население все отчетливее понимало: «следующими будем мы». Иногда это осознание нацистской политики служило катализатором практических действий для помощи и спасения своих соседей.

СПАСЕНИЕ ЕВРЕЕВ

С 1953 г. специальная комиссия института «Яд Вашем» присваивает звание «Праведник Народов Мира» и вручает медаль тем, кто бескорыстно и рискуя своей жизнью спасал евреев в годы Холокоста. Свыше 18 000 человек из всех оккупированных государств Европы, граждане многих нейтральных и союзных Германии государств, а также сами немцы получили это звание.

Василий Гроссман в предисловии к «Черной книге» назвал их «ступки «вечными неугасимыми звездами разума, добра, гуманизма» среди «черных туч расового безумия»¹⁹⁵. Тысячи наших бесстрашных сограждан пришли на помощь отверженным. Это можно проиллюстрировать таким примером. В начале 90-х гг. бывшие узники гетто в белорусском местечке Браслав, уцелевшие в годы Холокоста, прислали из Израиля в местный краеведческий музей список тех, кого запомнили спасенные: он включает около 60 человек, не считая членов их семей. В этом списке есть врачи, ксендзы, священники, простые крестьяне — жители преимущественно самого Браслава и окрестных сел. Иногда спасенные знали только фамилию или профессию тех, кто оказывал им помощь. И это список лишь по одному небольшому местечку, где уцелело сравнительно немного евреев!

В Старом Селе под Минском был своего рода пересыльный пункт для бежавших из гетто евреев, пробиравшихся к партизанам. Здесь узники отдыхали, их снабжали продуктами и одеждой, помогали находить оружие¹⁹⁶.

За каждым спасшимся стояло, как правило, несколько человек, оказавших ему поддержку и содействие.

Эти люди прекрасно знали, как опасно прятать евреев. Даже за разрешение просто войти в дом либо за недоносительство нацисты могли расстрелять всю семью человека, нарушившего приказ. Для того чтобы пустить в дом голодных, замерзающих, оборванных людей — нередко голых и окровавленных, чудом выбравшихся из расстрельных рвов — требовалось немалое мужество.

Уже в октября 1941 г. по Киеву распространялся приказ № 5 «Команды украинской полиции города Киева» за подписью «комендант Орлик». В нем говорилось, что до 24 октября все домоуправы и дворники обязаны направить или привести лично в ближайшие районные комиссариаты или помещения украинской полиции Киева «всех жидов, работников НКВД и членов ВКП(б)». Особо подчеркивалось, что «укрывание этих людей будет иметь следствием смертную казнь»¹⁹⁷.

В Курской области России венгерские оккупационные власти летом 1942 г. распространяли объявление, в котором говорилось, что будут расстреляны «русские, укрывающие евреев и разговаривающие с ними»¹⁹⁸.

Мы не располагаем данными, были ли случаи применения на практике такой меры венгерскими войсками в этом регионе, но сам факт появления данного приказа со стороны союзников Германии подчеркивал масштабы изоляции еврейского населения и пресечения любых попыток оказания ему всех видов помощи, включая моральную.

Одновременно власти всячески поощряли тех, кто сообщал о скрывавшихся. Во Львове было объявлено вознаграждение за каждого выданного еврея: оно колебалось от 5 тысяч злотых и двух литров водки до 25 тысяч злотых и пяти литров водки за одного человека¹⁹⁹.

В белорусском городе Могилеве, по данным партизан, весной 1943 г. появились «красочные плакаты с обращением к населению, в которых указывалось, что за поимку или уничтожение еврея будет выдана премия — 5 пачек махорки за каждую голову»²⁰⁰.

А вот пример объявления на украинском языке о мерах наказания для людей, укрывающих евреев или не сообщивших об этом властям. Оно был расклеено в 1943 г. во Львове и имело достаточно зловецкие заголовки и текст приказа начальника СС и полиции Кацмана от 3 июня 1943 г.:

«ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ!»

По определенной причине вновь указывается на запрещение принимать жидов в дома и места проживания нежидовского населения. Тот, кто сознательно предоставляет жиду убежище, в частности бесправно принимает, кормит или прячет жидов за пределами участка проживания жидов, будет согласно № 3 Полицейского Распоряжения Высшего Начальника СС и Полиции в Генерал-Губернаторстве про создание участков проживания жидов от 10.11.1942 г.

НАКАЗАН СМЕРТЬЮ.

В соответствии с этим распоряжением будут применяться меры полицейского воздействия против того, кто, узнав о бесправном пребывании жидов за пределами его участка проживания, не уведомит об этом полицию. В частности, каждый домовладелец, домоуправитель, предприниматель, собственник жилья и предприятия отвечает за то, чтобы жиды не могли найти убежище в домах или частях домов, которые им принадлежат.

Все сообщения о противоправном пребывании жидов следует немедленно делать в ближайшее полицейское учреждение. Если вследствие их будет задержан жид, то за это может быть выдана награда, размеры которой устанавливает начальник СС и полиции»²⁰¹.

Эти угрозы не были голословными. Нацисты безжалостно истребляли как должностных лиц, связанных с партизанами, так и простых людей, единственным мотивом поведения которых было сострадание. При вынесении приговора нацисты, как правило, не принимали во внимание ни семейное положение, ни возраст, ни сан обвиняемого.

Так, за помощь евреям был казнен бургомистр украинского города Кременчуг Синица-Верховский. 24 ноября 1941 г. полевая комендатура сообщала, что он был арестован службой безопасности и полиции СС, так как «подозревался в регистрации евреев после крещения под другой фамилией, чтобы их укрыть от планируемых мероприятий против евреев. Он был сразу же снят с должности»²⁰².

В оперативном рапорте начальнику полиции и СД о действиях зондеркоманд в Украине от 6 марта 1942 г. говорилось:

«Бургомистр города Кременчуга Синица саботировал данные ему приказы. Синица был арестован. В результате допросов служащих айцматц-

команд было выяснено, что он пользовался фальшивыми персональными данными и препятствовал решению еврейской проблемы. Он заставлял протоиерея Романского крестить указанных им евреев и давать им христианские или русские имена. Арест саботажника позволил предотвратить выход большого числа евреев из-под немецкого контроля.

Синица был казнен...»²⁰³

Согласно акту ЧГК, за укрывательство евреев в Виннице были казнены Яков Романович Мельник, братья Пастух, фельдшер Бутенко²⁰⁴. В Новомосковске была расстреляна Евфросенья Бабачко, которая оказывала помощь узникам гетто. В Умани была повешена Ольга Свиницкая, не только вышедшая замуж за еврея вопреки Нюрнбергским законам, но и пытавшаяся спасти его²⁰⁵. В этом же городе нацисты расстреляли вместе с женой и тремя детьми инвалида Первой мировой войны Александра Дятлова за укрывательство в сделанном им убежище четырех еврейских семей (там находилось 12 человек). Кто-то из местных жителей выдал Дятлова гестапо. Об этом рассказал в своих воспоминаниях известный поэт Евгений Долматовский, оказавшийся в 1941 г. в лагере военнопленных в Умани²⁰⁶.

Житель села Большая Сагановка Давид Зозуля укрывал несколько еврейских семей из Киева, переправленных ему дочерью (она была замужем за евреем). В 1943 г. Д. Зозуля был публично казнен в родном селе. Ему вместе с женой и дочерью в 1999 г. было присвоено звание «Праведник Народов Мира»²⁰⁷.

В Белоруссии, как показано выше, нацисты безжалостно уничтожали за укрывательство евреев католических священников. За укрывательство и организацию побега к партизанам пожилого портного М. Бумагина был казнен его старый друг, сторож Шипула из местечка Яновичи на Витебщине²⁰⁸. Житель местечка Косково Ефим Русецкий в течение двух недель укрывал в ямах для выделки кожи 28 евреев, а затем вывел их в лес. За это вся семья Русецких, включая троих детей, была расстреляна. В местечке Глубоком за помощь евреям был повешен Адольф Стаценяч. Беспрецедентной была расправа в д. Смирнутово Койдановского района, где за укрывательство евреев была сожжена вся деревня вместе с жителями (280 человек)²⁰⁹.

По данным известного исследователя оккупационного режима в Украине М.В. Ковалю, только в Галиции за помощь евреям нацисты и их пособники убили около 100 человек²¹⁰.

По мнению Я.С. Хонигсмаана, число таких людей гораздо больше. Он приводит ценные сведения о том, что в 1943 г. только во Львовской области нацисты казнили более 100 украинцев, прятавших евреев. Среди 48 человек, казненных в начале 1944 г. так называемым «скорым» судом дистрикта «Галиция», преобладали именно те, кто укрывал евреев.

Аналогичная расправа проводилась и в других областях Западной Украины: на Рыночной площади г. Долина Ивано-Франковской облас-

ти было казнено 20 жителей с. Баблевка, 27 человек (из них 9 украинцев) были убиты в Самборе²¹¹.

Таким образом, по данным автора, число казненных за помощь евреям в Галиции составляет более 170 человек.

Десятки людей погибли или были репрессированы за оказание помощи евреям на территории России. Особо жестоко наказывали нацисты тех, кто скрывал жертв геноцида на территории Смоленской области. Так, за укрывательство еврейской семьи был расстрелян в 1942 г. старшина Левсковской волости Монастырщинского района Смоленской области З. И. Рябков²¹².

В местечка Каспля дочь кузнеца Бориса Слонского Шуру прятала семья ее жениха — Петра Романюгина. Вся она была уничтожена нацистами²¹³.

В деревне Селищево Можайского района Московской области *«на глазах односельчан были расстреляны мать и дочь Селивановы 74 и 46 лет»*, укрывавшие еврейскую женщину с маленьким ребенком. В деревне Федоровское того же района 80-летняя Зинаида Васильевна укрывала еврейскую семью. Ее выдали соседи. Как и в Селищево, спасительница была расстреляна вместе со спасаемыми²¹⁴.

Несмотря на репрессии, соседи приходили на помощь своим друзьям и знакомым. Так, в г. Велиже евреям помогали семья Артемьевых, врач Жуков, Матрена Ползник, Пелагея Красинец, Ирина Пирожинская, Евдокия Турик²¹⁵.

Еврейские семьи Гуревич и Блюмных прятали местные жители в г. Духовщина Смоленской области²¹⁶.

Практически каждый арестованный, подозревавшийся в укрывательстве евреев, подвергался зверским пыткам и издевательствам. Например, укрывавшему еврейскую семью жителю села Тисменичаны Василию Губило нацисты отрубили пальцы на правой руке²¹⁷. Лесничего Маркевича, скрывавшего евреев Белостока и Гродно, каратели раздели зимой донага и пытали, но он никого не выдал²¹⁸.

Но люди презирали опасность. Тем более не останавливали их материальные лишения и чисто бытовые неудобства — ведь прокормить даже одного человека в городских условиях было совсем непросто.

Анализ документов, воспоминаний и свидетельств позволяет выделить основные категории спасителей и кратко охарактеризовать мотивы их действий.

Чаще всего в спасении участвовали те, кто имел еврейских родственников (муж, жена, родители одного из супругов и члены их семей). Так, спас из Смоленского гетто свою маленькую дочь Наталью ее отец Л. С. Морозов²¹⁹.

В Хиславичах той же Смоленской области спаслась только одна 12-летняя девочка, *«украденная из еврейского лагеря Денисевичем; он же выкрал из лагеря двух своих детей, а жену и младенца немцы расстреляли»*²²⁰.

Более двух лет скрывал свою жену Полину Василий Елисеевич Серебряков из г. Кременчуг. Когда в заложники взяли их маленького сына, Полина вышла из убежища. Мужу удалось вырвать ее из толпы евреев, которых вели на расстрел. Но соседи вторично донесли, что в доме Серебряковых скрывается еврейка. В ходе обыска немецкий капитан говорил Василию:

«Армия наша непобедима. Что же вас, русского человека, ждет, если вы будете упорствовать и прятать свою еврейку? Вы должны знать, что наша политика — истребление еврейской нации, а с ней вместе и всех тех, кто в этом нам мешает будет.»

«...Если ваша жена погибла, как утверждаете вы, отчего же вы не женитесь?»

— *Я постарался доказать безвременье для такого дела»²²¹.*

Нередко люди организовывали спасение своих близких, но в целях их безопасности укрывали евреев у друзей либо родственников.

Известны случаи, когда жены евреев-фронтовиков укрывали у себя еврейских детей-сирот²²². Происходило это обычно в первые месяцы войны, когда нацисты еще не проводили массовых расстрелов детей, особенно полукровок.

Действия таких людей наиболее мотивированы и понятны. Их такую реакцию — выдачу родных или отказ в помощи — менее всего могли объяснить даже сами жертвы. Так, Илья Эренбург вспоминал о визите к нему молодого офицера морской пехоты, вышедшего из окружения, которого жена встретила криком: «Держи жида!»²²³.

Нередки случаи спасения евреев — медиков и учителей, а также их детей, которые совершали их коллеги, а также бывшие пациенты и ученики. Так, зубного врача Слонимскую укрывала нормировщица Калужского завода Наркомата путей сообщения Галина Семеновна Шарова²²⁴. В Одессе профессор Завалишин прятал в инфекционном отделении больницы профессора Рубинштейна с семьей и других евреев²²⁵.

Евреев Калуги, в том числе своих учеников и их родителей, укрывала в своей квартире педагог с характерной фамилией Добронравова²²⁶. Заведующая городским отделом образования Смоленска Э.А. Гаевская участвовала в спасении семьи директора средней школы в Рудне Л. И. Столярского. Его жене с 2 детьми (4 лет и 2 месяцев) помогли укрыться и уйти к партизанам бывшие ученики²²⁷. Учительница из Киева Р.М. Кривкович прятала в своем доме коллегу по школе М.М. Гальперину, бежавшую из Бабьего Яра²²⁸. Учительница из Дрогобыча Мария Струтинская вместе с сестрой спасли 13 евреев, включая 5 детей²²⁹.

Во многих городах воспитатели пытались спасти евреев, проживавших в детских домах. Только в Минске их число составляло 500—600 человек. Немцы проводили регулярные облавы в таких домах, проверки детей, но благодаря мужеству сотрудников, скрывавших детей как в самом детдоме, так и у местных жителей, большинство из них уцелело²³⁰.

В детском доме № 2 в Киеве находилось 12 еврейских детей, которых спасла его заведующая Н.Н. Гудкова²³¹.

Рива Гольдцман, школьница из Днепропетровска, была ранена во время расстрела 25 октября 1941 г. и спрятана учительницей Екатериной Григорьевной, связанной с местным подпольем. Девочку хотели переправить с фальшивыми документами в другой город. Разговоры со своей спасительницей и свои мысли о ней Рива записывала в дневник:

«Тетя Катя заботится обо мне как родная мать, а я даже не подозревала, что мир так устроен. Мне кажется, что она сама прячется от немцев. Ночью кто-то приходил к нам и принес крупу и сало.

31 декабря 1941 г. Тетя Катя — учительница и большая умница. Вчера отрезала мне косы. Красиво зачесала волосы и сказала, осматривая меня: «На следующей неделе тебе принесут паспорт и ты сойдешь за молдаванку, переедем в другое место, возможно, в Одессу. А сегодня вечером придет гость — ...один товарищ, который поможет нам переехать...»

У нас тепло и спокойно. Образы прошлого проходят передо мной ясно и полно, как будто с того времени прошло всего несколько дней. Когда я возвращаюсь в памяти к картинам, отпечатавшимся в отдаленнейших уголках моей памяти, мне хочется убежать от кошмара. Тетя Катя говорит, что жизнь — это наше бескрайнее небо и яркое солнце, это вечно цветущая земля, где самые маленькие букашки имеют право греться под солнцем. Я также буду жить в этом прекрасном мире с такими, как тетя Катя. Убивать людей — это значит погасить солнце. Жизнь дана человеку природой, и люди не имеют право ее отбирать, потому что это против природы, разума человека.

Лают собаки. Наверное, идет наш гость. Тетя Катя засуетилась. Она сегодня приготовила вкусный обед. А может быть, этот человек знает что-нибудь про Сергея (друга Ривы. — И.А.), может, они ровесники? Мне неудобно у нее спросить про нашего гостя, но прическу сделать надо.

Что это? ... Неужели?»

На этом запись обрывается. В дом пришли сотрудники гестапо. Екатерина Григорьевна (фамилию, к сожалению, установить не удалось) была казнена нацистами вместе с еврейской девочкой²³².

Преподавателя Киевского университета Семена Зуховицкого, бежавшего в родной город из плена, спас его учитель и коллега профессор Ю.Д. Соколов, который в годы оккупации возглавил городскую обсерваторию. Он устроил его на работу в обсерватории, где многие сотрудники догадывались о национальности нового дворника, но не выдали его²³³.

В роли спасителей нередко выступали и участники антифашистского Сопротивления, имевшие связь с подпольщиками и партизанами. Такие люди обычно помогали не только евреям. В Виннице действовала подпольная группа, спасшая немало евреев и переправившая их в партизанские отряды и Транснистрию. Участница этой группы, Праведник

Народов Мира Матильда Радаи, спасавшая евреев вместе со своей мамой Д.К. Радаи (она руководила группой учителей-подпольщиков), вспоминала:

«Радаи Д.К. была связана с подпольщиком Недзвидским Н.А., у него были жена-еврейка и двое детей. У него на явочной квартире временно жил разведчик Розенберг, он спасал евреев. По его заданию я, Радаи Матильда, вывела по 10 человек из кожухиной, протезной и швейной мастерских. Их перевели на территорию, оккупированную румынами. ... Разведчик Розенберг спас 100 человек евреев, сам погиб».

Семья Радаи спрятали и переправили в Транснистрию заведующую городским отделом здравоохранения Розалию Селитерман; школьную подругу Матильды, Раю Литвинову, которой достали метрику на другое имя; 15-летнюю Лилю Сигал. В доме укрывали и 12-летнюю девочку-еврейку, бежавшую в ходе расстрела (ее с помощью Р. Селитерман устроили в детский дом) и вышедшего из окружения солдата-еврея Виктора Резинка из Киева²³⁴.

В программе действовавшей на Львовщине подпольной антифашистской группы «Освобождение Родины» был специальный пункт о необходимости *«всемерно помогать евреям, как членам организации, так и населению, спасаться от зверской расправы фашистов над ними»*²³⁵.

С конца 1942 г. содействие в бегстве узникам Львова и Дрогобыча начали оказывать отделения польского совета помощи евреям «Жигота». Они снабжали евреев документами, переправляли их в другие города, прятали еврейских детей в семьях католиков и в монастырях²³⁶.

Особенно эффективными действия подпольщиков были в том случае, если они занимали какие-либо должности в местных органах управления либо имели «особые отношения» с оккупантами. Польская патриотка, молодая и эффективная женщина Флория Будишевская, пользовалась особым покровительством немецкого коменданта в белорусском местечке Жабинка и выполняла обязанности его экономки. Это позволило ей спасти от расстрела и почти два года прятать в своем доме 12-летнего Рому Левина. Там же она скрывала свою подругу, дочь фармацевта, Сою Фефер. Ф. Будишевская была партизанской связной, ей удалось спасти от смерти и других людей. Буквально накануне освобождения Жабинки советскими войсками (и после бегства немецкого коменданта) местный полицейский обнаружил и застрелил Сою. Роману Левину удалось бежать. Флория Будишевская была арестована и после зверских пыток расстреляна в брестской тюрьме в конце июля 1944 г.²³⁷

23-летняя Любовь Жукова из деревни Семино в Витебской области Белоруссии укрывала троих евреев и советского офицера, сумев помочь им уйти к партизанам. Она также предупредила о готовящемся аресте местного коммуниста. Донос старосты, приведший к ее аресту и пыткам, включал описание всех «преступлений» девушки²³⁸.

Учительницу Хану Ходос и студентку Сарру Винц в Каплянском районе Смоленской области прятали Екатерина и Нина Ксендзовы, связанные партизанского отряда²³⁹.

Находившаяся в так называемой партизанской зоне деревня Поречье Минской области стала местом спасения более 40 детей-сирот из мшицкого гетто. Их взяли в свои семьи местные жители, которые кормили их и прятали в ходе карательных акций²⁴⁰.

В годы войны появилась чуть ли не новая профессия — «проводник». Это были люди, которые не бескорыстно (но рискуя своей жизнью) переправляли евреев в румынскую зону оккупации. Другой распространенной группой спасителей являются люди, которые длительный период времени были связаны с евреями служебными или личными отношениями — няни, домработницы, соученики, сослуживцы, коллеги или соседи. Причем не только само укрывательство, но доставка продовольствия в гетто, передача писем родным, моральная поддержка, как видно на примере цитированного выше письма С. Ратнер о своей домработнице Надежде Шидловской, имели для узников очень большое значение.

Очень часто мотивом спасения было оказание конкретной помощи со стороны евреев в предшествующий период. Так, в 30-е гг. в местечке Немиров семья Брайтнеров спасла от голода своих украинских соседей. А во время оккупации уже эта семья Гончар прятала Брайтнеров, а затем помогла им перейти к партизанам²⁴¹.

В местечке Ромапов Житомирской области еврейская семья Вексельман спасла от голода 12-летнюю украинскую девочку Лену. В 1941 г. она пришла в гетто, чтобы увести в село сына своих спасителей, 10-летнего Люсика. Однако мальчик отказался:

*«Тебе нельзя, у тебя ребенок, и я не оставляю девочек. Тетя Шенда совсем оглохла, сидит и смотрит в потолок. Девочкам в темноте страшно, и я им сказки рассказываю»*²⁴².

Одной из самых распространенных групп спасителей были многодетные семьи. Зинаида Поташинок с грудным младенцем, прошедшим обряд обрезания, прятала семья Василия Кузьменко. Мать вынуждена была оставить сверток с младенцем у кирпичного завода. Ребенка, зная его национальность, выкормила и спасла Антонина Вишнелъмовна Дардалевич, мать 9 детей²⁴³.

Мишана Розенберга и его семью прятала в дни первых расстрелов соседка-чешка. После гибели родных мальчика взяла в свой дом Анна Одарич, у которой было трое детей. Любопытно, что дальний родственник мальчика, оставленный после расстрела остальных евреев как специалист, не рискнул прятать его в своем доме. Впоследствии Миша стал сыном полка²⁴⁴.

10-летнюю Малку Пиццаницкую и ее мать, после нескольких дней блужданий и ночевок в стогах сена, укрыла Лидия Коначук из села Мо-

пастырек, также мать троих детей. Она была одной из самых бедных в этом селе, но сумела скрывать двух евреев в течение 10 месяцев, пока ее не арестовали по доносу.

Муж ее двоюродной сестры, Мефодий Мельничук, прятал в своем доме несколько еврейских семей, а также помогал детям, бежавшим из-под расстрела²⁴⁵.

Мотивом поведения этих, а также многих других людей было сострадание к детям, которых укрывали гораздо чаще взрослых (скрыть ребенка, иногда полулегально — как родственника из другого населенного пункта — было легче). Детей также выдавали реже, чем взрослых евреев. 12-летний Семен Вайсблай, сбежавший из гетто Каменец-Подольска, где погибли его родители, с октября 1941 по июль 1942 г. находился в семье Дмитрия Брижака из с. Залесье Чемировецкого района Хмельницкой области. Жители знали о запрете скрывать евреев, поэтому мальчик практически не выходил из дома²⁴⁶.

Уникальный случай произошел в селе Яруга на Подоллин. Местным жителям во главе со старостой, бывшим председателем колхоза Ф. Крыжавским, удалось укрыть не только местных жителей-евреев, но и беженцев²⁴⁷.

Бухгалтер колхоза в селе Благодатное на Днепропетровщине Павел Сергеевич Зирченко принял в колхоз и укрыл от немцев 7 семей евреев-беженцев из Донецкой области (всего 30 человек)²⁴⁸. Разумеется, что это стало возможно лишь благодаря солидарности остальных жителей села. В селе Раковец Львовской области крестьяне укрывали 33 еврейских семьи²⁴⁹. Колхозник села Куяльник в Одесской области В.М. Иванов спас 25 евреев²⁵⁰.

Известны случаи помощи евреям как благодарность за их поддержку в годы сталинских репрессий. Так, украинские жители небольшого села Джурин в Винницкой области еще до передачи этого населенного пункта под контроль румынской администрации помешали немецкому карательному отряду уничтожить евреев. Они, по свидетельству бывшего узника гетто Пейсаха Дробицкого, *«собрались на сход и там общими усилиями вынесли решение в защиту евреев нашего села... благодаря тому, что в свое время местечко взяло на поруки преследуемого советской властью священнослужителя. В первые дни оккупации он появился в селе... Все вопросы истребления евреев решались с ним, а он отводил угрозу»*²⁵¹.

Нередко инициаторами спасения выступали сверстники с похожими судьбами, исковерканными сталинскими репрессиями. У 15-летнего Коли Дорожинского была репрессирована мать; у его друга Володи Могилевского, эвакуировавшегося в Херсон из Одессы, — расстрелян отец. Чтобы спасти Володю от регистрации как еврея, Николай Дорожинский отдал ему свою метрику. Обоим подросткам пришлось пройти нацистские концлагеря в Германии и Австрии²⁵².

16-летнюю узницу смоленского гетто Жешо Громыко спасли школьная подруга Таня Пилюнькина и ее мать, спрятавшие девочку накануне ликвидации гетто. Отцы одноклассниц были репрессированы²⁵³.

Одним из мотивов спасения была жалость к маленьким детям (чаще приходили на помощь либо многодетные семьи, либо бездетные женщины). В Пскове дочь известного городского врача Хапунова была удостоена местной жительницей²⁵⁴.

Иногда мотивом служили угрызения совести, когда становилось очевидно, что после отказа помочь человек погибал. Так, житель хутора Рафаловка на Витебщине Георгий Каханович отказал первому обратившемуся к нему еврею — инвалиду Герчику, который в ту же ночь пошелся. После этого вместе с братом Каханович прятал и переправлял к партизанам всех обратившихся к нему евреев, мотивируя это своим католическим мировоззрением²⁵⁵.

Отдельные смелые люди видели свой гражданский долг в спасении совершенно незнакомых им лично людей, которым угрожала смерть. Десятки евреев спас в Риге латыш Жанис Липке²⁵⁶. Украинiec Яков Сухенко (Сухпенко) помогал евреям в разных городах Украины: доставал поддельные документы. Вместе с 10 спасаемыми им евреями он был обнаружен в убежище во время облавы в Киеве и расстрелян²⁵⁷.

Вера Красова, чешка по национальности, и ее 16-летняя дочь спасли в д. Лопавши Ровенской области 10 евреев, из которых мать лично знала только одного, доктора Абрама Гринцвайга²⁵⁸. Узнав о ее подвиге из письма фронтовиков, Илья Эренбург при поддержке партийного руководителя Украины Никиты Хрущева обратился к возглавлявшему Верховный Совет СССР Михаилу Калининну с предложением наградить ее орденом.

Из более чем 25 000 евреев Бреста оккупационно пережили только 19. Шестерых из них спасла в своем маленьком домике семья Полины Макаренко-Головченко²⁵⁹. И если маленький мальчик Миша был сыном ее хорошей подруги, помогавшей Полине лекарствами, то семью Манкеров (отец, дочь и глухонемой сын) она почти не знала, как и сестер Кацав, скрывавшихся с первого дня существования гетто.

Этот факт свидетельствует, что нередко, укрыв одну жертву, спасители принимали в свой дом и других. Так, в д. Серебрянка под Смоленском миискую студентку Полину Аускер с ноября 1941 г. прятала семья Лукинских, которая не только дала ей свою фамилию, но и взяла к себе двух еврейских детей погибших соседей²⁶⁰.

Одним из способов помощи евреям была передача им паспортов умерших и свидетельства о смерти фиктивных «родственников»-христиан. Это неоднократно делали врачи Ионов и Балашова²⁶¹.

На помощь евреям иногда приходили военнослужащие вермахта и сотрудники оккупационных учреждений. В Ровенской области многие евреи были спасены немецким предпринимателем, получившим у узни-

сов гетто имя «Мозес из Ровно». Одним из мотивов спасения была любовь. 18-летнюю немецкую еврейку Ильзу Штайн и ее маленькую сестру увез к партизанам из минского гетто капитан вермахта Вилли Шульд. Вместе с ними в грузовой машине из гетто бежали около 25 подпольщиков. Эта история была положена в основу снятого в середине 90-х годов в Германии документального фильма «Еврейка и капитан»²⁶².

Оказывали помощь в спасении молодым женщинам и румынские офицеры. Летом 1942 г. «Одесская газета» опубликовала информацию «о повторном слушании дела подпоручика *Ивана Константинеску, начальника почты, телеграфа и телефона*», который «скрывает у себя двух евреек и заботился об их существовании». Константинеску оспорил первое решение суда (в марте 1942 г.), приговорившего его к 10 годам каторжных работ. Повторное слушание дела закончилось подтверждением первого решения и приказом о разжаловании осужденного. Судя по сообщению газеты, «процедура разжалования» проходила в стиле «дела Дрейфуса» — «в присутствии делегата военной прокуратуры, военной комендантуры гор. Одессы и многочисленных офицеров местного гарнизона»²⁶³.

Нередко немецкие военнослужащие помогали детям (в том числе в ходе расправы над взрослыми евреями). Так, зафиксированы случаи вывода еврейских детей из Бабьего Яра (в том числе за взятку золотыми часами)²⁶⁴.

Обычно это бывало тогда, когда они внешне напоминали их собственных детей. Так, например, маленькую девочку Алевтину Игольницову из белорусского местечка Рогачева спас немецкий военнослужащий, передавший ее белорусской колхознице Анастасии Триценецкой²⁶⁵.

Иногда жалость в момент расстрела к детям или молодым девушкам проявляли немецкие или австрийские офицеры, пожилые солдаты, а также те, кто работал вместе с евреями или охранял их (чаще всего оставляя на рабочем месте в ходе акций в гетто).

Ушкальным можно считать случай, когда офицер Гюнтер Кроль подготовил фальшивые документы на имя еврейского юноши, с которым он работал в Пинске, а затем переправил его к своему другу, также офицеру, в Киев²⁶⁶. Немецкий сержант Антон Шмидт уже в конце 1942 г. помогал подпольщикам вильнюсского гетто, в том числе в выезде за его пределы связным и руководителям подполья²⁶⁷. Впоследствии этот мужественный человек был арестован и расстрелян после зверских пыток, в ходе которых он не выдал никого из подпольщиков.

В спасении евреев участвовали и русские немцы — фольксдойче, в частности в Одессе и Одесской области, Минске²⁶⁸. Прокоп Яковенко (немец по матери) скрывал в Киеве еврейскую женщину, двух детей-евреев, а также цыгана²⁶⁹.

В литературе высказывалось мнение, что с 1943 г. оккупанты (в частности, в Галиции) применяли единственную меру наказания за укрывательство евреев — смертную казнь²⁷⁰. Выявленные и описанные Ж.М.

Ковбой приговоры судов и материалы следствий в дистрикте «Галиция» за 1942—1944 гг. об укрывательстве евреев (они составляли 38% всех уголовных дел) позволяют нам сделать некоторые статистические наблюдения и обобщающие выводы о мотивах спасителей и формах их наказания.

В этих материалах упоминается 23 случая вынесения смертных приговоров за укрывательство или помощь евреям (изготовление фальшивых документов, продажа им продовольственных карточек, доставка продуктов и пересечение границ гетто), по которым выносились лишь приговор суда (без проведения предварительного и судебного следствий).

По ним 9 человек было казнено в апреле — июле 1942 г.; двое — в марте — апреле 1943 г. Еще 7 человек казнили после 2 октября 1943 г. четверых — в июне 1944 г.; одного — в июле 1944 г.

Среди казненных было 14 женщины (одна из них — с сыном) и 9 мужчин. Лишь у пяти осужденных указан возраст (трое — около 40 лет и двое — около 55 лет). Большинство расстрелянных были жителями Львова. Упоминаются также спасители из Борислава (трое), Самбора, Опача, Самборского и Стрийского районов.

Определенные возможности для более углубленного анализа представляют рассмотренные Ж.М. Ковбой материалы 12 судебно-следственных дел чрезвычайного немецкого суда для местного населения «Зондгеррихт» во Львове за февраль—июль 1944 г., по которым привлекалось 16 обвиняемых, в том числе — 4 мужчины и 12 женщины. У 14 из них указан возраст, что позволяет заключить, что чаще всего в укрывательстве евреев принимали люди до 40 (7 человек) и после 60 лет (5 человек). Среди обвиняемых (как и среди указанных выше приговоренных к смерти) не было людей в возрасте от 41 до 50 и лишь двое были в возрасте от 51 до 60 лет.

По 8 делам сведения о приговоре отсутствуют, так как следствие не было окончено и задержанные находились в тюрьме. Одна из подсудимых (при достаточно явных уликах) была освобождена следователем «по болезни», другая — оправдана. По двум остальным рассмотренным судом делам вынесено два смертных приговора, одна обвиняемая приговорена к 3 годам каторжных работ. Все осужденные были старше 65 лет.

В материалах дел содержатся весьма любопытные сведения как о мотивах действий обвиняемых, так о тех, кого они спасали. В четырех домах скрывалось по несколько евреев; в трех случаях укрывались семейные пары; в двух — дети; в одном — молодая женщина (под видом глухонемой прислуги); по одному разу речь шла о приглашении в дом молодого человека, жившего по подложному польскому паспорту, и об интимных отношениях (в качестве вещественного доказательства фигурировало письмо маме о визите мужчины с цветами, заканчивающееся словами «как будто не было войны, я была счастлива, как никогда»).

В одном из дел 23-летний полицейский обвинялся в том, что выпустил из тюрьмы красивую еврейскую девушку (он же доказывал, что зас-

нул, а девушка похитила ключ и заперла его в камере). По мнению следователя, эти аргументы были «высосаны из пальца».

Любопытно, что обвиняемые могли пользоваться услугами адвокатов (этот способ защиты на евреев не распространялся; в суд они не вышлись — в случае поимки зачитывались лишь их признания). У подсудимых был шанс выйти из-под стражи (доказав, что они не знали национальность скрывавшегося либо что арест произошел в момент прихода в дом еврея). Бывали случаи оговора родственниками с целью завладения имуществом. Подавляющее большинство дел открывалось по доносам. Далеко не всегда удавалось задержать самих скрывавшихся евреев.

Материалы этих дел раскрывают некоторые бытовые подробности взаимоотношений евреев с их спасителями. Некоторые из них получали и брали подарки от скрывавшихся (водку, сигареты, одежду, постельное белье, обувь). Встречаются признания обвиняемых, что они брали деньги (например, 100 злотых в день на питание 5 скрывавшихся). По словам адвоката, такой суммы едва хватало, чтобы прокормить столько человек. Но 71-летняя женщина была все равно приговорена к смертной казни, а суд вынес частное определение — недовольство, что растет число адвокатов, берущихся за дела по укрывательству евреев. Признавались также факты продажи вещей скрывавшихся с целью покупки для них продовольствия, а также совместное питание с ними.

Понятно, что в ходе таких процессов обвиняемые были заинтересованы не афишировать свои меркантильные интересы, ибо это лишь усугубляло их вину. Об этом свидетельствует текст смертного приговора Катерине Летнило от 11 июля 1944 г. (другие документы дела не сохранились). В нем указывалось, что она прятала несколько семей евреев «с целью наживы».

О возможном варианте вознаграждения за укрывательство евреев вспоминал бывший узник львовского гетто Барух Мильх. В июне 1943 г. он и его жена составили контракт с согласившимся укрывать их человеком, который казался Мильху «отважным, трезво мыслящим, осторожным украинцем». Контракт предусматривал оплату: ежедневного питания — «по рыночным ценам»; за проживание и обслуживание — 10 долларов ежемесячно (или их эквивалент). Предполагалась отдельная компенсация в виде части земельного участка «за безопасность жизни» спрятавшихся евреев из расчета на период от одного дня до шести месяцев с возможностью дальнейшей пролонгации на несколько более льготных условиях. Также оговаривалась необходимость нотариально заверить контракт «при первой возможности». В этом случае свидетелями должны были выступить ксендз и человек, рекомендовавший хозяина жилья Мильху.

Любопытно несколько примеров угроз скрывавшихся евреев, что в случае их выдачи хозяин дома все равно понесет наказание (вероятно,

такой диалог мог иметь место, когда скрывали на небескорыстной основе и у евреев заканчивались средства). Не исключено, что это был надуманный аргумент при защите обвиняемых. Обычным же способом защиты спасителей была попытка показать случайный и непродолжительный характер отношений с евреями.

В нескольких делах фигурируют взятки полицейским как в денежном выражении (называлась сумма в 5 тысяч злотых), так и в виде золотых изделий (фигурировали обручальные кольца)²⁷¹.

Анализ приговоров свидетельствует, что в дистрикте «Галиция» приговоры за укрывательство евреев были более мягкими, чем в зоне военной администрации: зафиксирован лишь единственный случай расстрела матери вместе с сыном (причем возраст его не указан); на стадии следствия несовершеннолетних детей обвиняемых отправляли в приют (если не было других родственников); у приговоренного к казни мужа не расстреливали жену (хотя она созналась, что видела в своем доме евреев).

Не приводят фактов расстрелов всей семьи за укрывательство евреев и сами уцелевшие. Впрочем, возможно предположение, что такие случаи были, но свидетелей-евреев не осталось в живых. Впрочем, именно такие случаи должны были запомниться родным и местным жителям, к которым в последние годы регулярно обращались через СМИ инициаторы поиска Праведников Народов Мира.

Даты смертных приговоров свидетельствуют о нескольких вспышках кампании против укрывателей (весной—летом 1942 г.; осенью 1943 г.; летом 1944 г.). Но далеко идущие выводы делать не следует. Возможно, это объясняется лишь неполной сохранностью документации по теме.

Рассмотренные выше факты не позволяют согласиться с указанным выше выводом Я. С. Хонигсмана о поголовной казни обвиняемых в укрывательстве евреев Галиции с 1943 г.

Еще более мягкие приговоры (практически без применения смертной казни) выносили румынские военно-полевые суды, о чем довольно регулярно сообщала одесская пресса. Укрывательство евреев и изготовление для них фальшивых документов каралось обычно сроком от 3 до 10 лет.

Сказанное отнюдь не умаляет мужества каждого человека, который рисковал как минимум своей свободой, а чаще всего — жизнью, решаясь помочь еврею. Но желание найти каждого Праведника и вернуть ему наш моральный долг не должно порождать новых мифов. В частности, вряд ли можно согласиться с неподкрепленной статистикой оценкой, что 7 из 10 жителей Галиции в той или иной степени помогали евреям²⁷².

Записанные в последние годы видео- и аудиосвидетельства бывших узников, опубликованные ими воспоминания позволяют восполнить и такой пробел, как информация о корыстных мотивах (причем не только материальных), которыми руководствовались спасители; влияние (как положительное, так и негативное), которое оказывали на них члены се-

мы; разное поведение одних и тех же людей в течение взаимоотношений со спасаемым.

Особого внимания заслуживают попытки местных жителей сообщить мировой общественности о тотальном уничтожении евреев. Глазной врач из Вильнюса Елена Куторгене и ее сын, молодой доктор Виктор Куторга, не только прятали в своей квартире евреев, помогали им продовольствием и медикаментами. На основе дневника матери Виктор Куторга подготовил осенью 1941 г. и передал союзникам «Обращение к народам мира» — сведения о судьбе евреев Литвы. Возможно, это было первое полное и достоверное сообщение о Холокосте в Советском Союзе и начале осуществления плана «окончательного решения еврейского вопроса»²⁷³:

«Пусть весь мир узнает о страшном терроре, который немцы проводили по отношению к евреям! Мы просим Вас опубликовать весь этот материал во всей свободной прессе мира, чтобы таким образом узнали обо всем все свободолюбивые народы земного шара. Мы просим, чтобы главы и вожди всех свободных стран предприняли шаги к широкому оповещению всей мировой общественности об этих злодеяниях и принудили таким образом сумасбродных главарей Германии прекратить эти преступления; надо показать миру их настоящий облик и привлечь их к ответственности за зверские деяния, направленные к уничтожению всего еврейского народа. Мы просим сделать все возможное, чтобы весь мир, в особенности немецкий народ, был осведомлен об этих преступлениях. Предпринимайте все возможное, чтобы положить конец этим подлостям.

... Помогите им! Оповестите всех о настоящей правде... Помогите, ах, помогите скорее!

*Д-р В. Куторга»*²⁷⁴.

Кому же был адресован и как передан этот призыв? В дневнике Елены Куторгене от 7 октября 1941 г. читаем:

*«Витя написал на английском языке все, что у нас творится. Я заходила к одной артистке, которая имеет важного литовского знакомого за границей. Может быть, мировая общественность не знает, что здесь происходит. Надо сообщить, надо организовать протесты, надо искать пути борьбы везде, где можно... Мы договорились, она согласна нам помочь»*²⁷⁵.

Этой артисткой была известная оперная солистка В. Йонушкайте-Заунене, которая выезжала на гастроли в Швецию и Германию. Обращение было передано в американское посольство в Берлине до вступления США в войну.

Существовал также вариант «Обращения» на немецком языке (он попал в Москву, очевидно, после освобождения Вильнюса), в котором в хронологической последовательности (по 2 ноября 1941 г.) описано убийство евреев в разных городах Литвы. Подчеркнем, что авторы докумен-

та одной из главных целей называли информирование простых немцев о преступлениях на советской земле. К сожалению, нет никаких сведений о публикации или реакции союзников на этот документ, составленный и переданный на Запад с риском для жизни.

Литовские патриоты Виктор Куторга и Елена Куторгене также были удостоены звания «Праведник Народов Мира». Как указывалось выше, по данным института «Яд Вашем», на 1 января 2001 г. это звание получили 18 262 человек. Среди них — представители многих государств СНГ и Балтии. К сожалению, эти данные отражают не современное гражданство, а национальность спасителей: украинцев — 1609; литовцев — 488; белорусов — 440; латышей — 93; русских — 63; молдаван — 45; армян — 6; эстонцев — 2. Отметим, что среди 5503 Праведников Народов Мира — поляков было немало жителей западных областей Украины и Белоруссии. Свыше 100 Праведников — русских, украинцев, белорусов — являются гражданами России, хотя некоторые из них совершили свой подвиг в Украине и Белоруссии.

Первым среди русских людей, получивших звание Праведника в 1979 г., был житель Латвии Амфиан Герасимов. В 80-е годы этого звания удостоились Пелагея Хоменкова (1983); Елизавета Скобцева (мать Мария) и о. Дмитрий Клепичин (1985); Татьяна Абрамова-Мандель и ее дочь Галина (1986).

В последнее десятилетие XX в. звание получили русские по национальности или граждане России: Василий и Полина Артемьевы, а также их дочь Тамара Николаева (1995); Сергей Белков и его дети Дмитрий и Кира (1997); Юлия Бойко (Кротенко) — в 1991 г.; Прасковья Бондаренко и ее дочь Дарья (1998); Екатерина Винникова-Какотко (2000); Мария Гладких-Прилепская (1999); Любовь Грищенко (2000); Михаил и Татьяна Гурьяновы (2000); Агриппина Дедова и ее дети Раиса и Владимир (2000); Елизавета Денисюк (1999); Венера Динишаева (2000); Николай Дорожнинский (2000); Николай и Любовь Дудины, а также их дочь Изабелла Дудина-Образцова (1997); Евгения Емельянова (1992); Иван и Пелагея Еремичны и их сын Ким (1996); Марилина Загурская и ее дочери Адель и Зоя (1997); Арина Зарубина (2000); Прокоп и Лидия Ивановы (1995); Евдокия Кабещева (1998); Анна Карнаух и ее дочь Евдокия (2000); Тихон и Матрена Ковлященко (1998); Екатерина Колесникова (1993); Елизавета Кондратьева (1999); Марфа и Екатерина Корнеевы (2000); Семен и Ксения Коровины (1995); Екатерина Королькова (1999); Софья Леониди (2000); Таисия Лукашенко (2000); Варвара Максимова (1993); Таисия Миронова-Алексеева (1998); Таисия Морговая (2000); Маргарита Мут-Талашная (1995); Татьяна Недостоева (2000); Таисия Передельская-Ролевская (2000); Анна Покровская (1996); Ксения Сорокина (2000); Мария Стародубцева (1996); Шамаил и Фердаус Халамлиевы и их сыновья Султан и Мухтар (1994); Прасковья Хонабьева (2000); Павел Чарюта и Татьяна Зеленинская (1995); Таисия Чи Фу Лин (1998); Варвара Цвиллиева (1996)²⁷⁶.

В этом списке встречаются мусульманские, китайские, греческие имена и фамилии. Большинство Праведников — женщины. В списках немало и тех, кто были детьми в возрасте 10—5 лет, но без которых спасение было бы невозможно.

В последние годы число присвоенных званий гражданам СНГ и Балтии, в том числе России, постоянно возрастает. Это объясняется привлечением к поиску общественности, использованием средств массовой информации, введением собственных аналогичных званий в ряде постсоветских государств. Например, Еврейский совет Украины, ведущий с 1988 г. поиск спасителей евреев, присваивает звание «Праведник Украины». Его получили более 4500 человек, из которых 431 спасал евреев в Киеве. Среди них представители разных национальностей — украинцы, русские, поляки, белорусы, татары, армяне, греки, немцы²⁷⁷.

Только в последние годы в постсоветских государствах начали создаваться памятники и мемориалы в честь Праведников. По инициативе бывшего узника гетто Я. Манновича в Одессе создана Аллея Праведников. В 2000 г. в деревне Поречье под Милском открыт мемориал в честь местных жителей, спасавших евреев. Памятник своим спасителям установила еврейская община и ассоциация бывших узников в украинском городе Могилев-Подольский в Винницкой области.

Разумеется, установлены далеко не все, кто спасал евреев. Почти полвека после войны в Советском Союзе поиск и награждение таких людей не были возможны. В итоге многие уцелевшие и их спасители ушли из жизни. Тем не менее активизация этого поиска, особенно на территории оккупированных регионов России, должна быть продолжена.

* * *

Замалчивание темы Холокоста неизбежно вело и к непризнанию подвига Праведников Народов Мира. Их огромный моральный и воспитательный потенциал оказался фактически не востребован весь период существования Советского Союза. Прослеженные нами мотивы поведения и формы помощи со стороны соседей, знакомых и родственников евреев свидетельствуют, что она имела достаточно широкие масштабы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На оккупированной территории Советского Союза нацисты начали свой чудовищный эксперимент по физическому, экономическому, духовному геноциду миллионов людей. Жертвами «окончательного решения» стали шесть миллионов евреев Европы. Первыми в этом скорбном ряду — и по численности (около половины всех жертв), и по хронологии уничтожения — стали советские граждане. К 22 июня 1941 г. они являлись самой большой еврейской общиной Европы, насчитывая 5 миллионов человек. Почти 3 миллиона из них оказались на оккупированной территории. Подавляющее большинство этих людей было уничтожено нацистами и их пособниками.

Холокост евреев СССР может быть понят только в контексте тщательно спланированной нацистами «тотальной войны», которую они вели с первых дней нападения на СССР. Ее важнейшим постулатом было безжалостное уничтожение всех, кто являлся реальным или мнимым врагом рейха, оказывал малейшее сопротивление или неповиновение. В результате этой политики было уничтожено около 7,5 миллиона советских людей разных национальностей, оказавшихся в оккупации.

Еврейское население являлось **особой категорией** жертв нацистов, подвергшейся тотальному преследованию и уничтожению. Нацистский оккупационный режим представлял потенциальную угрозу для жизни всего без исключения мирного населения. Однако именно евреи — независимо от возраста, политических взглядов и степени своего противодействия нацистам — стали первыми и поголовными жертвами нацистского произвола. Их уничтожение началось сразу же после оккупации советской территории и не прекращалось практически до конца войны.

Все евреи СССР были объявлены «политическими» и расовыми противниками нацистского режима, подлежащими полному уничтожению. Но советские евреи стали также первыми жертвами чудовищного плана истребления миллионов мирных жителей одного государства по расовым, военным, экономическим и иным причинам. В годы Великой Отечественной войны проявились универсальные черты Холокоста, которые известный историк и философ Михаил Гелфтер определял так: «Не бывает геноцида против одного народа. Геноцид всегда направлен против всех».

Этот тезис нашел свое подтверждение в годы оккупации и в прямом, и в переносном смысле. Уничтожение евреев-ремесленников, единственных специалистов в ряде областей, устранение евреев-медиков и других категорий населения, которые веками занимали определенную нишу в социально-экономической сфере, катастрофически сказалось как на экономическом, так и физическом состоянии миллионов людей на оккупи-

рованной территории. Как только были истреблены евреи и частично цыгане, маховик репрессивно-карательного аппарата, в котором весомую роль занимали те, кто преследовал и уничтожал своих соседей-евреев, обрушился уже против других мирных жителей.

Именно на советской земле началось **массовое и систематическое убийство** еврейского народа в Европе. В отличие от европейских стран, здесь не было необходимости в создании лагерей смерти с применением новейших технологий массовых убийств и попыткой скрыть происходящее как от потенциальных жертв, так и остального населения. Более того, по замыслу организаторов Холокоста именно открытое угнетение и уничтожение евреев должно было способствовать преодолению страха перед советскими властями в целом. От местного населения не только не скрывался факт их уничтожения, но и поощрялось участие в убийстве.

Важнейшее значение для понимания природы и сущности нацистского оккупационного режима, его идеологии и практики имеет выстроенная гитлеровцами система комплексного геноцида одного из народов Советского Союза. При внимательном рассмотрении Холокоста на советской земле становится очевидным его прямая взаимосвязь с главной целью нацистов — победой в войне. Эта задача была изначально недостижима без раскола общества по расовым и национальным критериям. Советские евреи представлялись нацистам идеальным прикрытием своих истинных целей. Именно на них были опробованы те пропагандистские, экономические, социально-правовые методы, которые по мере изменения соотношения сил на фронте стали востребованы оккупантами применительно к другим потенциальным жертвам.

Именно на советских евреях нацисты отрабатывали тактику массовых убийств и сокрытия следов преступлений. В ходе борьбы с партизанами тактика карателей применительно к населению так называемых партизанских зон будет весьма близка к методам уничтожения еврейского населения. Выявление и уничтожение цыганского населения (в ряде случаев — с их предварительным переселением и концентрацией на отдельных улицах или кварталах городов) также учитывало опыт «окончательного решения». В некоторых областях нацисты, наряду с регистрацией, отдельно содержали, а затем уничтожали семьи советских офицеров.

Таким образом, универсальность Холокоста впервые проявилась в массовом уничтожении нацистами других категорий советского населения, особенно в 1942—1944 гг. Удельный вес евреев среди всех уничтоженных мирных граждан, прежде всего городов и местечек, чрезвычайно высок. Особенно велики потери еврейского населения в процентном отношении — уцелело менее 4% от числа оказавшихся на оккупированной территории.

Впервые при нападении на СССР уничтожение еврейского населения под прикрытием лозунга об избавлении других народов Советского

Союза от «еврейского ига» являлось для гитлеровской Германии не только средством достижения победы, но и одной из главных целей войны. Весь мощный пропагандистский аппарат на фронте и оккупированных территориях был направлен на доказательство тождества советской политической системы и еврейского населения СССР. Попытка представить «новый порядок» не захватническим, а «освободительным» диктовала необходимость использовать в пропаганде и практике террора оголтелый антисемитизм.

Идеологическое обоснование уничтожения евреев как генетических носителей большевизма, появившееся накануне и в ходе войны Германии против Советского Союза, чрезвычайно важно для понимания особенностей Холокоста на территории СССР, его масштабов, темпов и методов.

Значение роли и места антисемитской пропаганды на оккупированной советской территории, степени ее влияния на сознание и поступки людей трудно переоценить. Выявленные нами около 6000 антисемитских публикаций в более чем 400 периодических изданиях, распространяемых на оккупированной территории СССР на многих языках, наглядно демонстрирует ее систематичность и эффективность.

Достаточно высокий процент «авторских», а не только заимствованных из предоставляемых пропагандистскими ведомствами информационных материалов наглядно отражает непрерывную связь идеологического черносотенства в разные исторические периоды истории нашей страны. Этот человеконенавистнический взгляд на историю и место еврейского народа и полная поддержка теории и практики нацистов «по окончательному решению еврейского вопроса» чрезвычайно важен для понимания и анализа сущности современного неонацизма в нашей стране.

Оккупанты с первых дней войны сочетали акции уничтожения (прежде всего евреев-военнопленных, молодых мужчин, интеллигенции) с использованием хорошо продуманного комплекса дискриминационных и грабительских мероприятий. Принудительный труд евреев на оккупированной территории применялся в самых разнообразных формах. Во всех без исключения населенных пунктах нацисты использовали его в качестве издевательства над еврейским населением. Узников заставляли выполнять тяжелые и грязные, а подчас и бессмысленные работы. Евреи подвергались дискриминации в вопросах возрастных границ привлечения к трудовой повинности, оплаты и условий труда.

Высокая производительность, дешевизна и возможность широко эксплуатировать женский и детский труд делали привлекательным для властей сохранение производств внутри и вне гетто. Это происходило на фоне невиданного в новейшей истории полного ограбления еврейского населения методом конфискации и контрибуций, изъятия недвижимого имущества и ценностей. Масштабы экономических потерь советских евреев нуждаются в дальнейшем исследовании, но даже уста-

новленные цифры и факты говорят о том, что нацистская экономика как на оккупированной советской территории, так и Третьего рейха в целом получила огромные финансовые влияния именно за счет имущества, ценностей, денежных средств советских евреев.

Самое активное участие в Холокосте советских евреев (наряду с айнтцгруппами, карательными подразделениями СС и полиции безопасности) приняли войска вермахта (в отличие от других оккупированных государств, кроме Югославии). При прямом участии немецких военнослужащих подвергались тотальному уничтожению советские военнопленные-евреи.

Процесс уничтожения не имел (даже в масштабах какой-то одной территории) четко выраженных последовательных этапов, растянутых по времени (идентификация, концентрация в гетто, уничтожение). Массовые расстрелы проводились еще до регистрации; после них могло создаваться и довольно длительно существовать гетто; организация гетто не означала прекращения «акций».

Методы уничтожения часто отличались крайним садизмом и многообразием способов (людей топили в колодцах, сбрасывали в стволы шахт, закапывали живыми, разрывали лошадьми, разрывали младенцев на части или бросали их на штыки, распиливали, сжигали и т.п.). В убийствах принимали участие десятки тысяч нацистов и их пособников, подавляющее большинство которых участвовали в этом добровольно.

Если в оккупированной Европе и самой Германии детей от смешанных браков, как правило, не уничтожали, то на территории СССР проводились специальные акции по выявлению и убийству детей-полукровок.

До создания лагерей уничтожения на территории Польши именно на советской земле (в Каменец-Подольске, Минске, Риге, Каунасе) уже с августа 1941 г. началось массовое уничтожение евреев из Германии, Австрии, Венгрии, Чехословакии. Подчеркнем, что евреи из европейских государств вывозились для уничтожения на оккупированную территорию СССР и в 1942—1944 гг.

Нацисты активно использовали антисемитские и антикоммунистические настроения населения. Формирование местной полиции на добровольной основе из антисоветски и антиеврейски настроенных элементов, никогда ранее не служивших в органах правопорядка, предопределило крайне жестокие формы расправы над жертвами Холокоста.

Отметим также нередкое добровольное участие коллаборационистов в уничтожении евреев, подчас даже без непосредственного участия гитлеровцев, и роль местного населения в выявлении евреев, уклонявшихся от регистрации, скрывавшихся либо имевших фальшивые документы. Без этого активного участия количество уцелевших было бы несравненно выше.

Именно коллаборационисты (нередко по своей собственной инициативе) не только выявляли и преследовали евреев (как в других странах

Европы), но и непосредственно и в широких масштабах принимали участие в убийствах.

На оккупированной советской территории применялись более жестокие, чем в других странах, меры не только за укрывательство евреев (вплоть до расстрела самого спасителя и членов его семьи), но и за непосещение об их местонахождении.

Изучение методов и темпов Холокоста на территории СССР приводит нас к выводу, что вплоть до конца оккупации нацистское руководство не могло претворить в жизнь свой «стратегический» план «окончательного решения еврейского вопроса». При его реализации сталкивались интересы как целых ведомств (полиции безопасности и СД, вермахта, министерства по делам оккупированных Восточных территорий), так и амбиции отдельных чиновников. Отсутствие четких инструкций и письменных приказов вело к отсутствию единообразия даже в выполнении отдельных распоряжений, касающихся идентификации евреев, их концентрации в гетто и местах уничтожения, а также в способах уничтожения.

Убийство евреев в начале войны осуществлялось нацистами под камуфляжем нескольких «рациональных» идей: евреи — оплот советского режима, вследствие чего избавление от них будет способствовать симпатиям к Германии остального населения; именно они являются поставщиками кадров партизан и подпольщиков, вследствие чего уничтожение мужчин и даже подростков носило характер «превентивных» мер; в условиях военного времени (при нехватке жилья, продовольствия, рабочих мест) уничтожение и преследование еврейского населения объективно улучшает положение других местных жителей, что обеспечивает поддержку новой власти; жестокая расправа под формальным предлогом (саботаж, помощь партизанам) служила мерой устрашения для остальных.

В действительности Холокост и по замыслу и по его осуществлению многочисленными ведомствами нацистской Германии и оккупационного режима (как и последующие репрессии против миллионов мирных советских людей) был абсолютно иррационален, что не могло не сказаться на действиях исполнителей.

По мнению некоторых ученых, организация гетто на территориях, где почти все трудоспособные мужчины были мобилизованы в армию, была для гитлеровцев экономически нецелесообразной. Это являлось одной из основных причин отсутствия или очень краткого периода существования гетто на территориях, захваченных осенью 1941 г. и в последующий период.

С другой стороны, высказывалось мнение, что «порядок очередности» и тотальности уничтожения еврейского населения диктовался исключительно идеологическими причинами и в первую очередь был направлен против тех, кто жил на территории Советского Союза в рамках «старых» (до 1939 г.) границ.

На наш взгляд, почти тотальное уничтожение к началу 1942 г. подавляющего большинства еврейских общин Прибалтийских республик наглядно иллюстрирует ошибочность этого тезиса.

Установленное нами значительное количество гетто и мест временного содержания позволяет сделать вывод, что нацисты максимально стремились использовать бесплатную или дешевую еврейскую рабочую силу на всевозможных принудительных работах. Тяжелый и неквалифицированный труд сочетался с использованием специалистов разных отраслей в целях германской военной экономики. В этом смысле, по определению К. Герлаха, это было хорошо просчитанное уничтожение.

Существенную роль в судьбе советских евреев играли военно-политические факторы: осенью 1941 г. и летом—осенью 1942 г. гитлеровцы верили в скорую победу и экономические соображения в этот период отходили на второй план. Приказы и директивы высшего руководства вермахта, изданные осенью 1941 г., наглядно отражают их представления, что главная угроза в организации сопротивления и саботажа исходит от евреев. Это развязывало руки находившимся в зоне военной администрации руководителям айзатцгрупп, которые в зоне гражданской администрации встречали определенное сопротивление своим действиям, мотивированное экономическими соображениями. Наконец, нацисты учитывали возможность контрнаступления Красной Армии, полные или временные потери уже оккупированных территорий в конце 1941 г., когда еврейское население уничтожить не удалось.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы не позволяют в полной мере реконструировать и оценить деятельность еврейских советов (юденратов) и еврейской полиции. Внутренние документы этих органов (протоколы заседаний, планы, отчеты) практически не сохранились. Подчас они существуют в виде дневников отдельных сотрудников юденратов или их показаний перед советскими карательными органами (большинство руководителей юденратов и членов еврейской полиции погибли от рук самих нацистов или были осуждены как коллаборационисты). Крайне невелико число их мемуарных свидетельств. Вот почему общепринятая оценка сотрудников юденратов принадлежит выжившим узникам, которые оценивали их в массе крайне негативно. Здесь сказались и личный опыт общения, и стереотипы послевоенного времени.

На наш взгляд, необходимо выделять и положительные и отрицательные моменты в деятельности как этих органов в целом, так и их отдельных руководителей. Функции еврейской службы порядка были прежде всего репрессивными. Их руководители, за редким исключением, действительно сотрудничали (чаще всего — вынужденно) с оккупационными властями. Роль руководителей юденратов и их членов оценивать гораздо сложнее. Занимаемые ими должности могли служить определенной гарантией безопасности и относительно лучших условий существования. В то же время репрессии властей касались этих людей в первую очередь.

Большинство руководителей еврейских советов предпринимало все меры (зачастую — единственные), чтобы основная масса узников выжила. В том, что это не удалось, виноваты прежде всего нацисты. Определяющими отличиями этих людей от местных коллаборационистов было то, что их сотрудничество с нацистами не было добровольным и никому из них (за любые заслуги!) оккупационные власти не сохраняли жизнь.

Организация производств, питания, медицинского и санитарного обслуживания, помощь малоимущим, решение вопросов о размещении узников гетто обеспечивали продление жизни еврейского населения в неимоверно трудных условиях оккупации.

В зоне военной администрации лишь незначительная часть специалистов и высококвалифицированных рабочих использовалась по назначению. В ограниченном объеме и на короткий срок здесь создавались мастерские и иные производства.

В рейхскомиссариатах «Остланд» и «Украина», а также в дистрикте «Галиция» и округе «Белосток» удельный вес евреев-ремесленников был самым высоким среди мужского трудоспособного населения. Особенно много евреев обладали такими дефицитными в годы войны специальностями, как слесари, столяры, кожевники, сапожники, портные. В связи с этим отдельные руководители разного уровня стремились сначала использовать евреев для восстановления экономики региона, а затем сохранить их как можно дольше из-за нехватки квалифицированных специалистов. При наличии благоприятных факторов (наступления советских войск, помощь партизан, а главное — как в случае с румынской администрацией, — изменение политики оккупационных властей к евреям) такая деятельность могла помочь сохранить жизнь десяткам тысяч людей.

Однако история не знает сослагательного наклонения. Вольно или невольно сотрудничая с нацистами, Judenräte и еврейская полиция сыграли негативную роль в осуществлении Холокоста на территории СССР. Это выразилось не только и не столько в косвенном (а иногда — и в прямом) соучастии в уничтожении еврейского населения.

Теория «быть полезными» и «спасение через труд» в условиях военного времени означали работу (пусть и вынужденную) на экономику противника. Но еще более важен моральный урок этого раздела истории Холокоста. Еврейские лидеры на оккупированной территории СССР (как и в подавляющем большинстве гетто на территории Европы) оказались не в состоянии изменить свою тактику, когда планы нацистов по истреблению еврейского населения уже осуществлялись на практике. И тем большего уважения заслуживают те из них, кто не пошел на сделку со своей совестью.

Общность судеб советских евреев независимо от места их проживания и отношения к советской власти очевидна. Выявленные нами особенности Холокоста в различных республиках бывшего СССР, Транс-

листрии, между зонами гражданской и военной администрации играют важную роль для понимания сущности и осуществления Холокоста на советской земле.

Тем не менее отличия в организации Холокоста в военной и гражданской зонах оккупации, а также находившейся под румынским контролем Транснистрии имели прямое значение для судеб советских евреев. Шанс уцелеть появлялся прежде всего в том случае, если уничтожение не проводилось в кратчайшие сроки.

Отличия в темпах уничтожения и разный уровень административного и полицейского контроля позволили осуществлять специфическую жизнедеятельность еврейской общины в условиях гетто. Это, в частности, позволило нескольким десяткам тысяч евреев выжить в гетто между Бугом и Днестром. Успехи и неудачи на фронтах Великой Отечественной войны, подъем партизанского движения, деятельность иезуитского подполья непосредственно сказывались на судьбе еврейского населения.

Советский Союз оставался единственной страной в Европе, чья территория была оккупирована нацистами лишь частично и которая активно сражалась с гитлеровской Германией. Это обстоятельство является несомненной особенностью Холокоста на территории СССР. Кремль несет прямую ответственность и за отказ принять евреев рейха, и за отсутствие действенных мер военно-политического характера, которые бы нацелили партизан и подпольщиков на помощь узникам гетто и концлагерей.

В последние годы в историографии темы появилось немало работ, увязывающих историю Холокоста и позицию Кремля в этом вопросе с личным антисемитизмом Сталина и руководителей отдельных республик бывшего СССР. Инициированные Сталиным идеологические кампании конца 40-х — начала 50-х — «по борьбе с космополитизмом» и «дело врачей», отдельные высказывания советского лидера, свидетельства его дочери и ближайшего окружения, казалось, не оставляют сомнений в том, что к евреям «вождь всех народов» относился с большим подозрением и антипатией. Однако проецирование его более поздней политики и личного отношения к евреям на позицию Советского правительства относительно Холокоста вряд ли можно считать научно обоснованным. Рост антисемитских настроений в обществе — среди определенной части партийной элиты, творческой интеллигенции, на оккупированной территории (в том числе — вследствие нацистской пропаганды) и в советском тылу (ввиду большого количества эвакуированных евреев) и а также в партизанских отрядах — был той плодотворной почвой, на которой вскоре после войны (и особенно в конце 40-х — начале 50-х гг.) была предпринята концептуальная попытка сплотить советское общество. В этот период отечественной истории, который можно охарактеризовать как советский вариант государственного ан-

тисемитизма, именно от Сталина исходил основной импульс такой идеологии и практики.

Таким образом, в отношении к Холокосту выпукло и наглядно проявилась двуличная позиция советского руководства по «еврейскому вопросу». Сталин как единоличник диктатор, вникавший во все сферы государственной и общественной жизни, в предвоенный и военный периоды никак не препятствовал опасным тенденциям, приведшим в конце концов к открытой политике государственного антисемитизма.

В отношении к евреям на оккупированной территории наглядно просматриваются различные подходы, ключевыми из которых можно назвать страх перед оккупантами и равнодушие. Оказавшись брошенными на произвол судьбы, запуганные нацистскими приказами и произволом, большинство местного населения стремилось выжить в ужасных условиях оккупации. Подавляющее большинство людей при этом не сотрудничали с врагом как коллаборационисты, а после коренного перелома в Великой Отечественной войне и активизации партизанского движения откровенно противодействовали оккупантам.

Но ни советское правительство, ни партизанские или подпольные группы не призывали их оказывать помощь в спасении евреев. Поэтому такие решения принимались на индивидуальном уровне. В основе каждого такого решения, чем бы ни руководствовался будущий спаситель, лежали высокие человеческие качества и готовность к самопожертвованию. Разумеется, мы не имеем в виду ту немногочисленную прослойку, для которой помощь и сотрудничество с евреями превратились в своего рода «бизнес». Впрочем, и для них сохранялся риск быть уничтоженными нацистами.

Непризнание важности Холокоста в годы войны неизбежно вело к его замалчиванию в последующий период. Применительно к теме Холокоста это проявилось в практически официальном запрете выделять еврейские жертвы нацизма (прекращение подготовки к изданию «Черной книги» и упоминаний о еврейском геноциде в СССР в публицистике и научных исследованиях; отказ от увековечения памяти жертв; объявление любых попыток сохранить память об этих преступлениях нацистов «буржуазным еврейским национализмом» или «сионистской пропагандой»; полное забвение подвига тысяч людей, спасавших евреев с риском для жизни). Антисемитизм в данном случае был не причиной, а следствием идеологического воплощения более широкой концепции о «едином советском народе» с его огромными жертвами как на поле битвы, так и на оккупированной территории. Историческая правда об особой нацистской политике в «еврейском вопросе» подвергалась дозированию или умалчанию весь последующий советский период.

В истории Холокоста до недавнего времени существовало действительно «белое» пятно — судьба евреев России. В редких упоминаниях о ней ученые обычно оперировали цифрами — около 100 тысяч жертв. Считалось, что на этой территории почти не было гетто.

Как установлено в результате настоящих архивных разысканий, нацисты уничтожили в России не менее 144 тысяч евреев. В том числе — около 120 тысяч в ее современных границах. По числу жертв Холокоста Россия занимает лишь 5-е место среди государств бывшего СССР (после Украины, Белоруссии, Молдовы и Литвы). Но число уничтоженных здесь евреев превышает количество жертв Холокоста во многих европейских странах, включая Францию, Нидерланды, Грецию и многие другие. Установлено, что уничтожение евреев носило в Российской Федерации еще более выраженную идеологическую окраску, чем на другой советской территории. Это проявлялось даже визуально — евреи ряда российских городов и местечек были вынуждены надеть на себя желтые пятиконечные звезды.

На территории России было свыше 40 гетто, в которых было уничтожено около 15% всех жертв. Не менее трети из них существовали от нескольких до 11 месяцев, что позволяет изучать различные аспекты жизни и деятельности узников.

История Холокоста не может рассматриваться лишь сквозь призму гибели и страданий миллионов людей. В этот страшный период мы видим ярчайшие примеры морального и физического сопротивления оккупантам, многообразную деятельность подпольных групп во всех крупных гетто и отдельных подпольщиков-евреев; борьбу с оружием в руках в партизанских отрядах. Это была борьба не просто за выживание, но за сохранение человеческого достоинства. Она дала немало примеров самопожертвования и высокой силы духа. Эта грань Холокоста, равно как и нравственный пример тысяч и тысяч людей, которые бескорыстно пришли на помощь своим знакомым и соседям, а нередко и совершенно незнакомым людям, является залогом того, что знания и память о Холокосте еще долго будут востребованы нашим обществом.

Настоящая книга отнюдь не исчерпывает все аспекты темы и не претендует на окончательные выводы. Автор надеется, что поставленные и частично решенные им вопросы привлекут внимание отечественных исследователей и найдут свое продолжение в новых работах о Холокосте на территории СССР и России.

СПИСОК СОКРАЩЕННЫХ СЛОВ

- АВПР — Архив внешней политики России МИД РФ
АГ — айнзатцгруппа;
АК — айнзатцкоманда;
АМЛГ — архив Музея «Лохамей хагеттаот» (Израиль)
АФСБ — Архив Федеральной службы безопасности РФ
АФХ — архив фонда «Холокост»
АЯВ — архив Мемориального института памяти жертв Холокоста и героев Сопротивления «Яд Вашем» (Иерусалим)
Б/д — без даты;
ВЕУМ — Вестник Еврейского университета в Москве
ГАБО — Государственный архив Брестской области
ГАБрО — Государственный архив Брянской области
ГАВО — Государственный архив Винницкой области
ГАКО — Государственный архив Калужской области
ГАКК — Государственный архив Краснодарского края
ГАОО — Государственный архив Одесской области
ГАОрО — Государственный архив Орловской области
ГАПО — Государственный архив Псковской области
ГА РК — Государственный архив Республики Калмыкия
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
ГАСО — Государственный архив Смоленской области
ГАТО — Государственный архив Тверской области
ГАХО — Государственный архив Харьковской области
ГАЧО — Государственный архив Черновицкой области
ЕАК — Еврейский антифашистский комитет в СССР
ЭК — зондеркоманда
ИЖ — Исторический журнал
Кавминводы — Кавказские Минеральные Воды
КГБ — Комитет государственной безопасности СССР
МГБ — Министерство государственной безопасности СССР
МЕГ — Международная еврейская газета
НАН — Национальная Академия наук Украины
НА РБ — Национальный архив Республики Беларусь
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НКВД — Народный комиссариат иностранных дел СССР
НУС — Новое украинское слово
ОКВ — штаб верховного командования вермахта
РАН — Российская Академия наук
РГВА — Российский государственный военный архив
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
РСХА — Главное управление безопасности рейха
РШПД — республиканский штаб партизанского движения
РЦХИДНИ — Российский центр хранения историко-документальных коллекций
С. — село
СД — служба безопасности рейхсфюрера СС
СИБ — Советское информационное бюро
СМЕРШ — советская военная контрразведка («Смерть шпионам»)
СНГ — Содружество Независимых Государств
СНК — Совет Народных Комиссаров СССР

- СС — охранные отряды; в годы Второй мировой войны — элитные карательные и стрелковые подразделения
- СССР — Союз Советских Социалистических Республик
- Ст. — станица;
- США — Соединенные Штаты Америки
- ЦАМО — Центральный архив Министерства обороны
- ЦГАВОУ — Центральный государственный архив высших органов Украины
- ЦГА ООУ — Центральный государственный архив общественных объединений Украины
- ЦК ВКП(б) — Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)
- ЦК КПСС — Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза
- ЦШПД — Центральный штаб партизанского движения
- ЧГК — Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов и их пособников на временно оккупированной территории СССР
- Х. — хутор
- ER — Einsatzgruppen Reports (отчеты айнзатцгрупп)
- USHMMA — United States Holocaust Memorial Museum Archives (архив Мемориального музея Холокоста США)

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

¹ *Альман И. А.* История и судьба «Черной книги» // «Черная книга». — Вильнюс: Иад, 1993. — С. VI—XVII.

² Подробный анализ историографии и обзор основных архивных фондов по теме дан в наших статьях. См.: *Альман, Иля.* The Sources on the Shoah in Moscow's Central Archives // Les Archives de la Shoah. — Paris/Montreal, 1998. — P. 255—262; 595—602 (фр. яз.; англ. яз.); *Альман И. А.* Историография и источники о Холокосте на территории СССР // Холокост — Сопротивление — Возрождение. Еврейский народ в годы Второй мировой войны и послевоенный период (1939—1949). — М.: Фонд «Холокост», 2000. — С. 297—323. См. также: *Подольский А. Е.* Исследования по истории Холокоста в современной украинской историографии: новые подходы // Катастрофа и Сопротивление украинского еврейства. (1941—1944). Очерки по истории Холокоста и Сопротивления в Украине / Ред.-сост. С. Я. Елсаветский. — Киев, 1999. — С. 26—37 (укр. яз.); *Нюффе Э. Г.* Катастрофа белорусского еврейства в отечественной историографии // Евреи Беларуси. История и культура: Сб. ст. Вып. 2. — Минск, 1998. — С. 99—106; *Стишюкович Л. Б.* Рекомендуемый список литературы по истории Холокоста // Преподавание темы Холокоста в XXI веке. — М.: Фонд «Холокост», 2000. С. 208—220.

³ См., напр.: Гитлеровская оккупация в Литве: Сб. ст. — Вильнюс: Минтис, 1966; Мы обвиняем: Документы и материалы о зверствах нацистов. — Рига: Лиезма, 1967.

⁴ *Римановский Д.* Советские евреи под нацистской оккупацией // Ковчег: Альманах евр. культуры. Вып. 1. — М.: Худож. лит.; Иерусалим: Тарбут, 1990. — С. 283—312.

⁵ *Шварц С.* Евреи в Советском Союзе. — Нью-Йорк, 1966.

⁶ *Orbach, Wila.* The Destruction of the Jews in the Nazi-Occupied Territories of the USSR // Soviet Jewish Affairs. — L., 1976. — Vol. 6. — #2. — P. 14—51.

⁷ *Trunk, Isaah.* The Jewish Council in Eastern Europe under Nazi occupation. — N. Y.:L., 1972.

⁸ См.: Holocaust in the Soviet Union. Studies and Sources on the Destruction of the Jews in the Nazi-Occupied Territories of the USSR (1941—1945) / Ed. by L. Dobroszycki and J. S. Gurock. — N. Y.:L., 1993, P. 3—4.

⁹ См. статью Ицхака Арада «Катастрофа европейского еврейства» и «Катастрофа европейского еврейства в советской историографии» в указанном сборнике «Холокост».

¹⁰ Boog, Horst., Förster Jürgen, Hoffmann Joachim, Klink Ernst, Müller Rolf-Dieter, Überschär Gerd R., Der Angriff auf die Sowjetunion, Frankfurt/Main: Fischer Taschenbuchverlag, 1991; Wichn Erhard Roy (Ed.), Die Schoah von Babij Jar. Das Massaker deutscher Sonderkommandos an der jüdischen Bevölkerung von Kiew 1941. Fünfzig Jahre danach zum Gedenken, Hartung-Gorre Verlag, Konstanz 1991;

Klein, Peter (Ed.), Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941/42. — Berlin: Heinrich, 1997; *Golezewski, Frank.* Organe der deutschen Besatzungsmacht: Die ukrainischen Schutzmannschaften // Benz Wolfgang, Houwink ten Cate, Johannes Otto, Gerhard (Ed.), Die Bürokratie der Okkupation. Strukturen der Herrschaft und Verwaltung im besetzten Europa, Metropol Verlag, Berlin 1998; Benz, Wolfgang, Kwiet Konrad, Matthäus Jürgen

(Eds), Einsatz im «Reichskommissariat Ostland». Dokumente zum Völkermord im Baltikum und in Weissrussland 1941—1944. Berlin — Metropolis Verlag, 1998.; *Dean, Martin*. The Holocaust in the Eyes of Homo Sovieticus: A Survey of Collaboration in the Holocaust. Crimes of the local police in Belarussia and Ukraine, 1941—44. — L.: Macmillan Press LTD, 2000.

¹¹ См. новейшее исследование 13 немецких историков о некоторых аспектах нацистского геноцида и Холокоста на территории Советского Союза: Täter im Vernichtungskrieg. Der Überfall auf die Sowjetunion und der Völkermord an den Juden // Herausgeber W. Kaiser. — Berlin: Propyläen, 2002.

¹² *Pohl, Dieter*. Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941 — 1944. Organisation und Durchführung eines staatlichen Massenverbrechens (Studien zur Zeitgeschichte, Band 50), Oldenbourg Verlag, München 1997; Румänien und der Holocaust. Zu den Massenverbrechen in Transnistrien 1941—1944. Herausgegeben von Marianna Hausleitner, Brigitte Mihok und Juliane Wetzel. — Berlin, 2001.

¹³ См., напр.: *Gerlach, Christian*. Kalkulierte Morde. Die Deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weissrussland 1941 bis 1944. — Hamburg, Hamburger Edition, 1999.

¹⁴ См., напр.: *Арид Н.* Катастрофа советского еврейства // Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации. 1941—1944. — Иерусалим, 1992. — С. 1—32; *Он же*. Уничтожение евреев на оккупированной территории СССР // «Неизвестная Черная книга». — М.: Иерусалим, 1993. — С. 10—15; *Он же*. Отношение советского руководства к Холокосту // Вестник Еврейского университета в Москве (далее — ВЕУМ), 1995. — № 2 (9). — С. 4—35; *Он же*. Уникальные черты Холокоста на территории СССР // Тень Холокоста. — М.: Фонд «Холокост», 1998. — С. 29—37; *Он же*. Нацизм и уничтожение евреев Европы в годы Второй мировой войны (1939—1945) // Холокост — Сопротивление — Возрождение. Еврейский народ в годы Второй мировой войны и послевоенный период (1939—1949). — М.: Фонд «Холокост», 2000. — С. 50—95.

¹⁵ *Spector, Shmuel*. The Holocaust of Volynian Jews. — Jer., 1990.

¹⁶ The Destruction of Romanian and Ukrainian Jews during the Antonescu Era / Ed. by Randolph L. Brahm. — N. Y., 1997; *Iovanid, Radu*. The Holocaust in Romania. The Destruction of Jews and Gypsies under the Antonescu Regime, 1940—1944. — Chicago, 2000.

¹⁷ *Iovanid, Radu*. Op. cit. — P. 5.

¹⁸ The Complete Black book of Russian Jewry // Илья Эренбург, Вasily Grossman. Translated and edited by David Patterson. With foreword by Irving Louis Horowitz and an introduction by Helen Segall. — N. Bruinewick; L., 2002. — P. i, ii, XV (см. также текст на суперобложке). Идея издания полной версии книги, отбор текста, вычеркнутого цензурой, а также подготовка примечаний ошибочно приписаны Ирине Эренбург (пер.: «Черная книга». — С. XVIII).

¹⁹ *Ibid.* — P. Y, X (на суперобложке даны иные, неверные цифры жертв — «около 2 миллионов убитых в России и Восточной Европе»).

²⁰ См., напр.: *Altshuler, Mordechai*. The Unique Features of the Holocaust in the Soviet Union // Jews and Jewish Life in Russia and the Soviet Union / Ed. by Yaacov Ro'i. — L.: Frank Cass, 1996. — P. 171—188; *Altshuler, Mordechai*. Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust. A Social and Demographic Profile. — Jer., 1998.

²¹ См., напр.: *Романовский Д.* Холокост на территории Беларуси в западной историографии // Евреи Беларуси. История и культура. Ч. 2. Минск, 1998. — С. 81—98; *Романовский Д.* Уничтожение евреев в Витебске в 1941 г. / Д. Романовский, А. Зельцер // ВЕУМ. — 1993. — № 4. — С. 198—229; *Romanowsky, Daniel*. The Holocaust based on

Northeastern Belorussia and Northwestern Russia // Holocaust and Genocide Studies (далее — HGS). — V. 13. — # 3. — Winter 1999. — P. 355—382.

²² См., напр.: *Choluwsky, Shalom*. The Jews of Belorussia During WW2. — Amsterdam: Harwood Academic Publishers, 1998.

²³ *Levin, Dov*. Baltic Jews under the Soviets, 1940—1944. — Jer., 1996; *Levin, Dov*. The Litvaks: A Short History of Jews in Lithuania. — Jer.: Yad Vashem, 2000.

²⁴ См.: *Альтман Н.А.* Спорные и малоизученные вопросы истории Катастрофы на территории СССР // Иахим Вабиц. Катастрофа евреев Советского Союза. — Тель-Авив: Открытый университет Израиля. 2001. — С. 128—168.

²⁵ *The Encyclopedia of Jewish Life Before and During the Holocaust / Ed. in chief Shmuel Spector*, V. 1—3. — N. Y.: University Press, 2001. К сожалению, именно сведения о Холокосте на территории России страдают неполнотой и фактическими ошибками (см. статьи о Брянске, Калуге и др.).

²⁶ См., напр.: *Madajczyk C.* Polityka III Rzeszy w okupowanej Polsce. T. 1—2. — Warszawa, 1970; *Касик В.* Україна і Німеччина у Другій Світовій війні. — Париж: Нью-Йорк: Львів, 1993 (укр. яз.); *Ezergailis, Andrew*. The Holocaust in Latvia (1941—1944). — Ithaca, 1996 и др. (ссылки на эти работы см. далее в тексте).

²⁷ См.: Уроки Холокоста и современная Россия. — М.: НПЦ «Холокост», 1995; Тень Холокоста. — М.: Фонд «Холокост», 1998; Преподавание темы Холокоста в XXI веке. — М.: Фонд «Холокост», 2000.

²⁸ См., напр.: *Клюкова Г.В.* История Холокоста на территории СССР (1941—1944). — М.: НПЦ «Холокост», 1995; Холокост — Сопротивление — Возрождение. Еврейский народ в годы Второй мировой войны и послевоенный период (1939—1949). — М.: Фонд «Холокост», 2000; *Альтман Н.А.* Холокост. 1933—1945: пакет-комплект документов / Н. А. Альтман, Д. И. Полторак. — М., 2001; *Альтман Н.А.* История Холокоста на территории СССР / И. А. Альтман, А. Е. Гербер, Д. И. Полторак. — 2-е изд. — М.: Фонд «Холокост», 2002.

²⁹ *Подольский А.Е.* Нацистский геноцид еврейского народа Украины 1941—1944: Автореф. дисс. канд. ист. наук. — Киев, 1996 (укр. яз.).

³⁰ *Левитас, Феликс.* Еврей Украины в роки Другої Світової війни. — Київ, 1997 (укр. яз.). Монография была положена в основу защищенной автором первой докторской диссертации по теме в постсоветских государствах.

³¹ *Хонигсман Я.* Катастрофа львовского еврейства. — Львов, 1993; *Он же.* Яновский лагерь. — Львов, 1996; *Он же.* 600 лет и два года: (История евреев Дрогобыча и Борисова). — Львов, 1997; *Он же.* Катастрофа еврейства Западной Украины. Евреи Восточной Галиции, Западной Волыни, Буковины и Закарпатья в 1933—1945 гг. — Львов, 1998. См. также: *Йоннес Э.* Евреи Львова. 1939—1944. — М.: Фонд «Холокост», 1999.

³² *Круглов А.И.* Энциклопедия Холокоста. — Киев, 2000.

³³ Передайте детям нашим о нашей судьбе...: Сб. док., дневников и воспоминаний / Ред.-сост. Л. П. Кравцова, М. И. Тяглый. — Симферополь: БЕЦ «Хесед Шимон», 2001.

³⁴ *Круглов А.И.* Уничтожение еврейского населения Украины в 1941—1944 гг.: Хроника событий. — Могилев-Подольский, 1997; *Левитас Ф., Шиманский М.* Бабий Яр. — Киев, 1991; *Елисеветский С.* Бердичевская трагедия. — Киев, 1991; Незаживающая рана / Соог. Д. Говикис. — Славута; Петешин; Изяслав, 1996; *Подольский А. Е.* Геноцид еврейского населения в Среднем Поднепрывье во время немецкой оккупации. 1941—1944 гг. — М., 1996; *Круглов А.И.* Уничтожение еврейского населения в Винницкой

области в 1941—1944 гг. — Могилев-Подольский, 1997; *Фишельштейн И.М.* Книга мужества и скорби. Вып. I. Евреи Винницы в годы Второй мировой войны. — Винница, 1996; *Губенко Г.* Книга печали. — Симферополь, 1991.

³⁰ *Лешинас И.М.* Неразгаданные тайны Бабьего Яра // Герои и жертвы. — Киев, 1997. — С. 128—137.

³¹ *Пилат И.И.* Из истории еврейства Молдовы. — Кишинев, 1990. — С. 56—86.

³² В тисках событий: Сб. материалов по истории евреев Молдовы / Сост. Р. И. Гольдштейн. — Днепропетровск, 1992; *Стародинский Д.* Одесское гетто. — Одесса, 1992; *Сухан Л.* Транснистрия: евреи в аду. — Одесса, 1998.

³³ См. также: *Вайс А.* Отношение некоторых кругов украинского национального движения к евреям в период Второй мировой войны // ВЕУМ. — 1995. — № 2 (9). — С. 104—113.

³⁴ *Розенблат Е.С.* Нацистская политика геноцида в отношении еврейского населения на территории западных областей Белоруссии (1941—1944): Автореф. дисс. канд. ист. наук. — Минск, 1999.

³⁵ *Порат Д.* Холокост в Литве // ВЕУМ. — 1993. — № 2. — С. 20—31; *The Days of Memory.* — Vilnius, 1995.

³⁶ См. также: *Ezergailis, Andrew.* The Holocaust in Latvia (1941—1944). — Ithaca, 1996.

³⁷ См.: *Раматовский Д.* Холокост в Восточной Белоруссии и Северо-Западной России глазами неевреев // ВЕУМ. — 1995. — № 2 (9). — С. 56—92; Уничтожение евреев Смоленщины и Брянщины в 1941—1943 годах / Публ. А. Круглова // ВЕУМ. — 1994. — № 3 (7). — С. 193—220; *Дубсон В.* Гетто на оккупированной территории Российской Федерации (1941—1942 гг.) // ВЕУМ. — 2000. — № 3 (21). — С. 157—184.

³⁸ Бабьи Яры Смоленщины / Сост. Н. И. Цырман. — Смоленск, 2001.

³⁹ Великая Отечественная война, 1941—1945. Т. 4 — М., 1998. — С. 123.

⁴⁰ *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. — М.: РОССПЭН, 2000.

⁴¹ Там же. — С. 585—589.

⁴² Там же. — С. 563.

⁴³ Там же. — С. 574.

⁴⁴ *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. — М.: Междунар. отношения, 2001.

⁴⁵ *Безыменский Л.А.* Информация по-советски // Новый мир. — 1998. — № 5. — С. 198—199; *Он же.* Будапештский мессия. Рауль Валленберг. — М.: Совершенно секретно, 2001. — С. 33.

⁴⁶ *Соколов Б.В.* Оккупация. Правда и мифы. — М.: Аст-Пресс книга, 2002. — С. 117.

⁴⁷ *Куновский М.С.* Людские потери еврейского населения в послевоенных границах СССР в годы Великой Отечественной войны // ВЕУМ. — 1995. — № 2 (9). — С. 134—155.

⁴⁸ Так, в Российской Еврейской Энциклопедии (далее — РЕЭ) говорится, что на оккупированной советской территории оставалось «до 3 миллионов евреев», а погибло «ок. 2 млн советских евреев» (РЕЭ. — М., 2000. — Т. 4. — С. 20).

⁴⁹ *Кудряшов С.* Несущие смерть // Родина. — 2000. — № 6. — С. 48—57. Отметим, что эта статья детально освещает структуру, руководство и деятельность айзатцгрупп на территории СССР.

⁵⁰ *The Einsatzgruppen Reports. Selections from the Dispatches of the Nazi Death Squads' Campaign Against the Jews July 1941 — January 1943 / Ed. by Yi. Arad, Sh. Krakowski, Sh. Spector.* — NY: Holocaust Library, 1988, 378 pp. (далее — *The Einsatzgruppen Reports*).

⁵⁶ Еврейский геноцид на Украине в период оккупации в немецкой документалистике. 1941—1944. — Харьков; Иерусалим, 1996. См. также: Украина во Второй мировой войне в документах; Сб. нем. архив. материалов. Т. 1—3. — Львов, 1997—1999 (укр. яз.).

⁵⁷ См., напр.: Винницкая область. Катастрофа (Шоа) и Сопротивление. — Тель-Авив; Киев: Бейт Лохамей ха-Геттаот, 1994.

⁵⁸ Трагедия евреев Белоруссии в годы немецкой оккупации (1941—1944): Сб. материалов и док. — Минск, 1995. — (2-е изд., испр. и доп. — Минск, 1997). Отметим, что в сборник включены документы и материалы, охватывающие не только Белоруссию (представлены сведения лишь по трем из шести областей), но и всю оккупированную советскую территорию. См. также очень информативный сборник: *Judenfrei! Свободно от евреев! История минского гетто в документах* / Авт.-сост. Р. А. Черноглазова. — Минск: Асобны Дах, 1999; *Документы обвиняют. Холокост: свидетельства Красной Армии* / Сост. Ф. Д. Свердлов. — М.: НПЦ «Холокост», 1996; «Неизвестная Черная книга» / Сост. И. Альтман и Ш. Краковский. — М.: Иерусалим, 1993. В последние годы в СНГ и странах Балтии вышло несколько десятков ценных воспоминаний и дневников переживших Холокост.

⁵⁹ См.: *Zafoni, Yigal (Igor' Kotler). Bibliography of the Holocaust for those Regions of the Soviet Union occupied by German Forces from June 1941, part I // The Journal of the Academic Proceedings of Soviet Jewry.* — L., 1986. — P. 82—103; *Berkhoff, Karel C. Ukraine under Nazi Rule (1941—1944): Sources and Finding Aids. Part 11.* — In *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 45—Wiesbaden, 1997. — P. 273—309.

Глава I

¹ Великая Отечественная война. 1941—1945. Энциклопедия. — М., 1985. — Стб. 521 (далее — ЭВОВ). Отметим, что полный текст Генерального плана «ОСТ» до сих пор не найден и он никогда не был формально утвержден. На Нюрнбергском процессе обвинением был предъявлен лишь экономический раздел Генерального плана «ОСТ».

² Там же. В новейших исследованиях указывается иное число будущих жертв: «предполагалось выселить, а точнее, ликвидировать 22 миллиона коренных жителей» (см.: *Оккупация и сопротивление // Великая Отечественная война. 1941—1945. Кн. 4. Народ и война.* — М.: Наука, 1998. — С. 117).

³ *Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны.* — М.: РОССПЭН, 2000. — С. 86. Любопытно замечание автора, что многие историки считают план «ОСТ» «разработанным второстепенными инстанциями» и «не придают ему серьезного значения» (Там же. — С. 85).

⁴ *Benz, Wolfgang. The Holocaust. A Short History.* — L., 2000, P. 66—74. М. И. Семиряга (Указ. соч. — С. 562) ошибочно датирует прекращение разработки «плана Мадагаскар» концом 1942 г.

⁵ См.: 1941 год: В 2 кн. Кн. 1. — М., 1998. — С. 766.

⁶ ЦГАВОО. — Ф. КМФ-8. — Оп. 1. — Д. 171. — Л. 3, 121, 123, 124.

⁷ Там же. — Л. 100.

⁸ См.: *Мадайчик Ч. Существует ли синхронность между Генеральным планом «ОСТ» и «окончательным решением» еврейского вопроса? // Вторая мировая война: основные тенденции, результаты исследований.* — М., 1997. — С. 678.

⁸ См.: Семряга М.И. Указ. соч. — С. 87.

¹⁰ ЦГАВУО. — Ф. 4260. — Оп. 3. — Д. 239. — Л. 25.

¹¹ См.: Dallin, Alexander. German Rule in Russia, 1941—1945. — L.: Macmillan, 1957; Немецко-фашистский оккупационный режим на Украине: Сб. док. — Киев, 1963. — С. 35.

¹² Немецкая пропаганда в Беларуси. 1941—1944. Конфронтация между пропагандой и действительностью. — Берлин, 1997. — С. 15; См. также: Буллок А. Гитлер и Сталин: Жизнь и власть. Т. 2. — Смоленск: Русич, 1994. — С. 393.

¹³ Великая Отечественная война. 1941—1945. — Кн. 4. — С. 289. Важно отметить, что среди них было около 3 миллионов евреев.

¹⁴ Война Германии против Советского Союза. 1941—1945. — Берлин: Argon, 1991. — С. 82.

¹⁵ ЦГАВУО. — Ф. 4260. — Оп. 3. — Д. 378. — Л. 89—90.

¹⁶ Там же. — Л. 72—73.

¹⁷ Там же. — Ф. 3206. — Оп. 2. — Д. 229. — Л. 12—13.

¹⁸ Немецкая пропаганда в Беларуси. 1941—1944. Конфронтация между пропагандой и действительностью. — Берлин, 1997. — С. 13.

¹⁹ ЦГАВУО. — Ф. 4260. — Оп. 3. — Д. 378. — Л. 108—109.

²⁰ Радянська Буковина. 1940—1945. Документи і матеріали. — Київ: Наукова Думка, 1967. — С. 199.

²¹ См.: Коваль М.В. Україна. 1939—1945. Маловідомі і непрочитані сторінки історії. — Київ: Вища школа, 1995. — С. 95.

²² Коваль М.В. Історія пам'ятає. — Київ, 1965. — С. 41, 43.

²³ Сміловіцький Л. Катастрофа євреїв Белоруссин. 1941—1944. — Тель-Авів, 2000. — С. 85.

²⁴ Немецкая пропаганда в Беларуси. 1941—1944. — С. 15.

²⁵ ЦГАВУО. — Ф. 4260. — Оп. 3. — Д. 378. — Л. 82.

²⁶ НА РБ. — Ф. 510. — Оп. 1. — Д. 100. — Л. 141. Эрих фон дем Бах-Залевски (1899—1972) подавлял Варшавское восстание 1944 г.; был главным свидетелем обвинения в Нюрнберге; в 1965 г. осужден к пожизненному заключению. Вероятно, он не был «типичным эсэсовским генералом». Еще в августе 1941 г. получил «истощение нервной системы», когда прибывший в Минск его непосредственный начальник Гиммлер попросил устроить для него показательный расстрел 100 евреев-военнопленных.

²⁷ ЦГАВУО. — Ф. 3206. — Оп. 2. — Д. 7-а. — Л. 3.

²⁸ Там же. — Ф. КМФ-8. — Оп. 1. — Д. 4. — Л. 334.

²⁹ Там же. — Ф. 3206. — Оп. 2. — Д. 27. — ЛЛ. 4, 8.

³⁰ Там же. — Ф. КМФ-8. — Оп. 1. — Д. 6. — Л. 309, 333. Автор отчета предлагал держать «железный кулак в бархатной перчатке».

³¹ Там же. — Ф. 4260. — Оп. 3. — Д. 239. — Л. 51.

³² Там же. — Ф. 3833. — Оп. 1. — Д. 81. — Л. 9.

³³ Там же. — Ф. КМФ-8, 1942. — Оп. 2. — Д. 157. Т. 1. — Л. 2—3.

³⁴ Там же. — Ф. 4260. — Оп. 3. — Д. 378. — Л. 68.

³⁵ Там же.

³⁶ Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 — январь 1943 г.). Док. и материалы. — Ставрополь: Ставропол. кн. изд-во, 2000. — С. 82.

³⁷ Там же. — С. 70.

³⁸ Сміловіцький Л. Катастрофа євреїв Белоруссин. 1941—1944. — С. 84—85.

³⁹ Соколов Б. В. Оккупация. Правда и мифы. — М.: Аст-Пресс книга. — 2002. — С. 167, 168.

⁴⁰ Москва военная: Мемуары и архив. док. — М.: Мосгорархив, 1995. — С. 591.

⁴¹ ЦГАВОВУ. — Ф. 2077. — Оп. 1. — Д. 5; Ф. 4394. — Оп. 1. — Д. 4.

⁴² Там же. — Ф. КМФ-8. — Оп. 1, т. 1. — Д. 4. — Л. 1.

⁴³ Там же. — Ф. 3833. — Оп. 1. — Д. 91. — Л. 6.

⁴⁴ Немецко-фашистский оккупационный режим на Черниговщине: — Чернігів, 2000. — С. 46.

⁴⁵ Трагедия евреев Белоруссии в годы немецкой оккупации (1941—1944): Сб. материалов и док. — Минск, 1995. — С. 71. Отметим, что приказ содержит некоторое различие в отношении судеб евреев и цыган: о последних не говорилось, что они должны быть уничтожены тотально.

⁴⁶ Lewy, Günter. Gypsies and Jews under the Nazis // Holocaust and Genocide Studies. — V. 13. — #3. — Winter 1999. P. 390—392.

⁴⁷ Селицкий М. И. Указ. соч. — С. 575. По некоторым оценкам, число жертв цыганского населения Европы достигает полутора миллионов человек.

⁴⁸ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исслед. — М., 1993. — С. 334.

⁴⁹ ЦГАВОВУ. — Ф. 3206. — Оп. 1. — Д. 102. — Л. 1—2.

⁵⁰ Там же. — Ф. 4260. — Оп. 3. — Д. 378. — Л. 86.

⁵¹ Материалы этого раздела подготовлены по результатам проекта, осуществленного при поддержке Института Research Support Scheme (RSS, Praha) и материалах круглого стола «Националистическая пропаганда в России (1941—1997)», опубликованным в сб.: Тень Холокоста. — М.: Фонд «Холокост», 1998. — С. 37—42; 117—151.

⁵² См.: Назев А. И., Юденков А. Ф. Оружием контрпропаганды: советская пропаганда среди населения на оккупированной территории СССР. 1941—1944. — М., 1988. — С. 262—278 (авторы называют лишь 253 издания). И. Чайковский и М. Кравчук в опубликованном в США справочнике упоминают 285 названий, в том числе — издания украинских националистов и издания для украинских оstarбайтеров (См.: Чайковский, Ілля. Українські періодичні видання в Другій світовій війні. 1939—1945. — Филадельфия. 1976. — С. 3; Фундаментальное исследование об оккупационной прессе Белоруссии (без выделения темы антисемитизма и Холокоста) провел С. В. Жумарь (Жумарь С. В. Оккупационная периодическая печать на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны. — Минск, 1996). Сведения об оккупационной прессе Украины (весьма краткие) и подсчеты антисемитских публикаций газеты «Новое украинское слово» (НУС) приведены в статье: Коваль М. В. Нацистский геноцид щодо еврейів и українське населення // Укр. Історич. журн. — 1992. — № 2. — С. 26 (автор упоминает о 190 изданиях, распространявшихся в Украине общим тиражом 1 млн экземпляров; из 700 номеров НУС в 576 выявлены антисемитские публикации).

⁵³ См.: Dobroszicki, Lucian. Reprint Press. — N. Y., 1993. — P. 9.

⁵⁴ Косик В. Україна в роки Другої Світової війни. — Париж: Нью-Йорк: Львів. — С. 127.

⁵⁵ Папківський К. Від держави до комітету. — Нью-Йорк: Торонто. 1957. — С. 57. Хорошо информированный автор свидетельствует, что во многих местах возникли неофициальные газеты украинских националистов, которые печатали на оставленной при отступлении советской бумаге.

⁵⁶ ЦГАВОВУ. — Ф. 3206. — Оп. Д. 68. — Л. 12—13; Там же. — Д. 86. — Л. 1—17 и др.

⁵⁷ Там же. — Ф. МКФ-8. — Оп. 2. — Д. 393. — Л. 200.

⁵⁸ В частности, об этом говорилось в изложении речей Гитлера (Украинское слово. — Киев, 1941. — 7, 10, 12 окт.; Голос вески. — Минск, 1941. — 17 окт.; Львовские вести. — 1941. — 13, 24 дек.; Новый путь. — Витебск, 1941. — 22 дек., 1942. — 5 янв.; Голос Волины. — Житомир, 1941. — 24 дек.; Последние новости. — Киев, 1942. — 2 февр.; Родная земля. — Львов, 1942. — 8 февр. и др.) и тематических цитат из его книги «Майн Кампф» (Голос Волины. — Житомир, 1943. — 23 нояб.), программном обращении гауляйтера Белоруссии В. Кубе к ее жителям и других его выступлениях (Голос вески. — Минск, 1941. — 1, 9 окт.) и особенно подробно в статье Геббельса «Виноваты жидаы», которую перепечатило большинство выходивших в этот период изданий, в том числе «Львовские вести» (1941. 18 нояб.).

⁵⁹ *Смилянская Ю. В.* История одной редакции («Украинское слово» и «Новое украинское слово») // Тень Холокоста. — М., 1998. — С. 137—139.

⁶⁰ См.: *Коваль М. В.* Указ. соч. — С. 26.

⁶¹ *Коваль Л.* Книга спасения. Ч. 1. — Юрмала: Гольфстрим, 1993. — С. 98—99.

⁶² См.: *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. — М.: Междунар. отношения, 2001. — С. 259—261.

⁶³ Фонды Еврейского музея депортации в Мехелене (Бельгия). Благодарим сотрудников этого музея за предоставление указанных сведений.

⁶⁴ *Звонов М.* «По сряям — огонь!». — Рига, 1993. — С. 32.

⁶⁵ Цит. по: *Звонов М.* Указ. соч. — С. 45, 90, 93.

⁶⁶ ЦГАВОУ. — Ф. 3833. — Оп. 2. — Д. 2. — Л. 12.

⁶⁷ Там же. — Ф. 4620. — Он. 3. — Д. 379. — Л. 42, Л. 43.

⁶⁸ Там же. — Ф. 3833. — Оп. 1. — Д. 63. — Л. 15, 26, 31, 151, 152, 206, 208, 219.

⁶⁹ Там же. — Л. 26, 31, 52.

⁷⁰ Там же. — Д. 70. — Л. 8, 9, 23.

⁷¹ Там же. — Оп. 2. — Д. 2. — Л. 24 об, 36 об.

⁷² Там же. — Л. 44 об.

⁷³ Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941—1944): — Иерусалим: Яд Вашем, 1992. — С. 46—50 (ср.: Judenfrei! Свободно от евреев! — С. 43—45).

⁷⁴ Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942—январь 1943 г.). — С. 37.

⁷⁵ См.: Еврейское гетто в Калуге: Прил. к Вестнику Доброй Воли. — Калуга, 1998. — № 11—12. — С. 3.

⁷⁶ Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942—январь 1943 г.). — С. 67.

⁷⁷ *Розенблат Е., Еленская Н.* Пинские евреи. 1939—1944 гг. — Брест, 1997. — С. 65.

⁷⁸ Архив Мемориального музея Холокоста США (далее — USHMM). — 032/2300.

⁷⁹ *Левин Эд.* Сорок дней до расстрела. — Ялта; М.: ГПНТБ России, 2001. — С. 67.

⁸⁰ The Einsatzgruppen Reports. — P. 158.

⁸¹ Карточка «Яд Вашем» для Энциклопедии еврейских общин и Холокоста (далее — карточка «ЯВ»). Выражаем признательность д-ру С. Швейбишу за предоставление этих материалов.

⁸² «Черная книга». — Вильнюс: Иад, 1993. — С. 217.

⁸³ Немецко-фашистский оккупационный режим на Черниговщине. — С. 17; Архив «Яд Вашем» (далее — АЯВ). — Ф. 0-33. — Д. 4653. — Л. 1 (свидетельство Д. Л. Вигдергауз).

⁸⁴ ГАКО. — Ф. Р-970. — Оп. 3. — Д. 4. — Л. 4. Этот документ не имеет даты. Очевидно, что он не мог быть опубликован позднее декабря 1941 г., когда Калуга была освобождена. Предположительно, «Объявление» появилось в сентябре—октябре 1941 г., когда данный вопрос стал на повестке дня.

⁸⁵ По приказу руководителей местного самоуправления евреи Даугавпилса носили желтые звезды на левой ноге (*Берзин К. Саар А.* Операция «Котбус», или Очищение Латвии от евреев. — М., 2001. — С. 16).

⁸⁶ Картотека «ЯВ».

⁸⁷ «Черная книга». — С. 206 (свидетельство Финнгойт).

⁸⁸ АЯВ. — Ф. 0—33. — Д. 696. — Л. 3 (свидетельство А. Б. Блоха); Д. 1036 — Л. 1 (свидетельство М. Гинсберг).

⁸⁹ *Gurin-Looov, Eugenia.* Holocaust of Estonian Jews 1941. — Tallinn: Eesti Juudi Kogukond, 1994. — P. 27.

⁹⁰ В живых остались только мы. Свидетельства и документы / Ред.-сост. Б. Забарко. — Киев: Институт иудайки, 1999. — С. 131; *Розенблат Е., Еленская И.* Указ. соч. — С. 67.

⁹¹ *Розенблат Е.С.* Указ. соч. — С. 38.

⁹² *Романовский Д.* Уничтожение евреев Витебска в 1941 г. / Д. Романовский, А. Зельцер // ВЕУМ. — 1993. — № 4. — С. 200.

⁹³ «Черная книга». — С. 34; *Шаткин Николай.* Дань памяти. — Тель-Авив, 2001. — С. 25.

⁹⁴ «Черная книга». — С. 217 (свидетельство А. Суцкевера).

⁹⁵ Там же. — С. 56; *Хотигеман Я.* Катастрофа евреев Западной Украины. — Львов, 1998. — С. 129.

⁹⁶ *Смиловицкий Л.* Катастрофа евреев Белоруссии. 1941—1944 гг. — С. 190.

⁹⁷ Архив автора (свидетельство И.З. Цукермана).

⁹⁸ *Розенблат Е.С.* Нацистская политика геноцида в отношении еврейского населения на территории западных областей Беларуси. 1939—1944: Рукопись канд. дисс. — Минск, 1999. — С. 38; В живых остались только мы. — С. 131; Немецко-фашистский оккупационный режим на Черниговщине. — С. 17.

⁹⁹ Картотека «ЯВ».

¹⁰⁰ *The Encyclopedia of Jewish Life Before and During the Holocaust // Chief Shmuel Spector.* V. 1. — N. Y., 2001. — P. 982.

¹⁰¹ ГАКО. — Ф. Р-970. — Оп. 1. — Д. 4. — Л. 49.

¹⁰² Передайте детям нашим о нашей судьбе... Сб. док., дневников и воспоминаний. — Симферополь: БЕЦ «Хесэд Шимон», 2001. — С. 17 (в примечании составителей сборника северно указано, что в акте ЧГК допущена ошибка).

¹⁰³ ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 26. — Д. 4. — Л. 1об; Д. 9. — Л. 6.

¹⁰⁴ «Черная книга». — С. 366.

¹⁰⁵ *The Encyclopedia of Jewish Life Before and During the Holocaust // Chief Shmuel Spector.* — VI. — P. 242, 590, 621; V. 2. — P. 943.

¹⁰⁶ В живых остались только мы. — С. 146, 190.

¹⁰⁷ ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 16. — Д. 2. — Л. 2—3.

¹⁰⁸ Там же. — Оп. 9. — Д. 59. — Л. 24, 25 (свидетельство А. И. Пономарева).

¹⁰⁹ ГАСО. — Ф. Р-1630. — Оп. 1. — Д. 360. — Л. 21; Д. 369. — Л. 200; Оп. 2. — Д. 28. — Л. 117.

¹¹⁰ *Judenfrei!* Свободно от евреев! — С. 23, 24; *Розенблат Е.С.* Указ. соч. — С. 38.

¹¹¹ The Encyclopedia of Jewish Life Before and During the Holocaust // Chief Shmuel Spector. — N. Y., 2001. — V. 1 — P. 252.

¹¹² Исход горских евреев: разрушение миров / Сост. С. А. Дашклова. — Нальчик, 2000. — С. 64, 65, 132.

¹¹³ ГАПО. — Ф. 903. — Оп. 3. — Д. 12. — Л. 49. Житель поселка Андрохново под Псковом М. А. Рагозин обнаружил их на месте расстрела весной 1942 г.

¹¹⁴ *Лигин Л.* В мезонине, на дворе гестапо (Феодосия) // «Неизвестная Черная книга». — М.: Иерусалим, 1993. — С. 379.

¹¹⁵ Архив автора (свидетельство И. З. Цукермана).

¹¹⁶ *Орлянский С. Ф.* История евреев Запорожья. Кн. 5. — Запорожье, 1999. — С. 18.

¹¹⁷ «Черная книга». — С. 32.

¹¹⁸ ЦГ АВОУ. — Ф. 4260. — Оп. 3. — Д. 279. — Л. 34.

¹¹⁹ The Destruction of Slonim Jewry. The Story of the Jews of Slonim during the Holocaust by Nachum Alpert. — N. Y.: Holocaust Library, 1989. — PP. 52—53.

¹²⁰ USHMM. — 032/2300. — Л. 24—30. Сотрудники украинских спецслужб запро- токолировали и отправили в Москву, в 4-е Управление НКГБ СССР, подробный рас- сказ Я. Шенфельда, бывшего 48-летнего бухгалтера юденрата львовского гетто, скры- вавшегося в Восточной Украине. Я. С. Шенфельд получил высшее коммерческое об- разование; служил в годы Первой мировой войны обер-лейтенантом австро-венгерской армии; накануне оккупации нацистами Львова работал начальником планового отде- ла «Укрплодоовощного треста». После бегства из гетто и концлагеря, Шенфельд и его 16-летний сын по подложным документам на имя поляков Трояновских завербовали- сь в фирму «Универсал» на строительные работы в Запорожье. Получив отпуск в августе 1943 г., Шенфельд с остановкой во Львове (гетто уже было ликвидировано) едет по железной дороге в Варшаву. Там он видит следы восстания, встречается с его очевидцами. Органы НКГБ интересовали прежде всего возможности передвижения на оккупированной территории СССР и в Варшаве. Они изъяли у бывшего бухгалтера «целый ряд документов, дающих право передвигаться по оккупированной террито- рии». Рассматривался даже вопрос о заброске Шенфельда в продолжающую оставаться оккупированной Варшаву (он не осуществился). К его свидетельствам мы будем еще не раз обращаться.

¹²¹ *Trank, Isauh.* The Jewish Council in Eastern Europe under Nazi occupation. — N. Y.: L., 1972. — P. 175.

¹²² В живых остались только мы. — С. 58; *Финкельштейн И. С.* Массовое уничтоже- ние евреев Подольи нацистскими палачами в 1941—1944 гг. (Хмельницкая область и немецкая зона оккупации Винницкой области) // Катастрофа и сопротивление украинского еврейства... — С. 57; *Розенблат Е. С.* Указ. соч. — С. 38; The Encyclopedia of Jewish Life before and during the Holocaust // Chief Shmuel Spector. — N. Y., 2001. — V. 2. — P. 982.

¹²³ Еврейское гетто в Калуге. — С. 3.

¹²⁴ ГАКО. — Ф. Р-1122. — Оп. 2. — Д. 21. — Л. 20.

¹²⁵ *Розенблат Е., Еленская И.* Указ. соч. — С. 224.

¹²⁶ Нюрнбергский процесс: Сб. материалов. Т. 1. — М.: Юрид. лит., 1954. — С. 856.

¹²⁷ ГАКО. — Ф. Р-3466. — Оп. 1. — Д. 11. — Л. 22. Один из них вскоре умер в кашужем гетто от голодной смерти.

¹²⁸ Еврейское гетто в Калуге. Ч. 2. — С. 23.

¹²⁹ *Смиловицкий Л.* Указ. соч. — С. 95.

¹³⁰ ГА РФ. — Ф. Р-8581. — Оп. 1. — Д. 1135. — Л. 5.

- ¹³¹ Розенблат Е.С. Автореф. дисс. — С. 5.
¹³² Смиловицкий Л. Указ. соч. — С. 46.
¹³³ Еврейское гетто в Калуге. Ч. 1. — С. 19.
¹³⁴ ГАЧО. — Ф. Р-662. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 1.
¹³⁵ Еврейское гетто в Калуге. Ч. 2. — С. 22.
¹³⁶ Волянь. — Ровно, 1941. — 1 дек. — С. 1.
¹³⁷ The Einsatzgruppen Reports. — P. 254.
¹³⁸ Трагедия евреев Белоруссии в годы немецкой оккупации (1941—1944). — С. 69.
¹³⁹ Там же. — С. 72 (распоряжение немецких властей в Минске от 16 апреля 1942 г.)
¹⁴⁰ Розенблат Е.С. Рукопись дисс. — С. 39.

Глава 2

¹ Еще несколько лет назад в литературе писали о «нескольких десятках гетто» на территории СССР (см., напр.: Левитас Ф.Л. Евреи Украины в роки Другої Світової війни. — Київ, 1997. — С. 107). Соломон Шварц указывал о наличии 365 гетто по немецким источникам (см.: Шварц С. Евреи в Советском Союзе с начала Второй мировой войны (1939—1965). — Нью-Йорк, 1966. — С. 74).

² Лишь недавно эти вопросы стали привлекать внимание исследователей. См.: Дубсон В. Гетто на оккупированной территории Российской Федерации (1941—1942 гг.) // ВЕУМ. — 2000. — № 3 (21). — С. 157—184.

³ Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. 1. — М.: Юрид. лит., 1954. — С. 856.

⁴ Трагедия евреев Белоруссии в годы немецкой оккупации (1941—1944). — Минск, 1995. — С. 68—69.

⁵ Некоторые исследователи вводят термины «полугетто» (см.: Ромашовский Д. Советские евреи под нацистской оккупацией // Ковчег: Альманах свр. культуры. Вып. 1. — М.: Худож. лит.; Иерусалим: Тарбут, 1990. — С. 302, 304) или «промежуточное гетто» (Розенблат Е.С. Нацистская политика геноцида в отношении еврейского населения западных областей Беларуси. 1941—1944 гг.: Автореф. дисс. канд. ист. наук. — Минск, 1999. — С. 9). Вызывает сомнение предложенная Е.С. Розенблатом еще одна дефиниция — «остаточное гетто», под которым подразумевается переселение специалистов (иногда с семьями), в том числе и в те населенные пункты, где ранее были уничтожены все узники. Нам представляется, что в таких случаях речь идет либо о «закрытом» гетто (при сохранении в живых членов семьи, в первую очередь детей), либо о рабочем лагере.

⁶ ЦГАВООУ. — Ф. МКВ-8. — Оп. 2. — Д. 157. — Т. 2. — Л. 206.

⁷ См.: Розенблат Е.С. Нацистская политика геноцида в отношении еврейского населения западных областей Беларуси. 1941—1944 гг.: Рукопись канд. дисс. — Минск, 1999. — С. 40 (далее — Розенблат Е.С. Рукопись дисс.).

⁸ Дорон (Спектор) Д. Кишиневское гетто — последний погром. — Тель-Авив, 1993. — С. 94.

⁹ Ancel Jean. «The Romanian Way of Solving the «Jewish Problem» in Bessarabia and Bukovina, June—July 1941» // Yad Vashem Studies. — V. XYIII. — P. 231; Небрат М. Холокост в Молдове. Классификация мест принудительного содержания евреев республики в период 1941 — 1944 гг. // Катастрофа еврейского еврейства. — С. 94.

¹⁰ Дорон (Спектор) Д. Указ. соч. — С. 90, 92.

¹¹ Там же. — С. 146—148.

¹² *Shapiro, Paul A.* The Jews of Chishinev: Romanian Reoccupation, Ghettoization, Deportation. — P. 149—150 (рукопись. Пользуюсь случаем выразить благодарность автору за предоставление этих материалов).

¹³ *Shapiro, Paul A.* Op. cit. — P. 168; Д. Дорон (Спектор) (Указ. соч. — С. 174, 179) вызывает датой начала депортации 4 октября.

¹⁴ Там же. — С. 91, 97, 134, 189—190. Исключения были сделаны для лучшего портного города и бывшего офицера румынской армии, служившего вместе с Антолеску.

¹⁵ *Левит И.* Холокост. Пепел прошлого стучит в наши сердца. — Кишинев, 1997. — С. 3.

¹⁶ *Ansel, Jean.* Op. cit. — P. 231.

¹⁷ *Дорон (Спектор) Д.* Указ. соч. — С. 134.

¹⁸ Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941—1944); Сб. док. и материалов. — Иерусалим: Яд Вашем, 1992. — С. 83.

¹⁹ Там же. — С. 79.

²⁰ *Левит И.* Указ. соч. — С. 2.

²¹ АЯВ. — Ф. 033/4389. — Л. 3.

²² Там же. — Л. 4.

²³ *Судион Л.Н.* Транснистрия: евреи в аду. — Одесса, 1998. — С. 56 (свидетельство Н. Дувидзона).

²⁴ The Encyclopedia of Jewish Life Before and During the Holocaust // Chief Shmuel Spector. — N. Y., 2001. — V. 2 — P. 591.

²⁵ The Encyclopedia of Jewish Life Before and During the Holocaust. — V. 3. — P. 1308.

²⁶ Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941—1944). — С. 78.

²⁷ Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України (1941—1944). — Киев, 2000. — С. 26 — 53.

²⁸ Напр., о дате упоминания гетто в Днепрпетровске в архивных документах сказано: «после июня 1942 г.» (Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України (1941—1944) Киев, 2000. С. 64). Между тем еще до первого массового расстрела (13 октября 1941 г.) евреи города были зарегистрированы, они носили опознавательные знаки; была создана община, организовавшая сбор контрибуции; еврейское население привлекали к принудительным работам («Черная книга». Вильно: Їнад, 1993. С. 54—56). Любопытно, что сбор евреев 13 октября 1941 г. мотивировался переходом «гетто» (Там же. С. 56. Свидетельство Б. И. Тартаковского). К весне 1942 г. в Днепрпетровске оставалось 922 еврея, которых перевели в «рабочий лагерь» (*Круглов А.И.* Энциклопедия Холокоста. Киев, 2000. С. 37, 38).

²⁹ В указанном выше перечне упоминается 23 гетто и концлагеря в Черновицкой области (Вестник. Люди остаются людьми. Вып. 1. Черновицы, 1991. С. 19—20). Мы основываемся на минимальных цифрах, когда сведения о гетто точно указаны в научной литературе. Так, Я.С. Хонигсман (Катастрофа еврейства Западной Украины. Евреи Восточной Галиции, Западной Волыни, Буковины и Закарпатья в 1933—1945. Львов, 1998. С. 156) называет 7 гетто; 3 других гетто названы в «Довіднике про табори, тюрми та гетто на окупованій території України (1941—1944)». I С. 186—188) (в райцентре Сокиряны, селах Межиречье (Чудей) Сторожинецкого и Дарибаны Хотинского района Черновицкой области).

³⁰ *Хонигсман Я.С.* Указ. соч. — С. 186.

³¹ ГАЧО. — Ф. 307. — Оп. 1, т. 2. — Л. 5.

³² *Хонигсман Я.С.* Указ. соч. — С. 130.

³³ ГАЧО. — Ф. 307. — Оп. 1, т. 1. — Д. 244. — Л. 1, 4.

³⁴ Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України (1941—1944). — С. 114, 116, 118—126. Здесь также упоминаются 12 трудовых и пересыльных лагеря, в том числе в Измаильской (3) и Одесской (9) областях. Отметим, что гетто в г. Первомайске входило в военную зону оккупации.

³⁵ См.: *Левит И.* Указ. соч. — С. 3. Отметим, что в Балтский уезд были включены Бершадь и некоторые другие гетто на территории современной Винницкой области.

³⁶ Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941—1944). — С. 157—159.

³⁷ *Litani, Dora.* The Destruction of the Jews of Odessa // *Yad Vashem Studies.* — V. VI. — Jer., 1967. — P. 136, 141—146, 152; Сушон Л. П. Указ. соч. — С. 133, 181.

³⁸ *Schechtman, Joseph.* The Transnistria Reservation. — *YIVO Annual of Jewish Social Science* — N. Y., 1953. — #8. — P. 178—196.

³⁹ Вестник. Люди остаются людьми. Вып. 1. — С. 14—17. Список составлен на основе сведений Госархива Черновицкой области и воспоминаний уцелевших.

⁴⁰ *Финкельштейн И.С.* Массовое уничтожение евреев Подольи нацистскими палачами в 1941—1944 гг. (Хмельницкая область и немецкая зона оккупации Винницкой области) // Катастрофа и сопротивление украинского еврейства (1941—1944). — Киев, 1999. — С. 59.

⁴¹ По данным Ф. А. Винокуровой (*The Holocaust in Education. On examples of the documents and investigations on Vinnytyza region (the paper at the Conference «Remembrance for Future, 2000»*, Oxford, 2000. — P. 4), в немецкой зоне оккупации было 65 гетто и трудовых лагерей, а в румынской — 112 гетто и поселений.

⁴² *Ofer, Dalia.* Op. cit. — P. 234, 241.

⁴³ *Ibid.* — P. 236. Отметим, что около 2/3 всех узников погибло от эпидемий и голода, поэтому данные сведения не отражают численный состав гетто к моменту их создания.

⁴⁴ Подробнее об этом гетто см.: *Вольф Э.* Воспоминания бывших узников жмеринского гетто. — Иерусалим, 2001.

⁴⁵ Отметим, что И. Пилат (Указ. соч. С. 3) пишет о 189 гетто и концлагерях на Винничине, а *Ofer, Dalia* (Op. cit. P. 236) — о 150 гетто.

⁴⁶ В начале 90-х гг. число гетто в дистрикте «Галиция» указывалось «около 50» (см.: *Коваль М.В.* Нацистский геноцид... — С. 27). В Западной Украине уже к концу 1941 г., по неполным данным, было создано 62 гетто (см. *Хонигсман Я.С.* Указ. соч. — С. 185). Всего же в тексте монографии Я. С. Хонигсмана упоминаются 75 гетто, а также 7 юденратов. Из них к дистрикту «Галиция» относятся 63 гетто: 23 — в Станиславской области (ныне — Ивано-Франковской, включая юденрат в Болекове, отнесенный автором к Львовской области); 18 — в Тернопольской; 22 — во Львовской, в том числе 16 гетто и 6 юденратов (Бобрка, Буск, Перемышляны, Рудно, Мостиска, Николаев) (см.: *Хонигсман Я.С.* Указ. соч. — С. 152, 175—178, 179, 182, 184, 185). Гетто в двух последних населенных пунктах, а также еще 7 гетто (из упомянутых автором 16) накануне войны входили в состав Дрогобычской области (см.: *Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України (1941—1944).* — Киев, 2000. — С. 72; *Круглов А.И.* Энциклопедия Холокоста. — Киев, 2000. — С. 46).

В литературе упоминаются еще 15 гетто в дистрикте «Галиция»: 5 — во Львовской области (х. Беда, с. Елиховичи, райцентр Поморяны; местечки Большие Мосты и Камянка-Струмилова); 4 — в райцентрах Дрогобычской области Добромля, Нижне-Устрийка, Рудки, Сколе и 6 — в Тернопольской области. В последней области в спра-

начнике значится 24 гетто, а в работе Я. Хонигсмана — без подробного перечисления — говорится о 18 (см.: Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України. — С. 70, 72, 74, 98, 104, 106, 108, 134, 136, 142; *Хонигсман Я.С.* Указ. соч. — С. 178).

⁴⁷ *Хонигсман Я.С.* Катастрофа львовского еврейства // Катастрофа и сопротивление украинского еврейства... — С. 238—240, 262, 265, 270.

⁴⁸ Там же. — С. 270.

⁴⁹ По данным архивного справочника, здесь были созданы (без территории Винницкой области) 63 гетто, в том числе: 43 — в округе «Волынь-Подолья» (20 — в Ровенской; 16 — в Каменец-Подольской; 7 — в Волынской); по 6 в округах «Днепропетровск», «Житомир» и «Киев», по 1 — «Таврия» (в Херсоне) и «Николаев» (подсчитано по: Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України. — С. 64, 66, 68, 76, 78, 84, 86, 88, 90, 92, 130, 142, 176, 180). Гетто в Николаеве было создано и ликвидировано в сентябре 1941 г., когда город входил в рейхскомиссарнат «Украина» (*Круглов А.И.* Энциклопедия Холокоста. — С. 122).

⁵⁰ См.: *Круглов А.И.* Энциклопедия Холокоста. — С. 182 — 186.

⁵¹ Архив автора (свидетельство С. Д. Додика).

⁵² *Круглов А.И.* Энциклопедия Холокоста. — С. 183, 186, 187.

⁵³ Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України. — С. 54—56, 134—140.

⁵⁴ *Spector Sh.* The Holocaust of Volynian Jews. — Jer., 1990. — P. 366—367.

⁵⁵ См.: *Круглов А.И.* Энциклопедия Холокоста. — С. 88—89.

⁵⁶ «Неизвестная Черная книга». — М.: Иерусалим, 1993. — С. 183.

⁵⁷ *Подольский А.Е.* Уничтожение еврейского населения в Среднем Поднпровье во время нацистской оккупации // ВЕУМ. — 1996. — № 1 (11). — С. 70.

⁵⁸ См.: *Круглов А.И.* Энциклопедия Холокоста. — С. 38.

⁵⁹ Там же. — С. 62; Забвению не подлежит: Сб. материалов о Холокосте, пережитом моими земляками / Авт.-сост. Гарри Фельдман. — Житомир: Полесья, 2000. — С. 39 (показания Л. Д. Блехман на процессе над полицаями в 1987 г.), 51, 81.

⁶⁰ Там же. — С. 57, 62.

⁶¹ Там было примерно 45 гетто. Благодарим Е. С. Розенבלата за эти сведения.

⁶² *Круглов А.И.* Энциклопедия Холокоста. — С. 15.

⁶³ Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України. — С. 152, 176.

⁶⁴ См.: *Круглов А.И.* Энциклопедия Холокоста. — С. 171—172.

⁶⁵ *Альтман М.М.* Тема Холокоста в русской литературе // Русская литература о Холокосте. — М.: НПЦ «Холокост», 1997. — С. 16.

⁶⁶ ЦГАВОО. — Ф. КМФ-8. — Оп. 2. — Д. 1576. Т. 1. — Л. 238.

⁶⁷ *Круглов А.И.* Истребление еврейского населения на Левобережной Украине (зона военной администрации) // Катастрофа и сопротивление украинского еврейства. — С. 184, 193.

⁶⁸ *Круглов А.И.* Энциклопедия Холокоста. — С. 42—45, 68, 104, 154.

⁶⁹ Архив Службы безопасности Украины (СБУ) по Донецкой области, дело № 60090. — Т. 7. — Л. 113, 126. Выражаем благодарность руководителю донецкого фонда «Героизм и Холокост» М. А. Когану за предоставление этих сведений.

⁷⁰ *Микушев В.* Тайны Юзовского гетто / В. Микушев, Д. Титаренко // Донбасс. — Донецк, 2001. — 18 мая — С. 3 (свидетельства уцелевших Г. Нофис и Б. Гекер); *Лях Л.* Было ли гетто в Юзовке? // Город. — Донецк, 2001. — 18 июня. — С. 8.

⁷¹ Орлянский С.Ф. История евреев Запорожья. Кн. 5. — Запорожье, 1999. — С. 18.

⁷² Круглов А.И. Энциклопедия Холокоста. — С. 65—66.

⁷³ Розенблат Е.С. Автореф. дисс. — С. 10. Автор указывает, что им выявлено 43 гетто в 38 городах, которые ранее не упоминались в историографии темы. По данным Э.Г. Ноффе, на территории Белоруссии было 163 гетто в 153 населенных пунктах (Ноффе Э.Г. Страницы истории евреев Беларуси. — Минск, 1996. — С. 116). В литературе упоминается также 184 гетто в 172 городах (см.: РЕЭ. Т. 4. — М., 2000. — С. 106).

⁷⁴ Беркнер С.С. Жизнь и борьба белоостокского гетто. Записки участника Сопротивления. — М.: Фонд «Холокост», 2001. — С. 32, 87.

⁷⁵ Смиловицкий Л. Катастрофия евреев Белоруссии. 1941—1944. — Тель-Авив, 2000. — С. 174, 161.

⁷⁶ Розенблат Е.С. Жизнь и судьба Брестской еврейской общины. — Брест, 1993. — С. 23, 53.

⁷⁷ Розенблат Е., Еленская И. Пинские евреи. 1939—1944. — Брест, 1997. — С. 123, 127. Не вполне ясно, учтены ли здесь дети. На с. 74 сказано, что «весной 1942 г. в гетто находилось 13 697 женщин и 4932 мужчины в возрасте старше 14 лет» (т. е. 18 529). По данным приведенной в книге на с. 300 таблицы «Движение численности населения г. Пинска с 20 по 30 апреля 1942 г.» указано 5913 еврейских детей (при общей численности евреев 18 603, включая 3363 мужчин и 9327 женщин). Возможно, что рост числа узников старше 14 лет был обусловлен переселением в гетто Пинска жителей окрестных населенных пунктов. В этом случае, с учетом детей, численность евреев составляла здесь свыше 24 000 человек.

⁷⁸ См.: Ноффе Э.Г. Страницы истории евреев Беларуси. — С. 116 — 118. (Подчеркты С.В. Жумаря.)

⁷⁹ НА РБ. — Ф, 510. — Оп. 1. — Д. «Переводы». — Л. 111.

⁸⁰ The Einsatzgruppen Reports. — P. 206.

⁸¹ Немецко-фашистский геноцид на Беларуси (1941—1944). — Минск, 1995. — С. 303. Л. Смиловицкий полагает, что здесь было 7000 узников (Указ. соч. — С. 167); а Д. Романовский и А. Зельцер пишут о 16 000 евреях в начале оккупации и 7000 жертвах при ликвидации гетто (Указ. соч. — С. 200).

⁸² Рамисовский Д., Зельцер А. Указ. соч. — С. 200—202. Любопытно, что предлог «угроза эпидемии» был использован нацистами в сентябре и при ликвидации гетто в Невеле Псковской области.

⁸³ Смиловицкий Л. Указ. соч. — С. 190.

⁸⁴ Немецко-фашистский геноцид на Беларуси (1941—1944). — С. 310.

⁸⁵ Ноффе Э.Г. Страницы истории евреев Беларуси. — С. 116 — 118. Розенблат Е.С. Рукопись дисс. — С. 14.

⁸⁶ См.: Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии: Сб. док. — Минск, 1963. — С. 21—22.

⁸⁷ See: Zhits, Dan, «The History of the Minsk Ghetto (in Light of the New Documentation). / Bulletin of the Arnold and Leona Finkler Institute of Holocaust Research. — No. 9 — September 2000/Ellul 5760. — Jer.: Bar-Ilan Univ., 2000. — P. 91. Благодарим профессора Дана Михмана, обратившего наше внимание на эту работу.

⁸⁸ Смиловицкий Л. Указ. соч. — С. 174, 161.

⁸⁹ Розенблат Е.С. Рукопись дисс. — С. 36, 42.

⁹⁰ Мы обвиняем. — Рига: Лиесма, 1967. — С. 39. Выражаем признательность д-ру Арону Шнейеру (Яд Вашем) за предоставление сведений о гетто на территории Латвии.

⁹⁷ «Черная книга». — С. 335; The Encyclopedia of Jewish Life Before and During the Holocaust, v. 2. — P. 1081—1082.

⁹⁸ См.: *Schneider, Gertrude*. The two Ghettos in Riga, Latvia, 1941—1943 — Holocaust in the Soviet Union. — P. 181—193.

⁹⁹ *Jews in Liepaja, Latvia, 1941—1945: A Memorial Book / Anders Edward, Juris Dubrovskis* (Eds). — Burlingame, Ca: Anders Press, 2001. — P. 1X, 12, 18.

⁹⁹ Благодарю д-ра Ицхака Арада за предоставление этих сведений.

⁹⁵ The Encyclopedia of Jewish Life Before and During the Holocaust. — V. 1—3. — P. 225, 594, 613, 675, 687, 691, 811—812, 867, 880, 976, 1058, 1103, 1120—1121, 1187, 1302, 1333, 1370, 1396—1397, 1404, 1489.

⁹⁶ The Encyclopedia of Jewish Life Before and During the Holocaust. — V. 1. — P. 622; *Levin, Dov*. The Litvaks. A short History of the Jews of Lithuania. — Jer.: Yad Vashem, 2000. — P. 222. Эти сведения уточняют данные И. Арада о том, что к 1942 г. в Литве (помимо Свислочи) евреи оставались только в гетто Вильнюса, Каунаса и Шяуляя (см.: *Арад И.* Катастрофа советского еврейства // Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941—1944). — Иерусалим: Яд Вашем, 1992. — С. 12).

⁹⁷ Уничтожение евреев СССР. — С. 12, 27.

⁹⁸ *Vilna Ghetto. Jewish Spiritual Resistance, Posters*. — Vilnius, 1999. — P. 9; Уничтожение евреев СССР. — С. 11.

⁹⁹ Уничтожение евреев СССР. — С. 11—12.

¹⁰⁰ *Gurin-Loov, Evgenia*. Holocaust of Estonian Jews 1941. — Tallinn, 1994. — PP. 223—225, 230.

¹⁰¹ Восп.-лист, журн. — 1990. — № 11. — С. 34. Отметим новый пункт о взаимоотношениях евреев с городскими властями — только через еврейский комитет. В то же время здесь отсутствует имеющийся в приказе о создании минского гетто термин «Еврейский совет» и пункт о наложении на евреев за организацию гетто «принудительного займа» в размере 30 тысяч червоных (с обещанием вернуть его с процентами).

¹⁰² Уничтожение евреев СССР. — С. 317.

¹⁰³ АЯВ. — Ф. 0—53/23 (протокол допроса А. И. Панфилова).

¹⁰⁴ АЯВ. — Ф. 03/3275. — Л. 1 (свидетельство Мирона Иоффе).

¹⁰⁵ По данным В. Дубсона (Указ, соч. — С. 159), в Смоленске было 2000—3000; в Гусино — 200—270, в Красном — 60—100; в Невеле — 800—1000; в Петровичах — 350—5400 узников гетто.

¹⁰⁶ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 88. — Д. 293. — Л. 8.

¹⁰⁷ В. Дубсон определяет число узников в Монастырщине от 800 до 1200 и датирует создание гетто в Клинцах октябрём (3000 узников); гетто в Велиже — концом сентября 1941 г. Свидетельские показания о дате создании этого гетто весьма расходятся: от августа, по свидетельству М. Ф. Львина (АЯВ. — Ф. 03/3275), до 7 ноября 1941 г., по свидетельству М. Иоффе (АЯВ. — Ф. 03/4389). Последнюю дату называет и РЕЭ (С. 220). Предположительно сентябрём датирует В. Дубсон гетто в Татарске. Сентябрём — в Стародубе, Усвятах и Торопце, что расходится с известными нам архивными данными и свидетельствами.

¹⁰⁸ ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 29. — Д. 279. — Л. 2.

¹⁰⁹ The Einsatzgruppen Reports. — P. 265.

¹¹⁰ ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 9. — Д. 59. — Л. 53—53об; *Круглов А. И.* Энциклопедия Холокоста. — С. 100, 101.

¹¹¹ «Черная книга». — С. 209—210.

¹¹² ГА РФ. — Оп. 2. — Д. 392. — Л. 207.

¹¹³ The Encyclopedia of Jewish Life Before and During the Holocaust. — V. 3. — P. 1305.

¹¹⁴ Дубсон В. Указ. соч. — С. 159.

¹¹⁵ The Einsatzgruppen Reports. — P. 235

¹¹⁶ Шарлот Владимир. Красный пояс. «Орловский» еврейский вопрос. — Орел: Самвен, 1996. — С. 32, 45—49.

¹¹⁷ Горские евреи. История, этнография, культура. — М.; Иерусалим: Даат/Знание, 1999. — С. 91—92.

¹¹⁸ Исход горских евреев: разрушение гармонии миров / Сост. С. А. Данилова. — Нальчик, 2000. — С. 65—66.

¹¹⁹ Вряд ли правомочно сопоставлять по этому вопросу гетто России (равно как территории Восточной Украины и Белоруссии) с Польшей. Именно зоной оккупации, а не географией объясняется продолжительность существования гетто на оккупированной территории СССР. Неверно утверждение автора, что почти все гетто в России были созданы до ноября 1941 г. 11 из них (более 25%) возникли позднее (ср.: Дубсон В. Указ. соч. — С. 157, 158).

¹²⁰ «Неизвестная Черная книга». — С. 390. В течение полутора месяцев в этой школе находились 483 еврея г. Ессентуки.

¹²¹ Дубсон В. Указ. соч. — С. 158.

¹²² Там же. — С. 164.

¹²³ Архив автора. По свидетельству бывшего узника, жителя Бара С.Д. Додика, это гетто создано не было. Ремесленников перевели в «закрытое» гетто уже после первой акции уничтожения, когда были ликвидированы нетрудоспособные евреи.

¹²⁴ Trunk, Isaiah. The Jewish Council in Eastern Europe under Nazi occupation. — N. Y.; L., 1972. — P. 376; Немецка-фашнскі генацыд на Беларусі. — С. 292, 313, 314; Розенблат Е.С. Рукопись дисс. — С. 42; Хонигсман Я. Указ. соч. — С. 165; В живых остались только мы. — С. 63.

¹²⁵ См.: Кравченко-Бережной Р.А. Мой XX век. — Аппатиты, 1999. — С. 194—195.

¹²⁶ Там же. — С. 82.

¹²⁷ Розенблат Е., Еленская И. Указ. соч. — С. 123.

¹²⁸ ЦГФОВОУ. — Ф. КМФ-8. — Оп. 1. — Д. 6. — Л. 285.

¹²⁹ Кравченко-Бережной Р.А. Указ. соч. — С. 89.

¹³⁰ USHMMА. — 032/2300. — Л. 44—49

¹³¹ Старобинский Д. Одесское гетто. — Одесса, 1991; Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду.

¹³² Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України. — С. 20, 122.

¹³³ Розенблат Е.С. Автореферат дисс. — С. 9.

¹³⁴ Кловский Д. Дорога из Гродно. — Самара, 1994. — С. 71.

¹³⁵ Encyclopedia of the Holocaust /Eds. Dr. Robert Rozett and Dr. Shmuel Spector. — Jerusalem:Yad Vashem, 2000. — P. 136.

¹³⁶ Trunk, Isaiah. Op. cit. — P. 11—12, 13.

¹³⁷ Йонес Э. Евреи Львова в годы Второй мировой войны и Катастрофы европейского еврейства 1939—1944. — М., 1999. — С. 112.

¹³⁸ Spector, Shmuel. The Holocaust of Volhyanian Jews. — P. 148; См. также: Дубсон В. Указ. соч. — С. 165—166.

¹³⁹ Розенблат Е.С. Указ. соч. — С. 21.

¹⁴⁰ Einsatzgruppen Reports. — P. 57.

- ¹⁴¹ Хонигсман Я. Катастрофа еврейства Западной Украины. — С. 153.
- ¹⁴² Уничтожение евреев СССР. — 1992. — С. 49.
- ¹⁴³ Judenfrei Свободно от евреев. История минского гетто в документах / Авт.-сост. Р. А. Черноглазова. — Минск: Асобны Дах, 1999. — С. 24, 31—33, 53—54.
- ¹⁴⁴ Хонигсман Я. Катастрофа еврейства Западной Украины. — С. 128, 151—153.
- ¹⁴⁵ *Spector Sh.* Op. cit. — P. 154.
- ¹⁴⁶ *Trunk, Isaiah.* The Jewish Council in Eastern Europe under Nazi occupation. — N. Y.; L., 1972. — P. 321.
- ¹⁴⁷ *Ibid.* — P. 12.
- ¹⁴⁸ *Ibid.* — P. 19.
- ¹⁴⁹ Круглова А. И. Энциклопедия Холокоста. — С. 174.
- ¹⁵⁰ *Spector Sh.* Op. cit. — P. 149—151, 153.
- ¹⁵¹ *Trunk, Isaiah.* Op. cit. — P. 16, 19—21, 24.
- ¹⁵² Уничтожение евреев СССР. — С. 93.
- ¹⁵³ *Spector Sh.* Op. cit. — P. 152.
- ¹⁵⁴ АЯВ. — Ф. 033. /1036. — Л. 9 (свидетельство М. Гинсберг); «Черная книга». — С. 335.
- ¹⁵⁵ См.: «Черная книга». — С. 206 (свидетельство Фишгойт). В Евпатории совет состоял из 10 человек, один из которых был известным врачом.
- ¹⁵⁶ Смиловицкий Д. Указ. соч. — С. 190.
- ¹⁵⁷ Романовский Д. Советские евреи под нацистской оккупацией // Ковчег: Альманах свр. культуры. Вып. 1. — М., 1990. — С. 299.
- ¹⁵⁸ Вольф Э. Указ. соч. — С. 129.
- ¹⁵⁹ См.: *Trunk, Isaiah.* Op. cit. — P. 16, 24, 25, 31 — 33, 40. Автор проанализировал сведения о составе 99 юденратов, из которых 41 без сомнения находился на оккупированной территории СССР: 26 — в рейхскомиссарнате Остланд, 11 — рейхскомиссарнате Украина (округ «Волынь-Подолля»); 4 — в округе «Белосток». Значительную часть из более чем 40 гетто в генерал-губернаторстве составляли представители юденратов округа «Галиция». Однако лишь 15 гетто находилось на территории СССР в границах 1939 г., причем ни одно из них — на территории России.
- ¹⁶⁰ *Spector Sh.* Op. cit. — P. 155, 169 — 171.
- ¹⁶¹ Розенблат Е. С. Автореферат дисс. — С. 22.
- ¹⁶² Подсчитано на основе: Розенблат Е., Еленская И. Указ. соч. — С. 77.
- ¹⁶³ Йонес Э. Указ. соч. — С. 112.
- ¹⁶⁴ Shapiro, Paul A. Op. cit. — P. 146—147.
- ¹⁶⁵ Дорон (Снектор) Д. Указ. соч. — С. 168—169.
- ¹⁶⁶ Уничтожение евреев СССР. — С. 158.
- ¹⁶⁷ USHMMА. — 032/2300. — Л. 38.
- ¹⁶⁸ Там же.
- ¹⁶⁹ *Trunk, Isaiah.* Op. cit. — P. 51—54.
- ¹⁷⁰ Йонес Э. Указ. соч. — С. 114.
- ¹⁷¹ Хонигсман Я. Катастрофа еврейства Западной Украины. — С. 150. По данным автора, число сотрудников львовского юденрата составляло 3000 человек.
- ¹⁷² *Trunk, Isaiah.* Op. cit. — P. 51—54.
- ¹⁷³ Розенблат Е. С. Автореферат дисс. — С. 23.
- ¹⁷⁴ *Trunk, Isaiah.* Op. cit. — P. 56.
- ¹⁷⁵ Отдельные аспекты этой темы см.: Дубсон В. Указ. соч. — С. 165—168.

- ¹⁷⁶ Архив фонда «Холокост» (далее — АФХ). — Коллекция «Немецкая пропаганда».
- ¹⁷⁷ Уничтожение евреев СССР. — С. 239; Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942—январь 1943 г.). — Ставрополь, 2000. — С. 27, 36, 67.
- ¹⁷⁸ *Кружлов А. И.* Уничтожение еврейского населения Смоленщины и Брянщины // ВЕУМ. — 1994. — №3 (7). — С. 124; The Einsatzgruppen Reports. — P. 235.
- ¹⁷⁹ *Шарлот В.* Указ. соч. — С. 16. Автор считает, что здесь дано описание врача Фельдмана. Однако в свидетельстве близкой знакомой тот назван «старейшим евреем города» (Там же. — С. 10). Более вероятно, что носивший бороду Азарх выглядел старше своих лет.
- ¹⁸⁰ АЯВ. — Ф. 03 — Д. 4389 (свидетельство И. Н. Брука).
- ¹⁸¹ Уничтожение евреев СССР. — С. 231.
- ¹⁸² Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 — январь 1943 гг.). Документы и материалы. — Ставрополь, 2000. — С. 67.
- ¹⁸³ ГА РФ. — Ф. 7021. — Он. 16. — Д. 9. — Л. 5—5об; Д. 11. — Л. 2—3, 33, 47—48.
- ¹⁸⁴ Еврейское гетто в Калуге, Ч. 2. Прилож. к Вестнику Доброй Воли. — Калуга, 1998. — № 11—12. — С. 8
- ¹⁸⁵ В. Дубсон (Указ. соч. — С. 168) ошибочно называет Либаса старостой гетто Торопца.
- ¹⁸⁶ ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 26. — Д. 4. — Л. 10б.
- ¹⁸⁷ *Вольф Э.* Указ. соч. — С. XXXIII, 33, 124.
- ¹⁸⁸ *Ромов М.* Кормилец // Вести. — Иерусалим, 1997. — 30 июля — С. 6.
- ¹⁸⁹ *Вольф Э.* Указ. соч. — С. 205.
- ¹⁹⁰ Уничтожение евреев СССР. — С. 83.
- ¹⁹¹ *Кружлов А. И.* Уничтожение евреев Смоленщины и Брянщины. — С. 194.
- ¹⁹² *Йонес Э.* Указ. соч. — С. 115.
- ¹⁹³ Там же. — С. 115, 116, 119.
- ¹⁹⁴ *Trunk, Isaiah.* Op. cit. — P. 321—326, 330, 366, 437—439.
- ¹⁹⁵ Ibid. — P. 395—397, 406, 413.
- ¹⁹⁶ USHMMА. — 032/2300.
- ¹⁹⁷ *Michman, Dan.* Judenrat / The Holocaust. Encyclopedia / Ed. Walter Laker. — N. Haven; L.: Yale UP, 2001. — P. 375.
- ¹⁹⁸ *Розенблат Е., Еленская И.* Указ. соч. — С. 77; *Trunk, Isaiah.* Op. cit. — P. 409.
- ¹⁹⁹ *Дорон (Спектор) Д.* Указ. соч. — С. 171, 173, 174.
- ²⁰⁰ *Trunk, Isaiah.* Op. cit. — P. 444—445.
- ²⁰¹ *Йонес Э.* Указ. соч. — С. 134—135.
- ²⁰² *Trunk, Isaiah.* Op. cit. — P. 475, 484, 510;
- ²⁰³ *Йонес Э.* Указ. соч. — С. 139, 141.
- ²⁰⁴ *Spector Sh.* Op. cit. — P. 155—156.
- ²⁰⁵ *Розенблат Е. С.* Рукопись дисс. — С. 41.
- ²⁰⁶ *Йонес Э.* Указ. соч. — С. 141.
- ²⁰⁷ *Trunk, Isaiah.* Op. cit. — P. 475, 496.
- ²⁰⁸ *Вольф Э.* Указ. соч. — С. 259.
- ²⁰⁹ The Einsatzgruppen Reports. — P. 235.
- ²¹⁰ *Разиановский Д.* Советские евреи под нацистской оккупацией. — С. 299.
- ²¹¹ *Trunk, Isaiah.* Op. cit. — P. 496.
- ²¹² *Вольф Э.* Указ. соч. — С. 16, 104.

- ²¹³ ЦГАВΟΥ. — Ф. 4260. — Оп. 3. — Д. 289. — Л. 33, 36.
- ²¹⁴ The Einsatzgruppen Reports. — P. 506, 514.
- ²¹⁵ См.: Йонес Э. Указ. соч. — С. 112—146; Хоттсман Я. С. Указ. соч. . — С. 156—160.
- ²¹⁶ ГАВО. — Ф. 6023. — Оп. 4. — Д. 551. — Л. 3—4, 12—16, 27—28, 33.
- ²¹⁷ Вольф Э. Указ. соч. — С. 125, 184.
- ²¹⁸ Йонес Э. Указ. соч. — С. 144.
- ²¹⁹ USHMM. — 032/2300. — ЛЛ. 29—49.
- ²²⁰ Кловский Д. Указ. соч. — С. 82.
- ²²¹ Лишь в последнее время появились весьма содержательные работы по этой теме д-ра Ицхака Арада и английского историка и юриста Мартина Дина, которые мы рассмотрим ниже.
- ²²² Розенблат Е. С. Жизнь и судьба... — С. 59.
- ²²³ Трагедия евреев Белоруссии в 1941—1944 гг. — С. 63.
- ²²⁴ Там же. — С. 70.
- ²²⁵ The Einsatzgruppen Reports. — P. 22—23.
- ²²⁶ Ibid. — P. 124—125, 208.
- ²²⁷ See: Independent Commission of Experts: Switzerland- Second World War, Switzerland and Gold Transactions in the Second World War: Interim Report (Bern, May 1998). — P. 33.
- ²²⁸ Dean, Martin. Jewish Property Seised in the Occupied Soviet Union in 1941 and 1942: The Records of the Reichshauptkasse Beutestelle. — HGS. — v. 14. — No. 1. — Spring 2000. — P. 85—90, 94.
- ²²⁹ Ibid.— P. 89.
- ²³⁰ Arad, Yitzhak. Plunder of Jewish Property. — P. 135—141, 144.
- ²³¹ Ibid. — P. 145—146.
- ²³² Ibid. — PP 88, 146—147. Ицхак Арад справедливо отмечает, что в этот отчет не вошли не только «неучтенные» деньги и ценности, присвоенные местными и оккупационными властями и исполнителями массовых убийств. Примерно четверть евреев Галиции была отправлена в лагерь смерти в Польше (преимущественно в Белжец), где и были изъяты их ценности.
- ²³³ Ibid. — P. 142.
- ²³⁴ ГАВО. — Ф. 1495. — Оп. 2. — Д. 1. — Л. 10, 14, 15, 17, 26; Д. 7. — Л. 1—2.
- ²³⁵ Дубсон В. Указ. соч. — С. 173.
- ²³⁶ Трагедия евреев Белоруссии в 1941—1944 гг. — С. 69.
- ²³⁷ Arad, Yitzhak. Plunder of Jewish Property. — P. 131
- ²³⁸ Еврейское гетто в Калуге. Ч. 1. — С. 18, 19.
- ²³⁹ Там же. — С. 19.
- ²⁴⁰ ЦГАВΟΥ. — Ф. 3206. — Оп. 1. — Д. 26. — Л. 1—5.
- ²⁴¹ ГАПО. — Ф. Р—903. — Оп. 3. — Д. 12. — Л. 61—62 (показания бывшего кладовщика при городской управе А. Е. Верещагина).
- ²⁴² Цынман И. И. Бабья Яры Смоленщины. — Смоленск: Русь, 2001. — С. 36.
- ²⁴³ Немецко-фашистский оккупационный режим на Черниговщине. — Чернигов. — С. 40.
- ²⁴⁴ ЦГАВΟΥ. — Ф. 3676 (Штаб Розенберга). — Оп. 1. — Д. 50-а. — Л. 1—11.
- ²⁴⁵ Там же. — Ф. 4620. — Оп. 3. — Д. 378. — Л. 69.
- ²⁴⁶ Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. — С. 22.
- ²⁴⁷ Смиловицкий Л. Указ. соч. — С. 96.

- ²⁴⁸ *Judenfrei!* Свободно от евреев. — С. 35.
- ²⁴⁹ *Trunk, Isuah*. Op. cit. — P. 67, 68.
- ²⁵⁰ Мы обвиняем. — С. 72—73.
- ²⁵¹ *Arad, Yitzhak*. Plunder of Jewish Property. — P. 116—117.
- ²⁵² *Круглов А.И.* Энциклопедия Холокоста. — С. 171.
- ²⁵³ *Розенблюм Е.С.* Рукопись дисс. — С. 57.
- ²⁵⁴ 100 еврейских местечек Украины. Подолия. Вып. 1. — 2-е изд. — Иерусалим; СПб., 1998. — С. 250—251.
- ²⁵⁵ Геноцид евреев Днепропетровска в годы нацистской оккупации (1941—1944) // *Ткума*. — 2000. — № 5. — С. 4.
- ²⁵⁶ Архив СБУ по Донецкой области. — Д. № 60090, т. 7. — Л. 113 (свидетельство Б. А. Гексер).
- ²⁵⁷ ЦГАВОУ. — Ф. 4260. — Оп. 3. — Д. 289. — Л. 6.
- ²⁵⁸ *Йонес Э.* Указ. соч. — С. 114.
- ²⁵⁹ USHMM. — 032/2300.
- ²⁶⁰ *Хангсман Я.С.* Катастрофа львовского еврейства. — С. 245, 257.
- ²⁶¹ *Arad, Yitzhak*. Plunder of Jewish Property. — P. 122—123. Вторая контрибуция в Вильнюсе составила 5 млн рублей, 1 кг золота и 1 кг серебра.
- ²⁶² *Смиловицкий Л.* Указ. соч. — С. 190.
- ²⁶³ *Trunk, Isuah*, Op. cit. — P. 245.
- ²⁶⁴ Encyclopedia of Jewish Communities. — Jer., 1990. — Vol. 5. — P. 198; Encyclopedia of the Holocaust. — Jer.: Yad Vashem, 1990. — Vol. 1. — P. 240.
- ²⁶⁵ *Arad, Yitzhak*. Plunder of Jewish Property. — P. 125.
- ²⁶⁶ *Розенблюм Е.С.* Рукопись дисс. — С. 58.
- ²⁶⁷ *Розенблюм Е., Еленская Н.* Евреи Пинска. — С. 86—87. Размер первой контрибуции составлял 20 кг золота. В документах ЧГК зафиксировано, что для второй контрибуции (нацисты требовали якобы 256 кг золота) было слано 120 кг драгоценных металлов. По мнению авторов, эти данные явно завышены.
- ²⁶⁸ *Левин В., Мельцер Д.* Черная книга с красными страницами. — Балтимор: Вестник, 1996. — С. 314, 315.
- ²⁶⁹ *Смиловицкий Л.* Указ. соч. — С. 96.
- ²⁷⁰ Там же. — С. 73, 75.
- ²⁷¹ См.: *Боряк Г.* «Нацистское золото» з України / Г. Боряк, М. Дубик, Н. Маковська. — Київ, 1998. — С. 64—65.
- ²⁷² *Фишкельштейн И.С.* Указ. соч. — С. 67.
- ²⁷³ Архив ФСБ. — Киевский процесс. — Т. 11. — Л. 105.
- ²⁷⁴ «Черная книга». — С. 206.
- ²⁷⁵ Там же. — С. 366 (свидетельство Полины Аускер-Луквинской); «Неизвестная Черная книга». — С. 86.
- ²⁷⁶ *Левин В., Мельцер Д.* Указ. соч. — С. 312.
- ²⁷⁷ *Котоя Л.* Реликты войны // Край Смоленский. — 1990. — № 916. — С. 48.
- ²⁷⁸ Уничтожение евреев СССР. — С. 232, 239.
- ²⁷⁹ *Arad, Yitzhak*. Plunder of Jewish Property. — P. 118.
- ²⁸⁰ «Нацистское золото» из Беларуси: Док. и материалы / Сост. В. И. Адамушко, Г. Д. Кнатько и др. — Минск: НА РБ, 1998. — С. 85, 86, 108.
- ²⁸¹ НА РБ. — Ф. 510. — Оп. 1. — Д. 39. — Л. 51, 136.
- ²⁸² ЦГАВОУ. — Ф. 4260. — Оп. 3. — Д. 289. — Л. 8.
- ²⁸³ *Trunk, Isuah*, Op. Cit. — P. 315.

- ²⁸⁴ ГА РФ. — Ф. 7021— Оп. 16. — Д. 11. — Л. 111.
- ²⁸⁵ Pohl, Dieter, «Hans Kruger and the Murder of the Jews in the Stanislawow Region (Galicia)», Yad Vashem Studies, 1998. — vol. XXVI. — P. 258—259.
- ²⁸⁶ Хонигсман Я. С. Катастрофа львовского еврейства. — С. 246.
- ²⁸⁷ ГАПО. — Р—903. — Оп. 3. — Д. 12. — Л. 63об (свидетельство бухгалтера квартирного бюро городской управы К. В. Ратьковского).
- ²⁸⁸ ЦГАВОУ. — Ф. МКФ—8. — Оп. 1. — Д. 87. — Л. 16.
- ²⁸⁹ Розенблат Е. С. Рукопись дисс. — С. 60.
- ²⁹⁰ Розенблат Е., Еленская И. Евреи Пинска. — С. 92.
- ²⁹¹ Розенблат Е. С. Автореферат дисс. — С. 11.
- ²⁹² Shapiro, Paul A. Op. cit. — P. 174, 175.
- ²⁹³ ГАЧО. — Ф. Р—307. — Оп. 1, т. 2. — Д. 2388; т. 1. — Д. 522 и 558.
- ²⁹⁴ Там же. — Ф. 307. — Оп. 1, т. 1. — Д. 100. — Л. 1—2.
- ²⁹⁵ Там же. — Оп. 1, т. 2. — Д. 1247 — Л. 1—6.
- ²⁹⁶ Там же.
- ²⁹⁷ Там же. — Д. 3355. — Л. 1—3.
- ²⁹⁸ ГАВО. — Ф. 1405. — Оп. 2. — Д. 1. — Л. 10, 14, 17, 26.
- ²⁹⁹ ГАЧО — Ф. Р—307. — Оп. 1, т. 1. — Д. 517; т. 2. — Д. 2181. — Л. 1—3; 14, 33.
- ³⁰⁰ Там же. — Ф. Р—519. — Оп. 1. — Д. 248, 251, 252, 254, 255, 258—272, 274—276.
- ³⁰¹ Там же. — Д. 278—292, 294—296, 300, 309, 310.
- ³⁰² Там же. — Д. 249. — Л. 3—5.
- ³⁰³ ГАОдО — Ф. 2387. — Оп. 1. — Д. 11 (список по Гроссуловскому — ныне Великомихайловскому — району Николаевской области).
- ³⁰⁴ ГАЧО. — Ф. Р—663. — Оп. 3. — Д. 3—79.
- ³⁰⁵ Там же. — Ф. Р—307. — Оп. 1, т. 1. — Д. 208. — Л. 1—4.
- ³⁰⁶ ГАВО. — Ф. 1405. — Оп. 2. — Д. 7. — Л. 1—8.
- ³⁰⁷ ГАЧО. — Ф. Р—307. — Оп. 1, т. 1. — Д. 1117. — Л. 1—16.
- ³⁰⁸ Arad, Yitzhak. Plunder of Jewish Property. — P. 148.
- ³⁰⁹ ЦГАВОУ. — Ф. 4260. — Оп. 3. — Д. 289. — Л. 6.
- ³¹⁰ Документы обвинения. Холокост: свидетельства Красной Армии/ Сост. Ф. Д. Свердлов. — М.: НПЦ «Холокост», 1996. — С. 65.
- ³¹¹ АЯВ. — Ф. 053/28. — Л. 798—800, 818.
- ³¹² Trunk, Isaiah. Op. cit. — P. 145.
- ³¹³ Spector, Shmuel. The Holocaust of Volynian Jews. — P. 126—129.
- ³¹⁴ Ofer, Dalis. Op. cit. — P. 246—248.
- ³¹⁵ Дорон (Спектор) Д. Указ. соч. — С. 146, 149.
- ³¹⁶ Микушев В., Титаренко Д. Тайны Юзовского гетто // Донбасс, 2001. — 18 мая. — С. 3 (свидетельства уцелевших Г. Иофис и Б. Гекер).
- ³¹⁷ Дубсон В. Указ. соч. — С. 164, 176.
- ³¹⁸ АЯВ. — Ф. 053/28. — Л. 798—800, 818.
- ³¹⁹ Смиловцкий Л. Указ. соч. — С. 165, 190.
- ³²⁰ Романовский Л., Зельцер А. Указ. соч. — С. 201.
- ³²¹ АЯВ. — Ф. 0—53/23 (протокол допроса А. И. Панфилова).
- ³²² АЯВ. — Ф. 03—4389, Л. 8 (свидетельство И. Н. Брука).
- ³²³ Романовский Л., Зельцер А. Указ. соч. — С. 201.
- ³²⁴ Вольф Э. Указ. соч. — С. 15—17.
- ³²⁵ Trunk, Isaiah. Op. cit. — P. 127.
- ³²⁶ «Неизвестная Черная книга». — С. 183.

- ³²⁷ *Микушев В., Титаренко Д.* Указ. соч.
- ³²⁸ Еврейское гетто в Калуге. Ч. 2. — С. 18.
- ³²⁹ ЦГАВОУ. — Ф. 4620. — Оп. 3. — Д. 289. — Л. 10, 36.
- ³³⁰ Там же. — Ф. МКФ-8. — Оп. 2. — Д. 157, т. 2. — Л. 238.
- ³³¹ *Розенблат Е.С.* Рукопись дисс. — С. 71, 73—75.
- ³³² «Черная книга». — С. 366.
- ³³³ АЯВ. — Ф. 0-53/23 (протокол допроса А. И. Панфилова).
- ³³⁴ Там же. — Ф. 053/28. — Л. 798—800, 818.
- ³³⁵ Там же. — Ф. 03-4389. — Л. 5, 8.
- ³³⁶ *Дубсон В.* Указ. соч. — С. 170.
- ³³⁷ АЯВ. — Ф. 0-53/23 (протокол допроса А. И. Панфилова).
- ³³⁸ *Вольф Э.* Указ. соч. — С. 65.
- ³³⁹ АЯВ. — Ф. 033/1541. — Л. 11об (свидетельство М. Гершкович).
- ³⁴⁰ *Вольф Э.* Указ. соч. — С. 178.
- ³⁴¹ АЯВ. — Ф. 033/1541. — Л. 12.
- ³⁴² *Trunk, Isaiah.* Op. cit. — P. 98. Отметим, что для всего населения на оккупированной территории нацисты вводили запрет на продажу на рынках мясopодуков (за исключением мяса кроликов).
- ³⁴³ Ibid. — P. 125—128.
- ³⁴⁴ *Розенблат Е.С.* Рукопись дисс. — С. 77.
- ³⁴⁵ USHMMА. — 032/2300. — Л. 46.
- ³⁴⁶ ГАЧО. — Ф. Р—662. — Оп. 1. — Д. 765; Ф. 307. — Оп. 1, т. 1. — Д. 242, 307.
- ³⁴⁷ ГАОДЮ. — Ф. 2255. — Оп. 1. — Д. 1115. — Л. 1.
- ³⁴⁸ Там же. — Д. 79. — Л. 44, 45—48.
- ³⁴⁹ ГАЧО. — Ф. 325. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 1.
- ³⁵⁰ Там же. — Ф. 307. — Оп. 1, т. 1. — Д. 1116. — Л. 2—6.
- ³⁵¹ АЯВ. — Ф. 033/1541. — Л. 11об (свидетельство М. Гершкович).
- ³⁵² ГАВО. — Ф. 2966. — Оп. 2. — Д. 301. — Л. 3—4.
- ³⁵³ Там же. — Д. 1256, 1362.
- ³⁵⁴ См., напр.: *Розенблат Е.С.* Жизнь и судьба Брестской еврейской общины. XIV—XX вв. — Брест, 1993. — С. 19.
- ³⁵⁵ ГАВО. — Оп. 1. — Д. 174. — Л. 139—310.
- ³⁵⁶ ГАКО. — Ф. Р—3466. — Оп. 1. — Д. 11. — Л. 22.
- ³⁵⁷ Там же. — Оп. 2, т. 157. — Л. 244, 246.
- ³⁵⁸ Там же. — Оп. 1. — Д. 4. — Л. 84.
- ³⁵⁹ ЦГАВОУ. — Ф. 3206. — Оп. 9. — Д. 13. — Л. 17.
- ³⁶⁰ ГАЧО. — Ф. 325. — Оп. 1. — Д. 4. — Л. 1.
- ³⁶¹ Там же. — Оп. 1, т. 2. — Д. 2167. — Л. 1; Д. 1253. — Л. 2.
- ³⁶² Там же. — Д. 3119. — Л. 4; Ф. Р—662. — Оп. 1., т. 1. — Д. 561—564, 565.
- ³⁶³ Там же. — Д. 2394. — Л. 1—26; Оп. 1, т. 1. — Д. 236. — Л. 7.
- ³⁶⁴ Там же. — Ф. Р—778. — Оп. 1. — Д. 35; Ф. 307. — Оп. 1, т. 1. — Д. 180, 216, 226, 237.
- ³⁶⁵ *Дуеман Л. М.* Помни! Не повтори! — Одесса, 2001. — С. 54.
- ³⁶⁶ *Бордюков А.* Трагедия Велижского гетто // Цыпман И.И. Бабы Яры Смоленщины. — Смоленск, 2001. — С. 121.
- ³⁶⁷ *Trunk, Isaiah.* Op. cit. — P. 163—166, 170.
- ³⁶⁸ *Йонес Э.* Указ. соч. — С. 125.
- ³⁶⁹ ЦГАВОУ. — Ф. 4260. — Оп. 3. — Д. 289. — Л. 15—16.

- ³⁷⁰ Розенблат Е.С. Рукопись дисс. — С. 84, 85, 87, 88.
- ³⁷¹ Вольф Э. Указ. соч. — С. 78.
- ³⁷² Encyclopedia of Jewish Life Before and During the Holocaust. — V. 3. — N. Y., 2001. — P. 608.
- ³⁷³ ГА РФ. — Ф. 8114. — Оп. 1. — Д. 954. — Л. 102.
- ³⁷⁴ Там же. — Л. 108.
- ³⁷⁵ «Неизвестная Черная книга». — С. 270.
- ³⁷⁶ Хошигеман Я. С. Катастрофа еврейства Западной Украины. — С. 112.
- ³⁷⁷ Йонес Э. Указ. соч. — С. 129—130.
- ³⁷⁸ Trunk, Isaac. Op. cit. — P. 188, 191, 194, 406.
- ³⁷⁹ АЯВ. — Ф. 03—4389. — Л. 7 (свидетельство И. Н. Брука).
- ³⁸⁰ АЯВ. — Ф. 03/696. — Л. 7 (свидетельство А. Блоха).
- ³⁸¹ Вольф Э. Указ. соч. — С. 25—26.
- ³⁸² Исход горских евреев: разрушение гармонии миров. — С. 133 (свидетельство Е. Назаровой).
- ³⁸³ Дусман Л.М. Помни! Не повтори! — С. 52.
- ³⁸⁴ Trunk, Isaac. Op. cit. — P. 218.
- ³⁸⁵ Йонес Э. Указ. соч. — С. 127—128.
- ³⁸⁶ Дорон (Спектор) Д. Указ. соч. — С. 143, 144, 152.
- ³⁸⁷ ГАЧО. — Ф. 307. — Оп. 1, т. 1. — Д. 770. — Л. 4.
- ³⁸⁸ Вольф Э. Указ. соч. — С. XXX, 72, 74.
- ³⁸⁹ Trunk, Isaac. Op. cit. — P. 212, 221, 225.
- ³⁹⁰ ГАЧО. — Ф. Р—307. — Оп. 1, т. 2. — Д. 2732. — Л. 1—6 (она выходила с октября 1942 г.).
- ³⁹¹ Йонес Э. Указ. соч. — С. 130—131.
- ³⁹² Вольф Э. Указ. соч. — С. XXX, 36—37, 153—154.
- ³⁹³ Trunk, Isaac. Op. cit. — P. 210—211.
- ³⁹⁴ Вольф Э. Указ. соч. — С. 137—138.
- ³⁹⁵ Уничтожение евреев СССР. — С. 256.
- ³⁹⁶ Cholawsky, Shalom. Soldiers from the Ghetto. — N. Y.: Herzl Press, 1980. — P. 74—75
- ³⁹⁷ Там же. — С. 36—37, 156.
- ³⁹⁸ Дорон (Спектор) Д. Указ. соч. — С. 152.
- ³⁹⁹ ЦГАООУ. — Ф. 1. — Оп. 23 — Д. 817. — Л. 13.
- ⁴⁰⁰ Trunk, Isaac. Op. cit. — P. 226
- ⁴⁰¹ Рольничайте М. Я должна рассказать. — Л.: Лениздат, 1990 — С. 16.
- ⁴⁰² Trunk, Isaac. Op. Cit. — P. 205, 207.
- ⁴⁰³ АЯВ. — Ф. 03/696. — Л. 7.
- ⁴⁰⁴ См.: Альтман Н. А., Гербер А. Е., Полторак Д. И. История Холокоста на территории СССР. — М.: Фонд «Холокост», 2001. — С. 31.
- ⁴⁰⁵ ГА РФ. — Ф. 8114. — Оп. 1. — Д. 954. — Л. 102—104.
- ⁴⁰⁶ См.: Косик В. Украина у Другій світовій війні. 1938—1945. — Київ; Париж: Нью-Йорк, 1992. — С. 592. Док. №77.
- ⁴⁰⁷ ГАКО. — Ф. Р—3466. — Оп. 1 — Д. 11. — Л. 20.
- ⁴⁰⁸ ЦГАВООУ. — Ф. МКВ—8. — Оп. 2. — Д. 157, т. 2. — Л. 238.
- ⁴⁰⁹ АЯВ. — Ф. 033/1542 — Л. 1 (свидетельство Ицхака Новника).
- ⁴¹⁰ ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 29. — Д. 14. — Л. 19 об.
- ⁴¹¹ См.: Дубсон В. Указ. соч. — С. 169—170.

⁴¹¹ Данные о Смоленске приведены в ст. Wiln Orbach. *Op. cit.* — P. 17; данные об Орле — в кн.: Шарлот В. Красный пояс. — С. 45 — 50; См. сведения о Калуге: Еврейское гетто в Калуге. Ч. 1. — С. 5.

⁴¹² Архив ФСБ. — Киевский процесс. — Т. 11. — Л. 105.

⁴¹³ Дорон (Снектор) Д. Указ. соч. — С. 149—150.

⁴¹⁴ Еврейское гетто в Калуге. — С. 23.

⁴¹⁵ Розенблат Е.С. Рукопись дисс. — С. 40.

⁴¹⁶ ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 16. — Д. 17. — Л. 35.

⁴¹⁷ The Einsatzgruppen Reports. — P. 137. Любопытно, что еврейских колхозников эти отчеты характеризуют как «малонинтеллигентных», что, видимо, служило дополнительным аргументом для сохранения им жизни. Одновременно предлагалось замнить руководителей колхозов-евреев на местных жителей.

⁴¹⁸ Тамarkin В.Л. Это было не во сне. — С. 86.

⁴¹⁹ Левин Р. А. Мальчик из гетто. — М.: НПЦ «Холокост», 1996. — С. 32.

⁴²⁰ ГАВО. — Ф. Р-1683. — Оп. 1. — Д. 13. — Л. 5—5об.

⁴²¹ ЦГАВОУ. — Ф. МКФ-8. — Оп. 2. — Д. 149. — Л. 210.

⁴²² Там же. — Л. 176, 179.

⁴²³ НА РБ. — Ф. 510. — Оп. 1. — Д. «Переводы». — Л. 64.

⁴²⁴ Архив ФСБ. — Д. 2295. — Л. 197—198; USHMM. — RG-06-025—28.

⁴²⁵ ЦГАВОУ. — Ф. МКФ-8. — Оп. 1. — Д. 4. — Л. 285.

⁴²⁶ ГАСО. — Ф. Р-1630. — Оп. 1. — Д. 369. — Л. 202.

⁴²⁷ См.: Дубсон В. Указ. соч. — С. 169—170.

⁴²⁸ См.: Trunk, Isaah. *Op. cit.* — P. 61—62.

⁴²⁹ ГАЧО. — Ф. Р-662. — Оп. 1. — Д. 34, 562; Ф. Р-520. — Оп. 1. — Д. 24.

⁴³⁰ Там же. — Ф. Р-307. — Оп. 1, т. 2. — Д. 2163. — Л. 1—4.

⁴³¹ Там же: — Оп. 1, т. 1 — Д. 8. — Л. 1—1об; Ф. Р-778. — Оп. 1. — Д. 3—4.

⁴³² Там же. — Ф. Р-307. — Оп. 1, т. 1. — Д. 224. — Л. 1—2.

⁴³³ Там же. — Д. 218, 221, 1251, 228, 230, 243; т. 2. — Д. 2169.

⁴³⁴ Там же. — Д. 212, т. 2. — Д. 2733, 4079; т. 1. — Д. 223, 239, 227, 695, 210; Оп. 1, т. 2. — Д. 2170. — Л. 1—2; Д. 2746, 4084, 4087.

⁴³⁵ Там же. — Д. 1255.

⁴³⁶ Там же. — Ф. 325. — Оп. 1. — Д. 12. — Л. 1—8.

⁴³⁷ Там же. — Д. 268, 1244, 1246.

⁴³⁸ Уничтожение евреев СССР. — С. 158—159.

⁴³⁹ Вольф Э. Указ. соч. — С. 35—36, 245.

⁴⁴⁰ Judenfrei! Свободно от евреев! — С. 88, 114, 119, 120, 129, 131—132, 144, 150, 151,

154 (подсчеты автора).

⁴⁴¹ Розенблат Е.С. Автореферат дисс. — С. 10.

⁴⁴² Trunk, Isaah. *Op. cit.* — P. 94.

⁴⁴³ Розенблат Е., Еленская И. Евреи Пинска. — С. 103.

⁴⁴⁴ Йонес Э. Указ. соч. — С. 161—171.

⁴⁴⁵ Trunk, Isaah. *Op. cit.* — P. 77.

⁴⁴⁶ Ibid. — PP. 91—96.

⁴⁴⁷ Дубсон В. Указ. соч. — С. 169.

⁴⁴⁸ ГА РФ. — Ф. 8131. — Оп. 31. — Д. 32217. — Л. 1—2.

⁴⁴⁹ Trunk, Isaah. *Op. cit.* — P. 238—239.

⁴⁵⁰ Ibid. — P. 403.

⁴⁵¹ Ibid. — P. 73, 74.

⁴⁵² Ibid. — P. 357—358.

⁴⁵³ Слишвицкий Л. Указ. соч. — С. 46.

⁴⁵⁴ Йонес Э. Указ. соч. — С. 170.

⁴⁵⁵ USHMM. — 032/2300 — Л. 26.

⁴⁵⁶ Йонес Э. Указ. соч. — С. 215—242; *Spector, Shmuel. Slave Labor Camps for Jews in the Occupied Ukraine // The Holocaust and Memory: Essays Presented in Honor of Israel Gutman.* — Jer.: Yad Vashem. — P. 93—104 (иврит).

⁴⁵⁷ Йонес Э. Указ. соч. — С. 215; *Дорои (Спектор) Д.* Указ. соч. — С. 157.

⁴⁵⁸ Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України (1941—1944). — С. 26—203 (подсчеты автора).

⁴⁵⁹ Йонес Э. Указ. соч. — С. 220—237 (подсчеты автора).

⁴⁶⁰ Пилат И. Указ. соч. — С. 3.

⁴⁶¹ См.: Вестник. Люди остаются людьми. Свидетельства очевидцев. Вып. 1 — Черновцы, 1991. — С. 17—19.

⁴⁶² Йонес Э. Указ. соч. — С. 215—216.

⁴⁶³ Там же. — С. 221, 223, 229, 230, 233.

⁴⁶⁴ Там же. — С. 237—239.

⁴⁶⁵ АЯВ. — Ф. 03/6400. — Л. 12 (свидетельство Марии Винник); Вести. — Иерусалим, 1997. — 1 июля (воспоминания Фаины Фишерман); АЯВ. — Ф. 03/7062 (свидетельство А. Шмойша); АЯВ. — Ф. 03/3734. — Л. 3—4 (свидетельство Эти Палевнич); АЯВ. — Ф. М—52/13. — Л. 1; *Ляховицкий Ю. М.* Желтая книга. Свидетельства. Факты. Документы. — Харьков, 1994. — С. 101; АЯВ. — Ф. 03/5206 — Л. 14, 15.

⁴⁶⁶ Шайкин Н. Указ. соч. — С. 90—92.

⁴⁶⁷ Німецько-фашистський окупаційний режим на Чернігівщині. — Чернігів, 2000. — С. 25. Отметим, что местное население привлекалось к таким работам с ограничениями в возрасте (с 18 и до 45 и 50 лет соответственно у женщины и мужчины) и продолжительности работ (от 6 до 9 дней в «условиях мирного и военного времени» соответственно). Непонятно, правда, о каком мирном времени шла речь в этот период.

⁴⁶⁸ *Плоткин А.* Подвиги не совершал...: (Записки партизана). — М.: Фонд «Холокост». 2000. — С. 47—48, 50—51.

⁴⁶⁹ АЯВ. — Ф. 03/2785 (свидетельство Гриши (Цви) Вассермана).

⁴⁷⁰ ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 54. — Д. 1260. — Л. 8; АЯВ. — Ф. 03/6400. — Л. 8, 9 (свидетельство Марии Винник); АЯВ. — Ф. 03/5961. — Л. 7 (свидетельство Моше Вольдмана).

⁴⁷¹ Забвению не подлежит. — С. 89, 92.

⁴⁷² АЯВ. — Ф. 03/5216. — Л. 13 (свидетельство Я. Шмидта); АЯВ. — Ф. М-33/378. — Л. 15.

⁴⁷³ Йонес Э. Указ. соч. — С. 221.

⁴⁷⁴ USHMM. — RG-06. 025-02 (Киевский процесс, т. 17). — Л. 248—251.

⁴⁷⁵ АЯВ. — Ф. 03/6401. — Л. 5, 6 (свидетельство Х. Шварцман).

⁴⁷⁶ Картотека «ЯВ».

⁴⁷⁷ ГАПО. — Ф. Р—903. — Оп. 3. — Д. 110. — Л. 106.

⁴⁷⁸ Картотека «ЯВ».

⁴⁷⁹ Йонес Э. Указ. соч. — С. 240—241.

⁴⁸⁰ *Judenfrei!* Свободно от евреев! — С. 151—152.

⁴⁸¹ Йонес Э. Указ. соч. — С. 195—196, 198—199, 204.

⁴⁸² *Trunk, Isaiah.* Op. cit. — P. 175.

⁴⁸³ НА РБ. — Ф. 510. — Оп. 1. — Д. «Переводы». — Л. 103, 179.

⁴⁸⁴ Judenfrei! Свободно от евреев! — С. 156.

⁴⁸⁵ «Неизвестная Черная книга». — С. 80.

⁴⁸⁶ ЦГАВУУ. — Ф. МКФ — 8. — Оп. 2. — Д. 249. — Л. 41.

⁴⁸⁷ Архив ФСБ. — Рижский процесс, т. 11. — Л. 10—11.

⁴⁸⁸ Аполик Б. Нацистские лагеря в Эстонии. — The Days of Memory. — Vilnius, 1993. — P. 192—193.

⁴⁸⁹ Там же. — С. 193—194.

Глава 3

¹ Будяк Ален. Сталин и Гитлер. Жизнь и власть. Т. 2 — Смоленск: Русич, 1994. — С. 203.

² Там же. — С. 204.

³ Альтман М. М. Отрицание Холокоста: история и современные тенденции. — М.: Фонд «Холокост», 2001. — С. 26. Это утверждение Ирвинга было опровергнуто на специальном судебном процессе в Лондоне в 2000 г., инициированном, кстати, самим Ирвингом (Там же. — С. 78).

⁴ Михлин Дин. Катастрофа европейского еврейства. Ч. 3—4. Истребление евреев. Нацистская индустрия смерти. — Тель-Авив: Открытый ун-т Израиля, 1995. — С. 19.

⁵ Херр Х. Вермахт и Холокост // Трагедия евреев Белоруссии в 1941—1944 гг. — Минск, 1995. — С. 28.

⁶ Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941—1944). — Иерусалим, 1992. — С. 34 (далее — Уничтожение евреев СССР).

⁷ Нюрнбергский процесс над главными нацистскими военными преступниками: Сб. материалов: В 7 т. Т. 4. Военные преступления и преступления против человечности. — М.: Юридат, 1959. — С. 694 (далее — Нюрнбергский процесс).

⁸ Херр Х. Указ. соч. — С. 40.

⁹ См.: Альтман М. М. Указ. соч. — С. 27.

¹⁰ Mommsen, Hans. Kalkulierte Morde: Die Deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weissrussland, 1941 bis 1944, Gerlach, Christian // Holocaust and Genocide Studies. — vol. 15. — #1. — Spring 2001. — P. 106.

¹¹ Уничтожение евреев СССР. — С. 34—35.

¹² НА РБ. — Ф. 510. — Д. «Переводы». — Л. 34.

¹³ Уничтожение евреев СССР. — С. 90.

¹⁴ Gerlach, Christian. Kalkulierte Morde. — P. 694.

¹⁵ Нюрнбергский процесс. Т. 4. — С. 632.

¹⁶ USHMM. — RG — 06. 025. — 02. (Киевский процесс, т. 2. — Л. 6).

¹⁷ Уничтожение евреев СССР. — С. 262.

¹⁸ ЦГАВУУ. — Ф. 4620. — Оп. 3. — Д. 378. — Л. 1.

¹⁹ Война Германии против Советского Союза. 1941—1945. — Берлин: Argon, 1992. — С. 101.

²⁰ Уничтожение евреев СССР. — С. 45.

²¹ Browning, Christopher. Nazi Policy, Jewish Workers, German Killers. — Cambridge, 2000. — P. 41—44.

²² Gerlach, Christian. The Eichmann Interrogations in Holocaust Historiography// Holocaust and Genocide Studies. — V. 15— Number 3. — Winter 2001. — P. 436. (Эта

дата установлена К. Герлахом; сам же Эйхман утверждал, что он приезжал в Минск летом 1941 г.) Возможно, что он был в Минске дважды.

²³ Уничтожение евреев СССР. — С. 40.

²⁴ Там же. С 67—68 (показания руководителя айзатигруппы «Д» О. Олендорфа).

²⁵ *Black, Peter. Politik der Vernichtung: Eine Gesamtdarstellung der nationalsozialistischen Judenverfolgung.* Peter Longerich (Munich; Zurich: Piper Verlag, 1998) // *Holocaust and Genocide Studies.* — vol. 15. — Number 3. — Winter 2001. — P. 493

²⁶ Уничтожение евреев СССР. — С. 90.

²⁷ Как известно, при отступлении оккупанты стремились сжигать трупы, выкапывая их с мест массовых казней (так было в Кисеве, IX форте Каунаса и других городах). Во Львове нацисты применяли даже специальное приспособление — костедробилку. Она была создана для перемалывания человеческих костей после сжигания трупов.

²⁸ Уничтожение евреев СССР. — С. 91.

²⁹ *Херр Х.* Указ. соч. — С. 28.

³⁰ Уничтожение евреев СССР. — С. 34—35.

³¹ *Арид И.* Катастрофа советского еврейства // Уничтожение евреев СССР. — С. 4.

³² НА РБ. — Ф. 4260. — Оп. 3. — Д. 378. — Л. 100—101.

³³ НА РБ. — Ф. 510. — Оп. 1. — Д. «Переводы». — Л. 2, 4.

³⁴ Уничтожение евреев СССР. — С. 50, 52, 54.

³⁵ *Херр Х.* Указ. соч. — С. 28.

³⁶ Там же. — С. 51—52.

³⁷ Уничтожение евреев СССР. — С. 95—96; *Кружлов А. И.* Уничтожение еврейского населения Смоленщины и Брянщины // ВЕУМ. — 1994. — №3 (7). — С. 49—55.

³⁸ Гиммлер никак не прореагировал. Вскоре «слабонервный» Бах-Залевский переключился на борьбу с советскими партизанами, получив пост «уполномоченного рейхсфюрера СС по борьбе с бандитизмом» (НА РБ. — Ф. 510. — Оп. 1 — Д. «Переводы». — Л. 34).

³⁹ ER. — P. 130—131.

⁴⁰ Украина в роки Другої світової війни. Сбірник німецьких архівних матеріалів. — Львів, 1998. — Т. 2. — С. 45, 270 — 271.

⁴¹ *Коваль М. В.* Нацистський геноцид щодо до євреїв та українське населення (1941—1944) // «Український історичний журнал». — 1992. — № 2. — С. 27.

⁴² The Wannsee Conference in the Development of the «Final solution» by Peter Longerich // *Holocaust Educational Trust research papers.* — V. 1. — no. 2. — London, 1999—2000. — P. 11—12, 16; Государственный исторический архив Латвии. — Ф. 1026. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 163—165 (благодарим директора Музея Вазее-д-ла П. Кемпе за указание на этот документ).

⁴³ Подробнее о совещании в Ванзее см.: *Альман И. А.* Загадки протокола Ванзее // МЕР. — 2002. — № 4. — С. 3.

⁴⁴ *Trunk, Isaiah.* The Jewish Council in Eastern Europe under Nazi occupation. — N. Y.: I., 1972. — P. 406, 407.

⁴⁵ Уничтожение евреев СССР. — С. 178—179.

⁴⁶ НА РБ. — Ф. 510. — Оп. 1. — Д. 106. — Л. 2 — 10.

⁴⁷ Архив автора. Свидетельство Абрама Рубенчика (апрель 2002 г.).

⁴⁸ Уничтожение евреев СССР. — С. 143—146.

⁴⁹ *Trunk, Isaiah.* Op. cit. — P. 408.

⁵⁰ Уничтожение евреев СССР. — С. 167—168.

⁵¹ *Дорон (Спектор) Д.* Кишиневское гетто — последний погром. — Тель-Авив, 1993. — С. 133

⁵² ER. — P. vi.

⁵³ *Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941/42* / Hg. David Cezarini und Peter Klein — Berlin: Haus der Wannsee — Konferenz, 1997.

⁵⁴ ER. — P. vi-vii. См. также: *Кудряшов С.* Несушие смерть // Родина. — 2000. — № 6. — С. 50 (звания некоторых руководителей айнзатцгрупп здесь указаны неверно).

⁵⁵ *Шнеер А.* Плен: Главы из новой книги // Новости недели. — Иерусалим, 2001. — 12 апр. — С. 10.

⁵⁶ *Hilberg, Raul.* The Bureaucracy of Annihilation // *Unanswered Questions: Nazi Germany and the Genocide of the Jews.* — N. Y., 1989. — P. 124—126.

⁵⁷ *Browning, Christopher R.* Ordinary men. Reserve Police Battalion 101 and the Final Solution in Poland. — N. Y.: Harper Perennial, 1992. — P. 9—25.

⁵⁸ *Хесце Э.* Советско-русская партизанская война 1941—1944 в отражении местных боевых директив и приказов. — Геттинген; Франкфурт, 1969. Т. 9 (НА РБ. — Ф. 510. — Оп. 1. Д. 107. — Л. 37, 86).

⁵⁹ *Haberer, Eric E.* The German Police in Belorussia, 1941—1944. P. 1—3 // *Journal of Genocide Research*, 2001, ##1—3.

⁶⁰ *Ibid.* Part 3: Methods of genocide and the motives of German police compliance. — P. 401

⁶¹ *Haberer, Eric E.* The German Police and genocide in Belorussia, 1941—1944. P. 1: Police deployment and Nazi genocidal directives // *Journal of Genocide Research.* — Vol. 3. — Number 1. — March 2001. — P. 13—29.

⁶² *Херр Х.* Указ. соч. — С. 42.

⁶³ Там же. — С. 27—48.

⁶⁴ ГА РФ. — Ф. 8115. — Оп. 1. — Д. 1141. — Л. 66 (частично опубликован: *Известия.* — 1941. — № 225. — 23 сент.)

⁶⁵ НА РБ. — Ф. 510. — Оп. 1. — Д. 107. — Л. 40.

⁶⁶ Архив ФСБ. — Киевский процесс, т. 17. — Л. 179.

⁶⁷ ГАСО. — Ф. Р—1630. — Оп. 1. — Д. 369. — Л. 200.

⁶⁸ Там же. — Оп. 2. — Д. 28. — Л. 108.

⁶⁹ ЦДАВОУ. — Ф. 4260. — Оп. 3. — Д. 289. — Л. 13.

⁷⁰ *Хонигсман Я.* Катастрофа еврейства Западной Украины. — Львов, 1998. — С. 93, 104—105. Уже на 1 апреля 1940 г. число евреев в спецпоселениях РСФСР составляло 59 031 человек из 177 043 депортированных. Всего в 1939 — первой половине 1941 г. из Западной Украины (включая Буковину) было депортировано 1070 тыс. человек.

⁷¹ *Розенблат Е., Еленская И.* Пинские евреи. 1939—1944. — Брест, 1997. — С. 33.

⁷² 1941-й год: В 2 т. Т. 1. — М.: Фонд «Демократия», 1998. — С. 428.

⁷³ Российский государственный военный архив (РГВА). — Ф. 500. — Оп. 1. — Д. 25. — Л. 17.

⁷⁴ Уничтожение евреев СССР. — С. 40.

⁷⁵ Там же. — С. 116 — 117.

⁷⁶ «Черная книга». — Вильнюс: Йад, 1993. — С. 301.

⁷⁷ *Порат Д.* Катастрофа в Литве — специфические аспекты // ВЕУМ. — 1993. — № 2. — С. 24 — 25.

⁷⁸ Там же. — С. 24.

⁷⁹ *Званов М.* «По евреям — огонь!» — Рига, 1993. — С. 11, 14 — 15, 20.

⁸⁰ Там же. — С. 16.

⁸¹ Там же. — С. 34—35.

⁸² АЯВ. — Ф. 0. 33/673. — Л. 3 (приложение к открытому письму премьер-министру Швеции Хирша Якобсона от 23 декабря 1968 г. с требованием выдать нацистского преступника Лобе).

⁸³ Шнейер А. Незаконченная глава // СМ-сегодня. — Рига, 1994. — 21 окт. — С. 2.

⁸⁴ См.: Наука и техника. — 1987. — № 4. — С. 6.

⁸⁵ Левитас Ф. Л. Евреи Украины в роки Другої Світової війни. — Київ, 1997. — С. 179.

⁸⁶ Ф. Л. Левитас, впервые опубликовавший этот протокол с рядом неточностей (принципиальные исправления и дополнения выделены нами в тексте жирным шрифтом), датирует его 7 июля (Там же. — С. 179); Ж. М. Ковба — 10 июля. Исследовательница полагает, что на основании этого документа нельзя делать вывод об отношении ОУН (б) к евреям (Указ. соч. — С. 227 — 228). К сожалению, первый лист протокола этого совещания с датой заседания не сохранился (начало не касалось евреев) и его нумерация начинается с с. 2. Однако после обсуждения еврейской темы заседание было продолжено 19 июля 1941 г. Это позволяет нам датировать документ 18 июля 1941 г. (см.: ЦГАВУО. — Ф. 4260. — Оп. 3. — Д. 379. — Л. 52—53), «Серединой июля» датируют этот документ публикаторы сборника «Українське державотворення. Акт 30 червня 1941. Збірник документів і матеріалів». — Львів; Київ: «Піраміда», 2001. — С. 181, 189—190.

⁸⁷ Левитас Ф. Указ. соч. — С. 180.

⁸⁸ Українське державотворення. Акт 30 червня 1941. — С. XXII

⁸⁹ Там же. — С. 151.

⁹⁰ Weiss A. Jewish-Ukrainian Relations in Western Ukraine during the Holocaust // Ukrainian-Jewish Relations in Historical Perspective. — Edmonton, 1988. — P. 413.

⁹¹ Шаткин Н. День памяти. — Тель-Авив, 2001. — С. 23—24.

⁹² Финкельштейн И.С. Массовое уничтожение евреев Подольи / Катастрофа и сопротивление евреев Украины. — Киев, 1999. — С. 58.

⁹³ См.: Круглов А.И. Энциклопедия Холокоста. — Киев, 2000. — С. 55, 56, 62—63.

⁹⁴ См.: Коваль М.В. Нацистський геноцид. — С. 26.

⁹⁵ Вайс А. Указ. соч. — С. 108.

⁹⁶ Левитас Ф. Указ. соч. — С. 117.

⁹⁷ ЦГАВУО. — Ф. МКФ—8. — Оп. 1. — Д. 77. — Л. 41.

⁹⁸ Вайс А. Указ. соч. — С. 111.

⁹⁹ ЦГАВУО. — Ф. 4328. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 11.

¹⁰⁰ ЦГАВУО. — Ф. 1. — Оп. 22. — Д. 16. — Л. 30.

¹⁰¹ Там же. — Д. 75. — Л. 52.

¹⁰² Левитас Ф. Указ. соч. — С. 37, 170, 172, 173, 179, 180. Отметим, что израильские историки дают прямо противоположную версию этих событий (Хаим Сегал был евреем из Львова; под фамилией Сиголенко он попал в УПА; принимал участие в расстреле в Олевске, где погибли 535 евреев. — См.: Шнейер Арон. Указ. соч.; Новости недели. — 2001. — 7 июня — С. 11. Вероятно, в основе этой версии лежат сведения из рассматриваемой ниже книги (Гиль Самуил. Кровь их и сегодня говорит. О Катастрофе и героизме евреев в городах и местечках Украины. — Нью-Йорк, 1995. — С. 223), где «герой» носит фамилию Коваленко.

¹⁰³ Вайс А. Указ. соч. — С. 110.

¹⁰⁴ МЕР. — 2001. — № 27. — С. 3.

¹⁰⁵ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 88. — Д. 480. — Л. 144.

¹⁰⁶ Там же. — Ф. 69. — Оп. 1. — Д. 1072. — Л. 32, 37.

¹⁰⁷ См.: Трагедия евреев Белоруссии в 1941—1944 гг. — Минск, 1995. — С. 77.

¹⁰⁸ НА РБ. — Ф. 510. — Оп. 1. — Д. «Переводы». — Л. 109.

¹⁰⁹ НА РБ. — Стенограмма заседания 4 апреля 1943 г. — Л. 184.

¹¹⁰ Уничтожение евреев СССР. — С. 138—140.

¹¹¹ *Марголина С.* Остаться жить. — Минск: Натако, 1997. — С. 76.

¹¹² ЦГАООУ. — Ф. 1. — Оп. 23. — Д. 524. — Л. 26. — 26 об.

¹¹² *Ковба Ж.* Указ. соч. — С. 212—213; Ср.: Ф. 4260. — Оп. 3. — Д. 279. — Л. 36.

Автор, справедливо указавшая на эти противоречия, целиком доверяет первому свидетельству — прежде всего потому, что оно было первым по хронологии. Отметим, что свидетель, говоря о «мирных жителях» (т. е. не членах полицейских и иных формирований), указывает и поляков, хотя понятно, что в «Днях Пеглюры» они участвовать не могли. Последнее обстоятельство наводит на мысль о некоторой корректировке стенограммы при записи (вполне возможно, что с элементом авторской самоцензуры). Наконец, в момент рассказа в 1944 г. Фридман мог не знать того, что он узнал позднее. Последнее предположение, на наш взгляд, выглядит наиболее правдоподобным. В любом случае свидетельство Фридмана по данному вопросу вряд ли может быть положено в основу той или иной версии.

¹¹⁴ ГАТО. — Ф. Р—2757. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 10.

¹¹⁵ ГАКО. — Ф. Р—3466. — Оп. 1. — Д. 10. — Л. 1.

¹¹⁶ ГА РФ. — Оп. 16. — Д. 8. — Л. 6.

¹¹⁷ Там же. — Л. 163.

¹¹⁸ Уничтожение евреев СССР. — С. 215.

¹¹⁹ *Стеклов М.* Праведники // Край Смоленский. — 1992. — № 7—8. — С. 6.

¹²⁰ См.: *Бордюгов А.* Трагедия Велижского гетто // Бабы Яры Смоленщины. — С. 125.

¹²¹ Там же. — С. 126.

¹²² *Жарикова Р.* Я видела, как убивали евреев // Районная газета. — Духовщина, 1992. — № 76. — 2 июля. — С. 4.

¹²³ *Илькевич Н.* Смоленск во власти неприятеля: 26 месяцев оккупации // Смена. — Смоленск, 1994. — № 25. — 23 июня. — С. 3 (свидетельство бывшего заместителя бургомистра профессора Б. В. Базилевского).

¹²⁴ ЦГАООУ. — Ф. 1. — Оп. 22. — Д. 33. — Л. 7. Любопытно, что при этом автор документа считал, что «бургомистр является не только агентом немцев, но и их заложником».

¹²⁵ ЦГАООУ. — Ф. 1. — Оп. 23. — Д. 928. — Л. 24.

¹²⁶ Там же. — Д. 524. — Л. 40.

¹²⁷ *Гиль С.* Указ. соч. — С. 223—230.

¹²⁸ *Цырман И.* Бабы Яры Смоленщины. — С. 39.

¹²⁹ *Шнейер А.* Указ. соч.; Новости недели. — 2000. — 7 июня. — С. 11.

¹³⁰ РГАСПИ. — Ф. 69. — Оп. 1. — Д. 1092. — Л. 67—72.

¹³¹ Не все обстоятельства этого дела выяснены до конца. Так, Б. В. Соколов (Указ. соч. — С. 297—300), использовавший частично указанные документы, полагает, что признания в вербовке были «выбиты» у Брейтмана. Нам представляется, что пленный политрук использовал предоставившийся ему шанс, чтобы попасть к партизанам. Естественно, что он скрыл факт вербовки, надеясь сохранить свою жизнь.

¹³² Забвенно не подлжит. — С. 132.

¹³³ ЦГАВΟΥ. — Ф. 4260. — Оп. 3. — Д. 289. — Л. 10—11. Комментируя этот документ, Ж. М. Ковба (Указ. соч. — С. 256) предполагает, что это достоверный факт, и называет одну семью, где двое сыновей-полицейских были убиты нацистами за отказ участвовать в акции.

¹³⁴ См.: *Куповский М.С.* Людские потери еврейского населения в послевоенных границах СССР в годы Великой Отечественной войны // ВЕУМ. — 1995. — № 2. — С. 151. Мы не учитываем в этих расчетах 114 000 евреев Закарпатья, которых автор включил в число 4066 тысяч советских евреев, оказавшихся на оккупированных территориях (Там же. — С. 145, 151). Не учтены в этих расчетах и польские беженцы-евреи, не принявшие советское гражданство.

¹³⁵ *Dubson, Vadim.* Op. cit. — P. 38, 53. Подсчеты эти весьма условны, так как автор принимает число эвакуированных евреев из Москвы и Ленинграда пропорционально их довоенному проценту среди жителей этих городов (6, 2%). Если же исходить из процента евреев среди всех эвакуированных, то данные цифры должны быть выше.

¹³⁶ *Ibid.* — P. 53.

¹³⁷ См.: *Арад И.* Уничтожение евреев Европы. — С. 68—69.

¹³⁸ *Порат Д.* Катастрофа в Литве — специфические аспекты // ВЕУМ, — 1993. — № 2. — С. 21.

¹³⁹ Великая Отечественная война. 1941—1945. Энциклопедия. — М.: ЭВОВ, 1985. — Ст. 418 (далее — ЭВОВ).

¹⁴⁰ *Арад И.* Катастрофа советского еврейства // Уничтожение евреев СССР. — С. 11.

¹⁴¹ The Einsatzgruppen Reports (далее — ER). — P. IX.

¹⁴² Уничтожение евреев СССР. — С. 116, 118.

¹⁴³ Там же. — С. 168—169.

¹⁴⁴ РГВА. — Ф. 500. — Оп. 1. — Д. 25. — Л. 124—125.

¹⁴⁵ Там же. — Оп. 4. — Д. 92. — Л. 61, 62, 184.

¹⁴⁶ Там же. — Оп. 1. — Д. 25. — Л. 128.

¹⁴⁷ *Арад И.* Катастрофа советского еврейства. — С. 11.

¹⁴⁸ Там же. — С. 12.

¹⁴⁹ *Порат Д.* Указ. соч. — С. 22.

¹⁵⁰ *Арад И.* Катастрофа советского еврейства. — С. 27.

¹⁵¹ *Порат Д.* Указ. соч. — С. 23.

¹⁵² Там же. — С. 21.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ ER. — P. IX.

¹⁵⁵ ЭВОВ. — Ст. 397.

¹⁵⁶ *Званов М.* Указ. соч. — С. 11, 14 — 15, 20.

¹⁵⁷ *Берлин К., Саар А.* Операция «Котбус», или «Очищение» Прибалтики от евреев. — М., 2001. — С. 13, 21.

¹⁵⁸ РЕЭ. — С. 253.

¹⁵⁹ АЯВ. — Ф. 0. 33/673. — Л. 5 (показания участника расстрела Антона Лисиньша от 3 сентября 1968 г.).

¹⁶⁰ *Шисер А.* Незаконченная глава // СМ-сегодня. — Рига, 1994. — 21 окт. — С. 2.

¹⁶¹ *Званов М.* Указ. соч. — С. 40, 42.

¹⁶² Уничтожение евреев СССР. — С. 187—188.

¹⁶³ ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 148. — Д. 215. — Л. 48. Составители сборника «Уничтожение евреев СССР» (С. 189) также уточняют число жертв в Даугавпилсе, но указывают цифру 1034 человека.

¹⁶⁴ Jews in Liepaja, Latvia. 1941—45. A Memorial Book / Eds. Edward Anders, Juris Dubrovskis. — Burlingame: Anders Press, 2001. — P. IX.

¹⁶⁵ Уничтожение евреев СССР. — С. 132.

¹⁶⁶ Арад И. Катастрофа советского еврейства. — С. 12.

¹⁶⁷ Звония М. Указ. соч. — С. 82, 86.

¹⁶⁸ Уничтожение евреев СССР. — С. 188.

¹⁶⁹ Jews in Liepaja, Latvia. 1941—45. — P. IX, 12, 21, 22.

¹⁷⁰ Благодарим д-ра Ицхака Арада за предоставление этих сведений.

¹⁷¹ По данным И. Арада, число уничтоженных евреев Латвии в 1941 г. составило 68 000, а общее число жертв Холокоста здесь — свыше 75 000 (Арад И. Катастрофа советского еврейства. — С. 12).

¹⁷² ЭВОВ. — Ст. 819.

¹⁷³ ER. — P. IX.

¹⁷⁴ Уничтожение евреев СССР. — С. 118.

¹⁷⁵ Там же. — С. 191.

¹⁷⁶ Gurin-Loov, Eugenia. Holocaust of Estonian Jews. 1941. — Tallinn, 1994. — P. 226.

¹⁷⁷ См. напр.: ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 93. — Д. 22. — Л. 66. Благодарю г-на

Д. Олехновича за эти сведения.

¹⁷⁸ ER. — P. IX — X.

¹⁷⁹ Херр Х. Указ. соч. — С. 42.

¹⁸⁰ Розенблат Е.С. Рукопись дисс. — С. 29.

¹⁸¹ Слишловитский Л. Катастрофа евреев в Белоруссии. — С. 162, 190—191; Уничтожение евреев СССР. — С. 16; Трагедия евреев Белоруссии в 1941—1944 гг. — С. 170, 171, 177.

¹⁸² НА РБ. — Ф. 510. — Оп. 1. — Д. «Переводы». — Л. 110.

¹⁸³ Judenfrei! Свободно от евреев! — С. 165.

¹⁸⁴ Уничтожение евреев СССР. — С. 13.

¹⁸⁵ Там же. — С. 191.

¹⁸⁶ Розенблат Е.С. Автореферат дисс. — С. 9.

¹⁸⁷ Всего в западных областях республики было уничтожено 90—100 тысяч евреев, в том числе в современных границах Республики Беларусь — 50—60 тысяч человек (см.: Розенблат Е.С. Автореферат дисс. — С. 9). Автор включает сюда и тех, кто проживал в рейскомиссариате «Остланд». 130 000 евреев, проживавших в районах Пolesья, Новогрудка и Вильнюсского края (38% евреев, оказавшихся здесь в оккупации), было уничтожено до конца 1941 г. по данным Ш. Холавского (*Cholawsky Shalom. The Jews of Belorussia*. — P. 61). В своих подсчетах еврейских жертв и числа гетто в Западной Белоруссии автор не учитывает дистрикт «Белосток», но включает часть современной территории Литвы.

¹⁸⁸ АЯВ. — Ф. 033/1543. — Л. 1, 3.

¹⁸⁹ Уничтожение евреев СССР. — С. 145 — 146.

¹⁹⁰ Там же. — С. 13, 234. Ср.: Трагедия евреев Белоруссии. — С. 169, 174, 176, 178.

¹⁹¹ Уничтожение евреев СССР. — С. 257—258.

¹⁹² Розенблат Е.С. Рукопись дисс. — С. 95.

¹⁹³ *Cholawsky, Shalom. The Jews of Belorussia*. — P. 61.

¹⁹⁴ Розенблат Е.С. Рукопись дисс. — С. 96.

¹⁹⁵ Уничтожение евреев СССР. — С. 262.

¹⁹⁶ *Cholawsky, Shalom. The Jews of Belorussia*. — P. 75; Трагедия евреев Белоруссии. — С. 171, 175.

¹⁹⁷ *Shalom Cholawsky. The German Jews in the Minsk Ghetto // YVS. — Vol. XVII. — P. 221, 245; Иоффе Э.Ф. Иностранцы евреи в Тростенском лагере смерти. — Минск, 2000. — С. 9.*

¹⁹⁸ *Розенблюм Е.С. Автореферат дисс. — С. 13.*

¹⁹⁹ *Dubson, Vadim. On the Problem of the Evacuation of Soviet Jews in 1941. — P. 56.*

²⁰⁰ *ER. — P. IX.*

²⁰¹ *Ibid. — PP. X—XI.*

²⁰² *Псков. Очерки истории. — Л.: Лениздат, 1990. — С. 255.*

²⁰³ *ER. — P. 122.*

²⁰⁴ *ЦА ФСБ. — Д. 43/2311. — Л. 263—265.*

²⁰⁵ *РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 88. — Д. 293. — Л. 8; Псковский край в истории СССР. Очерки истории / Под ред. Г. М. Дейча и С. И. Колотоловой. — Псков: ПОЛениздат, 1970. — С. 299.*

²⁰⁶ *ГАПО. — Ф. Р—1925. — Оп. 1. — Д. 4. — Л. 8 об; ср.: РЕЭ. — С. 222—223, 309.*

²⁰⁷ *ГАПО. — Ф. Р—481. — Оп. 2. — Д. 65. — Л. 22, 23, 28.*

²⁰⁸ *РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 1. — Д. 313. — Л. 114.*

²⁰⁹ *ГАПО. — Ф. Р—903. — Оп. 3. — Д. 1. — Л. 75—75 об, 107, 113; Д. 12. — Л. 11, 36—36 об, 49, 61—61 об, 63—63 об, 126—126 об.*

²¹⁰ *The Encyclopedia of Jewish Life. — V. 3. — P. 1037.*

²¹¹ *ГАПО. — Ф. Р—7095. — Оп. 9. — Д. 4. — Л. 1 об.*

²¹² *Уничтожение евреев СССР. — С. 214.*

²¹³ *The Encyclopedia of Jewish Life. — V. 2. — P. 903.*

²¹⁴ *РЕЭ. — С. 91.*

²¹⁵ *ГАСО. — Ф. Р—1630. — Оп. 1. — Д. 369. — Л. 188 (свидетельство З. И. Судакова).*

²¹⁶ *The Encyclopedia of Jewish Life. — V. 3. — P. 1365.*

²¹⁷ *ГАПО. — Ф. Р—481. — Оп. 2. — Д. 65. — Л. 7, 23.*

²¹⁸ *Круглов А.И. Уничтожение евреев Смоленщины и Брянщины. — С. 206; РЕЭ. — С. 507*

²¹⁹ *Плоткин К.М. Петербург — зона Холокоста. — С. 6 (рукопись). Благодарю автора за предоставленные сведения.*

²²⁰ *Там же. — С. 54.*

²²¹ *ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 30. — Д. 1745. — Л. 4.*

²²² *Благодарим А. И. Круглова за эти сведения.*

²²³ *СС в действии. — М., 1969. — С. 126; Азъямин И.А., Гербер А.Е., Полторак Д.И. История Холокоста на территории СССР. — С. 43.*

²²⁴ *РГАСПИ. — Ф. 69. — Оп. 1. — Д. 190. — Л. 10.*

²²⁵ *Плоткин К.М. Указ соч. — С. 55.*

²²⁶ *The Encyclopedia of Jewish Life Before and During the Holocaust. V. 1 — P. 420, 191; V. 3. — P. 1188, 1215, 1307, 1361.*

²²⁷ *ГА РФ. — Ф. 1283. — Оп. 1. — Д. 26. — Л. 1.*

²²⁸ *The Encyclopedia of Jewish Life Before and During the Holocaust. — v. 2. — P. 620, 903; v. 3. — P. 1234.*

²²⁹ *ER. — P. 232.*

²³⁰ *См.: Круглов А.И. Уничтожение евреев Смоленщины и Брянщины. — С. 193*

Согласно переписи 1939 г. в области (в довоенных границах) проживали 33 020 евреев, в том числе в городах — 25 948, а в районах — 7027. (См. Distribution of the Jewish Population of the USSR 1939. Ed. Mordechai Altshuler. — Jer., 1993. — PP. 9,

32, 64—65. Далее все сведения о численности евреев СССР в 1939 г. приведены из этого издания.) Из этого числа необходимо исключить около 800 евреев Ильинского и Усвятского районов, входящих ныне в Тверскую и Псковскую области, а также около 200 человек (10%) из числа евреев, отнесенных в рубрики «Другие» (по городам и районам), которые, возможно, не входят ныне в состав Смоленской области. С учетом естественного прироста населения и определенного количества беженцев из Польши, данные А. И. Круглова представляются нам достоверными. Совершенно произвольны данные И. Цыммана о проживании в области накануне войны 63 000 евреев, в том числе — 30 000 в Смоленском районе (см.: *Цымман И. Бабьи Яры Смоленщины*. — Смоленск, 2001. — С. 431). Согласно переписи 1939 г., в г. Смоленске и районе проживало около 15 000 евреев (соответственно 14 812 и 161).

²³¹ Документы обвиняют. Холокост: свидетельства Красной Армии. — М.: НПИ «Холокост». — С. 68.

²³² Там же. — С. 69.

²³³ ГАСО. — Ф. Р—1360. — Оп. 2. — Д. 28. — Л. 105.

²³⁴ Там же. — Ф. Р—1630. — Оп. 1. — Д. 369. — Л. 200; Оп. 2. — Д. 28. — Л. 117.

²³⁵ Документы обвиняют. Холокост: свидетельства Красной Армии. — С. 65—66.

²³⁶ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 88. — Д. 1067. — Л. 86.

²³⁷ ГАСО. — Ф. Р—1360. — Оп. 2. — Д. 28. — Л. 5, 78.

²³⁸ Там же. — Ф. Р—1630. — Оп. 1. — Д. 369. — Л. 204; Оп. 2. — Д. 28. — Л. 117. В числе погибших были и евреи из Стодолина.

²³⁹ Смена. — Смоленск, 1994. — № 25. — 23 июня. — С. 3.

²⁴⁰ *Круглов А. И.* Указ. соч. — С. 200.

²⁴¹ Там же. — С. 195.

²⁴² *Цымман И.* Указ. соч. — С. 435. Впрочем, это утверждение не подтверждается теми сведениями, которые автор приводит по населенным пунктам области. Он включает сюда и 10 000 евреев-военнопленных, а также 2000 евреев из Варшавы.

²⁴³ Документы обвиняют. — С. 69.

²⁴⁴ ER. — РР. 116, 123 (См. также: *Круглов А. И.* Указ. соч. — С. 193, 194); ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 44. — Д. 619. — Л. 21—22; Смоленская область в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). — Смоленск, 1977. — С. 301; Смоленск. Путеводитель. — М., 1974. — С. 183 (о 1000 евреев-рабочих из Польши).

²⁴⁵ ER. — Р. 117; *Круглов А. И.* Указ. соч. — С. 194; ГА РФ — Ф. 7021. — Оп. 44. — Д. 619. — Л. 6; РЕЭ. — С. 220.

²⁴⁶ ER — Р. 261 (А. И. Круглов (Указ. соч. — С. 194) датирует этот расстрел «концом октября»); ГАСО. — Ф. Р—1360. — Оп. 2. — Д. 28. — Л. 5, 77, 135; *The Encyclopedia of Jewish life*. — V. 3. — P. 1417; *Цымман И.* Указ. соч. — С. 353, 468 (соответственно 19 и 15 человек). Основной расстрел датирован автором октябрём 1941 г. (Там же. — С. 435).

²⁴⁷ РЕЭ. — С. 363; *Цымман И.* Указ. соч. — С. 59.

²⁴⁸ ER. — Р. 204 (А. И. Круглов (Указ. соч. — С. 194) датирует его сентябрём 1941 г.); РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 88. — Д. 1067. — Л. 86.

²⁴⁹ ГАСО. — Ф. Р—1630. — Оп. 16. — Д. 28. — Л. 135.

²⁵⁰ РЕЭ. — С. 431; *Круглов А. И.* Указ. соч. — С. 194.

²⁵¹ РЕЭ. — С. 475. В списке погибших в последнем расстреле в мае 1942 г. значится, по данным Смоленского облгосархива, 214 человек (см.: *Цымман И.* Указ. соч. — С. 475—477).

²⁵² Encyclopedia of Jewish Life Before and During the Holocaust. — V. 2. — P. 582; Цырман И. Указ. соч. — С. 341. В другом месте он датирует расстрелы 10 и 14 октября (Там же. — С. 435).

²⁵³ Круглов А.И. Указ. соч. — С. 194; По данным И. Цырман (Указ. соч. — С. 467), здесь погибло около 100 евреев.

²⁵⁴ ГАГО — Ф. Р—570. — Оп. 2. — Д. 900. — Л. 1—4.

²⁵⁵ ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 44. — Д. 630. — Л. 213—213 об.; ГАСО. — Ф. 1360. — Оп. 2. — Д. 28. — Л. 103; ER. — P. 264 (А. И. Круглов (Указ. соч. — С. 194) датирует этот расстрел 4 ноября 1941 г.).

²⁵⁶ Encyclopedia of Jewish Life Before and During the Holocaust. — V. 2. — P. 823; Цырман И. Указ. соч. — С. 81 (на с. 435 датой расстрела указано 24. 02. 42); Дубсон В. Гетто на территории. — С. 159.

²⁵⁷ ГАСО. — Ф. Р—2434. — Оп. 3. — Д. 37 — Л. 81—81 об.; ER. — P. 115; Круглов А.И. Указ. соч. — С. 194; Цырман И. Указ. соч. — С. 228 (на с. 421 автором указана иная цифра — 900; а на с. 435 и другая дата — 9 января 1942 г.). От 800 до 1200 жертв указывает В. Дубсон (Указ. соч. — С. 159).

²⁵⁸ Цырман И. Указ. соч. — С. 209 (иная дата — май — указана на с. 435), 185.

²⁵⁹ Дубсон В. Указ. соч. — С. 159 (сведения о 5000 жертв не представляются нам достоверными); Цырман И. Указ. соч. — С. 185.

²⁶⁰ Круглов А.И. Указ. соч. — С. 194, 196.

²⁶¹ ГАРФ. — Ф. 7021. — Оп. 44. — Д. 630. — Л. 125—127; ГАСО. — Ф. Р—1630. — Оп. 1. — Д. 337. — Л. 129, Д. 339. — Л. 166 об.; ER. — P. 264 (А.И. Круглов (Указ. соч. — С. 194) датирует расстрел 14 ноября 1941 г.; число жертв указано вместе с жителями м. Шумячи). Цырман И. Указ. соч. — С. 346.

²⁶² ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 44. — Д. 630. — Л. 185, 319 об.; ГАСО. — Ф. 1630. — Оп. 1. — Д. 333. — Л. 35—38 об.; ER. — P. 263; Круглов А.И. Указ. соч. — С. 194—196; Encyclopedia, P. 1104; Цырман И. Указ. соч. — С. 71.

²⁶³ Encyclopedia of Jewish Life. — V. 3 — P. 1246; И. Цырман (Указ. соч. — С. 435) датирует этот расстрел маем 1942 г. Число погибших здесь насчитывает «сотни местных евреев, евреев из Захарино, Первомайского, Красного Знамени и других мест (Цырман И. Указ. соч. — С. 452).

²⁶⁴ ГАСО. — Ф. Р—1360. — Оп. 2. — Д. 28. — Л. 6; Круглов А.И. Указ. соч. — С. 194—196; Encyclopedia of Jewish Life Before and During the Holocaust. — V. 3 — P. 1273; И. Цырман (Указ. соч. — С. 355) пишет, что «сотни сожжены осенью 1941 г.», но в приводимом им Акте ЧГК говорится о расстреле 25 еврейских семей 7 января 1943 г. В другом месте его книги (С. 435) датой убийства назван «октябрь 1941 г.».

²⁶⁵ ГАСО. — Ф. 2434. — Оп. 3. — Д. 37. — Л. 81—81 об. В немецких документах (ER. — P. 204) указано, что расстреляны «все еврей-мужчины и 3 еврейки»; А.И. Круглов (Указ. соч. — С. 194) датирует этот расстрел сентябрем.

²⁶⁶ ER. — P. 149, 178 (А.И. Круглов (Указ. соч. — С. 194) датирует этот расстрел сентябрем 1941 г.). ГАСО — Ф. 1630. — Оп. 16 — Д. 360. — Л. 21; Д. 369. — Л. 200—204; ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 44. — Д. 634. — Л. 23; Encyclopedia of Jewish Life Before and During the Holocaust. — V. 2. — P. 618; И. Цырман (Указ. соч. — С. 426) приводит сведения о расстреле молодежи в январе 1942 г. (без числа жертв).

²⁶⁷ РЕЭ. — С. 157.

²⁶⁸ ER. — P. 124 (вместе с евреями Рославля); Цырман И. Указ. соч. — С. 205 (автор утверждает, что за день до общего расстрела было казнено 75—100 мужчин);

В. Дубсон (Указ. соч. — С. 159) указывает на расстрел 18 ноября 1941 г. 400—500 человек.

²⁶⁶ The Encyclopedia of Jewish Life Before and During the Holocaust. — V. 3 — P. 1474.

²⁷⁰ Ibid. — V. 1 — P. 92.

²⁷¹ Цырман И. Указ. соч. — С. 450, 451, 452, 458, 459, 464, 466, 479.

²⁷² Тамаркин В. Л. Это было не во сне. — М., 1999. — С. 45.

²⁷³ Мы не берем в расчет упоминавшиеся в краеведческой литературе (они приведены также в упоминавшейся выше статье А. И. Круглова — С. 195) и указанные в нашей таблице сведения о 1000 евреев из Варшавы. В исследовании А.И. Круглова отмечено около 9000 советских жертв Холокоста (Там же. — С. 195).

²⁷⁴ Там же. — С. 200.

²⁷⁵ ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 19. — Д. 5. — Л. 7.

²⁷⁶ Круглов А.И. Указ. соч. — С. 200—201, 209.

²⁷⁷ РГАСПИ. — Ф. 69. — Оп. 1. — Д. 190. — Л. 10.

²⁷⁸ Там же. — Д. 1. — Л. 8.

²⁷⁹ Там же. — Л. 5.

²⁸⁰ Там же. — Л. 9.

²⁸¹ ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 19. — Д. 1. — Л. 2, 9; Д. 3. — Л. 3, 6.

²⁸² Там же. — Д. 3. — Л. 6.

²⁸³ Круглов А.И. Указ. соч. — С. 200.

²⁸⁴ ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 19. — Д. 4. — Л. 3.

²⁸⁵ Там же. — Д. 1. — Л. 6.

²⁸⁶ Круглов А.И. Указ. соч. — С. 200.

²⁸⁷ ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 19. — Д. 1. — Л. 14.

²⁸⁸ Там же. — Д. 2. — Л. 232.

²⁸⁹ Там же. — Л. 19.

²⁹⁰ Там же. — Л. 22.

²⁹¹ Там же. — Д. 3. — Л. 180.

²⁹² Круглов А.И. Указ. соч. — С. 201.

²⁹³ В литературе обычно указывается цифра «примерно 10 000» (См.: Круглов А.И. Указ. соч. — С. 201; РЕЭ. — С. 178).

²⁹⁴ Шарлот В.М. Красный ноябрь. Орловский «еврейский вопрос». — Самара, 1996. — С. 32. Автор полагает, что их было 1400, но эта цифра не подтверждена прямыми или косвенными документальными свидетельствами и представляется нам завышенной.

²⁹⁵ ГА ОО. — Ф. 159. — Оп. 2. — Д. 1 — Л. 47 — 53; Шарлот В. Указ. соч. — С. 45—50.

²⁹⁶ Шарлот В. Указ. соч. — С. 8.

²⁹⁷ Там же. — С. 10.

²⁹⁸ ЕР. — Р. 262.

²⁹⁹ ГАОО. — Ф. Р—691 (ЧГК). — Оп. 1. — Д. 121. — Л. 444, 447, 450 — 452, 453—456 об, 463, 467, 471, 474, 479.

³⁰⁰ Шарлот В. Указ. соч. — С. 19.

³⁰¹ ЕР. — Р. 318.

³⁰² ГАОО. — Ф. Р—691. — Оп. 1. — Д. 122. — Л. 1.

³⁰³ Шарлот В. Указ. соч. — С. 19.

³⁰⁴ Будков А.Д. Орловская область в годы Великой Отечественной войны. — Орел, 1999. — С. 76.

- ³⁰⁵ ГАОО. — Ф. Р—691. — Оп. 1. — Д. 122. — Л. 32 об., 33 об.
- ³⁰⁶ ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 37. — Д. 16. — Л. 2.
- ³⁰⁷ Там же. — Д. 91. — Л. 1—10б, 27.
- ³⁰⁸ Там же. — Д. 17. — Л. 3, 5.
- ³⁰⁹ ГАКО. — Ф. Р—1122. — Оп. 2. — Д. 1. — Л. 7; Д. 21. — Л. 110б; Ф. Р—3466. — Оп. 1. — Д. 11. — Л. 25—25об.
- ³¹⁰ См.: *Encyclopedia of Jewish Life Before and During the Holocaust*. — v. 2, P. 789; v. 3, P. 1224, 1263
- ³¹¹ ER. — P. 254
- ³¹² ГАКО. — Ф. Р—3446. — Оп. 1. — Д. 89. — Л. 23; ГАСО. — Ф. Р—2434. — Оп. 3. — Д. 38. — Л. 22.
- ³¹³ Документы обвиняют. Холокост: свидетельства Красной Армии. — С. 75, 76.
- ³¹⁴ ГАТО. — Ф. Р—1925. — Оп. 1. — Д. 5. — Л. 20.
- ³¹⁵ *The Encyclopedia of Jewish Life Before and During the Holocaust*. — V. 3. — P. 1477.
- ³¹⁶ ГАТО. — Ф. Р—1925. — Оп. 1 — Д. 5. — Л. 17.
- ³¹⁷ Там же. — Ф. Р—1583. — Оп. 1. — Д. 21. — Л. 19.
- ³¹⁸ См. *Distribution of the Jewish Population of the USSR 1939*. Ed. Mordechai Altshuler. — Jerusalem, 1993. — P. 49—51.
- ³¹⁹ ГАТО. — Ф. Р—1925. — Оп. 1. — Д. 5. — Л. 2, 17; Ф. Р—1583. — Оп. 1. — Д. 21. — Л. 19, 31, 55; Ф. Р—1925. — Оп. 1. — Д. 5. — Л. 2; Д. 8. — Л. 18; Ф. Р—2757. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 15; РЕЭ. — С. 110, 507; Картотека «ЯВ».
- ³²⁰ Документы обвиняют. Холокост: свидетельства Красной Армии. — С. 71.
- ³²¹ Там же. — С. 72, 73, 74, 75.
- ³²² *The Encyclopedia of Jewish Life Before and During the Holocaust*. — V. 3. — P. 1030, 1476.
- ³²³ Документы обвиняют. Холокост: свидетельства Красной Армии. — С. 77, 78.
- ³²⁴ Там же. — С. 78.
- ³²⁵ *The Encyclopedia of Jewish Life Before and During the Holocaust*. — V. 1. — P. 636, 850, 875; V. 3. — P. 1107, 1194, 1368.
- ³²⁶ *Ibid.* — P. 1412.
- ³²⁷ ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 29. — Д. 278. — Л. 3, 3 об, 101; см. также РЕЭ. — С. 95
- ³²⁸ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 88. — Д. 134. — Л. 55—56; ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 29; «Неизвестная Черная книга». — С. 402—406.
- ³²⁹ ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 29. — Д. 14. — Л. 19.
- ³³⁰ *The Encyclopedia of Jewish Life Before and During the Holocaust*. — V. 2. — P. 727, 923; V. 3. — P. 1238, 1262.
- ³³¹ ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 29. — Д. 6 — Л. 25.
- ³³² *The Encyclopedia of Jewish Life Before and During the Holocaust*. — v. 3. — P. 1284; ГА РФ — Ф. 7021. — Оп. 40. — Д. 11. — Л. 3, 4, 55. Отметим, что среди расстрелянных было немало товарищей Михайлона по работе.
- ³³³ *Открытие Т. Евреи Таганрога*. — Таганрог, 1999. — С. 92.
- ³³⁴ Документы обвиняют. Холокост: свидетельства Красной Армии. — С. 81.
- ³³⁵ Там же. — С. 86.
- ³³⁶ ER. — P. 358. Возможно, что речь шла о регистрации в одном из районов или сведения не точны. В момент создания отчета евреи уже были расстреляны, но ли здесь, ни позднее об этом в этих «Донесениях» (как и о других казнях на Юге России — в отличие от других республик СССР) не сообщалось.

- ³³⁷ Уничтожение евреев СССР. — С. 217—218.
- ³³⁸ См.: *Мовшиович Е. В.* Холокост в Ростовской области: уничтожение евреев на Нижнем Дону и в Восточном Приазовье (рукопись). — С. 6.
- ³³⁹ ГА РФ — Ф. 7021. — Оп. 40. — Д. 2. — Л. 6.
- ³⁴⁰ РЕЭ. — Т. 4. — Стб. 236; 360; 484; картотека «ЯВ».
- ³⁴¹ Документы обвиняют. — С. 84.
- ³⁴² The Encyclopedia of Jewish Life Before and During the Holocaust. — v. 2. — PP. 592, 847
- ³⁴³ ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 40. — Д. 8. — Л. 8—9.
- ³⁴⁴ Документы обвиняют. Холокост: свидетельства Красной Армии. — С. 83.
- ³⁴⁵ *Мовшиович Е. В.* Указ. соч. — С. 11. Автор утверждает, что всего на территории Ростовской области погибли от 38,5 до 40 тысяч евреев.
- ³⁴⁶ Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации. — С. 36—37.
- ³⁴⁷ «Неизвестная Черная книга». — С. 389.
- ³⁴⁸ Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации. — С. 36—37, 67.
- ³⁴⁹ Советские евреи пишут Илье Эренбургу. 1943—1966. — Иерусалим, 1993. — С. 125. О «безобразной эвакуации» населения автор направил акт прокурору РСФСР. Он же установил на месте расстрела мемориальную доску.
- ³⁵⁰ Правда. — 1943. — № 194. — 8 авг. — С. 2.
- ³⁵¹ ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 17. — Д. 10. — Л. 58, 129—129 об.; Д. 12. — Л. 2, 38; РЕЭ. — С. 181, 311, 31, 35, 339, 503, 386.
- ³⁵² См.: ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 17. — Д. 10. — Л. 27, 53—53 об., 86—87; Д. 11. — Л. 112, 147, 153; Д. 12. — Л. 68—69; Д. 11 — Л. 49; РЕЭ. — С. 149, 161, 512.
- ³⁵³ РЕЭ. — С. 434, 512; ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 17. — Д. 10. — Л. 155—161; Д. 11. — Л. 38.
- ³⁵⁴ РЕЭ. — С. 140; ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 17. — Д. 12. — Л. 38, 39.
- ³⁵⁵ ГАРФ. — Ф. 7021. — Оп. 17. — Д. 10. — Л. 120; Д. 11. — Л. 152; Д. 8. — Л. 2а; РЕЭ. — С. 31, 35, 92, 140, 141, 311, 387.
- ³⁵⁶ Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации. — С. 81.
- ³⁵⁷ ГА РФ — Ф. 7021. — Оп. 17 — Д. 11. — Л. 47, 83; Д. 12. — Л. 68, 69; РЕЭ. — С. 140.
- ³⁵⁸ *Круглов А. И.* Уничтожение евреев на Северном Кавказе в 1942 г. (рукопись). — С. 13. Благодарим автора за предоставленные сведения.
- ³⁵⁹ Там же.
- ³⁶⁰ «Неизвестная Черная книга». — С. 390.
- ³⁶¹ *Круглов А. И.* Уничтожение евреев на Северном Кавказе. — С. 10.
- ³⁶² Ф. 7021. — Оп. 16. — Д. 92. — Л. 2, 3; Д. 8. — Л. 1—3.
- ³⁶³ РЕЭ. — С. 92, 93, 387.
- ³⁶⁴ ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 16. — Д. 17. — Л. 35, 159.
- ³⁶⁵ ГАКК. — Ф. Р—817. — Оп. 1. — Д. 8. — Л. 20—21.
- ³⁶⁶ *Небрат М.* Указ. соч. — С. 97.
- ³⁶⁷ ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 16. — Д. 8. — Л. 47 об.
- ³⁶⁸ Там же. — Д. 8. — Л. 15—156.
- ³⁶⁹ Там же. — Д. 11. — Л. 3.
- ³⁷⁰ Там же. — Л. 75, 118.
- ³⁷¹ Там же; картотека «ЯВ».
- ³⁷² ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 16. — Д. 8. — Л. 121.
- ³⁷³ Там же. — Д. 8 — Л. 34; картотека «ЯВ».

- ³⁷⁴ Там же. — Д. 6. — Л. 2.
- ³⁷⁵ РЕЭ. — С. 427.
- ³⁷⁶ ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 16. — Д. 8. — Л. 6—7, 10—10 об, 18.
- ³⁷⁷ Там же. — Л. 162—163.
- ³⁷⁸ Там же. — Д. 1. — Л. 1—1об.
- ³⁷⁹ ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 16. — Д. 2. — Л. 3.
- ³⁸⁰ ГАКК. — Ф. Р—817. — Оп. 1. — Д. 8. — Л. 24—24 об.
- ³⁸¹ А. И. Круглов полагает, что число жертв Холокоста составило здесь от 16,5 тысячи до 18 тысяч человек (Указ. соч. — С. 13).
- ³⁸² Горские евреи. — С. 91—93.
- ³⁸³ ГА РФ. — Ф. 8131. — Оп. 31. — Д. 32217. — Л. 1.
- ³⁸⁴ Горские евреи. — С. 89—90.
- ³⁸⁵ Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации. — С. 33.
- ³⁸⁶ Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). — Ф. 68. — Оп. 1. — Д. 5. — Л. 21—22.
- ³⁸⁷ Там же. — Л. 21.
- ³⁸⁸ См.: Документы обвиняют. Холокост: свидетельства Красной Армии. — С. 87.
- ³⁸⁹ ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 22. — Д. 494. — Л. 38, 123, 135.
- ³⁹⁰ The Encyclopedia of Jewish Life Before and During the Holocaust. — v. 3, P. 1413.
- ³⁹¹ ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 22. — Д. 3. — Л. 13—14.
- ³⁹² Там же. — Д. 134. — Л. 35.
- ³⁹³ ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 45. — Д. 386. — Л. 2—3.
- ³⁹⁴ Там же. — Д. 2. — Л. 3.
- ³⁹⁵ The Encyclopedia of Jewish Life Before and During the Holocaust. — v. 3. — P. 1230. ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 45. — Д. 386. — Л. 24.
- ³⁹⁶ ЦГАВУОУ. — Ф. МКФ-8. — Оп. 2. — Д. 393. — Л. 131.
- ³⁹⁷ Уничтожение евреев СССР. — С. 184.
- ³⁹⁸ ЦГАВУОУ. — Ф. МКФ-8. — Оп. 2. — Д. 392. — Л. 166.
- ³⁹⁹ РЕЭ. — С. 90.
- ⁴⁰⁰ Круглов А. И. Энциклопедия Холокоста. — С. 100, 103.
- ⁴⁰¹ РЕЭ. — С. 54.
- ⁴⁰² Круглов А. И. Уничтожение еврейского населения Украины. — С. 41 — 79; *Он же*. Энциклопедия Холокоста. — С. 101.
- ⁴⁰³ Shapiro, Paul A. Op. cit. — P. 168; *Дорог (Спектор) Д.* Указ. соч. — С. 174, 179. Автор называет датой начала депортации 4 октября.
- ⁴⁰⁴ The Encyclopedia of Jewish Life Before and During the Holocaust. — V. 1. — P. 591.
- ⁴⁰⁵ Ofer, Dalit. Op. Cit. — P. 246, 249.
- ⁴⁰⁶ Хонигсман Я. С. Катастрофа львовского еврейства // Катастрофа и сопротивление украинского еврейства. — С. 238 — 240, 262, 265, 270.
- ⁴⁰⁷ The Encyclopedia of Jewish Life Before and During the Holocaust. — V. 1. — P. 591.
- ⁴⁰⁸ См.: Круглов А. И. Уничтожение еврейского населения Украины в 1941—1944 гг. Хроника событий. — Б. м., 1997. — С. 47, 50, 53, 57, 60; *Он же*. Истребление еврейского населения Украины в 1941—1944 гг.: Сб. док. и материалов. — С. 6 (в печати).
- ⁴⁰⁹ Уничтожение евреев СССР. — С. 90.
- ⁴¹⁰ Архив ФСБ. — Киевский процесс, т. 15. — Л. 256.
- ⁴¹¹ Вайс А. Отношение некоторых кругов украинского национального движения к евреям в период Второй мировой войны // ВЕУМ. — 1995. — № 2 (9). — С. 106.

- ⁴¹² *Круглов А.И.* Истребление еврейского населения на Левобережной Украине. — С. 186—190.
- ⁴¹³ Геноцид евреев Днепропетровска. — С. 4.
- ⁴¹⁴ Катастрофа и сопротивление. — С. 174; Архив ФСБ. — Д. 41/2309. — Л. 66.
- ⁴¹⁵ Советские евреи пишат Илье Эренбургу. — С. 123—124.
- ⁴¹⁶ Катастрофа и сопротивление украинского еврейства. — С. 175, 177, 178, 181, 183, 185, 191, 193.
- ⁴¹⁷ ГАВО. — Ф. Р—1683. — Оп. 1. — Д. 13. — Л. 2 об, 4.
- ⁴¹⁸ *Кравченко Р.А.* Мой XX век. Стоп-кадры. — Апатиты, 1998. — С. 118 — 119.
- ⁴¹⁹ ЦГАВОУ. — Ф. МКФ-8. — Оп. 1. — Д. 64. — Л. 8.
- ⁴²⁰ Подсчеты произведены на основе кн.: *Круглов А.И.* Уничтожение еврейского населения Украины. — С. 41, 79, 93, 94.
- ⁴²¹ ЦГАВОУ. — Ф. МКФ — 8. — Оп. 2. — Д. 249. — Л. 41.
- ⁴²² ЦГАООУ. — Ф. 1. — Оп. 23. — Д. 817. — Л. 4, 5, 6.
- ⁴²³ *Litani, Dora.* The Destruction of Jews in Odessa // *Yad Vashem Studies on the European Jewish Catastrophe and Resistance.* V. VI. — Jerusalem, 1967. — P. 137.
- ⁴²⁴ *Боровой С. Я.* Указ. соч. — С. 119.
- ⁴²⁵ Правда. — 1942. — 7 янв. — С. 3.
- ⁴²⁶ *Dallin, Alexander.* Odessa, 1941—1944, The Rand Corporation, Santa Monica, California, 1957. — P. 77.
- ⁴²⁷ Документы обвиняют. Холокост: свидетельства Красной Армии. — С. 64.
- ⁴²⁸ *Боровой С.Я.* Указ. соч. — С. 124.
- ⁴²⁹ *Litani, Dora.* Op. cit. — P. 139.
- ⁴³⁰ Ibid. — P. 140—141.
- ⁴³¹ *Дуэман Л.М.* Помни! Не повтори!— Одесса: Друк, 2001 — С. 45.
- ⁴³² *Litani, Dora.* Op. cit. — P. 146.
- ⁴³³ *Хисит А.* Возвращение с Голгофы. — Одесса, 2000. — С. 34.
- ⁴³⁴ *Гиль С.* Указ. соч. — С. 30—31.
- ⁴³⁵ *Машович Я.* 60 лет уничтожения евреев на юге Украины. — Тель-Авив, 2001. — С. 1.
- ⁴³⁶ *Круглов А.И.* Уничтожение еврейского населения Украины. — С. 41; *Он же.* Энциклопедия Холокоста. — С. 204.
- ⁴³⁷ *Круглов А.И.* Энциклопедия Холокоста. — С. 204.
- ⁴³⁸ ЭВОВ. — Ст. 45б.
- ⁴³⁹ Уничтожение евреев СССР. — С. 163.
- ⁴⁴⁰ Там же. — С. 82.
- ⁴⁴¹ *Дорон (Спектор) Д.* Указ. соч. — С. 134, 137, 142, 153, 157, 174—175.
- ⁴⁴² Уничтожение евреев СССР. — С. 161, 162; *Дорон (Спектор) Д.* Указ. соч. — С. 195.
- ⁴⁴³ *Shapiro, Paul A.* Op. cit. — P. 160.
- ⁴⁴⁴ *Ofer, Dalia.* Op. cit. — P. 246.
- ⁴⁴⁵ Encyclopedia of Jews Life Before and During the Holocaust. — V. 3. — P. 1308.
- ⁴⁴⁶ *Дорон (Спектор) Д.* Указ. соч. — С. 203.
- ⁴⁴⁷ *Арад И.* Катастрофа советского еврейства. — С. 30; *Шнеер А.* Указ. соч. — 5 апреля 2001г. — С. 10.
- ⁴⁴⁸ Документы обвиняют. Холокост: свидетельства Красной Армии. — С. 48, 58.
- ⁴⁴⁹ Советские евреи пишат Илье Эренбургу. — С. 130.
- ⁴⁵⁰ Там же. — С. 136.

⁴⁵¹ ЦГАООУ. — Ф. 1. — Оп. 23. — Д. 525. — Л. 25.

⁴⁵² Документы обвиняют. Холокост: свидетельства Красной Армии. — С. 86—87; 77.

⁴⁵³ Шнейер А. Указ. соч. — С. 10.

Глава 4

¹ Казницова Г. «Пережить мне пришлось столько, что словами этого не передать...» // Край Смоленский. — 1994. — № 6. — Июнь. — С. 39.

² Звонов М. «По евреям — огонь!». — Рига, 1993. — С. 89.

³ Елисаветский С. Полвека забвения. Евреи в движении Сопротивления и партизанской борьбе в Украине (1941 — 1944). — Киев, 1998. — С. 43.

⁴ Хасин А. Возвращение с Голгофы. — Одесса, 2000. — С. 39—40.

⁵ Розенблат Е. С., Еленская И. Э. Пииские евреи. 1939—1944. — Брест, 1997. — С. 175.

⁶ ГАЧО. — Ф. 307. — Оп. 1, т. 2. — Д. 2140. — Л. 1—3.

⁷ Спектор (Дорон) Д. Кишиневское гетто — последний погром. — Тель-Авив: Б-ка «Алия», 1993. — С. 170—173.

⁸ См., напр.: Дусман Л. М. Помни! Не повтори! — Одесса: Друк, 2001. — С. 52.

⁹ Там же. — С. 61.

¹⁰ Там же. — С. 163—164.

¹¹ ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 19. — Д. 2. — Л. 241.

¹² Дусман Л. М. Указ. соч. — С. 70.

¹³ АФХ. — Коллекция воспоминаний (свидетельство С. Д. Додика).

¹⁴ ГАЧО. — Оп. 1, т. 2. — Д. 1362. — Л. 2 (Мендель Гершкович и Жорж Ковригу).

¹⁵ Там же. — Оп. 1, т. 1. — Д. 275. — Л. 1—2 (за это был «интернирован» Лазарь Черняк из Черновицкого уезда).

¹⁶ ЦГАВООУ. — Ф. МКФ-8. — Оп. 1. — Д. 38. — Л. 66.

¹⁷ НА РБ. — Ф. 510. — Оп. 1. — Д. 100. — Л. 120—121, 122.

¹⁸ ГАКО. — Ф. Р-3466. — Оп. 1. — Д. 11. — Л. 26 об.

¹⁹ Еврейское гетто в Калуге. — С. 24.

²⁰ ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 16. — Д. 11. — Л. 46.

²¹ Розенблат Е. С. Жизнь и судьба еврейской общины Бреста. — Брест, 1993. — С. 51.

²² Советские евреи пишут Илье Эренбургу. 1943—1966. — Иерусалим, 1993. — С. 283, 284.

²³ НА РБ. — Ф. 510. — Оп. 1. — Д. «Переводы». — Л. 110.

²⁴ ЦГАВООУ. — Ф. 4260. — Оп. 3. — Д. 289. — Л. 41.

²⁵ USHMM. — 032/2300. — Л. 46.

²⁶ Litani, Dora. Op. cit. — P. 143.

²⁷ Боровой С. Я. Евреи Одессы. — С. 127, 134, 135, 147, 148.

²⁸ ГАЧО. — Ф. Р-307. — Оп. 1, т. 1. — Д. 198. — Л. 1—3.

²⁹ Spector, Shmuel. The Holocaust of Volhynian Jews. — Jer.: Yad Vashem, 1990. — P. 198—200, 205.

³⁰ ЦГАВООУ. — Ф. 4620. — Оп. 3. — Д. 378. — Л. 63.

³¹ Смиловский Л. Катастрофа евреев Белоруссии. 1941 — 1944 гг. — Тель-Авив, 2000. — С. 50.

¹² Трагедия евреев Белоруссии в 1941 — 1944 гг.: Сб. материалов и док. — Минск, 1995 — С. 92, 93.

¹³ *Платкин А.С.* Подвиги не совершал... — М.: Фонд «Холокост», 2001. — С. 49, 52—52.

¹⁴ *Смиловицкий Л.* Указ. соч. — С. 52.

¹⁵ *Левинс Ф.Л.* Евреи Украины в роки Другої Світової війни. — Київ: Вирий, 1997. — С. 103.

¹⁶ «Черная книга». — С. 286—288, 523—524.

¹⁷ Там же. — С. 294, 524.

¹⁸ ЦГАВОУ. — Ф. 4328. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 68.

¹⁹ ГАСО. — Ф. Р-2434. — Оп. 3. — Д. 38. — Л. 44 об.

²⁰ *Смиловицкий Л.* Указ. соч. — С. 52—53.

²¹ ГАПО. — Ф. 4812. — Оп. 2. — Д. 65. — Л. 23.

²² ЦГАВОУ. — Ф. 4260. — Оп. 3. — Д. 289. — Л. 11.

²³ ГАСО. — Ф. Р-1360. — Оп. 2. — Д. 28. — Л. 117.

²⁴ ГАПО. — Ф. 7095. — Оп. 9. — Д. 4. — Л. 10б.

²⁵ *Львин М.* Это был ад # Рабочий путь. — Смоленск, 1992. — 31 янв. — № 21. — С. 3.

²⁶ *Левин Р.* Мальчик из гетто. — М., 1997. — С. 40—42.

²⁷ ГАТО. — Ф. Р-570. — Оп. 2. — Д. 900. — Л. 3—3 об.

²⁸ Советские евреи пишут Илье Эренбургу. — С. 160.

²⁹ USHMM. — RG-06. 025-02 («Киевский процесс», Т. 11). — Л. 106.

³⁰ ЦГАВОУ. — Ф. 4260. — Оп. 3. — Д. 289. — Л. 17.

³¹ *Дусман Л.М.* Указ. соч. — С. 54.

³² «Неизвестная Черная книга». — С. 219—222.

³³ Уничтожение евреев СССР. — С. 317.

³⁴ ГАСО. — Ф. 2434. — Оп. 3. — Д. 37. — Л. 200.

³⁵ Советские евреи пишут Илье Эренбургу. — С. 284.

³⁶ *Йонес Э.* Евреи Львова в годы Второй мировой войны и Катастрофы европейского еврейства. 1939—1944. — М.: Фонд «Холокост», 1999. — С. 286.

³⁷ *Хотигсман Я.* Катастрофа еврейства Западной Украины. Евреи восточной Галиции, западной Волыни, Буковины и Закарпатье в 1933—1945 годах. — Львов, 1998. — С. 227.

³⁸ *Смиловицкий Л.* Указ. соч. — С. 53.

³⁹ Архив музея Лохамей ха-геттаот (далее — АМЛГ). — Ф. 688. — Д. 770. — Л. 4.

⁴⁰ ЦГАООУ. — Ф. 1. — Оп. 23. — Д. 1062. — Л. 86.

⁴¹ *Елисеветский С.Я.* Полвека забвения. — С. 41, 42.

⁴² *Смиловицкий Л.* Указ. соч. — С. 49 (автор рассмагивает эти факты в разделе «Деморализация узников», не считая, очевидно, их актами сопротивления).

⁴³ ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 16. — Д. 11. — Л. 8.

⁴⁴ *Хотигсман Я.* Указ. соч. — С. 245.

⁴⁵ Там же. — С. 226.

⁴⁶ АЯВ. — Ф. 033. — Д. 1036. — Л. 3—4 (свидетельство М. Гинсберга).

⁴⁷ ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 16. — Д. 8. — Л. 162.

⁴⁸ Архив автора (свидетельство Полины Головченко).

⁴⁹ *Хотигсман Я.* Указ. соч. — С. 245.

⁵⁰ ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 16. — Д. 8. — Л. 162.

⁵¹ ЦГАООУ. — Ф. 1. — Оп. 23. — Д. 1062. — Л. 86.

- ⁷² НА РБ. — Ф. 510. — Оп. 1. — Д. 100. — Л. 120.
- ⁷³ Там же. — Д. 88. — Л. 15.
- ⁷⁴ *Левитас И. М.* Загадки Бабьего Яра // Энциклопедия Холокоста. — С. 216.
- ⁷⁵ ГАКО. — Ф. Р—751. — Оп. 3. — Д. 78. — Л. 4.
- ⁷⁶ *Spector, Shmuel.* Op. cit. — P. 207.
- ⁷⁷ Нюрнбергский процесс: Сб. материалов. Т. 1. — М.: Юрид. лит. 1954. — С. 850.
- ⁷⁸ Трагедия евреев Белоруссии. — С. 91—92.
- ⁷⁹ *Рубенчик А.* Правда о минском гетто. Документальная повесть узника гетто и малолетнего партизана. — Тель-Авив. 1999. — С. 84.
- ⁸⁰ Там же. — С. 163.
- ⁸¹ Там же. — С. 92.
- ⁸² *Дусман Л. М.* Указ. соч. — С. 48—49.
- ⁸³ *Гидалевиц Б.* Это забыть нельзя... Евреи — жертвы нацизма и герои сопротивления. — Иерусалим, 1997. — С. 12.
- ⁸⁴ АЯВ. — Ф. 033/1542. — Л. 3 (свидетельство Ицхака Новика).
- ⁸⁵ Трагедия евреев Белоруссии. — С. 93.
- ⁸⁶ *Бордюгов А.* Трагедия Велижского гетто // Бабь Яры Смоленщины. — С. 122.
- ⁸⁷ ЦГАООУ. — Ф. 1. — Оп. 22. — Д. 172. — Л. 150, 155.
- ⁸⁸ *Иоффе Э.* Страницы истории евреев Беларуси. — Минск, 1996. — С. 142—143.
- ⁸⁹ ЦГАООУ. — Ф. 1. — Оп. 22. — Д. 77. — Л. 1—2.
- ⁹⁰ *Левитас И. М.* Герои и жертвы. — Киев, 1999. — С. 82.
- ⁹¹ *Хонигсман Я.* Катастрофа еврейства Западной Украины. — С. 246.
- ⁹² Уничтожение евреев СССР. — С. 367—369. Впоследствии Зигмунт стал партизаном.
- ⁹³ *Елисаветский С. Я.* Полвека забвения. — С. 69—70.
- ⁹⁴ См.: *Елисаветский С. Я.* Указ. соч. — С. 62, 64; Уничтожение евреев СССР. — С. 364—367.
- ⁹⁵ Винницкая область. Катастрофа (Шоа) и Сопротивление. — Тель-Авив; Киев: Лохамей ха-геттаот, 1994. — С. 174—175.
- ⁹⁶ ЦГАООУ. — Ф. 1. — Оп. 22. — Д. 146. — Л. 111—125; Д. 156. — Л. 183.
- ⁹⁷ «Неизвестная Черная книга». — С. 135—136.
- ⁹⁸ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 8. — Д. 362. — Л. 17.
- ⁹⁹ ЦГАООУ. — Ф. 1. — Оп. 22. — Д. 470. — Л. 38—39.
- ¹⁰⁰ НА РБ. — Ф. 510. — Оп. 1. — Д. 100. — Л. 118, 121.
- ¹⁰¹ *Шаткин Н.* Указ. соч. — С. 29.
- ¹⁰² АЯВ. — Ф. 033/1542. — Л. 2 (свидетельство Ицхака Новика).
- ¹⁰³ НА РБ. — Ф. 510. — Оп. 1. — Д. 100. — Л. 118.
- ¹⁰⁴ ЦГАВООУ. — Ф. МКФ—8. — Оп. 1. — Д. 392. — Л. 131.
- ¹⁰⁵ Там же. — Л. 131, 146, 150, 160—161.
- ¹⁰⁶ Там же. — Л. 67—68.
- ¹⁰⁷ *Елисаветский С. Я.* Указ. соч. — С. 64—66.
- ¹⁰⁸ ЦГАООУ. — Ф. 1. — Оп. 23. — Д. 683. — Л. 120—141.
- ¹⁰⁹ «Неизвестная Черная книга». — С. 143.
- ¹¹⁰ *Cholawsky, Shalom.* The Jews of Belorussia During World War 2. — Amsterdam: Harwood Academic Publishers, 1998. — P. 109.
- ¹¹¹ *Spector, Shmuel.* Op. cit. — P. 224—225 (Map #2).
- ¹¹² ЦГАВООУ. — Ф. 1. — Оп. 22. — Д. 153. — Л. 58, 60—61, 63, 84; Д. 166. — Л. 14—15, 21, 23, 25.
- ¹¹³ Винницкая область. Катастрофа (Шоа) и Сопротивление. — С. 175—178.

- ¹¹⁴ ЦГАВООУ. — Ф. 1. — Оп. 22. — Д. 156. — Л. 89.
- ¹¹⁵ Там же. — Л. 120—121; Д. 162. — Л. 4.
- ¹¹⁶ Там же. — Д. 166. — Л. 72—72 об. Среди подпольщиков упомянута моя тетка, Маня Альтман. В начале оккупации ей было 27 лет. В доме, который располагался рядом с базаром и был очень удобен как место встреч, проживали также моя бабушка Софья, старший брат отца Соломон со своей женой Фирой и двумя маленькими детьми. Только весной 1944 г. мой отец-фронтовик узнал, что вся его семья выжила.
- ¹¹⁷ Там же. — Д. 166. — Л. 72—72 об.
- ¹¹⁸ ЦГАООУ. — Ф. 1. — Оп. 23. — Д. 932. — Л. 34.
- ¹¹⁹ Хонигсман Я.С. Указ. соч. — С. 229—230.
- ¹²⁰ Йонес Э. Евреи Львова... — С. 287—291.
- ¹²¹ Хонигсман Я.С. Указ. соч. — С. 230, 231, 242.
- ¹²² Иоффе Э. Указ. соч. — С. 144.
- ¹²³ *Zhitc, Dan. The History of the Minsk ghetto (In Light of the New Documentation)*. — P. 89, 93.
- ¹²⁴ *Trunk, Isaiah*. Op. cit. — P. 520.
- ¹²⁵ Трагедия евреев Белоруссии. — С. 92.
- ¹²⁶ *Cholawsky, Shalom*. Op. cit. — P. 255—257.
- ¹²⁷ «Черная книга». — С. 292.
- ¹²⁸ Беркнер С.С. Жизнь и борьба белостокского гетто. Записки участника Сопротивления. — М.: Фонд «Холокост», 2002. — С. 61.
- ¹²⁹ Альтман И.А., Гербер А.Е., Полторак Д.И. История Холокоста на территории СССР. — М.: Фонд «Холокост», 2001. — С. 49—50.
- ¹³⁰ АЯВ. — Ф. 033. — Д. 263. — Л. 7—8, 9.
- ¹³¹ Дорон (Спектор) Д. Указ. соч. — С. 193.
- ¹³² Смиловицкий Л. Указ. соч. — С. 55.
- ¹³³ Там же. — С. 56.
- ¹³⁴ Левин В., Мельцер Д. Черная книга с красными страницами. — Балтимор: Вестник, 1996. — С. 430.
- ¹³⁵ Там же. — С. 315.
- ¹³⁶ *Cholawsky, Shalom*. Op. cit. — P. 296.
- ¹³⁷ АЯВ. — Ф. 033/263. — Л. 5—6 (свидетельство А. Довидовича).
- ¹³⁸ *Spector, Shmuel*. Op. cit. — P. 229 (подсчитано нами на основе таблицы № 12), 215, 219.
- ¹³⁹ Йонес Э. Евреи Львова. — С. 290—292.
- ¹⁴⁰ Тамаркин В. Это было не во сне. — С. 91—92.
- ¹⁴¹ «Неизвестная Черная книга». — С. 137, 138.
- ¹⁴² Хонигсман Я.С. Катастрофа евреев Западной Украины. — С. 226.
- ¹⁴³ АЯВ. — Ф. 033/262. — Л. 1—4 (свидетельство И. Магерса).
- ¹⁴⁴ Йонес Э. Евреи Львова. — С. 288.
- ¹⁴⁵ ЦГАВООУ. — Ф. 4328. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 67.
- ¹⁴⁶ Там же. — Л. 68.
- ¹⁴⁷ Дорон (Спектор) Д. Указ. соч. — С. 167—168.
- ¹⁴⁸ Там же. — С. 165—169; *Izyaslav Levit. Heldn un Martier H Forverts*. — N. Y. — 18. 07. 1999. — P. 11.
- ¹⁴⁹ Краткая еврейская энциклопедия. — Т. 8. — Стб. 435.
- ¹⁵⁰ *Rorat, Dina. The Vilna Proclamation of January 1, 1942 in Historical Perspective*. — YVS. — V. XXVI. — Jer., 1995. — P. 115.

- ¹⁵¹ Уничтожение евреев СССР. — С. 343.
- ¹⁵² *Pograt, Dina*. Op. cit. — P. 128.
- ¹⁵³ *Привлер М., Кремлянская А., Кремлянский П.* Еврейские дети в войне с нацизмом. — Тель-Авив, 2001. — Вып. 1. — С. 112.
- ¹⁵⁴ АЯВ. — Ф. 033/1046 (М. А. Глезер, 1920 г. р.; воспоминания написаны в Риге, очевидно, в 70-е гг.).
- ¹⁵⁵ Там же. — Л. 1—5.
- ¹⁵⁶ ER. — P. 204.
- ¹⁵⁷ ER. — P. 149.
- ¹⁵⁸ ГАСО. — Ф. Р—1630. — Оп. 1. — Д. 369. — Л. 188.
- ¹⁵⁹ *Хонигсман Я.С.* Указ. соч. — С. 245; *Елисаветский С.Я.* Полвека забвения. — С. 59—60.
- ¹⁶⁰ *Cholawsky, Shalom.* The Jews of Belorussia. — P. 293.
- ¹⁶¹ *Смиловицкий Л.* Указ. соч. — С. 13.
- ¹⁶² *Spector, Shmuel.* Op. cit. — P. 224—225 (Мар #2).
- ¹⁶³ *Cholawsky, Shalom.* The Story of Tuczyn. — P. 14 (библиотека «Яд Вашем», рукопись № 74—800).
- ¹⁶⁴ *Иоффе Э.* Указ. соч. — С. 138—139.
- ¹⁶⁵ *Левин В., Мельцер Д.* Указ. соч. — С. 423.
- ¹⁶⁶ *Иоффе Э.* Указ. соч. — С. 139.
- ¹⁶⁷ *Хонигсман Я.* Указ. соч. — С. 233; *Елисаветский С.Я.* Полвека забвения. — С. 46.
- ¹⁶⁸ *Spector, Shmuel.* Op. cit. — P. 218.
- ¹⁶⁹ Трагедия евреев Белоруссии. — С. 93.
- ¹⁷⁰ *Иоффе Э.* Указ. соч. — С. 139.
- ¹⁷¹ *Spector, Shmuel.* Op. cit. — P. 219.
- ¹⁷² *Кривченко-Бережной Р.* Мой XX век. Стоп-кадры — Апатиты, 1998. — С. 128, 138.
- ¹⁷³ *Йонес Э.* Указ. соч. — С. 274.
- ¹⁷⁴ *Шульмейстер Ю.А.* Гитлеризм в истории евреев. — Киев, 1990. — С. 175—176.
- ¹⁷⁵ «Черная книга». — С. 32—33.
- ¹⁷⁶ *Spector, Shmuel.* Op. cit. — P. 225. С этим не согласен С. Я. Елисаветский (Указ. соч. — С. 50), ошибочно ссылаясь на «Черную книгу», куда, однако, этот очерк включен не был.
- ¹⁷⁷ НА РБ. — Ф. 750. — Оп. 1. — Д. 231. — Л. 23—25.
- ¹⁷⁸ *Беркнер С.С.* Жизнь и борьба белостокского гетто. Записки участника Сопротивления. — М.: Фонд «Холокост», 2001. — С. 80—87.
- ¹⁷⁹ *Йонес Э.* Евреи Львова. — С. 292.
- ¹⁸⁰ «Черная книга». — С. 259.
- ¹⁸¹ *Анолик Б.* Нацистские лагеря Эстонии // The Days of Memory. — Vilnius, 1995. — P. 97.
- ¹⁸² «Черная книга». — С. 455.
- ¹⁸³ *Cholawsky, Shalom.* The Story of Tuczyn. — P. 14.
- ¹⁸⁴ См., напр.: *A. Zvi Bar-On.* The Jews in the Soviet Partisans Movement. — YVS. — v. 4. — 1960. — P. 167—190; *Arad, Yi.* Jewish Family Camps in the Forests. An Original Means of Rescue// Rescue attempts during the Holocaust. Ed. By Yi. Gytman and E. Zuroff. — Jerusalem, 1977. — P. 333—353; *Гутцман И. и др.* Евреи в партизанском движении в годы Второй мировой войны и странах Европы // Шоа и Сопротивление. — Киев; Тель-Авив, 1992. — С. 53—64; Tec Nechama. Defiant: The Bielski partisans. —

N. Y.: Oxford University Press, 1993; *Spector, Shmuel*. Jews in the Resistance and Partisan Movements in the Soviet Ukraine. — YVS, v. XXIII, p. 127—143; *Bender, Sarah*. From Underground to Armed Struggle. The Resistance movement in the Bialostok Ghetto. — Ibid. — P. 145—171; *Slepyan, Kenneth*. The Soviet Partisan Movement and the Holocaust. In HGS. — V. 14. — N. 1. — Spring 2000. — P. 1—27.

¹⁸⁵ *Cholowsky, Shalom*. Jewish Partisans — objective and subjective difficulties // Jewish Resistance During the Holocaust. — Jer., 1974. — P. 323—334.

¹⁸⁶ *Елисаветский С.Я.* Указ. соч.; *Смиловицкий Л.* Указ. соч.

¹⁸⁷ Краткая еврейская энциклопедия. — Т. 8. — Стб. 442.

¹⁸⁸ *Arid H*. Холокост. — Иерусалим, 1990. — С. 86.

¹⁸⁹ Руководитель Центрального и Белорусского штабов партизанского движения П.К. Пономаренко определял численность евреев-партизан в Белоруссии в 6 тысяч человек. Приносим благодарность Е.С. Розенблату за эту информацию.

¹⁹⁰ Так, Комиссия по истории войны Украинской Академии наук в 1946 г. число партизан-евреев определяла лишь в 1978 (см.: *Елисаветский С.Я.* Указ. соч. — С. 74).

¹⁹¹ Катастрофа и сопротивление украинского еврейства. — С. 321.

¹⁹² Ср.: *Елисаветский С.Я.* Указ. соч. — С. 74.

¹⁹³ Краткая еврейская энциклопедия. — Т. 8. — Стб. 442.

¹⁹⁴ *Левин В., Мельцер Д.* Указ. соч. — С. 561.

¹⁹⁵ НА РБ. — Ф. 510. — Оп. 1. — Д. «Переводы». — Л. 110.

¹⁹⁶ ЦГАВОУ. — Ф. МКФ-8. — Оп. 2. — Д. 149. — Л. 224.

¹⁹⁷ ЦГАВОУ. — Ф. 4328. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 67.

¹⁹⁸ НА РБ. — Ф. 510. — Оп. 1. — Д. 199. — Л. 32; Д. 100. — Л. 1, 12, 19.

¹⁹⁹ НА РБ. — Стенограмма заседания 4 апреля 1943 г. — Л. 16, 162, 175, 176.

²⁰⁰ *Елисаветский С.Я.* Указ. соч. — С. 24—25.

²⁰¹ См., напр.: Страницы истории компартии Белоруссии. — Минск, 1990. — С. 242—244

²⁰² *Иоффе Э.* Указ. соч. — С. 155.

²⁰³ АФХ. — Коллекция «Еврейское сопротивление» (Плоткин А. С.).

²⁰⁴ *Иоффе Э.* Указ. соч. — С. 141.

²⁰⁵ Еврейские бойцы в белорусских партизанских отрядах // Голос инвалидов войны. — Тель-Авив, 2001. — № 168. — Дек. — С. 36.

²⁰⁶ *Смиловицкий Л.* Указ. соч. — С. 137.

²⁰⁷ См.: *Иоффе Э.* Указ. соч. — С. 150.

²⁰⁸ Там же. — С. 51.

²⁰⁹ АЯВ. — Ф. 033/265. — Л. 7, 9.

²¹⁰ Партизанская дружба. Воспоминания о боевых делах партизан-евреев, участников Великой Отечественной войны — М.: Дер Эмес, 1948. — С. 72 (воспоминания полковника Антона Бринского).

²¹¹ Там же. — С. 94—95.

²¹² *Смиловицкий Л.* Указ. соч. — С. 154.

²¹³ Там же. — С. 126.

²¹⁴ *Хонигсман Я.* Указ. соч. — С. 234.

²¹⁵ АЯВ. — Ф. 033/1051. — Л. 1—2.

²¹⁶ АМЛГ. — Ф. 688 (Osafim). — Д. 690. — Л. 1.

²¹⁷ *Елисаветский С.Я.* Указ. соч. — С. 77.

²¹⁸ *Розенблат Г.* Евреи и партизанском соединении С. А. Кошпака. — М.: Фонд «Холокост», 1998. — С. 83—84.

- ²¹⁸ Хонигсман Я. Указ. соч. — С. 238.
- ²¹⁹ Елисаветский С.Я. Указ. соч. — С. 174, 190, 201, 208.
- ²²⁰ ЦГАООУ. — Ф. 1. — Оп. 22. — Д. 166. — Л. 15, 21. (Фамилии шести партизан — за исключением Рефула, Ефима Шнайдера, Кривоноса, Файнштендикера, Березовского, Харма — приведены в списке украинских партизан (с указанием в 3 случаях наименования их отряда) в кн.: Елисаветский С.Я. Указ. соч. — С. 377, 346, 367). К сожалению, не отмечено, что Р. Мазус погиб.
- ²²¹ Винницкая область. Катастрофа (Шоа) и Сопротивление. — С. 156—273.
- ²²² ЭВОВ. — Стб. 535.
- ²²³ Краткая еврейская энциклопедия. — Т. 8. — Стб. 435.
- ²²⁴ Привалер М., Кременская А., Кременский П. Указ. соч. — С. 113.
- ²²⁵ Гитлеровская оккупация в Литве: Сб. ст. — Вильнюс: Минтис, 1966. — С. 275.
- ²²⁶ Великая Отечественная война. 1941—1945 гг. Энциклопедия. — Стб. 535.
- ²²⁷ *Levit, Izayah.* Op. cit. — P. 11.
- ²²⁸ Смилецкий Л. Указ. соч. — С. 55.
- ²²⁹ Елисаветский С.Я. Указ. соч. — С. 265—266.
- ²³⁰ РГАСПИ. — Ф. 69. — Оп. 4. — Д. 4727. — Л. 2; Д. 605. — Л. 2.
- ²³¹ Там же. — Д. 609. — Л. 16.
- ²³² АЯВ. — Ф. 033/1049. — Л. 2 (из рукописи «От Карнат до Нормандии» / Сост. Л.С. Гринберг. — Харьков, 1965).
- ²³³ Елисаветский С.Я. Указ. соч. — С. 89.
- ²³⁴ Краткая еврейская энциклопедия. — Т. 8. — Стб. 439.
- ²³⁵ Иоффе Э. Указ. соч. — С. 144—145.
- ²³⁶ Гутман И., Холзевский Ш., Левин Д., Спектор Ш. Указ. соч. — С. 58.
- ²³⁷ Левин В., Мельцер Д. Указ. соч. — С. 552, 553.
- ²³⁸ Еврейские боины в белорусских партизанских отрядах. — С. 36.
- ²³⁹ Партизанская дружба. — С. 94—95; Левин В., Мельцер Д. Указ. соч. — С. 552.
- ²⁴⁰ Винницкая область. Катастрофа (Шоа) и Сопротивление. — С. 56.
- ²⁴¹ Беркнер С.С. Жизнь и борьба белостокского гетто. — С. 73, 99, 113.
- ²⁴² *Spector, Shmuel.* Op. cit. — P. 289—290.
- ²⁴³ Розенблат Г. Указ. соч. — С. 43 (некоторые географические названия автором искажены).
- ²⁴⁴ Елисаветский С.Я. Указ. соч. — С. 85—86.
- ²⁴⁵ Краткая еврейская энциклопедия. — Т. 8. — Стб. 442.
- ²⁴⁶ Шульмейстер Ю.А. Указ. соч. — С. 185.
- ²⁴⁷ Елисаветский С.Я. Указ. соч. — С. 55.
- ²⁴⁸ Хонигсман Я. Указ. соч. — С. 240—241.
- ²⁴⁹ Елисаветский С.Я. Указ. соч. — С. 98.
- ²⁵⁰ Привалер М., Кременская А., Кременский П. Указ. соч. — С. 156—167; Елисаветский С.Я. Указ. соч. — С. 213.
- ²⁵¹ Винницкая область. Катастрофа (Шоа) и Сопротивление. — С. 60—61.
- ²⁵² «Черная книга». — С. 257, 521.
- ²⁵³ Смилецкий Л. Указ. соч. — С. 125.
- ²⁵⁴ Иоффе Э. Указ. соч. — С. 148.
- ²⁵⁵ Краткая еврейская энциклопедия. — Т. 8. — Стб. 442.
- ²⁵⁶ Смилецкий Л. // Евреи Беларуси. История и культура. Вып. 2. — Минск, 1998. — С. 129; Рубенчик А. Указ. соч. — С. 119—125.
- ²⁵⁷ Елисаветский С.Я. Указ. соч. — С. 39.

- ²⁵⁹ *Spector, Shmuel*. Op. cit. — P. 332.
- ²⁶⁰ USHMM. — RG-06. 025. 02 («Киевский процесс». Т. 11). — Л. 106.
- ²⁶¹ *Хонигсман Я.* Катастрофа еврейства Западной Украины. — С. 230—231.
- ²⁶² *Arad, Yi.* Jewish Family Camps in the Forests. An Original Means of Rescue // *Rescue attempts during the Holocaust* / Eds. by Yi. Gytman and E. Zuroff. — Jer., 1977. — P. 336—337.
- ²⁶³ *Иоффе Э.* Указ. соч. — С. 150—151. По другим данным, командирами партизанских бригад было трое евреев (И. Л. Фогель, С. Г. Ганзенко, А. Я. Марченко); командирами партизанских отрядов — 45; комиссарами бригад и групп — 8; комиссарами партизанских отрядов — 42; 23 — начальниками штабов партизанских отрядов. (Подсчитано по: *Левин В., Мельцер Д.* Указ. соч. — С. 551—560.)
- ²⁶⁴ *Рубенчик А.* Указ. соч. — С. 116.
- ²⁶⁵ *Елисаветский С.Я.* Указ. соч. — С. 74.
- ²⁶⁶ ЦГАООУ — Ф. 1. — Оп. 22. — Д. 153. — Л. 60. В указанной монографии С.Я. Елисаветского (С. 366) он обозначен (под фамилией «Талес») как комиссар партизанской бригады Владимиров.
- ²⁶⁷ Великая Отечественная война. 1941—1945 гг. Энциклопедия. — М., 1985. — Стб. 538.
- ²⁶⁸ РГАСПИ. — Ф. 69. — Оп. 4. — Д. 3769. — Л. 1—7.
- ²⁶⁹ Там же. — Д. 808. — Л. 7.
- ²⁷⁰ Там же. — Д. 1692. — Л. 3—3 об.
- ²⁷¹ Там же. — Оп. 3. — Д. 11. — Л. 1; Д. 492. — Л. 1.
- ²⁷² *Izyslav Levit*. Op. cit. — P. 11.
- ²⁷³ ЭВОВ. — Стб. 535.
- ²⁷⁴ Краткая еврейская энциклопедия. — Т. 8. — Стб. 441.
- ²⁷⁵ Гитлеровская оккупация в Литве. — С. 275.
- ²⁷⁶ РГАСПИ. — Ф. 69. — Оп. 3. — Д. 453. — Л. 11.
- ²⁷⁷ Там же. — Д. 486. — Л. 1—5; Д. 212. — Л. 3; Д. 1032. — Л. 10.
- ²⁷⁸ Партизанская дружба. — С. 81—83.
- ²⁷⁹ Еврейские бойцы в белорусских партизанских отрядах. — С. 36.
- ²⁸⁰ *Иоффе Э.* Указ. соч. — С. 150.
- ²⁸¹ РГАСПИ. — Ф. 69. — Оп. 1. — Д. 1072. — Л. 29—43.
- ²⁸² Там же. — Оп. 3. — Д. 980. — Л. 1—11; Д. 541. — Л. 2—3; Д. 3. — Л. 4; Д. 279. — Л. 4—4 об.; Д. 362. — Л. 6; Д. 777. — Л. 12.
- ²⁸³ Там же. — Ф. 69. — Оп. 3. — Д. 608. — Л. 4—4 об., 8—8 об.; Оп. 4. — Д. 2687. — Л. 1—2
- ²⁸⁴ Там же. — Оп. 4. — Д. 4915. — Л. 4—4 об.
- ²⁸⁵ Там же. — Д. 5217. — Л. 14.
- ²⁸⁶ Там же. — Д. 2730. — Л. 1.
- ²⁸⁷ Там же. — Д. 4998. — Л. 1.
- ²⁸⁸ Там же. — Д. 5063. — Л. 2—4.
- ²⁸⁹ Там же. — Оп. 3. — Д. 11. — Л. 1; Д. 492. — Л. 1; Д. 65. — Л. 9; Д. 182. — Л. 3; Д. 202. — Л. 2; Оп. 4. — Д. 191. — Л. 1; Д. 1141. — Л. 4; Д. 2005. — Л. 10.
- ²⁹⁰ Там же. — Оп. 4. — Д. 40. — Л. 2.
- ²⁹¹ *Цырман И.И.* Указ. соч. — С. 496—498.
- ²⁹² *Тамаркин В.Л.* Это было не во сне. — С. 201, 203—205.
- ²⁹³ РГАСПИ. — Ф. 69. — Оп. 4. — Д. 1367. — Л. 4.
- ²⁹⁴ *Иоффе Э.* Страницы истории евреев Беларуси. — С. 140.

²⁹⁵ Зевелев А.И., Курлат Ф.Л., Казлицкий А.С. Ненависть, спрессованная в тол. — М.: Мысль, 1991. — С. 26, 64—65, 83.

²⁹⁶ Там же. — С. 75, 76, 78.

²⁹⁷ См.: Цессарский А. В. Жизнь Д. Медведева. — М., 1969; ЭВОВ. — С. 439.

²⁹⁸ Цессарский А. В. Записки партизанского врача. — М., 1974. — С. 206.

²⁹⁹ Еврейское слово. — 2001. — № 45 (67). — 7—13 нояб. — С. 3.

³⁰⁰ Зевелев А.И., Курлат Ф.Л., Казлицкий А.С. Указ. соч. — С. 48, 97—98, 101, 110—111, 112, 146—147, 151, 162, 163, 219, 230, 232; Еврейское слово. — 2001. — № 45. — 6—13 нояб. — С. 3.

³⁰¹ АЯВ. — Ф. 033/262. — Л. 8.

³⁰² Черномордик Г. Возмездие. 22 месяца в Брянских лесах. — Тель-Авив, 2000. — С. 57—153.

³⁰³ РГАСПИ. — Ф. 69. — Оп. 4. — Д. 5206. — Л. 3.

³⁰⁴ АЯВ. — Ф. 033. — Д. 689. — Л. 1.

³⁰⁵ АМЛГ. — Ф. 688. — Д. 703. — Л. 1.

³⁰⁶ Розенблат Г. Указ. соч. — С. 16—18.

³⁰⁷ РГАСПИ. — Ф. 69. — Оп. 4. — Д. 5452. — Л. 5.

³⁰⁸ Там же. — С. 18, 19.

³⁰⁹ Краткая еврейская энциклопедия. — Т. 8. — Стб. 443.

³¹⁰ РГАСПИ. — Ф. 69. — Оп. 4. — Д. 478. — Л. 5—5 об.

³¹¹ Там же. — Д. 393. — Л. 3.

³¹² Там же. — Д. 796. — Л. 12.

³¹³ Там же. — Д. 967. — Л. 6.

³¹⁴ Там же. — Д. 1670. — Л. 3—3 об.

³¹⁵ АЯВ. — Ф. 03. — Д. 4389. — Л. 8—9.

³¹⁶ Приклер М. Кремянская А., Кремянский П. Указ. соч. — С. 48.

³¹⁷ Там же. — С. 126.

³¹⁸ РГАСПИ. — Ф. 69. — Оп. 3. — Д. 111. — Л. 7; Оп. 4. — Д. 1158. — Л. 8; Д. 2265. — Л. 3; Д. 2712. — Л. 9; Д. 4041. — Л. 2; Д. 4900. — Л. 2; Д. 5489. — Л. 3.

³¹⁹ АЯВ. — Ф. 033. — Д. 1046. — Л. 24, 27.

³²⁰ Рубенчик А. Указ. соч. — С. 101.

³²¹ Иоффе Э. Указ. соч. — С. 721.

³²² Смиловицкий Л. Указ. соч. — С. 125. Автор указывает, что в семейных лагерях и отрядах находилось 3700—5200 евреев. Понятно, что часть из них были маленькими детьми или пожилыми людьми, которые не могли оказывать содействие боевым группам. Поэтому мы используем при подсчетах минимальные цифры.

³²³ Там же. — С. 119.

³²⁴ Елисаветский С.Я. Указ. соч. — С. 306.

Глава 5

¹⁴²⁰ Подробнее см.: Ilya Altman et Claudio Ingerflom. Le Kremlin et l'Holocauste 1933—2001 // Vassili Petrenko. Avant et après Auschwitz. — Paris: Flammarion, 2002. — P. 217—281

² Среди последних работ выделим монографию: Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. — М.: Междунар. отношения, 2001.

³ Правда. — 1936. — 30 нояб. — С. 4. В связи с этим не вполне справедливо замечание И. Арада, что никаких официальных заявлений с протестами против такой поли-

тики Советский Союз не делал (*Арад И.* Отношение советского руководства к Холокосту // ВЕУМ. — 1995. — № 2 (9). — С. 11).

⁴ Правда. — 1938. — 11 — 20 нояб.

⁵ Некоторые зарубежные исследователи считают, что с середины апреля 1939 г. «Известия» прекратили публикации статей Эренбурга с осуждением нацистов (*Levin N.* The Jews in the Soviet Union. V. 1. — N. Y.; L. — 1988. — P. 330; *Арад И.* Указ. соч. — С. 13). В действительности с этого периода статьи Эренбурга вообще исчезают из советской прессы, но совсем по другой причине. У арестованных летом 1939 г. В. Мейерхольда и И. Бабеля, а также других деятелей советской культуры выбивали показания, что через Эренбурга К. Радек вербовал сторонников трокистской оппозиции. (см.: *Рубинштейн Д.* Жизнь и время Ильи Эренбурга. — СПб.: Академический проект, 2002. — С. 189—190, 193).

⁶ *Atshuller, Mordechai.* Escape and Evacuation of Soviet Jews // The Holocaust in the Soviet Union : Studies and Sources on the Destruction of the Jews in the Nazi Occupied Territories of the USSR, 1941—1945 / Ed. By Lucian Dobroszycki and Jeffrey S. Gurok. — NY.: M. E. Sharpe, 1993. — P. 84.

⁷ См.: *Костырченко Г.В.* Указ. соч. — С. 120—121.

⁸ Неделя. — 1988. — № 26. — С. 4.

⁹ *Костырченко Г.В.* Указ. соч. — С. 140, 177. В заключении своей работы автор приходит к более радикальному выводу: «Государственный антисемитизм возник в СССР в конце 30-х годов» (Там же. — С. 703).

¹⁰ См., напр.: *Валкаганов Д.* Сталин. Т. 2. — Москва, 1992. — С. 107.

¹¹ *Эренбург И.Ф.* Люди, годы, жизнь: В 3 т. Т. 1 — М.: Сов. писатель, 1990. — С. 46.

¹² Jewish Refugees from Poland in Belorussia, 1939—1940 / Introd. and annot. by Emanuel Yoffe and Viacheslav Selmenov // In Jews in Eastern Europe, #1(32). — Spring 1997. — Jer., 1997. — P. 46.

¹³ Не случайно в первом же донесении в Берлин о начале работы комиссии немецкие дипломаты сообщали, что на первом заседании советская сторона «не интересовалась судьбой евреев» (Там же).

¹⁴ Любопытно, что сам Максим Максимович Литвинов в анкете депутата Верховного Совета СССР в графе «национальность» написал «русский» (*Костырченко Г.В.* Указ. соч. — С. 515).

¹⁵ *Костырченко Г.В.* Указ. соч. — С. 188—189.

¹⁶ Там же. — С. 193.

¹⁷ Там же. — С. 122.

¹⁸ Исторические сборники «Мемориала». Вып. 1 // Репрессии против поляков и польских граждан. — М.: Звенья, 1997. — С. 129.

¹⁹ 1941 г.: В 2 кн. Кн. 1. — М., 1998. — С. 428.

²⁰ *Захаров В.В., Кулецов А.А.* Начало начал. Германия 1933—1939. — М.: Совершенно секретно, 2000. — С. 158.

²¹ *Шадрин Б.* Владивостокский транзит (1939—1941 гг.) // Прикоснувшись к истории. Еврейская диаспора Дальнего Востока России. XIX — XXI вв. — Владивосток, 2000. — С. 131, 132.

²² Там же. — С. 133—134.

²³ Там же. — С. 136.

²⁴ *Костырченко Г.В.* Указ. соч. — С. 219—220.

²⁵ *Арад И.* Катастрофа советского еврейства // Уничтожение евреев СССР. 1941—1944. — Иерусалим, 1992. — С. 5.

²⁶ См.: *Розенблюм Е., Еленская И.* Пинские евреи. 1939—1944 гг. — Брест, 1997. — С. 33 (слова раввина Ш.-Х. Розеншвейга).

²⁷ *Костырченко Г.В.* Указ. соч. — С. 190.

²⁸ См.: *Cholawsky, Shalom.* The Jews of Belorussia. — P. 3, 8, 9, 28. По мнению автора, число еврейских беженцев из Польши составляло 500 000 человек, причем половина из них оказалась в Западной Белоруссии.

²⁹ *Звонов М.* «По сараям — огонь!». — Рига, 1993. — С. 10.

³⁰ Исторические сборники «Мемориала». Вып. 1. — С. 129.

³¹ Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 7. — С. 210—211.

³² РГАСПИ. — Ф. 69. — Оп. 1. — Д. 480. — Л. 156, 158.

³³ Там же. — Ф. 17. — Оп. 252. — Д. 55. — Л. 2—8.

³⁴ См.: Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941—1948. Документированная история — М., 1996. — С. 39 (далее — Еврейский антифашистский комитет...)

³⁵ К середине октября 1941 г. удалось эвакуироваться более 54% еврейского населения, проживавшего в пределах «старой границы». До конца 1941 г. евреи составляли около четверти всех эвакуированных. Значительное число евреев Москвы и Ленинграда также приняло решение об эвакуации (См.: *Dubson V.* On the problem of the Evacuation of Soviet Jews in 1941 (New Archival Sources) // *Jews in Eastern Europe.* — #3(40). — Winter 1999. — P. 37—57).

³⁶ *Тамаркин В.* Это было не во сне. Воспоминания. — М., 1998. — С. 45.

³⁷ См.: *Швейбих С.* Эвакуация и советские евреи в годы Катастрофы // ВЕУМ. — 1995. — № 2 (9). — С. 36. В последние годы была предпринята попытка ввести в научный оборот документы якобы Госплана Крымско-Татарской АССР со сведениями об эвакуации евреев на осень 1941 г., которые в действительности оказались статистическими выкладками оккупационных властей (См.: *Тяглый М.* // Голокост и сущность. — Киев, 2002. #1. — С. 7).

³⁸ *Арад И.* Отношение советского руководства. — С. 32.

³⁹ *Швейбих С.* Указ. соч. — С. 39, 41, 44, 54; *Куманев Г.* Эвакуация населения СССР: достигнутые результаты и потери // *Людские потери в СССР в годы Второй мировой войны.* — СПб., 1995. — С. 137—146.

⁴⁰ *Швейбих С.* Указ. соч. — С. 37, 38.

⁴¹ *Dubson, Vadim.* Op. cit. — P. 49.

⁴² История Великой Отечественной войны. Т. 2. — С. 548. Как известно, часть эвакуированных вынуждена была вернуться или погибла в пути.

⁴³ *Dubson, Vadim.* Op. cit. — P. 56.

⁴⁴ *Dubson, Vadim.* Op. cit. — P. 48, 53. Только из Москвы к 10 сентября 1941 г. (т. е. до начала массовой эвакуации в связи с угрозой захвата города в середине октября 1941 г.) было вывезено 2 178 511 человек.

⁴⁵ Инициаторы и первые руководители этого комитета, известные польские бундоцы В. Альтер и Г. Эрлик были арестованы НКВД в декабре 1941 г. Первый из них был расстрелян в феврале 1943 г., а второй покончил с собой в тюрьме в мае 1942 г.

⁴⁶ Еврейский антифашистский комитет. — С. 51.

⁴⁷ См.: *Альтман И.А.* Судьба «Черной книги» // «Неизвестная Черная книга». — С. 16—28. Вскоре был убит С. Михозе, а затем закрыт и сам ЕАК. Его руководители, включая С. А. Лозовского, были расстреляны 12 августа 1952 г. По мнению М. Гефтера, ЕАК был обречен «и как еврейский, и как антифашистский» (см.: *Геф-*

тер М.Я. Эхо Холокоста и русский еврейский вопрос. — М.: НПЦ «Холокост», 1995. — С. 51).

⁴⁸ *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. — Москва, 1950. — С. 50—52.

⁴⁹ Правда. — 1942. — 29 апр. — С. 2.

⁵⁰ *Костырченко Г.В.* Указ. соч. — С. 227. Неубедительными представляются утверждения автора, что отдельные публикации о Холокосте «проходили» в период болезни Щербакова, «но в период кратковременного улучшения самочувствия он, видимо, попытался наверстать упущенное. Именно тогда, в начале мая 1945 года, появилось сообщение ЧГК о лагере смерти Освенцим, в котором о евреях не было сказано ни слова».

⁵¹ См.: *Костырченко Г.В.* Указ. соч. — С. 259—261.

⁵² *Безыменский Л.А.* Будапештский мессия. Рауль Валленберг. — М.: Совершенно секретно, 2001. — С. 33.

⁵³ Я.С. Хонигсман ошибочно утверждает, что это заявление не было опубликовано (см.: *Хонигсман Я.* Катастрофа еврейства Западной Украины, Еврен восточной Галиции, западной Волыни, Буковины и Закарпатья в 1933—1945 годах. — Львов, 1998. — С. 118). Вряд ли можно согласиться с предположениями Л.А. Безыменского (Указ. соч. — С. 49), что публикация текста в урезанном виде и не за подписью Молотова объясняется недостаточным количеством ссылок на Сталина (это было бы нетрудно сделать) либо тем, что для СССР, «уже миновавшего глубочайшую точку военного падения и не нуждавшегося в солидарности и материальной помощи еврейской общности», это было непринципиально. В этом случае документ вряд ли был бы вообще опубликован.

⁵⁴ Архив внешней политики РФ (АВПР). — Ф. 06. — Оп. 4. — Д. 67. — Папка 7. — Л. 22 (из справки НКВД от 6 декабря 1942 г. «О фактах зверства немцев над еврейским населением на временно оккупированной противником территории СССР»).

⁵⁵ *Медведев Д.Н.* Сильные духом. — М.: Сов. писатель, 1957. — С. 5—169.

⁵⁶ Трагедия евреев Белоруссии. 1941—1944. — Минск, 1995. — С. 94; *Круглов А.И.* Энциклопедия Холокоста. — Киев, 2000. — С. 112.

⁵⁷ См.: *Круглов А.И.* Энциклопедия Холокоста. — С. 204, 66. По данным автора, в 1943 г. здесь было уничтожено 150 000, а в 1944 г. — 110 000 евреев, но 98 500 из них составили жители Закарпатской области, вошедшей в СССР уже после войны. Таким образом, только в Украине в момент публикации заявления оставались в живых свыше 161 000 советских евреев.

⁵⁸ См.: *Альтман И.А.* Холокост в Советском Союзе // Брухфельд С., Левин П. «Передайте об этом детям Вашим...». История Холокоста в Европе. 1933—1945. — М., 2000. — С. 94—95.

⁵⁹ *Петренко В.Я.* До и после Освенцима. — М.: Фонд «Холокост», 2000. — С. 89—92, 101—104.

⁶⁰ *Арад И.* Отношение советского руководства. — С. 26—27.

⁶¹ РГАСПИ. — Ф. 69. — Оп. 1. — Д. 1090. — Л. 10—11.

⁶² НА РБ. — Ф. 4. — Оп. 339. — Д. 436. — Л. 11—13.

⁶³ См.: *Швейбихи С.* Указ. соч. — С. 53; *Арад И.* Отношение советского руководства. — С. 24.

⁶⁴ *Смиловицкий Л.* Катастрофа евреев в Белоруссии. 1941—1944. — Тель-Авив, 2000. — С. 57.

⁶⁵ Советские евреи пишут Илье Эренбургу. 1943—1966. — С. 191, 245. Поляку Юзефу Собесяку, ставшему впоследствии видным деятелем польской армии, было присвоено звание (в отличие от командиров советских партизанских отрядов) Праведник Народов Мира.

⁶⁶ Давыдов И. Камарад Серго // Динамовцы в боях за Родину. — М., 1979. — С. 79.

⁶⁷ Холцгемин Я. Катастрофа еврейства Западной Украины. — С. 234.

⁶⁸ Шульмейстер Ю. А. Гитлеризм в истории евреев. — Киев, 1990. — С. 185—186.

⁶⁹ Стежков М. Е. Праведники // Край Смоленский. — 1992. — № 7—8. — С. 7.

⁷⁰ Елисаветский С. Я. Полвека забвения. Евреи в движении Сопротивления и партизанской борьбе в Украине (1941—1944). — Киев, 1998. — С. 87 (конфликт был урегулирован с участием начальника штаба соединения В. Бегмы, давшего Абугову новое назначение).

⁷¹ Иоффе Э. Г. Страницы истории евреев Беларуси. — Минск, 1996. — С. 153; Левин В., Мельцер Д. Черная книга с красными страницами. — Балтимор: Вестник, 1996. — С. 67, 100.

⁷² РГАСПИ. — Ф. 69. — Оп. 1. — Д. 1067. — Л. 169.

⁷³ Цесарский А. В. Записки партизанского врача. — С. 208.

⁷⁴ АЯВ. — Ф. 033/263. — Л. 8, 9.

⁷⁵ Там же. — Ф. 033/1046. — Л. 26—27.

⁷⁶ Этот документ хранится в личном деле П. П. Вершингоры в фонде ЦШПД (РГАСПИ). — Ф. 69. — Оп. 4. — Д. 779. — Л. 16).

⁷⁷ Левин А. М. Евреи и партизаны Белоруссии в годы немецкого геноцида // Тень Холокоста. — М.: Фонд «Холокост». — С. 89—91.

⁷⁸ Рубенчик А. Правда о минском гетто. — Тель-Авив, 1999. — С. 23, 24.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Смиловицкий Л. Указ. соч. — С. 154.

⁸¹ Левин А. М. Указ. соч. — С. 91.

⁸² Смиловицкий Л. Указ. соч. — С. 157.

⁸³ Иоффе Г. Э. Указ. соч. — С. 152.

⁸⁴ Елисаветский С. Я. Указ. соч. — С. 39.

⁸⁵ ГА РФ. — Ф. 8131. — Оп. 31. — Д. 16308. — Л. 63—67.

⁸⁶ ЦГАООУ. — Ф. 1. — Оп. 23. — Д. 974. — Л. 65—66.

⁸⁷ Документы обвиняют. Холокост: свидетельства Красной Армии. — С. 111—118.

⁸⁸ Бэзыменский Л. Информация по-советски // Новый мир. — 1998. — № 5. — С. 198—199.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Петренко В. Я. Указ. соч. — С. 89—92, 101—104.

⁹¹ См., напр.: Арад И. Отношение советского руководства к Холокосту. — С. 33.

⁹² Altshuler, Mordechai. Escape and Evacuation of Soviet Jews // The Holocaust in the Soviet Union. — P. 87—88.

⁹³ Костырченко Г. В. Указ. соч. — С. 229.

⁹⁴ Швейбих С. Указ. соч. — С. 51—52.

⁹⁵ Бэзыменский Л. Информация по-советски. — С. 197.

⁹⁶ Там же. — С. 198—199.

⁹⁷ Там же. — С. 197.

⁹⁸ Правда. — 1943. — 8 авг. — № 194. — С. 2.

⁹⁹ Выражаю благодарность исследователю из Торонто Карелу Бергхоффу за эту информацию, обнаруженную им в документах Агитпропа ЦК ВКП(б).

¹⁰⁰ Великая Отечественная война. 1941—1945. Народ и Война. Т. 4. — М.: Ин-т истории РАН, Ин-т воен. истории, 1998. — С. 289.

¹⁰¹ ЦГАООУ. — Ф. 57. — Оп. 4. — Д. 18. — Л. 50.

¹⁰² Подробнее см.: *Костырченко Г.В.* Указ. соч. — С. 262—273.

¹⁰³ ЦГАООУ. — Ф. 1. — Оп. 23. — Д. 685. — Л. 26, 84.

¹⁰⁴ *Громов Е.С.* Сталин: власть и искусство. — М.: Республика, 1998. — С. 350—352.

¹⁰⁵ Советские евреи пишут Илье Эренбургу. 1943—1966. — Иерусалим, 1993. — С. 133.

¹⁰⁶ Там же. — С. 152.

¹⁰⁷ Там же. — С. 140—141 (автор письма в издании не указан; он атрибутирован нами по тексту «Неизвестной Черной книги» (М.; Иерусалим, 1993). — С. 124, 130).

¹⁰⁸ ЦГАООУ. — Ф. 1. — Оп. 23. — Д. 817. — Л. 22.

¹⁰⁹ *Френкель А.* Память о Холокосте: ситуация в Российской Федерации // Катастрофа европейского еврейства під час Другої світової війни. Рефлексії на межі століть. — Київ, 2000. — С. 248.

¹¹⁰ *Смиловицкий Л.* Катастрофа евреев в Белоруссии. — С. 247—248, 254.

¹¹¹ *Гидалевиц Б.* Это забыть нельзя. Евреи — жертвы нацизма и герои Сопротивления. Книга памяти. — Иерусалим, 1997. — С. 5.

¹¹² Благодарим Ж.М. Конбу за эту информацию.

¹¹³ ГА РФ. — Ф. 9401. — Оп. 1. — Д. 2435. — Л. 252—253.

¹¹⁴ Подробнее см. в ст.: *Ilya Altman.* Histoire et destinée du Livre Noir // In Ilya Erenburg & Yassili Grossman. Le Livre Noir. — Paris: Solin, Actes Sud, 1995. — PP. 17—32.

¹¹⁵ *Бегун И.* Запрет на память о Холокосте // Тень Холокоста. — М.: Фонд «Холокост», 1999. — С. 111—112.

¹¹⁶ См.: *Костырченко Г.В.* Указ. соч. — С. 678.

¹¹⁷ *Arad, Yitzhak.* The Christian Churches and the persecution of Jews in the occupied territories of the USSR. — The Holocaust and the Christian World. — L., 2000. — P. 108—111.

¹¹⁸ ГА РФ. — Ф. 8113. — Оп. 1., д. 1135. — Л. 71—72.

¹¹⁹ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 125. — Л. 92, 23—25. Выражаем признательность М.А. Шкаровскому, выявившему этот документ.

¹²⁰ *Коваль М.В.* Нацистский геноцид. — С. 29.

¹²¹ Там же.

¹²² *Левитас И.* Праведники Бабьего Яра. — Киев: Евр. совет Украины, 2001. — С. 218.

¹²³ См.: *Подольский А.Е.* Уничтожение еврейского населения в Среднем Поднепровье во время нацистской оккупации Украины // ВЕУМ. — 1996. — № 1(11). — С. 68. Отметим, что автор (вслед за мемуаристом) как бы осуждает это предложение священнослужителей, которые «использовали» грозящую евреям опасность. Между тем это действие было небезопасно для самих священников. Кроме того, оно предпринималось, в первую очередь, для спасения людей.

¹²⁴ *Левин Р.* Мальчик из гетто. — М.: НПЦ «Холокост», 1996. — С. 44.

¹²⁵ *Смиловицкий Л.* Указ. соч. — С. 62.

¹²⁶ *Сусленский Яків.* Справжній герої. Про участь громадян України у рятуванні євреїв від фашистського геноциду. — Київ, 1993. — С. 22—41.

¹²⁷ ЦГАОВОУ. — Ф. 3833. — Оп. 1. — Д. 66. — Л. 6.

- ¹²⁸ Хонгесман Я. С. Катастрофа еврейства Западной Украины. — С. 251.
- ¹²⁹ «Черная книга». — С. 377.
- ¹³⁰ Терляцкая А. Еще раз о еврях и литовцах // Лехаим. — 2001. — № 4. — С. 33.
- ¹³¹ АФХ (информация А. М. Бляхера).
- ¹³² Левин Р. Мальчик из гетто. — С. 22. Самого 12-летнего Романа Левина укрыв и снабдил одеждой православный священник В.И. Волянский под Брестом (Там же. — С. 44, 46—47).
- ¹³³ Смилевичкий Л. Указ. соч. — С. 63, 64.
- ¹³⁴ Уничтожение евреев СССР. — С. 92.
- ¹³⁵ ЦГАВООУ. — Ф. 3833. — Оп. 1. — Д. 66. — Л. 1—2.
- ¹³⁶ The Holocaust and the Christian World. — P. 112.
- ¹³⁷ ЦГАВООУ. — Ф. 4393. — Оп. 1. — Д. 7. — Л. 22—23.
- ¹³⁸ Там же. — Ф. 4260. — Оп. 3 — Д. 379. — Л. 49.
- ¹³⁹ Там же. — Д. 378. — Л. 36.
- ¹⁴⁰ ГАЧО. — Ф. 307. — Оп. 1. т. 1. — ДД. 235, 653, 753—755, 759—760.
- ¹⁴¹ Там же. — Оп. 1, т. 2 — Д. 2360, 2366, 3304, 3329—3331, 3335.
- ¹⁴² Там же. — Оп. 1, т. 1. — Д. 659. — Л. 5.
- ¹⁴³ Там же. — Д. 738 — Л. 1—4; Оп. 1, т. 2. — Д. 2366. — Л. 1.
- ¹⁴⁴ Там же. — Д. 664. — Л. 1—2.
- ¹⁴⁵ Там же.
- ¹⁴⁶ Дорон (Спектор) Д. Кишиневское гетто — последний погром. — Тель-Авив: Б-ка «Алия», 1993. — С. 99, 171, 175—176, 177.
- ¹⁴⁷ Carp M. Cartea Neagra. — Vol. 3. — Bucharest, 1947. — P. 217.
- ¹⁴⁸ ЦГАООУ. — Ф. 1. — Оп. 23. — Д. 1062. — Л. 86—87.
- ¹⁴⁹ Смилевичкий Л. Указ. соч. — С. 62.
- ¹⁵⁰ АФХ (коллекция «Праведники Народов Мира»).
- ¹⁵¹ Рывкин М., Шульман А. Породненные войной. — Витебск, 1997. — С. 4, 18—20.
- ¹⁵² Трагедия евреев Белоруссии в 1941—1944 г. — С. 77—78.
- ¹⁵³ The Einsatzgruppen Reports (далее — ER). — P. 68.
- ¹⁵⁴ НА РБ. — Ф. 510. — Оп. 1. — Д. 100. — Л. 120.
- ¹⁵⁵ Коваль М. В. Нацистський геноцид щодо до євреїв та українське населення (1941—1944) // Український історичний журнал. — 1992. — № 2. — С. 28.
- ¹⁵⁶ Уничтожение евреев СССР. — С. 322.
- ¹⁵⁷ АЯВ. — Ф. 033/4389. — Л. 3 (свидетельство П. Задунайского).
- ¹⁵⁸ Litani, Dora. Op. cit. — P. 143.
- ¹⁵⁹ Смилевичкий Л. Указ. соч. — С. 75.
- ¹⁶⁰ Казницева Г. «Пережить мне пришлось столько, что словами этого не передать...» // Край Смоленский. — 1994. — № 6. — Июнь. — С. 39.
- ¹⁶¹ Стеклов М. Е. Праведники // Край Смоленский. — 1992. — № 7—8. — С. 8.
- ¹⁶² ГАПО. — Ф. Р—903. — Оп. 3 — Д. 12. — Л. 169 об.
- ¹⁶³ Левин Р. А. Мальчик из гетто. — С. 32.
- ¹⁶⁴ ЦГАООУ. — Ф. 57. — Оп. 4. — Д. 194. — Л. 42 (сводка ЦШПД от 19. 12. 1943 г.).
- ¹⁶⁵ Заблещеню не подлежит. — С. 53, 59—62.
- ¹⁶⁶ Там же. — С. 75, 239—240.
- ¹⁶⁷ ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 16. — Д. 98. — Л. 153.
- ¹⁶⁸ «Неизвестная Черная книга». — С. 36—39.
- ¹⁶⁹ ГАПО. — Ф. Р—903. — Оп. 3 — Д. 6. — Л. 7—8.
- ¹⁷⁰ Альшман И. А., Гербер А. Е., Полторик Д. И. Указ. соч. — С. 31.

- ¹⁷¹ См.: *Цырман И.* Бабьи Яры Смоленщины // Появление, жизнь и катастрофа смоленского еврейства. — Смоленск: Русич, 2001. — С. 76—77.
- ¹⁷² «Черная книга». — С. 197.
- ¹⁷³ АЯВ. — Ф. 03/4389. — Л. 7—8.
- ¹⁷⁴ Там же. — Ф. 033/1541. — Л. 8—10 об.
- ¹⁷⁵ ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 40. — Д. 11. — Л. 54.
- ¹⁷⁶ ГАКО. — Ф. 1122. — Оп. 2. — Д. 2. — Л. 4.
- ¹⁷⁷ *Хисин А.* Возвращение с Голгофы. — Одесса, 2000. — С. 30, 36.
- ¹⁷⁸ *Розенблат Е., Еленская И.* Указ. соч. — С. 175.
- ¹⁷⁹ АЯВ. — Ф. 033/1541. — Л. 9.
- ¹⁸⁰ *Кловский Д.* Дорога из Гродно. — Самара, 1994. — С. 26—27.
- ¹⁸¹ Там же. — С. 176.
- ¹⁸² «Неизвестная Черная книга». — С. 185—186.
- ¹⁸³ Там же. — С. 215.
- ¹⁸⁴ ГАЧО. — Ф. Р— 307. — Оп. 1, т. 1. — Д. 125, 171, 1116.
- ¹⁸⁵ «Черная книга». — С. 33.
- ¹⁸⁶ Архив ФСБ. — «Киевский процесс», т. 17. — Л. 260.
- ¹⁸⁷ Уничтожение евреев СССР. — С. 316.
- ¹⁸⁸ *Хонигсман Я.С.* Катастрофа еврейства Западной Украины. — С. 253.
- ¹⁸⁹ Архив ФСБ. — «Рижский процесс», т. 18 (вещественные доказательства). — Л. 256—256 об.
- ¹⁹⁰ *Кравченко Р.А.* Мой XX век. Стоп-кадры. — Апатиты, 1998. — С. 123—124.
- ¹⁹¹ Уничтожение евреев СССР. — С. 139—140.
- ¹⁹² *Илькевич Н.* Указ. соч. — С. 3.
- ¹⁹³ ЦГАООУ. — Ф. 57. — Оп. 4. — Д. 189. — Л. 298.
- ¹⁹⁴ «Черная книга». — С. 12.
- ¹⁹⁵ *Рубенчик А.* Путь о минском гетто. — С. 51, 101.
- ¹⁹⁶ ЦГАООУ. — Ф. 1. — Оп. 23. — Д. 121. — Л. 1.
- ¹⁹⁷ ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 29. — Д. 6. — Л. 25.
- ¹⁹⁸ ЦГАВОУ. — Ф. 4260. — Оп. 3. — Д. 289. — Л. 9—10.
- ¹⁹⁹ РГАСПИ. — Ф. 69. — Оп. 4. — Д. 14. — Л. 9.
- ²⁰⁰ *Хонигсман Я.С.* Катастрофа еврейства Западной Украины. — С. 338 (пер. с укр.).
- Ср.: *Ковба Ж.* Указ. соч. — С. 94.
- ²⁰¹ ЦГАВОУ. — Ф. МКФ—8. — Оп. 2. — Д. 157. — Л. 243.
- ²⁰² Уничтожение евреев СССР. — С. 322.
- ²⁰³ Винничина в роки Великої Вітчизняної війни. Збірник документів і матеріалів. — Одеса, 1971. — С. 69.
- ²⁰⁴ *Левитас Ф.Л.* Указ. соч. — С. 192.
- ²⁰⁵ *Долматовский Е.* Зеленая брама. — М.: Сов. писатель, 1985. — С. 194—195.
- ²⁰⁶ *Левитас И.М.* Указ. соч. — С. 33.
- ²⁰⁷ *Рыкин М., Шульман А.* Указ. соч. — С. 12—13.
- ²⁰⁸ *Смиловицкий Л.* Указ. соч. — С. 57 (это произошло в июне 1943 г. По данным ЧГК, было сожжено 144 человека. Благодарим Е.С. Розенבלата за эти сведения).
- ²⁰⁹ *Коваль М.В.* Нацистский геноцид. — С. 31.
- ²¹⁰ *Хонигсман Я.С.* Указ. соч. — С. 252.
- ²¹¹ *Стеклов М.* Указ. соч. — С. 8.
- ²¹² *Цырман И.* Указ. соч. — С. 105.
- ²¹³ Документы обвиняют. — С. 78.

- ²¹⁴ *Львин М.* Это был ад // Рабочий путь. — Смоленск, 1992. — 31 янв. — № 21. — С. 3.
- ²¹⁵ См.: *Жарикова Р.* Указ. соч. — С. 4.
- ²¹⁶ Там же. — С. 192.
- ²¹⁷ *Смиловицкий Л.* Указ. соч. — С. 57.
- ²¹⁸ *Казанцева Г.* Указ. соч. // Край Смоленский. — 1994. — № 6. — Июнь. — С. 39.
- ²¹⁹ ГАСО. — Ф. Р—1360. — Оп. 2. — Д. 28. — Л. 117.
- ²²⁰ АЯВ. — Ф. 03/690. — Л. 2.
- ²²¹ *Рывкин М., Шульман А.* Указ. соч. — С. 7.
- ²²² См.: *Эрнбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. — М.: Худож. лит., 1967. — Т. 9. — С. 416.
- ²²³ ГАКО. — Ф. Р—3466. — Оп. 1. — Д. 10. — Л. 38.
- ²²⁴ *Шульмейстер Ю.А.* Указ. соч. — С. 139.
- ²²⁵ ГАКО. — Ф. Р—751. — Оп. 3. — Д. 75. — Л. 61.
- ²²⁶ *Стеклов М.* Указ. соч. — С. 7.
- ²²⁷ *Левитас И.* Указ. соч. — С. III.
- ²²⁸ *Хонигсман Я.С.* Катастрофа еврейства Западной Украины. — С. 250.
- ²²⁹ *Смиловицкий Л.* Указ. соч. — С. 74—75.
- ²³⁰ *Левитас И.* Указ. соч. — С. 69.
- ²³¹ *Левитас Ф.Л.* Указ. соч. — С. 195—196 (пер. с укр.).
- ²³² *Левитас И.* Указ. соч. — С. 197—198.
- ²³³ АФХ (коллекция «Праведники Народов Мира»).
- ²³⁴ «Черная книга». — С. 368.
- ²³⁵ *Хонигсман Я.С.* Катастрофа еврейства Западной Украины. — С. 249.
- ²³⁶ *Львин Р.* Мальчик из гетто. — С. 53—71.
- ²³⁷ *Рывкин М., Шульман А.* Указ. соч. — С. 12—13.
- ²³⁸ *Левитас Ф.Л.* Указ. соч. — С. 199—200.
- ²³⁹ «...На перекрестках судеб»: Из воспоминаний бывших узников гетто и Праведников Народов Мира. — Минск: Четыре четверти, 2001. — С. 133.
- ²⁴⁰ *Левитас Ф.Л.* Указ. соч. — С. 198—199.
- ²⁴¹ Забвению не подлежит. — С. 53.
- ²⁴² Там же. — С. 76—77.
- ²⁴³ Там же. — С. 80, 82.
- ²⁴⁴ Там же. — С. 88—90, 152—153.
- ²⁴⁵ АЯВ. — Ф. 0-33/4656 (свидетельство С.А. Вайсбляя).
- ²⁴⁶ Там же.
- ²⁴⁷ «Черная книга». — С. 369.
- ²⁴⁸ *Шульмейстер Ю.А.* Гитлеризм в истории евреев. — С. 188.
- ²⁴⁹ Там же. — С. 138.
- ²⁵⁰ *Сушон Л.* Транснистрия. Евреи в аду. Черная книга о Катастрофе в Северном Причерноморье (по воспоминаниям и документам). — Одесса: РИО АО кинокомпания «Юг», 1998. — С. 41.
- ²⁵¹ *Альтман И.А., Гербер А.Е., Полторак Д.И.* Указ. соч. — С. 64.
- ²⁵² *Отерштейн Т.* Евреи Таганрога. — Таганрог, 1999. — С. 88.
- ²⁵³ ГАПО. — Ф. Р—903. — Оп. 3. — Д. 12. — Л. 126 об.
- ²⁵⁴ *Рывкин М., Шульман А.* Указ. соч. — С. 18.
- ²⁵⁵ *Коваль Л.С.* Указ. соч. — Т. 2 — С. 214—226.
- ²⁵⁶ *Сулеский Я.* Указ. соч. — С. 23.
- ²⁵⁷ «Черная книга». — С. 363.

²⁵⁸ Розенблат Е. С. Жизнь и судьба брестской еврейской общины XIV—XX вв. — Брест, 1993. — С. 49—50.

²⁵⁹ Стеклов М. Указ. соч. — С. 8.

²⁶⁰ АЯВ. — Ф. 0— 33/4653. — Л. 4.

²⁶¹ См.: МБГ. — 2000. — № 2. — Янв. — С. 2.

²⁶² Сушон Л. С. Указ. соч. — С. 188—189.

²⁶³ Левитас И. М. Указ. соч. — С. 165, 211, 226.

²⁶⁴ Левин В., Мельцер Д. Черная книга с красными страницами. — Балтимор: Вестник, 1996. — С. 408.

²⁶⁵ Смиловицкий Л. Указ. соч. — С. 58—60.

²⁶⁶ *Rogat, Dina*. Op. cit. — P. 130.

²⁶⁷ Шульмейстер Ю. А. Указ. соч. — С. 139; Смиловицкий Л. Указ. соч. — С. 51.

²⁶⁸ Левитас И. Указ. соч. — С. 242.

²⁶⁹ Хонигсман Я. Катастрофа еврейства Западной Украины. — С. 252.

²⁷⁰ Ковба Ж. Указ. соч. — С. 171—202; 230—231.

²⁷¹ Там же. — С. 233.

²⁷² В литературе черным таким документом называют написанную Аббой Ковнером листовку молодежной организации вильнюсского гетто от 1 января 1942 г. (см., напр.: *Rogat, Dina*. Op. cit. — P. 111).

²⁷³ «Неизвестная Черная книга». — С. 279, 288.

²⁷⁴ Там же. — С. 233.

²⁷⁵ Выражаем благодарность сотруднику Отдела Праведников Народов Мира «Яд Вашем» Кате Гусаровой за предоставление этих сведений.

²⁷⁶ Левитас И. Указ. соч. — С. 3, 5, 6.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абпская 282
 Абреце 237
 Австрия 89, 206, 208, 237, 239, 246, 379, 445, 457
 Адыея 282
 Азери, лаг. 190
 Азия 46
 Азов, Азовский р-н 275
 Айзпуге 91
 Аксай 285
 Александрійская 279
 Александрійско-Обиленский (Георгіевский) р-н 279
 Александровка 275
 Александровская 279
 Алексеевская 281
 Алексеевское 279
 Алушта 287
 Америка 46, 239
 Анапа, Анапский р-н 281
 Англия 376, 393, 398
 Андреаполь 268
 Антополь 102
 Аланасниковский р-н 279
 Апполонский р-н 279
 Аргентина 347
 Арзгир 279
 Армавир, Армавирский р-н 62, 281, 283, 396
 Армянск 97, 324
 Артемовка 287
 Артемовск 60
 Архангельский р-н 169, 281
 Аувер, лаг. 190
 Аушвиц, лаг. см. Освенцим
 Африка 25, 46
 Ахмететка 297
 Ахтырка 36

 Баблевка 440
 Бабий Яр 13, 42, 50, 184, 199, 223, 238, 290, 291, 311, 321, 391, 395, 397, 398, 408, 413, 415, 427, 432, 441, 447
 Балабановка 275
 Балви 91, 237
 Балин 83

 Балта, Балтский уезд 79, 82, 323
 Балтия см. Прибалтика
 Бар, Барский р-н 102, 182, 321
 Барановичи, Барановичская обл. 14, 75, 90, 105, 108, 122, 124, 155, 175, 210, 214, 242, 245, 246, 329, 331, 351, 352, 356, 421
 Барлово 368
 Батурино 260
 Бауска 91, 237
 Бахчисарай, Бахчисарайский р-н 287
 Бегомльский р-н 402
 Бежаницы, Бежаницкий р-н 96, 99, 100, 101, 251
 Беженк 268
 Безопасное 279
 Беларусь (Белоруссия) 6, 7, 9, 11, 13, 14, 17, 18, 21, 25, 28, 33, 37, 38, 41, 51, 52, 61, 64, 68, 69, 73, 74, 84, 87, 88, 90, 102, 104, 106, 108, 112, 133, 138, 139, 142, 143, 152, 164, 169, 170, 175, 180, 186, 189, 191, 194, 195, 199, 208, 210, 212, 214, 217, 219, 225, 227, 231, 236, 242—248, 255, 256, 261, 272, 282, 289, 298, 300, 303, 309, 311, 314, 316, 317, 319, 320, 323, 325, 326, 329, 330, 340, 344, 348, 352, 355, 357, 359, 360, 362, 365, 367, 369, 371, 372, 379, 384, 385, 388, 396, 399, 401, 403, 413, 421, 424, 433, 439, 443, 452
 Белая Глина 281
 Белая Церковь 50, 200, 202, 204, 223, 320
 Белгород 270, 271
 Белгородская обл. 254, 270, 271, 286
 Белжец, лаг. 123
 Белоглинский р-н 281
 Белогорек см. Карасубазар
 Белополье, лаг. 73, 184
 Белореченская 282
 Белоосток 87, 90, 91, 102, 104, 105, 109, 113, 114, 122, 124, 125, 141, 149, 151, 153, 157, 160, 169, 172, 175, 178, 179, 187, 213, 242, 243, 245, 246, 328, 331, 335, 344, 346, 357, 369, 440, 460

- Белостокская обл. 28, 87, 109, 225, 325, 349
 Белый 268
 Белый карьер 86
 Бельгия 19, 237, 355, 406
 Бельское 258
 Бельцы (Бэлыцы) 76, 106, 121, 299
 Бердичев 84, 134, 221, 223, 231
 Береза-Картузская 102, 109, 124
 Березно 326, 357, 396, 402
 Березовка, Березовский уезд 79, 81
 Берлин 25, 41, 43, 44, 48, 60, 86, 133, 135, 143, 144, 199, 205, 206, 212, 229, 235, 287, 377, 383, 451
 Бершадь, Бершадский р-н 62, 68, 82, 127, 152, 322, 326, 332, 354, 361
 Бессарабия 9, 10, 17, 75, 78, 81, 82, 128, 147, 148, 163, 180, 206, 211, 218, 229, 297, 300, 330, 383
 Бесскорбная 282, 283
 Биркенау см. Освенцим
 Биробиджан 375, 380, 382
 Благодарное, Благодарненский р-н 279, 280
 Благодатное 280, 445
 Ближний Восток 381
 Бобринцы 84
 Бобруйск 104, 243, 246, 308, 323
 Бобынинский р-н 269
 Богдановка 104, 279, 280, 284, 297, 318
 Богуна 104
 Болгария 375
 Болград 297
 Бологое 268
 Болехов 358
 Болхов 266
 Большая Салтановка 439
 Большое Шабунино 259, 260
 Большие Борки 181
 Боргустанская 279
 Борислав 184, 328, 448
 Борисов 14, 62, 141, 143, 149, 152, 214, 226, 227, 243, 308, 403, 419, 435
 Боровичи 253
 Борщов 109, 110, 420
 Браилов 121
 Браслав, Браславльский р-н 64, 139, 245, 326, 437
 Брест (Брест-Литовск) 14, 19, 20, 23, 31, 61, 63, 64, 88, 91, 102, 111, 126, 131, 141, 151, 153, 158, 169, 175, 183, 214, 242, 243, 245, 246, 291, 309, 316, 331, 352, 386, 396, 421, 446
 Брестская обл. 59, 66, 124, 342, 351, 356, 418
 Броды 109, 328, 358
 Брянск 38, 254, 262, 264, 267, 271, 336, 403
 Брянская обл., Брянщина 19, 37, 50, 62, 98, 100, 116, 254, 261, 264, 272, 286, 288, 337, 364, 366, 368, 370
 Буг, р. см. Южный Буг
 Буденновск (Прикумск) 276, 279
 Буки 67
 Буковина 9, 10, 17, 20, 28, 33, 61, 68, 77, 78, 81, 82, 104, 107, 128, 147, 154, 155, 163, 165, 173, 180, 181, 206, 211, 218, 233, 289, 295, 297, 299, 300, 308, 310, 383, 415, 422, 423, 432
 Бульшево 269
 Бутене 326
 Бутримонне 92
 Бухарест 124, 154, 211, 307, 423
 Буэнос-Айрес 347
 Бышковичи 269
 Бэлыцы см. Бельцы
 Вабалнинкас 92
 Вад-Рашков 62
 Вайвара, лаг. 190, 236
 Вайнер, лаг. 190
 Валка 237
 Валуйки 271
 Ванзее 180, 194, 196, 206, 207, 238, 303
 Варакляны 91
 Варваровка 182, 183
 Варниковский р-н 281
 Варшава 52, 83, 102, 123, 221, 261, 335, 344, 346
 Ватикан 420
 Вашингтон 19
 Велж 62, 96, 99, 101, 116, 117, 119, 126, 152, 157, 171, 177, 228, 254, 256, 258, 312, 319, 367, 369, 430, 440
 Великие Луки 62, 96, 99, 101, 118, 249, 250
 Вена 123
 Венгрия 39, 83, 87, 185, 190, 246, 289, 298, 313, 397, 406, 420, 457

- Вентспилс, Вентспилский уезд 91, 220, 237
- Верба 83
- Вертюжень 77
- Вертячий 302
- Веселый 275
- Видзы 245
- Вилейка, Вилейская обл. 102, 141, 149, 162, 188, 331, 352, 400
- Виленский край 340, 381
- Вилкавишкис 92
- Вильнюс (Вильно) 11, 41, 61, 92, 93, 102, 105, 106, 108, 110, 114, 121, 124, 125, 127, 137, 140, 157, 163, 165, 172, 176, 178, 179, 186, 187, 189, 190, 219, 234, 236, 241, 242, 325, 335, 346, 354, 359, 397, 414, 433, 434, 451
- Вильямполе см. Каунас
- Вильянди 61
- Виляка 91
- Виляни 237
- Винница 19, 23, 36, 103, 111, 134, 171, 181, 291, 314, 321, 323, 325, 430, 431, 434, 442
- Винницкая обл. 13, 20, 28, 61 64, 81, 82, 84, 85, 102, 109, 120, 142, 180, 185, 222, 290, 293, 295, 321—323, 326, 327, 353, 354, 357, 358, 361, 372, 404, 421, 423, 445, 453
- Вирбалис 92
- Витебск 14, 42, 61, 88, 149, 243, 246, 249, 368, 396
- Витебская обл. 62, 88, 111, 242, 249, 303, 352, 439, 443, 446
- Виши 54
- Вишнево 61
- Владивосток - 382
- Владимир-Волынский 108, 109, 121, 122, 333, 340, 348, 422
- Власово 270
- Водино 286
- Войкевичи 362
- Волгоградская обл. см. Сталинградская обл.
- Волковыск 355
- Воложин 326
- Волянь, Волянская обл. (Волянь Подолля) 9, 30, 75, 83, 84, 87, 102, 103, 108, 110, 111, 121, 126, 146, 151, 180, 290, 293, 294, 310, 314, 326, 331, 340, 342, 348, 353, 357, 360, 361, 396, 400, 402, 422
- Воронеж 285
- Воронежская обл. 273, 282, 285, 286
- Воронцово-Александрийский р-н 279
- Ворошиловград (Луганск) 292, 293
- Ворошиловградская обл. 229
- Ворошиловск, Ворошиловский р-н см. Ставрополь
- Выжница 296
- Вырица 61, 96, 99 101, 253
- Высоцк 331, 340
- Вышний Волочк 268
- Вязьма 256, 258, 260
- Гайсин, Гайсинский р-н 64, 326, 423
- Галиция 9, 28, 61, 73, 74, 82, 83, 87, 90, 102, 105, 107, 109, 110, 112, 121, 122, 124, 125, 135, 145, 148, 151, 161, 175, 176, 180, 183 185, 187, 196, 206, 224, 290, 291, 295, 298, 313, 316, 331, 332, 343, 358, 360, 418, 419, 433, 439, 440, 447, 448, 450, 460
- Гамбург 380
- Ганштаковка 284
- Ганцевичи 183, 310
- Гатчина (Красногвардейск), Гатчинский р-н 249, 253
- Гдов, Гдовский р-н 250, 253, 428
- Георгиевск, Георгиевский (Александрийско-Обиленский) р-н 279
- Германия см. рейх, Восточная Пруссия 3, 6, 8, 11, 15 18, 25 28, 35—39, 44—46, 49, 51, 59, 89, 91, 104, 171, 186, 187, 190, 192, 194 196, 201, 206, 211, 221, 229, 230, 233, 235, 237, 239, 242, 246, 247, 276, 303, 327, 350, 373, 380, 382, 383, 398, 400, 402, 408, 410, 416, 417, 436, 445, 447, 451, 456, 457, 458, 461
- Герц 296
- Гжатск (Гагарин) 254, 260
- Гиагинская 283
- Гидигич 180
- Глинка 260
- Глубокое 90, 91, 102, 105, 214, 246, 142, 310, 340, 344, 439

- Глушковичи - 226, 362
 Голландия (Нидерланды) 237, 246, 406
 Головлево 266
 Голта, Голтекий уезд 77
 Гомель 88, 102, 243
 Гомельская обл. 88, 242, 243
 Горловка 292
 Городея 340
 Городище 226
 Городок (Витебская обл.) 243
 Городок (Хмельницкая обл.) 83, 167, 318
 Горячеводская 279, 280
 Гофинское 279
 Греция 406, 409
 Григориапольская 280, 282
 Гродненская обл. 28, 87, 104, 242, 359
 Гродно, Гродненский р-н 28, 61, 74, 87, 102, 105, 106, 109, 111, 114, 124, 141, 158, 175, 246, 331, 335, 349, 431, 440
 Грузия 280
 Гуково 275
 Гулькевич 281
 Гусино 95, 99, 101, 167, 258
 Густопшинский р-н 251, 312
 Гущенцы 184

 Дальний Восток 377, 380, 381
 Дальник см. Одесса
 Даугавпилс 46, 91, 106, 134, 237, 239, 306, 354
 Двина, р. 88, 396
 Дедовичский р-н 252, 312
 Делятин 353, 400
 Демидов, Демидовский р-н 256, 258, 368
 Демидовка 326
 Деречии 341, 357
 Дерт см. Тарту
 Дзеганка 281
 Джанкой, Джанкойский р-н 87, 97, 100, 287, 324
 Джурин 152, 154, 158, 163, 445
 Дивак см. Чуднов
 Дивное 279
 Дисна 141, 329, 342
 Дмитрисв 37
 Дмитрисв-Льговский 96, 99, 101, 167, 272

 Дмитрисвское 279, 280
 Днепр, р. 28, 152, 263, 321
 Днепровская 281
 Днепродзержинск 84
 Днепропетровск 30, 36, 61, 139, 181, 292, 321, 395, 442
 Днепропетровская обл. 169, 181, 294, 313, 353, 354, 445
 Днистр, р. 28, 299, 461
 Дондуковская 282
 Докишцы 310, 329
 Долгиново 169, 317, 368, 396
 Долина 420, 439
 Доманевка 104, 297, 300
 Донбасс 38
 Дондуковская 282
 Донецк (Сталино, Юзовка) 44, 86, 139, 149, 150, 181
 Донецкая (Сталинская) обл. 86, 181, 290, 292, 313
 Дорогобуж 260
 Дорохой 78
 Дробицкий Яр 292
 Дрогичин 102
 Дрогичин 75, 105, 107, 142, 175, 441, 443
 Дрогобычская обл. 28, 82, 181, 295
 Друя 326, 342
 Дубовое 269
 Дубно, Дубновский р-н 83, 134, 314, 326
 Дубоссары 76, 299
 Дубровица 229, 326, 357
 Дубровка (Ленинградская обл.) 253
 Дуброво 396
 Духовщина 228, 258, 440
 Дятлово 357

 Евпатория 61, 62, 87, 100, 110, 282, 284
 Еврейская автономная обл. 378, 379, 382
 Европа 3, 6, 15, 22, 38, 39, 45, 47, 51, 89, 91, 111, 186, 188, 193, 194, 199, 201, 206, 240, 246, 356, 374, 382, 383, 393, 394, 399, 406, 407, 409, 410, 414, 418, 436, 454, 455, 457, 458, 460
 Егорлыцкая, Егорлыцкий р-н 275, 279

Едвабно 225
Единцы 76, 77
Ейск 281, 283
Екаблиле 91, 237
Елгава 91, 237
Елья 256, 258, 312
Енакиево 86
Ершичи 260
Ессентуки 97, 100, 101, 119, 273, 276
279, 281, 312, 409
Ефремов 270
Ехва, лаг. 190

Жабинка 386, 443
Железница 250
Железноводск 279
Житомир 30, 84, 134, 293, 295, 314, 426
Житомирская обл. 84, 223, 225, 229,
231, 294, 426, 444
Житомль 349
Жмеринка, Жмеринский р-н 82, 120,
121, 126, 128, 152, 154, 158, 162,
164, 174, 321, 322, 326, 415
Жолква 50

Закарпатская обл. 87
Залесье 445
Залушкис 92
Замбров 104
Западная Двина 268
Запорожская обл. 128, 169, 290, 292, 293
Запорожье 11, 12, 61, 63, 86, 282
Заставна 78
Захарино 96, 99, 101, 119, 258
Звенгородка 84, 182
Здолбунов 396
Зеленокумск 279
Зеленчукская 280
Земцово 270
Зеньково 436
Зерноград 275
Зилупе 91
Зиньков 83, 139
Златополь 311
Златовка 301
Злочев 112, 127, 181, 315
Злынка 96, 98, 100, 101, 263
Змиевская балка см. Ростов-на-Дону
Золотоноша 86, 293
Зубов 282

Ивано-Франковская (Станиславская) обл. 28, 82, 181, 295, 353, 358,
400
Ивепицкий р-н 403
Ивьє 141, 143, 329
Игнатов 266
Идрица 252
Иерусалим 8, 18, 19, 23, 198
Измаильская обл. 79, 295
Изобильное, Изобильненский р-н
279
Израиль 11, 12, 22, 23, 120, 348, 437
Ильино 96, 98, 100, 101, 152, 268
Ильинская 281
Ильинцы 222
Илья 331
Ипатово 279
Испания 375, 380

Кабардино-Балкарня (Кабардино-
Балкарская АССР, Республика
Кабардино-Балкарня) 273, 284,
286
Каблоневка 32
Кавказ 97, 144, 162, 248, 272, 273, 277,
288, 289, 300, 367, 372, 396, 409,
410
Кагальницкая 275, 276
Кадино 258
Кадншкес 92
Кайзервальд (Саласпилс) 91, 92, 189,
236, 240, 409
Кайшядорис 311
Калачевский р-н 285
Калинин см. Тверь
Калининградская обл. 101
Калининдорфский р-н 411, 412
Калинино 363
Калининская обл. см. Тверская обл.
Калиповка 184
Калмыкия (Калмыцкая АССР, Рес-
публика Калмыкия) 19, 62, 273,
284, 286
Калуга 37, 46, 50, 58, 62, 65, 66, 96,
98, 99, 101, 109, 115, 119, 136, 150,
152, 166, 169, 228, 266, 267, 308,
309, 317, 430, 441
Калужская обл. 19, 266, 267, 286, 288,
313
Калусе 83

- Каменец 340
 Каменец-Подольск (Каменец-Подольский) 64, 83, 105, 142, 181, 182, 289, 445, 447
 Каменец-Подольская обл. см. Хмельницкая обл.
 Каменка 77, 286, 289
 Каменск-Шахтинский 275
 Камень 62
 Камень Каширский 326, 353, 357
 Камянка 349
 Кантемировка 285
 Карасубазар (Белогорск) 287
 Карачев 96, 98, 100, 101
 Карачаевск (Микоян-Шахар) 280
 Карачаевская АО 280
 Кардымово 260
 Карсава 91
 Каспля, Каспьянский р-н 257, 258, 440, 444
 Катовице 123
 Катънь 260, 261
 Каунас (Ковно) 30, 41, 53, 57, 105, 109, 110, 122, 126, 138, 145, 151, 153, 159, 180, 186, 187, 189, 207, 218, 219, 234, 236, 241, 242, 311, 334, 335, 354, 397, 400, 420, 457
 Келайняй 311
 Керчь 287
 Кивеле, лаг. 190
 Киев 6, 11, 13, 16, 19, 21, 30, 31, 35 38, 41, 42, 50, 52, 54, 58, 134, 135, 137, 181, 184, 195, 199, 223, 227, 231, 282, 290, 291, 301, 311, 317, 320, 321, 325, 353, 391, 415, 418, 419, 427, 436, 439, 442, 443, 446, 447, 453
 Киевская обл. 181, 182, 202, 293, 294
 Кисмилишки 92, 105
 Кингисепи 252
 Кировоград 181, 301
 Кировоградская обл. 84, 181, 293, 294, 313, 418
 Кисловодск 116, 117, 119, 143, 276, 277, 279, 409
 Китайгород 183
 Кицмань 78
 Кишинев 9, 63, 75, 76, 78, 112, 124, 146, 148, 165, 168, 180, 216, 289, 299, 300, 306, 329, 334
 Клайпеда 162, 233
 Клетня 97, 98, 101, 263
 Клецк 109, 122, 329, 340, 341, 352
 Климов 263
 Клин 270
 Клиницы 44, 46, 50, 96, 98, 100, 116, 172, 261, 262
 Клоога, лаг. 190, 236
 Клухори см. Карачаевск
 Кобе 382
 Кобрин 102, 242, 245, 331, 340, 421
 Ковель 84, 102, 108, 110, 134
 Ковно см. Каунас
 Ковшики 401
 Козаки 181
 Козарин 33
 Козин 83
 Койдановский р-н 439
 Колбасин (Лососно) 104
 Колдычево 105, 246
 Коломыя 102, 110, 122, 124
 Коктебельский р-н 282
 Константиновка 86
 Копайгород, Копайгородский р-н 322, 327
 Копыль 357
 Коростень 84
 Коссово 439
 Костополь 396
 Краков 332
 Красин 360
 Краслава 91
 Красноармейск 86
 Красногвардейск, Красногвардейский р-н 249, 253, 279, 280
 Краснодар 68, 116, 119, 281, 396
 Краснодарский край, Кубань 16, 19, 37, 62, 98, 117, 169, 228, 248, 281, 283, 284, 286, 315, 316, 427
 Краснодон 292
 Красное 188, 257, 260, 367
 Красный 99, 101, 258, 260, 312
 Краснянский р-н 261
 Кременец 20, 48, 102, 103, 121, 124, 294, 314, 316, 340, 342, 343, 423, 435
 Кременецкий р-н 122
 Кременчуг 85, 139, 151, 156, 167, 293, 425, 438, 441
 Кретинга 234

- Кривой Рог 84, 181
 Крозьяй 92
 Кропоткин 281
 Круглое 316
 Круспиле 237
 Крым (Крымско-Татарская республика) 28, 52, 61, 62, 87, 96, 100, 101, 143, 200, 216, 247, 248, 273, 277, 282, 284, 288, 289, 324, 361, 372
 Крюково 252
 Куба 382
 Кубань см. Краснодарский край
 Кудиркос-Науместис 92
 Кужорская 281
 Кузьмин 223
 Кузьминцы 64
 Кулдига 237
 Купин 83
 Купишкис 92
 Куралий 190
 Куринец 333
 Курск 271
 Курская 279
 Курская обл. 96, 167, 254, 270, 272, 286, 437
 Куяльник 445

 Лабинск 281
 Лабинская 281, 283, 315
 Лагеди, лаг. 190
 Ладожская 283
 Ладыжин 183
 Ладыженская 228
 Латвия (Латвийская ССР) 6, 13, 14, 30, 91, 92, 102, 106, 110, 133, 145, 175, 188, 190, 218, 220, 234, 237, 238, 240, 242, 247, 248, 254, 303, 304, 336, 361, 367, 372, 384, 409, 424, 452
 Латинская Америка 393
 Лахва 122, 329, 340, 342
 Левсковская вол. 440
 Лельчицы 226, 362
 Ленин, Ленинский р-н 64, 269
 Ленинград 144, 247, 248, 253, 273, 277, 368, 369, 389, 429
 Ленинградская 282
 Ленинградская обл. 61, 62, 96, 137, 185, 248, 249, 252, 253, 286, 288, 364, 365, 369, 372

 Лепель 242
 Летичев 182
 Лида, Лидский р-н 105, 245, 246, 329, 330, 351
 Лиспая, Лиспайский уезд 52, 92, 105, 106, 148, 207, 237, 240, 242, 304, 424
 Лиозно 401
 Лиссабон 154
 Литва (Литовская ССР) 6, 11, 14, 17, 30, 91, 93, 102, 106, 109, 133, 134, 148, 175, 179, 187, 188, 190, 213, 218, 220, 234, 237, 240, 242, 247, 303, 319, 325, 326, 330, 334, 335, 340, 354, 359, 361, 375, 380, 381, 384, 389, 396, 397, 399, 420, 424, 434, 451
 Литвиновка 276
 Литви, Литинский р-н 185, 321
 Логойщина 386
 Локоть 37
 Лодзь 183, 310, 414
 Локня 99, 101, 251
 Ломжа 28, 243
 Лондон 315, 347
 Лопавши 446
 Лопня 268
 Лососно см. Колбасин
 Луга, Лужский р-н 252, 364
 Луганск (Ворошиловград) 86
 Луганская обл. 290, 292
 Лудза 91
 Лунинец 421
 Луцк 50, 108, 110, 331, 340, 342
 Любавичи 96, 99, 101, 161, 167, 255, 256, 258, 260,
 Любешов 326
 Люблин 25, 379
 Людвиполь 110, 340
 Любомль 326, 331, 357
 Лысянки 182
 Львов 9, 41, 49, 51, 59, 75, 82, 83, 93, 103, 105, 107, 112, 114, 121, 123, 125, 128, 134, 140, 145, 151, 157, 161, 169, 172, 175, 176, 179, 181, 186, 190, 198, 215, 219, 222, 224, 227, 295, 306, 312, 313, 320, 321, 327, 328, 332, 333, 343, 346, 358, 383, 396, 414, 419, 420, 437, 438, 443, 448

- Львовская обл. (Львовщина) 181, 295, 439, 443
- Львов 272
- Ляды 169, 261, 332, 365, 388
- Ляцкорунь (Зарчанка) 83
- Ляховичи 340
- Ляховицы 83
- Мадагаскар, о. 25
- Майданек, лаг. 25, 398, 410
- Майкон 281
- Майнагола 92
- Макеевка 86
- Малая Вишера 253
- Малая Гать 265, 266
- Малоярославец 254, 267
- Малый Тростянец, лаг. 175
- Маневичи, Маневичский р-н 326, 353
- Маньчжоу Го 381
- Мариуполь 313, 395, 432
- Марковка 260
- Маркулешты 76
- Мартинская 279
- Мацковцы 182
- Мглин 97, 98, 100, 101, 263, 264, 307
- Меджибож 124
- Межапарк см. Рига
- Мексика 393
- Мелитополь 292
- Менжинск 284
- Меркине 92
- Мехелен 19
- Мечетинская 275, 276
- Мизочь 314, 326, 331, 340, 342
- Микоян-Шахар см. Карачаевск
- Микулино 95, 99, 101, 258
- Миллеровский р-н 275
- Милодово 430
- Минеральные Воды 278
- Минск 13, 16, 19, 20, 41, 51, 62, 89, 91, 93, 95, 107, 111, 124, 132, 133, 135, 137, 138, 142, 145, 169, 170, 172, 174, 175, 183, 186, 188, 189, 195, 198, 204, 206, 208, 226, 230, 236, 242, 243, 246, 320, 324, 328, 329, 333, 334, 350, 351, 355, 370, 396, 401, 402, 413, 423, 437, 441, 447, 453, 457
- Минская обл. 62, 88, 352, 360, 386, 400, 402, 444
- Мворы 61, 310, 326
- Мир 215, 329, 340, 341
- Мирополь 84, 231
- Михайловка 183, 279, 400
- Михайловский р-н 96
- Михайловская 282
- Михайловское 270
- Михалишок 92, 105, 326
- Могилев 37, 104, 154, 242, 243, 246, 308, 316, 323, 438
- Могилевская обл. 62, 88, 135, 242, 244, 400, 403
- Могилевский уезд 82
- Могилев-Подольск (Могилев-Подольский) 61, 82, 154, 297, 453
- Моглино 251
- Модлин 214
- Можайск, Можайский р-н 254, 270, 440
- Моздок, Моздокский р-н 176, 178, 284
- Мозырь 282
- Молдова (Молдавия) 9, 10, 13, 20, 28, 62, 75, 77, 78, 102, 104, 106, 180, 212, 216, 227, 233, 248, 262, 272, 273, 283, 288, 289, 299, 300, 303, 315, 334, 355, 361, 372, 389, 399, 423
- Молодечно 37, 68
- Монастырек 445
- Монастырщина (Смоленская обл.) 96, 99, 100, 149, 228, 255, 258, 260, 261, 440
- Монастырщина (Черкасская обл.) 84
- Морозовск (Морозовская) 275, 309, 313, 429
- Москва 11, 12, 19, 23, 39, 55, 56, 102, 198, 206, 211, 221, 247, 255, 256, 266, 267, 313, 315, 333, 354, 366, 368, 383, 389, 391, 400, 417
- Московская обл. (Подмосковье) 254, 270, 286, 288, 365, 372, 440
- Московское 279
- Мостовое 307
- Мотоль 245
- Мстиславль 257, 370
- Мукачево 87
- Мурафа, лаг. 63, 184
- Миенск 266
- Мышловичи 282
- Мюнхен 220
- Мядли 326

- Н. Архыз 280
 Навля 263
 Налибокская пуша 356, 402
 Нальчик 63, 97, 101, 119, 162, 284
 Нарва, лаг. 190
 Наро-Фоминск 270
 Нахичевань 274
 Невель, Невельский р-н 60, 95, 96, 99, 100, 101, 102, 116, 180, 249, 250, 413
 Нелидово 268
 Немаксай 92
 Немиров 142, 444
 Неморож 182
 Несвиж 11, 124, 164, 340, 342, 352, 357
 Нидерланды см. Голландия
 Николаев 30, 326
 Николаевская обл. 28, 78, 79, 82, 104, 128, 182, 290, 293, 295, 297, 313
 Никополь 84
 Новая Ушица 83
 Новгород 254
 Новгородская обл. 61, 96, 248, 253, 254, 286, 288
 Новоалександровская 279, 280
 Новоалексеевский р-н 282
 Ново-Деревянковская 282
 Новогрудок. Новогрудский округ 62, 90, 102, 121, 245, 325, 329, 331, 340, 359, 421
 Новодугино 260
 Новозыбков 262, 264
 Ново-Крестьянское 279
 Новоминская 282
 Новомосковск 438
 Новопавское 281
 Новоселица 296
 Новороссийск 116, 119, 145, 281, 282, 309, 315
 Новоселицкое 280
 Новоселье 249
 Новосокольники 251, 269
 Ново-Троицкая 279
 Новочеркасск 275
 Ново-Щербиновская 282
 Новый Оскол 271, 272
 Новый Свержень 311, 400
 Норвегия 393
 Н. Пиковка 294
 Нью-Йорк 7, 8, 347
 Обольцы 310
 Обоянь 272
 Обуховка 33
 Овруч 223, 343
 Одесса 13, 19, 28, 35, 41, 63, 74, 78, 79, 81, 82, 142, 156, 157, 162, 229, 233, 277, 282, 283, 289, 296, 297, 300, 309, 320, 322, 323, 333, 381, 414, 423, 441, 442, 445, 447, 453
 Одесская обл. 20, 29, 79, 81, 87, 104, 180, 290, 295, 297, 318, 423, 445, 447
 Озерная 181
 Озеряны 326
 Олевск 225
 Оленино 302
 Олешевичи 349
 Олыка 326, 357
 Ольшаны 182
 Опац 448
 Опочка 95, 99, 101, 250
 Оргеев 76, 77, 425
 Орел 15, 19, 41, 62, 96, 97, 99, 101, 117, 119, 167, 168, 254, 266, 271,
 Орешки 270
 Ориини 83
 Орловская 275
 Орловская обл. 67, 254, 261, 264, 265, 286, 364, 366, 370
 Орша, Оршанский р-н 14, 61, 88, 111, 243, 310, 314, 396
 Освенцим (Аушвиц, Биркенау), лаг. 25, 39, 87, 245, 335, 398, 406, 407, 409
 Осова 326
 Остер 258, 311
 Отланд 28, 30, 37, 38, 42, 57, 61, 79, 87, 89, 102, 105, 107, 134, 138, 149, 162, 174, 176, 183, 187, 189, 207, 238, 242, 246, 247, 253, 460
 Острин 329
 Остров, лаг. 185, 252
 Острог 122, 134, 340
 Отрадная 281
 Отрадный 169
 Очаков 425
 Ошмяны 92, 105, 110, 125, 127, 245, 329
 Павловск (Слуцк) 252, 253
 Павлоград 292
 Павурск 326

- Паланга 234
 Палестина 47, 84, 380, 393
 Паневежис 92, 105
 Париж 23, 406
 Пасвалис 92
 Первомайск 87, 313
 Первомайский 258, 281
 Перемышль 181
 Петергоф см. Петродворец
 Петровичи 62, 64, 95, 99, 101, 148, 169, 258, 260, 369
 Петродворец (Петергоф) 252, 253
 Петрокрепость см. Шлиссельбург
 Петропавловская 282
 Петрушина балка 274
 Печора 297
 Пилипоновка 326
 Пинск, Пинская обл. 14, 20, 59, 61, 63, 75, 88, 91, 109, 112, 114, 124, 126, 129, 132, 141, 142, 146, 151, 158, 175, 213, 226, 242, 243, 245, 246, 317, 369, 421, 431, 447
 Пирятин 85
 Погост 386
 Подорезск 355
 Полоцк 242, 243, 319, 367, 425
 Полесская обл. (Полесье) 30, 88, 226, 242, 325, 356, 360, 362, 369, 400
 Полонное 83,
 Полтава 73, 85, 293
 Полтавская обл. (Полтавщина) 290, 293, 294, 396
 Польша 8, 11, 16, 17, 39, 52, 83, 104, 106, 107, 109, 124, 125, 155, 161, 163, 164, 176, 213, 217, 219, 221, 225, 231, 232, 241, 246, 298, 311, 320, 346, 375, 376, 378, 379, 383, 384, 388, 408, 433, 457
 Понары 241, 335, 433
 Понизовье 260
 Поповцы 327
 Поречье 444, 453
 Поркунда, лаг. 190
 Португалия 154
 Порхов 185, 252, 336, 370
 Почеп 263, 264
 Починок 97, 99, 101, 257, 259
 Предгорный р-н 279
 Прейли 91
 Пречистое 260
 Прибалтика (страны Балтии) 7, 11, 12, 14, 16, 17, 25, 27, 28, 41, 91, 92, 138, 155, 186, 188, 196, 206, 212, 218, 220, 227, 232, 234, 238, 241, 242, 249, 267, 289, 300, 383, 384, 452, 453, 459
 Прилуки, Прилуцкий р-н 85, 183
 Припятские болота 199, 243
 Припять, р. 134
 Пролетарск 276
 Проскуров см. Хмельницкий
 Прудное 269
 Прудовая Поляна 260
 Пружаны 90, 112, 114, 139, 141, 169, 242, 245, 314, 329
 Прут, р. 77
 Прыща 368
 Псков 41, 47, 62, 93, 95, 99, 100, 137, 145, 240, 248, 249, 251, 336, 426, 446
 Псковская обл. 19, 60, 62, 63, 91, 96, 100, 116, 118, 180, 185, 248, 249, 251, 252, 267, 286, 288, 312, 337, 369, 370, 372, 402, 413, 428
 Пустошка 97, 99, 100, 101, 250
 Путки, лаг. 190
 Пучков 266
 Пушкин 15, 137, 252
 Пярну 93
 Пятигорск, Пятигорский р-н 59, 117, 119, 276, 278, 279, 396, 409
 Пятигоры 84
 Радзивиллов 326, 357
 Радомышль 84, 223
 Радушковичи 188, 326
 Райгород 84, 184
 Раков 421
 Расейняй 92
 Ратужень 76
 Рачевка 95
 Рафаловка 326, 446
 Ребельск 253
 Резекле 46, 91, 237
 Ремонтный 276
 Рсчица 243, 363
 Ржев 96, 97, 100, 101, 116, 119, 126, 254, 267, 269, 365
 Рига 11, 14, 30, 49, 61, 91, 92, 105, 116, 142, 159, 160, 186, 189, 206, 207,

- 219, 220, 235, 242, 315, 336, 396, 446, 457
- Ровно (Ривне) 30, 31, 41, 108, 110, 122, 124, 134, 141, 229, 409
- Ровенская (Ривненская) обл. (Ровенщина) 33, 83, 181, 185, 229, 293, 294, 312, 357, 366, 446
- Рогатин 110, 122
- Рогачев 447
- Рокитно 396
- Романов (Держинск) 84, 231
- Ромны 85
- Рославль 96, 99, 100, 255, 257, 259, 260, 365
- Россия (Российская Федерация, РСФСР) 4, 6, 7, 11, 15, 17, 19, 21, 23, 26, 28, 36, 38, 41, 44, 45, 50, 58, 59, 62, 71, 87, 88, 91, 93, 100, 101, 102, 106, 108, 115, 116, 119, 121, 126, 143, 144, 152, 169, 170, 177, 180, 196, 212, 227, 231, 233, 240, 242, 247, 254, 255, 261, 262, 271, 273, 282, 287—289, 291, 303, 336, 360, 364, 367, 369, 372, 380, 384, 388, 399, 437, 440, 452, 453, 463
- Россошь 285
- Ростов-на Дону (Ростов) 52, 58, 116, 119, 273, 274, 276, 282
- Ростовская обл. 248, 273, 274, 276, 281, 286, 302, 309, 313, 429
- Рубленица 77
- Рудницкая пуша 359
- Рудня 95, 99, 100, 152, 255, 257, 259, 260, 401, 429
- Ружаны, Ружанский р-н 84, 141, 355
- Руза 270
- Румыния 8, 10, 28, 75, 78, 82, 108, 124, 146, 147, 154, 156, 185, 190, 206, 210, 211, 289, 300, 303, 307, 313, 334, 375, 380, 384, 422, 423
- Рыбница, Рыбницкий уезд 76, 77, 427
- Рыльск 272
- Рындино 269
- Рязанская обл. 254, 276, 286
- Садагора 18
- Садки см. Смоленск
- Салакас 92
- Сяласпилс (Кайзервальд) 189
- Салос 92
- Сальск 275, 276
- Самбор, Самборский р-н 49, 420, 440, 448
- Сарны 111, 122, 143, 168, 185, 312, 360, 396
- Сафоново 260
- Сахаровка 77
- Свендяны (Швєнчєкис) 92, 105, 110, 236, 329, 335, 354, 397
- Свислочь, о. 359
- Святск, Святский р-н 263, 367
- Себеж 96, 99, 100, 101, 228, 249, 251
- Севастополь 287, 288
- Северная Осетия (Республика Северная Осетия — Алания) 177, 273, 284, 286
- Секурень 77
- Слищево 270, 440
- Семикоракорская 275
- Семино 443
- Сеницкое поле
- Сенно 111
- Сербия 206
- Сергиевская 281
- Серебрянка 446
- Серник 326
- Сябирь 25, 384
- Симферополь 52, 287, 367
- Скалат 352, 358, 400
- Скалос 105
- Скандинавия 25
- Сквир 92, 105
- Скидель 308
- Скирмунтово 439
- Скопин 270
- Славута 83
- Сланцевский р-н 253
- Слободка см. Одесса
- Словакия 49
- Слоним 63, 102, 126, 141, 214, 242, 245, 314, 331, 357
- Слуцк 244, 246, 351
- Смела 84
- Смоленск 7, 19, 41, 62, 95, 99, 101, 105, 119, 143, 149, 152, 167, 168, 172, 187, 197, 228, 256, 258, 260, 261, 367, 370, 395, 425, 435, 441, 446
- Смоленская обл. (Смоленщина) 15, 38, 62, 100, 116, 121, 126, 137, 145, 148, 157, 161, 185, 211, 215, 228,

- 249, 254, 255, 257, 258, 261, 264, 267, 272, 286, 288, 311, 312, 313, 337, 364 366, 368 370, 401, 430, 440, 444
- Смотрич 83
- СНГ 4, 11, 12, 19, 22, 23, 452, 453
- Собибор, лаг. 346, 351
- Соколовка 180, 181
- Советская 283
- Сокиряны 156
- Соленые 268
- Соломенка 280
- Сольцы 253
- Солянка 271
- Сороки 76, 355
- Сорочинцы 432
- Соски 190
- Сосновицы 223
- Солдато-Александровское 279
- Софиевка, Софиевский р-н 326
- Сошихинский р-н 251
- Спас-Деменск 267, 313
- Ставрополь (Ворошиловск, Ворошиловский р-н) 57, 58, 276, 279, 286, 396
- Ставропольский край 36, 97, 98, 248, 273, 276, 279, 280, 281, 286,
- Сталинград (Волгоград) 392, 408
- Сталинградская (Волгоградская) обл.
- Сталинская обл. см. Донецкая обл.
- Станислав 49, 50, 107, 145, 181, 292
- Станиславская обл. см. Ивано-Франковская обл.
- Старая Гать 264
- Старая Русса 61, 96, 99, 100, 253
- Старая Ушица 83
- Стародуб 96, 98, 100, 152, 262, 264, 337
- Старое Село (Минская обл.) 351, 437
- Старое Село (Ровенская обл.) 33
- Старожинец 78, 296
- Староконстантинов 83
- Старый Оскол 271, 272
- Сталино см. Донецк
- Степное 276, 279
- Стодолище 259
- Стокгольм 3, 11, 41
- Столбцы 215, 311
- Столпи 355, 421
- Стрибж 229
- Стрийский р-н 448
- Судаково 269
- Судж 272
- Суземка, Суземский р-н 263, 370
- Сумская обл. 36, 184, 290, 293
- Сумы 86
- Сураж 178
- Сургуново 269
- Сухиничи 267
- Сучава 78
- США 10, 11, 21 23, 27, 194, 195, 206, 239, 348, 374, 381, 383, 390, 393, 398, 451
- Сырец, лаг. см. Киев
- Сычевка 257, 259
- Таврия 30
- Таганрог 115, 117, 181, 273, 274, 430
- Таллинн (Таллин) 15, 207, 240
- Талси 237
- Тальное 321
- Таневичи 349
- Тарасовка 182
- Тарнов 122, 175
- Тарту (Дерпт) 93, 240
- Татарск 96, 99, 100, 119, 121, 256, 259, 260, 308, 337
- Ташкент 47
- Тверская (Калининская) обл. 19, 50, 61, 96, 100, 116, 126, 185, 227, 249, 254, 266, 268, 286, 288, 302, 365, 372
- Тверь 266, 267, 269, 271
- Теберда 280
- Тельмановский р-н 287, 302
- Тельшай 92
- Темриговская 282
- Темрюк 281
- Теплик 326
- Терновка 82, 105
- Тернополь 82, 107, 110, 142, 181, 222, 328, 358
- Тернопольская обл. (Тернопольщина) 28, 82, 102, 181, 295, 342, 400
- Тигин 76
- Тимашевская, Тимошевский р-н 281, 282
- Тирасполь, Тираспольский уезд 76, 77, 300
- Тисменичаны 440

- Титовка 260
 Тихвин 253
 Тихиль 260
 Тихорецкая 281, 283
 Тлумач 358
 Товмач 420
 Товта 418
 Толочин 314
 Тоннельная 309
 Торопец 50, 61, 96, 100, 101, 116, 119, 227, 268, 269
 Торнин 326
 Тракай 92
 Трансильстрия 9, 10, 13, 20, 36, 63, 78, 79, 81, 82, 89, 104, 108, 112, 120, 121, 127, 135, 146, 148, 152, 155, 157, 158, 174, 183, 206, 211, 233, 289, 295, 297, 299, 300, 306, 308, 322, 331, 332, 372, 415, 423, 442, 443, 461
 Треблинка, лаг. 52, 245
 Трихаты 183, 184
 Тростянец лаг. 230
 Трубчевск, Трубчевский р-н 263, 364
 Труновка, Труновский р-н 279, 280
 Тукумс 237
 Тульская обл. 254, 269, 270, 286, 288
 Тульчин 184, 297
 Туманов 260
 Турбов 222
 Туровский р-н 362
 Турчаншновка 84
 Тучин 110, 331, 340, 341, 346
 Тюрново 369
 Уварово 270
 Удобная, Удобненский р-н 282
 Узда 227
 Узловский р-н 269
 Украина 7, 9, 12, 13, 17, 18, 21, 25, 26, 28, 30, 33, 35, 38, 41, 42, 44, 45, 50, 51, 54, 56, 61, 63, 64, 77, 78, 81, 83, 87, 88, 90, 102, 105, 106, 110, 111, 133, 136, 138, 143, 144, 149, 151, 155, 168, 170, 179, 180, 186, 187, 189, 191, 195, 196, 199, 205, 212, 213, 215, 220, 221, 223, 225, 227, 229, 233, 238, 244, 247, 255, 262, 272, 273, 275, 277, 282, 285, 287, 289, 291, 294, 297, 298, 308, 310, 313, 319, 323, 324, 333, 340, 343, 348, 351, 353, 355, 357, 359, 362, 372, 378, 379, 384, 392, 396, 399, 410, 411, 419, 420, 424, 438, 439, 452, 453, 460
 Уланов 184
 Умань 61, 63, 84, 181, 324, 326, 431, 439
 Унеча 96, 98, 100, 101, 262, 264, 369
 Ушив 419
 Урал 205
 Урицк 253
 Усвяты 152, 167, 215, 251, 337, 367
 Усть-Лабинская 228, 281, 282
 Фатсж 272
 Федоровка 269
 Федоровское 270, 440
 Фельштин 182
 Феодосия 42, 63, 87, 97, 100, 287, 324, 395
 Финляндия 254
 Фификона, лаг. 190
 Форт IV, VII, IX см. Каунас
 Франция 11, 53, 190, 241, 246, 355, 376, 383, 421
 Фреда, лаг. 190
 Фэлэшт 77
 Хайфа 381
 Харку 93
 Харьков 11, 16, 19, 35, 85, 109, 135, 137, 139, 291, 292
 Харьковская обл. 290, 292
 Хворостово 367
 Херсон 50, 445
 Херсонская обл. 181, 293, 294, 411
 Хиславичи 62, 96, 99, 101, 119, 121, 135, 167, 171, 172, 255, 257, 259, 260, 261, 312, 440
 Хмельник 61, 63, 85, 105, 109, 323
 Хмельницкая (Каменец-Подольская) обл. 83, 139, 181, 182, 223, 293, 294, 313, 343, 445
 Хмельницкий (Проскуров) 83, 181, 182, 184, 323
 Ходыженская 281
 Холм 253, 254
 Хорол 85, 396
 Хотимск 62
 Хотин 78, 156

Чашники 62, 64, 111
Чемуровцы, Чемуровецкий р-н 83, 445
Червень 133, 330, 413
Червоноармейск 83
Черкасская обл. 61, 84, 182, 293, 294, 321
Черкесск 279, 281, 282
Черневка 244
Чернигов 38, 50, 60, 61, 137
Черниговская обл. 33, 66, 85, 183, 290, 293
Черновицкая обл. 20, 82, 127, 295
Черновицы (Черновцы), Черновицкий уезд 19, 78, 81, 120, 147, 154, 156, 162, 163, 165, 172, 174, 183, 295, 306, 307, 413
Черновцы (Винницкая обл.) 327
Чернолесское 280
Чехия (Чехословакия) 83, 89, 185, 190, 193, 206, 237, 246, 298
Чечельник, Чечельницкий р-н 322, 327, 353
Чихачево 185, 268
Чуднов (Дивак) 84, 223
Чудово 253

Шавли см. Шяуляй
Шамово 256
Шаргород, Шаргородский р-н 82, 322
Шарковщина 310, 329
Шатск 326, 333
Шахты 275
Швенченис см. Свенцяны
Швеция 11, 451
Шеварга 428
Шевченковская 282
Шибнево 260
Ширвинтос 92
Шлиссельбург (Петрокрепость) 253
Шпаковский р-н 280
Шпола 84, 150

Штутгоф. лаг. 240
Штутгарт 209
Шумячи 96, 99, 256, 259, 260
Шяуляй (Шавли) 20, 92, 105, 122, 148, 151, 158, 165, 180, 187, 189, 210, 234, 237, 240, 242, 306, 354, 397

Щедрин 386
Щетинка 271
Щорс (Сновск) 85
Щуплово 269

Эвиан 375
Эйшишкес 326
Элиста 62, 284, 285
Эреда, лаг. 190
Эстония 17, 30, 61, 93, 102, 175, 180, 188, 191, 200, 206, 219, 234, 236, 240, 248, 250, 252, 254, 288, 299, 303, 346, 389, 399

Югославия 457
Южный Буг, р. 28, 105, 181, 326, 461
Юзовка см. Донецк
Юшково 268

Яворов 110, 121, 127
Якторов 419
Якушинцы 182
Ялта 60, 62, 87, 96, 100
Яновичи 111, 439
Яновский, лаг. см. Львов
Япушполь 84
Япония 381, 382
Ярмолинцы 318, 343
Ярослав 122
Ярославская 282
Яруга 445
Ярунь 84
Ярцево, Ярцевский р-н 259, 260
Яссы 299
Яунелгава 91

Оглавление

Вместо предисловия	3
Введение	5

Глава 1

НАЦИСТСКИЙ ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ И ЕВРЕИ СССР

1.1. «Новый порядок»	24
Генеральный план «ОСТ»	24
Зоны оккупации	27
Репрессии против мирного населения	30
Ограничения прав и свобод	34
Уничтожение цыган и советских военнопленных	38
1.2. Антисемитская пропаганда	40
Периодическая печать на оккупированной территории	40
Формы антисемитской пропаганды	43
Информация о Холокосте	49
Антисемитская пропаганда в изданиях ОУН	54
1.3. Социально-правовое положение евреев	57
Статус «неарийца»	57
Регистрация и идентификация	58
Изоляция еврейского населения	65
Экономические и бытовые условия	66
Ограничения личных прав	69

Глава 2

ГЕТТО НА ТЕРРИТОРИИ СССР

2.1. Организация гетто	71
«Открытое» и «закрытое» гетто	71
Гетто в Молдавии	75
Гетто в Украине	77
Гетто в Белоруссии	87
Гетто в Прибалтике	91

Гетто в России	93
Количество гетто	101
2.2. Юденраты. Еврейская полиция	105
Создание, структура и состав юденратов	105
Юденраты на территории России	115
Деятельность и судьба руководителей юденратов	120
Еврейская полиция	125
2.3. Повседневная жизнь в гетто	130
Конфискации. Контрибуции. Штрафы	130
Жилье. Топливо. Питание	148
Медико-санитарное обслуживание	155
Религиозная, культурная и педагогическая деятельность	160
2.4. Принудительный труд	166
Принудительные работы	166
Квалифицированный труд	169
Рабочие лагеря	180
2.5. Ликвидация гетто	186
Этапы ликвидации гетто	186
Концентрационные лагеря	189

Глава 3 ХОЛОКОСТ ЕВРЕЕВ СССР: ЗАМЫСЕЛ, ХОД, ИТОГИ

3.1. Организаторы. Палачи. Пособники	193
Организаторы «окончательного решения»	193
Палачи	211
Пособники	216
Этапы уничтожения советских евреев	232
3.2. Уничтожение евреев в Прибалтике и Белоруссии	234
Холокост в Литве, Латвии и Эстонии	234
Холокост в Белоруссии	242
3.3. Истребление евреев России и Крыма	247
Уничтожение евреев на Северо-Западе	248
Холокост в Центральной России	254
Уничтожение евреев на Юге России и Северном Кавказе	272
Холокост в Крыму	287
3.4. Убийство евреев Украины и Молдавии	289
Холокост в Украине	289
Уничтожение евреев Молдавии	299
3.5. Евреи-военнопленные	300

Глава 4 СОПРОТИВЛЕНИЕ

4.1. Невооруженное сопротивление	305
Моральное сопротивление	305
Индивидуальное сопротивление	308
Физическое сопротивление	317
4.2. Организованное сопротивление	319
Евреи-подпольщики	320
Подпольные организации в гетто	325
Восстания в гетто	338
4.3. Евреи-партизаны	347
Евреи в советском партизанском движении	347
Еврейские партизанские отряды и семейные лагеря	356
Командиры партизанских подразделений	360
Евреи-партизаны на территории России	364

Глава 5 ОБЩЕСТВО И ХОЛОКОСТ

5.1. Кремль и Холокост	373
Реакция на преследование евреев Германии	373
Еврейские беженцы	378
Реакция на Холокост	385
5.2. Советское общество и Холокост	399
Партизаны и Красная Армия	399
Тема Холокоста в пропаганде	408
Антисемитизм в советском тылу	411
Запрет на память о Холокосте	413
5.3. Население на оккупированных территориях и Холокост	417
Холокост и церкви	417
Они были рядом... ..	424
Спасение евреев	436
Заключение	454
Список сокращенных слов	464
Примечания	466
Географический указатель	525

Altman I. A.

Victims of Hate. The Holocaust in the USSR 1941—1945

This book is the first comprehensive exploration of the history of the Holocaust and Jewish resistance in the occupied territories of the USSR. Based on documents from 27 Russian and foreign archives, the author examines the history of the Holocaust as an all-embracing genocide of Soviet Jews in the context of World War II history. Particular attention is devoted to antisemitic propaganda, statistics relating to the ghettos and victims of the Holocaust, the confiscation of Jewish property, the daily life of prisoners, and also to the attitude of Soviet leadership and society to the genocide of the Jews. Many aspects of the history of the Holocaust on Russian territory are brought to light for the first time.

The book is intended for specialist historians, teachers and students, but also for all those who are interested in the history of the Great Patriotic and Second World War.

Альтман И.А.

А 587 Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941—1945 гг. — М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2002. — 544 с. — (Анатомия Холокоста).

Эта книга — первое обобщающее исследование по истории Холокоста и еврейского Сопротивления на оккупированной территории СССР. Основываясь на документах 27 российских и зарубежных архивохранилищ, автор рассматривает историю Холокоста как комплексный геноцид советских евреев в контексте истории Второй мировой войны. Особое внимание уделено антисемитской пропаганде; статистике гетто и жертв Холокоста; конфискации еврейской собственности; повседневной жизни узников, а также отношению советского руководства и общества к геноциду евреев. Впервые освещены многие аспекты истории Холокоста на территории России.

Книга рассчитана на специалистов-историков, преподавателей, студентов, а также всех, кто интересуется историей Великой Отечественной и Второй мировой войн.

ISBN 5-89048-110-X

УДК 930
ББК 63.3-36

Фотографии на обложке представлены
фондом «Ковчег» и автором

Илья Александрович Альтман
ЖЕРТВЫ НЕНАВИСТИ
Холокост в СССР 1941—1945 гг.

Авторская редакция

Технический редактор *Е. Кузьмина*

Корректор *А. Лазуткина*

Компьютерная верстка *Л. Фирсовой*

ЛР № 00473 от 25.11.1999

Подписано в печать 05.09.2002. Формат 84x108/32. Гарнитура таймс

Печать офсетная. Бумага писчая. Усл. печ. л. 28,56. Уч.-изд. л. 37,2

Тираж 2 000 экз. Заказ № 2443. С 143

Набор и верстка выполнены ООО «Коллекция «Совершенно секретно»
125009, Москва, Б. Никитская ул., д. 22, офис 12
(Юридический адрес: 109004, Москва, ул. Земляной Вал, д. 64, стр. 1)

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 5-89048-110-X

9 785890 481108 >

Холокост (Holocaust) — от древнегреческого *Holocaustosis*, означающего «всесожжение», «уничтожение огнем», а также «жертвоприношение посредством огня». В современной научной литературе и публицистике обозначает политику нацистской Германии, ее союзников и пособников по преследованию и уничтожению евреев в 1933—1945 гг. Впервые был использован будущим лауреатом Нобелевской премии мира писателем Эли Визелем как символ газовых камер и крематориев лагерей уничтожения. После всемирной премьеры в 1978 г. одноименного американского многосерийного телевизионного фильма термин «Холокост» активно применяется для названия музеев, мемориалов и образовательных центров. В Израиле и некоторых других странах используется также термин **Шоа** (Shoah), обозначающий «Катастрофа европейского еврейства» в указанных выше хронологических рамках.

